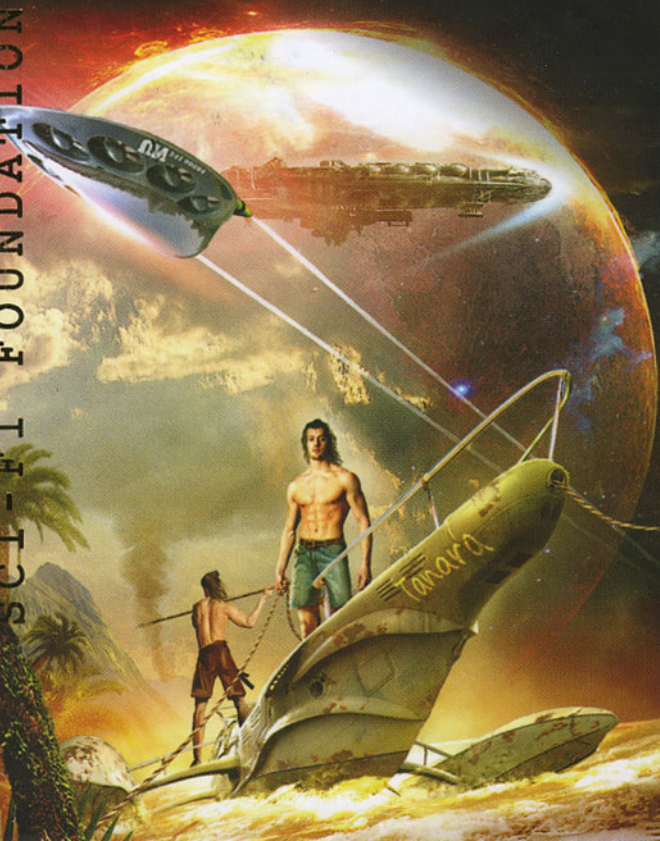
Весь

КЛАРК

ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION



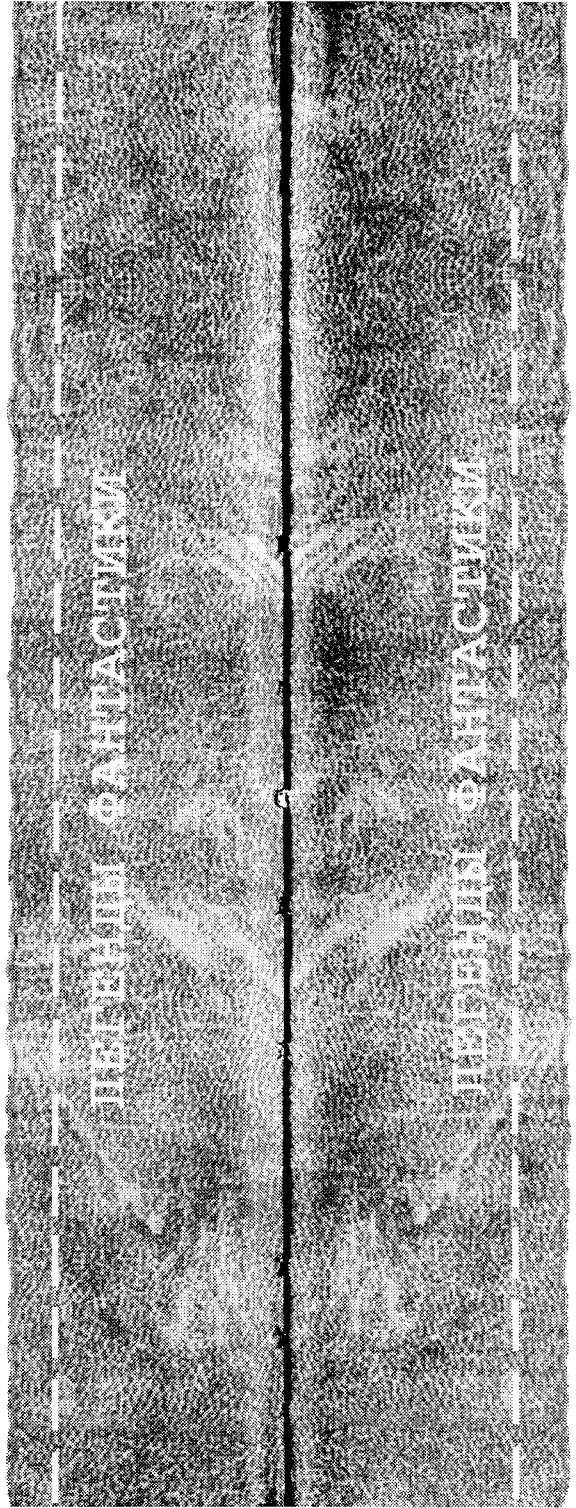
Весь

КЛАРК

Весь

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА
ГОРОД И ЗВЕЗДЫ
СВИДАНИЕ С РАМОЙ
ФОНТАНЫ РАЯ
КОСМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ
ДЕВЯТЬ МИЛЛИАРДОВ ИМЕН БОГА
КОЛЫБЕЛЬ НА ОРБИТЕ
ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ



Артур

КЛАРК

ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 47

Arthur C. Clarke

The Songs of Distant Earth

THE SONGS OF DISTANT EARTH
© 1986 by Arthur C. Clarke
THE GHOST FROM THE GRAND BANKS
© 1990 by Arthur C. Clarke
THE HAMMER OF GOD
©1993 by Arthur C. Clarke

This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd and Synopsis Literary Agency

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Кларк А.

К 47 Песни далекой Земли : [пер. с англ.] / Артур Кларк. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 608 с. — (Весь Кларк).

ISBN 978-5-699-48934-3

Артур Ч. Кларк — известный ученый, изобретатель и футуролог, а также один из самых эрудированных писателей планеты. Созданные им рассказы и романы – не просто увлекательная научная фантастика. Это громадный вклад в коллекцию лучших литературных произведений планеты.

Роман «Призрак исполина» публикуется на русском языке впервые.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-699-48934-3

© Плешков К., Кисленкова Е., Сосновская Н., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

Тамаре и Шерин, Валери и Гектору —
за любовь и преданность

Но нигде во всем мирозданиu, ни на одной из тысяч планет нет никого, кто смог бы разделить с нами одиночество. Найдется ли мудрый разум или иная могучая сила, которая из самых пределов пространств вглядится в наше захолустье, погруженное во мрак космической пыли, и направит на нас удивительные устройства? Будут ли их создатели испытывать ту же тоску, что и мы? Однако само естество жизни и законы эволюции дают ответ: нигде и никогда более людей нам не повстречать...

Лорен Эйсли. Нескончаемое путешествие (1957)

Я написал крамольную книгу и ощущаю себя чистым и непорочным, словно агнец.

Мелвилл — Хоторну (1851)

ОТ АВТОРА

В основу этого романа легла идея, развитая мной в рассказе с таким же названием (в последний раз он был опубликован в моем сборнике «По ту сторону неба»). Новая версия была написана под впечатлением — крайне негативным — от космоопер, которыми нас с некоторых пор в бешеном темпе обстреливают телевизионные и киноэкраны. Не поймите превратно: я очень высокого мнения о «Звездном пути» и об эпосе Лукаса и Спилберга, да и некоторые менее известные образчики жанра мне пришлись по душе. Но все это фэнтези, а не научная фантастика в строгом смысле термина. Сегодняшняя наука почти не верит, что в реальной Вселенной удастся преодолеть скорость света. Даже самые близкие звезды разделены десятками, если не сотнями световых лет, и никакой «двигатель искривления» не перенесет нас из серии в серию за неделю. Почему-то всемогущий небесный Продюсер в своем плане этого нюанса не предусмотрел.

За последнее десятилетие произошла изрядная и удивительная перемена в отношении ученых к теме инопланетного разума, которая до шестидесятых годов разве что у писателей-фантастов имела сомнительный авторитет. Но 1966-й стал поворотной точкой: тогда была опубликована книга Шкловского и Сагана «Разумная жизнь во Вселенной».

Но сейчас идет отрицательная реакция. Все старания найти хоть малейший след чужого разума потерпели полный крах. Наши огромные антенны могут с легкостью поймать сигнал далекой звезды — однако этого до сих пор не случилось. Все больше разочарованных ученых присоединяется к унылому хору: «Наверное, мы одиноки во Вселенной...» Доктор Франк Типлер, наиболее известный защитник этой

© Перевод К. Плешкова.

позиции, довел саганистов до неистовства (без сомнения, нарочно), дав своей очередной статье провокационнное название «Разумных инопланетян не существует». На это Карл Саган возразил (и я с ним согласен), что слишком рано делать столь далеко идущие выводы.

Сейчас идет война контрверсий; кем-то метко подмечено, что каждый новый вопрос приводит к новому клинчу. И выйти из патовой ситуации позволит лишь тот ответ, который будет опираться на прямые доказательства, а не на логические умозаключения, сколь бы убедительными они ни казались. Я был бы рад, если бы эта бесплодная дискуссия лет на десять-двадцать ушла в нети — пусть тем временем радиоастрономы кропотливо и тихо вылавливают крупицы доказательств в космических потоках, подобно тому как старатели намывают золотой песок.

По своему обыкновению, я попытался создать вполне реалистичное художественное произведение на фантастическую тему, в этот раз на тему межзвездных путешествий. В «Прелюдии к Космосу» (1951) я, опираясь на тогдашний уровень технологии, описал первый полет космического аппарата за пределы земной гравитации; точно так же и здесь нет ничего противоречащего известным законам природы. Единственная слишком смелая экстраполяция — «квантовый двигатель», но даже у него вполне респектабельная «родословная» (см. «Признательность»). На тот случай, если он окажется несбыточной мечтой, у нас есть несколько запасных вариантов. И если мы, первобытные люди из двадцатого века, сумели их вообразить, нет сомнений: наука будущего обязательно найдет гораздо более эффективные способы.

Артур Ч. Кларк
Коломбо, Шри-Ланка
Июль 1985

Часть I
ТАЛАССА

1
ПЛЯЖ В ТАРНЕ

Еще до того, как лодка миновала риф, Мирисса поняла, что Брант не в духе. Он напряженно склонился над рулем, не доверив последний участок пути даже опытному Кумару. Девушка выбралась из тени пальм и медленно зашагала вдоль пляжа, увязая во влажном песке. Когда она добралась до кромки воды, Кумар уже сворачивал парус. Ее младший брат — почти догнавший ее ростом мускулистый парень — весело помахал рукой. Беззаботный, неподвластный никаким жизненным передрягам Кумар... Мирисса не раз жалела, что Брант не такой.

Шкипер не стал ждать, пока лодка коснется песка. Он спрыгнул в воду, когда та была ему по пояс, и сердито зашагал навстречу Мириссе, держа в руках кусок металла с торчащими во все стороны проводами.

— Смотри! — крикнул он, протягивая находку девушке.— Опять они!

Брант указал свободной рукой на север.

— Теперь я точно этого так не оставлю! И плевать, что говорит мэр!

Мирисса отошла в сторону, пропуская маленький катамаран с гребными колесами по бортам, неторопливо, подобно доисторическому животному, выползающий из воды. Когда судно добралось до берега, Кумар заглушил двигатель и спрыгнул на песок.

— Я все твержу Бранту,— заговорил он, подойдя к начальнику,— что это просто случайность. Может, якорем зацепили. Северянам-то зачем такое устраивать?

— Я тебе скажу зачем,— возразил продолжавший злиться Брант.— Эти лентяи не способны разрабатывать технологии. Они боятся, что мы станем ловить больше рыбы. Они...

Заметив улыбку на губах Кумара, Брант швырнул в него свою железяку. Парень с легкостью поймал ее.

— Допустим, это действительно случайность. Даже если так, здесь все равно нельзя бросать якорь. Район четко отмечен на карте: «Не заходить! Ведутся исследовательские работы». Так что я все-таки собираюсь заявить протест.

К Бранту вернулось хорошее настроение. Самые жестокие приступы ярости редко продолжались у него дольше нескольких минут. Мирисса успокаивающе погладила его по спине.

— Добыл что-нибудь?

— Нет, конечно,— ответил за Бранта Кумар.— Из добычи его интересует только статистика — сколько мощности израсходовано на единицу массы и тому подобная чушь. К счастью, я захватил удочку, так что на ужин будет тунец.

Он полез в лодку и вытащил почти метровую рыбу — воплощение силы и красоты. Но чешуя успела потускнеть, а глаза остекленели.

— Нечасто такие экземпляры попадаются,— гордо заявил он.

Пока они разглядывали добычу, на Талассу вернулась История. В простой беззаботный мир, знакомый молодым людям всю их недолгую жизнь, внезапно пришли перемены.

Первым знаком стала пересекшая небо черта — словно гигантская рука провела по голубому небосклону куском мела. Края сверкающего следа начали распадаться на множество облачков прямо на глазах. Казалось, будто через небосклон перебросили снежный мост.

Откуда-то издалека донесся раскат грома. Подобного звука Таласса не слышала уже семьсот лет, но любой ребенок узнал бы его сразу.

Несмотря на теплый вечер, Мирисса вздрогнула и сжала руку Бранта. Мужчина не почувствовал касания, увлеченный видом расколотого неба.

Даже Кумар выглядел ошеломленным. Однако он опомнился раньше других.

— Похоже, какая-то колония нас нашла.

Брант медленно покачал головой, хотя и без особой уверенности.

— Зачем? У них наверняка есть старые карты. Должны знать, что Таласса почти вся покрыта океаном. Лететь сюда бессмысленно.

— Научный интерес? — предположила Мирисса.— Посмотреть, что с нами стало? Я всегда говорила: нужно восстановить связь...

Это был старый спор, вспыхивающий каждые несколько десятилетий. Многие соглашались, что надо бы поставить на Восточном острове большую тарелку вместо уничтоженной во время извержения Кракана четыреста лет назад. Но всегда находились дела поважнее или, проще говоря, поинтереснее.

— Постройка звездолета — гигантский проект,— задумчиво проговорил Брант.— Сомневаюсь, что колонии могут себе это позволить. Разве что не останется другого выхода. Как на Земле...

Голос его оборвался. Прошли столетия, но слово это все еще нелегко было произносить.

Все как один повернулись к востоку. Оттуда, со стороны моря, быстро надвигалась экваториальная ночь.

В небе уже появились звезды. Прямо над пальмами висело маленькое созвездие Треугольника, которое невозможно спутать ни с чем. Три его звезды почти не отличались по величине. Но было время, когда возле южной оконечности созвездия несколько недель пылала еще одна звезда, во много раз более яркая.

В хороший телескоп можно разглядеть то, что осталось от этого светила. Однако никакие приборы не покажут вращающийся вокруг него обугленный шар, когда-то бывший планетой Земля.

2
КРОШКА-НЕЙТРОН

Более тысячи лет назад один великий историк назвал период с 1901 по 2000 год «столетием, когда все началось». Люди того времени согласились бы с такой формулировкой, добавлял ученый.

Они бы отметили — с вполне заслуженной гордостью — научные достижения той эпохи: покорение воздуха, освоение атомной энергии, открытие основных законов генетики, революцию в электронике и связи, заложение основ искусственного интеллекта и, как наиболее впечатляющие, исследования Солнечной системы и первую высадку на Луну. Однако, как указывал историк, вряд ли даже один из тысячи слышал об открытии, которое во много раз превосходило все остальные, угрожая сделать их полностью бессмысленными.

Открытие это было побочным продуктом исследований Беккереля и выглядело столь же безобидным и далеким от жизни, как его эксперименты. Кто мог ожидать, что результатом затемнения на фотопластинке в лаборатории французского физика пятьдесят лет спустя станет ядерный гриб над Хиросимой?

Природа — строгий ревизор, тщательно проверяющий баланс. Потому физиков крайне озадачило открытие ряда ядерных реакций, в уравнениях которых словно не хватало слагаемого.

Подобно бухгалтеру, спешно пополняющему кассу, чтобы на шаг опередить аудиторов, ученым пришлось ввести в расчеты новую частицу, причем весьма своеобразную. Она не имела ни заряда, ни массы и обладала столь фантастической проницаемостью, что могла беспрепятственно проходить сквозь толщу свинца в миллиарды километров.

Частицу назвали нейтрино — «маленький нейтрон». Казалось, не было шансов обнаружить что-то столь неуловимое. Однако в 1956 году благодаря героическим усилиям разработчиков измерительной аппаратуры физики-практики сде-

лали невозможное. Это событие стало праздником и для теоретиков, нашедших подтверждение своим неправдоподобным уравнениям.

Остальная же часть человечества ничего об этом не знала и особо не беспокоилась. Но отсчет времени до Судного дня уже начался.

3
СОВЕТ ПОСЕЛКА

Исправность местной сети Тарны никогда не превышала девяноста пяти процентов. При этом восемьдесят пять узлов из ста всегда были загружены. Почти все оборудование на Талассе проектировали гении далекого прошлого. Сеть не была исключением. Поэтому вероятность серьезной аварии стремилась к нулю. Система работала бы даже в случае выхода из строя значительной части аппаратуры, пока кто-нибудь, потеряв терпение, не починил бы ее наконец.

Инженеры называют такой процесс постепенной деградацией. По мнению некоторых циников, то же самое можно было сказать о жизни на Талассе в целом.

Судя по данным центрального компьютера, сеть работала в пределах стандартных девяноста пяти процентов. Мэр Уолдрон с радостью согласилась бы и на меньшее. За последние полчаса ей не позвонил только ленивый. В здание администрации набилось больше людей, чем могло там разместиться, не стесняя друг друга; о том, чтобы всех рассадить, и речи не шло. Не меньше полусотни взрослых и детей столпились в одном помещении. Кворум для обычного собрания составлял двенадцать человек, и иногда, чтобы его собрать, требовались драконовские меры. Остальные пятьсот шестьдесят жителей Тарны предпочитали отсиживаться в уютных домиках и голосовали, только если предмет их действительно интересовал. Мэру звонили из канцелярии президента, из службы новостей Северного острова и дважды от губернатора провинции. Вопросы не отличались ориги-

нальностью и осмысленностью. Ответ был общим для всех: «Разумеется, мы вам сообщим, если что-то случится. Спасибо, что интересуетесь».

Мэр Уолдрон не любила происшествий, вызывающих сильное волнение. Она построила более-менее успешную карьеру, стараясь их избегать. Конечно, удавалось это не всегда; вряд ли ее запрет мог изменить направление урагана девятого года, который и поныне оставался самым заметным событием столетия.

— Тишина, пожалуйста! — прикрикнула она.— Рина, оставь в покое раковины, не для того их расставляли! Тебе давно пора в постель! Билли, вон из-за стола, кому сказала?!

Порядок восстановился удивительно быстро — жителям поселка не терпелось выслушать мэра. Глава администрации перевела звонок на центр сообщений и отключила настойчиво пищащий телефон.

— Честно говоря, я знаю немногим больше, чем вы. И в ближайшие часы вряд ли выяснится что-то новое. Могу сказать только, что это космический корабль и он уже вошел в атмосферу, когда пролетал над нами. Рано или поздно он вернется к Трем островам. На Талассе больше негде приземлиться. Но чтобы облететь планету, кораблю понадобится несколько часов.

— Радиосвязь установить пытались? — поинтересовался кто-то.

— Да. Пока безрезультатно.

— Может быть, не стоит себя раскрывать? — послышался другой голос, встревоженный.

Наступила недолгая пауза. Затем советник Симмонс, больше всех досаждавший мэру, недовольно воскликнул:

— Смешно. Нас найдут минут за десять, что ни предпринимай. Наверняка у пришельцев есть координаты.

— Согласна с советником,— заявила мэр Уолдрон, радуясь редкой возможности не вступать в спор.— На любом корабле с колоний должны быть карты Талассы, пусть даже тысячелетней давности. Уверена, место Первой высадки на них отмечено.

— Но предположим, что это инопланетяне. Просто предположим.

Мэр вздохнула. Ей всегда казалось, что вера в пришельцев с других миров скончалась естественной смертью много веков назад.

— Нет никаких инопланетян,— твердо заявила она.— По крайней мере, достаточно разумных для космических полетов. Конечно, стопроцентной уверенности быть не может. Но ученые Земли искали их тысячу лет с помощью всех мыслимых приборов.

— Есть еще вариант,— вступила в разговор Мирисса.

Вместе с Брантом и Кумаром она стояла у дальней стены. Все повернулись к девушке. Такое внимание раздосадовало Бранта. Он любил Мириссу, но порой ему хотелось, чтобы она поменьше знала. Иногда он жалел, что пять поколений ее семьи заведовали архивами.

— Какой вариант, дорогая?

На этот раз расстроилась Мирисса, хотя и пыталась всеми силами скрыть досаду. Ей не нравилось снисхождение пусть сообразительного, даже хитрого, но не слишком умного человека. При этом заигрывания мэра Уолдрон с Брантом нисколько Мириссу не беспокоили, скорее забавляли. Более того, она слегка сочувствовала пожилой женщине.

— Возможно, это робот-сеятель, вроде того, что доставил на Талассу образцы генов наших предков.

— Сейчас? Столько лет спустя?

— Почему нет? Первые сеятели развивали скорость в несколько процентов скорости света. На Земле совершенствовали корабли, пока она не перестала существовать. Поздние модели были почти в десять раз быстрее, лет за сто они нагнали устаревшие, многие из которых наверняка до сих пор в пути. Согласен, Брант?

Мирисса старалась втянуть его в любую дискуссию. И всякий раз молодому человеку полагалось считать, что он сам начал спор. Ей вовсе не хотелось напоминать о своем превосходстве.

Будучи одной из самых умных жительниц Тарны, Мирисса порой чувствовала себя одиноко. На Трех островах проживало с полдюжины людей ее уровня. Общались они в основном по Сети. Настоящие встречи случались редко, но никакие технологические ухищрения, даже спустя столько тысячелетий, не могли полностью заменить живой разговор.

— Интересная мысль,— кивнул Брант.— Может, ты и права.

Хотя история не была его коньком, Брант Фальконер знал о запутанной цепи событий, приведшей к колонизации Таласса.

— И что мы будем делать,— поинтересовался он,— если нас попытаются колонизировать заново? Скажем: «Спасибо большое, как-нибудь в другой раз»?

Послышались нервные смешки, затем советник Симмонс задумчиво заметил:

— С кораблем-сеятелем разберемся. Сомневаюсь, что роботы не отменят программу, ведь задача уже выполнена. Вряд ли они настолько глупы.

— Хочется верить. А если они решат, что сделали бы лучше? Одно ясно: с Земли этот корабль или из колоний, управляется он роботами.

Вдаваться в подробности не было нужды. Каждый знал, насколько сложен и дорог пилотируемый межзвездный перелет. В тысячу раз дешевле отправить робота. Путешествие с человеком на борту, конечно, возможно, но какой в нем смысл?

— Робот, реликт... Что с ним делать-то? — послышалось из толпы.

— Быть может, это не наша проблема,— ответила мэр.— Откуда взялась уверенность, что он направится к месту Первой высадки? Северный остров — куда более подходящее...

Глава поселка часто ошибалась, но никогда ошибка не обнаруживалась столь быстро. На сей раз звук, раздавшийся в небе над Тарной, был не громом из далекой ионосферы, а пронзительным свистом низко летящего реактивного двигателя. Все, кто находился в здании администрации, от

детей до почтенных стариков, толкая и пихая друг друга, выбежали на улицу. Но лишь первые несколько человек успели заметить силуэт корабля на фоне звезд. Он был треугольный, с затупленным носом, и направлялся к священному для талассиан месту — последнему, что связывало их с Землей.

Доложив центру, мэр Уолдрон присоединилась к толпе.

— Брант, ты доберешься туда раньше других. Возьми дельтаплан.

Главный инженер-механик Тарны моргнул от удивления, впервые получив столь прямой приказ от мэра.

— Крыло пробито кокосом,— смущенно пробормотал он.— Не успел починить, разбирался с ловушками для рыбы. Да и не годится он для ночных полетов.

Мэр смерила его долгим взглядом.

— Надеюсь, моя машина на ходу,— насмешливо проговорила она.

— Конечно,— обиженно ответил Брант.— Заправлена и готова тронуться в любой момент.

Мэру не часто приходилось пользоваться транспортом. Всю Тарну можно было пройти минут за двадцать, а продовольствие и оборудование перевозили на маленьких пескоходах. За семьдесят лет службы машина не наездила и сотни тысяч километров. В таких условиях она могла прослужить еще столетие.

Талассиане с радостью предавались разнообразным порокам, но небрежное отношение к вещам в их число не входило. Сложно было предположить, что личный транспорт мэра старше любого из пассажиров. Несмотря на почтенный возраст машины, самая важная ее поездка была впереди.

4
НАБАТ

Первый удар похоронного колокола, звонившего по Земле, прозвучал. Однако даже ученые, совершившие роковое открытие глубоко под поверхностью планеты, не слышали его.

Смелый эксперимент, проведенный в одной из заброшенных золотых шахт Колорадо, был практически невозможен до середины двадцатого века. После открытия нейтрино стало ясно, что перед человечеством распахнулось новое окно во Вселенную. С помощью частиц, для которых небесные тела так же прозрачны, как стекло для света, можно было заглянуть в самое сердце звезд.

Особенно ученых интересовало Солнце. Астрономы не сомневались, что поняли суть реакций, питающих топку, от которой зависела жизнь на Земле. При огромных давлениях и температурах в солнечном ядре водород превращался в гелий. Реакции синтеза высвобождали огромные количества энергии, и побочным их продуктом были нейтрино. Едва успев родиться, частицы разлетались со скоростью света. Триллионы тонн материи были для них не большим препятствием, чем облачко дыма. Всего две секунды спустя нейтрино покидали Солнце. Они распространялись по всей Вселенной, встречая на пути бесконечное количество звезд и планет. Однако большинство из них до скончания времен не дождется столкновения с «твердой» материей.

Через восемь минут крошечная часть потока добиралась до Земли. Совсем незначительную его долю перехватили ученые из Колорадо. Чтобы отфильтровать излучение с меньшей проникающей способностью и поймать в ловушку настоящих посланников Солнца, оборудование расположили на километровой глубине. Любой здравомыслящий человек мог бы доказать, что место, откуда прибыли нейтрино, недоступно для изучения и наблюдения. Но физики надеялись подробно исследовать его характеристики, подсчитав неуловимых гостей.

Эксперимент удался: солнечные нейтрино были пойманы. Но их оказалось слишком мало, втрое или вчетверо меньше, чем должны были зафиксировать сверхсложные приборы.

Очевидно, что-то было не так. В 1970-е годы «Дело о пропавших нейтрино» стало главной темой научных дискуссий.

Оборудование проверяли и перепроверяли, теории пересматривались, эксперименты повторялись десятки раз — и всегда с тем же обескураживающим результатом.

К концу двадцатого века астрофизики были вынуждены признать не вписывающийся в научные рамки вывод. Тогда никто еще в полной мере не осознавал его последствий.

С теорией все было в порядке, с оборудованием тоже. Проблема крылась внутри Солнца.

В 2008 году в Аспене состоялось первое секретное совещание Международного астрономического союза. Неподалеку от этого места в Колорадо впервые проводился эксперимент, теперь повторенный учеными десятка стран. Неделю спустя все правительства Земли получили Специальный бюллетень МАС № 55/08, носивший нарочито скромное название «Некоторые заметки о солнечных реакциях».

Казалось бы, новость о конце света должна вызвать панику. На самом же деле ответом стало ошеломленное молчание. Затем все пожали плечами и вернулись к повседневным делам.

Немногие правительства заглядывали вперед дальше срока своих полномочий, мало кто из людей — за пределы жизни внуков. К тому же астрономы могли ошибиться...

Если человечеству и вынесен приговор, дата казни не определена. В ближайшую тысячу лет Солнце не взорвется. А кто станет оплакивать сороковое поколение?

5
НОЧНАЯ ПОЕЗДКА

Ни одна из двух лун еще не взошла, когда машина двинулась в путь по самой известной дороге Тарны. За рулем сидел Брант. Он продолжал злиться на мэра из-за выговора. Пухлая рука главы поселка, как будто нечаянно касавшаяся его обнаженных плеч, совсем не успокаивала. Кроме водителя и мэра Уолдрон в машине находились советник Сим-

монс и два других влиятельных жителя Тарны. Мирная красота ночи и убаюкивающий ритм, с которым выплывали из мрака пальмы, освещенные фарами, быстро вернули Бранту привычный добродушный настрой. Как можно таить мелкие обиды в столь знаменательный момент?

Через десять минут они окажутся на месте Первой высадки — там, где началась история Талассы. Что их ждет? Лишь одно не вызывало сомнений: пришельцы ориентировались на маяк древнего корабля-сеятеля, действующий до сих пор. Значит, гости прибыли из соседней человеческой колонии. Они знали, что искать. С другой стороны, кто угодно, робот или разумное существо, мог обнаружить передатчик, сигналивший всей Вселенной, что здесь побывали люди.

Неожиданная мысль встревожила Бранта. Несколько лет назад маяк хотели отключить. Он не приносил пользы, зато вполне мог доставить немало проблем. Однако сентиментальные чувства возобладали над логикой. Перевес голосов был незначительным, но его хватило. Маяк продолжал работать. Отменять решение было поздно, и скоро Таласса могла поплатиться за опрометчивость.

Симмонс, облокотившись на спинку заднего сиденья, негромко разговаривал с главой поселка.

— Хельга,— произнес он, и Брант впервые услышал, как советник называет мэра по имени,— по-твоему, мы сможем с ними общаться? Сама знаешь, машинные языки развиваются быстро.

Для мэра это было новостью, но она хорошо умела скрывать невежество.

— Есть проблемы поважнее. Их и будем решать. Брант, можешь ехать медленнее? Хотелось бы добраться туда живой.

Водитель знал дорогу и не превышал скорости, но послушно сбавил до сорока километров в час. Бранту показалось, что мэр пытается отсрочить неизбежное. На ее плечи свалилась огромная ответственность. Это лишь второй корабль из внешнего мира, прибывший на Талассу. За событиями будет наблюдать вся планета.

— Кракан! — послышалось с заднего сиденья.— Забыли фотоаппарат!

— Поздно возвращаться,— ответил Симмонс.— Успеем поснимать. Вряд ли они улетят, махнув ручкой.

В голосе советника слышались истерические нотки, и Брант его понимал. Кто мог сказать, что ожидает их за следующим холмом?

— Сообщу, господин президент, как только появится информация,— пообещала мэр Уолдрон по мобильной рации.

Брант, погруженный в размышления, не слышал сигнала вызова. Впервые он жалел, что недостаточно усердно изучал историю.

Столетия неумолимо сменяли друг друга. Становилось все очевиднее, что предсказанной астрономами катастрофы не избежать. Уточнялась и дата исполнения приговора. В 3600 году, плюс-минус семьдесят пять лет, Солнце станет Новой — не особо выдающейся, но достаточно крупной звездой. Каждый, кто вырос на Талассе, знал о тех далеких событиях.

Древний мыслитель заметил, что приговоренный к смерти чудесным образом обретает покой, узнав о предстоящей наутро казни. Подобное произошло с человечеством в последние годы третьего тысячелетия. В декабрьскую полночь, когда 2999 год сменился 3000-м, люди смирились с неизбежностью, но не утратили решимости. Живущие в третьем тысячелетии знали, что четвертое никогда не настанет.

Однако оставалось еще более пяти веков. Тридцати поколениям предстояло жить и умереть на Земле, как и их предкам. Меньшее, что они могли сделать, это сохранить достижения человеческой цивилизации. На заре космической эры роботы-зонды, покидавшие Солнечную систему, несли музыкальные записи, зашифрованные сообщения и рисунки — послания неведомому разуму. В родной галактике не удалось найти признаков инопланетной жизни. Но даже законченные пессимисты верили, что среди миллиардов звезд, ви-

димых лишь в самые мощные телескопы, отыщутся разумные существа.

Столетиями люди отправляли сигналы в сторону туманности Андромеды и ее более отдаленных соседей. Радиоволны несли терабайты информации — знания и культуру, упакованные в ноли и единицы. Найдут эти послания адресата, поймет ли он их? Неизвестно. Землянами двигало естественное человеческое желание — оставить последнее слово, сообщить миру: «Мы тоже когда-то жили!» В трехтысячном году астрономы, вооруженные гигантскими орбитальными телескопами, полагали, что все планетные системы в радиусе пятисот световых лет от Солнца обнаружены. Десятки небесных тел размером почти не отличались от Земли. Для ближайших составили грубые карты. Некоторые миры могли оказаться пристанищем жизни — их атмосфера содержала достаточно кислорода. Вероятно, такие условия подошли бы для человека. Проблема крылась в непреодолимом расстоянии. Ученые считали, что отправить людей на другую планету невозможно. Но существовали другие способы перенести туда семя человеческой цивилизации...

Первые кораблй-сеятели были примитивны. К 2500 году земляне не обладали достаточно развитыми технологиями. Чтобы доставить бесценный груз замороженных эмбрионов до ближайшей планетной системы, требовалось двести лет. На этом проблемы не заканчивались. Необходимо переправить оборудование, которое возродит новых людей, вырастит их и обучит выживать в незнакомом мире. Неразумно и жестоко отправлять беззащитных младенцев на планеты с враждебными, как в пустыне или на Северном полюсе, условиями. Детей надлежало подготовить. Кто обучит их, снабдит всем необходимым? Первым поселенцам потребуются не только инструменты, орудия и ресурсы. Чтобы выжить, нужны знания, умения, технологии. Приземлившись, корабль-сеятель станет Материнским Кораблем, которому, возможно, предстоит воспитать не одно поколение несмышленышей.

Нельзя забывать о фауне и флоре. Если выйдут из строя системы производства пищи, придется осваивать сельское хозяйство. Корабль-сеятель должен доставить на планеты животных, насекомых, растения (найдется ли для них почва?) и микроорганизмы. Правильный подбор жизненных форм даст важное преимущество. Вредоносные бактерии и паразиты, досаждавшие человечеству с начала времен, обречены остаться на Земле и погибнут во всеочищающем пламени Нового Солнца.

Требовалось спроектировать и создать банки данных, экспертные системы, готовые решить любую вообразимую задачу, роботов, ремонтные и дублирующие механизмы. Аппаратуре предстояло проработать без сбоев огромный срок: не меньше, чем прошло со дня принятия Декларации независимости до первой высадки на Луну.

Задача казалась невыполнимой, однако вдохновленное человечество сплотилось вокруг нее. Появилась цель, оправдывающая существование землян на сотни лет вперед. Их дом погибнет, но последнее устремление будет жить.

Первый корабль-сеятель покинул Солнечную систему в 2553 году. Он направлялся к альфе Центавра А, ближайшему двойнику Солнца. Климат на планете земного типа Пасадена был крайне переменчив из-за близости альфы Центавра В. Но полет до Сириуса Х, следующего кандидата в списке, занял бы около четырехсот лет — в два с небольшим раза больше, чем до Пасадены. За это время Земля могла превратиться в обугленный шарик.

Если колонизация Пасадены пройдет удачно, останется достаточно времени, чтобы передать хорошие новости. Двести лет на полет, пятьдесят — обосноваться и построить небольшой передатчик. Еще четыре года обратный сигнал будет идти до Земли. Немного везения, и к 2800 году улицы заполнятся радостными толпами.

Праздник наступил в 2786-м. На Пасадене дела пошли лучше, чем ожидалось. Новость воодушевила землян; запуски сеятелей продолжались. Около двадцати кораблей уже

покинули родную планету. Модели становились все совершеннее. Скорость последних приближалась к пяти процентам световой. Количество доступных целей превысило полсотни.

Маяк на Пасадене замолчал, передав лишь известие об удачной посадке, но разочарование длилось недолго. Что удалось сделать однажды, можно повторять снова и снова. Вероятность успеха росла.

К 2700 году от грубой технологии с замороженными эмбрионами отказались. Нашелся новый способ сохранять информацию, закодированную природой в спиральной структуре ДНК. Намного проще и безопаснее записывать ее в память сверхмощных компьютеров, которые занимают гораздо меньший объем, чем эмбрионы. Нерожденная нация со всем оборудованием, необходимым для основания новой цивилизации, умещалась в нескольких сотнях кубических метров. Корабль-сеятель размером с самолет на тысячу пассажиров нес на борту миллион генотипов.

Брант знал, что именно так была заселена Таласса семьсот лет назад.

Дорога поднималась в холмы. Машина проезжала мимо шрамов, оставленных роботами-экскаваторами, искавшими сырье для создания первых талассиан. Мгновение спустя должны были показаться давно заброшенные технологические установки...

— Что это? — ошеломленно прошептал Симмонс.

— Стоп! — скомандовала мэр.— Брант, глуши двигатель.

Она потянулась к рации.

— Говорит мэр Уолдрон. Мы на отметке семь километров. За деревьями впереди свет. Кажется, на месте Первой высадки. Все тихо. Двигаемся дальше.

Не дожидаясь приказа, Брант тронулся с места. Он участвовал в столь же захватывающем приключении лишь однажды, в девятом году.

Тогда страшный ураган, обрушившийся на Тарну, едва не унес его жизнь. Возможно, и сейчас им угрожала опасность,

но Брант в это не верил. Вряд ли пришельцам нужно от Талассы что-то кроме знаний и дружбы. Да и могут ли роботы навредить?

— Знаете,— заговорил советник Симмонс,— я хорошо разглядел ту штуку, прежде чем она скрылась за деревьями. У сеятелей никогда не было крыльев и обтекателей. Это летательный аппарат, притом очень маленький.

— Какая разница? — заметил Брант.— Через пять минут мы все узнаем. Смотрите, он сел в Земном парке. Следовало ожидать подобного. Пройдемся пешком?

Земным парком называлась тщательно ухоженная овальная лужайка на восточной стороне места Первой высадки. Сейчас его скрывала громадная черная колонна Материнского Корабля, самого старого и почитаемого монумента на планете. От ее гладкой, безукоризненно чистой поверхности отражался яркий свет, исходивший из неизвестного источника.

— Останови у корабля,— скомандовала мэр.— Будьте осторожны. Обойдем его. Брант, выключи фары. Не хочу, чтобы они заметили нас раньше времени.

— Они? Кто? — послышался истерический голос.

Ответа не последовало. Водитель развернул машину на сто восемьдесят градусов и остановил ее в огромной тени корабля.

— Быстрее смоемся в случае чего,— объяснил он, отчасти всерьез, отчасти из озорства.

Бранту до сих пор не верилось, что их подстерегает опасность. Иногда происходящее казалось очень подробным и ярким сном.

Стараясь не шуметь, они выбрались из машины, обошли корабль и оказались на краю четко очерченного круга света. Брант сощурился и прикрыл глаза рукой.

Советник оказался прав. Перед ними стоял небольшой летательный аппарат. Северяне? Чушь. Использовать подобный транспорт на Трех островах бессмысленно, да и спрятать его не так просто.

Корабль напоминал тупой наконечник стрелы. Садился он, судя по всему, вертикально — на траве вокруг не осталось следов. Свет исходил из единственного источника в обтекаемой носовой части. Над ним мигал красный маячок. В аппарате не было ничего таинственного. Это успокаивало и разочаровывало одновременно. Вряд ли такая машина способна преодолеть десяток световых лет, отделяющих Талассу от ближайшей известной колонии.

Неожиданно свет погас, на время лишив наблюдателей способности видеть. Когда глаза Бранта привыкли к темноте, он разглядел в передней части машины тускло светящиеся окна. Зачем они, если аппарат непилотируемый? Талассйане ошиблись, решив, что на борту только роботы.

Мэр пришла к такому же удивительному выводу.

— Там люди! Не будем терять время. Брант, посвети на меня фонариком, чтобы нас увидели.

— Хельга! — запротестовал советник.

— Не будь ослом, Чарли. Давай, Брант.

Что говорил первый человек на Луне почти два тысячелетия назад? «Один маленький шаг...» Они прошли почти двадцать, прежде чем в борту аппарата открылась дверь. По откинувшемуся трапу спустились два гуманоида.

Так сперва показалось Бранту. Потом он понял, что в заблуждение вводит цвет их кожи — или того, что виднелось сквозь прозрачную эластичную пленку, покрывавшую незнакомцев с головы до ног.

Перед талассианами стояли не гуманоиды, а люди. Проведи Брант в помещении всю жизнь, он выглядел бы таким же бледным.

Мэр протянула руки в старом как мир жесте: «Я безоружна!»

— Вряд ли вы меня поймете,— произнесла она,— но добро пожаловать на Талассу.

Пришельцы улыбнулись, и старший из них, привлекательный седой мужчина лет шестидесяти, приветственно поднял руку в ответ.

— Напротив, мы прекрасно вас понимаем,— ответил он низким голосом, приятнее которого Брант в жизни не слышал.— Рады познакомиться.

От изумления встречающие потеряли дар речи. Впрочем, глупо удивляться, решил Фальконер. Изобретение звукозаписи позволило зафиксировать основные фонемы всех языков. Словари расширялись, синтаксис и грамматика эволюционировали, но произношение оставалось неизменным веками. На Талассе без труда понимают речь людей, живших две тысячи лет назад.

Мэр первой пришла в себя.

— Это избавляет от множества проблем,— слегка запинаясь, произнесла она.— Но откуда вы? Наша передающая антенна разрушена, так что связи с... соседями нет.

Седовласый бросил взгляд на спутника. Тот был моложе и выше ростом. Между пришельцами будто произошел безмолвный диалог. Пожилой мужчина снова повернулся к мэру.

В его прекрасном голосе звучала искренняя грусть. Но слова, которые он произнес, показались талассианам нелепыми.

— Думаю, вы не поверите,— проговорил он.— Мы не из колоний. Мы прилетели с Земли.

Часть II
«МАГЕЛЛАН»

6
ПОСАДКА НА ПЛАНЕТУ

К своему удивлению, Лорен понял, где находится, не открывая глаз. Замешательство после двухсотлетнего сна вполне объяснимо. Казалось, он лишь вчера делал записи в бортовом журнале. Насколько он помнил, сны его не посещали. И на том спасибо.

Продолжая лежать с закрытыми глазами, Лорен постарался сосредоточиться на ощущениях. Негромкое бормотание голосов; знакомые вздохи воздушных фильтров; едва ощутимый ветерок с приятным запахом антисептика, обдувающий лицо. Все в порядке.

Единственное, что было не так,— отсутствие веса. Лорен без усилий поднял правую руку. Она застыла в воздухе, ожидая дальнейших распоряжений.

— Приветствую, коммандер Лоренсон! — послышался веселый голос.— Соизволили снова к нам присоединиться? Как самочувствие?

Лорен наконец открыл глаза, пытаясь сфокусировать взор на размытом силуэте, висевшем возле койки.

— Привет... доктор. Чувствую себя отлично. Жутко голоден.

— Хороший знак. Одевайтесь. Только без резких движений. Заодно решите, оставлять ли бороду.

Лорен провел по подбородку рукой, до того висевшей в воздухе, и удивился обилию щетины. Как и большинство мужчин, он отказывался полностью избавляться от растительности на лице. На эту тему создано множество трудов по

психологии. Возможно, Лорену тоже пора задуматься: и почему подобные мысли лезут даже в такой момент?

— Долетели благополучно?

— Конечно. Вас разбудили по плану. Мы на орбите Таласссы. Экипаж начали поднимать месяц назад. Обслуживающая команда все проверила; пора и вам поработать. Да, у меня небольшой сюрприз.

— Приятный, надеюсь?

— Хотелось бы. Через два часа капитан Бей проводит общее собрание в кают-компании. Не хотите идти — можно наблюдать отсюда.

— Схожу, пожалуй. Повидаю экипаж. Но сперва не откажусь от завтрака. Долго же я спал...

Капитан Сирдар Бей, усталый, но довольный, приветствовал пятнадцать пробудившихся мужчин и женщин. В командах А и В уже состояли тридцать человек. Капитан представил их новичкам. По корабельному уставу команде С надлежало спать, однако не все подчинились приказу: кое-кто отсиживался в дальнем углу кают-компании, стараясь не выдавать себя.

— Рад вашему пробуждению,— начал капитан.— Приятно видеть свежие лица. И главное — вот она, Таласса. Точно по плану. Прекрасная новость: за двести лет экспедиции мы не выбились из графика.

Люди повернулись к экрану, занимавшему стену кают-компании почти целиком. Часть его заполняли данные о состоянии корабля и прочая техническая информация. Основная же площадь имитировала выходящее в космос окно. За ним виднелся огромный, фантастически прекрасный бело-голубой шар, освещенный солнечными лучами. Сплошная вода, несколько изолированных кусочков суши... Душераздирающее сходство с Тихим океаном погибшей Земли тронуло присутствующих. Компактная группа из трех островов, кое-где скрытая облаками, напомнила Лорену Гавайи, на

которых он так и не побывал. Однако главного различия между планетами экран не показывал. Восточное полушарие Земли в основном покрывали материки; на Талассе их место занимала вода.

— Прибыли,— с гордостью произнес капитан.— Как и предсказывали ученые. Ошиблись они лишь в одном.

Модуль «Марк-3А», рассчитанный на пятьдесят тысяч единиц, покинул Землю в 2751 году и добрался до Талассы в 3109-м. Засеять планету удалось без проблем. Сто шестьдесят лет спустя до нас дошли первые сообщения. Связь поддерживалась в течение двухсот лет. В последней передаче говорилось о мощном извержении вулкана. После этого — молчание. Больше Таласса вестей не посылала. Решили, что колония погибла или скатилась в варварство, как уже не раз бывало.

Повторю для новичков: мы кое-что обнаружили. Войдя в систему и прослушав эфир на всех частотах, мы не нашли даже побочного излучения энергетических систем.

Однако тишина в эфире ничего не доказывает. Таласса обладает плотной ионосферой; раньше мы об этом не знали. Болтовню на средних и коротких волнах через такой покров не подслушать. Микроволны сквозь него проходят, но, возможно, местные высокими частотами не пользуются. Или нам не повезло перехватить луч.

Так или иначе, планету населяет высокоразвитая цивилизация. На ночной стороне видны огни городов или, на худой конец, поселений. Мы обнаружили множество мелких производств и не особо развитое прибрежное мореплавание. Больших кораблей нет. Зато приборы засекли пару летательных аппаратов. Машины, выжимающие пятьсот километров в час, позволяют добраться по суше куда угодно за пятнадцать минут.

Столь малочисленное общество не нуждается в избытке воздушного транспорта. К тому же у них развитая сеть дорог. Но признаков радиосвязи засечь не удалось. Спутников тоже нет. Хотя зачем они? Корабли, вероятно, не теряют ост-

ровов из виду: кроме них, ходить больше некуда. Так что даже метеорологические спутники — излишество.

Вкратце так. Неожиданная ситуация. Приятный сюрприз. Надеюсь, что приятный. Вопросы? Да, коммандер Лоренсон?

— Связывались с местными, сэр?

— Нет. Пока не узнаем, насколько развито население, незачем их шокировать.

— Они в курсе про нас?

— Вряд ли.

— Сложно не заметить наши двигатели.

Мысль более чем разумная. Вспышка квантового реактивного двигателя ярче атомного взрыва и длится месяцы вместо миллисекунд. Более зрелищную и впечатляющую картину, созданную человеком, тяжело представить.

— Сомневаюсь. Торможение происходило в основном с противоположной стороны от солнца. Сияние звезды все же мощнее нашего.

Наконец прозвучал вопрос, мучивший весь экипаж.

— Капитан, как цивилизация на планете повлияет на нашу миссию?

Сирдар Бей задумчиво посмотрел на интересующегося.

— Рано судить. Сто тысяч человек — или сколько их там — сильно облегчат задачу. По крайней мере, сделают ее приятнее. С другой стороны, если местные не обрадуются гостям...

Он выразительно пожал плечами.

— Вспоминается совет, данный старым исследователем коллеге. Как правило, если полагаешь, что туземцы настроены дружелюбно, ты им понравишься. И наоборот. Пока талассиане не докажут обратного, считаем, что нам обрадуются. А если нет...

Лицо капитана ожесточилось. В кают-компании зазвучал голос командира, чей огромный корабль преодолел пятьдесят световых лет.

— Я не утверждаю, что в силе — право. Но в случае агрессии нам есть чем ответить. Это обнадеживает.

7

ВЛАСТИТЕЛИ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ

Трудно поверить, что сон закончился и жизнь идет дальше.

Лейтенант-коммандер Лорен Лоренсон никогда не сможет забыть трагедию, нависавшую тенью над сорока с лишним поколениями. Он застал кульминацию катастрофы. Весь первый день новой жизни его преследовал страх. Даже многообещающая тайна прекрасного мира-океана, висевшего под «Магелланом», не пересиливала навязчивую мысль: какие сны придут, когда вечером он закроет глаза и нормально заснет впервые за двести лет?

Никто не смог бы забыть сцены, свидетелем которых стал Лорен. Они не отпустят человечество до скончания времен. В корабельный телескоп он наблюдал гибель Солнечной системы. Лейтенант-коммандер видел, как впервые за миллиарды лет извергаются вулканы Марса; прежде чем сгореть, на мгновение обнажилась Венера, потеряв унесенную в космос атмосферу; газовые гиганты превращались в огненные шары и взрывались. Но по сравнению с трагедией Земли это ничего не значило.

Гибель планеты он наблюдал через объективы камер. Аппаратура на несколько минут пережила обреченных людей, пожертвовавших последними мгновениями жизни, чтобы ее установить. Он видел...

...Великую пирамиду, раскалившуюся докрасна, прежде чем превратиться в лужу расплавленного камня...

...дно Атлантики, за несколько секунд выжженное до голого камня, и захлестнувшую его в следующий миг лаву из Срединно-океанического хребта...

...закатившееся в последний раз Солнце и Луну, сияющую наравне со светилом над пылающими лесами Бразилии...

...Антарктический континент, перед смертью освободившийся от вечного погребения под километрами древних льдов...

...громадный центральный пролет Гибралтарского моста, плавящийся в раскаленном воздухе...

В последнее столетие Землю преследовали призраки — не мертвецов, но тех, кому не суждено появиться на свет. Пять веков уровень рождаемости падал экспоненциально. Человеческая популяция сократилась до нескольких миллионов. Опустели целые города, даже страны. Люди жались друг к другу, ожидая последнего акта Истории.

Наступило время парадоксов, диких метаний между отчаянием и лихорадочным весельем. Многие искали забвения традиционными способами — наркотики, секс, опасный спорт. Под тщательным наблюдением проводились миниатюрные войны с использованием разрешенного оружия. Не забыли и всевозможные электронные методы ухода от реальности: от бесконечных видеоигр, интерактивных постановок до прямого стимулирования мозговых центров.

Зачем экономить ресурсы планеты, сохранять накопленное веками богатство, если у Земли нет будущего? Люди самозабвенно транжирили богатства предков. Унаследованные плоды чужого труда обеспечили человечеству безбедную жизнь, сделав миллионером каждого. Предыдущие поколения не могли помыслить о таком. С кривой усмешкой, не без гордости, обреченные земляне называли себя властителями последних дней.

Однако многие искали не забытья, а удовлетворения. Подобно предкам, они работали ради целей, недостижимых при жизни. Продолжались различные исследования. Ученые располагали бесконечными ресурсами. Если физику для эксперимента требовалось сто тонн золота, его волновала лишь доставка. Проблема финансирования не возникала.

Исследователей занимали три темы. Главное, что их интересовало,— Солнце. Сомнений в вердикте не оставалось, однако астрономы продолжали наблюдать за звездой. Когда?.. Ученые хотели знать год, день, час исполнения приговора.

Вторым в списке шел поиск внеземного разума, заброшенный после столетий неудач. Теперь за него взялись с новым энтузиазмом, но старания так и не принесли плодов. На вопросы человечества вселенная отвечала молчанием.

Не прекращались запуски кораблей-сеятелей. Полет к звездам — третья тема, над которой работали ученые Земли в надежде, что человечество не погибнет со смертью Солнца.

Сеятели становились быстрее и совершеннее. К началу последнего столетия астрономы обнаружили около пятидесяти подходящих для заселения планет; новые корабли направлялись к каждой из них. Большинство ковчегов, как и ожидалось, целей не достигли, но десять посланников передали известия об удачной посадке. Больше всего земляне надеялись на поздние модели, которым предстояло закончить путешествие спустя годы после гибели родной планеты. Последний корабль разгонялся до скорости в одну двадцатую световой. Его ждало путешествие длиной в девятьсот пятьдесят лет.

Лорен помнил старт «Эскалибура». Пусковая установка располагалась в точке Лагранжа между Землей и Луной. Будучи пятилетним мальчиком, он знал, что этот корабль-сеятель — последний. Но понять, почему многовековую программу запусков прекращают, едва отработав технологии, ребенок не мог. Даже в самых фантастических грезах он не представлял, как новое открытие изменит его судьбу. Удивительные результаты, полученные учеными, преобразили последние десятилетия земной истории и подарили человечеству надежду.

Проводились бесчисленные теоретические исследования, призванные оправдать пилотируемый полет хотя бы к ближайшей звезде. Многовековая продолжительность путешествия не останавливала — проблему решал анабиоз. Обезьяна-резус спала в больнице имени Луиса Пастера на орбите Земли почти тысячу лет, и мозг ее до сих пор функционировал нормально. Пациент, больной неизвестной формой рака, находился в заморозке чуть меньше двухсот лет. Эксперименты один за другим давали положительные результаты.

С биологией справились, оставались лишь технические проблемы. Когда-то моря Земли бороздили гигантские лайнеры. Для транспортировки тысячи спящих пассажиров и

необходимого оборудования потребовался бы космический корабль таких же размеров.

Подобную махину реально было построить за орбитой Марса, используя богатые ресурсы астероидного пояса. Однако двигателей, способных доставить ее к звездам за разумное время, человечество еще не изобрело.

До ближайшей цели предстояло лететь пятьсот с лишним лет даже при скорости в одну десятую световой. Разогнаться настолько способны были лишь роботы-зонды, отправляемые к соседним звездным системам, чтобы передать на Землю результаты двух-трех измерений. Однако они обречены вечно мчаться сквозь галактическую бездну; для торможения, стыковки или посадки зонды не приспособлены.

В этом заключалась фундаментальная проблема ракетных двигателей; альтернативу им найти не удавалось. Скорость столь же трудно сбросить, как и развить, а перевозка топлива для торможения в разы усложняла задачу.

Теоретически можно было построить корабль, несущий на борту огромный груз при скорости в тридцать тысяч километров в секунду. В качестве топлива потребовалось бы около миллиона тонн экзотических компонент — сложно, но выполнимо.

Но если речь шла о предстоящем торможении, расчетная масса возрастала в разы. Задача казалась нерешаемой. Многие столетия никто не задумывался об этом всерьез, настолько безумной выглядела идея.

Судьба словно насмехалась над человечеством. Оно получило ключи от Вселенной, когда оставалось всего столетие, чтобы ими воспользоваться.

8

ВОСПОМИНАНИЕ О ПОТЕРЯННОЙ ЛЮБВИ

Как же хорошо, думал Моисей Кальдор, что я не поддался искушению. Соблазнительная приманка, подаренная искусством и технологиями больше тысячи лет назад... При жела-

нии очень легко взять в изгнание электронный призрак Эвелин, программу в несколько гигабайт. Любимая появлялась бы передо мной в приятной для нас обстановке. Кто догадается, что на самом деле рядом со мной никого — ничего — нет? Беседа с духом выглядит со стороны очень натурально.

Но себя не перехитришь. Пять-десять минут — и я узнаю подмену. Разве что обманываться сознательно, но такой способ не по мне. До сих пор не пойму, почему разговор с призраками меня не утешает. Не сохранил даже простой записи ее голоса...Намного лучше представлять, как она безмолвно прогуливается в маленьком садике возле нашего дома, зная, что это не созданная творцами иллюзий картина. Садик, дом, Эвелин — настоящие. Двести лет назад, на Земле...

Здесь и сейчас звучит единственный голос — мой. Он обращается к живой памяти.

Личная запись номер один. Альфа-шифрование. Программа автоматического стирания.

Ты была права, Эвелин, а я ошибался. На корабле нет человека старше меня, но, похоже, и старик может приносить пользу.

Когда я проснулся, рядом стоял капитан Бей. Постепенно стали возвращаться чувства.

— Вот так сюрприз,— вымолвил я, польщенный его присутствием.— Думал, вышвырнете меня в космос как бесполезный груз.

Капитан рассмеялся.

— Еще не вечер, Моисей. Путешествие продолжается. Но сейчас придется поработать. Не стоит недооценивать людей, планировавших миссию.

— В списке пассажиров я значился как посол-советник. Какая роль вас интересует?

— Вероятно, обе. И еще одна, более известная...

— Не стесняйтесь, капитан. Так и говорите: крестоносец, хотя мне это слово не нравится. Я никогда не считал себя предводителем толпы, лишь пытался заставить людей мыс-

лить самостоятельно. К черту фанатичных последователей. История повидала достаточно всевозможных лидеров.

— Не все они несли зло. Вспомните, в честь кого вас назвали.

— Вы меня переоцениваете. Однако восхищение моим тезкой объяснимо. Вы тоже ведете бездомные племена в землю обетованную. Полагаю, возникли проблемы?

Капитан улыбнулся.

— Рад видеть вас в полной готовности. Пока все хорошо и нет причин беспокоиться. Возникла необычная ситуация. Не думал, что скажу такое, но потребуется ваш дипломатический опыт.

Признаюсь, Эвелин, слова капитана шокировали. Гримаса удивления выдала мои мысли.

— Нет,— быстро проговорил он,— это не инопланетяне! Вопреки предположениям, человеческая колония на Таласссе выжила. И дела у них идут неплохо.

Еще одна неожиданная, но приятная новость. Таласса, море! Не думал, что увижу эту планету. Нас должны были разделять световые годы и столетия полета в момент моего пробуждения.

— Выяснили что-нибудь о местном населении? Установили контакт?

— Пока нет. Это ваша работа. Вы лучше других знаете ошибки предшественников и не повторите их. А теперь позвольте пригласить вас на мостик. Полюбуемся на наших потерянных сородичей с высоты птичьего полета.

Разговор с капитаном произошел неделю назад; Эвелин, как же приятно, когда нет таймера, отсчитывающего десятилетия до конца, и впереди вечность! Теперь о талассианах известно все, что можно узнать, не спускаясь на планету. Высаживаться собираемся сегодня ночью.

Точку приземления выбирали особо. Хочется показать, что у нас с ними общие корни. Место первой высадки отчетливо видно. Оно ухожено и напоминает парк. Возможно, это их святыня. Хороший знак. Надеюсь, вторжение на сак-

ральную территорию не расценят как кощунство. Быть может, нас примут за богов; тогда задача упростится. Интересно, они успели насочинять мифов? Не терпится выяснить.

Дорогая моя, я снова начинаю жить. Да, да — ты оказалась умнее так называемого философа! Никто не вправе умирать, пока товарищи нуждаются в его помощи. Эгоистично считать иначе. Я надеялся навеки остаться с тобой там, где мы мечтали. Так давно, так далеко... Твой прах, прах всех дорогих мне людей развеяло по Солнечной системе. Теперь я принимаю это...

Но сейчас ждет работа. И пока мой голос звучит для тебя, ты жива.

9

В ПОИСКАХ ГИПЕРПРОСТРАНСТВА

Из всех ударов, выпавших на долю ученых в двадцатом веке, один оказался самым неожиданным и сокрушительным. Физики обнаружили, что так называемый вакуум переполнен до краев.

«Природа не терпит пустоты»,— говорил Аристотель и оказался прав. Если удалить из некоего объема все атомы, в нем останется бурлящий ад из невообразимо мощных сил. Материя нейтронной звезды, самая тяжелая во Вселенной, покажется бестелесным призраком по сравнению с ними. Сто миллионов тонн вещества на кубический сантиметр — едва заметное возмущение в невероятно плотной, но пенообразной структуре «гиперпространства».

Окружающий мир куда сложнее, чем нам подсказывает интуиция. Первыми об этом заявили Лэмб и Резерфорд в классической работе 1947 года. Изучая самый простой элемент, атом водорода, они обнаружили странную особенность. Вместо того чтобы двигаться вокруг ядра по плавной кривой, электрон словно сопротивляется сверхмикроскопическим волнам. Сложно представить, однако эти возмущения являются флуктуациями самого вакуума.

Еще в Древней Греции философы разделились на две школы. Одни утверждали, что природные процессы протекают равномерно. По мнению других, непрерывность иллюзорна, на самом деле все происходит скачками или рывками, слишком короткими, чтобы их заметить. Открытие атома ознаменовало победу сторонников второго варианта. Споры прекратились с появлением квантовой теории Планка, показавшей, что свет и энергия — не равномерные потоки, а множество крошечных частиц.

Природа состоит из корпускул — таково было окончательное решение. Лишь невооруженный взгляд видит разницу между водопадом и оползнем. Крошечные «камешки» H_2O чрезвычайно малы, но ученым удается разглядеть их с помощью специальных приборов.

Теперь физики продвинулись еще на шаг. Главная причина, по которой гранулярная структура пространства так долго пряталась от ученых,— постоянное неудержимое движение частиц; сверхмикроскопические масштабы шли вторым пунктом.

Невозможно представить миллионную долю сантиметра, но само число — тысяча тысяч — знакомо людям по величинам бюджетов и статистике народонаселения. Человеческий разум способен осознать, что для покрытия расстояния в сантиметр потребуется миллион вирусных частиц.

Но миллионная миллионной доли сантиметра — величина, сравнимая с размерами электрона. Она не вызывает зрительных образов. Столь малое число может воспринять ум, но не чувства.

Масштаб частиц, составляющих все сущее, меньше в миллионы раз — настолько, что в сравнении с ним муравей и слон не отличаются размерами. Если представить структуру пространства как пузырящуюся пенообразную массу (грубое, сбивающее с толку приближение), то пузырьки ее окажутся величиной...

...в одну тысячную миллионной миллионной миллионной миллионной миллионной...

доли сантиметра.

Вообразите, что они постоянно взрываются, высвобождая энергию, сравнимую с энергией ядерного взрыва, затем поглощают ее и снова выплескивают, и так далее, и так далее, до скончания веков.

Так в крайне упрощенном виде выглядит фундаментальная структура пространства, описанная физиками в конце двадцатого века. Естественно, в то время никто не предполагал, что внутреннюю энергию вселенской губки получится укротить.

Та же история произошла, когда человечеству открылись силы атомного ядра. На их обуздание ушло менее полувека. Использование же «квантовых флуктуаций», воплощающих энергию самого пространства, в разы сложнее. Однако результат оправдывал любые затраты и усилия.

Кроме прочего, человечество получало свободу передвижения по Вселенной. Теоретически скорость кораблей теперь не ограничивалась ничем; топлива больше не требовалось. Но без ограничений не обошлось. Как ни парадоксально, вновь появилось препятствие, досаждавшее человечеству еще в докосмическую эпоху: сопротивление окружающей среды. Межзвездное пространство содержит заметное количество атомов водорода и других элементов. Чтобы достичь световой скорости, космическому аппарату нужно побороть их противодействие.

Разработка квантового двигателя стала реальной после 2500 года. Но научный прогресс, как всегда, двигался зигзагом. К несчастью, ошибочные теории и несовершенные наблюдения отодвинули прорыв почти на тысячу лет. Случись открытие раньше, история человечества пошла бы по иному пути.

Беспокойные столетия Последних дней породили достаточно выдающихся произведений искусства, но редкий шедевр внушал веру в будущее. В фундаментальной науке тоже царил фатализм. Новых знаний не появлялось. Бесконечные неудачи сломили ученых. Многие уверились, что использование энергии пространства, подобно вечному движению,

невозможно даже в теории; о какой практике может идти речь? Однако, в отличие от законов сохранения, отрицающих возможность создания перпетуум-мобиле, первый тезис оставался недоказанным. Это вселяло надежду.

За сто пятьдесят лет до Конца группа физиков с исследовательского спутника «Лагранж-1» объявила: человечеству не по силам использовать энергию пространства. Она существует, мощь ее невероятна, но таковы законы природы. Их открытие мало кого заинтересовало.

Год спустя с «Лагранжа-1» послышался смущенный кашель. В доказательство закралась небольшая ошибка. Подобные оплошности допускались и раньше, но никогда не приводили к столь значительным последствиям.

Минус случайно перепутали с плюсом.

Мир преобразился в одночасье. Для человечества открылся путь к звездам — за пять минут до заката.

Часть III
ЮЖНЫЙ ОСТРОВ

10
ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

«Стоило выразиться помягче,— размышлял Моисей Кальдор.— Похоже, они шокированы. Это о многом говорит. Судя по автомобилю, технологии у них не на высоте. Пусть так, но они должны понимать, что лишь чудо инженерной мысли способно доставить людей с Земли на Талассу. Сперва возникнет вопрос, как мы это сделали, и лишь потом — зачем».

Мэр Уолдрон рассуждала именно так. Два человека в маленьком аппарате — наверняка передовой отряд. Тысячи, миллионы пришельцев могут ожидать на орбите. Население Талассы, благодаря строгим ограничениям, составляло девяносто процентов от экологического оптимума...

— Меня зовут Моисей Кальдор,— представился седовласый.— Это лейтенант-коммандер Лорен Лоренсон, заместитель главного инженера космического корабля «Магеллан». Приносим извинения за костюмы. Надеюсь, вы понимаете: они защищают как нас, так и вас. Мы пришли с дружбой, но бактерии об этом не знают.

«Какой приятный голос»,— подумала мэр. Когда-то этот голос был самым известным в мире, утешая — а иногда приводя в ярость — миллионы людей в последние десятилетия перед Концом.

Однако знаменитые бегающие глазки мэра недолго задержались на Кальдоре. Седовласый выглядел на шестьдесят с небольшим. Глава поселка предпочитала мужчин помоложе. Спутник Моисея нравился ей куда больше; смущала лишь уродливая бледность. Удастся ли к ней привыкнуть? Лорен Лоренсон — прелестное имя! Почти двухметровый, волосы с серебряным отливом... Симпатичнее Бранта, хотя и не столь мускулистый.

Мэр хорошо разбиралась в людях. Она моментально определила, каков Лоренсон на самом деле. В нем чувствовались разум, решимость, даже безжалостность. Тяжело враждовать с таким человеком, но от дружбы она бы не отказалась. И не только от дружбы...

Однако мэр Уолдрон не сомневалась, что Кальдор — человек куда более приятный. В его лице и голосе ощущались мудрость, сострадание и глубокая грусть. Ничего удивительного. Тень, висевшая над ним всю жизнь, оставила след.

Подошли остальные встречающие. Мэр по очереди представила их гостям. После короткого обмена вежливыми фразами Брант направился к летательному аппарату и принялся изучать его сверху донизу.

Лорен, узнав коллегу-инженера, последовал за ним. Лейтенант-коммандер догадывался, чем заинтересуется талассианин в первую очередь, но вопрос Бранта все равно застал его врасплох.

— Как работают реактивные двигатели? Сопла больно маленькие, если это вообще сопла.

Точное наблюдение. Местные, оказывается, вовсе не дикари. Но демонстрировать удивление все же не стоит. Лорен решил нанести ответный удар.

— Это уменьшенный вариант квантового реактивного двигателя. Приспособлен для полетов в атмосфере. Рабочее тело — воздух. Принцип действия основан на флуктуациях Планка. Те самые, десять в минус тридцать третьей степени сантиметра, если помнишь. Естественно, дальность полета неограниченна, будь то воздух или космос.

Лорену очень понравилось это «естественно».

И снова пришлось отдать должное Бранту. Талассианин ответил, не моргнув:

— Очень интересно,— словно понимал, о чем речь.— Можно войти внутрь?

Лорен колебался. Отказывать невежливо, к тому же хотелось бы побыстрее сдружиться с местными. И что, пожалуй, важнее, показать, кто тут главный.

— Конечно,— ответил он.— Только ничего не трогай.

Брант настолько увлекся, что не обратил внимания на отсутствие вежливого «пожалуйста».

Лорен первым забрался в крошечный шлюз космоплана. Внутри едва хватало места для двоих. Пришлось исполнять сложные гимнастические трюки, чтобы надеть на Бранта запасной скафандр.

— Надеюсь, не придется носить костюмы вечно,— проговорил Лорен,— но до окончания микробиологических исследований без них нельзя. Закрой глаза, будем проходить цикл стерилизации.

Сквозь веки Брант увидел тусклый фиолетовый свет, затем раздалось шипение газовой струйки. Наконец открылся внутренний люк, и инженеры вошли в рубку управления.

Они сели рядом. Жесткая, но едва заметная пленка почти не мешала двигаться. Однако защита делала соседей столь недосягаемыми друг для друга, словно они принадлежали к разным мирам. В некоторой степени так и было.

Лорену пришлось признать, что Брант очень быстро учится. Дай ему несколько часов, и талассианин сможет управлять космопланом, хотя понять теорию квантового движения не сумеет никогда. Поговаривали, что лишь горстка людей полностью осознавала геодинамику гиперпространства. Все они умерли много веков назад.

Коллеги настолько углубились в технические вопросы, что почти забыли о внешнем мире. Неожиданно со стороны панели управления послышался обеспокоенный голос:

— Лорен? Говорит корабль. Что происходит? Полчаса не выходите на связь.

Инженер лениво потянулся к переключателю.

— Не преувеличивайте. В вашем распоряжении шесть видео- и пять радиоканалов.— Землянин надеялся, что Брант уловил смысл: мы полностью контролируем ситуацию, нас не проведешь.— Переключаю на Моисея. Он, как всегда, чешет языком.

За иллюминаторами оживленно дискутировали Кальдор и мэр. Время от времени к ним присоединялся советник

Симмонс. Лорен повернул переключатель, и рубку неожиданно заполнили голоса, звучавшие громче, чем если бы спорщики находились внутри.

— ...нашим гостеприимством. Вы должны понимать: планета у нас маленькая, суши почти нет. Сколько, говорите, на корабле людей?

— Не думаю, что упоминал точное число, госпожа мэр. В любом случае, лишь немногие спустятся на Талассу, сколь бы прекрасна она ни была. Я отлично понимаю вашу... э-э... озабоченность, но волноваться незачем. Через год-два, если все пойдет хорошо, мы снова отправимся в путь.

С другой стороны, мы вообще не ожидали встретить людей, так что это непреднамеренный визит. Но космический корабль, летящий на скорости в половину световой, не станет тормозить без серьезного повода. Нам кое-что нужно. И у нас есть что предложить вам.

— Уточните, пожалуйста.

— Достижения искусства и науки последних столетий, если вы согласны их принять. Должен предупредить: подумайте, как такой дар повлияет на вашу культуру. Неразумно брать все, чем мы располагаем.

— Ценю откровенность и понимание. Наверняка ваши сокровища бесценны. И взамен вы хотите?..

Кальдор расхохотался.

— К счастью, проблем не возникнет. Возьми мы это без спроса, никто бы не заметил. От Талассы «Магеллану» нужно лишь сто тысяч тонн воды. Точнее, льда.

11
ДЕЛЕГАЦИЯ

Президент Талассы занимал пост всего два месяца, но так и не смирился со свалившимся на голову несчастьем. Ближайшие три года ему предстояло заниматься почти безнадежным делом; отступать некуда. Требовать пересчета? Бесполезно. Алгоритм программы для выборов включает гене-

рацию и комбинирование случайных тысячезначных чисел. Результат ее работы непредсказуем.

Есть пять способов избежать заточения в Президентском дворце (двадцать комнат, включая зал на сотню гостей): быть младше тридцати или старше семидесяти лет, заработать неизлечимую болезнь, родиться умственно неполноценным, совершить тяжкое преступление. Президент Эдгар Фаррадайн всерьез подумывал о последнем. Другие варианты не подходили.

Однако, несмотря на неудобства, доставленные лично Фаррадайну, он признавал, что лучшей формы правления человечество не выдумало. На Земле демократию совершенствовали десять тысяч лет методом проб и страшных ошибок.

Подлинная власть народа стала возможной, когда каждый взрослый человек на планете получил образование в меру умственных способностей (а иногда, увы, и превосходящее их). Последним шагом стала разработка средств мгновенной личной связи, соединенных с центральными компьютерами. Историки утверждают, что первая истинная демократия появилась в 2011 году по земному летоисчислению, в стране под названием Новая Зеландия.

После этого выборы главы государства утратили значение. Люди согласились не принимать кандидатуры тех, кто сознательно стремится занять пост президента. Теперь годилась почти любая система выборов. Самой простой оказалась лотерея.

— Господин президент, посетители ждут в библиотеке,— известила секретарша.

— Спасибо, Лиза. Без скафандров?

— Да, медики решили, что опасности нет. Но, сэр... должна предупредить, земляне... э-э... странно пахнут.

— Кракан! Как?

Секретарша улыбнулась.

— Не сказала бы, что неприятно. Скорее, ароматно. Думаю, это связано с пищеварением. Наши организмы развивались по-разному тысячу лет.

Президент не совсем понял, что имеется в виду, и размышлял, стоит ли требовать объяснений. Неожиданно его осенила малоприятная мысль.

— Как по-вашему,— поинтересовался он,— для них мы тоже пахнем?

Эдгару Фаррадайну по очереди представили пятерых гостей. Он с облегчением заметил, что земляне не морщатся и не затыкают носы. Однако секретарь Элизабет Исихара поступила разумно, предупредив президента; теперь он понимал, что кроется под словом «ароматный». Когда приходилось готовить в дворцовой кухне, жена Фаррадайна использовала особые пряности; они источали похожий запах. Неприятным его не назовешь.

Сидя во главе подковообразного стола для совещаний, президент Талассы обнаружил, что размышляет о Случае и Судьбе. В прошлом подобные вещи его не заботили. Однако нынешний пост Фаррадайн занял благодаря чистейшему Случаю. Теперь же он — или Судьба, его сестра, — вновь нанес удар. Как странно, что Эдгара, скромного производителя спортивного снаряжения, избрали председателем столь важной исторической встречи! Однако кто-то должен исполнять эту роль. Происходящее приобретало совсем другую окраску. Президент улыбнулся. По крайней мере, никто не запретит ему сочинить приветственную речь.

...Выступление удалось, хоть и вышло чуть затянутым. Ближе к концу вежливо-внимательные взгляды слушателей стали затуманиваться. Президенту пришлось опустить часть производственной статистики и весь раздел о новой энергостанции на Южном острове. Сев на место, он с удовольствием отметил, что изобразил картину прогрессивного высокотехнологичного общества. Вопреки производимому впечатлению, Таласса не переживает упадок и не является отсталой планетой. Наоборот, она поддерживает прекрасные традиции великих предков. И так далее.

— Большое спасибо, господин президент,— промолвил капитан Бей, выдержав паузу.— Мы в самом деле удивились,

обнаружив, что Таласса не только обитаема, но и процветает. Пребывание здесь обещает быть приятным. Надеемся сохранить дружеские чувства, когда придет время улетать. Хочется, чтобы они оказались взаимными.

— Возможно, вопрос покажется грубым; заранее прошу прощения. Как надолго вы планируете задержаться? Чем раньше мы получим ответ, чем быстрее позаботимся обо всем необходимом.

— Понимаю, господин президент. Пока я не готов назвать точные сроки. Не меньше года, скорее два. Отчасти это зависит от вас. Нам потребуется помощь.

Эдгар Фаррадайн, как и большинство талассиан, не умел скрывать чувства. Радостное, хитроватое выражение на лице главы исполнительной власти озадачило капитана Бея.

— Надеюсь, ваше превосходительство, это не вызовет проблем? — с тревогой поинтересовался землянин.

— Напротив,— ответил президент, потирая руки.— Вы, вероятно, не слышали, но через два года состоится двухсотая Олимпиада.— Он скромно кашлянул.— В молодости я завоевал бронзу в беге на тысячу метров, и меня назначили ответственным за организацию игр. Соперники извне нам бы не помешали.

— Господин президент,— вмешалась секретарша,— не уверена, что правила...

— Правила устанавливаю я,— оборвал ее президент.— Капитан, прошу рассматривать мои слова как приглашение. Или, если хотите, вызов.

Командир космического корабля «Магеллан» привык быстро принимать решения, но слова президента застали его врасплох. Пока он сочинял достойный ответ, на помощь пришла главный офицер медицинской службы.

— Весьма любезно с вашей стороны, господин президент,— начала Мэри Ньютон.— Но, как медик, должна заметить: в экипаже нет человека моложе тридцати. Мы не подготовлены, а сила тяжести на Талассе на шесть процентов выше земной. Наши люди находятся в невыгодном по-

ложении. Однако если в программу Олимпиады входят шахматы или карточные игры...

На лице президента отразилось разочарование, но он быстро совладал с эмоциями.

— Что ж... Капитан, надеюсь, вы не откажетесь вручить часть наград?

— Почту за честь,— ответил слегка ошеломленный командир. Чувствуя, что собрание выходит из-под контроля, он решительно вернул его в прежнее русло.

— Господин президент, позвольте объяснить, чем мы рассчитываем заняться на Талассе.

— Конечно,— без особого интереса кивнул Эдгар Фаррадайн. Мысли увели его превосходительство далеко от реальности. Возможно, он снова переживал триумфы ушедшей молодости. С явным усилием президент вернулся в настоящее.— Ваш визит лестен для нас, но вместе с тем непонятен. Не представляю, чем Таласса способна заинтересовать землян. Говорили, будто речь идет о чем-то вроде льда. Уверен, это шутка.

— Нет, господин президент. Вас не обманули. Кроме льда, нам ничего не нужно. Но, отведав за ужином вашу еду, в особенности сыр и вино, я подумал, что придется увеличить запросы. Но основное, конечно, лед. Позвольте объяснить. Первую картинку, пожалуйста.

Перед президентом повис космический корабль «Магеллан» длиной в два метра. Изображение выглядело столь реальным, что хотелось протянуть руку и потрогать. Эдгар Фаррадайн так бы и поступил, но присутствующие наверняка осудят столь наивное поведение.

— Как видите, форма корабля напоминает цилиндр — четыре километра в длину и один в диаметре. Реактивная система использует энергию пространства, то есть теоретически мы способны разогнаться до скорости света. Однако из-за межзвездной пыли и газа проблемы начинаются примерно на шести тысячах километров в секунду. Объект, движущийся быстрее, сталкивается с немалым количеством ма-

терии, сколь бы разреженной она ни была. А на таких скоростях даже один атом водорода наносит существенные повреждения.

«Магеллан», подобно первым примитивным кораблям, несет перед собой рассеивающий щит. Годится любой материал, если использовать его в достаточном количестве. При почти нулевой температуре в космосе трудно найти что-либо лучше льда. Он дешев, легок в производстве и удивительно прочен. Этот тупой конус — наш маленький айсберг двести лет назад, когда корабль покидал Солнечную систему. Сейчас он выглядит вот так.

Изображение мигнуло и появилось снова. «Магеллан» не изменился, но плывший перед ним айсберг сжался до тонкого диска.

— Мы пробурили дыру длиной в пятьдесят световых лет через довольно пыльный сектор галактики. В результате щит практически стерся. К счастью, скорость таяния не превышала пяти процентов от расчетной, и мы оставались в безопасности. Конечно, существует вероятность столкнуться с крупным объектом. Никакой щит от подобного не спасет, будь он изо льда или лучшей броневой стали.

Остатков льда хватит на десять световых лет, но этого недостаточно. До конечной цели, планеты Саган-два, отсюда двадцать три парсека.

Теперь, господин президент, вы понимаете, почему пришлось совершить посадку на Талассе. Мы хотели бы одолжить — вернее, попросить, вернуть долг вряд ли удастся — около ста тысяч тонн воды. Нужно построить новый айсберг на орбите. Когда мы отправимся дальше, он будет расчищать дорогу.

— Какая помощь требуется от нас? Технологически Таласса отстала на столетия.

— Не думаю. Кроме квантового двигателя, у нас нет особых достижений. С вашего позволения, первый помощник Малина изложит дальнейшие планы.

— Слушаю вас.

— Сперва нужно найти место для морозильной установки. Вариантов множество. Подойдет любой изолированный участок побережья. Угроз для экологии нет. Если желаете, мы разместим оборудование на Восточном острове. Будем надеяться, Кракан не взорвется, пока идет строительство.

Проект установки практически завершен, требуются лишь небольшие доработки, зависящие от местности. Основные компоненты достаточно просты — насосы, системы охлаждения, теплообменники, краны. Добрые старые технологии второго тысячелетия! Ничто не мешает приступить к изготовлению прямо сейчас.

Первый лед мы рассчитываем получить через девяносто дней, если все пойдет гладко. Планируется изготавливать стандартные блоки — шестиугольные пластины по шестьсот тонн каждая. Кто-то окрестил их «снежинками», и название прижилось.

Когда процесс наладится, начнем переправлять снежинки на орбиту — по одной в день. Там из них будут собирать щит. От первой поставки до последнего структурного теста, согласно плану, пройдет двести пятьдесят дней. Закончив работу, мы отправимся в путь.

Первый помощник завершил выступление. Эдгар Фарадайн некоторое время сидел молча и смотрел в одну точку. Вернувшись в реальность, он благоговейно произнес:

— Лед... Я видел его только на дне бокала...

Обменявшись прощальными рукопожатиями с посетителями, президент почувствовал нечто странное. Аромат землян теперь едва ощущался.

Неужели выработалась привычка? Или подводит обоняние?

Около полуночи Фарадайн понял, что верно второе. Он проснулся со слезящимися глазами и заложенным носом. Дышать было почти невозможно.

— Дорогой, что случилось? — тревожно поинтересовалась жена.

— Вызови... апчхи! — доктора,— ответил глава исполнительной власти.— Нашего и того, с корабля. Не уверен, что они помогут, но хочу... апчхи! — всыпать им по первое число. Надеюсь, ты не заразилась этой дрянью.

Первая леди попыталась возразить, но вместо этого чихнула.

Супруги сели в постели, с несчастным видом глядя друг на друга.

— Думаю, через неделю пройдет,— хлюпнул носом президент.— Но вдруг медицина за несколько столетий продвинулась вперед?

Ожидания его оправдались, хоть и с натяжкой. Героическими усилиями эпидемию остановили за шесть жалких дней. Обошлось без жертв.

Не самое приятное начало первого за тысячу лет свидания собратьев, разлученных звездами.

12
НАСЛЕДИЕ

Мы на Талассе уже две земные недели, Эвелин; по местным меркам — одиннадцать дней. В будущем придется отказаться от старого календаря, но сердце мое всегда будет биться в древнем ритме Земли.

Здесь хорошо, хотя свободного времени почти не остается. Единственная проблема — медицинская. Вопреки предосторожностям, мы слишком рано нарушили карантин. Около двадцати процентов талассиан подхватили неизвестную болезнь. У экипажа симптомов не проявилось, отчего мы чувствуем себя еще более виноватыми. К счастью, никто не умер, но заслуги местных докторов в этом нет. Здешняя медицина крайне неразвита; они так привыкли к автоматизированным системам, что любая нестандартная ситуация кажется неразрешимой.

Нас простили. Талассиане оказались добродушным и отходчивым народом. Им невообразимо повезло с планетой. Саган-2 более сурова.

Единственный и главный недостаток Талассы — малая поверхность суши, но местным хватило ума поддерживать численность населения ниже допустимого предела. Талассиане хранят изображения земных трущоб как страшное предупреждение тем, кто захочет его превысить.

Трудно избавиться от желания помочь этому прекрасному народу. Но свою культуру они должны развивать сами. В некотором смысле талассиане наши дети. Любому родителю тяжело принять, что ребенок вырос и не нужно больше лезть в его жизнь.

Естественно, наше влияние сказывается. Присутствие на чужой планете — уже вмешательство. Мы незваные гости, хотя, к счастью, желанные. На орбите висит «Магеллан», единственный посланец мира предков. Об этом талассиане будут помнить всегда.

Я посетил место Первой высадки — их общую родину. Оно похоже на музей и храм одновременно. Каждый талассианин совершает подобную экскурсию хотя бы раз в жизни. Это, пожалуй, единственное, что они почитают священным. За семь столетий на месте Первой высадки не изменилось ничего. Корабль-сеятель выглядит так, словно только что сел, хоть от него и осталась лишь оболочка. Вокруг стоят безмолвные машины — экскаваторы, конструкторы, установки для химического производства, вместе с обслуживающими роботами. Неподалеку — детские сады и школы Первого поколения.

Записей о ранних десятилетиях почти не осталось. Возможно, их удалили преднамеренно. Люди, планировавшие миссию, имели достаточно опыта. Им нельзя отказать в осторожности и предусмотрительности. Но наверняка случались отклонения, безжалостно пресекавшиеся программой. Например, вряд ли обошлось без психологических травм, когда поколение без отцов и матерей сменялось детьми живых родителей.

Однако трагедии и печали Первых десятилетий ушли в прошлое. Строители нового общества забыли о них. Могилам первопроходцев не нашлось места в памяти потомков.

Я готов остаться здесь навсегда; на Талассе хватит материала армии антропологов, психологов и социологов. Больше всего жалею, что не смогу пообщаться с коллегами. Они умерли, так и не узнав, сколько бесконечных споров решает эта планета!

Оказалось, возможно построить разумную человеческую культуру, свободную от предрассудков. Я не одобряю цензуру, однако готовившим архивы для талассианской колонии удалось совершить невозможное. Они вычистили историю и литературу десяти тысячелетий, и результат оправдал усилия. Следует крепко подумать, прежде чем восстанавливать утраченное, сколь бы прекрасным и волнующим оно ни казалось.

Продукты распада древних религий не отравляли талассиан. За семьсот лет здесь не появилось ни одного пророка, проповедующего новую веру. Слово «бог» почти исчезло из языка. Случайное употребление его в разговоре озадачивает и забавляет местных.

Мои ученые друзья любили повторять, что один пример — плохая статистика. Отсутствие религии в здешнем обществе ничего не доказывает. Известно, что талассиане прошли тщательный генетический отбор, исключающий нежелательные черты характера. Да, да, знаю: гены определяют лишь пятнадцать процентов поведения, но эта доля крайне важна! Талассиане лишены зависти, нетерпимости, ревности, гнева. Сомневаюсь, что все лавры стоит отдать хорошему воспитанию.

Как бы хотелось узнать о судьбе сеятелей, посланных религиозными группировками! «Ковчег Завета» мормонов, «Меч Пророка»... Полдюжины кораблей за весь двадцать шестой век. Удалась ли хоть одна миссия? Какую роль в успехе или неудаче сыграла религия? Возможно, восстановив местную сеть связи, мы выясним, что случилось с теми первопроходцами.

Кроме прочего, из-за тотального атеизма талассианам очень недостает ругательств. Уронив что-нибудь на ногу,

они не знают, что говорить. Банальные ссылки на телесные функции помогают слабо, поскольку воспринимаются как нечто будничное. Ругаются в основном словом «Кракан». Видимо, извержение вулкана четыреста лет назад произвело немалое впечатление. Надеюсь, удастся побывать на нем до отлета.

Впереди много месяцев, но мне страшно. Не из-за корабля; если ему и грозит опасность, я об этом не узнаю. Но, случись что, оборвется еще одна ниточка. Земля станет дальше, а вместе с ней ты, моя дорогая.

13
ОПЕРАТИВНОЕ СОВЕЩАНИЕ

— Президент вряд ли одобрит,— покачала головой мэр Уолдрон.— Он очень хотел отправить вас на Северный остров.

— Знаю,— ответил первый помощник Малина.— Жаль его разочаровывать; он оказал нам неоценимую помощь. Но Северный остров слишком каменистый, а прибрежные зоны застроены. Зато в девяти километрах от Тарны есть подходящая пустынная бухта с пологим пляжем.

— Не верится. Брант, почему этот участок пустует?

— Там велись работы по Мангровому проекту. Все деревья погибли, отчего — неизвестно. Вид отвратительный, ужасная вонь. Наводить порядок никто не решился.

— Зона экологической катастрофы... Что ж, капитан, добро пожаловать! Хуже не сделаете.

— Установка не навредит окружающей среде. Закончив, мы ее разберем. Или, если хотите, оставим.

— Спасибо за предложение. Сомневаюсь, что мы сумеем найти применение нескольким сотням тонн льда в день. Со своей стороны рады предложить любую помощь — жилье, провизию, транспорт. Полагаю, вас будет немало?

— Около ста человек. Ценим ваше гостеприимство. Но боюсь, гости из нас ужасные. Строителям необходима круг-

лосуточная связь с кораблем. Придется держаться вместе. Мы разобьем небольшой лагерь и переберемся туда со всем оборудованием. Прошу извинить, если кажусь невежливым. Другие варианты для нас не подходят.

— Наверное, вы правы,— вздохнула мэр.

До этого она раздумывала, как бы нарушить протокол и вместо Малины предложить гостеприимство Лоренсону, привлекательному капитан-лейтенанту. Решения не нашлось. Теперь, увы, проблема вообще исчезла.

Женщина настолько разочаровалась, что собралась позвонить на Северный остров и пригласить в гости последнего официального супруга. Но негодник наверняка снова ее отвергнет. Еще одного отказа мэру не вынести.

14
МИРИССА

Мирисса Леонидас до глубокой старости не забудет мгновения, когда впервые заметила Лорена. Даже знакомство с Брантом не впечатлило ее настолько.

Нельзя утверждать, что на чувства девушки повлияло происхождение капитан-лейтенанта. Она видела землян до встречи с Лореном. Ничего особенного в них не было. Большинство пришельцев сошли бы за талассиан, проведи они на солнце несколько дней.

Но на кожу Лорена загар не ложился. Его удивительные волосы стали более серебристыми. Это и привлекло внимание Мириссы, когда он вышел из дома мэра Уолдрон в сопровождении двух товарищей. Земляне выглядели растерянными, как обычно случается после столкновения с вялой, но прочно укоренившейся бюрократией Тарны.

Взгляды их встретились лишь на миг. Пройдя несколько шагов, Мирисса остановилась; что-то внутри заставило ее обернуться. Гость не спускал с девушки глаз. И он, и она понимали: жизнь больше не будет такой, как прежде.

Вечером, в постели, Мирисса обратилась к Бранту:

— Они говорили, сколько здесь пробудут?

— Нашла время для беседы,— сонно проворчал он.— Не меньше года. Возможно, два. Еще раз — спокойной ночи.

Девушка не стала продолжать разговор, хотя спать не хотелось. Она долго лежала с открытыми глазами, разглядывая пол; колеблющиеся тени от ближней луны завораживали ее. Любимый тихо посапывал рядом.

До Бранта Мирисса знала достаточно мужчин. Но, встретив его, она перестала замечать остальных. Откуда взялись внезапные чувства к землянину? Они виделись всего несколько секунд! Пожалуй, нет ничего предосудительного в ее интересе... Завтра нужно обязательно выяснить имя незнакомца.

Мирисса гордилась своей честностью и дальновидностью. Она свысока смотрела на людей, поддающихся страстям. Но что за напасть?.. Возможно, ее привлекла новизна, очарование неизведанных просторов. Раньше девушка и мечтать не могла о разговоре с человеком, видевшим последние часы Солнечной системы. В самых смелых фантазиях она не представляла, что встретит посланца мира предков, ходившего по улицам земных городов. Теперь, одолев десятки световых лет, он прилетел на ее родную планету. В который раз Мирисса почувствовала, что безмятежная талассианская жизнь ее не устраивает. Она счастлива с Брантом, но этого мало.

Подлинно ли ее счастье? Быть может, удобство и достаток подменили его? Чего ей действительно хочется? Мирисса не знала, повлияют ли пришельцы на ее судьбу. Но прежде чем они покинут Талассу навсегда, стоило попытаться.

Брант тоже побывал у мэра Уолдрон в то утро. На этот раз она приветствовала его не столь тепло, как обычно.

— Знаю, у тебя есть дела поважнее,— начал он, бросая на стол обломки рыбной ловушки,— но что делать с этим?

Мэр без энтузиазма взглянула на перепутанные провода. Трудно сосредоточиться на повседневных делах после головокружительных проблем межзвездной политики.

— Что, по-твоему, случилось? — поинтересовалась она.

— Кто-то повредил ее специально. Смотри, прежде чем порвать, проволоку скручивали. Сетка не просто повреждена. Оторваны куски. Никто с Южного острова такого не сотворит. Зачем? Когда-нибудь я все выясню.

Он сделал многозначительную паузу, давая понять, что последствия для вредителя будут серьезными.

— Кого подозреваешь?

— Как только я начал экспериментировать с электрическими ловушками, пришлось сражаться на два фронта. К консерваторам присоединились безумцы, мечтающие, что вся еда станет синтетической. Видите ли, безнравственно пожирать сотворенных природой существ. Речь не только животных, но и о растениях.

— Разговоры консерваторов о балансе не лишены смысла. Если ловушка настолько эффективна, как ты утверждаешь, она опасна для экологии.

— Случись что, постоянный контроль экосистемы рифа сразу покажет отклонения. Тогда я на время отключу систему. А вообще, мы ловим только океаническую рыбу. Поле привлекает ее с трех или четырех километров. Даже если на Трех островах станут питаться только моей добычей, популяции это не повредит.

— Ты прав, если говоришь о местной псевдорыбе. Но большая ее часть слишком ядовита для переработки. Уверен, что земному поголовью ничто не угрожает? Как бы тебе не оказаться последней соломинкой из старинной пословицы.

Брант с уважением взглянул на мэра. Она в который раз застала его врасплох неприятным вопросом. Давно стоило понять, что Уолдрон не продержалась бы на посту так долго, не будь она намного умнее, чем кажется.

— Боюсь, популяция тунца не выживет; пройдет несколько миллиардов лет, прежде чем океаны станут достаточно солеными для нее. Но с форелью и лососем ничего не случится.

— Земная рыба безумно вкусна. Будь я синтетистом, отбросила бы все принципы. Но твоя захватывающая версия неубедительна. Эти люди много говорят. Дел от них не дождешься.

— Пару лет назад они выпустили стадо с экспериментальной фермы.

— Имеешь в виду, пытались выпустить. Коровы сразу вернулись домой. Неудачников осмеяли, и смысл в дальнейших демонстрациях пропал. Не верю, что они способны на такое,— кивнула мэр на разорванную сетку.

— Это несложно. Ночь, маленькая лодка, пара ныряльщиков. Глубина всего двадцать метров.

— Хорошо, постараюсь что-нибудь разузнать. А к тебе есть пара просьб.

— Каких? — спросил Брант, безуспешно пытаясь скрыть подозрительность.

— Почини сетку. На технических складах выдадут инструменты. И прекрати обвинять всех подряд, пока не уверен на сто процентов. Ошибешься — выставишь себя дураком. Придется извиняться. Окажешься прав — спугнешь злоумышленников раньше времени. Понял?

У Бранта отвисла челюсть. Мэр никогда не позволяла себе столь резких слов. Собрав со стола «вещественные доказательства», инженер поспешно ретировался.

Узнай Брант, что его очарование отныне почти не действует на мэра Уолдрон, он удивился бы еще больше.

Этим утром помощник главного инженера Лорен Лоренсон впечатлил не одну жительницу Тарны.

15
ТЕРРА НОВА

Название, напоминающее о Земле,— не самое удачное для поселка, и в авторстве никто не признался. Однако «Терра Нова» звучит лучше, чем «базовый лагерь», и это словосочетание быстро прижилось.

Комплекс из сборных домиков возник, словно по волшебству, за одну ночь. Тарна впервые увидела земных роботов в действии. Зрелище поразило местных жителей. Даже Брант, считавший, что от механических помощников проблем больше, чем следовало бы, и годятся они лишь для опасной или

монотонной работы, изменил мнение. Изящный мобильный сборщик общего назначения действовал столь молниеносно, что движения почти не улавливались глазом. За роботом повсюду следовала восхищенная толпа маленьких талассиан. Когда ему преграждали путь, он вежливо останавливался, пока дорога не освобождалась. Такого помощника не хватало Бранту; если бы как-то уговорить гостей...

К концу недели Терра Нова превратилась в уменьшенную, но функционирующую копию жилых и рабочих отсеков корабля, висящего на орбите за пределами атмосферы. Без излишеств, но со всеми удобствами в поселке разместились сто членов экипажа. Для их нужд установили необходимые системы жизнеобеспечения, библиотеку, спортзал, плавательный бассейн и театр. Талассиане одобрили новшества и поспешили ими воспользоваться. В результате население Терра Новы обычно вдвое превышало номинальную сотню человек.

Большинство званых и незваных гостей с радостью предлагали помощь, желая облегчить пребывание землян на чужой планете. Чрезмерное дружелюбие, хотя и весьма приятное, порой приводило в замешательство. Талассиане оказались жутко любопытными. Фраза «личная жизнь» была для них пустым набором звуков. Знак «Просьба не беспокоить» часто воспринимался как вызов, что приводило к неожиданным последствиям.

— Вы старшие офицеры, умные взрослые люди,— произнес Бей на собрании экипажа перед спуском на планету.— Сами все понимаете. Не устраивайте самодеятельность! Старайтесь просчитывать реакцию местных на ваши действия. Они выглядят дружелюбными, но не стоит доверять первому впечатлению. Согласны, доктор Кальдор?

— Капитан, вы рано зачислили меня в специалисты по талассианским нравам. Однако попробую провести интересные исторические параллели. На Земле эпоха парусных кораблей. Фрегат заходит в порт после долгого морского путешествия. Видели классический видеофильм «Мятеж на "Баунти"»?

— Доктор Кальдор, надеюсь, вы не сравниваете меня с капитаном Куком? То есть, извиняюсь, Блаем.

— Не стоит принимать за оскорбление. Блай — превосходный мореплаватель. Его во многом несправедливо оговаривают. Сейчас необходимы здравый смысл, хорошие манеры и, как вы заметили, осторожность.

Лорену показалось, что Кальдор взглянул на него. Неужели знает?

Помощник старшего инженера десять раз на дню общается с Брантом Фальконером. Служба обязывает. Даже захоти он, встреч с Мириссой не избежать.

За все время они обменялись лишь парой вежливых фраз и ни разу не оставались наедине. Но к чему слова?..

16
ВЕЧЕРИНКА

— Из этого очаровательного младенца вырастет настоящий человек,— промолвила Мирисса.

Ей не приходило в голову, что в маленьком поселке Тарна детей, вероятно, больше, чем было на Земле перед гибелью Солнечной системы. В те страшные десятилетия рождаемость упала почти до нуля. Зачарованный взгляд свидетеля Последних дней говорил о многом. Мирисса улыбалась, но в глазах стояли слезы.

— Оно... твое? — тихо проговорил Лорен.

— Не «оно», а он. Лестер, племянник Бранта. Присматриваем за ним, пока родители на Северном острове.

— Чудесный малыш. Можно подержать?

Словно по сигналу, Лестер расплакался.

— Плохая мысль,— рассмеялась Мирисса, поспешно подхватывая ребенка и направляясь к ближайшей ванной комнате.— Попроси Бранта или Кумара показать дом, пока гости не собрались.

Талассиане обожали вечеринки и не упускали возможности их устроить. Прибытие «Магеллана» вызвало целую вол-

ну празднеств. Далеко не каждому выпадает шанс повстречать собратьев с далекой Земли! Хватило бы гостям безрассудства принимать все приглашения, они бы без передышек бегали от одного официального или неофициального приема к другому. Вскоре капитан издал указание, запрещающее офицерам посещать больше одной вечеринки за пять дней. Учитывая, сколько порой требовалось времени, чтобы отойти от талассианского гостеприимства, такое условие казалось чересчур мягким. Подобные директивы, редкие, но не подлежащие обсуждению, иронично прозвали «молниями Бея» или «Бей-молниями».

Жилище Леонидасов занимали Мирисса, Кумар и Брант. Оно служило домом шести поколениям. Массивное строение в форме кольца имело, как большинство зданий в Тарне, один этаж. Внутренний дворик шириной метров в тридцать покрывала трава. В центре располагался небольшой пруд с островком. К нему был перекинут изящный деревянный мостик. На клочке земли доживала последние дни чахлая пальма.

— Постоянно ее пересаживаем,— произнес Брант, словно извиняясь.— Не все земные растения у нас приживаются. Некоторые увядают, как ни удобряй. Пытались разводить рыбу — то же самое. На пресноводных фермах, конечно, все прекрасно, но места для них не хватает. Океан в миллионы раз больше... Научиться бы использовать его в полной мере!

Лорен начинал зевать, стоило Бранту пуститься в разговоры о море. Однако общаться с Фальконером куда безопаснее, чем с Мириссой. Девушка наконец избавилась от Лестера и встречала новоприбывших гостей.

Представлял ли Лорен, что с ним случится подобное? Он влюблялся прежде, но воспоминания, даже имена, милосердно стерли еще на Земле. Экипаж «Магеллана» прошел специальную процедуру, прежде чем покинуть Солнечную систему. Лорен не хотел вспоминать. Зачем страдать о погибшем прошлом?

Размылся даже образ Китани, хотя он видел ее в анабиозной камере неделю назад. Их распланированное будущее...

Возможно, сбыться ему не суждено. Мирисса — здесь и сейчас, живая и смеющаяся, а не скованная пятисотлетним сном. Рядом с ней он вновь ощущал себя цельным. Лорен радовался, что напряжение и изнеможение Последних дней не лишили его молодости.

В присутствии девушки он становился рассеянным, работа не шла, все валилось из рук. Порой, увидев лицо Мириссы на фоне планов Мангровой бухты и структурных схем, Лорен останавливал компьютерную программу, чтобы обменяться с ней беззвучными репликами. Изощренной пыткой было находиться в нескольких шагах от нее и иметь право лишь на пару вежливых фраз.

Неожиданно Брант извинился и поспешно вышел. Лорен вздохнул с облегчением, но тут же понял, что заставило коллегу внезапно сбежать.

— Коммандер Лоренсон,— проговорила мэр Уолдрон,— надеюсь, в Тарне к вам хорошо относятся?

Лорен застонал про себя. С мэром следует общаться вежливо, но этикет не относился к его сильным качествам.

— Очень хорошо, благодарю. Хочу представить вас этим джентльменам...

Он окликнул коллег. Только что прибывшие земляне стояли на противоположной стороне двора, и крик вышел намного громче, чем требовалось. К счастью, группа состояла из лейтенантов; даже вне службы звание давало привилегии, и Лорен не упускал шанса ими воспользоваться.

— Мэр Уолдрон, это лейтенант Флетчер. Оуэн, ваша первая высадка, верно? Лейтенант Вернер Нг, лейтенант Ранджит Уинсон, лейтенант Карл Босли...

Постоянно держатся вместе, словно племя марсиан. Тем лучше. Привлекательные молодые люди, как на подбор. Мэр не заметила стратегического отступления Лорена.

Дорин Чанг предпочла бы пообщаться с капитаном, но он появился совсем ненадолго. Выпив бокал вина, Сирдар Бей извинился перед хозяевами и удалился.

— Почему он не позволил взять интервью? — обратилась она к Кальдору. Опытный оратор, в отличие от командира корабля, не прятался от записывающей аппаратуры; накопленного за дни пребывания на Талассе аудио- и видеоматериала с ним хватило бы на несколько дней эфира.

— Капитан Сирдар Бей,— произнес он,— имеет особые привилегии. Он не обязан оправдываться и извиняться. Не то что мы с вами.

— Чувствую сарказм,— заметила звезда Талассианской вещательной корпорации.

— Ничего подобного. Я искренне восхищаюсь капитаном и разделяю его мнение о моей персоне. Разумеется, с оговорками. Э... вы записываете?

— Сейчас нет. Много фонового шума.

— Поверю на слово. Проверить все равно невозможно.

— Моисей, это не для записи, честно. Так что о вас думает капитан?

— Мои взгляды и опыт он не отрицает, но воспринимает меня недостаточно серьезно. Это объяснимо. Как-то Бей заявил: «Моисей, вы любите власть, но не ответственность. Мне нравится и то и другое». Проницательное замечание. Очень точно показывает разницу между нами.

— Вы парировали этот выпад?

— Чем? Все так и есть. Когда меня угораздило влезть в политику, случилась... нет, не совсем катастрофа. Но приятного мало.

— Крестовый поход Кальдора?

— Вы и об этом знаете? Глупое название, раздражает. Еще один предмет наших с капитаном споров. По его мнению (тогдашнему и, полагаю, теперешнему), директива, приказывающая избегать планет, потенциально пригодных для жизни,— сентиментальная чушь. Еще одна цитата: «Понимаю, закон есть закон. Но закон, стоящий над другими законами,— вздор».

— Удивительно. Я должна это записать.

— Ни в коем случае. Что там происходит?

Дорин Чанг умела настаивать, но знала меру.

— Включили любимую газовую скульптуру Мириссы. Наверняка на Земле делали такие.

— Конечно. Раз уж вы не записываете... Я считаю, это не искусство, а забава.

Дворовые осветители погасили. Вокруг странного объекта, напоминающего огромный мыльный пузырь диаметром почти в метр, собралось с десяток гостей. Подойдя, Чанг и Кальдор увидели формирующиеся внутри сферы разноцветные завитки. Процесс напоминал рождение спиральной туманности.

— Скульптура называется «Жизнь»,— пояснила Дорин,— и принадлежит семье Мириссы уже двести лет. Но газ постепенно утекает. Помню ее намного более яркой.

Зрелище завораживало. Батарею электронных пушек и лазеров в ее основании запрограммировал терпеливый художник, умерший много лет назад. Они генерировали последовательности геометрических фигур, медленно превращавшихся в органические структуры. Из центра сферы появлялись, сменяя друг друга, все более сложные формы. В одной остроумной сцене одноклеточные существа взбирались по спиральной лестнице, символизировавшей молекулу ДНК. С каждым уровнем добавлялось что-то новое; в четыре минуты уложилась демонстрация пути от амебы до человека, пройденного живыми существами за четыре миллиарда лет.

Художник попытался выйти за пределы эволюции, и Кальдор потерял нить происходящего. Деформации светящегося газа стали очень сложными и абстрактными. Возможно, они сложатся в единую картину после нескольких просмотров...

— Что со звуком? — поинтересовалась Дорин, когда головокружительный разноцветный вихрь внутри пузыря погас.— Раньше звучала прекрасная музыка, особенно в конце.

— Боялась, что кто-нибудь спросит,— с извиняющейся улыбкой ответила Мирисса.— Проблема или в механизме воспроизведения, или в программе...

— Наверняка есть резервная копия.

— Конечно. Но запасной модуль погребен под деталями каноэ в комнате Кумара. Пока не увидите это логово — не поймете, что такое энтропия.

— Не каноэ, а байдарка,— возразил подошедший Кумар. Под руки его держали две симпатичные местные девушки.— Что за энтропия?

Молодому марсианину из группы неподалеку хватило глупости пуститься в объяснения и проиллюстрировать их смешиванием разных напитков в одном бокале. Взрыв музыки, раздавшийся из газовой скульптуры, перебил разглагольствования лейтенанта, не дав ему углубиться в дебри.

— Видите! — с нескрываемой гордостью прокричал сквозь шум Кумар.— Брант исправит что угодно!

«Что угодно? — подумал Лорен.— Как знать, как знать...»

17
КОМАНДНАЯ ИЕРАРХИЯ

«От: Капитан
Кому: Всем членам экипажа

ХРОНОЛОГИЯ

В связи с возросшим количеством недоразумений устанавливаются следующие правила:

1. До конца полета записи в бортжурнале и расписание работ продолжают вестись по земному времени (ЗВ), скорректированному с учетом релятивистских эффектов.

2. Для удобства и при необходимости группы, базирующиеся на планете, имеют право использовать талассианское время (ТВ). Во всех записях должно указываться ЗВ (в скобках).

3. Напоминаю: длительность талассианских средних солнечных суток — 29.4325 часа ЗВ. Талассианский сидерический год составляет 313.1561 талассианских суток. Он делится на 11 месяцев по 28 дней. Январь в календаре отсутствует,

но за последним днем декабря (28-го) следуют пять дополнительных, чтобы получить в сумме 313. Каждый шестой год — високосный. За время нашего пребывания их не будет.

4. Поскольку талассианские сутки на 22% длиннее земных, а количество дней в году на 14% меньше, реальная продолжительность талассианского года превышает земную на 5%. Следовательно, хронологический возраст на Талассе практически равен таковому на Земле. 21 год талассианина соответствует 20 годам землянина. Талассианский календарь ведет начало от Первой высадки, произошедшей в 3109 году ЗВ. Сейчас идет 718 год ТВ (т. е. прошло 754 года ЗВ).

5. И последнее. К счастью, на Талассе нас интересует лишь одна временная зона.

Сирдар Бей, капитан
3864.05.26 20.30 ЗВ 718.00.02 15.00 ТВ».

— Почему такие простые вещи оказываются столь сложными? — рассмеялась Мирисса, зачитывая прикрепленную к доске объявлений Терра Новы распечатку.— Надо понимать, знаменитая «Бей-молния»? Капитан — кто он? Так и не удалось толком пообщаться.

— Человек-загадка,— произнес Моисей Кальдор.— С глазу на глаз я разговаривал с ним не больше десятка раз. Он единственный на корабле, к кому всегда обращаются «сэр». Разве что первый помощник Малина наедине зовет капитана по имени. Кстати, наверняка это не настоящая «Бей-молния». Слишком технический язык. Думаю, текст писали руководитель научной группы Варли и секретарь Лерой. Капитан Бей прекрасно разбирается в подобных вопросах, намного лучше меня, но он в первую очередь администратор. И временами, при необходимости — главнокомандующий.

— Я бы не вынесла такой ответственности.

— Кто-то должен. С рутинными проблемами обращаются к компьютеру или старшим офицерам. Но порой решения приходится перекладывать на человека, обладающего соот-

ветствующей властью. Для этого требуется капитан. Корабль нельзя доверять комитету. По крайней мере, навсегда.

— Так мы управляем Талассой. Представляете президента Фаррадайна капитаном чего бы то ни было?

— Превосходные сливы,— тактично проговорил Кальдор, беря из вазы еще одну. Он отлично знал, что ягоды предназначались Лорену.— Вам повезло, за семьсот лет не произошло ни одного настоящего кризиса! Кто из ваших соплеменников изрек: «У Талассы нет истории, только статистика»?

— Вы не правы! А как же гора Кракан?

— Небольшое стихийное бедствие. Я говорю о... скажем так, политических кризисах. Гражданские волнения и тому подобное.

— За это спасибо Земле. Вы дали нам Конституцию Джефферсона версии три. Она прекрасно работает. Ее называют «утопией на два мегабайта». Программа не менялась триста лет. Шестая поправка — последняя.

— Пусть таковой и остается,— искренне пожелал Кальдор.— Крайне не хочется, чтобы мы стали поводом для Седьмой.

— Даже если так, сперва ее проанализируют в банках памяти архивов. Когда вы снова к нам заглянете? Столько хочется показать.

— Я жажду увидеть как можно больше. Любая информация может пригодиться на Сагане-два, хотя это совсем другая планета.

«Далеко не такая привлекательная»,— мысленно добавил Моисей.

В гостиную тихо вошел Лорен с полотенцем, накинутым на плечи. Одет он был только в короткие шорты. Мужчина направлялся из игровой комнаты в душ. Мирисса почувствовала, как у нее подгибаются колени.

— Разгромили всех, как обычно? — предположил Кальдор.— Не утомляет?

Лорен ухмыльнулся.

— Некоторые молодые талассиане подают надежды. Один обскакал меня на три очка. Конечно, я играл левой.

— Не знаю, успел ли Лорен похвастаться,— обратился Кальдор к Мириссе.— На Земле он заслужил титул чемпиона по настольному теннису.

— Моисей, не преувеличивайте. Всего лишь пятое место. Стандарты под конец опустили до невозможного. Любой китайский игрок третьего тысячелетия разбил бы меня в пух и прах.

— Вы не думали поучить Бранта? — лукаво заметил Кальдор.— Вышло бы забавно.

После паузы Лорен коротко ответил:

— Получится нечестно.

— Кстати,— вспомнила Мирисса,— Брант хотел показать кое-что.

— Да?

— Ты говорил, что не плавал на лодке.

— Действительно, не плавал.

— Приходи завтра утром в восемь тридцать на третий причал. Брант и Кумар будут ждать.

Лорен повернулся к Кальдору.

— Думаете, это безопасно? — с напускной серьезностью проговорил он.— Я не умею плавать.

— Не переживайте,— охотно подыграл Кальдор.— Пусть даже это экскурсия в один конец, какая разница?

18
КУМАР

Восемнадцатилетнюю жизнь Кумара Леонидаса омрачала лишь одна трагедия. Его рост не дотягивал десяти сантиметров до желаемого. За это молодого человека окрестили Маленьким Львом, хотя не каждый смельчак рискнул бы обратиться к нему по прозвищу.

Компенсируя недостаток роста, он усердно трудился над телом, развивая его в двух оставшихся измерениях. Мирисса не раз раздраженно восклицала: «Кумар, трать ты больше времени на мозги вместо туловища, стал бы величайшим

гением на Талассе». Однако девушка боялась признаться себе, а тем более брату, что его утренние упражнения вызывают вовсе не сестринские чувства. За занятиями Кумара зачастую наблюдали и другие любопытные. В основном публика состояла из его ровесников. Мирисса ревновала к каждому зрителю. Поговаривали, что он переспал со всеми девушками и половиной парней Тарны. Это было преувеличением лишь отчасти.

Несмотря на интеллектуальную пропасть между Кумаром и сестрой, мускулистым идиотом он не являлся. Заинтересовавшись всерьез, Маленький Лев успокаивался, лишь достигнув результата, сколько бы времени на это ни потребовалось. Превосходный мореплаватель, он два с лишним года строил изящную четырехметровую байдарку. В проекте по мере сил участвовал и Брант. Общими силами им удалось осилить корпус, но к палубе юный конструктор все еще не приступил.

Кумар поклялся, что спустит судно на воду и тогда все перестанут потешаться над ним. Тем временем байдаркой Кумара в Тарне стали называть любую незавершенную работу, благо поводов хватало.

К недостаткам Кумара, кроме свойственной талассианам медлительности, относились безрассудная смелость и любовь к рискованным шуткам. Все считали, что к добру его выходки не приведут.

Однако проказничал он не со зла, и окружающие прощали ему даже самые возмутительные проступки. Открытый для всех, Кумар никогда не лгал. Обижаться на простодушного парня было невозможно.

Прибытие гостей, естественно, стало самым волнующим событием в его жизни. Молодого человека восхищали привезенные ими аудио-, видео- и сенсорные записи, земное оборудование и техника, истории пришельцев о былой жизни... Ничто не оставляло его равнодушным. С Лореном Кумар сталкивался чаще, чем с другими гостями. Неудивительно, что юноша быстро привязался к инженеру с космического корабля.

Нельзя сказать, что лейтенант-коммандер отнесся к такому повороту одобрительно. Кто способен испортить удовольствие от общения с девушкой больше всего? Конечно, прилипчивый младший братишка.

19
ПРЕКРАСНАЯ ПОЛЛИ

— Лорен, не верю,— воскликнул Брант Фальконер.— Неужели ты ни разу не плавал на лодке? Быть может, доводилось бывать на корабле?

— Кажется, катался на резиновой лодочке в маленьком пруду пятилетним мальчишкой.

— Тебе понравится. Волн нет, желудок не пострадает. Может, согласишься понырять с нами?

— Нет, спасибо. Не все сразу. Меня учили не вмешиваться в чужую работу.

Брант оказался прав: плавание начало нравиться Лорену, когда водометы почти бесшумно оттолкнули маленький тримаран от рифов. Однако лейтенант-коммандер слегка запаниковал, увидев, что безопасный берег удаляется все быстрее.

От позора спасла боязнь показаться смешным. Пришлось преодолеть пятьдесят световых лет — самое долгое путешествие в человеческой истории! — чтобы оказаться здесь. Не к лицу после этого переживать из-за нескольких сотен метров, отделяющих от ближайшей земли.

Отказываться от брошенного вызова нельзя. Лорен лежал на корме и наблюдал за Фальконером, стоящим у руля. Что творится в голове у талассианина? И откуда белый шрам поперек спины? Точно, он рассказывал об аварии микрофлаера несколько лет назад...

Трудно поверить, что человеческое общество, даже самое просвещенное и беззаботное, способно полностью освободиться от ревности. Впрочем, пока — увы! — у Бранта нет причин ревновать.

Лорен не обменялся с Мириссой и сотней слов; общались они по большей части в обществе ее мужа, хотя формально Брант не носил этого «титула». На Талассе понятия «муж» и «жена» не использовались до рождения первого ребенка. Если на свет появлялся мальчик, мать при желании брала фамилию отца, если девочка — вместе с дочерью сохраняла свою. Те же правила действовали со вторым (и последним) ребенком.

Немногие вещи шокировали землян. К ним относились, например, жестокость, особенно к младенцам, и третья беременность. Второй пункт легко объясним в условиях планеты с двадцатью тысячами квадратных километров суши.

Низкая детская смертность позволяла сохранять постоянный уровень населения при ограничении в два ребенка на семью. На Талассе любят вспоминать случай, когда у семейной пары оба дозволенных раза на свет появилось по пять близнецов. Естественно, благословение — или проклятие? — свалилось на родителей не по вине матери. Но воспоминания о несчастной женщине окружала аура греха, подобная ореолу Лукреции Борджа, Мессалины или Фаустины.

«Придется крайне осторожно раскрывать карты»,— подумал Лорен. Мириссе он понравился — выражение лица и тон голоса девушки говорили за нее. Последние сомнения развеивались случайными прикосновениями рук и мягкими касаниями тел, длившимися намного дольше необходимого.

Оба знали, что судьба их предрешена. Лорен не сомневался: Брант все понимает. Однако, несмотря на возникшую напряженность, они оставались приятелями.

Едва слышный звук двигателя смолк, и лодка остановилась возле большого буя, покрытого стеклянными панелями. Он мягко покачивался на воде.

— Источник энергии,— пояснил Брант.— Несколько сотен ватт. Море пресное, солнечных батарей хватает. Земные океаны не подходили для таких устройств. Слишком соленая вода поглощала бы киловатт за киловаттом.

— Дядя, точно не передумал? — улыбнулся Кумар.

Лорен покачал головой. Поначалу странное обращение юных талассиан к людям постарше удивляло, но он успел привыкнуть. Приятно вдруг обзавестись десятками племянниц и племянников.

— Нет, спасибо. Посмотрю в иллюминатор, как вас слопают акулы.

— Акулы! — с тоской повторил Кумар.— Чудесные создания. Жаль, здесь их нет. Нырять стало бы куда веселее.

Лорен с профессиональным интересом наблюдал, как Брант с помощником подгоняли снаряжение. По сравнению с космическими скафандрами оно выглядело примитивным. Дыхательный баллон с легкостью умещался на ладони.

— Сомневаюсь, что кислорода хватит надолго,— прокомментировал опытный посланец Земли.

Талассиане укоризненно посмотрели на него.

— Кислород! — фыркнул Брант.— На глубине ниже двадцати метров это смертельный яд. В баллоне аварийный запас воздуха на пятнадцать минут.

Он указал на рюкзак, надетый Кумаром. Сзади его покрывали пластинки, образующие подобие жабр.

— Кислород растворен в морской воде, нужна лишь энергия, чтобы извлечь его. Насосы и фильтры питает аккумулятор. Если потребуется, с таким устройством я протяну неделю, не выныривая.

Брант постучал по светящемуся зеленоватому дисплею на левом запястье.

— Здесь вся нужная информация — глубина, состояние аккумулятора, время на подъем, декомпрессионные остановки...

Лорен рискнул задать очередной глупый вопрос.

— Почему ты в маске, а Кумар нет?

— Уверен? — улыбнулся юноша.— Посмотри внимательнее.

— О... вижу. Изящно.

— От них одни хлопоты,— проворчал Брант.— Полезно носить такие штуки, только если ты не вылезаешь из-под

воды, как Кумар. Я нырял с контактными линзами. От них болят глаза. Предпочитаю старую добрую маску, проблем куда меньше. Готов?

— Готов, шкипер.

Они синхронно перекатились через правый и левый борта, не покачнув лодку. Через толстую стеклянную панель в киле Лорен наблюдал, как талассиане без видимых усилий скользят к рифу. Глубина составляла двадцать с лишним метров, хотя дно казалось ближе.

Инструменты и кабели сбросили заранее. Ныряльщики сразу приступили к ремонту порванных сетей, изредка обмениваясь загадочными жестами. Оба знали, что делать; слов не требовалось.

Для Лорена время летело очень быстро; казалось, будто он заглядывает в новый, неизведанный мир. Происходящее в толще воды принадлежало другой вселенной. Ни на одной из бесчисленных видеозаписей земных океанов он не встречал подобного. В местных глубинах обитали вращающиеся диски и пульсирующие сгустки, волнистые ковры и закрученные спирали. Сыскать среди них настоящую рыбу, даже подключив воображение, оказалось трудной задачей. Лишь однажды на периферии зрения промелькнул знакомый силуэт земного посланца. Такого же, как Лорен... Или то был обман зрения?

Гость начал думать, что Брант и Кумар забыли о нем, когда в интеркоме послышался голос:

— Поднимаемся. Через двадцать минут будем. Как ты?

— Прекрасно,— отрапортовал Лорен.— Заметили рыбу с Земли?

— Нет.

— Да, дядя, минут пять назад проплыла мутировавшая форель в двадцать кило весом. Сварочная дуга Бранта ее спугнула.

Ныряльщики покинули морское дно и медленно поднимались, держась за якорную цепь. Метрах в пяти от поверхности они остановились.

— Скучнейшая часть погружения,— вздохнул Брант.— Приходится ждать пятнадцать минут. Второй канал, пожалуйста. Спасибо, не так громко...

Музыку, вероятно, выбирал Кумар; нервный ритм совсем не сочетался с мирным подводным пейзажем. Заметив, что талассиане поднимаются, Лорен с облегчением выключил плеер.

— Хорошо поработали,— проговорил Брант, выбираясь на палубу.— Напряжение и ток в норме. Теперь домой.

Они с благодарностью приняли помощь Лорена по освобождению от экипировки. Оба устали и замерзли, но быстро ожили после нескольких чашек горячей сладкой жидкости, называемой на Талассе чаем. Земной напиток с тем же названием она не напоминала ничем.

Кумар завел двигатель, и лодка направилась к берегу. Пошарив в куче снаряжения на дне, Брант извлек маленькую, ярко окрашенную коробочку.

— Нет, благодарю,— произнес Лорен, когда талассианин предложил таблетку легкого наркотика.— Не хочется перенимать местные привычки. Не так-то легко будет от них избавиться.

Он тут же пожалел об отказе, вызванном подсознательным импульсом или, возможно, ощущением вины. Но Брант не уловил потаенного смысла. Шкипер лежал на спине, заложив руки за голову, и смотрел в безоблачное небо.

— «Магеллан» виден днем,— сообщил Лорен, поспешно меняя тему,— если знать, куда смотреть. Но я не пробовал.

— Мирисса часто так делает,— вмешался Кумар.— Она показывала мне. Нужно узнать через Астронет время прохода корабля, выйти из дома и лечь на спину. Корабль похож на яркую звезду прямо над головой. Кажется, будто он не движется. Но стоит на секунду отвести взгляд, тут же теряешь его из виду.

Неожиданно Кумар, стоящий у пульта управления, сбросил скорость. Несколько минут пройдя на минимальной мощности, лодка наконец остановилась. Лорен огляделся по

сторонам, пытаясь сориентироваться. Удивительно, но от Тарны их отделял по меньшей мере километр. На воде покачивался буй с огромной буквой «П» и красным флагом.

— Почему затормозили? — поинтересовался Лорен.

Кумар усмехнулся и принялся опорожнять за борт ведерко, до этого, к счастью, плотно закрытое. Содержимое подозрительно напоминало кровь, но пахло намного хуже. Лорен отодвинулся подальше, насколько позволяли размеры лодки.

— Зовет старую подругу,— едва слышно пояснил Брант.— Сиди тихо. Она нервная.

«Она? — подумал Лорен.— Что тут творится?»

Минут пять они молча ждали. Лорен поражался Кумару: за это время парень не шелохнулся. Под самой поверхностью воды, в паре метров от судна, появилась темная кривая лента. Проследив взглядом, землянин понял, что она образует кольцо вокруг лодки.

Мгновение спустя он заметил, что Брант и Кумар наблюдают за ним. «Похоже, решили устроить сюрприз,— подумал Лорен.— Что ж, поглядим». Потребовалась вся сила воли, чтобы сдержать крик ужаса, когда из моря появилось нечто, напоминающее стену ярко... нет, гнилостно-розовой плоти. Она поднялась на высоту в половину человеческого роста, образовав непробиваемый барьер. Поверхность чудища почти целиком покрывали извивающиеся красно-синие змеи, вселяя еще больший страх.

Из глубины вырвалась жуткая, усеянная щупальцами пасть, готовая поглотить лодчонку...

Однако, судя по веселым лицам талассиан, бояться ее не стоило.

— Что это, во имя всего святого... Кракана? — прошептал Лорен, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Отличная реакция,— восхитился Брант.— Некоторые прячутся на дне лодки. Это Прекрасная Полли, от слова «полип». Миллиарды клеток, живущих в симбиозе; колониальное беспозвоночное. На Земле обитали существа вроде этого, но несколько поменьше.

— Наверняка,— нервно закивал Лорен.— Есть идеи, как отсюда выбраться?

Брант кивнул Кумару; юноша включил двигатели на полную мощность. С удивительной для столь огромной твари скоростью живая стена погрузилась в море, оставив после себя лишь маслянистую рябь.

— Испугалась вибрации,— объяснил Брант.— Посмотри в обзорное окно, увидишь Полли целиком.

Ко дну уходило нечто, напоминавшее древесный ствол толщиной в десять метров. Теперь Лорен понял, что извивающиеся «змеи» — это гибкие щупальца. Они свободно покачивались в родной стихии, разыскивая неосторожный корм.

— Ну и чудовище! — выдохнул землянин, наконец расслабившись. Он гордился собой и даже радовался пережитому. Пройдено очередное испытание. Одобрение Бранта и Кумара Лорен принял с благодарностью.

— Полли не опасна? — произнес он.

— Конечно, опасна; зачем, по-твоему, предупреждающий буй?

— Честно говоря, я бы прикончил эту тварь.

— Почему? — удивился Брант.— Какой от нее вред?

— Ну... наверняка существо такого размера жрет рыбу в огромных количествах?

— Талассианскую, несъедобную для людей. Что интересно, мы долго выясняли, как Полли заманивает жертв — даже таких глупых, как здешняя рыба,— в пасть. Выяснилось, что она выделяет химическое вещество-приманку. Так возникла идея электрических ловушек. Чуть не забыл!

Брант потянулся к коммуникатору.

— Тарна-три вызывает Автоответчик Тарны. Говорит Брант. Починили сетку. Работает нормально. Подтверждения не требуется. Конец сообщения.

Однако, к удивлению экипажа лодки, в ответ послышался знакомый голос:

— Брант, доктор Лоренсон, приветствую. Рада слышать, что вы справились. Есть новости. Интересуют?

— Конечно, мэр Уолдрон,— ответил Брант, обменявшись с Лореном озадаченными взглядами.— Выкладывай.

— В Центральных архивах откопали кое-что интересное. Случай с твоими проводами — не первый. Двести пятьдесят лет назад строили искусственный риф с Северного острова. Пользовались распространенной на Земле технологией, электрическим осаждением породы. Однако спустя несколько недель подводные кабели оказались порваны. Часть из них пропала. До причин не докапывались, поскольку эксперимент и без того не удался. В воде слишком мало минералов, подобная идея изначально не имела смысла. Так что консерваторов винить не в чем. В то время они еще не появились на свет.

Брант выглядел настолько ошеломленным, что Лорен рассмеялся.

— А хотел удивить меня! — воскликнул он.— Согласен, в море полно невообразимых и удивительных для наивного землянина вещей. Но, похоже, и для тебя сюрпризов предостаточно.

20
ИДИЛЛИЯ

Новость забавляла тарнийцев, и они делали вид, будто в нее не верят.

— Сперва выясняется, что не ты плавал на лодке, теперь — что не умеешь ездить на велосипеде!

— Стыдись! — с веселыми искорками в глазах упрекнула Мирисса.— Самое эффективное средство передвижения, изобретенное человеком, а ты не пробовал!

— На космическом корабле кататься негде, в городах — слишком опасно,— оправдывался Лорен.— Теперь точно попытаюсь.

Крутить педали оказалось не так легко, как выглядело со стороны. Требуется особый талант, чтобы не свалиться с машины на маленьких колесах и с низким центром тяжести.

Лорен умудрился проделать этот трюк не единожды. Первое знакомство с двухколесным монстром его разочаровало, и продолжать отношения он не собирался. Однако Мирисса заверила, что лучшего способа ближе познакомиться с островом — и с ней самой, решил мужчина — не сыскать. Пришлось поддаться на уговоры.

Постоянные падения научили ни о чем не задумываться и предоставить управление рефлексам. Логично: если размышлять над каждым шагом, нормально не походишь. Умом Лорен все понимал, но потребовалось время, прежде чем он доверился подсознанию. После того как барьер был преодолен, учиться стало намного проще. Вскоре, как он и рассчитывал, Мирисса предложила гостю вместе посетить отдаленные уголки острова.

Лорен с легкостью представлял, что, кроме двоих влюбленных, в мире никого нет. От поселка их отделяло всего пять километров. Проехали они куда больше. Узкая велосипедная дорожка оказалась самой длинной, зато вела по живописнейшим местам. Определить положение с помощью встроенного в коммуникатор датчика — секундное дело, однако Лорену нравилось делать вид, будто они заблудились.

Мирисса предпочла бы обойтись без специальной техники.

— Зачем таскать эту штуку? — буркнула она, показывая на браслет с кнопками, украшающий левое запястье землянина.— Иногда хорошо скрыться от всех.

— Да, но правила на корабле очень строгие. Если я срочно понадоблюсь капитану Бею и не отвечу...

— Что он сделает? Закует тебя в кандалы?

— Лучше кандалы, чем его лекция. Не переживай, я переключился в спящий режим. Достучаться можно только в случае реальной опасности. Но случись что подобное, я бы хотел узнать вовремя.

Как и многие поколения земных предков, Лорен куда лучше чувствовал себя без одежды, чем без коммуникатора. В ис-

тории планеты хватало беспечных и безрассудных людей, погибших из-за отсутствия кнопки экстренного вызова, зачастую в нескольких метрах от безопасной территории.

Велосипедную дорожку прокладывали из соображений экономии, не рассчитывая на оживленное движение. Поначалу полоска шириной меньше метра казалась неопытному землянину туго натянутым канатом. Приходилось сосредоточенно вглядываться в спину Мириссы (впрочем, это доставляло немалое удовольствие), чтобы не упасть. Но спустя пяток-другой километров он набрался уверенности и теперь наслаждался иными видами. Если попадался встречный велосипедист, спешивались все. Мысль о столкновении на полной скорости ужасала. Возвращаться пришлось бы, таща разбитые машины на себе...

Большую часть времени ехали молча. Лишь иногда Мирисса произносила пару слов, указывая на необычное дерево или примечательное место. В жизни Лорен не оказывался в подобной тишине; на Земле всюду окружали звуки, корабль наполняла симфония внушающих уверенность механических шумов, иногда разбавляемых сигналами тревоги.

Деревья окружали молодых людей плотным покрывалом. Оно словно растворяло в тишине любой звук, стоило его произнести. Новые ощущения радовали Лорена, однако вскоре возникло страстное желание заполнить акустический вакуум. Руки тянулись включить на коммуникаторе фоновую музыку, но Мирисса не одобрила бы такого поступка.

К немалому удивлению землянина, из-за деревьев впереди послышалась знакомая талассианская мелодия. Узкая дорожка редко баловала прямыми участками более двухсот-трехсот метров длиной; источник музыки прятался за крутым поворотом. Через пару минут перед путешественниками возник механический монстр. Он медленно двигался навстречу, оглашая окрестности танцевальной мелодией. Внешне чудище походило на робота-гусеницу метровой ширины. Когда пара съехала на обочину, пропуская шумную машину, Лорен понял, что это дорожно-ремонтный автомат. По пути

начинающий велосипедист заметил на дороге несколько грубых заплат и даже выбоин и размышлял, когда же за них возьмется Дорожный департамент Южного острова.

— А зачем музыка? — удивился он.— Такая махина не способна ее оценить.

Едва Лорен договорил, робот строго обратился к нему:

— Просьба не ехать по дорожному покрытию в радиусе ста метров. Оно не затвердело. Просьба не ехать по дорожному покрытию в радиусе ста метров. Оно не затвердело. Спасибо.

Удивленное лицо землянина рассмешило Мириссу.

— Верно, он не слишком интеллектуален. Музыка — предупреждение для велосипедистов.

— Не лучше ли использовать сирену?

— Да, но это так... недружелюбно.

Отойдя на обочину, они подождали, пока колонна цистерн, управляющих модулей и дорожно-укладочных механизмов проползет мимо. Лорен не удержался и потрогал свежее покрытие; теплое и податливое, оно выглядело влажным, хотя на ощупь оказалось сухим. Через несколько секунд субстанция стала твердой, как камень. На дороге остался едва заметный отпечаток пальца Лорена. Мужчина мрачно подумал: «Вот я и оставил след на Талассе. До ближайшего робота».

Дорога поднималась в холмы. Не привыкшие к нагрузкам мышцы землянина ныли. Он бы не отказался от дополнительной мощности, но Мирисса отвергала электрические модели велосипедов как способствующие чрезмерной изнеженности. Она сохраняла темп; Лорену оставалось лишь дышать глубже и не отставать.

Что за гул впереди? Вряд ли на Южном острове испытывают ракетные двигатели! Молодые люди крутили педали, а звук становился все громче. Лорен узнал его за пару секунд до поворота, скрывавшего источник.

Водопад не слишком впечатлял — метров сто в высоту и двадцать поперек. На Земле имелись и побольше. Над бас-

сейном кипящей воды, у самого подножия, висел металлический мостик, блестевший от брызг.

К облегчению Лорена, Мирисса спешилась и хитро посмотрела на него.

— Заметил что-нибудь... необычное? — поинтересовалась она, махнув в сторону водопада.

— Где? — не понял Лорен.

Он видел лишь непрерывную панораму деревьев и растительности. По другую сторону водопада вдаль уходила дорога. Ничего подозрительного.

— Деревья!

— И? Я не ботаник.

— Я тоже. Посмотри на них. Это бросается в глаза.

Он вгляделся повнимательнее, все еще озадаченный словами девушки. Наконец его озарило. Дерево — плод инженерного искусства Природы, а Лорен по профессии инженер.

С двух сторон от водопада словно поработали разные дизайнеры. Хотя мужчина не знал многих названий, деревья, окружавшие его, казались привычными; наверняка они прибыли с Земли. Да, вот дуб, вот прекрасные желтые цветы на невысоких кустах, знакомые с детства...

За мостом простирался совсем другой мир. Деревья — деревья ли? — выглядели грубыми и незаконченными. Короткие бочкообразные стволы с колючими ветвями, огромные папоротники, гигантские костлявые пальцы со щетинистыми венчиками на суставах... И ни одного цветка.

— Понятно. Родная растительность Талассы.

— Да, вышедшая из моря несколько миллионов лет назад. Мы называем это место Великим Разделом. Напоминает линию фронта. Неизвестно, какая из сторон победит. Земная растительность высокоразвита, но местная лучше приспособлена. Время от времени одна сторона вторгается на территорию другой. Приходится использовать лопаты, чтобы не дать ей закрепиться.

«Странно,— подумал Лорен, проводя велосипед через изящный мостик.— Впервые после высадки ощущение, будто оказался в чужом мире...»

Эти неуклюжие деревья и грубые папоротники сошли бы за сырье для угольных залежей. На Земле они пригодились: питаемая ими промышленная революция едва успела спасти человечество. Лорен воображал, что в любой момент из кустов выпрыгнет динозавр, но быстро отказался от подобных фантазий. Когда такие растения процветали на его планете, до появления жутких ящеров оставалось сто миллионов лет...

Пара снова села на велосипеды. Неожиданно мужчина вскрикнул:

— Кракан... черт побери!

— Что случилось?

Он опустился на толстый слой жесткого мха.

— Судорога,— пробормотал Лорен сквозь зубы, хватаясь за ногу.

— Дай посмотрю,— озабоченно, но уверенно потребовала Мирисса.

От ее приятного, хотя и непрофессионального массажа спазмы ослабли.

— Спасибо,— поблагодарил Лорен.— Намного лучше. Но, пожалуйста, не останавливайся.

— Думаешь, я собиралась? — прошептала она.

И они слились воедино — меж двух миров.

Часть IV
КРАКАН

21
АКАДЕМИЯ

Количество членов Талассианской академии наук строго ограничивалось круглым двоичным числом 100 000 000 (для предпочитающих считать на пальцах — 256). Научный руководитель экспедиции «Магеллана» предел одобряла: он соответствовал стандартам. К своим обязанностям Академия относилась серьезно. Президент признался, что в данный момент в ней состоит только 241 член; заполнить вакансии квалифицированным персоналом не удалось.

В аудитории лично присутствовали 105, а 116 подключились к заседанию с коммуникаторов, через сеть. Рекордная явка польстила доктору Варли. Однако женщину интересовало, куда девались оставшиеся 20 академиков из 241.

Ее представили как выдающегося астронома Земли. Энн Варли смутилась, хотя на день старта «Магеллана» так, увы, и выходило. Время и Судьба предоставили бывшему директору Лунной обсерватории имени Шкловского, теперь тоже бывшей, уникальную возможность выжить. Но она отлично понимала, что с гигантами вроде Экерли, Чандрасекара или Гершеля, не говоря о Галилее, Копернике или Птолемее, ей не сравниться.

— Итак,— начала доктор Варли,— наверняка вы видели эту карту Сагана-два. Лучшей картины на основе данных от зондов и радиоголограмм создать невозможно. Детали, естественно, размыты. Точность в лучшем случае до десяти километров. Достаточно, чтобы получить основные сведения. Диаметр — пятнадцать тысяч километров, чуть больше земного. Плотная атмосфера, почти целиком из азота. Кислорода, к счастью, нет.

Это «к счастью» всегда привлекало внимание слушателей, встряхивало аудиторию.

— Понимаю ваше удивление. Многие имеют предрассудки относительно состава воздуха. Но в предшествовавшие Исходу десятилетия наши взгляды на Вселенную существенно изменились.

В Солнечной системе так и не обнаружили следов живых существ. Программа SETI, несмотря на шестнадцать столетий работы, провалилась. Эти неудачи убедили практически всех, что жизнь — крайне редкое явление во Вселенной и потому бесконечно ценное.

Следовательно, все ее формы достойны уважения, и о них нужно заботиться. Некоторые утверждали, что даже патогенные вирусы и болезнетворные бактерии следует не уничтожать, а сохранять, соблюдая жесткие меры предосторожности. «Уважение к жизни» — популярная в Последние дни фраза. Мало кто относил ее исключительно к человеческому существованию.

Принцип биологического невмешательства повлиял на нашу деятельность. Все согласились, что нельзя основывать колонии на планетах с разумной жизнью. Печальная история Земли послужила достаточным уроком. К счастью — или к несчастью! — случая нарушить этот запрет так и не представилось.

Однако дискуссии не утихали. Предположим, мы нашли планету с молодой животной жизнью. Следует ли оставаться в стороне, позволить эволюции идти своим чередом? Ведь есть шанс, что миллиарды лет спустя там возникнет разум!

А если на планете только растительная жизнь? Или одноклеточные микробы?

Возможно, вас удивит, что человечество, стоя на краю гибели, тратило время на обсуждение столь абстрактных вопросов, моральных и философских. Однако смерть заставляет задуматься о действительно важных вещах: почему мы здесь, что нам делать?

Концепция Метаправа — уверена, вы слышали этот термин — обрела большую популярность. Возможно ли разработать юридический и моральный кодекс, применимый ко всем разумным существам? Удастся ли уравнять царствовавших на Земле в конце ее истории двуногих бескрылых млекопитающих с другими видами?

Сторонники исключительности хомо сапиенс как единственного разумного вида, известного науке, ставили его выживание выше всего остального. Кто-то придумал эффектный лозунг: «В выборе между Человеком и Плесенью я голосую за Человека!» Кстати, лидером противоположного лагеря стал доктор Кальдор, обретя тем самым достаточно недругов.

До прямой конфронтации, по моим сведениям, не дошло. Пройдут века, прежде чем мы получим сообщения от последних отправившихся в космос сеятелей. Если ответят не все — что ж, возможно, плесень победила...

В 3505 году на последней сессии Мирового парламента были определены некоторые принципы, ставшие в будущем основой для колонизации планет. Набор указаний окрестили Женевской директивой. Многие считали их невыполнимыми, чересчур идеалистическими. Но ценно само намерение. И неважно, в состоянии ли Вселенная оценить подобный жест.

Сейчас нас интересует лишь один пункт директивы, наиболее известный и противоречивый. Из-за него не рассматривались самые многообещающие цели.

Достаточно нескольких процентов кислорода в атмосфере планеты, чтобы заподозрить существование жизни на ней. Этот химический элемент слишком активен и недолго остается в свободном состоянии. Запасы должны постоянно пополняться растениями или подобными организмами. Конечно, кислород не доказывает наличие, скажем, млекопитающих. Он лишь создает предпосылки для их появления. И хотя животная жизнь редко ведет к возникновению разума, иного пути не существует даже в теории.

Таким образом, в соответствии с принципами Метаправа, планеты с кислородосодержащей атмосферой исключа-

ются из рассмотрения. Однако не изобрети мы квантовый двигатель, дающий практически неограниченные возможности и могущество, сомневаюсь, что парламентарии осмелились бы принять столь радикальное решение.

Теперь позвольте изложить план действий на Сагане-два. Как показывает карта, больше половины ее поверхности покрыто льдом. Глубина в среднем три километра. Весь кислород, который нам понадобится, заключен в этой толще.

Выйдя на орбиту, «Магеллан» воспользуется малой долей мощности квантового двигателя, чтобы выжечь лед и разложить образовавшийся пар на кислород и водород. Водород улетучится в космос; если потребуется, мы поможем ему специально настроенными лазерами.

Через двадцать лет в атмосфере Сагана-два накопится десять процентов кислорода. Из-за большого количества окисей азота и прочих ядов она все еще будет непригодна для дыхания. Тогда мы спустим на планету искусственно выведенные бактерии и растения, чтобы ускорить процесс. Но закачанное нами тепло недостаточно изменит климат. Температура будет подниматься выше точки замерзания воды лишь в полдень на экваторе.

Мы снова воспользуемся квантовым двигателем — вероятно, в последний раз. «Магеллан», до этого видевший только космос, наконец опустится на поверхность планеты.

Ежедневно в определенное время суток двигатель будет работать по пятнадцать минут. Как долго придется повторять процедуру, узнаем на месте. Потребуется максимальная мощность. Мы способны рассчитать, выдержит ли корпус. Но место посадки может оказаться геологически неустойчивым. В таком случае придется переместить корабль.

Задача — замедлить планету и двигать ее к солнцу, пока климат не станет умеренным. По грубым прикидкам, включать и выключать двигатель предстоит в течение тридцати лет. Еще двадцать пять лет уйдет на то, чтобы сделать орбиту круговой. В это время Саган-два уже будет пригодна для жизни. Останется единственный недостаток — жестокие зимы. Они продержатся до заключительного этапа операции.

В итоге мы получим девственную планету размером больше Земли, с шестьюдесятью процентами суши и средней температурой в двадцать пять градусов. Содержание кислорода в атмосфере составит семьдесят процентов от земного и будет постоянно расти. Девятьсот тысяч спящих в анабиозе проснутся, и мы предоставим им новый мир.

Таков сценарий. Только непредвиденные обстоятельства или внезапные открытия заставят нас отклониться от него. А если случится худшее...

Доктор Варли поколебалась, затем мрачно улыбнулась.

— Нет. Что бы ни случилось, мы больше не увидимся. Если не получится с Саганом-два, в тридцати световых годах есть другая цель. Возможно, она окажется лучше. Может быть, в конце концов мы колонизируем обе. Будущее покажет.

Дискуссия началась не сразу. Услышанное ошеломило академиков. Оратора наградили искренними аплодисментами. Президент, долгим опытом наученный заранее готовить вопросы, заговорил первым.

— Доктор Варли, банальный вопрос. В честь кого или чего названа планета Саган-два?

— В честь автора научно-фантастических романов начала третьего тысячелетия.

Как и рассчитывал президент, лед тронулся.

— Вы упомянули, доктор, что Саган-два имеет по крайней мере один спутник. Что с ним станет, когда орбита планеты изменится?

— Лишь едва заметные пертурбации. Он продолжит двигаться с планетой.

— Если бы директиву... какого там, три тысячи пятисотого...

— Три тысячи пятьсот пятого.

— ...ратифицировали раньше, где бы мы оказались? Таласса явно не удовлетворяет ее принципам!

— Очень хороший вопрос. Мы часто его обсуждали. Миссия корабля-сеятеля две тысячи семьсот пятьдесят первого года — вашего Материнского Корабля на Южном острове — наверняка бы противоречила директиве. К счастью, проблем не возникло. У вас нет наземных животных, и принцип невмешательства соблюден.

— Гипотетический вопрос,— произнес молодой академик, к удивлению старших коллег.— Вы утверждаете, что кислород означает жизнь. Но откуда уверенность, что без него небесное тело мертво? Легко вообразить всевозможных существ, в том числе разумных, на планетах без кислорода, даже без атмосферы. Если эволюционными преемниками людей станут машины, как предполагают многие философы, они предпочтут воздух, не способствующий ржавлению. Вы представляете, насколько старой может оказаться планета Саган-два? Если она миновала кислородно-биологическую эру, вас будет ждать машинная цивилизация.

Среди аудитории раздались смешки и недовольное бормотание: «Научная фантастика!» Доктор Варли подождала, пока академики успокоятся, и коротко ответила:

— Мы не особо волнуемся по этому поводу. Если наткнемся на машинную цивилизацию, принцип невмешательства вряд ли станет главной заботой. Меня больше волнует, как они повлияют на нас!

В задних рядах медленно поднялся человек, старше которого доктор Варли не встречала на Талассе. Председатель моментально нацарапал записку и передал ей:

Проф. Дерек Уинслейд, 115 лет, ВС Т. науки, историк.

Пару секунд доктор пыталась понять, что означает ВС. Вдруг ее осенило: это сокращение от «Великий Старец».

Закономерно, что патриарх талассианской науки — историк, подумала она. За семьсот лет Три острова породили лишь горстку настоящих мыслителей.

Однако не стоило винить талассиан. Они строили новую цивилизацию; стимулы к исследованиям, не приносящим

практических результатов, отсутствовали. Имелась еще одна проблема, более серьезная, но менее очевидная. Одновременно каждой научной дисциплиной занималось слишком мало людей. Невозможно было достичь «критической массы», необходимой для порождения новой области знаний из фундаментальных исследований.

Лишь в музыке и математике случались редкие исключения. Нелюдимый гений — местный Рамануджан или Моцарт — мог возникнуть из ниоткуда и в одиночестве бороздить странные моря человеческой мысли. Отличный пример из талассианской науки — Фрэнсис Золтан (214–242); имя его чтили даже пятьсот лет спустя после гибели великого ученого. Однако доктор Варли скептически относилась к его неоспоримым талантам. Ей казалось, что по-настоящему сути открытий в области гипертрансфинитных чисел не понимал никто. Подлинная проверка научного прорыва — это работы последователей, коих у Золтана оказалось исчезающе мало. Даже знаменитая «Последняя гипотеза» не доказана и не опровергнута до сих пор.

Варли подозревала, хотя тактично не делилась мыслями с талассианскими друзьями, что репутацию и авторитет Золтан приобрел благодаря ранней и трагической смерти. Память о нем окутывали томительные надежды: а что, если... Ученый пропал без вести, плавая в окрестностях Северного острова. Событие породило легионы романтических мифов и теорий — несчастная любовь, завистливые соперники, неспособность найти ключевое доказательство, страх перед гипербесконечностью. Большинство предположений ни на чем не основывались. Но все они добавляли популярности образу величайшего гения Талассы, погибшего на пике свершений...

Что говорил старый профессор? Господи... После любого доклада находился тип, поднимающий постороннюю тему. Находились такие, кто умудрялся изложить любимую теорию, не относящуюся к делу. Доктор Варли накопила большой опыт и умела справляться с подобными деятелями, поднимая

их на смех. Но с Великим Старцем, окруженным почтительными коллегами, на его территории, следовало обращаться вежливо.

— Профессор... э-э... Уинсдейл...

— Уинслейд,— поспешно шепнул председатель, но она решила, что попытка поправиться лишь ухудшит дело.

— ...Ваш вопрос хорош, но это тема для другой лекции, даже серии лекций.

Что касается первого замечания — мы неоднократно слышали подобную критику. Она неверна. Никаких попыток сохранить тайну, как вы выразились, квантового двигателя не предпринималось. Вся теория находится в архивах корабля. Она передана Талассе вместе с другими материалами.

Однако я не хотела бы пробуждать ложных надежд. Честно говоря, среди действующего экипажа нет человека, в полной мере осознающего принцип работы двигателя. Мы умеем им пользоваться, не более.

В анабиозе находятся трое ученых — специалистов по квантовому движению. Но если придется разбудить их до прибытия на Саган-два, возникнут серьезные проблемы.

Люди сходили с ума, стараясь вообразить геометродинамическую структуру гиперпространства и задаваясь вопросом, почему Вселенная имеет одиннадцать измерений. Ведь десять и двенадцать — такие красивые числа! Когда я изучала базовый курс реактивного движения, преподаватель говорил: «Понимай вы суть вопроса, мы бы сейчас не разговаривали. Таких самородков отправляют на углубленный курс в институт Лагранжа-один». Он привел сравнение, вновь позволившее мне спокойно спать. Кошмары, наступающие от попыток представить десять в минус тридцать третьей степени сантиметра, отступили.

«Экипажу "Магеллана" требуется лишь знать, что делает двигатель,— объяснял преподаватель.— Вы подобны инженерам на электростанции. Персонал умеет переключать энергию на различных потребителей, и ему не важно, откуда она берется. Динамо-машина, солнечная батарея или водяная

турбина — без разницы. Инженеры, конечно, понимают основные принципы, но для работы эти знания не нужны.

Электричество может вырабатываться и более сложным способом. Скажем, с помощью ядерного реактора, или мюонного катализатора, или узла Пенроуза, или ядра Хокинга-Шварцшильда — понимаете, о чем я? На каком-то этапе инженеры перестанут понимать даже азы, однако останутся квалифицированными специалистами, способными поставлять электроэнергию куда необходимо».

Таким же образом мы способны направить «Магеллан» с Земли на Талассу и, надеюсь, дальше — на Саган-два, не имея понятия о том, что делаем. Но однажды — вероятно, столетия спустя — появятся гении, равные создателям квантового двигателя.

Быть может, это произойдет на Талассе. Родится новый Фрэнсис Золтан, и тогда уже вы прилетите к нам в гости.

Вряд ли доктор Варли верила в свои слова. Но завершение вышло эффектным и вызвало шквал аплодисментов.

22
КРАКАН

— Сделать это мы, конечно, в состоянии,— задумчиво проговорил капитан Бей.— План операции почти закончен. Вибрацию компрессоров, похоже, удастся одолеть. Подготовка площадки опережает график. Мы могли бы выделить людей и оборудование. Но насколько хороша такая идея?

Он обвел взглядом пятерых старших офицеров, собравшихся вокруг овального стола в зале для совещаний Терра Новы. Все как один посмотрели на доктора Кальдора. Он вздохнул и обреченно развел руками.

— Надо понимать, проблема не чисто технического плана. Расскажите все, что мне следует знать.

— Ситуация такова,— начал первый помощник Малина.

Свет потускнел, и в нескольких миллиметрах над столом повисло изображение Трех островов, напоминающее подроб-

ную модель. Но это был не статический слепок. При увеличении масштаба становились различимы талассиане, занимающиеся делами.

— Местные до сих пор боятся горы Кракан. На самом деле это мирный вулкан. От извержения никто не погиб. Одновременно он является ключевым элементом межостровной системы связи. Вершина находится в шести километрах над уровнем моря. Это наивысшая точка планеты. Идеальное место для размещения парка антенн, обеспечивающих дальнюю связь между островами.

— Меня всегда удивляло,— пробормотал Кальдор,— что за две тысячи лет мы не придумали ничего лучше радиоволн.

— Во Вселенной существует лишь один электромагнитный спектр, доктор Кальдор. Альтернатив нет. Талассианам еще повезло. Крайние оконечности Северного и Южного островов разделяют всего триста километров. Кракан обеспечивает покрытие всей суши; нет необходимости в спутниках-ретрансляторах. Проблемы две — доступность и метеоусловия. Шутят, что вулкан — единственное место на планете, где вообще бывает погода. Каждые несколько лет приходится лезть на гору, чтобы починить антенны, заменить солнечные элементы и батареи. Приходится разгребать снежные завалы. Ничего сложного, но работа неблагодарная.

— Талассиане всячески стараются избежать ее,— вмешалась главный врач Ньютон.— Вряд ли стоит винить их. Они сохраняют силы для спорта и атлетики.

Женщина едва не добавила: «и любви». Для многих присутствующих тема была чересчур болезненной, и подобное замечание могли не оценить.

— Зачем лезть на гору? — удивился Кальдор.— Почему не долететь до вершины? У них есть аппараты вертикального взлета.

— Там очень сильный ветер и разреженный воздух. После нескольких аварий талассиане решили не рисковать.

— Понятно,— задумчиво кивнул Кальдор.— Все та же проблема невмешательства. Не ослабит ли навязывание на-

ших технологий их веру в свои силы? Разве что незначительно. К тому же просьба пустячная, и отказ ухудшит отношения с талассианами. Что справедливо, учитывая их помощь в работе над ледовой установкой.

— Полностью согласен. Возражения? Отлично. Коммандер Лоренсон, займитесь этим. Используйте любой космоплан, не задействованный в операции «Снежинка».

Доктор Кальдор любил горы. Они помогали чувствовать себя ближе к Богу; в отсутствии этого субъекта Моисей все еще сомневался.

Стоя на краю огромного кратера, он разглядывал море давно застывшей лавы. Из десятков трещин поднимались клубы дыма. Далеко на западе маячили очертания двух больших островов, похожих на темные тучи.

Ощущения усиливались пронизывающим холодом и необходимостью считать каждый вдох. Когда-то Кальдор наткнулся на фразу в старой приключенческой книге: «Воздух подобен вину». Тогда он жалел, что не может спросить автора, как тому удается дышать вином; теперь высказывание не казалось столь забавным.

— Моисей, все выгружено. Возвращаемся.

— Спасибо, Лорен. Я бы подождал до вечера, пока вы не прилетите за остальными. Но рискованно оставаться здесь так надолго.

— Инженеры, естественно, привезли кислородные баллоны...

— Дело не только в этом. Однажды мой тезка угодил в основательный переплет, стоя вот так же на горе.

— Извини, не понял?

— Забудь. Старая, очень старая история.

Бригада рабочих на горе весело замахала вслед поднявшемуся над кратером космоплану. Инструменты и оборудование были выгружены, и люди занимались обычной для талассиан предпроектной суетой. Кто-то заваривал чай.

Подняв летательный аппарат в воздух, Лорен осторожно обогнул замысловатое скопление антенн всевозможных

форм и размеров, сориентированных на два смутно различимых острова к западу от горы. Стоит, проявив халатность, нарушить связь, и бесчисленные гигабайты информации пропадут навсегда. Талассиане тогда очень пожалеют, что попросили о помощи.

— Разве мы не в Тарну?

— Момент. Хочу осмотреть гору. Вот и она!

— Где? О, вижу. Кракан!

Заимствованное ругательство оказалось уместным. Внизу землю рассекало глубокое ущелье шириной метров в сто. На дне бушевала преисподняя.

Под поверхностью юной планеты все еще пылал огонь ядра. К морю лениво текла желтая огненная река с алыми вкраплениями. Кальдор недоумевал: почему талассиане уверены, что вулкан успокоился, а не затаился на время?

Однако их интересовала не река лавы. Рядом виднелся кратер примерно километрового диаметра. На краю возвышались развалины башни. Подлетев ближе, они увидели еще пару фундаментов. Три разрушенных сооружения находились на одинаковом расстоянии друг от друга, окружая огненную пасть.

Дно кратера покрывали спутанные кабели и металлические листы. Очевидно, остатки большого радиорефлектора. В центре лежали обломки приемо-передающего оборудования, частично погруженные в озерко — результат бесконечных горных гроз.

Земляне кружили над руинами того, что связывало Таласса с материнской планетой, стараясь не мешать друг другу погружаться в воспоминания и размышления. Наконец Лорен нарушил молчание:

— Состояние, конечно, ужасное, но восстановить можно. Саган-два ближе к экватору, чем Земля; всего двенадцать градусов на север. Направить туда луч даже проще.

— Отлично. Доделаем щит — начнем ремонтировать рефлектор. Впрочем, особая помощь местным вряд ли потребуется, спешить им некуда. Пройдет почти четыреста лет, преж-

де чем до них дойдет сигнал, даже если станем транслировать сразу по прибытии.

Засняв гору на видео, Лорен направил аппарат вниз вдоль склона и повернул к Южному острову. Не успели они опуститься на километровую высоту, как Кальдор озадаченно проговорил:

— Что за дым на северо-востоке? Похоже на сигнал.

Между ними и горизонтом на фоне безоблачного талассианского неба поднимался тонкий белый столб, возникший не больше пяти минут назад.

— Надо посмотреть. Вдруг лодка терпит бедствие.

— Знаете, что напоминает? — спросил Кальдор.

Лорен молча пожал плечами.

— Китовый фонтан. Когда эти животные поднимались на поверхность вдохнуть воздуха, они выбрасывали водяной столб. Очень похоже.

— Интересная теория, но в ней две ошибки,— возразил Лорен.— Какой нужен кит для фонтана высотой в километр?

— Согласен. И по длительности не подходит. Держится на порядки дольше. Второе возражение?

— Судя по карте, здесь не открытое море. Вариант с лодкой тоже не подходит.

— Странно. Таласса покрыта океаном... А, понятно. Великая Восточная прерия. Да, именно здесь ее граница. Допускаю, что внизу земля.

На них быстро надвигался плавучий континент из морской растительности. Она покрывала большую часть талассианского океана и служила источником почти всего кислорода в атмосфере. Истинную природу ярко-зеленого покрывала, казавшегося достаточно твердым, чтобы выдержать человека, разоблачало лишь отсутствие холмов и других возвышенностей.

Только одна часть плавучей прерии, шириной около километра, не выглядела ни ровной, ни сплошной. Под поверхностью что-то кипело, выбрасывая огромные облака пара и иногда комки спутанных водорослей.

— Конечно же! — воскликнул Кальдор.— Дитя Кракана!

— Именно,— подтвердил Лорен.— Первое пробуждение с нашего прилета. Вот, значит, как появились острова.

— Да, вулканический шельф неуклонно перемещается на восток. Возможно, через пять-шесть веков на Талассе появится целый архипелаг.

Некоторое время они летали по кругу, затем повернули к Восточному острову. Большинство людей потряс бы вид зарождающегося подводного вулкана.

Но не тех, кто видел гибель Солнечной системы.

23
ДЕНЬ ЛЬДА

Вряд ли президентская яхта, она же Межостровной паром № 1, за всю трехсотлетнюю карьеру выглядела столь впечатляюще. Ее не только увешали разноцветными флагами, но и заново покрасили. К несчастью, не хватило то ли белой краски, то ли усердия. Капитану пришлось поставить судно на якорь так, чтобы с берега был виден только правый борт.

Церемониальное одеяние президента, созданное супругой, делало его похожим на римского императора и астронавта-первопроходца одновременно. Фаррадайн чувствовал себя неуютно. Капитан Бей радовался, что его форма состоит из простых белых шорт, рубахи с открытым воротом, знаков различия на плечах и расшитой золотом фуражки. Удобная одежда, хотя он с трудом припоминал, когда в последний раз носил ее.

Президент все время путался в тоге. Несмотря на это, официальная часть церемонии удалась. Прекрасно сработала и уменьшенная модель морозильной установки, производившая неограниченное количество шестиугольных ледяных пластинок. Размер как раз подходил для бокала с холодным напитком. Не все гости понимали суть названия «Снежинка», однако на Талассе мало кто видел снег, и это их оправдывало.

От модели перешли к осмотру настоящей установки, занимавшей несколько гектаров побережья Тарны. Потребовалось время, чтобы переправить президента со свитой, капитана Бея с офицерами и остальных гостей на берег. Наконец, к наступлению сумерек, присутствующие почтительно выстроились вокруг шестиугольного ледяного блока диаметром в двадцать метров и толщиной в два. Столь огромной глыбы не видел ни один талассианин. Пожалуй, до сего момента на планете не нашлось бы такой массы замороженной воды. Теплые течения из экваториальных районов быстро растапливали появлявшиеся на полюсах льдины. Крупные континенты, способные сдержать циркуляцию воды, на Талассе отсутствовали.

— Почему он такой формы? — поинтересовался президент.

Первый помощник Малина вздохнул. Приходится снова и снова объяснять одно и то же.

— Старая проблема. Необходимо покрыть поверхность одинаковыми плитками,— терпеливо начал он.— Есть три варианта: квадраты, треугольники или шестиугольники. В нашем случае шестиугольник удобнее. С ним легче управляться. Более двухсот ледяных блоков, каждый весом в шестьсот тонн, будут соединены в щит, нечто вроде трехслойного ледяного сэндвича. Когда мы начнем ускоряться, части сплавятся в огромный диск — точнее, тупой конус.

— Вы подсказали интересную идею.— Президент выглядел более оживленным, чем весь день до этого.— На Талассе никогда не катались на коньках. Прекрасный спорт! Еще существовала игра под названием «хоккей на льду». Хотя, судя по старым видеозаписям, возрождать ее не стоит. Возможно ли сделать каток на время Олимпиады? Было бы чудесно!

— Надо подумать,— едва слышно проговорил Малина.— Идея действительно интересная. Надеюсь, вы подскажете, сколько льда требуется.

— С удовольствием. Вот мы и нашли применение холодильной установке после выполнения основной задачи!

Внезапный залп избавил Малину от необходимости отвечать. Выстрелили фейерверки, и следующие двадцать минут в небе над островом рассыпалось многоцветное сияние.

Талассиане очень любили огненные шоу и устраивали их по любому поводу. Зрелищности добавляли лазерные картины, более впечатляющие и безопасные. Но порохом от них не пахло, и ощущение волшебства было неполным.

Когда празднества закончились, важные персоны вернулись на корабль. Первый помощник задумчиво произнес:

— Президент полон сюрпризов, хотя кругозор у него ограничен. Я устал слушать про эту чертову Олимпиаду. Но идея насчет катка отличная: лишний повод улучшить отношения.

— И все-таки я победил,— улыбнулся лейтенант-командер Лоренсон.

— О чем спорили? — вмешался капитан.

Малина рассмеялся.

— Никогда бы не поверил. Порой кажется, будто талассиане лишены любопытства. Они все воспринимают как само собой разумеющееся. Нам должна льстить такая вера в земные технологии. Возможно, они думают, что мы владеем антигравитацией! Лорен посоветовал,— продолжал он,— не упоминать в докладе некоторые факты. И оказался прав. Президент Фаррадайн так и не задал вопрос, который возник бы у меня в первую очередь. Как мы собираемся поднять сто пятьдесят тысяч тонн льда на «Магеллан»?

24
АРХИВ

Моисей Кальдор обрадовался, получив возможность несколько часов или дней побыть одному в священной тишине места Первой высадки. Он снова чувствовал себя юным

студентом, получившим доступ ко всем произведениям искусства и знаниям человечества. Это и воодушевляло, и вгоняло в тоску. Вселенная лежала у ног. Но за всю жизнь Моисей мог обследовать лишь ничтожную ее долю. Порой он едва не впадал в отчаяние. Ученый чувствовал себя голодным ребенком, теряющим аппетит при виде невероятно длинного, обильно уставленного яствами стола.

Однако богатство знаний и культуры представляло лишь малую долю земного наследия; многого из того, что Моисей знал и любил, больше не существовало. Не катастрофа унесла великие творения. Кальдор прекрасно понимал: шедевры исчезли в соответствии с заранее составленным планом.

Тысячу лет назад гении, желавшие лишь добра, переписали историю. Они прошлись по библиотекам Земли, решая, что сохранить, а что оставить огню. Критерий был прост, но применять его оказалось не так легко. В память кораблей-сеятелей загружали только способствующие выживанию и стабильности новых миров произведения литературы и сведения о прошлом.

Практически невыполнимая, терзающая душу задача. Со слезами отборочная группа отвергла Веды, Библию, Трипитаку, Коран и основанный на них необъятный пласт текстов — художественных и нехудожественных. Несмотря на красоту и мудрость этих трудов, следовало оградить девственные планеты от их влияния. Древние яды религиозной ненависти, набожной чуши и веры в сверхъестественное, утешавшие бесчисленные миллиарды мужчин и женщин ценой их разума, оставили погибать на Земле.

Подавляющее большинство работ выдающихся романистов, поэтов и драматургов лишались смысла без философского и культурного фона. Все они отправились в очистительное пламя. Гомер, Шекспир, Мильтон, Толстой, Мелвилл, даже Пруст — последний великий писатель до электронной революции, сокрушившей печатное слово... От них остались лишь жалкие сотни тысяч тщательно отобранных фраз. Исключалось все, касавшееся войн, преступлений, насилия и

пагубных страстей. Если обновленные — и, как надеялись их предки, более совершенные — наследники хомо сапиенс заново откроют все это, они, несомненно, создадут собственную литературу. Незачем их подталкивать.

Музыке, за исключением оперы, и изобразительному искусству повезло больше. Однако материала накопилось столько, что все равно приходилось выбирать, порой случайным образом. Будущим поколениям на далеких планетах предстояло наслаждаться первыми тридцатью восемью симфониями Моцарта, второй и четвертой Бетховена, и с третьей по шестую Сибелиуса.

Моисей Кальдор осознавал возложенную на него ответственность. Он прекрасно понимал, что не в силах справиться с поставленной задачей, как и любой человек, каким бы талантливым он ни был. На борту «Магеллана», в гигантских банках памяти, хранилось многое, недоступное жителям Талассы. Они бы с радостью приняли это, даже не имея возможности понять до конца. Прекрасное воссоздание «Одиссеи» двадцать пятого века, военная классика, с тоской глядящая назад через пять веков мира, великие трагедии Шекспира в блестящем переводе Файнберга на лингву, «Война и мир» Ли Чжоу... Чтобы просто перечислить названия, требовались часы и дни.

Порой, сидя в библиотеке комплекса Первой высадки, Кальдор очень хотел поиграть в бога для этих относительно счастливых и далеко не невинных людей. Он имел возможность сравнить содержимое здешних архивов с банками памяти корабля и отметить все сокращенные или вычеркнутые материалы. Принципиальный борец с цензурой, в каких-то случаях Моисей соглашался с полезностью принятых мер, по крайней мере для первых поколений талассиан. Но теперь, когда колония развилась, возможно, не лишним оказалось бы легкое творческое вмешательство...

Время от времени размышления прерывались вызовами с корабля. Иногда на экскурсии к истокам своего народа при-

ходили группы молодых талассиан. На помехи такого рода Моисей не обращал внимания, а одной даже радовался.

Почти ежедневно, если не препятствовали срочные по меркам Тарны дела, на холм поднималась Мирисса верхом на красивом белом жеребце Бобби. Гости поначалу немало удивились, обнаружив на Талассе лошадей, поскольку не видели их живьем на Земле. Но обитатели Трех островов любили животных. Многих они воссоздали из обширного генетического материала, доставшегося в наследство. Некоторые виды оказывались бесполезными, какие-то даже доставляли хлопоты. Например, вездесущие обезьянки постоянно воровали мелкие предметы из домов в Тарне.

Мирисса неизменно приносила угощения, обычно фрукты или местный сыр. Кальдор был благодарен девушке, однако больше удовольствия он получал от ее общества. Кто бы поверил, что в прошлом он обращался к пяти миллионам человек — более половины последнего поколения! Теперь и единственный слушатель радовал старого оратора...

— Вы происходите из древнего рода библиотекарей,— произнес Моисей Кальдор,— и думаете исключительно в мегабайтах. Но хочу напомнить: понятие «библиотека» проистекает от слова, означающего «книга». На Талассе есть книги?

— Конечно,— обиделась Мирисса, еще не научившаяся различать юмор Кальдора.— Миллионы... ну, тысячи. На Северном острове живет человек, печатающий около десяти книг в год, по несколько сотен экземпляров. Они необыкновенно красивы и очень дороги. Их дарят по особым случаям. Я получила такую на двадцать первый день рождения. Называется «Алиса в Стране чудес».

— Надо будет взглянуть. Всегда любил книги. У меня на корабле почти сто штук. Возможно, поэтому величины в байтах я делю на миллион и представляю одну книгу... Гигабайт — тысяча книг, и так далее. Только так я представляю,

о чем речь, когда говорят о банках данных и передаче информации. Насколько велика ваша библиотека?

Не отводя взгляда от Кальдора, Мирисса пробежала пальцами по клавиатуре консоли.

— Еще одна недоступная мне вещь,— восхитился он.— Кто-то сказал, что после двадцать первого века человечество разделилось на два вида — вербальный и текстовый. Я, конечно, умею пользоваться клавиатурой, но предпочитаю общаться с удаленными коллегами устно.

— По состоянию на последний час,— сообщила Мирисса,— шестьсот сорок пять терабайт.

— Гм... почти миллиард книг. А первоначальный объем?

— Это я помню наизусть. Шестьсот сорок.

— Значит, за семьсот лет...

— Да, да, мы создали всего пару-тройку миллионов книг.

— Я не критикую. В конце концов, качество куда важнее количества. Хотелось бы посмотреть лучшие, по вашему мнению, произведения талассианской литературы и музыки. Приходится решать, чем с вами делиться, и это проблема. На «Магеллане» в банке общего доступа свыше тысячи мегакниг. Понимаете, что это означает?

— Если отвечу «да», вы не расскажете. Я не настолько жестока.

— Спасибо, дорогая. В самом деле, ужасная проблема. Она преследует меня много лет. Порой кажется, что Земля погибла вовремя. Человечество раздавила произведенная им информация.

В конце второго тысячелетия она генерировалась в ничтожных объемах. Всего — всего! — миллион книг в год. Разумеется, без учета бесконечного проходного хлама, обреченного на забвение спустя пару лет.

К третьему тысячелетию число увеличилось минимум раз в сто. Объем информации, произведенной с изобретения письменности до гибели Земли, оценивается в десять тысяч миллионов книг. Повторюсь, на борту «Магеллана» спаслось около десятой части.

Допустим, на Талассе найдется хранилище. Но эта гора вас сокрушит, расщедрись мы и вывали все бездумно. Такой поступок не станет добрым делом. Он остановит культурное и научное развитие Талассы. Большинство же материала вообще покажется бессмыслицей; понадобятся столетия, чтобы отделить зерна от плевел.

«Странно,— подумал Кальдор,— как я не додумался до такой аналогии раньше? Именно об этой опасности без устали твердили противники проекта SETI. Что ж, человечество не связалось с внеземным разумом, даже не обнаружило его. Талассианам повезло больше. Внеземным разумом стали мы...»

Мирисса и Моисей имели достаточно много общего, несмотря на разное происхождение и образование. Она отличалась умом и любопытством. Даже среди экипажа Кальдор не встречал человека, способного поддерживать столь интересные беседы. Иногда девушка задавала настолько сложные вопросы, что землянину оставалось лишь переходить в наступление.

— Не понимаю,— признался он после очередного детального обсуждения политики Солнечной системы,— почему вы не пошли по стопам отца и не стали работать здесь. Прекрасная профессия для вас.

— Я думала так же. Но папа всю жизнь лишь отвечал на вопросы и собирал документы для бюрократов Северного острова. Не оставалось времени для настоящей работы.

— Вас не устраивает такое?

— Люблю собирать факты, но хочется, чтобы они приносили пользу. Поэтому меня назначили заместителем начальника Департамента застройки Тарны.

— Боюсь, прибытие «Магеллана» нарушило планы вашего ведомства. Так, во всяком случае, заявил твой шеф, выходя из кабинета мэра.

— Сами знаете, Брант говорил не всерьез. Мы занимаемся долговременным проектом, дата завершения приблизительная. Если действительно решат строить Олимпийский ледовый стадион, планы в самом деле придется подкорректировать. Многие считают, в лучшую сторону. Северяне, конечно, хотели бы расположить арену у себя. Они полагают, комплекса Первой высадки нам достаточно.

Кальдор усмехнулся. Он не раз слышал о давнем соперничестве между островами.

— А разве нет? К тому же теперь в Тарне появилась новая достопримечательность — мы. Не стоит жадничать.

Они настолько сдружились и узнали друг друга, что могли одинаково свободно шутить по поводу Талассы и «Магеллана». Между ними исчезли тайны и недомолвки; Мирисса и Моисей открыто обсуждали Лорена и Бранта. Наконец землянин нашел силы говорить и о родной планете.

— ...Кем я только не работал. В основном, конечно, всякая ерунда. Дольше всего продержался в Кембридже на Марсе, профессором политологии. Вы не представляете, что за неразбериха иногда возникала из-за названий. Существовал более старый Кембриджский университет в штате Массачусетс. И самый древний — в английском Кембридже.

Ближе к концу мы с Эвелин все больше окунались в решение текущих общественных проблем и планирование Последнего Исхода. Я обладал неким... скажем так, ораторским талантом и помогал людям встретить будущее лицом к лицу.

Однако мы не верили всерьез, что Конец наступит в наше время. А кто бы поверил? Покинуть Землю, оставить все дорогое и любимое...

По лицу его пробежала судорога. Мирисса сочувственно молчала, ожидая, когда Моисей придет в себя. Ей хотелось задать столько вопросов, что на ответы ушла бы целая жизнь. Однако до старта «Магеллана» оставался лишь год.

— Оказалось, я им нужен. Пришлось воспользоваться хваленым ораторским искусством и даром убеждения, чтобы доказать их неправоту. Зачем вам старик? Все знания хранятся в банках памяти! Другие справятся лучше... Я привел все аргументы, кроме истинной причины.

Эвелин решила за меня. Да, Мирисса, иногда женщины намного сильнее мужчин. Впрочем, вам-то я зачем это рассказываю?

«Ты им нужен,— говорилось в ее последнем сообщении.— Мы провели вместе сорок лет. Остался всего месяц. Пусть наша любовь навсегда останется с тобой. Не пытайся меня найти».

Мне не дано узнать, видела ли она конец Земли, как видел его я, покидая Солнечную систему.

25
СКОРП

Лорен уже видел Бранта обнаженным во время незабываемого плавания на лодке, но только теперь осознал, насколько мускулист этот человек. Землянин всегда следил за фигурой, но на корабле возможностей для физических упражнений или занятий спортом почти не было. Брант же, вероятно, ежедневно подвергался серьезным нагрузкам, что бросалось в глаза. Лорен не имел шансов против него. Разве что воспользоваться приемами боевых искусств Земли, совершенно неизвестных лейтенанту-коммандеру.

Происходящее отчего-то казалось крайне забавным. Коллеги-офицеры улыбались во весь рот. Капитан Бей держал секундомер. Рядом стояла, самодовольно ухмыляясь, Мирисса.

— ...Два... один... ноль... пошли! — воскликнул капитан.

Брант метнулся вперед, подобно атакующей кобре. Лорен попытался увернуться, но с ужасом обнаружил, что тело не слушается. Время словно замедлилось... ноги стали свинцовыми, отказываясь повиноваться... сейчас он потеряет не только Мириссу, но и достоинство, честь, самоуважение...

К счастью, в это мгновение Лорен проснулся. Сон все еще беспокоил его. Причина понятна, но легче от этого не становится. Он задумался, стоит ли поделиться с Мириссой.

Бранту, естественно, ни слова. Отношения с ним оставались дружескими, хотя общество талассианина стесняло Лорена. Но сегодняшняя встреча обещала быть приятной. Речь идет о чем-то более важном, нежели личные отношения.

Он с нетерпением ждал реакции Бранта на знакомство с нежданным гостем, пришедшим ночью.

Выложенный кирпичом канал длиной в сто метров, доставлявший морскую воду к морозильной установке, заканчивался круглым бассейном. Объема как раз хватало на одну снежинку. Чистый лед — не лучший стройматериал. Его требовалось усилить; для этого использовались длинные пряди водорослей с Большой Восточной прерии — дешево и качественно. Замороженная смесь гарантированно не растает, подобно леднику, за недели и месяцы ускорения «Магеллана».

— Вот оно.

Лорен стоял рядом с Брантом Фальконером у края бассейна, разглядывая дыру в спутанной морской растительности. Существо, поедавшее водоросли, почти не отличалось от земного омара, но размерами вдвое превышало человека.

— Встречал подобное?

— Нет,— не задумываясь, ответил Брант,— и не особо жалею. Ну и чудовище! Как его поймали?

— Никак. Само приплыло — или приползло — из моря, по каналу. Нашло водоросли и решило перекусить бесплатно.

— Поэтому у него такие клешни: стебли-то жесткие.

— По крайней мере, оно травоядное.

— Не уверен, но проверять неохота.

— Надеялся узнать от тебя хоть что-нибудь.

— Мы не изучили и сотой доли обитателей талассианского моря. В будущем построим исследовательские подводные лодки и опустимся в глубины. Но пока хватает дел поважнее. К тому же это мало кого интересует.

«Ну-ну,— мрачно подумал Лорен.— Посмотрим, как быстро ты заметишь...»

— Научный руководитель Варли утверждает, что похожее существо обитало на Земле миллионы лет назад. Палеонтологи удачно назвали его морским скорпионом. Весело жилось в древних океанах!

— Кумар любит гоняться за такими чудищами,— произнес Брант.— Что собираетесь делать с этим?

— Изучить, потом отпустить.

— Смотрю, его уже пометили.

«Значит, заметил,— подумал Лорен.— Неплохо».

— Нет. Вглядись.

Брант, озадаченный предложением землянина, присел на краю бассейна. Гигантский скорпион не обращал на него внимания, продолжая обкусывать водоросли внушительными клешнями.

Правая выглядела не совсем естественно. Сустав обвивала проволочная петля, похожая на грубый браслет.

Брант мгновенно узнал провода. Он раскрыл рот и на секунду потерял дар речи.

— Значит, я угадал,— кивнул Лоренсон.— Теперь ты знаешь, что случилось с ловушкой для рыбы. Думаю, стоит побеседовать с доктором Варли и вашими учеными.

— Я астроном,— возразила Энн Варли из кабинета на «Магеллане».— Вам нужен зоолог, палеонтолог, этолог и несколько других специалистов в одном лице. Но я отыскала кое-какую информацию. Результат в банке номер два в разделе СКОРП. Остальное предоставляю вам. Удачи.

Доктор Варли поскромничала. Она проделала тщательную работу, просеяв бесконечные объемы данных в главных банках памяти корабля. Некоторые вопросы прояснились. Тем временем виновник всеобщего замешательства мирно бродил по дну бака с водой. Нескончаемый поток посетителей, приходивших изучать существо или просто поглазеть, его не волновал.

Полуметровые клешни выглядели так, будто способны в один прием отсечь человеку голову. В целом гость производил ужасающее впечатление. Однако он совершенно не казался агрессивным и не пытался сбежать (вероятно, обнаружив обильные запасы пищи). По общему мнению, его привлекли следы неких химических веществ, выделяемых водорослями.

Возможно, существо и умело плавать, но не проявляло желания, ползая на шести приземистых ногах. Четырехметровое тело покрывал ярко окрашенный членистый панцирь, отличавшийся удивительной гибкостью.

Еще одной примечательной чертой являлась бахрома из маленьких щупальцев, окружавших похожий на клюв рот. Она неприятно напоминала полоску коротких подвижных пальцев. Основная ее функция, судя по всему, заключалась в манипуляциях с пищей, но отростки явно были способны на большее. Скорп удивительно ловко использовал их в сочетании с клешнями.

Две пары глаз, очевидно, обеспечивали ему превосходное зрение. Одна, побольше, рассчитанная на слабое освещение, днем не открывалась. В целом скорп был прекрасно приспособлен для изучения окружающей среды и управления ею. Что еще нужно разумному существу?

На мысли о наличии интеллекта у столь странного создания навела проволока, обмотанная вокруг правой клешни. Впрочем, она ничего не доказывала. Судя по записям, на Земле обитали животные, собиравшие различные предметы, часто изготовленные руками человека, и удивительным образом их использовавшие.

Кто бы поверил, что австралийские птицы-шалашники и североамериканские древесные крысы коллекционировали блестящие или разноцветные вещи и выкладывали из них художественные орнаменты? Однако существуют документальные материалы, подтверждающие это. Земля была переполнена подобными загадками и вопросами, так и оставшимися без ответов. Возможно, талассианский скорп лишь

бездумно следовал подобному обычаю, по столь же непостижимым причинам.

Теорий возникло несколько. Наиболее популярная требовала от скорпа меньше всего интеллекта. Она отводила проволочному браслету роль простого украшения. Чтобы его надеть, требовалась определенная ловкость, и разгорелось немало споров о том, способно ли существо проделать столь сложную операцию без вмешательства со стороны.

Помощь могла исходить и от человека. Маловероятно, но вдруг скорп — сбежавший питомец какого-то эксцентричного ученого? Однако на Талассе все друг друга знали, и тайну вряд ли удалось бы сохранить.

Имелась еще одна теория, самая неправдоподобная, но наводившая на интересные мысли.

Возможно, браслет обозначал социальное положение.

26
ВОСХОД СНЕЖИНКИ

Работа требовала немалого опыта, но перемежалась долгими периодами бездействия. Времени на размышления у лейтенанта Оуэна Флетчера оставалось достаточно. Больше, чем нужно.

Он походил на рыболова, держащего на невообразимо прочной леске добычу весом в шестьсот тонн. Раз в сутки автоматический зонд устремлялся по сложной траектории в сторону Талассы, разматывая кабель длиной в тридцать тысяч километров. Достигнув планеты, аппарат опускался на ожидающий груз. Перед подъемом проводились обязательные проверки.

Самыми опасными были два участка: начальный (извлечение снежинки из морозильной установки) и конечный (подход к «Магеллану»). Огромный ледяной шестиугольник требовалось остановить всего в километре от корабля. К подъему приступали в полночь. Путь от Тарны до стационарной орбиты, на которой висел корабль, занимал чуть меньше шести часов.

Во время сближения «Магеллан» находился над дневной стороной планеты. Требовалось удерживать снежинку в тени, не давая горячим лучам талассианского солнца испарить ценный груз. Как только она оказывалась под прикрытием большого радиационного экрана, клешни роботов-телеоператоров срывали защитную фольгу, предохранявшую лед на пути к орбите.

Затем следовало убрать подъемную люльку и отправить ее за следующим грузом. Громадная металлическая пластина напоминала придуманную чудаковатым поваром шестиугольную крышку для сковородки. Иногда она примерзала ко льду, и приходилось отделять груз с помощью тщательно регулируемого нагрева.

Наконец льдина идеальной геометрической формы неподвижно зависала в ста метрах от «Магеллана», и начиналось самое сложное. Управление шестисоттонной массой в невесомости — непосильная для человека задача. Только компьютеры могли рассчитать направление, силу и периодичность воздействий на искусственный айсберг для установки его в нужное место. Однако вероятность непредвиденной ситуации или проблемы, неразрешимой для самого умного робота, оставалась. Хотя случаев, требующих вмешательства Флетчера, пока не происходило, при необходимости он готов был подкорректировать работу системы.

Я помогаю строить гигантские ледяные соты, думал лейтенант. Первый слой почти готов, осталось еще два. Если верить оптимистическим расчетам, сборка щита будет закончена через сто пятьдесят дней. Надежность спайки блоков испытают при низком ускорении. После «Магеллан» отправится в последний этап космического путешествия.

Флетчер добросовестно выполнял работу, но лишь умом. Сердце его оставалось на Талассе.

Уроженец Марса, он нашел здесь все, чего недоставало на пустынной родине. Оуэн видел, как созданный поколениями предков мир исчезал в пламени; зачем ждать столетия, чтобы на новой планете возродить утерянное, если вот он — настоящий рай?

И конечно, там, на Южном острове, молодого лейтенанта ждала девушка...

Он почти решил покинуть корабль, когда придет время. Земляне обойдутся без него, бросая силы и опыт, разбивая сердца и тела на неприступных скалах Сагана-2. Флетчер желал им удачи; выполнив долг, он останется здесь.

В тридцати тысячах километров от Оуэна Брант Фалконер тоже принял решение.

— Я уезжаю на Северный остров.

— Зачем? — спросила лежавшая рядом Мирисса, выдержав бесконечную паузу. В голосе не слышалось ни удивления, ни сожаления; слишком многое изменилось, подумал Брант.

Прежде чем он успел ответить, девушка добавила:

— Тебе не понравится.

— Возможно, там будет лучше, чем здесь. Тарна больше не мой дом.

— Он всегда будет твоим.

— Пока «Магеллан» на орбите — нет.

Мирисса коснулась мужчины, внезапно сделавшегося чужим. Он не отстранился.

— Брант,— произнесла она,— я не хотела, чтобы так вышло. И Лорен тоже.

— И?.. Не понимаю, что ты в нем нашла.

Мирисса едва сдержала улыбку. Сколько мужчин в истории человечества говорили то же самое? И миллиарды женщин вопрошали: «Что ты нашел в ней?»

Попытка ответить не сулила ничего хорошего. Порой Мирисса сама старалась разобраться, что влекло их с Лореном друг к другу с того памятного обмена взглядами.

Большая часть загадочной любовной химии не поддается разумному анализу. Лишь живя в ее иллюзиях, можно постичь тайну. Однако иногда удается описать и логически объяснить некоторые элементы. Знать бы какие, вздохнула Мирисса. Очень скоро понадобится вмешательство разума, чтобы достойно пережить расставание.

Прежде всего девушку должно привлекать трагическое обаяние Лорена. Значение этого качества не стоит приуменьшать, однако оно свойственно всем землянам, и лейтенант-коммандер не лучше остальных. Что в нем особенного, чего нет у Бранта?

Они не слишком отличаются как любовники. Воображение Лорена богаче, Брант же более страстный, хотя в последние недели слегка безразличен. Мирисса была бы счастлива с любым из них. Нет, дело не в том...

Возможно, она искала фантомный, несуществующий компонент. Не единственную составляющую, а целое созвездие качеств. Девушка инстинктивно, на подсознательном уровне вела счет, и Лорен заработал на несколько очков больше. Вполне правдоподобно.

В одном землянин безусловно превосходил Бранта. Он отличался целеустремленностью и тщеславием — столь редкими для Талассы качествами. Несомненно, в состав экспедиции его включили благодаря им. Без них в вековом путешествии не обойтись.

Начисто лишенный амбиций Брант все-таки выделялся некоторой предприимчивостью. Доказательством служил незаконченный проект по использованию ловушек для рыбы. Все, что ему требовалось от Вселенной,— побольше интересных игрушек. Порой Мириссе казалось, что к этой категории он причисляет и ее.

Лорен, в противоположность Бранту, унаследовал традиции великих исследователей и первооткрывателей. Вместо слепого следования за историей он мог бы творить ее. Несмотря на суровый характер, землянин все чаще проявлял теплоту и человечность. Он замораживал моря Талассы, а сердце его начинало оттаивать.

— Чем собираешься заниматься на Северном острове? — прошептала Мирисса.

Оба признали решение окончательным.

— Им нужна помощь в оснащении «Калипсо». Северяне не особо разбираются в мореплавании.

Мирисса облегченно вздохнула. Брант не просто сбегает. У него есть работа.

Работа, которая поможет забыться, пока не придет время вспомнить.

27
ЗЕРКАЛО ПРОШЛОГО

Моисей Кальдор поднес модуль к свету, разглядывая его так, словно хотел прочесть содержимое.

— Чудо,— заговорил он.— Я держу двумя пальцами миллион книг. Интересно, что сказали бы об этом Кэкстон и Гутенберг?

— Кто? — переспросила Мирисса.

— Люди, благодаря которым человечество начало читать. Однако за удобство приходится платить. Порой у меня возникает кошмарное видение: модуль памяти содержит некую жизненно важную информацию — скажем, способ лечения смертельной эпидемии,— но адрес ее утрачен. Нужна одна страница из миллиарда, но мы не знаем, какая именно. Ужасно держать ответ на ладони, не имея возможности его получить!

— Не вижу проблемы,— вмешалась секретарь капитана. Будучи специалистом по хранению и обработке информации, Джоан Лерой помогала вести обмен данными между архивами Талассы и кораблем.— Достаточно запустить поисковую программу с правильными ключевыми словами. Миллиард страниц обработается за несколько секунд.

— Разрушили мой кошмар,— вздохнул Кальдор. Вдруг лицо его прояснилось.— Но часто ключевые слова неизвестны. Сколько раз вы понимали, что информация важна, лишь случайно наткнувшись на нее?

— Такое свойственно только неорганизованным людям,— парировала лейтенант Лерой.

Они обожали подобные обмены колкостями. Мирисса не понимала, насколько серьезно надо воспринимать их перепалки. Джоан и Моисей не прогоняли юную талассианку

во время бесед, но опыт и знания землян слишком отличались от ее собственных. Порой девушке казалось, что они говорят на незнакомом языке.

— Основной индекс готов. Мы знаем, чем обладает Талласса, вы — что имеется на корабле. Теперь нужно подготовить списки материалов для передачи. Откладывать нельзя. Семьдесят пять световых лет, которые разделят нас в будущем, сильно усложнят обмен. И уж точно не сделают его дешевле.

— Кстати,— вспомнила Мирисса,— не знаю, стоит ли об этом рассказывать, но на прошлой неделе здесь побывала делегация с Северного острова. Президент Академии наук и несколько ученых.

— Дайте-ка угадаю. Квантовый двигатель?

— Точно.

— И как они реагировали?

— Похоже, обрадовались. И удивились, узнав, что он действительно существует. Информацию, естественно, скопировали.

— Что ж, пожелаем удачи. Двигатель им еще пригодится. Кто-то сказал, что настоящая его цель вовсе не столь тривиальна, как мы представляем. Исследование галактики — лишь побочный продукт. Когда-нибудь космос завершит текущий цикл существования. Энергия пространства потребуется, чтобы не дать Вселенной схлопнуться в изначальную черную дыру.

Наступила благоговейная тишина. Ее нарушила Джоан Лерой:

— Мы этого не застанем. Давайте займемся делом. Впереди немало мегабайт, ждущих обработки, а день почти закончился.

Работа сильно утомляла. Время от времени Кальдору приходилось выбираться из Библиотечной секции комплекса Первой высадки, чтобы отдохнуть и расслабиться. Он прогуливался по художественной галерее, отправлялся на ком-

пьютерную экскурсию по Материнскому Кораблю (каждый раз меняя маршрут: хотелось охватить как можно больше) или шел в музей. Погружение в прошлое было его любимым занятием.

В Терраму всегда стояла длинная очередь, в основном студенты или дети с родителями. Привилегированное положение не обязывало Моисея толкаться в ней, и порой он стеснялся этого. Кальдор утешался мыслью, что панорамы незнакомого мира останутся с талассианами навсегда. У него же на посещение потерянной родины будет лишь несколько месяцев.

Убеждать новых друзей, что он не присутствовал при сценах, демонстрируемых в музее, оказалось непросто. Картины отстояли от современной Кальдору эпохи на восемьсот лет. Он родился в 3541 году, а Материнский Корабль покинул Землю в 2751-м. Однако порой проскальзывало нечто знакомое, и тогда с невероятной силой накатывала память о былом...

Больше всего воспоминаний вызывала удивительная сцена под названием «Уличное кафе». Он пил вино или кофе, сидя под навесом за маленьким столиком и разглядывая плывущую мимо городскую жизнь. Иллюзия почти не отличалась от реальности.

В музее присутствовали миниатюрные панорамы великих городов Земли. Рим, Париж, Лондон, Нью-Йорк — летом и зимой, ночью и днем. Моисей видел студентов и влюбленных, туристов и бизнесменов, направляющихся по делам. Часто, поняв, что их снимают, люди улыбались сквозь века. Кальдор улыбался в ответ.

Другие картины показывали мир без человека и его творений. Моисей снова, как и в той, прошлой жизни, любовался сверкающими брызгами водопада Виктория, восходящей над Большим каньоном луной, снегами Гималаев, ледяными утесами Антарктики. В отличие от городов, природные шедевры не менялись тысячелетиями. И хотя они существовали задолго до человека, пережить его эти прекрасные творения не смогли.

28
ЗАТОНУВШИЙ ЛЕС

Скорп не спешил; чтобы преодолеть пятьдесят километров, ему понадобилось десять дней. С помощью гидролокационного маяка, не без труда прикрепленного к панцирю рассерженного существа, удалось выяснить интересный факт. Меченое создание двигалось по морскому дну, строго придерживаясь выбранного направления, словно точно знало, куда идет.

Цель, чем бы они ни была, оказалась на глубине в двести пятьдесят метров. Добравшись до нее, скорп какое-то время бродил по окрестностям. На этом сигналы ультразвукового маяка внезапно оборвались.

Объяснение, что подопытного сожрала более крупная и отвратительная тварь, выглядело чересчур наивным. Маяк находился внутри прочного металлического цилиндра, и любым клыкам, когтям или щупальцам потребовалась бы не одна минута на его уничтожение. Проглоченное же целиком, устройство продолжило бы работать внутри агрессора.

Оставались две гипотезы, и первую с негодованием отверг экипаж Подводной лаборатории Северного острова.

— Для каждого компонента имелась дублирующая система,— сообщил руководитель.— Более того, за пару секунд до исчезновения пришел диагностический сигнал. Все узлы функционировали нормально. Дело не в отказе оборудования.

Теперь в распоряжении ученых было последнее, самое невероятное объяснение. Маяк отключили. Но сначала пришлось бы снять защитную скобу.

Случайность исключена: кто-то проделал это либо из любопытства, либо намеренно.

Двадцатиметровый катамаран «Калипсо» являлся не только самым большим, но и единственным океанографическим исследовательским судном на Талассе. Обычно он базировался на Северном острове. Лорен с удивлением отметил, что

научная команда судна добродушно перешучивается с пассажирами-тарнийцами. Однако это не мешало ей относиться к южанам как к невежественным рыбакам. Те же пользовались любой возможностью похвастаться перед конкурентами, что первыми обнаружили скорпов. Лорен не стал напоминать, кому в действительности принадлежит открытие.

Встреча с Брантом слегка шокировала землянина, хотя ожидать ее следовало. Тарнийский инженер отвечал за часть нового оборудования «Калипсо». Мужчины холодно поздоровались, не обращая внимания на любопытные и веселые взгляды пассажиров. Талассиане не умели хранить тайны; все знали, кто занимает главную комнату для гостей в доме Леонидасов.

На корме стояла маленькая подводная тележка, знакомая любому океанографу последних двух тысячелетий. К металлической раме крепились три телевизионные камеры, набор водометов, позволяющих двигаться в любом направлении, проволочная корзина для хранения образцов и радиоуправляемая рука для их сбора. Из-под воды исследовательский робот мог посылать на корабль изображения и информацию по оптоволоконному кабелю не толще карандашного грифеля. Технология возрастом в несколько сотен лет прекрасно работала и поныне.

Берег скрылся из виду. Лорен впервые оказался в открытом море. Со всех сторон его окружала вода. Он вспомнил страхи первого путешествия с Брантом и Кумаром. Тогда от суши их отделяло меньше километра. На этот раз землянин с радостью обнаружил, что чувствует себя куда увереннее, даже учитывая присутствие соперника. Возможно, причина в величине корабля...

— Странно,— удивился Брант.— Не встречал водорослей столь далеко к западу.

Лорен не сразу заметил темное пятно впереди. Спустя пару минут «Калипсо» уже прокладывал путь сквозь неплотную массу плавучей растительности. Капитан сбавил ход до минимума.

— Почти прибыли,— объяснил он.— Нет смысла забивать сопла этой дрянью. Так, Брант?

Тарниец посмотрел на экран дисплея.

— Да. Пятьдесят метров до точки, где пропал маяк. Глубина двести десять. Пора сбросить рыбку за борт.

— Минуту,— возразил ученый-северянин.— В эту машину вбухали кучу времени и денег. Она единственная в мире. Что, если аппарат запутается в проклятых водорослях?

Все задумчиво молчали. Удивительно, но до этого момента Кумар не произнес ни слова. Возможно, парня поразила техническая мощь Северного острова. Наконец он нарушил тишину, робко проговорив:

— Так кажется отсюда. На десятиметровой глубине листьев почти нет, только большие стебли. Между ними полно свободного места. Напоминает лес.

Да, мысленно согласился Лорен, подводный лес, где вокруг стройных гибких стволов плавают рыбы. Пока ученые вглядывались в главный видеоэкран и дисплеи на приборных панелях, он надел специальные очки. Экраны в них позволяли видеть глазами медленно погружающегося робота. Мысленно Лорен исчез с борта «Калипсо»; голоса спутников доносились из другого, чуждого ему мира.

Он был исследователем в чужой вселенной, где можно встретить что угодно. Сжатое, почти монохромное зеленоголубое пространство; дальше тридцати метров не видно ни зги. Вокруг — десятки стройных стволов, равномерно увешанных воздушными пузырями. Растения поднимались из мрачных глубин, исчезая в светящемся «небе» над головой. Лорену показалось, будто он идет сквозь лесную рощу пасмурным туманным днем. Появившийся косяк проворных рыбок рассеял иллюзию.

— Двести пятьдесят метров,— послышался голос.— Скоро дно. Включим огни? Качество изображения падает.

Землянин почти не заметил ухудшения картинки. Яркость поддерживалась автоматически. Однако он осознавал,

что на такой глубине света практически нет; вряд ли невооруженный человеческий глаз разглядел бы что-либо.

— Не хочется спугнуть тамошних обитателей. Пока работает камера, будем использовать доступное освещение.

— Дно! В основном камень, песка мало.

— Естественно. Талассианским водорослям нужно за что-то цепляться. Это вам не свободно плавающие саргассы.

Лорен понимал, что имеется в виду. Гибкие стволы заканчивались сеткой корней, крепко вцепившихся в подводные валуны. Никакие штормы или поверхностные течения не сдвинут их с места. Аналогия с лесом на суше оказалась еще точнее.

Робот-разведчик осторожно пробирался через заросли, разматывая кабель. Ему не угрожала опасность запутаться в змееподобных стволах, уходящих к невидимой поверхности. Между гигантскими растениями хватало свободного пространства. Казалось, будто их преднамеренно...

Невероятная мысль осенила ученых немногим позже Лорена.

— Кракан! — прошептал северянин, тщательнее других разглядывающий происходящее на экране.— Это не природный лес. Это... плантация!

29
САБРЫ

Они называли себя «сабры», по имени первопроходцев, полтора тысячелетия назад обуздавших почти столь же враждебную пустыню на Земле.

Марсианским сабрам повезло в одном. Им не противостояли враги-люди — лишь жестокий климат, почти отсутствующая атмосфера и бушующие по всей планете песчаные бури. Преодолев преграды, они с гордостью говорили, что не просто выжили, но и восторжествовали. Фразу эту, как и многое другое, новые хозяева красной планеты позаимствовали у землян. Те же с насмешкой смотрели на яростное стремление сабр к независимости.

Более тысячи лет они жили иллюзиями, граничащими с религией. Как любая слепая вера, она существенно повлияла на общество, дав его членам цель жизни.

Пока расчеты не доказали обратное, они надеялись, иногда не допуская сомнений, что Марс избежит судьбы Земли. Разница, конечно, невелика; дополнительное расстояние лишь сократило бы излучение наполовину. Но этого могло хватить. Марсиане хотели спастись, укрывшись километрами древнего льда на полюсах. Немногочисленные романтики мечтали, что таяние полярных шапок восстановит исчезнувшие океаны планеты. Позже, возможно, атмосфера станет достаточно плотной, и люди смогут свободно передвигаться на открытом пространстве с простым дыхательным снаряжением и теплоизоляцией...

Надежды держались до последнего, пока не пали жертвой неумолимых уравнений. Никакие усилия не спасут сабр. Им предстояло погибнуть вместе с планетой-матерью, чью доброту они часто презирали.

Но теперь под «Магелланом» простирался мир, воплотивший все надежды и мечты последних поколений марсианских колонистов. Оуэн Флетчер смотрел на бескрайние океаны Талассы, и в голове молотом стучала лишь одна мысль.

Судя по данным зондов, Саган-2 во многом похож на Марс. По этой причине Оуэна и других сабр отобрали для экспедиции. Но зачем возобновлять сражение через три столетия, на расстоянии в семьдесят пять световых лет, если победа достигнута здесь и сейчас?

Флетчер задумывался не только о бегстве. Слишком многое пришлось бы оставить позади. На Талассе легко спрятаться, но как он будет чувствовать себя после отлета «Магеллана», оставив на борту последних друзей, тех, с кем вместе рос?

Двенадцать колонистов пребывали в анабиозе. Из пяти пробужденных он осторожно пообщался с двумя и получил

утвердительный ответ. Если согласятся остальные двое, они смогут говорить от имени двенадцати спящих.

Путешествие «Магеллана» должно завершиться здесь, на Талассе.

30
ДИТЯ КРАКАНА

Судно возвращалось в Тарну со скромной скоростью двадцать километров в час. На борту почти никто не разговаривал. Погруженные в собственные мысли пассажиры размышляли об увиденном на морском дне. Лорен до сих пор не вернулся в реальность; в специальных очках он просматривал запись, сделанную роботом в подводном лесу.

Разматывая кабель подобно механическому пауку, аппарат медленно двигался среди огромных стволов, казавшихся стройными из-за невероятной длины. На самом деле в обхвате они превосходили человеческое туловище. Сомнений не оставалось: растения высажены рядами. Никого не удивило, что последняя полоса проходила вдоль четко очерченной границы. За ней, в подводных джунглях, оказался лагерь, где занимались делами скорпы.

Разумно было идти без огней; хозяева не догадывались о присутствии безмолвного наблюдателя, висевшего во тьме в нескольких метрах над ними. В прошлом Лорен просматривал видеозаписи о муравьях, пчелах и термитах. Поведение скорпов напомнило суету этих существ. Трудно поверить, что столь сложная организация существует без управляющего разума. Однако подводные обитатели могли действовать автоматически, подобно земным общественным насекомым.

Некоторые скорпы ухаживали за большими стволами, тянувшимися к поверхности за лучами невидимого солнца; другие бегали по дну, таская камни, листья и пусть грубые, но сетки и корзинки. Значит, эти существа умели создавать орудия. Однако требовались более веские доказательства разумности. Некоторые птичьи гнезда выглядели куда изящ-

нее неуклюжих изделий из стеблей и листьев вездесущих подводных деревьев.

«Я пришелец из космоса,— фантазировал Лорен,— висящий над поселением каменного века на Земле. Человечество только-только изобрело земледелие. Удастся ли на основе наблюдений определить, что люди разумны? Или их поведение покажется чисто инстинктивным?»

Зонд вышел далеко на открытое пространство, и окружавший лес пропал из виду, хотя до ближайших стволов вряд ли было больше пятидесяти метров. Остряк с Северного острова спонтанно выдал название новой местности, принятое теперь даже учеными: «Центр Скорпвиля».

Выражаясь человеческими терминами, поселение выглядело как жилой и деловой квартал одновременно. Через подводную поляну тянулась каменная скала метров пяти высотой. Поверхность ее усеивали многочисленные темные отверстия, достаточно широкие, чтобы вместить скорпа. Маленькие пещеры находились на разных расстояниях, но по размеру не отличались. Вряд ли подобное сооружение могла сотворить природа. Композиция напоминала многоквартирный дом, спроектированный эксцентричным архитектором.

Через отверстия постоянно сновали скорпы. Они напомнили Лорену суетливых клерков дотелекоммуникационной эпохи. Их деятельность со стороны выглядела столь же бессмысленной, как, к примеру, человеческая торговля.

— Что это? — раздался удивленный возглас, на мгновение вернувший Лорена со дна на борт «Калипсо».— Там, справа. Ближе можно?

Горизонт внезапно наклонился. Зонд менял позицию. Выровнявшись, он медленно поплыл к каменной пирамиде, стоящей отдельно от других сооружений. Строение высотой метров в десять имело единственный вход. У подножия застыли два скорпа. Отличия от других «зданий» не сразу бросались в глаза. Лишь вглядевшись, Лорен заметил детали, резко контрастирующие с уже привычным пейзажем.

Скорпы деловито носились туда-сюда. Исключение составляли два экземпляра, стоящие у входа в пирамиду. Эти же не шевелились, лишь беспрерывно покачивали головами вперед и назад. И еще одно...

Они были намного крупнее. Сложно оценивать масштаб в таких условиях. Лишь когда мимо пробежали существа обычного размера, Лорен убедился, что неподвижные скорпы почти в полтора раза больше.

— Что они делают? — донесся шепот.

— Охраняют,— раздалось в ответ.— Это часовые.

Никто не стал оспаривать столь очевидный вывод.

— Что охраняют?

— Какую-нибудь королеву. Или Центральный банк Скорпвиля.

— Узнать бы точно... Зонду внутрь не протиснуться. Да и кто его пропустит?

Дискуссия приняла академический характер. Робот-зонд завис меньше чем в десяти метрах над вершиной пирамиды. Оператор на долю секунды включил двигатель, чтобы остановить погружение.

Звук (*или вибрация?*) *привлек внимание часовых. Они* одновременно поднялись на дыбы, и Лорен вздрогнул от кошмарного зрелища: фасеточные глаза, колеблющиеся щупальца и гигантские клешни. «Хорошо, что я на корабле,— выдохнул он.— И слава богу, они не умеют плавать».

Зато лазать скорпы умели отлично. С удивительной скоростью они вскарабкались по стене пирамиды и за считаные секунды оказались на вершине, в нескольких метрах под зондом.

— Пора выбираться, пока эти ребята не прыгнули,— воскликнул оператор.— Клешни перекусят кабель как ниточку.

Инженер опоздал. Скорп оттолкнулся от камня и мгновение спустя ухватился за шасси робота.

Оператор среагировал почти сразу. Дав задний ход, он выбросил вниз механическую руку. И, что оказалось самым эффективным, включил прожекторы.

На долю секунды Лорен ослеп — в очках потемнело. Автоматика камеры подстроилась под уровень освещенности, и он увидел потрясающе четкий крупный план ошеломленного скорпа. Спустя миг тот исчез из поля зрения.

Лорена не удивило, что правую клешню существа украшали два металлических кольца.

Пока «Калипсо» возвращался в Тарну, землянин пересматривал последнюю сцену. Сосредоточившись на подводном мире, он не почувствовал ударившую в борт корабля волну. Послышались крики. Палуба наклонилась. Судно внезапно сменило курс. Сорвав очки, Лорен вскочил, щурясь от яркого солнца.

Пару мгновений он ничего не видел. Наконец глаза привыкли к свету. От поросшего пальмами побережья Южного острова их отделяло всего несколько сотен метров. Налетели на риф, решил Лорен. Бранту достанется...

Он ошибся. Над восточным горизонтом возвышалось то, что на мирной Талассе никак не могло появиться: грибовидное облако, два тысячелетия преследовавшее человечество в кошмарах.

Что делает Брант? Надо двигать к суше, а он разворачивал «Калипсо» в открытое море. Талассианин был единственным, кто не потерял самообладания. Остальные, раскрыв рты, таращились на восток.

— Кракан! — прошептал ученый с Северного острова.

Лорен пропустил привычное слово мимо ушей. Секунду спустя он понял, что это не ругательство, и выдохнул с облегчением. Но спокойствие продолжалось недолго.

— Нет,— возразил Кумар. Лорен не видел его таким встревоженным.— Намного ближе. Это Дитя Кракана.

Корабельное радио издавало непрерывный писк, перемежавшийся официальными предупреждениями. Землянин не осознавал смысла сообщений. С горизонтом творилась какая-то чертовщина. Он вдруг оказался не там, где положено.

В голове все путалось. Половина сознания оставалась на дне, вместе со скорпами. Лорен до сих пор щурился от яркого сияния моря и неба. Корабль идет на ровном киле, но кажется, что он круто ныряет вниз. Обманывают глаза?

Нет, это море поднимается с ревом, заглушающим остальные звуки. Лорену не хватило смелости оценить высоту нависшей над «Калипсо» волны; теперь ясно, почему Брант направил корабль в открытое море, подальше от смертельного мелководья. Вся ярость цунами обрушится на сушу.

Гигантская рука схватила судно и подняла носом вверх, к зениту. Лорен беспомощно заскользил по палубе; он попытался ухватиться за стойку, но промахнулся и мгновение спустя упал в воду.

Он яростно убеждал себя вспомнить тренировки. В море или в космосе — принцип один. Опаснее всего паника. Сохраняй хладнокровие...

Утонуть он не боялся. Поможет спасательный жилет. Но где рычаг надува? Мужчина отчаянно зашарил по поясу. Несмотря на всю решимость, он успел почувствовать неприятный холодок, прежде чем нащупал металлический стержень. Рычаг легко повернулся, и Лорен с облегчением ощутил, как жилет раздувается, заключая его в объятия.

Теперь опасность исходила лишь от корабля, способного рухнуть на голову. Где он?

Слишком близко, чтобы расслабиться. Часть надстроек нависает над водой. Удивительно, но почти вся команда на борту. Показывают на утопающего, готовятся бросить спасательный круг.

В воде полно мусора: стулья, ящики, обломки оборудования. Неподалеку медленно идет ко дну робот-зонд, пуская пузыри из поврежденного воздушного резервуара. «Надеюсь, удастся его спасти,— рассуждал Лорен.— Иначе путешествие окажется чересчур дорогим, и понадобится немало времени, прежде чем изучение скорпов возобновится». Столь рациональные для сложившейся ситуации размышления заставили его гордиться собой.

Что-то коснулось правой ноги; мужчина машинально пнул неизвестный предмет. Прикосновение было неприятным, однако вызвало скорее раздражение, чем тревогу. Лорен надежно держался на плаву, гигантская волна миновала. Опасности нет.

Он снова ударил правой ногой, чуть осторожнее. В тот же миг что-то опутало левую. Это было уже не ласковое касание. Несмотря на плавучесть спасательного жилета, мужчину тащило под воду.

Лорен Лоренсон впервые запаниковал, вспомнив ищущие добычу щупальца гигантского полипа. Однако те выглядели мягкими и мясистыми, а это похоже на проволоку или кабель. Конечно! Пуповина тонущего робота!

Землянин мог бы выпутаться, не глотни он воды от неожиданно накатившей волны. Задыхаясь и кашляя, Лорен пытался прочистить легкие, одновременно пиная кабель.

Роковая граница между воздухом и водой — между жизнью и смертью — оказалась в метре над головой; дотянуться до нее стало невозможно.

В подобные мгновения человек думает только о выживании. Ни воспоминаний, ни сожалений о прошлой жизни. Даже мимолетный образ Мириссы не возник перед глазами.

Поняв, что все кончено, Лорен не испугался. Последним ощущением оказалась бессильная злость. Преодолеть пятьдесят световых лет, чтобы встретить столь банальный и нисколько не героический конец!

Лорен Лоренсон умер во второй раз, в теплых водах талассианского моря. Прежний опыт не пригодился. Первая смерть случилась намного раньше, двести лет назад.

Часть V
СИНДРОМ «БАУНТИ»

31
ПЕТИЦИЯ

Капитан Бей утверждал, что не верит в предрассудки. Однако он начинал беспокоиться, когда дела шли чересчур хорошо. На Талассе выполнялись самые оптимистичные планы. Сборка щита продвигалась по графику, причин для беспокойства не возникало.

Но теперь, всего за сутки...

Конечно, могло получиться намного хуже. Лейтенанту-коммандеру Лоренсону очень, очень повезло. Не вмешайся тот парнишка (стоит его отблагодарить), Лорен, по словам медиков, отправился бы в мир иной. Несколько минут, и изменения в мозгу стали бы необратимыми.

Раздосадованный тем, что отвлекся от насущных проблем, капитан снова перечитал сообщение, выученное уже наизусть:

«Корабельная сеть: без даты, без времени
Кому: Капитан
От: Аноним

Сэр, некоторые из нас хотели бы выдвинуть на ваше более чем серьезное рассмотрение следующее. Предлагаем завершить миссию здесь, на Талассе. Таким образом, без лиш-

него риска, связанного с путешествием к Сагану-2, будут достигнуты все цели.

Мы в полной мере осознаем, что это вызовет проблемы с существующим населением планеты. Однако недоразумения вполне разрешимы с помощью имеющихся в нашем распоряжении технологий. В частности, используя тектонические методы, можно увеличить доступную площадь суши.

В соответствии с уставом, часть 14, параграф 24 (а), мы обращаемся с просьбой к Совету корабля рассмотреть данный вопрос как можно быстрее».

— Итак, капитан Малина? Посол Кальдор? Есть соображения?

Двое гостей просторной, но скромно обставленной капитанской каюты переглянулись. Кальдор едва заметно кивнул и, будто подтверждая отказ от первого слова, медленно отхлебнул глоток превосходного талассианского вина.

Первый помощник Малина чувствовал себя намного лучше среди машин, чем среди людей. Он с несчастным видом взглянул на распечатку.

— По крайней мере, сформулировано очень вежливо.

— Кто бы сомневался,— раздраженно бросил капитан.— Есть предположения, чья это работа?

— Честно говоря, нет. Боюсь, под подозрением сто пятьдесят восемь человек, исключая нас троих.

— Сто пятьдесят семь,— вмешался Кальдор.— У лейтенанта-коммандера Лоренсона идеальное алиби. Он был мертв.

— Это не сужает круг,— холодно усмехнулся капитан.— У вас есть мысли, доктор?

«Да, одно предположение,— ответил про себя Кальдор.— Я прожил на Марсе два тамошних долгих года. Готов поставить на сабр. Но это лишь догадка, возможно, ошибочная...»

— Пока нет, капитан. Буду смотреть в оба. Как выясню что-нибудь, при первой же возможности сообщу.

Офицеры прекрасно его поняли. Являясь советником, Моисей не обязан был отчитываться даже перед капитаном. На борту «Магеллана» он исполнял роль своеобразного духовного отца.

— Полагаю, доктор Кальдор, обнаружив что-либо, угрожающее нашей миссии, вы обязательно сообщите мне.

Моисей поколебался, затем коротко кивнул. Он надеялся, что не окажется перед традиционной дилеммой священника, выслушавшего исповедь убийцы перед преступлением.

«Помощи от них почти ноль,— мрачно подумал капитан.— Но этим двоим я полностью доверяю. Нужен кто-то, на кого можно положиться. Но окончательное решение все равно принимать мне».

— Первый вопрос — отвечать на сообщение или проигнорировать его? И то и другое рискованно. Если это необдуманное предложение — возможно, составленное одиночкой в момент психического расстройства,— вряд ли разумно воспринимать его всерьез. Но диалог с осознающей свои действия группой лишним не будет. Он несколько разрядит обстановку и поможет вычислить причастных.

«И что потом?»— задумался капитан.— Бросить их в темницу?»

— Думаю, следует с ними поговорить,— высказался Кальдор.— Проблемы редко решаются сами собой.

— Согласен,— кивнул Малина.— Ручаюсь, это не обслуга двигателя и не энергетики. Работаю с ними со времен выпуска, даже раньше.

«Быть может, тебя ждет сюрприз,— подумал Кальдор.— Нельзя знать человека по-настоящему».

— Хорошо,— согласился капитан, вставая.— Так я и собирался поступить. Думаю, стоит полистать учебники истории. Помнится, у Магеллана тоже возникали проблемы с командой.

— Действительно,— ответил Кальдор.— Но, надеюсь, вы не станете высаживать бунтовщиков на необитаемом острове.

«Или вешать офицеров на рее»,— мысленно добавил он, сочтя упоминание о данном историческом эпизоде не слишком тактичным.

И тем более не стоило напоминать капитану Бею,— хотя вряд ли он забыл! — что великий мореплаватель погиб, не успев завершить миссию.

32
КЛИНИКА

На этот раз возвращение Лорена Лоренсона к жизни подготовили менее тщательно. Второе пробуждение оказалось намного неприятнее первого. Порой он жалел, что доктора не позволили навсегда погрузиться в забытье.

Придя в сознание, он решил, что попал в кошмар. В горло были вставлены трубки, а к рукам и ногам присоединены провода. Провода! При воспоминании о смертоносном кабеле, тащившем его в бездну, Лорена на миг охватила паника, но он тут же взял себя в руки.

Появился новый повод для беспокойства. Движения диафрагмы не ощущались. Казалось, будто он не дышит вообще. Странно... похоже, они пустили воздух в обход легких.

Показания мониторов, видимо, привлекли внимание медсестры. Неожиданно возле уха послышался тихий голос. Глаза он не открывал — не хватало сил. На веки упала тень.

— Все хорошо, коммандер Лоренсон. Не волнуйтесь. Скоро будете в полном порядке. Нет, не пытайтесь разговаривать.

«И не собирался,— подумал Лорен.— Прекрасно знаю, что со мной случилось...»

Раздалось легкое шипение инъектора, он ощутил холодное прикосновение к руке и снова провалился в блаженное забытье.

В следующий раз, к немалой радости, пробуждение оказалось совсем другим. Трубки и провода исчезли. Несмотря на слабость, он чувствовал себя сносно и нормально дышал.

— Привет,— раздался в паре метров от кровати низкий мужской голос.— С возвращением.

Лорен повернул голову на звук и увидел туманные очертания забинтованной фигуры на соседней койке.

— Вряд ли вы узнаете меня, коммандер Лоренсон. Лейтенант Билл Хортон, инженер-связист. Бывший серфингист.

— Привет, Билл. А ты как сюда загремел? — прошептал Лорен. Но тут явилась медсестра и прервала беседу с помощью очередного заранее приготовленного инъектора.

Он прекрасно себя чувствовал и хотел одного — позволения встать. Главный врач Ньютон считала, что сокрытие информации от пациентов к добру не ведет. Они должны знать, что с ними происходит и почему, пусть не понимая некоторых вещей. Так проще избежать ненужных вопросов, нарушающих спокойное течение госпитальной жизни.

— Допустим, Лорен, вы в самом деле чувствуете себя великолепно,— произнесла она.— Но ваши легкие еще восстанавливаются. Следует избегать излишних нагрузок, пока дыхательная система не придет в норму. Будь океан Талассы таким же, как на Земле, проблем бы не возникло. Однако здесь вода почти пресная. Она пригодна для питья, и вы выпили около литра. Жидкости в человеческом теле более соленые, чем местные моря. Нарушился изотонический баланс. Осмотическое давление серьезно повредило мембраны. Пришлось срочно искать сведения в архивах корабля, чтобы выяснить, как вас лечить. В космосе редко приходится спасать утопленников.

— Я буду хорошим пациентом,— пообещал Лорен.— Ваша забота неоценима. Но когда ко мне пустят посетителей?

— Одна уже ждет за дверью. У вас пятнадцать минут. После медсестра вышвырнет ее отсюда.

— На меня не обращайте внимания,— проговорил лейтенант Хортон.— Я буду крепко спать.

33
ЦИКЛЫ

Из-за подведшей противозачаточной таблетки Мирисса чувствовала себя неважно. Ее утешала мысль, что повториться подобное может лишь однажды, если ей позволят иметь второго ребенка.

Невероятно: женщинам всех поколений половину жизни приходилось испытывать ежемесячные неудобства. Интересно, рассуждала девушка, случайно ли эти циклы примерно совпадали с периодами обращения единственного гигантского спутника Земли вокруг планеты? Невообразимо, чтобы закономерность перенеслась на Талассу, с ее двумя близкими лунами! Мысль о пяти- и семидневных циклах, случайным образом накладывающихся друг на друга, ужаснула Мириссу. Собственный страх заставил ее улыбнуться, и ей тут же полегчало.

Решение далось не просто. Девушка размышляла над ним не одну неделю. Она еще не разговаривала с Лореном и тем более с Брантом, помогающим ремонтировать «Калипсо» на Северном острове. Сдался без борьбы, несмотря на хвастовство и браваду... Что бы решила Мирисса, останься он с ней?

Нет. Все правильно. Поступить по-другому — примитивно, нечестно и бесчеловечно. Однако инстинкты не желали уступать; Лорен как-то сконфуженно признался, что иногда ему снится погоня. Они с соперником преследуют друг друга, и ни один не желает сдаваться.

Мирисса не винила Бранта. Наоборот, она гордилась им. Он отправился на север не из малодушия, а по здравому рассуждению. Когда придет время, их судьбы вновь соединятся.

Решение девушки не было поспешным; оно далось ценой бесконечных подсознательных терзаний. Несостоявшаяся смерть Лорена напомнила — словно требовалось напоминать! — что вскоре предстоит расставание. Нужно сделать нечто важное, прежде чем он снова отправится к звездам. Чувства подсказывали, что она права.

Но как отреагирует Брант? Что скажет? Одна из многих проблем, которые предстоит решить...

«Я люблю тебя, Брант,— прошептала она.— И хочу, чтобы ты вернулся; мой второй ребенок будет твоим.

Но не первый».

34
КОРАБЕЛЬНАЯ СЕТЬ

«Странно,— задумался Оуэн Флетчер,— я ношу фамилию едва ли не самого знаменитого мятежника всех времен. Может, он мой предок? Они высадились на острове Питкерн две с лишним тысячи лет назад... грубый подсчет дает сто поколений».

Флетчер наивно гордился способностью считать в уме. Хоть это и элементарно, окружающих его талант впечатлял. За много столетий человек привык нажимать кнопки, чтобы вычислить даже сколько будет будет дважды два. Во многом Оуэну помогало (и еще больше удивляло несведущих) знание пары-тройки логарифмов и математических констант. Конечно, для демонстрации он выбирал лишь знакомые примеры, и очень редко восхищенные знакомцы утруждали себя проверкой ответов.

«Сто поколений назад — соответственно, два в сотой степени предков. Логарифм двойки равен триста одной тысячной. Значит, получается тридцать и одна десятая — господи! — миллионов миллионов миллионов миллионов миллионов человек! Что-то не так. На Земле с начала времен не набралось бы столько народу... Ах, это без учета одних и тех же предков... Но ветви генеалогического древа человечества безнадежно переплетены. В итоге через сто поколений все успели стать родственниками друг другу. Доказательств нет, но Флетчер Кристиан наверняка мой предок, и неоднократный. Все это очень интригующе,— подумал он, выключая дисплей. Древние записи исчезли с экрана.— Но я не мятежник. Я проситель, выдвинувший разумное предложение.

Карл, Ранджит, Боб поддержали. Вернер колеблется, но на него можно положиться. Поговорить бы с остальными сабрами, рассказать им о прекрасном мире, найденном нами, пока они спали...

Но сейчас нужно ответить капитану».

Сирдара Бея раздражало неведение. Он не знал, кто из команды анонимно обращается к нему через корабельную сеть, сколько этих людей и есть ли среди них офицеры. Проследить источник не представлялось возможным. Конфиденциальность предусматривалась изначально. Гении прошлого, проектировавшие «Магеллан», встроили ее в сеть как стабилизирующий социальный механизм. Однажды в разговоре с главным инженером по связи он заикнулся, что неплохо бы иметь средства для отслеживания авторов анонимок. Коммандера Роклина это предложение шокировало, и пришлось срочно менять тему.

Оставалось лишь внимательно разглядывать лица членов экипажа, отмечая их выражения, вслушиваться в интонации голоса и вести себя так, будто ничего не произошло. Возможно, капитан реагировал чересчур остро, а случай на самом деле тривиальный. Однако он опасался, что семя мятежа упало на благодатную почву и продолжит расти с каждым днем, пока корабль остается на орбите Талассы.

Первый ответ, составленный после консультаций с Малиной и Кальдором, выглядел достаточно вежливо:

«От: Капитан
Кому: Аноним
В ответ на ваше сообщение без даты.

Согласен обсудить предложение либо по корабельной сети, либо официально на Совете корабля».

В действительности у капитана имелись серьезные возражения; почти половину взрослой жизни он готовился к чрезвычайно ответственной миссии — провести миллион чело-

век через сто двадцать пять световых лет космоса. Если бы слово «священная» что-то для него значило, он назвал бы ее именно так. Лишь катастрофическое повреждения корабля или невероятное открытие, что солнце Сагана-2 вскоре превратится в новую, заставили бы его свернуть с намеченного пути.

Тем временем Бей уяснил, как следует действовать. Как и экипаж Блая, его люди деморализовались и чересчур расслабились. Ремонт незначительных повреждений морозильной установки после цунами занял вдвое больше времени, чем предполагалось. Темп жизни на корабле замедлился. Пора подхлестнуть команду.

— Джоан,— обратился капитан к секретарше, находившейся в тридцати тысячах километрах от него,— подготовьте отчет о работах по сборке щита. И сообщите первому помощнику Малине, что я хотел бы обсудить с ним график подъема.

Он не знал, удастся ли переправлять больше одной снежинки в день. Но попытаться стоило.

35

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Лейтенант Хортон оказался занимательным собеседником, но Лорен обрадовался, когда у того срослись сломанные кости и удалось наконец избавиться от соседа. До этого несостоявшийся утопленник узнал во всех утомительных подробностях, что молодой инженер связался с компанией волосатых красавчиков с Северного острова. Второй главный интерес в их жизни заключался в катании на серфингах с реактивными микродвигателями по вертикальным волнам. Хортону на собственной шкуре довелось проверить, насколько опасно это занятие.

— Странно,— прервал Лорен пылкое повествование.— Готов был поклясться, что ты на девяносто процентов натурал.

— На девяносто два, если верить личному делу,— весело ответил Хортон.— Но мне нравится время от времени экспериментировать.

Лейтенант шутил лишь отчасти. Где-то он услышал, будто стопроцентные натуралы невообразимо редки и считаются патологическими отклонениями. Всерьез он не переживал, но изредка задумывался и примерял эту фразу на себя.

Оставшись единственным пациентом в палате, Лорен убедил талассианскую медсестру, что в ее постоянном присутствии нет необходимости, по крайней мере во время ежедневных визитов Мириссы. Главный врач Ньютон, как и большинство докторов, разговаривала с подопечными откровенно. Она прямо заявила:

— Вам требуется неделя, чтобы полностью поправиться. Если так необходимо заняться любовью — пусть все делает она.

Естественно, к Лорену заходили и другие посетители. Он радовался всем гостям, за исключением двух.

Мэр Уолдрон сумела добиться от медсестры, чтобы ее пропускали в любое время; к счастью, она ни разу не столкнулась с Мириссой. Когда мэр пришла впервые, пациент притворился, будто находится чуть ли не при смерти. Вышло хуже некуда. Избежать обилия влажных поцелуев не удалось. Во второй раз — к счастью, его предупредили за десять минут — он пребывал в полном сознании, сидел, обложившись подушками. По странному совпадению, в это время проверяли состояние легких, и вставленная в рот Лорена дыхательная трубка не позволяла говорить. Проверка завершилась примерно через полминуты после ухода мэра.

Визит вежливости Бранта Фальконера смутил обоих. Мужчины побеседовали о скорпах, о работе морозильной установки в Мангровой бухте, о политике Северного острова. Обо всем, кроме Мириссы. Лорен видел, что Брант чем-то обеспокоен, даже смущен. Но последним, чего землянин ожидал, были слова извинения, произнесенные Брантом незадолго до ухода.

— Знаешь, Лорен,— словно нехотя проговорил Брант,— я ничего не мог поделать с волной. Мы бы разбились о рифы, не сверни я тогда. К сожалению, «Калипсо» не успела уйти в открытое море.

— Уверен,— искренне ответил Лорен,— лучше тебя никто бы не справился.

— Гм... рад, что ты понимаешь.

Талассианину явно стало легче, и Лорен внезапно посочувствовал ему, даже пожалел. Возможно, для Бранта казалось невыносимым, что под сомнение поставили его опыт мореплавания, предмет бесконечной гордости.

— Робота удалось спасти?

— Да. Скоро починят, будет как новенький.

— Как и я.

Оба рассмеялись. Лорена вдруг поразила забавная мысль.

Брант наверняка жалел, что Кумар оказался столь отважен.

36
КИЛИМАНДЖАРО

Почему ему снилась Килиманджаро?

Странное слово, похоже на название — но чего именно? Моисей Кальдор лежал, укутанный серыми талассианскими сумерками, медленно пробуждаясь под голос Тарны. Впрочем, звуков в это время было немного. Где-то по пути к пляжу гудел пескоход, встречая возвращающихся рыбаков.

Килиманджаро.

Кальдор не любил хвастаться, однако вряд ли кто-то еще прочитал такое количество старинных книг на столь разнообразные темы. К тому же Моисей получил несколько терабайт имплантированной памяти. Полезная эта информация всегда была под рукой, стоит лишь вспомнить коды доступа.

Но лезть в эту базу не хочется. Да и вопрос не особо важен. Однако Кальдор научился придавать значение снам; две

тысячи лет назад на эту тему веско высказывался старик Зигмунд Фрейд. Заснуть все равно уже не удастся...

Закрыв глаза, он дал команду поиска и стал ждать. Хотя запрос обрабатывался на подсознательном уровне, Моисей представлял мириады килобайт, проносящихся в глубинах мозга.

Что-то происходило с фосфенами, выплясывающими непонятный танец на сетчатке закрытого глаза. Посреди мерцающего хаоса магическим образом возникло темное окно. В нем сформировался текст:

«КИЛИМАНДЖАРО: Вулканическая гора. Африка. Высота 5,9 км.

Местоположение терминала первого космического лифта».

И? Что это значит? Кальдор попытался мысленно обработать скудные сведения.

Может, поискать связь с другим вулканом? В последнее время мысли о Кракане почти не отпускают. Пожалуй, чересчур надуманно. К тому же Моисея не требовалось предупреждать, что Кракан и его неистовый отпрыск способны извергнуться снова.

Первый космический лифт? Древняя история; его создание положило начало колонизации планет. Оно открыло человечеству практически свободный доступ в Солнечную систему. Ту же технологию применяли здесь. Тросы из сверхпрочного материала использовали, чтобы поднимать огромные блоки льда на «Магеллан», висящий на стационарной орбите над экватором.

Но и подобная связь с африканской горой выглядела чересчур отдаленной; Кальдор не сомневался, что ответ нужно искать в другом.

Подход в лоб не удался. Остается ждать, когда время и подсознание подскажут разгадку.

А пока стоит постараться забыть о Килиманджаро. Она сама о себе напомнит.

37
IN VINO VERITAS

Кумар стал для Лорена самым желанным и частым посетителем после Мириссы. Несмотря на прозвище, землянину казалось, что молодой человек скорее напоминает преданного пса или дружелюбного щенка, чем льва. В Тарне жило около десятка собак. В будущем они могли появиться и на Сагане-2, возобновив многовековую дружбу с человеком.

Лорен наконец узнал, на какой риск пошел парень в бушующем море. Повезло, что Кумар никогда не расставался с привязанным к ноге ножом; он провел под водой более трех минут, перепиливая опутавший Лорена кабель. На «Калипсо» были уверены, что оба утонули.

Несмотря на связывавшие их узы, Лорен обнаружил, что с Кумаром особо не поговоришь. Существует не так много способов сказать: «Спасибо, что спас мне жизнь». Их жизненный опыт различался настолько, что точек соприкосновения почти не было. Если он рассказывал Кумару о Земле или о корабле, приходилось объяснять все в мельчайших подробностях. Вскоре Лорен понял, что впустую тратит время. В отличие от сестры, Кумар жил сегодняшним днем, имело значение лишь то, что происходит на Талассе, здесь и сейчас. «Как я ему завидую! — однажды заметил Кальдор.— Для него есть только сегодня. Кумара не преследует прошлое и не пугает будущее!»

Лорен собирался заснуть, надеясь, что эта ночь в клинике будет последней, когда пришел Кумар с огромной бутылкой.

— Угадай, что это! — торжествующе заявил он, поднимая сосуд.

— Понятия не имею,— честно ответил Лорен.

— Первое вино в этом сезоне, с Кракана. Говорят, год обещает быть хорошим.

— Тебе откуда знать?

— Виноградникам нашей семьи больше ста лет. Сорта Леонидасов — самые знаменитые в мире.

Оглядевшись, Кумар обнаружил два пустых стакана и щедро плеснул в оба. Лорен осторожно пригубил; вино оказалось сладковатым, но очень, очень мягким.

— Как вы его называете? — поинтересовался он.

— «Краканское особое».

— Однажды Кракан меня чуть не прикончил. Стоит рисковать?

— Даже похмелья не будет.

Лорен сделал еще глоток. Стакан удивительно быстро опустел и еще быстрее наполнился снова.

Землянин решил, что последняя ночь в госпитале должна быть именно такой; его благодарность к Кумару теперь распространялась на весь мир. Даже визит мэра Уолдрон не расстроил бы Лорена.

— Как поживает Брант? Уже неделю его не видел.

— Ремонтирует корабль и общается с морскими биологами на Северном острове. Всех очень заинтересовали скорпы, но никто не знает, что делать дальше. И надо ли суетиться?

— Задаю себе те же вопросы относительно Бранта.

Кумар рассмеялся.

— Не беспокойся. У него на Северном острове девушка.

— Вот как? Мирисса знает?

— Конечно.

— И не волнуется?

— С чего? Брант любит ее и всегда возвращается.

Лорен неторопливо переварил услышанное. Он ощущал себя новой переменной в запутанном, сложном уравнении. Есть ли у Мириссы другие любовники? И надо ли это знать? Стоит ли поговорить с ней?

— Главное,— продолжал Кумар, наполняя оба стакана,— их генные карты одобрили. Подтверждено, что родится сын. С его появлением все изменится. Брант и Мирисса снова будут вместе. Разве на Земле происходило по-другому?

— Иногда,— кивнул Лорен. Значит, Кумар не в курсе. Девушка сохранила тайну.

«По крайней мере, я увижу сына,— решил он.— Пусть ненадолго. А потом...»

Он с ужасом понял, что по щекам текут слезы. Когда лейтенант-коммандер плакал в последний раз? Двести лет назад, глядя на пылающую Землю...

— Что с тобой? — спросил Кумар.— Вспоминаешь о жене?

Обычно эту тему не трогали — по обоюдному согласию. Она никак не соприкасалась с настоящим. Двести лет назад на Земле и триста лет спустя на Сагане-2 — слишком далеко от Талассы, чтобы переживать из-за этого сейчас. Особенно учитывая нынешнее состояние Лорена. Но он не смог обидеться на прямоту и бестактность молодого человека. В голюсе талассианина звучала столь искренняя забота...

— Не о жене...

— Ты... когда-нибудь... расскажешь ей... про Мириссу?

— Расскажу. Или нет. Не знаю. Очень хочется спать. Мы что, выпили бутылку? Кумар? Кумар!

Ночью пришла медсестра и, едва сдерживая хихиканье, подоткнула одеяло, чтобы оно не свалилось.

Лорен проснулся раньше товарища. Отойдя от первого потрясения, он рассмеялся.

— Чего такое? — проговорил Кумар, с трудом выбираясь из койки.

— Интересно, станет ли ревновать Мирисса?

Кумар ухмыльнулся.

— Может, я и напился слегка,— произнес он,— но готов поклясться, что ничего предосудительного не случилось.

— Поддерживаю.

Однако Лорен понял, что любит Кумара. Причина не в спасении жизни, не в родстве с Мириссой. Причина в самом Кумаре. И не в сексе дело. При мысли о нем мужчинам становилось не стыдно, а смешно. Оно к лучшему. Жизнь в Тарне и без того достаточно осложнилась.

— Ты оказался прав,— добавил Лорен,— насчет «Краканского особого». Похмелья нет. Я свеж, как огурчик. Можешь послать пару литров на корабль? А лучше — пару сотен литров.

38
ДЕБАТЫ

Вопрос звучал просто, но найти ответ оказалось нелегко. Что станет с дисциплиной на борту «Магеллана», если цель миссии поставлена на голосование?

Конечно, результат, каким бы он ни был, капитану руки не свяжет. Нежелательные решения можно проигнорировать. Так и придется поступить, если большинство захочет остаться. Но подобного исхода Сирдар Бей не мог вообразить. Не прими он мнения большинства в таком случае, командный дух на корабле упадет ниже некуда. Случится катастрофа. Земляне разделятся на две группировки. Чем это грозит, лучше не думать.

И все же командир должен быть жестким, но не упрямым. Предложение имело смысл и выглядело привлекательным. Капитан сам с удовольствием пользовался гостеприимством президента и намеревался снова встретиться с той чемпионкой по десятиборью. Здешний мир прекрасен; возможно, землянам удастся ускорить процесс возникновения континентов, дав пространство для жизни миллионам новых людей. Намного проще, чем колонизировать Саган-2...

Есть вероятность вообще не добраться до цели. Надежность корабля оценивается в девяносто восемь процентов, однако остаются непредвиденные опасности извне. Лишь нескольким доверенным офицерам известно о части ледяного щита, оторвавшейся на сорок восьмом световом году. Если бы тот метеорит (или что это было?) пролетел немного ближе...

Предполагали, что угрожавший «Магеллану» объект — древний космический зонд с Земли. Гипотеза не подтвердилась: шанс, что она правдива, оказался ничтожным.

Неизвестные просители теперь именовали себя новоталассианами. Значит ли это, размышлял капитан, что их много и они организуются в политическое движение? Если так, то необходимо скорее заставить их раскрыть карты.

Пришло время созвать Совет корабля.

Отказ Моисея Кальдора звучал коротко и вежливо.

— Нет, капитан. Я не могу участвовать в обсуждении. Ни за, ни против. Иначе экипаж перестанет верить в мою беспристрастность. Но на нейтральную роль — председателя или ведущего, как ни назови,— согласен.

— Хорошо,— кивнул капитан Бей, большего он и не ожидал.— Кто будет представлять стороны? Вряд ли новоталассиане явятся излагать свои взгляды.

— По мне, лучше прямое голосование без споров и дискуссий,— жалобно проговорил первый помощник.

В глубине души капитан считал так же. Но доверие ответственных высокообразованных людей, возложенное на него двести лет назад, будет подорвано, если придется отказываться от решения, принятого демократическим путем.

Собрать Совет удалось не сразу. Возможность проголосовать предоставлялась всем членам экипажа; пришлось пересматривать графики и служебные расписания, дробя периоды сна. Половина экипажа находилась на Талассе. Из-за этого возникала проблема безопасности. Очень нежелательно, чтобы талассиане подслушали дебаты, чем бы те ни закончились...

Когда начался Совет, Лорен Лоренсон сидел один в комнате на Талассе. Впервые пришлось запереть дверь. На офицере снова были очки, но сейчас он не плавал в подводном лесу. Он находился на борту «Магеллана», в знакомом зале собраний, глядя в лица товарищей. Время от времени Лорен переключал вид на экран, предназначенный для замечаний и окончательного решения. Пока на нем виднелось одно короткое сообщение:

«РЕЗОЛЮЦИЯ: Космический корабль "Магеллан" завершает миссию на Талассе. Все первоначальные цели могут быть достигнуты здесь».

«Моисей на корабле,— резюмировал Лорен, окинув взглядом собравшихся.— Поэтому его не видно в последнее время. Выглядит усталым. Бей тоже. Кажется, все серьезнее, чем представлялось...»

Кальдор отрывисто постучал по столу, требуя внимания.

— Капитан, офицеры, члены экипажа! Это первый Совет корабля, но все вы знаете процедурные правила. Хотите что-то сказать — поднимите руку. Для письменного заявления используйте клавиатуру; адреса шифруются, обеспечивается анонимность. Прошу быть максимально краткими. Если вопросов нет, начнем с пункта 001.

Новоталассиане добавили несколько аргументов, но основным осталось первоначальное предложение, потрясшее Сирдара Бея две недели назад. За этот срок в установлении авторства капитан не продвинулся.

Самое весомое дополнение звучало так: остаться здесь — долг посланцев Земли. Таласса нуждается в их технологиях, культуре, генах. «Сперва следовало бы поинтересоваться мнением хозяев планеты,— размышлял Лорен, хотя очень хотелось согласиться с новоталассианами.— Мы же не старомодные империалисты. Или я ошибаюсь...»

Присутствующим дали время перечитать заявление. Кальдор снова постучал по столу.

— Никто не попросил разрешения высказаться в пользу резолюции; естественно, такая возможность будет предоставлена позже. Попрошу лейтенанта Эльгара изложить аргументы против.

С Рэймондом Эльгаром, задумчивым молодым инженером-связистом, Лорен почти не пересекался; тот обладал музыкальными способностями и заявлял, что напишет о полете «Магеллана» эпическую поэму. Когда его просили продекламировать хотя бы строфу из будущего шедевра, он неизменно отвечал: «Погодите до Сагана-2 плюс еще годик».

Понятно, почему лейтенант Эльгар добровольно (или не очень) согласился на эту роль. Вряд ли поэтические амбиции позволили бы ему поступить иначе. К тому же не исключено, что он действительно работал над эпопеей.

— Прошу капитана и товарищей по экспедиции уделить толику внимания.

«Странная фраза,— отметил Лорен.— Интересно, сам придумал?»

— Думаю, все как душой, так и разумом согласятся, что идея остаться на Талассе весьма привлекательна. Но прошу учесть следующее.

Нас всего сто шестьдесят один человек. Имеем ли мы право принимать необратимые решения от имени миллиона спящих?

И что станет с талассианами? Предполагается, что, оставшись, мы им поможем. Но так ли это? Местное население довольно текущим образом жизни. Вообразимо ли, что миллион землян станет частью талассианского общества, не разрушив его? Подумайте о нашем опыте и подготовке, о нашей цели, в конце концов! Много лет назад мы посвятили себя этой миссии... Не будем забывать о долге. Поколения наших предков пожертвовали собой, чтобы полет «Магеллана» стал возможен. Они дали человечеству шанс на выживание! Чем больше солнц мы достигнем, тем выше вероятность, что род людской не погибнет. Мы видели талассианские вулканы в действии; кто знает, что случится здесь через столетия?

Я слышал несерьезные речи о тектонических преобразованиях. Якобы с их помощью удастся создать новые континенты для возросшего населения! Напомню: на Земле за тысячелетия исследований тектоника так и не стала точной наукой. Вспомните катастрофу на плато Наска три тысячи сто семьдесят пятого года! Заигрывание с силами, таящимися внутри Талассы,— безрассудство!

Достаточно слов. Мы обязаны предоставить талассиан их судьбе и продолжить путь к Сагану-два. Иного решения быть не может.

— Спасибо, лейтенант Эльгар,— поблагодарил Кальдор.— Ценим вашу краткость. Кто-нибудь желает высказать противоположное мнение?

Все беспокойно зашевелились. Наступила глубокая тишина.

С минуту ничего не происходило. Наконец на экране появились сообщения.

«002. Не мог бы капитан оценить вероятность успешного завершения миссии?

003. Предлагаем разбудить представительную выборку спящих и узнать их мнение.

004. Предлагаем спросить талассиан. Это их мир».

Сохраняя полную секретность и нейтралитет, компьютер нумеровал и высвечивал реплики членов Совета. Лучшего способа воспроизводить мнения людей, желающих прийти к консенсусу, не придумали за два тысячелетия. Все находившиеся на корабле и на Талассе набирали сообщения с помощью семи кнопок маленьких клавиатур. Вводить необходимые комбинации не задумываясь учили каждого ребенка.

Лорен обвел взглядом собравшихся и с интересом отметил, что почти все держали руки на виду. Никто не сидел с отсутствующим взглядом, набирая приватное сообщение на спрятанной под столом клавиатуре. Однако в дискуссии принимало участие немало народа.

«015. Как насчет компромиссного варианта? Корабль мог бы продолжить полет, оставив часть экипажа на Талассе».

Кальдор постучал по столу.

— Мы обсуждаем не это решение,— заявил Моисей,— но оно взято на заметку.

— Отвечаю на пункт ноль ноль два,— вступил в разговор капитан Бей, вовремя вспомнив, что следует получить разрешающий кивок от председателя.— Вероятность составляет девяносто восемь процентов. Не удивлюсь, если шансы достичь Сагана-два окажутся выше, чем шансы Северного или Южного острова не уйти под воду.

«021. Кроме Кракана, у талассиан нет серьезных неустранимых проблем. Может, поможем им с вулканом? KHP».

Кто это, интересно... Конечно — Кингсли Расмуссен. Судя по всему, желания оставаться инкогнито у него нет. Высказал мысль, время от времени приходящую в голову почти каждому.

«022. Мы предлагали восстановить антенну дальней космической связи на Кракане, чтобы поддерживать с ними контакт. PMM.

023. Работы в худшем случае на десять лет. KHP».

— Джентльмены,— раздраженно проговорил Кальдор,— отклоняемся от темы.

«Добавить что-нибудь? — задумался Лорен.— Нет, не хочу участвовать в этих дебатах: слишком много и плюсов, и минусов. Однажды придется выбирать между долгом и счастьем. Но не сейчас. Не сейчас...»

— Ваша сдержанность меня удивляет,— признался Кальдор. За две минуты на экране не появилось ни одной надписи.— Никто больше не желает высказаться на столь важную тему?

Он с надеждой подождал еще минуту.

— Отлично. Возможно, вы захотите продолжить дискуссию в неформальной обстановке. Отложим голосование. В течение последующих сорока восьми часов можете излагать мнения. Спасибо.

Он поймал взгляд капитана Бея. Тот с явным облегчением поднялся из-за стола.

— Благодарю, доктор Кальдор. Совет корабля окончен.

Сирдар Бей тревожно посмотрел на Моисея. Советник изучал экран, словно видел его впервые.

— Все в порядке, доктор?

— Прошу прощения. Вспомнил кое-что важное.

В тысячный раз блуждая по лабиринту собственного подсознания, Моисей действительно набрел на нечто стóящее.

Причиной стал пункт 021. «У талассиан нет серьезных неустранимых проблем».

Теперь Кальдор знал, почему ему снилась Килиманджаро.

39
ЛЕОПАРД В СНЕГАХ

Прости, Эвелин. Прошло много дней с тех пор, как я разговаривал с тобой в последний раз. Значит ли это, что твой образ угасает, а будущее поглощает все больше моей энергии и внимания?

Думаю, да. По логике, следует этому радоваться. Слишком долго цепляться за прошлое — болезнь, как ты часто напоминала. Но в душе я до сих пор не готов принять горькую правду.

За последние недели случилось многое. На корабле появилась зараза. Я называю ее «Синдром "Баунти"». Впрочем, мы ожидали подобного, но относились к опасности недостаточно серьезно. Теперь все по-настоящему. Но пока болезнь, надеюсь, не слишком запущена.

Часть экипажа хочет остаться на Талассе подольше и честно в этом признается. Нельзя их винить. Другие желают окончательно завершить миссию здесь и забыть про Саган-2. Мы не знаем, насколько сильна эта группировка. Она так и не раскрыла себя.

Через сорок восемь часов после Совета провели голосование. Оно, естественно, было тайным; не знаю, насколько можно доверять результатам: сто пятьдесят один голос за продолжение полета и шесть против. Четверо воздержались.

Капитана Бея исход порадовал. Он считает, что ситуация под контролем, но намерен принять меры. Сирдар понимает: чем дольше мы остаемся на Талассе, тем сильнее будет желание не улетать вообще. Единичные дезертиры его мало волнуют. Он заявил: «Если кто-то хочет уйти, я не стану держать». Но капитана беспокоит недовольство, распространяющееся среди остального экипажа.

Он ускоряет сборку щита. Сейчас, когда система работает в автоматическом режиме, мы планируем делать два подъема за день вместо одного. Если все получится, удастся улететь через четыре месяца. Об этом пока не объявлялось. Надеюсь, протестов не будет, как от новоталассиан, так и от кого-либо другого.

И еще одна вещь. Возможно, она не имеет значения, но мне кажется весьма интересной. Помнишь, мы читали друг другу рассказы, когда впервые познакомились? Чудесный способ узнать, как жили и думали люди тысячи лет назад, задолго до изобретения сенсорной или даже видеозаписи...

Когда-то ты зачитывала мне — о чем я совершенно забыл — текст про огромную гору в Африке со странным названием Килиманджаро. Я нашел его в архивах корабля и теперь понимаю, почему этот образ преследует меня.

Высоко на горе, выше линии снегов, была пещера. Внутри лежал замерзший труп крупной хищной кошки — леопарда. Никто так и не узнал, что делал леопард на такой высоте, столь далеко от обычного ареала.

Ты знаешь, Эвелин, я всегда гордился своей интуицией. Многие называли это тщеславием. Однако, похоже, она помогает мне и здесь.

Неоднократно случалось, что крупное и мощное морское животное выходило далеко за пределы естественной среды обитания. Недавно такое существо удалось поймать; оно напоминает огромное ракообразное. Похоже на морских скорпионов, живших на Земле.

Мы не уверены, разумны ли скорпы. Вопрос может выглядеть бессмысленным. Но это наверняка высокоорганизованные общественные создания, обладающие примитивными технологиями. Хотя, пожалуй, я загнул. Насколько удалось выяснить, они демонстрируют не больше способностей, чем пчелы, муравьи или термиты. Но масштаб их действий совсем иной. Он весьма впечатляет.

Самое важное — они открыли металл. Пока, судя по всему, используется он только для украшений, и единственный

его источник — ворованные у талассиан вещи. Скорпы не раз портили ловушки тарнийцев для рыбы.

Недавно один выполз по каналу в центр морозильной установки. Сперва мы наивно предположили, что он искал пищу. Однако ее полно и там, откуда он пришел,— в радиусе как минимум пятидесяти километров.

Хотелось бы знать, что скорп делал столь далеко от дома; чувствую, ответ на этот вопрос может оказаться важным для талассиан.

Сумеем ли мы его найти, прежде чем начнется долгий сон на пути к Сагану-2?

40
ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Едва войдя в кабинет президента, капитан Бей понял — что-то не так.

Обычно Эдгар Фаррадайн приветствовал его по имени и доставал графин с вином. На этот раз ни вина, ни обращения «Сирдар» не было. Лишь короткое предложение присесть.

— Я получил тревожные новости, капитан Бей. Если не возражаете, к нам присоединится премьер-министр.

Капитан впервые слышал, чтобы президент сразу переходил к делу, в чем бы оно ни заключалось. Встречаться в кабинете Фаррадайна с премьер-министром Бею также не доводилось.

— В таком случае, господин президент, позволите ли вы присутствовать здесь послу Кальдору?

После секундного колебания Фаррадайн ответил:

— Конечно.

Капитан с облегчением увидел на лице собеседника призрачную улыбку. Дипломатические тонкости должны соблюдаться. Хозяева имеют право превосходить гостей по рангу, но не по численности.

В действительности Бергман являлся закулисным правителем, о чем капитан Бей прекрасно знал. За премьером стояло правительство, а за правительством — Конституция Джефферсона третьей версии. Этот порядок бесперебойно работал столетиями, но у капитана возникло предчувствие, что скоро он будет нарушен.

Кальдора поспешно спасли от общества миссис Фарра-дайн. Женщина использовала его в качестве морской свинки, высказывая идеи по переустройству президентского дома. Вскоре прибыл премьер-министр. Лицо его, как обычно, ничего не выражало.

Все сели. Президент скрестил руки на груди, откинулся на спинку витиевато украшенного кресла-качалки и осуждающе посмотрел на гостей.

— Капитан Бей, доктор Кальдор. Мы получили тревожные сведения. Хотелось бы знать, насколько правдиво сообщение, что вы намерены завершить миссию здесь, а не на Сагане-два.

Сирдар Бей облегченно вздохнул. «В системе безопасности образовалась брешь»,— раздраженно подумал он. Капитан надеялся, что талассиане не узнают о петиции и о Совете корабля. Хотя ожидать утечки следовало.

— Господин президент, господин премьер-министр. Могу заверить, что это лишь слухи и в них нет ни капли правды. Зачем, по-вашему, мы поднимаем шестьсот тонн льда в день, чтобы восстановить щит, если собираемся остаться на Талассе?

— Логично. Приостановка работ и смена планов нас бы озадачили.

Ответ ошеломил капитана. Он недооценил этих дружелюбных людей. Но тут же до Бея дошло, что талассиане и их компьютеры уже проанализировали все возможные варианты.

— Верно. Однако позвольте поделиться с вами конфиденциальной информацией. Скорость подъема льда в ближайшее время удвоится. Мы хотим быстрее закончить щит и улететь раньше срока. О том, чтобы остаться на Талассе, не может быть и речи. Рассчитывал сообщить вам эту новость при более приятных обстоятельствах.

Премьер-министр не сумел скрыть удивление. Президент даже не пытался. Капитан Бей продолжил наступление, не дав талассианам прийти в себя.

— Было бы честно, господин президент, если бы вы привели доказательства... обвинения. Как иначе мы его опровергнем?

Президент посмотрел на премьер-министра. Премьер-министр перевел взгляд на гостей.

— Боюсь, это невозможно. Мы не имеем права раскрывать наши источники информации.

— Тогда ситуация патовая. Вы не убедитесь в нашей честности, пока «Магеллан» не улетит в соответствии с пересмотренным графиком. Через сто тридцать дней.

После затянувшейся паузы Кальдор тихо произнес:

— Могу я поговорить с капитаном наедине?

Гости вышли, и президент обратился к премьер-министру:

— Они говорят правду?

— Уверен, Кальдор не стал бы лгать. Но, возможно, он не знает всего.

На продолжение дискуссии не хватило времени. Капитан и советник вернулись.

— Господин президент,— проговорил капитан,— мы с доктором Кальдором должны кое-что вам рассказать. Надеялись сохранить тайну, но обстоятельства против. Тема щекотливая. Мы полагали, что проблема решена. Если это не так, потребуется ваша помощь.

Он коротко изложил суть заседания Совета и приведших к нему событий, закончив словами:

— Если желаете, я готов продемонстрировать записи. Нам нечего скрывать.

— Нет необходимости, Сирдар,— с явным облегчением выдохнул президент. Однако премьер-министр до сих пор выглядел обеспокоенным.

— Гм... минуточку, господин президент. Это не отменяет полученных нами сведений. Сами помните, информация весьма убедительна.

— Уверен, капитан сумеет все объяснить.

— Если вы поясните, в чем суть.

Снова последовала пауза. Президент потянулся к графину с вином.

— Давайте сперва выпьем,— весело предложил он.— А потом я расскажу, откуда мы все узнали.

41
ЖЕНСКИЕ ТАЙНЫ

Все прошло гладко, удовлетворенно подумал Оуэн Флетчер. Конечно, слегка разочаровали результаты голосования... Интересно, насколько точно они отражают общее мнение на корабле? Глава заговорщиков поручил двум коллегам проголосовать против завершения полета, чтобы не раскрывать в полной мере силы, пусть пока и незначительной, новоталассианского движения.

Оставался вопрос — как быть дальше. Лейтенант делал некоторые успехи в области политики, но все же оставался инженером. Поэтому он не представлял, каким образом набирать новых сторонников, не раскрывая карт.

Имелось два варианта. Первый, самый простой,— сбежать с корабля незадолго до старта и не вернуться. Капитан Бей даже при желании не станет искать пропавших, а талассианские друзья укроют их, пока «Магеллан» не улетит.

Но это двойное предательство, неслыханный позор в тесном сообществе сабр. Придется бросить спящих товарищей, включая брата и сестру. Что они подумают, узнав о его поступке триста лет спустя, на враждебном Сагане-2? Оуэн мог открыть для них врата рая, но не сделал этого!

Времени оставалось мало: компьютерное моделирование ускоренного графика подъема снежинок означало лишь одно. Он еще не обсуждал этой альтернативы с друзьями, но иного выхода все равно нет.

Флетчер до сих пор избегал слова «саботаж».

Простая и наивная северянка Роуз Киллиан в жизни не слышала о Далиле. Сравнение с филистимлянкой ужаснуло бы ее. Как и многих девушек Талассы, ее очаровали обаятельные гости с Земли. Роман с Карлом Босли стал первым глубоким чувством для обоих влюбленных.

Счастливых молодых людей удручала мысль о скором расставании. Однажды ночью, когда Роуз рыдала на плече у Карла, он не выдержал.

— У меня хорошие новости, но это тайна,— прошептал он, гладя лежащие на груди девушки пряди волос.— Информация пока не оглашается, так что никому ни слова. Корабль не улетит. Мы останемся на Талассе.

От удивления Роуз едва не свалилась с кровати.

— Правда? Или ты хочешь меня утешить?

— Правда. Смотри не выболтай.

— Конечно, дорогой.

Но ближайшая подруга Роуз, Марион, тоже оплакивала любимого с Земли, и ей пришлось рассказать...

...а Марион передала новость Полине... которая не удержалась и поделилась со Светланой... которая нашептала тайну Кристал.

А Кристал была дочерью президента.

42
ВЫЖИВШИЙ

«Положение не из приятных,— думал капитан Бей.— Оуэн Флетчер — человек неплохой, я лично одобрил его кандидатуру. Как он мог пойти на такое?»

Простого объяснения не находилось. Не будь лейтенант саброй, не будь он влюблен в ту девушку, такая ситуация, скорее всего, не возникла бы. Как называется, когда один плюс один в сумме дают больше двух? Син... ах да, синергия. Однако капитана не покидало ощущение, что он нащупал не все причины. Есть слагаемые, ему до сих пор неизвестные.

Сирдар Бей вспомнил слова Кальдора. Рассуждая о психологическом климате на корабле, Моисей всегда находил подходящую фразу.

«Мы все искалечены, капитан. Отрицать бесполезно. В последние годы мы преодолели больше испытаний, чем остальные родившиеся на Земле люди. Нам стыдно».

«Стыдно?» — удивленно и негодующе воскликнул Бей.

«Да, но винить нас не за что. Мы единственные выжившие. Выжившим всегда стыдно, что они не погибли».

Замечание Кальдора вгоняло в тоску. Однако оно помогало объяснить и случившееся с Флетчером, и многое другое.

«Мы все искалечены.

Какую душевную рану получил ты, Моисей? Как ты справляешься? О своей я знаю. Мне удалось обратить ее во благо для других. Я стал тем, кем являюсь сейчас, и горжусь этим.

Возможно, живи я раньше, из меня вышел бы диктатор или военачальник. Вместо этого я работал шефом полиции континента, затем начальником космического строительства и, наконец, капитаном звездолета. Мечты о власти реализовались».

Сирдар подошел к корабельному сейфу, ключ от которого имелся только у него, и вставил в щель закодированную металлическую пластинку. Дверца плавно распахнулась. Внутри лежали пачки бумаг, несколько медалей и наград и плоская деревянная шкатулочка с выгравированными серебром инициалами С. Б.

Капитан положил ее на стол и с удовольствием ощутил знакомое тепло внизу живота. Открыв крышку, он уставился на блестящее орудие власти в бархатном углублении.

В прошлом подобным извращением баловались миллионы. Как правило, оно оказывалось безобидным, а в примитивных сообществах даже ценным. И не раз меняло ход истории в лучшую или худшую сторону.

— Знаю, ты — символ мужской силы,— прошептал капитан.— Но ты еще и оружие. Когда-то я тобою пользовался. Смогу воспользоваться и сейчас.

Воспоминание длилось долю секунды, но успело охватить годы. Капитан стоял возле стола, не шевелясь; в одно мгновение пошел прахом тщательный труд психотерапевтов. Перед Сирдаром распахнулись ворота памяти.

Мысленным взором он увидел бурные последние десятилетия. В те годы проявлялось все лучшее и худшее, что есть в человеке. Бей вспомнил, как, являясь молодым инспектором полиции в Каире, отдал первый приказ стрелять по бунтующей толпе. Пули были обездвиживающими, но два человека погибли.

Из-за чего вспыхнуло восстание? Он так и не узнал. Слишком много политических и религиозных движений возникло в Последние дни. Наступила эпоха великих преступников, готовых на любой риск. Им нечего было терять, ведь будущее предопределено. Большинство были психопатами, но некоторые — почти гениями. Сирдар вспомнил Джозефа Киддера, едва не похитившего звездолет. Что случилось с угонщиком, неизвестно. Порой капитану Бею приходила в голову кошмарная мысль: «А если один из спящих на самом деле...»

Принудительное сокращение численности населения; полный запрет на рождение детей после 3600 года; абсолютный приоритет созданию квантового двигателя и постройке кораблей класса «Магеллан»... Все это, вкупе с осознанием надвигающейся гибели, вызвало в земном обществе огром-

ные волнения. И сейчас казалось чудом, что кому-то удалось покинуть Солнечную систему. Капитан Бей с восхищением и благодарностью вспомнил людей, посвятивших оставшиеся годы делу, об успехе или неудаче которого им не суждено было узнать.

Он вспоминал последнего президента мира, Элизабет Виндзор. Усталая, но гордая, она покидала корабль после визита с инспекцией, возвращаясь на обреченную планету. Оставались считаные дни до катастрофы. Женщине же судьба отпустила еще меньше. Бомба в ее космоплане взорвалась перед посадкой в космопорту Канаверала.

При мыслях о той трагедии капитана бросало в дрожь. Заряд предназначался «Магеллану», и лишь ошибка при расчете времени детонации спасла корабль. По иронии, оба соперничавших культа взяли ответственность на себя.

Джонатан Колдуэлл и его подсократившаяся, но все еще шумная компания последователей отчаянно твердили, что волноваться не нужно, Бог лишь испытывает человечество, как однажды испытывал Иова. Происходящее с Солнцем — временно, звезда скоро вернется в норму, и человечество будет спасено. Но если не верящие в Его милость вызовут гнев Господа, Он может передумать...

Культ Воли Божьей утверждал противоположное. Наконец наступит Судный день. Не следует пытаться его избежать. Нужно приветствовать его с радостью, ибо после Страшного суда достойные спасения будут жить в вечном блаженстве.

Так, исходя из разных предпосылок, последователи Колдуэлла и Воли Божьей пришли к одному выводу: человечество не должно бежать от судьбы. Все звездолеты необходимо уничтожить.

К счастью, вражда не позволила культам объединиться ради общей цели. После гибели президента Виндзор враждебность переросла в жестокое кровопролитие. Пошли слухи — наверняка от Всемирного бюро безопасности, хотя коллеги Бея в этом не признавались,— что бомбу подложила Воля Божья, а диверсию с таймером устроили последователи Колдуэлла. Не меньшей популярностью пользовалась и обратная версия; возможно, какая-то из них была правдивой.

Все это стало историей. На корабле о тех событиях слышали лишь капитан и еще десяток людей. Как странно, что миссия «Магеллана» вновь оказалась под угрозой саботажа!

В отличие от последователей Колдуэлла и культа Воли Божьей, сабры — люди высокообразованные и не подверженные фанатизму. Потому проблемы с ними могут оказаться более серьезными. Но капитан Бей считал, что справится.

«Оуэн Флетчер, человек ты неплохой,— мрачно подумал он.— Но мне в свое время доводилось убивать и пытать таких молодчиков».

Капитан гордился, что не получал удовольствия от этих действий. К тому же сейчас имелся способ их избежать.

43
ДОПРОС

На «Магеллане» появился новый преждевременно пробужденный член экипажа. Какое-то время он привыкал к реальности, как Моисей Кальдор год назад. Подобное нарушение графика допускалось лишь при крайней необходимости. По сведениям компьютера, лишь доктор Маркус Штайнер, бывший руководитель научного отдела Земного бюро расследований, обладал знаниями и опытом, к несчастью, потребовавшимися именно сейчас.

На Земле друзья часто спрашивали, почему он решил стать профессором криминологии. Штайнер всем отвечал одинаково: «Иначе пришлось бы стать преступником».

Криминологу понадобилась почти неделя, чтобы модифицировать стандартный энцефалограф из лазарета и отладить компьютерные программы. Тем временем четыре сабры, запертые в каютах, упрямо отказывались признать вину.

Оуэн Флетчер без особой радости наблюдал приготовления, затеянные ради него с товарищами. Аппаратура слишком напоминала электрические стулья и пыточные приспособления, богато представленные в кровавой истории Земли. Однако Штайнер со свойственной хорошему следователю фамильярностью быстро его успокоил.

— Оуэн, нет причин волноваться. Обещаю, вы ничего не почувствуете и не узнаете о данных мне ответах. Однако я услышу только правду. Вы умный и образованный человек; позвольте рассказать, чем мы будем заниматься. Удивительно, но это только поможет. Нравится вам или нет, ваше подсознание доверится мне и станет сообщником в нашем деле.

«Чушь,— решил Флетчер.— Неужели он думает, что столь легко одурачит меня!» Однако вслух лейтенант не произнес ни слова. Его усадили в кресло. Санитары застегнули кожаные ремни вокруг предплечий и пояса. Он не пытался сопротивляться. Двое самых рослых бывших коллег стояли рядом, старательно избегая взгляда Оуэна.

— Захотите пить или в туалет — скажите. Сессия займет ровно час; возможно, позже потребуется повторить разок-другой, но первая процедура самая длинная. Расслабьтесь и чувствуйте себя как дома.

Замечание выглядело чересчур оптимистично, но забавным не показалось никому.

— К сожалению, пришлось обрить вам голову. Электроды не любят волос. Вам завяжут глаза, чтобы избежать визуальных помех. Сейчас вы почувствуете сонливость, но останетесь в сознании. Мы зададим ряд вопросов. Есть три возможных ответа — да, нет, не знаю. Отвечать не обязательно: мозг сделает все за вас, а троичная логическая система компьютера распознает сообщение.

Солгать не получится. Если хотите попробовать — вперед! Эту машину изобрели лучшие умы Земли. Никому еще не удалось ее одурачить. Если ответ окажется неоднозначным, компьютер переформулирует вопрос. Готовы? Хорошо... Включаем запись... Проверка уровня на пятом канале... Запускаем программу.

«Ваше имя — Оуэн Флетчер... Отвечайте: да... или нет...

Ваше имя — Джон Смит... Отвечайте: да... или нет...

Вы родились в Лоуэлл-Сити, Марс... Отвечайте: да... или нет...

Ваше имя — Джон Смит... Отвечайте: да... или нет...

Вы родились в Окленде, Новая Зеландия... Отвечайте: да... или нет...

Ваше имя — Оуэн Флетчер...

Вы родились 3 марта 3585 года...

Вы родились 31 декабря 3584 года...»

Вопросы следовали один за другим почти без интервалов. Не будь реакции Флетчера слегка заторможенными, на искажение ответов все равно не оставалось бы времени. Да и смысла обманывать не было. За несколько минут компьютер составил шаблоны реакций пациента на вопросы с заранее известными ответами.

Время от времени калибровка проводилась заново («Ваше имя — Оуэн Флетчер... Вы родились в Кейптауне, Зулуленд...»). Для подтверждения полученной ранее информации фразы периодически повторялись. После формирования базы физиологических реакций, соответствующих ДА и НЕТ, процесс перешел в автоматический режим.

Примитивные «детекторы лжи» успешно проделывали то же самое, но достоверные результаты получались редко. На усовершенствование технологии потребовалось двести лет. Результаты исследований перевернули как гражданскую, так и уголовную юридическую практику. С тех пор немногие суды длились дольше пары часов.

Нельзя назвать такой процесс вытягивания правды из человека допросом. Удачнее определить его как компьютеризированную и защищенную от мошенничества версию

древней игры в «двадцать вопросов». С помощью ряда ответов «да — нет» теоретически реально получить любую информацию. Когда с качественной машиной сотрудничает квалифицированный специалист, редко требуется больше двадцати итераций.

Несколько ошеломленный Флетчер, пошатываясь, выбрался из кресла после часовой процедуры. Он понятия не имел, о чем спрашивал доктор и какие ответы получал. Однако сабра не сомневался, что не выболтал лишнего.

К его удивлению, Штайнер весело произнес:

— Вот и все, Оуэн. Больше вы не понадобитесь.

Профессор гордился, что никогда не причинял вреда пациентам. Однако хорошему следователю приходится быть садистом, доставляя душевные страдания. Это подчеркивает его непогрешимость, а она — залог успеха.

Штайнер подождал, пока Флетчера, пришедшего наконец в себя, уведут в каюту, под арест.

— Оуэн! — крикнул доктор вдогонку.— Трюк со льдом — дурацкая затея!

На самом деле план был не так плох, но это уже не играло роли. Выражение лица лейтенанта Флетчера послужило для Штайнера достойной наградой.

Профессору предстояло вновь погрузиться в сон, теперь до Сагана-2. Но сперва ему хотелось расслабиться, воспользовавшись неожиданным перерывом.

Завтра он взглянет на Талассу. Возможно, удастся поплавать в море и поваляться на желтом песочке... Но пока вполне хватит общества хорошего старого друга.

Издание, благоговейно извлеченное им из вакуумной упаковки, было не только первым, но теперь и единственным. Профессор открыл книгу на случайной странице. Почти каждую он знал наизусть.

Штайнер начал читать, и в пятидесяти световых годах от руин Земли туман вновь заклубился над Бейкер-стрит.

— Проверка подтвердила, что в деле замешаны лишь четыре сабры,— сообщил капитан Бей.— К счастью, больше допросов не потребуется.

— Не понимаю, на что они надеялись,— уныло проговорил первый помощник Малина.

— Вряд ли бы у них вышло что-нибудь серьезное. Не довелось проверить, выгорит дело или нет, и слава богу. Горе-заговорщики даже с планом не определились.

План А состоял в том, чтобы повредить щит. Флетчер, как вам известно, работал в сборочной команде. Перепрограммировать завершающую стадию подъема для него не составляло труда. Если бы ледяной блок врезался в почти готовую конструкцию со скоростью всего несколько метров в секунду... понимаете, о чем я?

Несложно выдать катастрофу за несчастный случай. Но остался бы риск, что расследование покажет иное. К тому же поврежденный щит можно восстановить.

Флетчер надеялся на задержку отлета. Ему требовалось время навербовать последователей. Здравая идея. Еще год на Талассе, и...

План В включал диверсию в системе жизнеобеспечения, после которой пришлось бы эвакуировать корабль. Недостатки те же самые.

Опаснее всего оказался план С. С его осуществлением наша миссия действительно бы закончилась. К счастью, сабры не имели отношения к двигателям...

Слова капитана шокировали присутствующих. Больше всех удивился коммандер Роклин.

— Сэр, решись они на такое, доступ к двигателю не стал бы большой проблемой. Сложнее вывести его из строя, не повредив сам корабль. Сомневаюсь, что им хватило бы технических знаний.

— Они задумывались об этом,— мрачно сказал капитан.— Боюсь, придется пересмотреть систему безопасности. Завтра на эту тему состоится совещание со старшими офицерами. Здесь, в полдень.

Наконец главный врач Ньютон задала вопрос, мучивший всех собравшихся.

— Сэр, трибунал будет?

— Нет необходимости. Вина установлена. В соответствии с уставом корабля, единственная проблема — приговор.

Все ждали.

— Спасибо, леди и джентльмены,— закончил капитан.

Офицеры молча вышли.

Оставшись один, он почувствовал, что его предали. Но теперь все закончилось, и «Магеллан» благополучно перенес рукотворный шторм.

Три сабры, вероятно, не представляют угрозы; но что делать с Оуэном Флетчером?

Сирдар Бей вспомнил о смертоносной игрушке в сейфе. Капитану не составит труда устроить несчастный случай...

Однако он тут же отверг крамольную мысль. Естественно, человек чести такого не сотворит. К тому же решение принято. Экипаж, без сомнения, с ним согласится.

«Любая проблема имеет простое и красивое, но неправильное решение»,— изрек кто-то очень мудрый. Но идея капитана, разумеется, проста, красива и справедлива.

Сабры хотят остаться на Талассе — пусть остаются. Они станут ценными гражданами. Возможно, именно в таких сильных и энергичных людях нуждается местное общество.

Странно, однако история действительно циклична. Бею, как и Магеллану, предстоит высадить бунтующих членов команды с корабля.

Станет это наказанием или наградой, он узнает через триста лет.

Часть VI
ПОДВОДНЫЕ ЛЕСА

44
ШАР-ШПИОН

Морская лаборатория Северного острова не проявляла энтузиазма.

— Нужна неделя на ремонт «Калипсо»,— заявил директор.— Повезло, что нашли робота. Других на Талассе нет, и повторно рисковать неохота.

«Знакомые симптомы»,— отметила научный руководитель Варли; даже в Последние дни на Земле отдельным лицам, руководящим лабораториями, хотелось оградить нежно любимое оборудование от посторонних.

— Не вижу риска. Разве только Кракан-младший — или старший — снова начнет шалить. Но геологи обещали, что вулканы успокоились лет на пятьдесят.

— Сомнительно. Неужели эти исследования настолько важны?

«До чего ограниченный кругозор,— удивилась Варли.— Пусть ты и физик-океанограф, однако стоит хоть немного интересоваться подводной жизнью. Быть может, я его недооцениваю, и хитрец пытается что-то выведать»

— Да, важны. Доктор Лоренсон едва не погиб из-за них. К тому же скорпы — не какая-то рядовая океанская живность. Наш долг — узнать все возможное об иных разумных существах. Когда-нибудь эта информация очень пригодится. Причем скорее вам, чем нам. Создания из другого мира у вас на пороге.

— Прекрасно понимаю. Не задумывались, как нам повезло, что скорпы имеют собственную экологическую нишу?

«Надолго ли? — вздохнула про себя научный руководитель.— Если Моисей Кальдор прав...»

— Расскажите про шар-шпион. Интригующее название.

— Их разработали пару тысячелетий назад для обеспечения безопасности и шпионажа, но применяли и в других областях. Некоторые образцы были не больше булавочной головки. Наш размером с футбольный мяч.

Варли развернула чертежи на столе директора.

— Он создан специально для использования под водой. Удивительно, что вы о нем не знаете. Данная модель известна с две тысячи сорок пятого года. Мы нашли в технических архивах полные спецификации и скормили их репликатору. Первая копия оказалась неработоспособной, почему — непонятно. Зато вторая в порядке.

Акустические генераторы работают на частоте десять мегагерц. Получаем разрешение в миллиметр. Качество не очень, но вполне приемлемо.

Обработчик сигналов достаточно умен. При включении шара он посылает одиночный импульс, строящий акустическую голограмму местности в радиусе двадцати-тридцати метров. Информация передается в двухсоткилогерцовом диапазоне бую на поверхности. Тот транслирует ее на базу. Первое изображение формируется за десять секунд. После шпион посылает новый импульс.

Если картинка не изменилась, идет пустой сигнал. Иначе информация обновляется для поддержания актуальности изображения.

Каждые десять секунд мы получаем качественный моментальный снимок. Разумеется, если в кадре быстро движущийся объект, картинка окажется смазанной. Невозможно иметь все сразу. Система работает в любых условиях, даже в полной темноте, не позволяющей обнаружить шар. К тому же она потребляет очень мало энергии.

Директор заинтересовался, хотя изо всех сил старался скрыть это.

— Умная игрушка. Возможно, сгодится для чего-нибудь. Предоставите нам спецификации и несколько моделей?

— Разумеется. Если они подойдут к вашему репликатору, сделаете нужное количество копий. Первую работающую модель планируется сбросить на Скорпвиль. Вторую, третью и четвертую, вероятно, тоже придется отправить на разведку. Остается ждать и смотреть, что произойдет.

45
ПРИМАНКА

На зернистой картинке порой трудно было что-либо разобрать. Цветовое кодирование, выделявшее детали, изначально недоступные глазу, оказалось почти бесполезным. Изображение представляло плоскую круговую панораму морского дна: груда камней, окруженная со всех сторон водорослями. Оно походило на застывшую фотографию. Течение времени выдавали лишь меняющиеся цифры в нижнем левом углу. Иногда сцена рывком изменялась, показывая происходящее в глубинах движение.

— Мы прибыли на место,— комментировала доктор Варли полученные записи. В аудитории Терра Новы набралось немало слушателей.— Как видите, скорпов застать не удалось. Быть может, они услышали или почувствовали падение нашей... гм... посылки на дно. Вот их первый разведчик. Прошла минута и двадцать секунд.

Картинка начала резко меняться с десятисекундными интервалами. Число скорпов на каждом следующем кадре увеличивалось.

— Сделаем паузу,— предложила научный руководитель,— рассмотрим детали. Обратите внимание на скорпа справа. Взгляните на левую клешню. Не меньше пяти металлических браслетов! Похоже, он занимает высокий пост. Судя по изображениям, ему уступают дорогу. Смотрите, он изучает таинственную штуку, свалившуюся с неба. Великолепный снимок. Обратите внимание, скорп использует клешни и щу-

пальца возле рта одновременно: первые обеспечивают силу, вторые точность. Тянет за провод, но наш подарочек слишком тяжел, чтобы сдвинуть его с места. Следите за вожаком: готова поклясться, он отдает распоряжения. Однако звуковых сигналов мы не зарегистрировали. Возможно, скорпы используют ультразвук. Вот еще один...

Внезапно сцена наклонилась под странным углом.

— Нас куда-то тащат. Вы были правы, доктор Кальдор. Направляемся к пещере в каменной пирамиде. Посылка слишком велика, чтобы пройти внутрь, как и предполагалось. Сейчас самое интересное...

Подарок для скорпов создавали с фантазией. По большей части он состоял из мусора. Экспонаты тщательно отбирались: стальные, медные, алюминиевые и свинцовые стержни, деревянные бруски, пластиковые листы и трубки, куски железной цепи, металлическое зеркало, несколько мотков разнокалиберной медной проволоки. Груз весил свыше ста килограммов. Мусор тщательно скрепили, чтобы перемещался он только как единое целое. Шар-шпион незаметно примостился в уголке, привязанный четырьмя короткими кабелями.

Два больших скорпа решительно атаковали груду хлама. Казалось, у них есть план. Мощные клешни быстро разрезали проволоку. Существа тут же избавились от кусков дерева и пластика; очевидно, их интересовал лишь металл.

Зеркало на некоторое время задержало внимание скорпов. Подняв его, они уставились на отражения, неразличимые на акустической голограмме шара-шпиона.

— Мы ожидали, что на зеркало нападут. Так обычно происходит, когда ставят отражающую поверхность перед аквариумом с рыбами. Но если наши друзья узнают себя, это будет означать достаточно высокий уровень развития.

Скорпы бросили зеркало и поволокли остатки мусора по морскому дну. Картинка на следующих кадрах безнадежно смазалась. Когда изображение стабилизировалось, сцена переменилась целиком.

— Нам повезло. Все вышло, как задумывалось. Они затащили шар в охраняемую пещеру. Оказывается, это не тронный зал Королевы. Кстати, я сомневаюсь, что Королева скорпов существует. Есть предположения по поводу пирамиды?

Присутствующие молчали, пораженные странным зрелищем. Наконец раздался голос:

— Это свалка!

— Какая свалка?

— Смотрите, десятикиловаттный подвесной мотор! Должно быть, он утонул, а скорпы его подобрали.

— Так вот кто ворует якорные цепи!

— Зачем им это барахло? Какой в нем смысл?

— Очевидно, не просто так.

Моисей Кальдор кашлянул, привлекая внимание.

— Есть одна теория,— начал он.— Все больше фактов говорят в ее пользу. Вы наверняка заметили, что здесь только металл, тщательно собранный отовсюду...

Для разумного морского существа металл должен казаться загадочным. Он не похож на природные материалы со дна океана. Скорпы, судя по всему, пребывают на уровне каменного века. Мы, наземные животные, поднялись на ступень выше, открыв огонь. У них такой возможности нет. Технологический тупик.

Мы наблюдаем повторение истории нашего мира. Знаете, откуда доисторический человек получил первое железо? Из космоса!

Вы удивитесь, но в чистом виде оно не встречается в природе. Слишком быстро ржавеет. Единственный источник для первобытного человека — метеориты. Ничего странного, что наши предки им поклонялись и верили в сверхъестественных существ на небе.

То же самое, думается мне, происходит здесь. Прошу отнестись к проблеме серьезно. Мы не знаем, насколько разумны скорпы. Возможно, они собирают металлы из любопытства или восхищаясь их, скажем, магическими свойствами. Но сумеют ли они найти этим материалам лучшее примене-

ние, чем изготовление побрякушек? Насколько они продвинутся, оставаясь под водой? И не переселятся ли они на сушу?

Друзья! Я считаю, вам следует узнать о скорпах все возможное. Быть может, вы делите планету с иной разумной расой. Станете вы друзьями или врагами? Даже если скорпы не так развиты, они могут стать смертельной угрозой или полезным орудием. Стоит с ними подружиться. Советую взглянуть, о чем говорится в исторических архивах на тему культа карго... К-У-Л-Ь-Т К-А-Р-Г-О.

Очень хотелось бы заглянуть в следующую главу этой истории. Возможно, прямо сейчас в лесах из водорослей собираются скорпы-философы и размышляют, кто мы и что с нами делать?

Прошу, почините антенну! Оставайтесь на связи! Компьютер «Магеллана» будет ждать сообщений, присматривая за нами по пути к Сагану-два.

46

КЕМ БЫ НИ БЫЛИ БОГИ...

— Что такое «бог»? — спросила Мирисса.

Кальдор рассматривал изображение столетней давности. Вздохнув, он поднял взгляд от картины.

— О господи. Почему вы интересуетесь?

— Лорен вчера сказал: «Моисей считает, что скорпы ищут своего бога».

— Неужели? Поговорю с ним. А вы, юная леди, просите объяснить вещи, тысячелетиями занимавшие умы миллионов людей и породившие больше слов, чем любая другая тема. Сколько у вас свободного времени?

Мирисса рассмеялась.

— Около часа. Разве не вы говорили, что любую важную мысль можно выразить одной фразой?

— Гм... мне встречались чрезвычайно длинные фразы. С чего же начать...

Он посмотрел на поляну за окном библиотеки. Над ней молчаливо, но выразительно возвышался корпус Материнского Корабля. «Здесь началась человеческая жизнь на Таласее,— размышлял Моисей.— Неудивительно, что это место напоминает Эдем. А я — Змий, готовый разрушить невинность? Мирисса очень умна. Не стоит рассказывать ей того, о чем она не знает или не догадывается».

— Проблема понятия «бог»,— осторожно начал Кальдор,— в том, что для двух людей, особенно людей задумывающихся, оно всегда значит разное. Вот почему в третьем тысячелетии это слово постепенно стало употребляться исключительно как ругательство, и в некоторых культурах его считали слишком неприличными.

На замену пришло созвездие терминов. Прекратились постоянные споры, составлявшие в прошлом девяносто процентов проблем.

Личный бог, иногда именовавшийся Всевышним, стал Альфой. Верили, что эта гипотетическая сущность наблюдает за повседневной жизнью каждого человека и животного. Она вознаграждает за добро и карает за зло в неопределенном существовании после смерти. Альфе поклонялись и молились. В его честь устраивали религиозные церемонии и строили огромные храмы...

Еще был бог, создавший Вселенную,— Омега. После сотворения мира он мог удалиться на покой или остаться наблюдать за своим детищем. Философы закончили препарировать бога, использовав все двадцать с небольшим букв древнегреческого алфавита. Пока нам хватит Альфы и Омеги. Только на их обсуждение потрачены десятки человеколет.

Альфа был неразрывно связан с религией. Это его погубило. Он просуществовал бы до уничтожения Земли, оставь мириады соперничающих культов друг друга в покое. Но такого не могло произойти. Каждая группа утверждала, что владеет Единственной Истиной. Приходилось уничтожать

соперников, включая инакомыслящих внутри собственной веры.

Конечно, я упрощаю; многие не замыкались в рамках своих верований. Религия являлась неотъемлемой частью ранних человеческих сообществ. Если бы не ограничения, данные, по мнению наших предков, свыше, людям не удалось бы объединиться во что-либо крупнее обособленных племен. Когда же привилегии и власть развратили религию, она стала антиобщественной силой; добро, принесенное ею, затмилось куда большим злом.

Надеюсь, вы не слышали об инквизиции, об охотах на ведьм, о джихадах. Представляете, в космическую эру существовали нации, где детей казнили, если их родители придерживались еретических взглядов, противоречивших официальной религии Альфы! Ужасно, но во времена, когда человечество начало освоение Солнечной системы, случались вещи и страшнее.

К счастью для наших предков, в начале двухтысячных годов Альфа постепенно ушел со сцены, став жертвой так называемой «статистической теологии». Сколько осталось времени? Бобби волнуется?

Мирисса бросила взгляд в окно. Жеребец спокойно жевал траву вокруг подножия Материнского Корабля, не проявляя признаков беспокойства.

— Он не уйдет, пока еда рядом. Что за статистическая теология?

— Скажем так, последняя атака на проблему Зла. Возникла в связи с появлением примерно в 2050 году весьма эксцентричного культа. Они называли себя неоманихейцами. Не просите объяснить почему. Кстати, это первая орбитальная религия; остальные тоже использовали спутники связи для распространения доктрин, однако неоманихейцы полагались исключительно на них. Встречались они только на телевизионных экранах.

Хоть они и зависели от технологий целиком, их традиция очень древняя. Неоманихейцы верили, что Альфа существует, но воплощает абсолютное зло. Конечная цель человечества состоит в его уничтожении.

В поддержку своих идей они приводили огромное количество жутких фактов из истории и зоологии. Думаю, эти ребята были не совсем здоровы. Сбор подобного материала доставлял им болезненное наслаждение.

К примеру, любимым аргументом в пользу существования Альфы являлось так называемое «доказательство замысла». Сейчас мы знаем, что оно ошибочно, но неоманихейцы говорили логично и убедительно.

Если вам встретилась прекрасно спроектированная система (лучший пример — цифровые часы), значит, за ней стоит создатель, автор замысла. Взглянем на мир Природы...

Неоманихейцы так и поступили. Они обожали приводить как образец паразитологию. Вы не представляете, насколько Талассе повезло! Не стану портить аппетит, описывая изощренные способы, используемые разнообразными существами для проникновения в другие организмы, особенно человеческие. Эти твари питались жертвами, часто доводя их до гибели. Упомяну лишь одного любимца неоманихейцев — муху-наездника.

Симпатичное создание откладывало яйца внутрь насекомых, сперва парализуя их, чтобы у вылупившихся личинок имелся обильный запас свежей — живой! — плоти.

Неоманихейцы говорили на подобные темы часами, описывая чудеса природы. Так они доказывали тезис: Альфа если и не является абсолютным злом, то безразличен к человеческим понятиям морали и добра. Не беспокойтесь, у меня не получится воспроизвести их рассуждения в деталях. Да я и не стал бы.

Должен упомянуть еще одно значимое доказательство — «от катастрофы». Типичный пример, повторяемый на каждом шагу, звучит так: адепты Альфы собираются вместе, призывая его на помощь перед лицом некой трагедии. Храм рушится, все погибают. Хотя, останься они дома, многие выжили бы.

Неоманихейцы собрали целые тома подобных ужасов. Горящие больницы и дома престарелых, разрушенные землетрясениями, извержениями вулканов или цунами детские сады... список бесконечен.

Естественно, представители других религий не сидели сложа руки. Они собрали не меньшее количество контрпримеров — время от времени случавшихся чудес, спасавших преданных верующих от гибели.

Подобные споры в той или иной форме длились тысячелетиями. Однако к началу двадцать первого века, с появлением новых информационных технологий и методов статистического анализа, вместе с более широким пониманием теории вероятности, их удалось разрешить.

На получение ответа ушли годы. Потребовался не один десяток лет, прежде чем все разумные люди согласились с ним. Решение звучало так: плохое и хорошее случается с одинаковой частотой. Вселенная подчиняется законам математической вероятности, о сверхъестественном вмешательстве со стороны добра и зла не может быть речи.

Так что проблемы Зла в действительности не существовало. Ожидать от Вселенной великодушия — то же, что надеяться на выигрыш в азартной игре.

Некоторые пытались спасти положение, создав религию Альфы Безразличного и используя кривую нормального распределения в качестве символа веры. Стоит ли говорить, что у столь абстрактного божества нашлось не особо много поклонников?

И еще, раз речь зашла о математике. В двадцать первом (или двадцать втором?) веке она нанесла Альфе очередной сокрушительный удар. Выдающийся землянин Курт Богель доказал, что для любых знаний существуют фундаментальные ограничения и потому мысль о существовании Всеведущего — одно из определений Альфы — логически абсурдна. Открытие дошло до нас в виде плохого, но незабываемого каламбура: «Богель отменил Бога». Студенты, писавшие

фразу на стенах, иногда сокращали слова. В некоторых вариантах формула читалась как «Бог отменил Богеля».

Вернемся к Альфе. К середине тысячелетия он исчез из памяти человечества. Почти все здравомыслящие люди согласились с жестким вердиктом великого философа Лукреция: все религии аморальны. Суеверия, порождаемые ими, приносят намного больше зла, чем добра.

Однако остатки древних верований, хотя и радикально измененные, просуществовали до гибели Земли. Мормонам Последнего Дня и Дочерям Пророка удалось построить собственные корабли-сеятели. Я часто задумываюсь об их судьбе.

Итак, мы доказали, что Альфы нет. Остался Омега, Создатель всего сущего. От него не столь легко избавиться. Материальная вселенная нуждается в оправдании. Хотя так ли это? Есть древняя философская шутка. Она куда тоньше, чем кажется. Вопрос: «Почему Вселенная такая, какая есть?» Ответ: «А какой ей еще быть?» Думаю, на сегодня стоит закончить беседу. Более чем достаточно для одного утра.

— Спасибо, Моисей,— проговорила слегка потрясенная Мирисса.— Вы ведь не впервые рассказываете это, верно?

— Конечно. Обещай мне...

— Что?

— Не верь этим россказням лишь потому, что услышала их от меня. Ни одна серьезная философская проблема не решена до сих пор. Омега все еще с нами. Порой я думаю насчет Альфы...

Часть VII
КОГДА ВЗЛЕТАЮТ ИСКРЫ

47
ВОЗНЕСЕНИЕ

Ее звали Карина, ей было восемнадцать. Девушка впервые оказалась в лодке Кумара ночью; однако в его объятиях она бывала не раз. Карина казалась лучшей кандидаткой на роль любимой девушки Маленького Льва, на которую претендовали многие.

Солнце зашло два часа назад. На небе намного ярче, чем погибший спутник Земли, сияла почти полная ближняя луна. Холодный голубой свет заливал пляж в полукилометре от парочки. За линией пальм, где продолжалась вечеринка, горел костерок. Время от времени на фоне тихого гудения двигателя, работавшего на малой мощности, слышались отдаленные звуки музыки. Кумар почти довел судно до цели и особо не торопился. Однако, как подобает хорошему моряку, он иногда высвобождался из теплых объятий, чтобы дать команды автопилоту и быстрым взглядом окинуть горизонт.

Он прав, блаженно подумала Карина. Есть в этом что-то эротичное. Мягкое покачивание лодки, надувной матрас... После такого разве захочется заниматься любовью на суше?

Кумар, в отличие от многих молодых талассиан, отличался удивительной нежностью и деликатностью. Ему требовалось делиться наслаждением, иначе оно казалось неполным. «Когда он во мне,— подумала Карина,— я словно единственная его девушка. Хотя, конечно, это не так».

Карина смутно ощущала, что они продолжают удаляться от поселка, но не волновалась из-за этого. Хотелось, что-

бы время замерло. Она бы не стала возражать, если бы лодка на полном ходу устремилась в открытый океан, где не встретить клочка суши, даже совершив кругосветное путешествие. Кумар знает свое дело. Девушка полностью доверилась ему, и это лишь усиливало наслаждение. В объятиях мужчины она не знала ни забот, ни проблем. Будущего нет. Только нескончаемое настоящее.

Однако время шло. Ближняя луна поднялась намного выше, чем была. Страсти затихли. Любовники нежились, покрывая тела друг друга легкими поцелуями. Неожиданно звук двигателя смолк, и лодка остановилась.

— Прибыли,— взволнованно проговорил Кумар.

«Интересно, куда?» — лениво подумала Карина. Казалось, последний раз она искала глазами берег много часов назад... Хотя отплыли они совсем недалеко.

Девушка медленно поднялась, пытаясь сохранить равновесие в мягко покачивающейся лодке, и удивленно уставилась на волшебную страну впереди. Еще недавно та была жалким болотом, называемым Мангровой бухтой — с претензией, но не по праву.

Карина не впервые увидела высокотехнологичные строения; синтезаторная установка и главный репликатор на Северном острове выглядели куда массивнее и впечатляюще. Но вид ярко освещенного лабиринта труб, цистерн, кранов и подъемных механизмов шокировал и вызывал трепет. Сочетание верфи и химического комбината, бесшумно работающих под звездным небом без единого человека...

Ночную тишину нарушил громкий всплеск. Кумар бросил якорь.

— Пойдем,— озорно подмигнув, пригласил он.— Покажу кое-что.

— Это не опасно?

— Разумеется, нет. Я сто раз там бывал.

«Наверняка не один»,— подумала Карина. Но сказать ничего не успела. Молодой человек спрыгнул за борт.

Вода доставала до пояса. Она до сих пор хранила дневное тепло, отчего казалась почти горячей. Карина и Кумар, держась за руки, вышли на пляж. Их тела приятно обдувал свежий ночной ветерок. Они появились из волн, словно новые Адам и Ева, получившие ключи от механизированного рая.

— Не беспокойся! — подбодрил Кумар девушку.— Я в курсе, что и как. Доктор Лоренсон все объяснил. Но есть кое-что, неизвестное даже ему.

Молодые люди шли вдоль толстых теплоизолированных трасс, расположенных в метре от земли. Карина уловила отчетливый звук насосов, гнавших замораживающую жидкость через лабиринт труб и холодильных установок.

Вскоре они подошли к знаменитому резервуару, недавно приютившему скорпа. Воду теперь почти полностью скрывала спутанная масса водорослей, покрывающая поверхность. На Талассе не обитали рептилии, но толстые гибкие стебли напомнили Карине клубок змей.

Пройдя вдоль ряда водопропускных труб и мимо маленьких шлюзов, сейчас закрытых, они оказались на широкой площадке вдали от главного комплекса. Кумар весело помахал объективу направленной на них камеры. Почему в критический момент она оказалась выключена, так и не выяснили.

— Морозильные резервуары,— произнес Кумар.— В каждом по шестьсот тонн материала. Девяносто пять процентов воды, пять процентов водорослей. Что смешного?

— Странно,— улыбаясь, ответила Карина.— Представь — часть нашего океанского леса отправляется к звездам! Кто бы мог подумать! Но ведь не из-за водорослей мы сюда пришли?

— Нет,— тихо проговорил Кумар.— Смотри...

Сперва она ничего не увидела. Но затем поняла, на что он указывает.

Это был старый фокус. Люди проделывали его на многих планетах уже больше тысячи лет. Но какое прекрасное зрелище, когда видишь его собственными глазами!

Они подошли ближе к последнему резервуару, и Карина разглядела чудо более отчетливо. Тонкая светящаяся нить, не толще запястья, уходила к звездам — прямая и ровная, словно лазерный луч. Девушка проследила за ней, пытаясь определить, где нить становится невидимой. Все выше и выше, пока взгляд не уперся в зенит. Звезды медленно двигались на запад, и лишь одна неподвижно висела над головой. Словно космический паук, «Магеллан» выпустил паутину, собираясь утащить с лежащей внизу планеты желанную добычу.

Они остановились у края ледяного блока. Карина вновь удивленно вскрикнула. Поверхность покрывал блестящий слой золотой фольги, напоминающей о подарках, которые взрослые дарили детям. Обычно поводом служил день рождения или ежегодный Праздник Высадки.

— Теплоизоляция,— объяснил Кумар.— Золото толщиной примерно в два атома. Без него половина льда растаяла бы, не добравшись до щита.

Молодые люди шли по замороженной плите. Несмотря на слой металла, Карина чувствовала, как лед холодит босые ноги. Через десяток шагов они добрались до центра. От него, сияя странным неметаллическим блеском, ввысь уходила туго натянутая лента. Пусть не к звездам, но на тридцать тысяч километров над планетой, к стационарной орбите «Магеллана».

На ледяном блоке нить заканчивалась цилиндрическим барабаном, утыканным приборами и управляющими соплами. После долгого спуска сквозь атмосферу мобильный кран наконец подцепил груз. Конструкция выглядела обманчиво простой, как и положено детищу развитых высоких технологий.

Карина вздрогнула — но не от холода под ногами, теперь почти незаметного.

— Здесь не опасно? — взволнованно спросила она.

— Конечно нет. Плиты поднимают в полночь, с точностью до секунды. Зрелище чудесное, но вряд ли мы его дождемся. До двенадцати еще несколько часов.

Кумар опустился на колени, прислонив ухо к невероятной ленте, связывавшей «Магеллан» и Талассу. «Если она порвется,— с тревогой подумала Карина,— не разлетятся ли корабль и планета в разные стороны?»

— Послушай,— прошептал юноша...

Она не знала, чего ожидать. Позже она пыталась восстановить магию того мгновения, но не была уверена, в самом ли деле это удается или память обманывает ее.

Сперва Карине казалось, будто она слышит самую низкую ноту гигантской арфы, струны которой тянутся между мирами. По спине пробежала дрожь. Девушка почувствовала, как шевелятся волосы на затылке — древняя реакция, возникшая в первобытных джунглях Земли.

Постепенно стал различим целый спектр чередующихся обертонов. Он покрывал пределы слышимости и наверняка выходил далеко за них. Звуки смешивались и проникали друг в друга, монотонно повторяясь подобно голосу моря.

Чем дольше девушка впитывала волшебные переливы, тем больше вибрации напоминали нескончаемое биение волн о безлюдный пляж. Казалось, будто она прикоснулась к морю космоса, накатывающегося на берега планет. Жуткая тщетность, эхом отдающаяся в болезненной пустоте Вселенной.

Карина почувствовала и другие составляющие невероятно сложной симфонии. Порой раздавался внезапный заунывный звон, словно гигантские пальцы дергали ленту где-то высоко, в тысячах километров над планетой. Метеориты? Вряд ли. Электрические разряды в бурной ионосфере Талассы? Время от времени девушке казалось, будто она слышит слабые стоны демонов и призрачные голоса больных и голодных детей, умерших на Земле за Столетия Кошмара. Быть может, это лишь порожденные подсознательными страхами фантомы... Она вдруг почувствовала, что не в силах больше оставаться здесь.

— Кумар, я боюсь,— прошептала Карина, потянув его за руку.— Пойдем.

Но молодой человек пребывал среди звезд. Он приоткрыл рот и прижался головой к звучащей ленте, загипнотизированный ее музыкой, словно пением сирены. Рассерженная и испуганная Карина пересекла покрытую фольгой льдину и остановилась на знакомом теплом песке, дожидаясь возвращения друга. Тот не заметил ее исчезновения.

Он услышал нечто новое. Последовательность нарастающих нот будто пыталась привлечь его внимание. Невыразимо грустная и далекая мелодия... Так звучали бы фанфары, если бы их смог исполнить струнный оркестр.

Гул приближался, становясь все громче. Кумар в жизни не слышал более волнующего звука. Восхищенно застыв, он представлял, как что-то мчится по ленте ему навстречу...

Он понял, что происходит, на мгновение позже, чем следовало. Парня швырнуло на золотую фольгу, и ледяной блок зашевелился под ним. Кумар Леонидас в последний раз увидел внизу хрупкую красоту спящей планеты и запрокинутое к небу лицо девушки, охваченное ужасом. Она запомнит это мгновение до смерти.

Прыгать было слишком поздно. Маленький Лев вознесся к безмолвным звездам — беззащитный и одинокий.

48
РЕШЕНИЕ

У капитана Бея хватало своих проблем. Он обрадовался возможности переложить внезапно возникшую задачу на чужие плечи. Вряд ли кто-то справиться с ней лучше Лорена Лоренсона.

Лейтенант-коммандер прежде не встречался со старшими Леонидасами и боялся визита к ним. Мирисса предложила сопровождать его, но Лорен предпочел отправиться один.

Талассиане чтили родителей. Молодые старались поддерживать и радовать старших. Лай и Никри Леонидас жили

в маленькой замкнутой колонии на южном побережье острова. В их распоряжении имелся дом на шесть комнат, оборудованный всей мыслимой бытовой техникой. У них обитал даже домашний робот — судя по наблюдениям Лорена, единственный на Южном острове. С первого взгляда он дал бы старшим Леонидасам по семьдесят земных лет.

После обмена приветствиями пожилая пара с гостем уселись на крыльце, глядя на море. Робот суетился рядом, подносил напитки и тарелки с разнообразными фруктами. Лорен заставил себя съесть несколько кусочков. Наконец он набрался смелости и взялся за самую тяжелую задачу в своей жизни.

— Кумар...— Имя застряло в горле. Пришлось начать снова.— Кумар все еще на корабле. Я обязан ему жизнью. Он смертельно рисковал, спасая меня. Сами понимаете, я сделал бы что угодно...

Он снова запнулся. Затем, стараясь говорить по возможности кратко и по-научному, подражая главному врачу Ньютон во время инструктажа, Лорен продолжил:

— Тело практически не пострадало. Декомпрессия была медленной, а замерзание мгновенным. Он находится в состоянии клинической смерти, как и я несколько недель назад... Однако ситуация иная. Мой организм успели оживить, прежде чем пострадал мозг. Потому выздоровление стало вопросом времени. Однако на восстановление Кумара ушли часы. Физически мозг не поврежден, но активности нет.

С помощью передовых технологий его можно вернуть к жизни. Судя по записям, в истории земной медицины подобные случаи встречались. Вероятность успеха шестьдесят процентов.

Возникает дилемма, суть которой капитан Бей просил честно вам объяснить. У нас нет ни опыта, ни оборудования для такой операции. Но возможно, через триста лет...

Среди сотен медиков, спящих на корабле, есть около десятка специалистов-нейрохирургов. Присутствуют и техники, способные собрать любое мыслимое хирургическое обо-

рудование или систему жизнеобеспечения и работать с ними. Все, чем обладала Земля, снова будет нашим вскоре после высадки на Саган-два.

Он помолчал, давая Леонидасам осознать услышанное. Робот воспользовался неподходящим моментом, чтобы услужить, но Лорен от него отмахнулся.

— Мы готовы... Мы были бы рады забрать Кумара с собой. К великому сожалению, не в наших силах сделать больше. Гарантий нет, но, возможно, когда-нибудь он снова будет жить. Обдумайте мои слова; времени достаточно.

Старики молча переглянулись. Лорен смотрел на море, размышляя, насколько спокойно и мирно оно выглядит. Он не отказался бы провести здесь преклонные годы, посещая иногда детей и внуков...

Как и повсюду в Тарне, в этом месте все напоминало о Земле. Вокруг не было видно талассианской растительности. Деревья казались удивительно знакомыми.

Однако не хватало одной детали. Лорен понял, что вопрос занимает его давно — с тех пор, как он спустился на планету. Внезапно, охваченный грустью, он вспомнил, чего именно ему недостает.

Здесь не обитают парящие в небе чайки, чьи горестные крики вызывают столько воспоминаний...

Лай Леонидас не обменялся с женой ни единым словом, но Лорен знал, что они все решили.

— Мы признательны за предложение, коммандер Лоренсон; передайте благодарность капитану Бею. Времени на размышления не нужно. Мы потеряли сына навсегда.

Даже если все получится — а гарантий, по вашим словам, нет,— он проснется в странном мире, зная, что никогда больше не увидит дом. Все дорогие ему люди умрут за столетия до воскрешения. Это невыносимо. Вы хотите добра, но для Кумара жизнь станет мукой.

Мы знаем сына. Правильнее будет, если вы отдадите его нам. Он должен вернуться в море, которое так любил.

Других слов не требовалось. Неодолимая тоска охватила Лорена. Вместе с тем с плеч будто свалилась огромная глыба.

Капитан-коммандер исполнил долг. Иного решения он не ожидал.

49
ПЛАМЯ НАД РИФОМ

Маленькой, так и не достроенной байдарке предстояло совершить первое и последнее путешествие.

До заката она стояла у кромки воды, омываемая ласковыми волнами спокойного моря. Лорена тронуло, но не удивило количество людей, пришедших отдать последние почести. Присутствовала вся Тарна. Многие прибыли из других поселков Южного и даже Северного острова. Кого-то привлекло лишь болезненное любопытство. Столь впечатляющий и уникальный несчастный случай потряс всю планету. Лорен никогда не видел такой искренней скорби. Он не подозревал, насколько глубоко способны талассиане чувствовать и сопереживать. В мозгу крутилась фраза, найденная в поисках утешения Мириссой: «Маленький друг всего мира»*. Происхождение цитаты затерялось в веках. Никто не догадывался, что за мудрец и в каком столетии сохранил ее для будущих поколений.

Молча обняв Мириссу и Бранта, он оставил их наедине с многочисленной родней Леонидасов, собравшейся с обоих островов. Не хотелось встречаться с незнакомыми людьми. Лорен знал, о чем думают многие из них. «Он спас тебя — но ты не спас его». Бремя это ему предстояло нести всю оставшуюся жизнь.

Он прикусил губу, сдерживая слезы. Старшему офицеру самого большого в истории звездолета не пристало плакать.

* Фраза из романа Р. Киплинга «Ким». *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

И тут, как порой бывает в мгновения глубокой печали, память услужливо предложила неуместную, но забавную картину.

— Не удивляйтесь,— предупредила его накануне коммандер Ньютон, открывая дверь корабельного морга навстречу порыву ледяного, пропитанного формалином воздуха.— Подобное случается чаще, чем может показаться. Иногда это результат последней судороги, бессознательная попытка бросить вызов смерти. В нашем случае такая реакция — следствие падения внешнего давления и резкого замерзания.

Если бы не кристаллы льда, покрывавшие прекрасное юное тело, Лорен бы решил, что Кумар спит и ему снятся блаженные сны.

Ибо мертвым Маленький Лев выглядел еще более мужественно, чем при жизни.

Солнце скрылось за низкими холмами на западе. С моря подул холодный вечерний ветер. Брант и трое других ближайших друзей Кумара столкнули байдарку в воду. Лорен в последний раз увидел спокойное и умиротворенное лицо юноши, спасшего ему жизнь.

До этого собравшиеся почти не плакали. Но когда четверо пловцов медленно оттолкнули байдарку от берега, толпа громко зарыдала. Лорену не хватило сил сдерживать слезы. Его уже не волновало, видит ли их кто-нибудь.

Направляемая энергичными усилиями Бранта и товарищей, маленькая лодка двинулась в сторону рифа. Когда она прошла между двумя мерцающими буями, обозначавшими выход в открытое море, наступила быстрая талассианская ночь. Байдарка удалялась от плавучих маяков. На мгновение ее скрыли белые верхушки волн, лениво пенящиеся у дальнего рифа.

Рыдания стихли. Собравшиеся ждали. Внезапно темнеющее небо осветила вспышка. Из моря поднялся яркий и неистовый огненный столб почти без дыма. Как долго он

горел, Лорен не мог определить. Время на Талассе остановилось.

Неожиданно пламя погасло. Огненная корона над морем исчезла. На мгновение наступила темнота.

Вода и огонь встретились, и к небу взметнулся фонтан искр. Большая часть углей поддалась гравитации планеты, но некоторые продолжали подниматься вверх, пока не пропали из виду.

Кумар Леонидас снова вознесся к звездам.

Часть VIII
ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

50
ЛЕДЯНОЙ ЩИТ

Подъем последней снежинки хотели сделать праздничным событием. Теперь оно вызывало лишь мрачное удовлетворение. В тридцати тысячах километров над Талассой встал на место единственный недостающий ледяной шестиугольник. Постройка щита завершилась.

Впервые почти за два года на минимальной мощности включился квантовый двигатель. «Магеллан» покинул стационарную орбиту и набрал скорость. Искусственный айсберг, которому предстоял полет меж звездами, проверяли на сбалансированность и монолитность. Проблем не возникло. Капитан Бей удовлетворился результатом. Он не мог забыть, что Оуэн Флетчер (находившийся сейчас под строгим наблюдением на Северном острове) — один из главных создателей щита. Интересно, о чем думали Флетчер и остальные изгнанники, наблюдая за церемонией в честь завершения строительства?

Она началась с видеоретроспективы, показывающей возведение морозильной установки и подъем первой снежинки. За ней последовал захватывающий космический балет. На экране демонстрировалось, как огромные ледяные блоки доставляют на место и устанавливают в постоянно растущий щит — сперва в реальном времени, затем все быстрее и быстрее. Последние секции добавлялись раз в несколько секунд. Выдающийся талассианский композитор сочинил остроумную музыкальную партитуру. Начиналась она с медленной паваны, в кульминационный момент достигала темпа быстрой польки и вновь замедлялась в самом конце, когда вставал на место последний ледяной блок.

Далее включился вид с камеры, висевшей в километре перед «Магелланом», на орбите в тени планеты. Большой солнцезащитный экран, предохранявший лед в дневное время, убрали, и теперь щит впервые оказался виден целиком.

Огромный зеленовато-белый диск холодно блестел в свете прожекторов; вскоре он попадет в мороз галактической ночи, где температура не превышает нескольких градусов выше абсолютного нуля. Там его будет согревать лишь свет звезд, излучение корабля и редкие случайные вспышки энергии, вызываемые встречными частицами космической пыли.

Камера медленно плыла вокруг искусственного айсберга. Ее сопровождал хорошо знакомый всем голос Моисея Кальдора:

— Люди Талассы! Благодарим вас за этот дар. Ледяной щит поможет нам безопасно преодолеть семьдесят пять световых лет космоса. Благодаря ему спустя триста лет мы придем в новый мир!

Если ничего не случится, на подлете к Сагану-два от айсберга останется не меньше двадцати тысяч тонн льда. Мы сбросим его на планету. Нагревшись при входе в атмосферу, он превратится в первый дождь, доселе неведомый этому холодному миру. Прежде чем замерзнуть снова, он станет предшественником еще не рожденных океанов.

Однажды наши потомки увидят моря, подобные талассианским, но не столь обширные и глубокие. Воды двух планет сольются, неся жизнь новой родине землян. И мы всегда будем помнить о вас — с любовью и благодарностью.

51
РЕЛИКТ

— Как красиво,— благоговейно проговорила Мирисса.— Понятно, почему золото так ценилось на Земле.

— Дело не в металле,— возразил Кальдор, доставая блестящий колокольчик из выложенной бархатом шкатулки.— Догадываетесь, что это?

— Очевидно, нечто большее, чем произведение искусства. Вы пронесли его через пятьдесят световых лет.

— Это точная модель величественного храма высотой в сто с лишним метров. Существовало семь таких миниатюр, все одинаковой формы. Они вкладывались одна в другую; шесть старших утеряны. Сохранилась лишь самая маленькая. В ней хранился реликт. Ее подарили мне старые друзья в последнюю ночь на Земле. «Нет ничего постоянного,— напомнили они.— Мы хранили это чудо больше четырех тысячелетий. Возьми его к звездам вместе с нашим благословением».

Я не разделял их веру, но как можно отказаться от такого бесценного подарка? Оставлю его здесь, где на Талассе впервые появилась человеческая жизнь. Еще один дар с Земли. Возможно, последний.

— Не говорите так,— воскликнула Мирисса.— Мы получили от вас столько даров, что не счесть.

Кальдор печально улыбнулся, глядя на знакомый пейзаж, открывающийся из окна библиотеки. Здесь он был счастлив, изучая историю Талассы и получая бесценные сведения. Они сильно помогут, когда на Сагане-2 возникнет новая колония.

«Прощай, старина,— прошептал он Материнскому Кораблю.— Ты сделал свое дело. Предстоит долгий путь, и пусть "Магеллан" преданно служит нам, как ты служил в свое время. Мы полюбили твоих детей».

— Уверен, друзья согласились бы со мной. Мой долг исполнен. Здесь, в музее Земли, реликт в большей безопасности, чем на корабле. «Магеллан» может так и не добраться до Сагана-два.

— Глупости. Все будет хорошо. Но вы не рассказали о сокровище внутри седьмой миниатюры.

— Она хранит последнее, что осталось от великого человека. Он основал единственную веру, не запятнавшую себя кровью. Уверен, он бы удивился, узнав, что его зуб отправится к звездам через сорок столетий после смерти хозяина.

52
ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

Настало время прощаться. Расставание, неотвратимое и окончательное, как сама смерть, ближе и ближе. Однако, плача и сокрушаясь, люди на Талассе и на корабле чувствовали, что стало легче. Пусть так, как прежде, уже не будет, зато жизнь вернется в норму. Земляне слегка злоупотребили гостеприимством радушных хозяев. Пора уходить.

Даже президент Фаррадайн смирился и оставил мечту о межзвездной Олимпиаде. Для него нашлось утешение. Морозильные установки из Мангровой бухты перевезли на Северный остров. Первый каток на Талассе должны были закончить к Олимпиаде. Вопрос — успеют ли подготовиться участники состязаний. Однако многие молодые люди часами недоверчиво смотрели на выступления великих спортсменов прошлого.

Все согласились, что в честь отбытия «Магеллана» следует устроить прощальную церемонию. Долго не могли определиться, в чем она должна состоять. Несмотря на бесчисленные частные вечеринки, требующие немало душевных и физических сил от участников, никто не знал, как и где организовать официальное мероприятие.

Мэр Уолдрон, посчитавшая себя вправе выступать от имени Тарны, полагала, что церемонию следует провести в месте Первой высадки. Эдгар Фаррадайн возражал, говоря, что президентский дворец, несмотря на скромные размеры, подходит куда больше. Какой-то умник предложил в качестве компромиссного решения Кракан, заметив, что знаменитые виноградники — лучшее место для прощальных тостов. Вопрос оставался в подвешенном состоянии, когда чиновники Талассианской вещательной корпорации, самые шустрые и предприимчивые на планете, не привлекая внимания, взяли дело в свои руки.

Прощальный концерт должен запомниться надолго и остаться в виде записи для будущих поколений. Никакого отвлекающего видео, только музыка и краткие комментарии.

Наследие двух тысячелетий напомнит о прошлом и даст надежду на будущее. Звучать должен не реквием, но колыбельная.

Удивительно, что композиторы продолжали создавать новые произведения после того, как их искусство достигло технического совершенства. За две тысячи лет электроника дала полную власть над различимыми человеческим ухом звуками. Казалось бы, на этом возможности музыки исчерпаны.

Действительно, понадобилось около ста лет электронного писка и щебета, прежде чем творцы овладели нынешними безграничными возможностями. Технология и искусство вновь успешно воссоединились. Новые композиторы не превзошли Бетховена или Баха, но приблизились к ним.

Легионам слушателей концерт напоминал о неизвестном — о том, что принадлежало Земле. Медленный звон громадных колоколов, поднимающийся, подобно невидимому дыму, над шпилями древних соборов; звучащее на забытых языках монотонное пение упрямых лодочников, гребущих домой на закате против приливной волны; песни воинов, идущих на последнюю битву; приглушенный ропот десятков миллионов голосов в просыпающихся на заре больших городах; холодный танец северного сияния над бесконечными морями льда; рев могучих двигателей, уносящихся к звездам. Все это было в музыке, что рождалась в ночи,— песни далекой Земли, пронесенные сквозь световые годы...

В качестве завершения постановщики выбрали последнюю великую симфонию, написанную в годы, когда Талласса утратила связь с Землей. Собравшиеся слышали ее впервые. Но главная тема, тема океана, особенно подходила к моменту. Живший столетия назад композитор вряд ли пожелал бы большего, знай он, какое воздействие произвел его шедевр.

«...Я писал "Плач об Атлантиде" почти тридцать лет назад. Определенных мысленных образов во время работы не возникало; меня интересовали не конкретные сцены, а эмо-

циональные реакции; хотелось выразить в музыке ощущение тайны, грусти, чувство непреодолимой потери. Я не пытался изобразить звуковой портрет разрушенных городов, населенных только рыбами. Но когда звучит "Lento lugubre", пусть даже в голове, как сейчас, происходит странное...

Все начинается на сто тридцать шестом такте. Серии аккордов, нисходящих до самого нижнего регистра органа, впервые встречаются с лишенной слов арией сопрано, поднимающейся выше и выше из глубин... Как вам известно, я построил тему на песнях больших китов, могучих менестрелей моря. Мы слишком поздно заключили с ними мир... Композиция создавалась для Ольги Кондрашиной. Никому другому не под силу исполнить эти пассажи без помощи электроники.

Начинается вокальная линия, и я словно попадаю в иную реальность. Стою на большой городской площади, такой же широкой, как площадь Святого Марка или Святого Петра. Вокруг полуразрушенные здания, похожие на греческие храмы, и опрокинутые статуи, опутанные медленно покачивающимися зелеными водорослями. Все покрыто толстым слоем ила.

Поначалу площадь пуста; затем появляется нечто пугающее, волнующее... Не спрашивайте, почему я всегда вижу это будто в первый раз.

В центре небольшой холмик. От него во все стороны расходится узор из линий. Не разрушенные ли это стены, частично погребенные илом? В их расположении нет смысла; я не сразу понимаю, что холмик... пульсирует.

Мгновение спустя замечаю два огромных немигающих глаза. Уставились на меня, не шевелятся.

Больше ничего не происходит. Жизнь здесь замерла шесть тысяч лет назад, в ту ночь, когда рухнул барьер, преграждающий путь воде, и море хлынуло через Геркулесовы столбы.

"Lento" — моя любимая часть. Однако я не решился бы завершить симфонию на столь трагической и отчаянной ноте. Потому возник финал, "Возрождение".

Знаю, Атлантида Платона не существовала и потому не могла погибнуть. Она навсегда останется идеалом, мечтой о совершенстве, целью, вдохновляющей людей всех поколений. Ради них симфония заканчивается торжественным маршем в будущее.

Обычно его воспринимают как образ восстающей из волн Новой Атлантиды. Это чересчур буквальная трактовка; для меня финал изображает освоение космоса. Такое прочтение завораживает и порабощает. Ушли месяцы, прежде чем я избавился от навязчивой темы. Проклятые пятнадцать нот звучали в голове днем и ночью...

Сейчас "Плач" существует отдельно от меня. Он обрел собственную жизнь. Когда Земли не станет, звуки будут мчаться к галактике Андромеды, передаваемые на мощности в пятьдесят тысяч мегаватт из кратера Циолковского.

Через сотни тысячелетий его перехватят — и поймут».

Сергей ди Пьетро (3411–3509). «Устные мемуары»

53

ЗОЛОТАЯ МАСКА

— Мы всегда делали вид, будто ее нет,— сказала Мирисса.— Хочется посмотреть хотя бы раз.

— Ты же знаешь, капитан Бей не разрешает посторонним посещать корабль,— помолчав, ответил Лорен.

Она была в курсе и понимала причины запрета.

Талассиане сперва обижались, но в конце концов поняли: экипажа «Магеллана» едва хватает на повседневные дела. Устраивать экскурсии для гостей нет времени. К тому же, по статистике, один из пятнадцати человек, не привыкших к отсутствию гравитации, испытывает в таких условиях недомогание. Нянчиться со страдальцами, забредшими в отсеки без искусственного притяжения, тоже придется команде. Потому даже президенту Фаррадайну тактично отказали в визите.

— Я переговорила с Моисеем, а он обратился к капитану. Решение принято, но должно храниться в тайне, пока корабль не улетит.

Лорен озадаченно посмотрел на нее и улыбнулся. Мирисса все время удивляла и тем — но не только! — была прелестна. С тоской мужчина осознал, что она заслуживает исключения больше остальных талассиан. Брат Мириссы стал единственным на планете, кто совершил путешествие на «Магеллан». Капитан оказался честным человеком, готовым менять правила при необходимости. Всего три дня спустя корабль улетит и запрет потеряет смысл.

— А если у тебя начнется космическая болезнь?

— Я даже морской в жизни не страдала...

— Что ничего не доказывает.

— ...и повидалась с коммандером Ньютон. Она признала, что с вероятностью девяносто пять процентов все пройдет гладко. И посоветовала отправиться на полуночном челноке, когда в поселке будут спать.

— Все предусмотрела,— с искренним восхищением воскликнул Лорен.— Встретимся на месте Второй высадки, за пятнадцать минут до полуночи.

Помолчав, он выдавил из себя тяжелую фразу:

— Обратно не вернусь. Попрощайся за меня с Брантом.

Встреча с соперником — слишком тяжелое испытание. После гибели Кумара Лорен не появлялся в доме Леонидасов, а Брант вернулся поддерживать и утешать Мириссу. Их жизнь выглядела прежней, словно в нее не вмешивался офицер земного звездолета.

Лорен действительно неумолимо уходил в сторону. Теперь он смотрел на Мириссу с любовью, но без вожделения. Его переполняло более глубокое чувство — страшнейшая боль, какой он доселе не испытывал.

Землянин страстно желал и надеялся увидеть собственного ребенка, но новые сроки отлета «Магеллана» растоптали мечту. Он слышал, как колотится сердце сына в утробе матери. Но судьба не позволила Лорену подержать дитя в руках.

Челнок стыковался с кораблем на дневной стороне планеты. Мирисса увидела «Магеллан», когда их разделяло сто километров. Девушка знала его реальные размеры, но с такого расстояния космическая махина казалась ей блестящей на солнце детской игрушкой.

Даже с десяти километров корабль не производил нужного впечатления. Разум и глаза настаивали, что темные круги вокруг центральной секции — лишь иллюминаторы. Только когда над челноком навис бескрайний округлый корпус «Магеллана», Мирисса поняла, что это грузовые и стыковочные шлюзы, в том числе предназначенные и для высадки гостя с Талассы.

Лорен с тревогой посмотрел на девушку. Она расстегивала привязные ремни — самый опасный момент, когда чересчур самоуверенный пассажир внезапно осознавал, что невесомость не столь приятна, как кажется. Однако Мирисса дискомфорта не ощущала и двигалась непринужденно. Она проплыла через шлюз, куда ее мягким толчком направил Лорен.

— В секцию с искусственной гравитацией тебе идти незачем и повторно адаптироваться не придется. Забудь об этом до возвращения на планету.

Девушка не отказалась бы посмотреть на жилые помещения во вращающейся секции корабля. Но их посещение будет сопровождаться бесконечными вежливыми беседами и общением с глазу на глаз, чего Мириссе хотелось меньше всего. К счастью, капитан Бей оставался на Талассе, так что удастся обойтись без формального визита.

Покинув шлюз, они оказались в похожем на трубу коридоре. Казалось, он тянется через весь корабль. Вдоль него вела металлическая лестница. По противоположной стороне неторопливо скользили туда-сюда два ряда гибких петель. Поднимаясь и спускаясь, члены экипажа цеплялись за них руками или ногами.

— Во время ускорения здесь лучше не находиться,— предостерег Лорен.— Коридор превращается в двухкилометро-

вую вертикальную шахту. Вот зачем нужны ступени и захваты для рук. Берись за петлю, остальное произойдет само собой.

Они без усилий преодолели чуть менее километра, и коридор свернул под прямым углом.

— Отпусти кольцо,— велел Лорен через несколько десятков метров.— Хочу кое-что показать.

Мирисса подчинилась, и две фигуры остановились возле длинного узкого окна в стене туннеля. Сквозь толстое стекло девушка увидела огромный полый цилиндр. Он был ярко освещен и тянулся почти на всю ширину корабля. Вдоль оси проходил толстый стержень.

— Квантовый двигатель,— с достоинством проговорил Лорен.

Мужчина не взялся перечислять названия таинственных металлических и кварцевых деталей, выступающих из стенок цилиндра, висящих опор странной формы, созвездий пульсирующих огоньков, вращающейся непонятным образом черной сферы... Благоговейно помолчав, он проговорил:

— Величайшее достижение человеческого гения. Последний дар Земли ее детям. Когда-нибудь с его помощью мы завоюем галактику.

Фраза прозвучала столь высокомерно, что Мирисса вздрогнула. То были слова прежнего Лорена, не смягченного Талассой. Что ж, пусть так, решила она. Но часть его изменилась навсегда.

— По-твоему, Вселенная это заметит? — тихо спросила она.

Девушка долго разглядывала исполинское сооружение, принесшее к ней Лорена через световые годы, и не знала, благодарить величественную машину или проклинать.

Землянин повел ее по лабиринту коридоров дальше, в самое сердце «Магеллана». Они не встретили ни одного члена экипажа. Мирисса задумалась о ничтожном количестве людей на невообразимо большом корабле.

— Почти прибыли,— приглушенно сообщил Лорен.— А это — Страж.

Не скрывая удивления, Мирисса подплыла к золотой маске, смотревшей на нее из ниши в стене. Протянув руку, она ощутила прикосновение холодного металла. Реальный объект, не голограмма.

— Что... кто это? — прошептала девушка.

— На борту множество величайших сокровищ Земли,— с мрачной гордостью произнес Лорен.— Но столь знаменитых мало. Властитель, умерший совсем юным...

Мужчина замолчал. Они думали об одном и том же. Мирисса моргнула, пуская слезу, мешающую прочесть надпись под маской:

Тутанхамон, 1371–1353 до н. э.
(Долина Царей, Египет, 1922 год)

Да, он был почти ровесником Кумара. Золотое лицо юного бога, погибшего в расцвете сил, смотрело сквозь тысячелетия и световые годы. Оно излучало власть и уверенность в себе, но не высокомерие и жестокость. Молодой царь не успел обрести эти качества за столь короткую жизнь.

— Почему он здесь? — поинтересовалась Мирисса, частично зная ответ.

— Подходящий символ. Египтяне верили, что мертвые воскреснут в загробном мире, если провести надлежащие ритуалы. Чистой воды суеверие, однако нам удалось воплотить его в реальность.

«Но мне это не помогло»,— вздохнула Мирисса. Глядя в черные глаза мальчика-царя, смотревшие с маски из чистого золота, трудно было поверить, что они не живые. Изумительное творение неизвестных мастеров...

Не в силах оторваться от спокойного, гипнотизирующего взгляда, преодолевающего столетия, девушка снова протянула руку и коснулась золотой щеки. Драгоценный металл внезапно напомнил ей о стихотворении, найденном в архивах Первой высадки. Она задавала компьютеру поиск слов

утешения в литературе прошлого. Сотни строк не трогали ее, но эти («Автор неизвестен, приблизительно 1800—2100») заставили плакать:

> Блестящий обратно несут образец для мужчин
> Ребята, что в славе погибнут, вовек молодыми*.

Лорен терпеливо ждал, пока Мирисса соберется с мыслями. Наконец он вставил карточку в почти невидимую щель рядом с посмертной маской. Перед гостями бесшумно открылся круглый люк.

Гардероб, заполненный тяжелыми шубами, выглядел на звездолете совершенно неуместно, но Мирисса почти моментально поняла, для чего они нужны. Температура сильно упала. Девушку трясло от непривычного холода.

Забраться в термокостюм в невесомости оказалось непростой задачей. Лорен помог ей, и пара поплыла к круглому заиндевевшему стеклу в дальней стене небольшого помещения. Хрустальная крышка распахнулась им навстречу. Молодых людей обдал порыв морозного воздуха. Подобного холода Мирисса никогда не испытывала и даже не представляла. В ледяном воздухе, подобно призракам, плясали облачка тумана. Талассианка посмотрела на Лорена, словно вопрошая: «Неужели ты думаешь, что я смогу туда войти?»

Он обнадеживающе взял ее за руку.

— Не беспокойся. Костюм тебя защитит, а через пару минут холод пройдет.

Верилось с трудом, но мужчина не обманул. Стараясь дышать осторожно, Мирисса с удивлением обнаружила, что ощущения не столь неприятные. Более того, они слегка возбуждали. Теперь она понимала, почему люди добровольно отправлялись в полярные регионы Земли.

Легко было вообразить, будто она сама очутилась в Антарктиде. Девушка словно парила в морозной снежно-белой вселенной. Вокруг сверкали ледяные соты, образуя тысячи шестиугольных ячеек, напоминавших уменьшенный щит

* Из поэмы А. Э. Хаусмана (1859—1936) «Шропширский паренек».

«Магеллана». Но размер ячеек не превышал метра, и связывались они паутинами труб и проводов.

Вокруг спали сотни тысяч колонистов. Для них Земля оставалась в буквальном смысле вчерашним воспоминанием. Что им виделось в разгаре пятисотлетнего сна? Посещают ли мысли и образы в состоянии между жизнью и смертью? Судя по словам Лорена — нет; но можно ли утверждать такое с уверенностью?

Мириссе доводилось просматривать видеозаписи о пчелах, спешащих по своим таинственным делам внутри улья. Она ощущала себя такой пчелой, следуя рука об руку с Лореном вдоль решетки из стержней, пересекающих гигантские соты. Девушка освоилась в невесомости и почти не чувствовала жгучего холода. Однако порой приходилось убеждать себя, что происходящее — не сон, который скоро закончится.

На ячейках не висело табличек с именами. Они отмечались лишь буквенно-цифровым кодом; Лорен моментально нашел надпись Н-354. Он коснулся кнопки, и по телескопическим рельсам выдвинулся шестиугольный контейнер из металла и стекла. Внутри лежала спящая женщина.

Нельзя сказать, что она была красивой. Хотя трудно оценить красоту женщины, лишенной волос. Прежде Мирисса не видела людей с такой кожей. Цвет ее стал крайне редким в последние годы на Земле — черный с синеватым оттенком, столь безупречный, что талассианка невольно позавидовала. В ее мозгу возник мимолетный образ двух переплетенных тел, черного и белого. Девушка знала, что картина эта будет преследовать ее много лет.

Она снова посмотрела на лицо спящей. Даже в вековом сне в нем чувствовались решимость и ум. «Смогли бы мы стать друзьями? — задумалась Мирисса.— Сомневаюсь. Слишком разные.

Значит, это ты — Китани. Ты несешь сквозь звезды ребенка Лорена. Но он родится через столетия после моего. Кого из них считать первенцем? В любом случае, желаю ему счастья...»

Хрустальная дверь закрылась за посетителями. Мирисса все еще ощущала онемение во всем теле. Причиной был не только холод. Лорен мягко направил ее вдоль коридора, мимо Стража.

Пальцы девушки снова коснулись щеки бессмертного золотого мальчика. На мгновение Мириссе показалось, будто она ощутила тепло; затем она поняла, что организм продолжает приспосабливаться к обычной температуре.

Это займет несколько минут; но сколько пройдет времени, прежде чем растает лед, сковывающий сердце?

54
ПРОЩАНИЕ

Эвелин, я в последний раз говорю с тобой. Скоро меня вновь ждет долгий сон. Челнок с Талассы отправится к «Магеллану» через несколько минут. Мои услуги не понадобятся теперь триста лет, до самой посадки на Саган-2.

Попрощался с лучшей талассианской подругой, Мириссой Леонидас. Очень грустно. Думаю, она бы тебе понравилась. Она, возможно, самый умный человек на этой планете. Мы много и подолгу разговаривали. Боюсь, беседы в основном сводились к монологам, столь тобой нелюбимым...

Конечно, она спрашивала о Боге. Я не смог ответить ни на один вопрос.

Погиб ее младший брат. Девушка любила Кумара. Вскоре после трагедии она пришла ко мне.

— Почему люди печалятся? Есть ли в этом биологический смысл?

Странно, до ее слов я не задумывался об этом всерьез!

Представь разумный вид, не испытывающий эмоций при мыслях об умерших. Нет, вообще не вспоминающий о них! Они бы могли прекрасно жить. Почему бы такому обществу, по сути нечеловеческому, не процветать? Отличный пример — колонии термитов и муравьев на Земле.

Не является ли печаль случайным отклонением, побочным продуктом любви? Тогда она действительно имеет биологический смысл. Странная мысль. Не отпускает, не идет из головы. Однако именно эмоции делают нас людьми. Кто добровольно откажется от них? Никто. Хотя каждый знает, что очередная любовь станет заложником близнецов-террористов — Времени и Судьбы.

Мы часто обсуждали с Мириссой это чувство. Ее озадачивало, что мужчина всю жизнь может любить одну женщину и не искать другую, когда той, единственной, не станет. «Преданность столь же чужда жителям Талассы, как и ревность»,— дразнил я ее. Девушка возражала. «Утрата пары качеств,— говорила она,— лишь пошла нам на пользу».

Меня вызывают. Челнок ждет. Прощаюсь с Талассой навсегда. Твой образ тоже начинает постепенно исчезать. Я щедро раздавал советы другим, но побороть собственное горе, оставив лишь чистые воспоминания, долго не мог.

Таласса помогла мне излечиться. Теперь я счастлив, что знал тебя, и больше не оплакиваю безвозвратную потерю.

Странное спокойствие. Впервые по-настоящему осознаю суть отрешения... и даже нирваны. Вот о чем говорили старые друзья-буддисты...

И пусть я не проснусь на Сагане-2 — да будет так. Здесь моя работа завершена. Я доволен.

55
ОТЛЕТ

Тримаран добрался до границы водорослей перед полуночью. Брант бросил якорь, не доходя тридцати метров. На рассвете предстоит сбрасывать шары-шпионы. Нужно построить «забор» между Скорпвилем и Южным островом. Так все перемещения скорпов окажутся под наблюдением. Если подводные существа обнаружат шар и утащат домой как трофей — тем лучше. Шпион продолжит работать, передавая куда больше полезной информации, чем в открытом море.

Ожидая нужного момента, Брант лежал в мягко покачивавшейся лодке рядом с Мириссой и слушал необычно приглушенную музыку по радио Тарны. Время от времени мелодия прерывалась радостными сообщениями или стихами в честь жителей поселка. Сегодня ночью на обоих островах почти не спали. Девушка размышляла, какие мысли сейчас посещают Оуэна Флетчера и его друзей-изгнанников, остающихся в чужом мире до конца жизни? Она видела их в видеопередаче с Северного острова. Сабры не выглядели несчастными. Они весело обсуждали открывающиеся перспективы.

Брант не произносил ни слова. Мирисса решила бы, что он спит, но мужчина крепко, как и раньше, сжимал ее руку. Он изменился — быть может, сильнее, чем она,— став менее раздражительным и более внимательным к окружающим. И главное — он признал ее ребенка, произнеся слова, заставившие Мириссу плакать: «У него будет два отца».

По радио Тарны начался последний отсчет. До этого таласcиане слышали его лишь в исторических хрониках. «Увидим ли мы что-нибудь? — думала Мирисса.— "Магеллан" на другой стороне Талассы, над океаном. Нас разделяет целая планета...»

«...Ноль...» — раздалось по радио, тут же заглушенному ревом помех. Брант потянулся к регулятору громкости. Едва он уменьшил звук, как небо над ними взорвалось.

Вдоль горизонта — на севере, юге, востоке и западе — вспыхнуло огненное кольцо. Длинные языки пламени вырвались из океана и устремились к зениту подобно северному сиянию. Таласса в первый и последний раз наблюдала такое зрелище.

Несмотря на все великолепие, картина внушала благоговейный ужас. Теперь девушка поняла, почему «Магеллан» находился на дальней стороне планеты.

Эффект производил не квантовый двигатель, а выделяемая им побочная энергия. Ее поглощала ионосфера, и вреда

от нее не было. Лорен рассказывал Мириссе непостижимые истории про гиперпространственные волны. Он добавлял, что даже изобретателям квантового двигателя не удалось до конца осознать этот феномен.

«Как воспринимают новое небесное явление скорпы?» — задумалась девушка. Наверняка часть сияния просочилась сквозь заросли водорослей, осветив закоулки подводных городов.

Возможно, ей казалось, но разноцветные лучи светящейся короны медленно ползли по небу. Их источник набирал скорость, навсегда покидая Талассу. Прошло достаточно времени, прежде чем Мирисса удостоверилась, что пламя в небе действительно движется, одновременно теряя яркость.

Внезапно оно исчезло. В эфир вернулось радио Тарны.

«...Все идет по плану... корабль совершает маневр... последуют другие небесные явления, не столь впечатляющие... начальные этапы отрыва от планеты будут происходить на другой стороне Талассы, но мы увидим "Магеллан" через три дня, когда он покинет систему...»

Мирисса почти не слышала слов. Она смотрела в небо. Звезды возвращались на место. При их виде девушка всегда будет воспоминать Лорена. Глаза ее были сухими. Время для слез придет позже.

Брант обнял возлюбленную, и ей стало не так одиноко вглядываться в бескрайний космос. Ее дом здесь, на Талассе. Сердце Мириссы больше не будет принадлежать другому. Наконец она поняла важную вещь. Если Лорена девушка любила за силу, то Бранта — за слабость.

«Прощай, друг,— прошептала она.— Будь счастлив на далекой планете. Ты и твои дети завоюете ее для человечества. Там, через триста лет, вспоминай иногда обо мне».

Брант неуклюже погладил ее волосы; хотелось придумать слова утешения, но он понимал, что лучше промолчать. Он не победил. Мирисса снова принадлежала ему, однако от прежних беззаботных отношений не осталось следа. Брант

знал: всю жизнь между ними будет стоять призрак Лорена — призрак человека, который ни на минуту не постареет, когда они обратятся в прах.

Три дня спустя «Магеллан» появился над восточным горизонтом. Он выглядел ослепительной звездой; на него невозможно было смотреть невооруженным взглядом, хотя квантовый двигатель специально настраивали так, чтобы большая часть излучения миновала Талассу.

Неделя за неделей, месяц за месяцем яркость новой звезды медленно угасала. Но даже в дневном небе она отыскивалась без труда. Главное — знать, куда смотреть. По ночам она еще много лет выделялась на фоне соседок.

В последний раз Мирисса увидела «Магеллан» незадолго до того, как отказало зрение. Когда излучение квантового двигателя стало безвредным из-за огромного расстояния, его, вероятно, нацелили прямо на Талассу.

Корабль преодолел пятнадцать световых лет, но внуки Мириссы без труда находили на небе голубую звезду третьей величины, сияющую над сторожевыми вышками электрического барьера против скорпов.

56
ПОД ПОВЕРХНОСТЬЮ

Они еще не обрели разум, но уже стали любопытными. Таков был первый шаг на бесконечном пути.

Как и многие ракообразные, процветавшие в морях Земли, скорпы без труда выбирались на сушу и оставались там сколько угодно времени. Последние столетия незачем было куда-либо перемещаться. Огромные леса водорослей обеспечивали всем необходимым. Длинные гибкие листья давали пищу, жесткие стебли служили сырьем для примитивных изделий.

Лишь два естественных врага мешали им жить: очень редкая глубоководная рыба, состоявшая из пары хищных челюстей и ненасытного желудка, и ядовитый пульсирующий студень — подвижная форма гигантских полипов, оставлявшая при движении по морскому дну голую пустыню.

Не считая единичных вылазок на поверхность, скорпы проводили все время в море. Они идеально приспособились к окружающей среде. Однако, в отличие от муравьев и термитов, они не зашли в тупик эволюции и не перестали реагировать на перемены.

И перемены, пока не слишком заметные, пришли в их мир. С неба начали падать удивительные предметы. Наверняка там, откуда они появились, существовали и другие интересные вещи. Когда придет время, скорпы намеревались отправиться на поиски.

В лишенном времени мире талассианского моря некуда было спешить; прошло немало лет, прежде чем они пошли на приступ чужой стихии, откуда разведчики приносили столь странные доклады.

Скорпы не предполагали, что другие шпионы докладывают о них самих. И когда они наконец вышли на сушу, момент оказался крайне неудачным.

Им не повезло. В то время шел не вполне конституционный, но совершенно законный второй срок правления президента Оуэна Флетчера.

Часть IX
САГАН-2

57
ГОЛОСА ВРЕМЕНИ

Звездолет «Магеллан» преодолел несколько световых часов, когда родился Кумар Лоренсон. Отец ребенка уже спал и узнал новость лишь триста лет спустя.

При мысли, что сон без сновидений продлился дольше, чем жизнь его первенца, на глазах у Лорена выступали слезы. Когда хватало сил, он снова и снова обращался к записям из банков памяти. Он наблюдал за взрослением сына и слушал доносившийся сквозь столетия голос, но ответить не мог.

Лорен с болью смотрел, как медленно стареет давно умершая женщина. Всего месяц назад он обнимал ее... Он все еще помнил прощальные слова, раздававшиеся с давно обратившихся в прах губ.

Однако сколь бы пронзительной ни была печаль, она постепенно проходила. Небо впереди озарилось светом нового солнца. Вскоре предстояло родиться еще одному ребенку. «Магеллан» выходил на орбиту девственного мира.

Боль исчезнет. Но память останется навсегда.

О том, что содержащуюся в вакууме энергию можно будет использовать для движения космических кораблей, первым заговорил Синьити Сэйки (доклад «Квантово-электрический космический транспорт» на Восьмом токийском симпозиуме по космической науке и технологии, 1969).

Через десять лет Г. Д. Фронинг из корпорации «Макдоннелл Дуглас» поднял эту тему в Лондоне, на конференции Британского межпланетного общества, и вскоре опубликовал две статьи: «Требования к прямоточному квантовому двигателю для космических полетов» («Журнал БМО», № 33, 1980) и «Концепция прямоточного квантового двигателя для космических полетов» (издательство Американского института аэронавтики и астронавтики, 1981).

Если не брать во внимание бесчисленных беллетристов — «изобретателей» космических двигателей, то первым, кто использовал эту идею в художественной литературе, окажется доктор Чарльз Шэффилд, ведущий ученый корпорации «Эрс сэтлайт». Он представил теоретическую базу «квантового двигателя» (или, как он назвал это устройство, «двигателя на вакуумной энергии») в романе «Хроники Макэндрю» (журнал «Аналог», 1981).

Согласно расчетам Ричарда Фейнмана (надо отметить, довольно наивным), каждый кубический сантиметр вакуума содержит в себе достаточно энергии, чтобы довести до кипения всю гидросферу Земли. Джон Уилер полагает, что этой энергии еще больше — десять в сто девятой степени джоулей. Мы можем относиться к подобным выкладкам скептически, но что, если и вправду содержимое одной электриче-

ской лампочки способно разнести вдребезги Галактику? А то и весь космос, если добавить еще чуточку вакуума.

В публикации, которая имеет право считаться исторической («Извлечение электроэнергии из вакуума методом сближения проводящих пластин», «Физикэл ревью», № 30В, август 1984), доктор Роберт Л. Форвард из Исследовательской лаборатории Хьюза обосновал возможность улавливать такую энергию, хотя бы крошечными порциями. Если бы это явление заинтересовало не только писателей-фантастов, но и тех, кто всерьез занимается космическими двигателями, то, возможно, удалось бы решить проблему межзвездных, а то и межгалактических перелетов.

А возможно, и нет. Я в высшей степени благодарен доктору Алану Бонду за тщательный математический анализ рассеивающего щита, необходимого для экспедиции вроде описанной мною в этом романе, и за указание на его оптимальную форму — тупой конус. Вполне может статься, что сверхскорость межпланетного полета ограничивается не энергией, а давлением космической пыли на щит, а также испарением протонов.

Историю и теорию «космического лифта» можно найти в моем докладе, прозвучавшем в 1979 году на Третьем конгрессе Международной астрономической федерации в Мюнхене: «Космический лифт: мысленный эксперимент или ключ к вселенной?» Эту идею я развил в романе «Фонтаны рая».

Приношу извинения Джиму Балларду и Джулиусу Фрейзеру за то, что «стащил» название их книг, ничуть не похожих друг на друга, для последней главы своего романа.

И особенно теплое спасибо Дийавадану Ниламу и его помощникам, хранителям кандийского храма Священного Зуба, за то, что в непростое время любезно предложили мне побывать в доме, где лежит буддийская реликвия.

ПРИЗРАК ИСПОЛИНА

Моему старому другу Биллу Маккитти. В детстве он стал свидетелем отплытия «Титаника», а сорок пять лет спустя затопил его вторично.*

* Уильям Маккитти (р. 1905) — ирландский продюсер, участвовавший в создании кинофильма «Незабываемая ночь» («A Night to Remember», 1958, режиссер Рой Бейкер).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал эту книгу десять с лишним лет назад. За это время успело случиться многое. Почти ежегодно к лежащему на дне кораблю проводились спуски, причем один — с туристами! Джеймс Кэмерон* снял потрясающий фильм; его видели во всем мире. (Увы, сценарий телесериала, который мы с Майклом Дикином написали по мотивам моей космической версии похожей катастрофы, «Лунная пыль», в последний момент был отклонен.)

Мир пережил «Синдром Столетия» (гл. 4). Теперь у нас уйма времени, чтобы подготовиться к 3000 году.

И наконец, я в долгу перед Чарли Пеллегрино за его последнюю книгу, «Призраки "Титаника"». Удивительное описание последних часов корабля, душераздирающие и поразительные случаи, рассказанные выжившими... Как пишет Джеймс Кэмерон на суперобложке «Призраков», Пеллегрино удалось воскресить «Титаник».

Коломбо, Шри-Ланка

© Перевод Н. Сосновской.

* Имеется в виду фильм режиссера Джеймса Кэмерона «Титаник» (1997).

ПРОЛОГ

1
ЛЕТО 1974-ГО

«Угораздило же,— сокрушался Джейсон Брэдли,— в двадцать первый день рождения вместо вечеринки загреметь на́ массовые похороны!» Однако мог оказаться и где похуже. Сегодня морская бездна примет тела шестидесяти трех русских моряков. Интересно, знают ли руководитель операции «Дженнифер» и его подручные из ЦРУ хотя бы их имена?

Все происходило будто во сне. Ребята из съемочной группы, суетящиеся повсюду, делали церемонию еще более сюрреалистичной. Быть может, Джейсон попал на съемки голливудского фильма? Сейчас режиссер гаркнет: «Мотор!», и завернутые в паруси́ны тела скользнут в море. Сам Говард Хьюз*, возможно (да нет, точно!), наблюдал за происходящим из самолета, что кружил в небе несколько часов назад. Если же Старик не удосужился появиться собственной персоной, то обязательно прислал другую важную шишку из «Сумма корпорейшн»; кроме них, никто не знает о фантасмагории, творящейся в этом богом забытом районе Тихого океана, в тысяче километров к северо-западу от Гавайев.

Даже научный персонал «Гломар Эксплорера», полностью изолированный от экипажа корабля, до выхода в море о миссии не знал ничего. Конечно, слухи просочились: пред-

* Говард Робард Хьюз-младший (1905–1976) — американский промышленник, предприниматель, инженер, пионер и новатор американской авиации, режиссер, кинопродюсер, а также один из самых богатых людей в мире. Описываемый в романе корабль «Гломар Эксплорер» — один из проектов Хьюза.

стоит беспрецедентная спасательная операция, в поиски разведывательного спутника вложены огромные деньги... Однако никто и помыслить не мог, что с жуткой двухкилометровой глубины предстоит вытаскивать русскую подводную лодку, причем целиком — с ядерными боеголовками, «черными ящиками», криптографическим оборудованием. И с экипажем...

До сегодняшнего утра — тот еще выдался день рождения! — Джейсон не сталкивался со смертью. Когда медики обратились за помощью, чтобы перенести тела из морга, он вызвался добровольцем — быть может, из любопытства. (Умники из Лэнгли* продумали все; они предоставили холодильное оборудование ровно для ста трупов.) Молодого человека потрясло и обрадовало состояние большинства тел, шесть лет пролежавших на дне Тихого океана. Хищники не добрались до трупов в герметичных отсеках. Казалось, моряки просто спят. Знай Джейсон, как по-русски «Подъем!», он бы, пожалуй, попытался их разбудить.

На борту были люди, прекрасно говорящие на языке погибших. Погребальная церемония велась на русском. Только теперь, в самом конце, перешли на английский. Капеллан «Гломар Эксплорера» произносил заключительные слова перед захоронением трупов в море.

Наконец он закончил. «Аминь». Наступила долгая пауза. После прозвучал короткий приказ для почетного караула. Тела без вести пропавших моряков одно за другим плавно сползли за борт. Зазвучала музыка. Джейсон Брэдли не знал, что звуки эти будут преследовать его до конца жизни.

Печальная мелодия не походила ни на один из похоронных маршей. В неустанном ритме слышались тайны моря и его могущество. Джейсон не считал себя впечатлительным молодым человеком, однако ему казалось, что он различает шум волн у скалистого берега. Через много лет он узнает, насколько удачно была подобрана музыка.

* Штаб-квартира ЦРУ.

К трупам привязали тяжелый груз. Они входили в воду вперед ногами, почти без всплеска, и сразу исчезали. На дне им суждено стать пищей для акул.

Краем уха Джейсон слышал, что отснятые материалы передадут в Москву. Правда ли это? Жест цивилизованный, но двусмысленный. Вряд ли служба безопасности одобрит подобный ход, как бы старательно ни поработали над пленками специалисты.

В море вернулся последний моряк. Музыка смолкла. Тоска, царившая на борту «Гломар Эксплорера» так много дней, стала рассеиваться, словно туман, уносимый ветром. Тишину взорвало единственное слово «разойтись», вырвавшееся из громкоговорителей. Оно прозвучало непривычно тихо, не как приказ. Застывшие по стойке «смирно» матросы еще долго оставались на местах.

«Теперь,— вздохнул Джейсон,— устрою нормальный праздник».

Разве мог он вообразить, что судьба вновь приведет его на эту палубу — в другом море и в другом столетии?

2

ЦВЕТА БЕСКОНЕЧНОСТИ

Дональд Крейг ненавидел это место. Но навещать ее придется, пока оба они живы. Если не из любви (любви ли?), то из сострадания. Общее горе сближает.

Очевидное сложно разглядеть; лишь спустя месяцы он осознал истинную причину своего недовольства. Клиника «Торрингтон» больше походила на роскошный отель, чем на всемирно известный центр лечения психических расстройств. Здесь не умирали; из палат в операционные не носились медсестры, толкая перед собой каталки; не было врачей в белых халатах, по-павловски реагирующих на писк пейджеров; даже санитары не носили форму. Но это место тем не менее называется больницей. В больнице пятнадцатилетний Дональд видел, как задыхается отец. Двадцатый век

терзали две страшные болезни, и первая из них медленно пожирала старика.

— Долорес, как она? — обратился он к медсестре, получив пропуск в регистратуре.

— В хорошем настроении, мистер Крейг. Попросила сходить с ней по магазинам. Хочет новую шляпку.

— По магазинам! Раньше она отказывалась выходить наружу.

Дональду следовало обрадоваться, однако он огорчился. Эдит не разговаривала с ним. Женщина словно его не замечала, смотрела сквозь.

— Что говорит доктор Джефферджи? Разрешает покидать клинику?

— Боюсь, нет. Но ее пожелание — хороший знак. Начинает проявлять интерес к окружающему миру.

«Новая шляпка?» — повторил про себя Крейг.

Желание, типичное для любой женщины, но не для Эдит. Она всегда одевалась... мягко говоря, разумно, в ущерб моде, и довольствовалась вещами, заказанными через телемагазин. Дональд не представлял ее в эксклюзивном бутике «Мейфэр», в окружении шляпных коробок, оберточной бумаги и кокетливых продавцов. Но препятствовать не стоит; пусть делает что угодно, лишь бы это вытащило ее из бесконечного математического лабиринта. Где, за каким поворотом сейчас ее разум?..

В палате ничего не изменилось. Эдит, как и прежде, сидела в кресле-качалке. Взгляд ее упирался во включенный экран метровой ширины, висящий на противоположной стене. Крейг отметил высокое разрешение картинки — все две тысячи линий. Даже суперкомпьютер с натугой отрисовывал ее, выдавая по пикселю в несколько секунд. Невнимательному наблюдателю показалось бы, что изображение так и останется незавершенным; однако стоило приглядеться, и становилось понятно, что последняя строчка медленно ползет по экрану, заполняя все больше пространства.

— Сеанс начался вчера рано утром,— прошептала медсестра.— К счастью, она отходила от экрана. Теперь даже засыпает без снотворного.

Изображение на миг исчезло. Строчка завершилась, и по экрану поползла новая. Картина отрисовалась почти на девяносто процентов; нижняя часть ничего особого не привнесет.

Дональд десятки, сотни раз наблюдал за созданием подобных изображений. Но каждый раз он вновь попадал под их очарование. Как волшебно, необыкновенно! Прежде ни один человек не видел этой, именно этой картинки. И не увидит впредь, если компьютер не сохранит координаты точек. Подбирать наудачу утраченное изображение — дело более бессмысленное, чем поиски конкретной песчинки во всех пустынях мира.

Где же теперь Эдит, на каком повороте бесконечного коридора? Крейг взглянул на дисплейчик, размещенный под большим монитором. По экрану бежали невероятно огромные числа, одно за другим. Для облегчения восприятия они группировались по пять знаков. Однако уловить закономерность все равно не удавалось.

...Шесть, семь, восемь кластеров — всего сорок знаков. Это означает...

Он быстро подсчитал в уме. Теперь мало кто умел проделывать такое, и Дональд очень гордился своим талантом. Результат впечатлил, но не поразил его. В выбранном масштабе базовое изображение должно размером превышать Галактику. Компьютер мог бы увеличить его, сравняв со Вселенной, но обработка в таком случае заняла бы годы.

Дональда не удивляло, что Георг Кантор*, первооткрыватель (или изобретатель?) чисел «за пределами бесконечности», провел последние годы в психиатрической клинике. Теперь и Эдит сделала первые шаги по пути, конца которому не видно. Ей помогла техника. В девятнадцатом веке воображение любого математика взорвалось бы от таких вычислительных мощностей. Компьютер, создающий изображения для Эдит, осуществлял триллионы операций в секунду; за несколько часов он обрабатывал больше чисел, чем человечество за всю историю, начиная с момента, когда кроманьонец впервые подсчитал камешки на полу своей пещеры.

* Георг Кантор (1845–1918) — немецкий математик, родившийся в России. Наиболее известен как создатель теории множеств.

Орнаменты на экране никогда не повторялись. Однако они распадались на несколько узнаваемых категорий. Здесь попадались многолучевые звездочки с шестью, восемью и более степенями симметрии; спирали, порой напоминающие хобот слона или щупальца осьминога; черные амебы, соединенные паутиной извилистых отростков; сложные фасетчатые глаза насекомых... Некоторые фигуры, созданные компьютером, воспринимались как странные галактики или скопления бактерий в капле дождевой воды. Сравнивать было не с чем, и воображение придавало картинам любой масштаб. Компьютер снова и снова повышал увеличение, углубляясь в исследуемые геометрические дебри. Начали проявляться изначальные странные очертания, похожие на ощетинившуюся восьмерку, лежащую на боку. Именно она служила вместилищем генерируемого хаоса. Бесконечный цикл крутился итерация за итерацией, слегка, почти незаметно изменяясь с каждым разом.

«Хотя бы частицей мозга,— размышлял Дональд,— она должна понимать: из этой петли нет выхода».

Что произошло с ее удивительным умом, разработавшим Фаг-99? В первые часы двухтысячного года изобретение сделало Эдит едва ли не самой знаменитой женщиной в мире.

— Дорогая,— негромко проговорил Крейг,— это я, Дональд. Хочешь чего-нибудь?

Долорес смотрела на него равнодушно и бесстрастно. Она не проявляла враждебности, но в общении с ним всегда была холодна. Порой Крейг задумывался, не винит ли она его в болезни Эдит.

А что, если он действительно послужил последней каплей? Вопрос не отпускал Дональда уже несколько месяцев, с тех пор как случилась трагедия.

3
УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ МЫШЕЛОВКА

Рой Эмерсон не без оснований считал себя добродушным человеком. Но была вещь, вмиг доводящая его до кипения. После того случая он поклялся: на телевидение больше ни ногой.

Эмерсон часто вспоминал эту злосчастную передачу. Ведущий ток-шоу для полуночников, не скрывая злорадства, задал откровенно двусмысленный вопрос:

— Почему «волновые дворники» не изобрели до вас? Ведь принцип их действия так прост!

Тон журналиста выдавал истинный смысл фразы: «Я бы сам додумался до такой ерунды, не будь у меня дел поважнее».

Эмерсон с трудом удержался от искушения проворчать: «Да ты бы при возможности и Эйнштейну с Ньютоном то же самое сказал». Вслух же он смиренно произнес:

— Кому-то надо быть первым. Думаю, мне просто повезло.

— А как вы пришли к изобретению? Выскочили из ванны с криком «эврика»?

Эмерсон сотни раз отвечал на этот вопрос. Он мысленно нажал кнопку «ВКЛ» и выдал заученную наизусть историю.

— В две тысячи третьем я мчался из Ки-Уэста на скоростном катере береговой охраны. Годы спустя я понял, что та поездка натолкнула меня на мысль о «волновых дворниках».

Обретя славу и богатство благодаря тому путешествию, Эмерсон все же не особо любил вспоминать кое-какие его моменты. Сначала идея прокатиться по местам, где частенько бывал Хемингуэй, показалась заманчивой. Ее подкинул кузен, служившей в береговой охране. Вот удивился бы Эрнест, узнай он, с какой контрабандой борются сейчас! Контрабандисты везут кристаллические кубики размером со спичечный коробок из Гонконга. В США их переправляют через Кубу. В свое время ТИМы — терабайтовые интерактивные микробиблиотеки — вышибли из бизнеса стольких книгоиздателей, что Конгрессу пришлось стряхнуть пыль с законодательных актов веселой эпохи сухого закона.

Да, пока Эмерсон не вышел в море, предложение манило. Однако один фактор он не учел — то ли по забывчивости, то ли по незнанию; кузен же не обмолвился и словом. Контрабандисты, как оказалось, промышляют в самую непотребную погоду, разве что не в ураган.

— Плавание получилось не из легких. Почти не помню его. В мозгу засела лишь одна картинка: приспособление на капитанском мостике, помогающее рулевому смотреть вперед, невзирая на брызги и потоки дождя. Ветер был такой, что вода окатывала нас с ног до головы.

Устройство представляло собой стеклянный диск, вращающийся с большой скоростью. Капли задерживались на нем всего долю секунды, и он все время оставался прозрачным. Тогда я подумал, что это приспособление намного лучше обычных автомобильных «дворников», и после долго не вспоминал о нем.

— Как долго?

— Стыдно признаться. Наверно, пару лет. Потом как-то ехал по сельской местности Нью-Джерси в сильный ливень, и у меня заклинило «дворники». Пришлось свернуть на обочину, переждать. Застрял на полчаса. За это время родилась идея.

— И все? Больше ничего не потребовалось?

— Да. Хотя нет... Кое-что еще. Приходилось экономить каждый цент. Работать в гараже по пятнадцать часов в день. Без выходных. Два года подряд.

Эмерсон мог бы добавить: «И жениться вдобавок». Но ведущий слыл на редкость въедливым субъектом. Он наверняка знал такие подробности. Поэтому изобретатель продолжил повествование:

— Однако вращать ветровое стекло или его часть непрактично. Нужна вибрация. Какая именно? Сначала я пробовал трясти его на манер мембраны громкоговорителя. Дождевая вода отгонялась, возникал шум. Тогда я перешел на ультразвук. Потребовались киловатты электроэнергии, и все собаки в округе сходили с ума. Хуже того: редкое стекло выдерживало больше пары часов тряски. Все образцы рассыпались, превращаясь в порошок.

Попробовал инфразвук. Старые проблемы решились, но после нескольких минут езды начиналась сильнейшая головная боль. Инфразвук не воспринимается ухом, но на организм воздействует.

Работа застопорилась на несколько месяцев. Я чуть не отказался от задумки, но наконец осознал, в чем ошибка. Не нужно трясти массивные листы многослойного ударопрочного стекла. Они весят до десяти килограммов. Следует использовать лишь тонкий наружный слой. Достаточно полоски в несколько микрон, чтобы вибрации отгоняли дождевую воду.

Я прочел все, что нашел о поверхностных волнах, преобразователях, согласовании импеданса...

— Ух ты! А попроще можно?

— Если честно, нет. В итоге нашелся способ сосредоточения вибраций нужной частоты на очень тонком поверхностном слое. При этом основная масса стекла остается интактной. Если хотите подробностей, изучите патентную информацию.

— Поверю вам на слово, мистер Эмерсон. А теперь следующий гость...

Ни одного вопроса о знаменитом однофамильце (родственниками, по сведениям изобретателя, они не были)! Возможно, в Лондоне, где снималась передача, не настолько

увлекались трудами выдающегося трансцеденталиста из Новой Англии*.

В Америке ни один интервьюер не упускал случая превознести Роя за изобретение апокрифической «лучшей мышеловки»**. Автомобильная промышленность быстро сориентировалась и проторила дорожку к его двери; прошло немного лет, и почти весь мир перешел с «дворников», напоминающих маятники метронома, на устройства для очистки стекла звуковыми волнами. И, что гораздо важнее, благодаря улучшению видимости в плохую погоду предотвратились тысячи аварий.

Последняя модель изобретения Эмерсона стала новым прорывом. Вновь ему сильно повезло, что никто не додумался до этого раньше.

«Мерседес Гидро-04» почти бесшумно катился по Парк-авеню, воплощая приевшийся рекламный слоган: «Выхлопы вашей машины пригодны для питья!» На центр города словно обрушился муссон: идеальные условия для проверки волнового очистителя стекол «Марк-5». Эмерсон сидел рядом с личным шофером (которым, естественно, успел обзавестись) и настраивал электронную аппаратуру, записывая ход эксперимента на диктофон.

По обеим сторонам проспекта возвышались плотные ряды зданий. Казалось, машина скользит между омытыми дождем стенами стеклянного туннеля. Эмерсон ездил этим маршрутом сотни раз, но только теперь на него снизошло озарение. Очевидная идея парализовала изобретателя.

Отдышавшись, он проговорил в микрофон автокома:

— Соедини с Джо Уикрэмом.

Его юрист, загоравший на яхте неподалеку от Большого Барьерного рифа, слегка удивился звонку.

— Рой, ты дорого заплатишь за это вторжение. Из-за тебя я не загарпунил марлина.

---

* Имеется в виду Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882), выдающийся американский философ, писатель, поэт.

** В одной из работ Эмерсон написал: «Придумайте мышеловку получше, и мир сам протопчет дорогу к вашему дому».

У Эмерсона не было настроения выслушивать подобные глупости.

— Джо, назрел вопрос. В патенте оговорены все области применения устройства или только ветровое стекло автомобиля?

Уикрэм, видимо, решил, что клиент сомневается в его профессионализме, и ответил обиженным голосом:

— Разумеется. Почему, ты думаешь, я добавил абзац насчет адаптивных контуров, позволяющих автоматически менять конфигурацию и размеры? Решил запустить новую линейку солнечных очков?

— Интересный вариант. Но сейчас у меня в голове нечто посерьезнее. Волновой очиститель отгоняет не только воду. Он стряхивает и грязь тоже, так? Когда ты в последний раз видел машину с заляпанным ветровым стеклом?

— Давно. Но не задумывался об этом, пока ты не спросил.

— Спасибо. Это все. Удачной рыбалки.

Эмерсон откинулся на спинку сиденья и принялся прикидывать в уме, насколько реальна его задумка. Он гадал, сравнится ли площадь ветровых стекол всех автомобилей Нью-Йорка с площадью стекол здания, вынырнувшего из-за поворота справа от «мерседеса».

Рой намеревался отменить целую профессию. Скоро армии мойщиков окон придется искать новую работу.

До сих пор Эмерсон был всего лишь миллионером. Теперь он рисковал стать настоящим богачом.

Скучающим богачом...

4

СИНДРОМ СТОЛЕТИЯ

В пятницу, тридцать первого декабря 1999 года, часы пробили полночь. Большинство образованных людей понимали, что двадцать первый век придет только через год. Неделями

средства массовой информации растолковывали людям простой факт: западный календарь начинается с первого, а не с нулевого года. До конца двадцатого столетия еще двенадцать месяцев.

Однако три нуля слишком сильно действовали на обывателей; массами овладело ощущение «конца круга». Грядущие праздники обрели сакральный смысл; но первому января 2000-го суждено было разрядить общее напряжение. Разве что некоторые киношники пытались поддерживать ажиотаж.

На практике же наступление года с тремя нулями на конце вело к серьезным проблемам. Сорок лет назад о них никто не задумывался. Начиная с шестидесятых все больше расчетов производилось с помощью компьютеров. В нескончаемых оптических и электронных накопителях данных хранилась информация о триллионах банковских переводов — то есть весь бизнес планеты.

Естественно, большинство документов содержало дату. В начале последнего десятилетия двадцатого века финансовый мир содрогнулся от шока. Внезапно — и слишком поздно — он осознал, что в большинстве дат отсутствует очень важный компонент.

Сотрудники банков и бухгалтеры, непрестанно ведя учет всему и вся, крайне редко добавляли цифры «19» в графу «год». Два первых знака воспринимались как само собой разумеющееся. Однако компьютеры не обладают тем, что человек зовет «здравым смыслом». Стоит забрезжить рассвету года под номером «00», как мириады электронных зануд решат, что попали в прошлое: «00», очевидно, меньше, чем «99». Выходит, сегодняшний день раньше вчерашнего ровно на девяносто девять лет. Попробуйте пересчитать все капиталовложения, проценты и залоги, исходя из этого... Международному сообществу грозил хаос невообразимых масштабов. Катастрофа свела бы на нет все достижения в области искусственного интеллекта, оказавшегося на поверку искусственной тупостью. В сравнении с предстоящим ужасом померк

бы даже «черный вторник», пятое июня 1995 года, когда испорченный чип в Цюрихе поднял банковскую ставку до ста пятидесяти процентов вместо пятнадцати.

В мире не хватало программистов, чтобы проверить миллиарды финансовых документов и, где нужно, добавить префикс «19». Единственным разумным решением было создать специальную процедуру для выполнения этой задачи и внедрить ее во все специализированные программы как доброкачественный вирус.

Последние годы двадцатого века тысячи блестящих программистов участвовали в марафоне по созданию «вакцины-99». Для многих он превратился в поход за новым Священным Граалем. В начале 1997-го появилось несколько несовершенных версий, уничтоживших всю информацию на жестких дисках покупателей, поспешивших использовать сторонние процедуры без должного тестирования. В то время юристы весьма преуспели в сооружении исков по возмещению ущерба.

Эдит Крейг принадлежала к маленькому пантеону знаменитых женщин-программистов, во главе которого стояла наделенная трагической судьбой дочь поэта Байрона Ада, леди Лавлейс. За Адой последовала Грейс Хоппер*, а за ней — доктор Сьюзен Келвин**. С помощью десятка ассистентов и одного компьютера «Супер-Крей» Эдит Крейг разработала программу «Двойной ноль». Двести пятьдесят строк кода способны были подготовить любую хорошо организованную финансовую систему к встрече двадцать первого века. Программа работала даже с плохо структурированными приложениями. Она расставляла компьютерные эквиваленты красных флажков в опасных зонах, где требовалось вмешательство человека.

* Грейс Хоппер (1906–1992) — американский военный деятель, контр-адмирал, программист, создатель программного обеспечения для компьютера «Марк-I».

** Сьюзен Келвин — персонаж рассказов Айзека Азимова о роботах, программист и «роботопсихолог».

Населению Земли повезло: первое января 2000 года пришлось на субботу. У большей части населения планеты наступили выходные. Люди спокойно лечились от похмелья и готовились к моменту истины, предстоящему в понедельник утром.

На следующей неделе рекордное число фирм обанкротилось. Поступления на их счета превратились в мусор. Те же, кому хватило ума и предусмотрительности приобрести и установить программу «Двойной ноль», уцелели. Эдит Крейг стала богатой, знаменитой... и счастливой.

Но богатство и слава — все, что у нее осталось.

5
СТЕКЛЯННАЯ ИМПЕРИЯ

Рой Эмерсон никогда не думал, что станет богачом, и не был подготовлен к столь суровому испытанию. Сначала он наивно планировал нанять экспертов, чтобы присматривать за стремительно растущим состоянием и освободить время для более полезных дел. Однако скоро он обнаружил, что хитрая задумка работает плохо: деньги давали свободу, но вместе с ней приносили ответственность. Возникло невероятное число решений, принять которые предстояло ему самому, и приходилось проводить угнетающее количество часов с юристами и бухгалтерами.

На полпути к первому миллиарду он стал председателем совета директоров, включающего кроме него самого четырех членов: его мать, старшего брата, младшую сестру и Джо Уикрэма.

— Почему бы не взять Диану? — поинтересовался он у Джо.

Поверенный Эмерсона глянул на клиента поверх очков. Архаичный аксессуар, как хотелось верить юристу, придавал ему определенную пикантность в эпоху десятиминутной хирургической коррекции зрения.

— Родители, братья и сестры,— пояснил Джо,— это навсегда. Жены приходят и уходят. Кому, как не тебе, это знать. Не подумай, я не намекаю...

Джо оказался прав: Диана действительно ушла, как до нее ушла Глэдис. Расставание получилось мирным, но дорогостоящим. Подписав последние документы, Эмерсон на несколько месяцев исчез в мастерской. Вышел он оттуда без свежих изобретений. Слишком много времени ушло на освоение нового оборудования; пустить его в ход так и не удалось. Джо поджидал начальника с очередным сюрпризом.

— Это стоит твоего драгоценного времени,— произнес он.— Тебе оказывают большую честь: фирму «Паркинсон» в Англии знает каждый. Основана больше двухсот лет назад. Они впервые приглашают на пост директора не члена семьи. Более того, иностранца.

— Ха! Наверняка хотят вливаний капитала.

— Безусловно. Однако сделка в ваших общих интересах. Они тебя уважают. Сам понимаешь, во что ты превратил мировой стекольный бизнес.

— Мне нацепить цилиндр и эти, как они называются... гетры?

— Если пожелаешь быть представленным при дворе. Только свистни, эти ребята без труда все организуют.

К немалому удивлению Эмерсона, предложение англичан обернулось не только интересными встречами, но и послужило стимулом для движения вперед. Он вошел в совет директоров фирмы «Паркинсон» и стал посещать собрания совета в лондонском Сити раз в два месяца. До этого новоиспеченный миллиардер считал, что разбирается в своем бизнесе. Очень скоро он осознал собственное невежество.

Всю жизнь Эмерсон воспринимал обычное листовое стекло, обеспечившее его большей частью состояния, как нечто завершенное, вещь в себе. Однако оно имело поразительную историю. Изобретатель в жизни не задавался вопросом, как его производят. Он считал, что стекло делают из расплавленной массы, прокатывая ее между гигантскими роликами.

До середины двадцатого века так и происходило. Грубые листы требовалось полировать часами. Это стоило немалых денег. Затем некий безумный англичанин сказал: «Давайте отдадим тяжелую работу гравитации и силе поверхностного натяжения! Пусть стекло плывет по реке расплавленного металла. Тогда оно автоматически обретет идеально гладкую поверхность...»

Через несколько лет, когда затраты на апробацию идеи составили несколько миллионов фунтов стерлингов, коллеги англичанина перестали смеяться. За сутки «плавучее стекло» сделало прочие методы производства устаревшими.

Эмерсона впечатлил этот эпизод истории технологии. Он усмотрел в нем параллели со своим прорывом. Однако ему достало смелости признать, что от англичанина потребовалось много больше храбрости и жертв. «Таково различие между гением и талантом»,— пожимал он плечами.

Изобретателя зачаровало и древнее искусство стеклодувов. Технике не удалось целиком его вытеснить и вряд ли когда-нибудь удастся. Эмерсон наведался в Венецию, нервно прячущуюся за дамбами, сооруженными по голландской технологии, и полюбовался чудесами в тамошнем Музее стекла. Разглядывая некоторые экспонаты, он не мог поверить, что человеку по силам создать такое. Как их удалось перевезти в целости и сохранности из места изготовления? Казалось, нет границ, нет пределов для стекла. Из него создавались самые невероятные вещи. И спустя две тысячи лет обнаруживаются все новые области его применения.

Однажды на особенно скучном заседании директоров Эмерсон почти дремал, любуясь куполом собора Святого Павла, стоящего неподалеку. Здание, где заседал совет, оказалось в числе немногих счастливчиков, переживших коммерческую алчность и архитектурный вандализм.

Совету директоров оставалось одолеть еще два пункта повестки дня и перейти к пункту «разное». Лишь после этого предприниматели могли отправиться на превосходный ланч в пентхаусе.

Слова «давление в четыреста атмосфер» заставили Эмерсона очнуться. Сэр Роджер Паркинсон цитировал письмо. Он держал бумагу с таким видом, словно это было неизвестное доселе насекомое. Эмерсон быстро просмотрел листы в толстой папке, лежавшей перед ним на столе, и нашел нужную копию.

Бесконечные официальные титулы отправителя на гербовой бумаге ничего не говорили американцу, однако он одобрительно кивнул, поскольку в письме значился адрес — Линкольнз-Инн-Филдз. В самом низу, словно учтивый кашель, располагалась отметка «Осн. 1803», едва различимая невооруженным глазом.

— Имена клиентов он не указывает,— констатировал молодой тридцатипятилетний Джордж Паркинсон.— Интересно.

— Кто бы это ни был,— вмешался Уильям Паркинсон-Смит — тайно обожаемая «паршивая овца» семейства, человек, чьи домашние скандалы постоянно обсасывали средства массовой информации,— похоже, он сам не понимает, чего хочет. Зачем такой разброс размеров? Радиус от миллиметра, господи боже, до полуметра.

— Поплавки, оторвавшиеся от японских рыболовных сетей,— вмешался Руперт Паркинсон, знаменитый яхтсмен-гонщик,— примерно соответствуют по размеру самым крупным шарам из запрошенных. Они плавают по всему Тихому океану и образуют забавные орнаменты.

— Если говорить о более мелких шариках, на ум приходит только одна сфера применения,— напыщенно изрек Джордж.— Ядерная энергетика*.

— Глупости, дядя,— возразила Глория Виндзор-Паркинсон (серебряный призер в беге на сто метров Олимпиады 2004 года).— От этой идеи отказались несколько лет назад. И те микросферы были совсем крошечные, меньше миллиметра. Большие применялись только для водородных бомб.

* В атомной промышленности для сохранения или обезвреживания радиоактивных веществ их запаивают в стеклянные капсулы.

— Кстати, взгляните, сколько шаров они хотят,— заметил Арнольд Паркинсон (мировой авторитет в области искусства прерафаэлитов).— Хватит, чтобы битком набить Альберт-Холл.

— Говоришь названиями песенок «Битлз»? — осведомился Уильям.

Наступила задумчивая пауза, сменившаяся торопливым щелканьем клавиш. Глория, как водится, всех опередила.

— Ты почти удивил нас, дядя Билл. Только это не название, а строчка. Песня называется «День из жизни», с альбома «Сержант Пеппер». Не думала, что ты увлекаешься классической музыкой.

Сэр Роджер не стал прерывать поток свободных ассоциаций. Ему ничего не стоило прекратить бесполезные разговорчики, лишь вздернув брови. Но старик был слишком мудр, чтобы торопить события. Он знал, как часто подобные безумные заседания приводят к интересным выводам и судьбоносным решениям, до которых ни за что не удалось бы дойти, используя формальную логику. И даже если от пустой болтовни не выходило пользы фирме, заседания помогали членам разбросанного по миру семейства лучше узнавать друг друга.

На этот раз собрание Паркинсонов потряс Рой Эмерсон (символически присутствующий янки). Идея формировалась в его сознании последние несколько минут. Упоминание Руперта о японских стеклянных поплавках послужило первым слабым намеком, но Эмерсон не породил бы законченной мысли, не случись вдруг необычного совпадения, о которых обычно пишут в книжках.

Американец сидел напротив портрета Бэйзила Паркинсона (1874–1912). Все знали, где умер Бэйзил Паркинсон, хотя точные обстоятельства его смерти по-прежнему оставались туманными.

Некоторые утверждали, что он пытался переодеться женщиной, чтобы попасть на последнюю шлюпку. Другие виде-

ли, как он оживленно беседовал с главным конструктором Эндрюсом*, не обращая внимания на ледяную воду, доходившую до щиколотки. Члены семейства горячо поддерживали последнюю версию. Два блестящих инженера вполне способны вести разговор на интересующую обоих тему даже в последние минуты жизни.

Эмерсон нервно кашлянул. Возможно, его сейчас осмеют...

— Сэр Роджер,— начал он,— у меня возникла безумная идея. Все вы знаете, какая поднялась жуткая шумиха, сколько ведется разговоров по поводу столетия этого печального события, а ведь до две тысячи двенадцатого года всего пять лет. Несколько миллионов пузырей из прочного стекла вполне достаточно для мероприятия, о котором не говорит только ленивый. Думаю, наш таинственный потенциальный клиент собрался поднять «Титаник».

6
«НЕЗАБЫВАЕМАЯ НОЧЬ»

Результаты трудов Дональда Крейга видели почти все люди на Земле, однако его слава не сравнилась бы со славой жены. Богатства он, как и Эдит, добился благодаря успехам в программировании. Их встреча была неизбежна. Будущие молодожены использовали суперкомпьютеры для решения проблем, возникших лишь в последнем десятилетии двадцатого века.

В середине девяностых киностудии и телекомпании неожиданно осознали: им грозит непредвиденный, пусть и закономерный кризис. Многие классические киноленты — надежный капитал грандиозной развлекательной индустрии — теряли ценность. Все меньше людей досматривали их до кон-

* Томас Эндрюс (1873–1912) — ирландский бизнесмен и судостроитель. Был конструктором «Титаника» и одним из 1517 человек, погибших при его крушении.

ца. Миллионы зрителей с отвращением выключали телевизоры, не в силах терпеть вестерны, боевики о Джеймсе Бонде, комедии Нила Саймона*, исторические драмы. О причинах столь лютой ненависти в былые времена даже не задумались бы. Дело оказалось вот в чем: в фильмах показывали курящих людей.

Отчасти столь крутую перемену общественного мнения определила эпидемия СПИДа девяностых годов. Но число жертв этого отвратительного синдрома, второй чумы двадцатого века, оказалось несравненно меньше количества умерших от других болезней. Миллионы курильщиков гибли в страшных муках от своего убийственного пристрастия. В их числе и отец Дональда. Свою работу Крейг воспринимал как уплату долга, месть, поэтическое возмездие. Сын заработал не одно состояние, «чистя» классические киноленты и спасая новое поколение зрителей от монстра, отнявшего жизнь отца.

Некоторые фильмы настолько пропитались табачным дымом, что «отмыть» их казалось невозможно. Однако в потрясающем числе случаев умелая компьютерная обработка убирала оскорбительные сигареты из рук актеров и пепельницы со столов. Техника, столь ловко смешивающая реальный и воображаемый миры в столь знаковых картинах, как «Кто подставил кролика Роджера», имела массу других областей применения, и не все они были легальными. Однако, в отличие от видеошантажистов, Дональд Крейг имел право заявить, что выполняет полезный социальный заказ.

Он познакомился с Эдит на премьере «вычищенной» им «Касабланки». Девушка сразу подсказала, как сделать картину еще лучше. Хотя знакомые шутили, что он женился на Эдит из-за ее алгоритмов, брак вышел успешным и на личном, и на профессиональном фронте. По крайней мере, был таким первые несколько лет...

* Нил Саймон (р. 1927) — американский киносценарист, продюсер.

— ...Работа, кажется, несложная,— произнесла Эдит Крейг, когда с экрана исчезли последние титры.— На весь фильм всего четыре проблемные сцены. Как же приятно иметь дело со старым черно-белым кино!

Дональд молчал. Не хотелось признаваться, насколько сильно потряс его фильм. На щеках до сих пор не высохли слезы. «Что же,— думал он,— так трогает меня?» В фильме показана реальная история, по-прежнему известны имена сотен людей, смерть которых изображена на экране, пусть в исполнении актеров... Нет, этого мало. Есть что-то еще. Не настолько он сентиментален и слезлив...

Эдит не обратила внимания на эмоции Дональда. Вывéдя на экран первую секвенцию кадров, женщина задумчиво смотрела на замершие изображения.

— Начнем с кадра три тысячи семьсот пятьдесят один,— деловито произнесла она.— Поехали... Мужчина закуривает сигару... Мужчина справа говорит... Сцена заканчивается кадром четыре тысячи четыреста тридцать два... Вся последовательность занимает сорок пять секунд... Какова клиентская политика насчет сигар?

— В случае исторической необходимости позволительно не удалять. Помнишь ретроспективу с Черчиллем? Нельзя было притвориться, будто он не курит.

Эдит зашлась своим фирменным лающим смехом, все больше раздражающим Дональда.

— Не представляю Уинстона без сигары. Он, похоже, не особо страдал от табака. Как-никак дожил до девяноста!

— Просто повезло. Вспомни беднягу Фрейда. Сколько лет он промучился, пока врач не согласился убить его. Ближе к концу раны так смердели, что даже собака Зигмунда отказывалась к нему подходить.

— Значит, по твоему мнению, историчность не пострадает, если мы отнимем сигары у миллионеров девятьсот двенадцатого года?

— Именно. На ход истории они никак не влияют, так что все нормально. Голосую за чистку.

— Хорошо. Шестой алгоритм справится. Добавим парутройку подпроцедур...

Пальцы Эдит запорхали над клавиатурой. Она ввела команду. Жена научилась не спорить с решениями Дональда в подобных вещах; он слишком эмоционально относился к работе, хотя прошло уже двадцать лет с тех пор, как юный Дональд наблюдал за медленной смертью отца.

— Кадр шесть тысяч девяносто три,— проговорила Эдит.— Шулер обкуривает жертв. У ребят слева сигары, но не думаю, что зрители их заметят.

— Ладно, пусть остаются,— неохотно согласился Дональд.— Давай попробуем вырезать облачко дыма справа. Попытайся убрать с помощью алгоритма тумана.

«Так странно выходит,— думал он.— Одно приводит к другому, второе — к третьему, и дальше по цепочке. В конце концов мелкими шагами приходишь к цели, никак не связанной с отправной точкой». Несложная с виду проблема ликвидации дыма и восстановления скрытых пикселей на частично испорченных изображениях привела Эдит в мир теории хаоса, непрерывных функций и неевклидовой метагеометрии.

Затем она переключилась на доминирующее направление математики последнего десятилетия двадцатого века — фракталы. Дональда стало волновать, что жена уделяет столько времени изучению чудесных пейзажей, рождающихся в ее мозгу. Он считал ее увлечение бессмысленным.

— Готово,— продолжала Эдит.— Теперь посмотрим, как справится подпроцедура пятьдесят пять. Взгляни, кадр девять тысяч восемьсот семьдесят три — сразу после столкновения... Мужчина перебирает льдинки на палубе. Обрати внимание на тех, кто за ним наблюдает. Группа людей слева.

— Ничего страшного. Пропустим. Дальше.

— Кадр двадцать одна тысяча триста девяносто семь. Боюсь, эту секвенцию не спасти. Сплошные сигареты, и вдобавок курящий мальчишка. На вид лет шестнадцать-семнадцать. К счастью, сцена не особо важная.

— Да, просто вырежем кадры. Еще что-нибудь?

— Нет. Только звуковая дорожка, начиная с кадра пятьдесят две тысячи семьсот шестьдесят три. Сцена в спасательной шлюпке. Разгневанная дама восклицает: «Как этот мужчина смеет курить в такой ситуации! Отвратительно!» Но жертву ее гнева мы не видим.

Дональд рассмеялся.

— Забавная реплика. Оставь, как есть.

— Хорошо. Понимаешь, что это значит? На работу уйдет всего пара дней. Аналогово-цифровое преобразование мы уже сделали.

— Да... Но клиенту нужно представить все так, будто дело попалось не из легких. Кстати, когда он просил закончить?

— В кои-то веки не «ко вчерашнему утру». Сейчас только две тысячи седьмой. До векового юбилея — пять лет.

— Это меня и смущает,— задумчиво проговорил Крейг.— Почему так рано?

— Дональд, ты новости смотришь? Люди строят долгосрочные планы и пытаются заработать деньги, хотя вслух об этом не говорят. Предстоит многое сделать, прежде чем поднимут «Титаник».

— Никогда не принимал эти сообщения всерьез. Корабль сильно разрушен, разбит на два куска.

— Говорят, именно поэтому подъем будет гораздо проще. Любые инженерные проблемы можно решить, нужно лишь вложить побольше денег.

Дональд молчал. Он едва расслышал слова Эдит. В его сознании снова и снова прокручивалась сцена из фильма. Он будто видел ее на экране; теперь понятно, почему Крейг плакал в темноте.

«Прощай, дорогой сын»,— прошептал молодой английский аристократ спящему мальчику. Ребенка передали в спасательную шлюпку. Он больше никогда не увидит отца.

Прежде чем погибнуть в ледяных водах Атлантики, англичанин узнал и полюбил сына, и Дональд завидовал ему.

Эдит заявила мужу о своем твердом решении еще до того, как шлюпка отошла от гибнущего корабля. Жена подарила ему дочь. Но Аде Крейг не суждено получить брата.

7
ТРЕТЬЯ ПЕРЕДОВИЦА

Из лондонской «Таймс» (перепечатка), 15 апреля 2007:

«ЗАБЫВАЕМАЯ НОЧЬ?

Некоторые творения, созданные человеческими руками, наделены способностью сводить людей с ума. Первыми в голову приходят мысли о Стоунхендже, египетских пирамидах и страшных статуях с острова Пасхи. Эти сооружения успели обрасти безумными теориями и даже околорелигиозными культами.

Ныне появился очередной пример забавного помешательства на реликвиях прошлого. Через пять лет минует ровно век со дня самой знаменитой морской катастрофы — гибели роскошного лайнера "Титаник", отправившегося в "свадебное путешествие" в 1912 году. Множество писателей и режиссеров создали произведения по мотивам его трагической гибели. Даже Томас Харди разродился стихотворением (на удивление слабым, стоит отметить) под названием "Схождение двоих".

Семьдесят три года гигантский корабль, памятник полутора тысячам мужчин, женщин и детей, погибших вместе с ним, покоился на дне Атлантического океана; казалось, никогда человек больше не потревожит его. Но в 1985 году, благодаря революционным достижениям в области строительства субмарин, затонувший корабль обнаружили. Сотни печальных реликвий извлекли из морской пучины на свет божий. Даже в то время многие сочли акт разворовывания гробницы кощунственным.

Теперь же, судя по слухам, планируются еще более амбициозные акции. Для подъема корабля созданы различные

консорциумы (пока неизвестно наверняка, какие именно). Естественно, сильнейшие повреждения судна не берутся в расчет.

Честно говоря, проекты выглядят абсурдными. Мы верим, что никто из читателей не впадет в искушение и не станет вкладывать деньги в это сомнительное предприятие. Допустим, инженерные проблемы удастся разрешить. Но что человечеству делать с пятьюдесятью тысячами тонн ржавого железа? Морским археологам давно известно, что металлические предметы — за исключением, конечно, золота — после долгого пребывания в воде быстро разлагаются при контакте с воздухом.

Защита "Титаника" и его сохранение, возможно, обойдутся дороже, чем подъем. Не стоит сравнивать эту затею с подъемом "Вазы" или "Мэри Роуз". Трансокеанский лайнер — не "капсула, в которой запечатано время", не артефакт, открывающий окно в утраченную эпоху. Двадцатый век описан историками подробнее, чем иногда хотелось бы. Изучив останки корабля, покоящегося в четырех километрах от Гранд-Бэнкс вблизи Ньюфаундленда, мы не узнаем ничего нового.

Нет нужды навещать "Титаник", чтобы вспомнить важнейшие его уроки — опасность излишней самоуверенности, технического высокомерия. Чернобыль, "Челленджер", "Лагранж-3" и первая экспериментальная установка термоядерного синтеза показали, к чему приводит подобная дерзость.

Безусловно, нельзя забывать о той великой трагедии. Но мы обязаны позволить "Титанику" покоиться с миром».

8
ЧАСТНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ

Рой Эмерсон ни за что не признался бы в этом даже себе. Его разбирала скука. Бывало, он бродил по своей великолепно оборудованной мастерской, среди блестящих машин, ин-

струментов, штабелей электроники, не в силах решить, с какой дорогостоящей игрушкой побаловаться сегодня. Порой он подключался к проектам бесчисленных сетевых «журналов» и работал с группой единомышленников-любителей, разбросанных по миру. Он редко знал имена коллег, только номера телефонов, да и те чаще всего хитро шифровались. Свои же координаты он не оставлял из осторожности. С тех пор как Эмерсона включили в список ста богатейших людей США, он познал цену анонимности.

Проходило несколько недель — и очередной проект терял новизну и свежесть. Эмерсон «отключал» безымянных партнеров по игре и менял идентификационный код, чтобы те его не доставали. Потом он несколько дней обильно пил и просматривал сайты, содержание которых шокировало бы пионеров цифровой связи.

Изредка — после того, как многострадальный Джо Уикрэм досконально проверял всю информацию — Эмерсон откликался на заинтриговавшее его объявление об оказании «личных услуг». Результаты редко его удовлетворяли и не способствовали повышению самооценки. Новость о том, что Диана вторично вышла замуж, его ничуть не удивила. На несколько дней он впал в депрессию и решил смутить ее вульгарно дорогим свадебным подарком.

От бессмысленных игр и отсутствия работы Эмерсон тупел. Неожиданно жизнь его встрепенулась всего за сутки. Изобретателю позвонил Руперт Паркинсон, путешествующий на яхте в южной части Тихого океана.

— Канал надежно зашифрован? Не прослушивается? — неожиданно спросил Руперт.

— Ну... обычно это меня не волнует. Можно переключиться на НСА-два, если приспичит. Единственный недостаток — при разговорах на больших расстояниях возникают помехи. Говорите помедленнее и не особо усердствуйте с оксфордским акцентом.

— Хорошо, будет вам кембриджский. И гарвардский. Поехали.

После пятисекундной паузы, наполненной странными попискиваниями и щелчками, Руперт Паркинсон вернулся на связь.

— Меня слышно? — проговорил он узнаваемым, но слегка искаженным голосом.— Отлично. Так вот... Помните последнее заседание совета директоров? Разговор насчет стеклянных шариков?

— Конечно,— ответил Эмерсон, вздрогнув; он снова задумался, не выставил ли себя дураком.— Вы собирались все проверить. Ну что, я был прав?

— Так точно, старина. Попали в точку. Наши юристы долго кормили их юристов дорогущими блюдами в лучших ресторанах мира. Вместе мы кое-что подсчитали. Имя клиента выяснить не удалось, но догадаться несложно. Британская видеосеть — не имеет значения, какая именно — решила снять потрясающий сериал в реальном времени. Кульминацией должен стать подъем корабля. Но телевизионщики утратили интерес, осознав, сколько это удовольствие будет стоить. Сделка сорвалась.

— Жаль. И сколько же им пришлось бы выложить?

— Производство шаров для подъема пятидесяти килотонн — не меньше двадцати миллионов долларов. Но это лишь начало. Изделия надо доставить на место, тщательно распределить. Нельзя бездумно распихать шары по корпусу. Они просто-напросто разорвут корабль. И речь только о носовой секции, конечно. Разбитая корма — отдельная проблема.

Еще нужно оторвать корабль от дна. Он наполовину ушел в ил. Значит, потребуется куча работы под водой, а техники, способной функционировать на глубине в четыре километра, не так много. В итоге дельце обойдется не меньше чем в сотню миллионов. Скорее всего, не в одну сотню.

— Стало быть, сделки не будет. Зачем тогда звонить мне?

— Не думал, что спросите. Видите ли, я кое-что затеял. Небольшое частное дело. Мы, Паркинсоны, в свое время вкладывали деньги в этот кораблик. Там покоится мой прадед — или, по крайней мере, его багаж. В каюте номер три по правому борту.

— Полагаю, багаж стоит сотню мегабаксов?

— Вполне вероятно. Но это не столь важно; есть вещи, не имеющие цены. Вы слышали об Андреа Беллини?

— Какой-то бейсболист?

— Он был величайшим венецианским стеклодувом. До сих пор неизвестно, как он сделал кое-какие свои... Словом, в семидесятых годах девятнадцатого века моим предкам удалось приобрести, что называется, сливки из коллекции Музея стекла. Это великое сокровище, уровня эльгинского мрамора*, если понимаете, о чем я. Много лет коллекцию пытался перекупить Смитсоновский институт, но мы всегда отказывали. Не предоставляли экспонатов даже для временных выставок. Слишком рискованно переправлять столь ценный груз через Атлантику. Но когда кое-кто построил непотопляемый корабль, на транспортировку решились.

— Очаровательно. Кстати, вспомнил. Я видел работы Беллини во время последней поездки в Венецию. Но разве при аварии стекло не разбилось?

— Почти уверен, что нет. Экспонаты мастерски упаковали, сами понимаете. К тому же масса посуды на корабле не пострадала, хотя о ней никто не позаботился. Помните обеденный сервиз «Белая звезда», выставлявшийся на «Сотбис» пару лет назад?

— Хорошо, допустим. Но мне кажется, несколько экстравагантно поднимать целый корабль ради нескольких ящиков.

— Согласен. Но я назвал лишь одну причину, по которой Паркинсонам стоит поучаствовать.

— Есть другие?

— Вы заседаете в совете достаточно долго, чтобы понять: реклама никогда не повредит. Весь мир узнает, чья продукция поспособствовала подъему корабля.

* Эльгинский мрамор украшал фасад Парфенона. В настоящее время хранится в Британском музее.

«Все равно мало»,— подумал Эмерсон. Дела у Паркинсонов шли в гору. И далеко не всякая реклама хорошо повлияет на имидж компании. Для многих останки «Титаника» стали почти священными; они считали прикасающихся к ним гробокопателями и осквернителями могил.

Эмерсон знал, что люди порой скрывали истинные мотивы, а в некоторых случаях и сами о них не ведали. Войдя в совет директоров фирмы Паркинсонов, он сблизился с Рупертом. Тот был ему симпатичен, хотя называть его близким другом Эмерсон бы не стал. Постороннему трудно по-настоящему сойтись с членом семьи Паркинсонов.

Руперт имел свои счеты с морем. Пять лет назад оно отняло у него прекрасную двадцатиметровую яхту «Аврора». Во время жестокого шторма неподалеку от Сцилл сломалась мачта. Удар о жуткие скалы, собравшие за века богатый урожай жертв, разнес судно вдребезги. По счастливой случайности Руперта на борту не оказалось. То было рутинное плавание — прогулка от Коуза до Бристоля для дозаправки. Пропала вся команда, включая шкипера. Руперт Паркинсон все еще не оправился от потрясения. Все знали, что он потерял не только яхту, но и женщину, которую любил. Маска плейбоя, тщательно им созданная, стала просвечивать.

— Захватывающая история, Руперт. Но что у вас на уме? Наверняка рассчитываете привлечь меня!

— И да, и нет. Пока процесс находится в стадии... как же это называется... мысленного эксперимента. Хочется проверить, насколько осуществим проект. Я готов лично финансировать этот этап. Позже, если результат окажется положительным, представлю его на заседании совета директоров.

— Но... сто миллионов! Компания ни за что не рискнет такой суммой! Вкладчики засадят нас за решетку. Или, возможно, в психушку, но это другой разговор.

— Проект может оказаться еще дороже. Я не жду, что Паркинсоны выложат всю сумму. Быть может, двадцать — тридцать миллионов. У меня есть друзья, готовые рискнуть соизмеримыми суммами.

— Все равно недостаточно.

— Именно.

На линии повисла тишина. Ее нарушали лишь едва различимые сигналы работавшего в реальном времени декодера. Аппарат безуспешно старался что-нибудь расшифровать.

— Хорошо,— наконец изрек Эмерсон.— Готов вложиться пятьдесят на пятьдесят с вами. По крайней мере, в мысленный эксперимент, как вы выразились. Надеюсь, у вас есть эксперт? Я его знаю?

— Думаю, да. Джейсон Брэдли.

— О! Мужик с гигантским осьминогом.

— Это было второстепенное шоу. Но оцените, как оно улучшило его имидж.

— Думаю, и его жалованье тоже. Вы уже беседовали с ним? Он заинтересован?

— Очень. С другой стороны, проект — лакомый кусочек для всех фирм, причастных к морской инженерии. Не сомневаюсь, многие согласятся вложить средства или, по крайней мере, работать без прибыли, исключительно ради рекламы.

— Ладно, действуйте. Но я все еще считаю вашу затею пустой тратой денег. Зато мы получим на редкость дорогое чтиво, когда мистер Брэдли подготовит отчет. К тому же не возьму в толк, что вы собираетесь делать с пятьюдесятью тоннами ржавого железа.

— Не беспокойтесь. У меня есть пара-тройка идей. Не хочу заранее распространяться. В случае успеха проект со временем окупится. Быть может, вы даже получите прибыль.

Эмерсон сомневался, что «вы» — случайная оговорка. Знатный ловкач, Руперт точно знал, что делает. Он прекрасно понимал: собеседник, настроенный лояльно, в состоянии оплатить проект целиком, если пожелает.

— Еще момент,— продолжил Паркинсон.— Пока я не дам «добро» — а я не дам, пока не получу отчет Брэдли,— никому ни слова. Особенно сэру Роджеру. Он решит, что мы рехнулись.

— А вы в этом сомневаетесь? — хмыкнул Эмерсон.

9
ПОЧЕТНЫЕ ПРОРОКИ

Кому: редактору лондонской «Таймс»
От кого: от лорда Олдисса Брайтфаунта, О. М., почетного президента Всемирной Ассоциации научной фантастики

Уважаемый сэр.

Третья полоса Вашей газеты (от 7 апреля), касающаяся планов подъема «Титаника», вновь демонстрирует, насколько поразила человечество эта катастрофа — безусловно, страшнейшая в истории мореплавания.

Как Вам известно, трагедия окутана тайнами и загадками. Приведу маленький пример. Гибель «Титаника» была с удивительной точностью описана за четырнадцать лет до того, как судно затонуло. В документальной книге Уолтера Лорда «Незабываемая ночь», написанной по горячим следам катастрофы, говорится о некоем романе малоизвестного автора Моргана Робертсона, датированном тысяча восемьсот девяносто восьмым годом. События в нем развиваются на вымышленном трансатлантическом лайнере, превосходящем размерами все корабли, построенные до него. Автор помещает на борт богатых и влиятельных людей и отправляет их на дно холодной апрельской ночью. Корабль Робертсона налетел на айсберг.

По размерам, скорости, конструкции вымышленный лайнер неотличим от «Титаника». Количество пассажиров — три тысячи, шлюпок на всех не хватает... Корабли похожи, как близнецы-братья.

Безусловно, чистой воды совпадение. Но есть момент, заставляющий кровь стынуть в жилах. Робертсон назвал лайнер «Титаном».

Хотелось бы отметить, что мои соратники, писатели-фантасты, тоже не обошли «Титаник» вниманием. Два представителя нашей славной профессии присутствовали на лайнере в качестве пассажиров. Первый, Жак Фатрелл, сейчас почти забыт. Его национальная принадлежность точно не известна. Однако к тридцати семи годам, опубликовав «Мыслящую машину» и «Дело о пропавшем ожерелье», он достиг известности. Автор имел средства на путешествие первым классом. Вместе с ним плыла жена. Как Вам известно, девяносто семь процентов обеспеченных дам с верхней палубы и пятьдесят пять — с нижней, из третьего класса, выжили. Жена моего коллеги уцелела в катастрофе.

Гораздо более знаменит человек, написавший единственную книгу под названием «Путешествие в иные миры». Ее опубликовали в тысяча восемьсот девяносто четвертом. Автор пишет о невероятном странствии по Солнечной системе в двухтысячном году, упоминая антигравитацию и прочие чудеса. «Аркхем хаус» переиздал книгу к столетию фантаста.

Назвав этого писателя знаменитым, я сильно принизил его известность. Он единственный, кого «Нью-Йорк Америкен» упомянула выше огромного заголовка в выпуске от 16 апреля 1912 года. Да, заголовок выглядел так: ОТ 1500 ДО 1800 ПОГИБШИХ. Я говорю о мультимиллионере Джоне Джейкобе Асторе. Порой его именуют самым богатым человеком в мире. Не уверен, что так, но самым богатым фантастом его можно называть смело. Вероятно, этот факт сильно огорчает поклонников покойного Л. Рона Хаббарда, если таковые еще существуют.

С уважением, сэр,
искренне ваш,

Олдисс Брайтфаунт, О. М.,
почетный президент ВАНФ

10
ОСТРОВ МЕРТВЫХ

В любой профессии существуют авторитеты, чья слава редко выходит за границы небольшого кружка посвященных. Мало кто без специальной подготовки назовет лучшего в мире бухгалтера, дантиста, инженера-сантехника, страхового агента,

агента похоронного бюро... а ведь это лишь малая часть не самых заметных, но очень важных сфер человеческой деятельности.

Однако некоторые пути заработка обязывают своих адептов постоянно оставаться на виду. Этих счастливчиков знает каждый. Прежде всего речь идет о людях искусства. Стоит стать «звездой» — и тут же о тебе услышит большая часть населения планеты. Сразу за искусством следуют спорт и политика. Как заметил бы какой-нибудь циник, не отстает от них и криминал.

Джейсон Брэдли не соприкасался ни с одной из четырех вышеозначенных сфер и не рассчитывал в один прекрасный день проснуться знаменитым. С плавания на «Гломар Эксплорере» миновало больше тридцати лет. Даже не носи эта история грифа «секретно», роль Джейсона в ней была слишком туманной, чтобы за счет ее прославиться. Правда, к Брэдли несколько раз обращались писатели в надежде обрести новые сведения об операции «Дженнифер». Их старания не увенчались успехом.

Но похоже, в ЦРУ полагали, что и одной-единственной книги о случившемся слишком много. Сотрудники управления до сих пор выдумывали различные трюки, желая обуздать неугомонных литераторов. Долгое время после 1974-го Брэдли периодически навещали вежливые джентльмены и напоминали о документах, подписанных им перед уходом в отставку. Они всегда являлись вдвоем и порой предлагали Джейсону сотрудничество. Однако добиться толковых объяснений, чего же от него хотят, не удалось ни разу. Джентльмены красочно описывали, какая «интересная и высокооплачиваемая» работа его ждет. Но он получал неплохие деньги с нефтяных разработок в Северном море и на искушения не поддавался. Последний раз хмурая парочка появлялась десять лет назад. Но без сомнения, досье Брэдли по-прежнему бережно хранилось в Лэнгли.

Задание, призванное сделать его знаменитым, поступило второго апреля. Джейсон сидел в собственном кабинете на

сорок шестом этаже башни Тиг. Теперь она казалась малышкой в сравнении с хьюстонскими небоскребами более поздней постройки.

Сначала Брэдли решил, что его верный клиент Джефф Ролингс на день опоздал с розыгрышем. Джефф занимал ответственный пост исполнительного менеджера в «Гибернии». Тем не менее он славился недюжинным чувством юмора. На этот раз, однако, было не до шуток. Но Брэдли далеко не сразу принял проблему всерьез.

— Думаете, я поверю в это? — воскликнул он.— Разработка на миллион тонн закрылась из-за... осьминога?

— Не целиком, разумеется. Лишь первый коллектор, самый большой. Сорок с лишним баррелей в день. К платформе ведут пять трубопроводов. По ним полным ходом шла закачка. До вчерашнего дня.

Джейсон вспомнил, что внешне нефтяные платформы проекта «Гиберния» отдаленно напоминают осьминогов. От главного корпуса к десятку скважин, пробуренных на трехкилометровую глубину сквозь богатый нефтью песчаник, по дну тянутся щупальца-нефтепроводы. Трубы от нескольких отдельных скважин сходятся к производственному коллектору перед главной платформой.

Коллекторы представляют собой автоматизированные промышленные комплексы размером с многоквартирный дом. Они располагаются на дне, на глубине около ста метров. Каждый оснащен специальным оборудованием для работы со смесью газа, нефти и воды, поступающей под высоким давлением из глубинных резервуаров. Природа создала, спрятала и бережно сохранила эти богатства десятки миллионов лет назад. Отобрать их — не сама простая задача.

— Объясните толком, что случилось.

— Линия не прослушивается?

— Конечно нет.

— Три дня назад к нам стали поступать беспорядочные сигналы. Поток нефти шел нормально, поэтому поводов для тревоги не было. Потом вдруг перестали приходить данные

с датчиков и отключились мониторы. Стало ясно: поврежден главный оптоволоконный кабель. Естественно, автоматика приостановила все процессы.

— Нефть не разлилась?

— Нет. Ловушка для конденсата пока работает.

— А дальше?

— По стандартной схеме. Спустили автономную камеру пятой модели. Угадайте, что произошло.

— Батарейки сели.

— Не-а. Ее и в коллектор-то толком не успели засунуть, как нечто перекусило трос.

— Что с драйвером управления?

— Автоматика, к счастью, отключается, так что шеф Дюбуа всегда может поработать руками.

— Значит, камеру потеряли. Дальше?

— Не потеряли. Мы точно знаем, где ее искать. Но показывает она только косяки рыб. Пришлось отправить вниз водолаза. Распутать кабель и глянуть, в чем проблема.

— Почему не воспользовались дистанционным устройством?

На любых морских нефтеразработках в запасе имелся не один подводный робот, способный функционировать удаленно. Времена водолазов давно прошли.

Собеседник Брэдли смутился.

— Боялся, что вы спросите. Случилась пара аварий. Два ДУ в ремонте. Остальных нельзя забирать с платформы «Авалон». Срочная работа.

— Да уж, неудача за неудачей. Поэтому вы позвонили в корпорацию «Брэдли». «Справимся с самой глубокой работой!» Давайте подробности.

— Избавьте меня от вашего заезженного слогана. Глубина всего девяносто метров. Водолаз нес стандартную гелиево-кислородную дыхательную смесь. Так вот... Вы слышали, как кричит человек с гелием в легких? Не самый приятный звук...

Мы его вытащили. Обретя дар речи, водолаз сообщил, что трубы перекрыты осьминогом. Тварь диаметром не меньше

ста метров, клялся он. Глупо, конечно. Но без сомнения, там действительно засело какое-то чудище.

— Каким бы здоровенным ни был ваш зверек, небольшой заряд динамита заставит его пошевелиться.

— Слишком рискованно. Вы же знаете, как устроена платформа. Сами помогали устанавливать ее.

— Если камера работает, почему она не показывает осьминога?

— Удалось разглядеть щупальце. Но оценить размеры невозможно. Мы считаем, тварь дотянулась до коллектора. Как бы она не продолжила рвать кабели.

— Боитесь, что осьминог влюбился в ваши трубопроводы?

— Очень смешно. Думаю, этот гад нашел бесплатный обед. Ну, знаете — треклятый «эффект оазиса». О нем все время пишут.

Брэдли не слышал такого словосочетания. Подводные артефакты, даже не наносящие ощутимого вреда экологии, неудержимо привлекали обитателей моря. Они часто становились излюбленными местами рыболовов — как любителей, так и профессионалов. Порой Джейсон гадал, как рыбы выживали в море, прежде чем человечество щедро снабдило их кондоминиумами в виде разбросанных по дну останков кораблекрушений.

— Возможно, осьминога стоит чем-нибудь уколоть. Или угостить хорошей дозой инфразвука.

— Без разницы, как это будет сделано. Лишь бы не пострадало оборудование. Кажется, подходящая для вас с Джимом работенка. Он готов?

— Всегда готов.

— Сколько времени нужно, чтобы добраться до Сент-Джона? Есть рейс «Шеврон» из Далласа. Вас смогут забрать через час. Напомните массу Джима?

— Полторы тонны.

— Отлично. Как скоро будете в аэропорту?

— Дайте три часа. Придется провести небольшое исследование. Таковы правила.

— Условия обычные?

— Да. Сто тысяч плюс расходы.

— И нет работы — нет денег?

Брэдли улыбнулся. Эта формула спасательских расходов применялась на протяжении столетий, но не в таких ситуациях. Хотя сейчас она представлялась приемлемой. Дело выглядело несложным. Сто метров — всего-то! Сущая чепуха...

— Конечно. Перезвоню через час, дам подтверждение. Пока перешлите по факсу чертежи коллектора. Хочу освежить в памяти планировку.

— Хорошо. Попробую до вашего звонка раздобыть еще информации.

Времени на сборы тратить не пришлось. У Брэдли всегда имелись наготове две дорожные сумки: одна для тропиков, другая для Арктики. Первой он пользовался очень редко. Так получалось, что большая часть работы сосредоточивалась в малоприятных областях земного шара, и предстоящая не являлась исключением. В Северной Атлантике сейчас холодно и почти наверняка ветрено. Правда, на стометровой глубине погодные капризы слабоощутимы.

Многие считали Джейсона Брэдли человеком грубоватым, несентиментальным. Увидев, как он повел себя после телефонного разговора, сторонникам такого мнения пришлось бы глубоко призадуматься. Брэдли нажал клавишу, удобно устроился в кресле с откидывающейся спинкой и закрыл глаза. Казалось, он безмятежно спит.

Прошло много лет, прежде чем Джейсон узнал, что за музыка плыла над палубой корабля «Гломар Эксплорер» почти половину его жизни назад. Он с самого начала догадывался: скорее всего, она вдохновлена морем. В мелодии безошибочно угадывался медленный ритм волн. И как верно поступили тогда, на «Эксплорере», выбрав музыку русского композитора — самого недооцененного из трех титанов своего отечества! Имя его редко произносилось с таким же затаенным дыханием, как имена Чайковского и Стравинского.

Подобно Сергею Рахманинову, Джейсон Брэдли тоже увидел картину Арнольда Бёклина* «Остров мертвых» и остолбенел. И теперь она возникла перед его мысленным взором. Порой он отождествлял себя с загадочной фигурой в балахоне, иногда вживался в роль гребца (Харона?). Бывали моменты, когда разыгравшееся воображение помещало его на место страшного груза, перевозимого к последнему пристанищу под кипарисами на берегу.

Тайный ритуал соблюдался годами. Брэдли верил, что он не раз спасал ему жизнь. Пока Джейсон погружался в музыку, его подсознание, не интересующееся подобными глупостями, трудилось вовсю, анализируя предстоящую работу и прогнозируя возможные проблемы. Брэдли относился к своей теории почти серьезно и не собирался опровергать ее старательным препарированием.

Вскоре он сел, выключил музыку и повернулся во вращающемся кресле к одному из десятка компьютеров, занимающих рабочий стол. Модель машины, в которой хранилось большинство файлов и прочей информации Брэдли, трудно было назвать последней, но ее владелец буквально вырос с любимым инструментом и упорно отказывался от любых улучшений. Он проповедовал благоразумный принцип: «Зачем чинить, если работает?»

— Так и думал,— пробормотал он, пробегая глазами энциклопедическую статью «Осьминог».— «Максимальный размер в полностью расправленном состоянии — до десяти метров. Вес — от пятидесяти до восьмидесяти килограммов».

Осьминогов такого размера Брэдли не встречал и, как большинство дайверов, знал, насколько это очаровательные и безобидные существа. Рассказы об их агрессивности и призывы соблюдать осторожность Джейсон всерьез не воспринимал.

* Арнольд Бёклин (1827–1901) — швейцарский живописец, график, скульптор, один из выдающихся представителей европейского символизма. Под впечатлением от его картины «Остров мертвых» С. Рахманинов сочинил одноименную симфоническую поэму.

«См. также “Спорт, подводный”».

Брэдли дважды щелкнул по ссылке. Страница открылась мгновенно. Читая текст, он то вскидывал брови от удивления, то улыбался. Джейсон давно занимался спортивным дайвингом и испытывал типичное презрение профессионала к ныряльщикам-любителям. Слишком многие новички приставали к нему с просьбами взять их на работу. Они не догадывались, что Брэдли по большей части трудится на глубинах, куда без специального снаряжения отправляться нельзя, где царит полная темнота и нулевая видимость.

И все же его восхищали бесстрашные дайверы, совершавшие погружения в заливе Пьюджет-Саунд. Эти ребята сражались с существами, превосходившими их весом и числом конечностей. К тому же требовалось доставить противников на поверхность целыми и невредимыми. Таково было правило. Спортсмена, ранившего осьминога прежде, чем отпустить его в море, дисквалифицировали.

Небольшая подборка видеозаписей выглядела как коллекция ночных кошмаров. Брэдли задумался: как храбрецы из Пьюджет-Саунда спят по ночам? Однако, к делу. Кое-что ценное он все-таки узнал.

Каким образом эти безумные спортсмены и спортсменки (женщин среди них хватало) заставляли мирного моллюска выбраться из логова и вступить в щупальце-рукопашную схватку? Брэдли чувствовал, что ответ не так-то прост.

Он отправил пару не совсем обычных заказов своему поставщику, взял дорожную сумку и отправился в аэропорт.

«Самая легкая сотня килобаксов в жизни»,— подумал Джейсон Брэдли.

11
АДА

У ребенка, чьи мать и отец — гении, двойная фора. Крейги же еще сильнее осложнили жизнь дочери, назвав ее Адой. Эта показательная дань памяти первого компьютерного теоретика идеально демонстрировала родительские амбиции от-

носительно будущего дочери. Они искренне надеялись, что ее судьба будет счастливее, чем трагическая жизнь леди Ады Лавлейс*.

Как же разочаровались родители, наконец осознав, что таланта к математике у Ады нет. Когда ребенку исполнилось шесть лет, друзья Крейгов шутили: «Доказала бы девчушка для разнообразия биномную теорему». Ненаглядное чадо пользовалось компьютером, не интересуясь его устройством; для нее вычислительная машина была рядовым домашним прибором типа видеофона, дистанционных пультов, голосовых систем, плоского телеэкрана, цветного факса...

У Ады возникали сложности даже с элементарной логикой. Ее очень смущали операции типа AND, NOR и NAND**. Она сразу невзлюбила булеву алгебру и начинала плакать при виде конструкции IF/THEN***.

— Дай ей время,— умолял Дональд раздражающуюся Эдит.— С умственным развитием у нее все в порядке. Я понял суть возвратных циклов не раньше десяти лет. Вдруг она станет художницей? У нее твердая «А» по рисованию и лепке...

— И «D» по арифметике. Хуже того, ее это ни капельки не волнует! Вот из-за чего я больше всего тревожусь.

Дональд не соглашался с Эдит, но понимал: не стоит спорить с женой. От криков лучше не станет. Он любил Аду и не видел в ней недостатков. Только бы девочка была счастлива и сносно училась в школе. Остальное его не интересовало. Порой он жалел, что они с женой дали дочери такое про-

* Ада Августа Лавлейс (урожд. Байрон) (1815–1852) — английский математик. Участвовала в создании вычислительной машины Чарльза Бэббиджа. Работы Лавлейс дают основания считать ее первым программистом в истории. Знаменитый поэт Джордж Байрон развелся с матерью Ады, когда ребенку был всего месяц. Умерла от кровопускания при попытке лечения рака матки. В ее честь назван один из первых языков программирования — «Ада».

** AND, NOR и NAND — логические операции в математической логике.

*** IF/THEN — операторы, используемые в большинстве языков программирования.

вокационное имя. Но Эдит, похоже, по-прежнему грезила гениальностью дочери. Тема эта была самым безобидным поводом для супружеских ссор. Более того, не будь Ады, они бы давно расстались.

— Что думаешь насчет щенка? — поинтересовался Дональд, желая утихомирить жену.— До дня рождения осталось три недели. Мы обещали щенка.

— Не знаю...— проговорила Эдит, немного смягчившись.— Она сама еще не решила, какую собаку хочет. Надеюсь, не выберет громадину типа датского дога. И кстати, мы ничего не обещали. Договаривались, что все будет зависеть от результатов следующего школьного теста.

«Это ты договаривалась,— хотелось воскликнуть Дональду.— Ада получит щенка, несмотря ни на какие тесты. Даже если захочет ирландского волкодава. Подходящая собака для такого огромного поместья».

Дональд до сих пор не считал покупку замка хорошей идеей. Но он давно приучился не спорить с женой, когда та принимала подобные решения. К тому же Крейги могли себе позволить такую роскошь. Эдит родилась и выросла в Ирландии. Она вбила себе в голову, что не имеет права лишать Аду такого же счастья.

Замок Конрой пребывал в запустении больше полувека. Некоторые его части лежали в руинах. Но уцелевших зданий хватало для современной семьи, а конюшни оказались в отличном состоянии — о них заботилась местная школа верховой езды. Вымыв, вычистив и старательно обработав комнаты химией, Крейги получили великолепные помещения для компьютеров и коммуникационного оборудования. Местные жители считали, что приобретение замка — пустая трата денег.

Соседи Крейгам попались симпатичные. Они любили Эдит — ирландскую девочку, жизнь которой удалась, хоть она и вышла замуж за англичанина. И еще окружающие горячо одобряли попытки новоселов восстановить знаменитые сады, пусть малую их долю, до великолепия, прославившего местность вокруг замка в девятнадцатом веке.

Превратив нижний этаж западного крыла в нечто пригодное для жизни, Дональд задумал отремонтировать камеру-обскуру. Ее купол (в народе прозванный «наростом») надстроили над крепостной стеной в поздневикторианскую эпоху по приказу лорда Фрэнсиса Конроя, талантливого астронома-любителя и изготовителя телескопов. За несколько лет до смерти его парализовало. Но лорд, гордый аристократ, не желал, чтобы его возили по замку в инвалидном кресле. Он проводил часы, взирая на свою империю из наблюдательного пункта и отдавая армии садовников распоряжения сигналами семафора.

Состояние столетней оптики оказалось на удивление хорошим. Она создавала прекрасное изображение внешнего мира на горизонтальном смотровом столе. У Ады прибор вызывал восторг и ощущение невероятного могущества. Она увлеченно рассматривала территорию замка. «Это круче телевизора и скучных старых фильмов, которые вы с мамой часами смотрите»,— заявила девочка.

Сюда, на высоту крепостной стены, до нее не доносились голоса ссорящихся родителей.

12
МОЛЛЮСК НЕОБЫЧНЫХ РАЗМЕРОВ

Первую плохую новость Брэдли принесли вместе с завтраком. На борту самолетов компании «Шеврон-Канада» кормили отлично, а Джейсон знал, что в Сент-Джоне поесть вкусно и неспешно не удастся.

— Мистер Брэдли, извините за беспокойство,— обратился к нему бортпроводник.— Срочный звонок из главного офиса.

— Можно поговорить отсюда?

— Боюсь, нет. Звонок с видео. Придется пройти в хвостовой отсек.

— Черт,— выругался Брэдли и быстро сунул в рот кусочек восхитительного техасского стейка. Неохотно отодвинув

тарелку, он прошел к коммуникационной кабине. Видеосвязь оказалась односторонней, и Брэдли без стеснения жевал мясо, пока Ролингс докладывал последние новости.

— Джейсон, выяснилось кое-что насчет размеров осьминогов. Ребята с платформы не очень обрадовались, когда мы осмеяли сообщенные ими параметры.

— Зря обижаются. Я заглянул в энциклопедию. Самый крупный осьминог меньше десяти метров в диаметре.

— Взгляните на это.

Появившаяся на экране фотография была очень старой, но качество снимка радовало. Брэдли принялся разглядывать группу людей, стоящих на берегу около бесформенной массы размером со слона. За первым последовали еще несколько изображений, быстро сменявших друг друга. Фотографии были четкими, но понять, что на них запечатлено, не удавалось.

— Позвольте, угадаю,— произнес Брэдли.— Думаю, это сильно разложившийся дохлый кит. Я видел несколько таких экземпляров. Отлично помню, как они пахнут. Туши выглядели именно так. Если ты не эксперт в морской биологии, никогда не догадаешься, что это за тварь. Отсюда появляются байки про морских змеев.

— Неплохо, Джейсон. В свое время эксперты рассуждали так же. Было это, между прочим, в тысяча восемьсот девяносто шестом году во Флориде, на Сент-Августин-Бич.

— У меня стейк остывает, а от таких картинок портится аппетит.

— Надолго не задержу. Этот маленький моллюск весил около пяти тонн; к счастью, его кусок сохранился. Он находится в Смитсоновском институте. Пятьдесят лет спустя ученые заново его исследовали и сошлись на том, что это осьминог. Диаметр его почти семьдесят метров. Так что размеры, определенные нашим водолазом,— около ста метров,— не такая уж суровая переоценка.

Брэдли несколько секунд молчал, обдумывая неожиданные и малоприятные сведения.

— Поверю, когда сам увижу,— наконец выдал он.— Хотя не уверен, что горю желанием посмотреть.

— Кстати,— осторожно спросил Ролингс,— вы никому не рассказывали о нашем деле?

— Разумеется, нет,— буркнул Брэдли, обиженный недоверчивостью Ролингса. Как ему в голову могла прийти такая мысль?

— Журналисты каким-то образом пронюхали; в телетайпных заголовках чудище уже прозвали Оскаром.

— Не вижу проблемы. Что вас беспокоит?

— Мы надеялись, что удастся избавиться от твари без лишних глаз. Теперь придется вести себя осторожно. Не дай бог сделать бо-бо милому малютке Оскару. За нами уже вовсю следят бесконечные «зеленые», включая ребят из «Мира живой природы» и «Голубой планеты».

— Они же чокнутые!

— Не исключено. Но к «Миру» надо относиться серьезно. Не забывайте, кто у них президент. Не стоит огорчать королевское семейство.

— Постараюсь понежнее. Никаких ядерных бомб, даже совсем маленьких.

Отправив в рот следующий кусок почти остывшего стейка, Брэдли кое о чем вспомнил. Он не один раз ел осьминога. Мясо моллюска казалось ему очень вкусным.

Хотелось верить, что осьминоги не мстительны.

13
СИЛА ПИРАМИДЫ

Велев плачущей Аде идти в комнату, супруги Крейг непонимающе уставились друг на друга.

— Что за ерунда,— наконец проговорила Эдит.— Она всегда нас слушалась. И отношения с мисс Айвз были очень теплыми.

— К тому же такие тесты не вызывали трудностей. Никаких уравнений, только ответы на выбор и красивые картинки. Дай записку, хочу перечитать.

Эдит протянула Дональду свернутую бумажку, а сама снова, в который раз, взялась просматривать экзаменационный тест, приведший к таким неприятностям.

Уважаемый мистер Крейг!

Очень неприятно сообщать Вам, что мне пришлось отстранить Аду от уроков за непослушание.

Сегодня утром ее классу дали стандартный тест на зрительное восприятие (прилагается). Она прекрасно справилась со всеми заданиями (95%), кроме пятнадцатого пункта. К моему удивлению, Ада единственная в классе не дала верного ответа на очень простой вопрос.

Когда я указала ей на ошибку, она наотрез отказалась признать свою неправоту. Я показала ей напечатанный правильный ответ. Ада так и не согласилась со мной, упрямо утверждая, что ошибаются все, кроме нее! Ради дисциплины в классе мне пришлось отослать Вашу дочь домой.

Очень жаль, что так вышло. Обычно девочка ведет себя очень хорошо. Быть может, Вы поговорите с ней и вразумите ее.

Искренне Ваша,

Элизабет Айвз (классный руководитель).

— Выглядит так,— произнес Дональд,— будто она нарочно решила задание неправильно.

Эдит покачала головой.

— Не думаю. Ошибка не повлияла на оценку.

Дональд уставился на несколько ярко окрашенных геометрических фигур, послуживших причиной раздора.

— Выход один,— вздохнул он.— Пойди поговори с ней, успокой. Дай ножницы и плотную бумагу. Десять минут — и разногласия исчезнут. Я все улажу.

— Боюсь, так мы вылечим симптомы, а не болезнь. Нужно понять, почему она так упорно настаивала на своей правоте. Это почти патология. Думаю, придется показать ее психиатру.

У Дональда уже мелькнула такая мысль, но он быстро от нее отказался. Пройдут годы, и он поймет иронию ситуации.

Пока мать успокаивала девочку, отец с помощью карандаша и линейки начертил треугольники нужного размера, вырезал их из бумаги и склеил между собой. В результате получилось три экземпляра двух простейших геометрических тел — пара тетраэдров и пирамида, все с равными сторонами. Процесс походил на детскую забаву, но большего для любимой и очень расстроенной дочери он не мог сделать.

Дональд снова посмотрел на листок с тестом и прочел:

«15 (a) Перед вами два одинаковых тетраэдра. Грани каждого образованы четырьмя равносторонними треугольниками, следовательно, имеем восемь треугольников.

Сколько граней будет у нового геометрического тела, если соединить две грани тетраэдров?»

На простейший вопрос ответил бы любой ребенок. При образовании нового, напоминающего бриллиант геометрического тела две грани пропадали. Естественно, правильный ответ должен звучать так: «Шесть граней». По крайней мере, здесь Ада не ошиблась.

Держа фигурку большим и указательным пальцами, Дональд покрутил маленький картонный бриллиант перед глазами и со вздохом бросил его на стол. Фигурка распалась на два компонента.

«15 (b) Перед вами тетраэдр и пирамида с ребрами одинаковой длины. Пирамида имеет четыре треугольные грани, а в основании — квадрат. Следовательно, вместе эти геометрические тела имеют девять граней.

Сколько граней будет у получившегося геометрического тела, если соединить пирамиду и тетраэдр треугольными гранями?»

— Семь, конечно,— пробормотал Дональд.— Две из девяти соединятся и потеряются...

Он взял тэтраэдр и пирамидку и прилепил их друг к другу треугольными гранями.

И изумленно заморгал.

А потом раскрыл рот.

Какое-то время он сидел молча, не веря собственным глазам. Губы медленно расплылись в улыбке, и он негромко проговорил в микрофон домашнего интеркома.

— Эдит... Ада... Хочу вам кое-что показать.

Вошла дочь. Глаза у нее были красные от слез; она еще всхлипывала. Дональд взял девочку на руки.

— Ада,— прошептал он, ласково гладя ее волосы.— Я тобой очень горжусь.

Эдит изумленно посмотрела на него. Дональда очень порадовал ее взгляд.

— Сам бы не поверил,— признался он.— Ответ настолько очевиден, что люди, сочинявшие задание, даже не удосужились проверить. Вот, смотрите...

Он взял пятигранную пирамиду и прилепил к ней четырехгранный тетраэдр.

У нового геометрического тела оказалось вовсе не семь, а пять граней!

— Я нашел правильный ответ,— продолжал Дональд, глядя с восторгом и легким испугом на улыбающуюся дочь,— но не могу представить получившуюся фигуру в уме. Как ты поняла, что грани выстроятся таким образом?

Ада озадаченно посмотрела на отца.

— Разве может быть по-другому?

Дональд и Эдит долго молчали, обдумывая слова дочери, и почти одновременно сделали один и тот же вывод.

Быть может, с логикой и анализом у девочки было неважно. Зато природа наделила ее необычайным ощущением пространства, геометрической интуицией. В девять лет она явно превосходила родителей. Не говоря о людях, подготовивших экзаменационный тест...

Напряжение быстро спало. Эдит рассмеялась. Все трое крепко и радостно обнялись.

— Бедная мисс Айвз! — простонал Дональд.— Представляю ее лицо, когда мы сообщим, что у нее в классе учится Рамануджан* от геометрии!

Это был едва ли не самый счастливый момент в семейной жизни Крейгов. Потом, когда наступят горькие и печальные годы, они часто будут вспоминать тот день.

14
ВИЗИТ К ОСКАРУ

— Почему эти штуковины называют Джимами? — поинтересовался репортер, перехвативший Джейсона Брэдли в аэропорту Сент-Джона. Брэдли удивило, что журналист всего один. Из-за предстоящего погружения поднялась нешуточная шумиха. К тому же порой и одного представителя прессы более чем достаточно. «Зеленые» не устроили демонстрацию — и на том спасибо.

— Так звали водолаза, участвовавшего в спасении золота с затонувшей «Лузитании» в тридцатых годах. Он первый в истории совершал погружение в бронированном костюме. Конечно, с тех пор экипировка сильно изменилась...

— Как именно?

— Современные костюмы самодвижущиеся. Руки и ноги усиливаются сервомоторами, но больше четырех часов работать все равно некомфортно. Однако внутри Джима я бы протянул часов пятьдесят даже на двухкилометровой глубине, пусть и без особого удовольствия.

— Меня внутрь этой штуки калачом не заманишь,— признался репортер, глядя, как полторы тонны титана и пластика загружают в вертолет компании «Шеврон».— Смотрю на него — и сразу разыгрывается приступ клаустрофобии. Особенно если вспомнить...

Брэдли догадался, к чему клонит журналист, и поспешно ретировался. Махнув рукой, он зашагал к вертолету. Не

* Рамануджан Сриниваса Айенгор (1887–1920) — индийский математик, автор выдающихся работ по теории чисел.

прозвучавший вопрос ему в той или иной форме задавали постоянно. Каждый интервьюер надеялся добиться хоть какой-то реакции. Но Брэдли разочаровывал всех, и репортерам приходилось сочинять яркие заголовки вроде «ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ТИТАНОВОМ КОСТЮМЕ».

«Вы не боитесь призраков?» — спрашивали у него и журналисты, и коллеги-водолазы. Последним Брэдли отвечал серьезно.

«С какой стати? — Так начиналась привычная уже речь.— Тед Коллиер был моим лучшим другом; одному Господу Богу известно, сколько раз мы с ним выпивали на двоих — (И с девочками баловались, мог бы добавить Брэдли.) — Узнай Тед, он бы только обрадовался; да и в те времена я бы не потянул покупку Джима. Этот достался мне за четверть стоимости. По правде сказать, он настоящее произведение искусства. Механика работает как часы. Теду жутко не повезло, что он застрял в той затонувшей посудине. Его слишком поздно вытащили. Знаете... Джим помог ему протянуть на три часа больше, чем гарантировали производители. Надеюсь, в свое время он и мне подарит пару лишних минут».

Джейсон надеялся, что на этот раз все обойдется. Он верил в секретный ингредиент. Отступать слишком поздно, остается довериться энциклопедии. Ни в чем, кроме размеров, она не ошиблась, но почему-то утаила важную подробность.

Как обычно, масштабы платформы «Гиберния» впечатлили Брэдли, хотя над морем возвышалась лишь ее часть. Бетонный остров массой в миллион тонн напоминал крепость. Казалось, с неровных стен, похожих на укрепления, в любую минуту откроют огонь. Конструкция платформы в самом деле предусматривала борьбу с опасными врагами. Но бороться предполагалось не с людьми, а с огромными айсбергами, выплывающими из арктической колыбели. Инженеры утверждали, что платформа способна выдержать удар любой силы. Верили им не все.

Транспорт Брэдли завис над платформой. Площадку, расположенную на крыше многоэтажного здания, уже занимал вертолет Королевских ВВС. Он отъехал, галантно уступая место новоприбывшему. Джейсон заметил опознавательные знаки военно-воздушных сил и мысленно застонал. «Этито как пронюхали?»

Президент организации «Мир живой природы» поприветствовал Брэдли, как только тот спустился на площадку и огромные винты вертолета наконец затихли.

— Мистер Брэдли? Наслышан о вас. Приятно познакомиться.

— Ммм... Благодарю, ваше высочество.

— Местный осьминог действительно так велик, как говорят?

— Это я намереваюсь выяснить.

— Да уж, лучше вы, чем я. И как планируете с ним обойтись?

— Э... Секрет фирмы.

— Надеюсь, ничего жестокого.

— Я уже пообещал, что постараюсь справиться без ядерных боеголовок... сэр.

Принц едва заметно улыбнулся и указал на обшарпанный огнетушитель в руках Брэдли.

— Думаю, вы первый водолаз, берущий под воду такой агрегат. Собираетесь использовать в качестве шприца? Пациент будет не против, как полагаете?

«Неплохо соображаешь,— отметил Брэдли.— Шесть баллов из десяти. Но я не гражданин Великобритании, мне Тауэр не грозит. Имею право не отвечать на вопросы».

— Что-то типа того, ваше высочество. Словом, особого вреда не предполагается.

«Надеюсь, не предполагается»,— мысленно поправил себя Брэдли. Были варианты. Оскар мог выказать полное безразличие или сильно рассердиться. Джейсон не сомневался: внутри металлической брони Джима опасность ему не гро-

зит. Но мысль о том, что придется болтаться внутри костюма, будто горошина в банке, его не грела.

Принц все еще выглядел обеспокоенным. Брэдли сильно сомневался, что в предстоящей встрече человека с осьминогом королевская особа дарует симпатии человеку. Следующие слова его высочества подтвердили это предположение.

— Пожалуйста, мистер Брэдли, не забывайте: существо уникально. Впервые в истории его удалось увидеть живым. Вероятно, мы имеем честь наблюдать крупнейшее животное на планете. Быть может — самое крупное в истории. Конечно, некоторые динозавры весили больше. Но в объеме они явно уступали нашему другу.

Брэдли размышлял о словах принца, медленно опускаясь на дно. Тусклый свет североатлантического солнца постепенно сменялся полной темнотой. Слова его высочества волновали, но не тревожили американца; будь Брэдли труслив, он бы не задержался в профессии надолго. Страх не мог уцепиться даже за одиночество. Вместе с Джейсоном на свидание с неведомым отправились два доброжелательных призрака.

Первым был пионер подводного мира — герой детства Брэдли, Уильям Биб*, погрузившийся в морскую пучину в примитивной батисфере в тридцатые годы. Вторым — Тед Коллиер, погибший внутри водолазного костюма, спокойно, без суеты принявший свою участь.

— Приближается дно, видимость — около двадцати метров. Конструкцию пока не наблюдаю.

Наверху за Брэдли следили с помощью сонара. Как только он доберется до застрявшей в коллекторе камеры — будут использовать ее.

— Цель в тридцати метрах, давление две атмосферы ровно.

* Чарльз Уильям Биб (1877–1962) — американский натуралист, исследователь и писатель. Совершил несколько погружений на глубину до 900 метров в изобретенной им батисфере.

— Добрался до цели. Течение сильнее, чем я предполагал.

На несколько секунд все скрылось в облаке ила и песка. Как обычно в подобные мгновения, Брэдли вспомнил фразу астронавта с «Аполлона-11»: «Тут слегка пыльно». Течение быстро развеяло дымку. Перед водолазом предстал массивный инженерный комплекс, освещенный двумя лучами прожекторов Джима.

Казалось, будто на дне моря воздвигнут химический завод приличных размеров и мириады рыб устраивают в нем рандеву. Брэдли видел меньше четверти конструкции. Большая ее часть пряталась в темноте и уходила вдаль. Однако план коллектора он знал отлично. На почти аналогичных платформах Джейсон бывал не раз. Дорогостоящая, изнурительная и порой опасная работа.

Массивная конструкция из стальных труб шире человека образовывала открытую клетку, вмещающую множество специализированных устройств. Клапаны, шланги и толстостенные емкости связывались кабелями и вспомогательными трубами. С первого взгляда картина напоминала бессмысленный узор, созданный сумасшедшим. Но Брэдли знал, что расположение каждого компонента тщательно продумано. При столь колоссальной нагрузке и давлении иначе нельзя.

У Джима не было ног. Под водой, как и в космосе, они чаще становились помехой, чем подспорьем. Точность движений обеспечивали маломощные реактивные двигатели. Брэдли носил подвижную броню уже больше года. Поначалу он, бывало, ошибался, однако профессионализм взял свое.

Он медленно плыл к цели, стараясь не касаться дна, чтобы не взбаламучивать песок и ил. В такой ситуации крайне важна хорошая видимость. К радости водолаза, купол Джима имел форму полушария и обеспечивал круговой обзор.

Телекамера лежала в нескольких метрах впереди, обмотанная клубком кабеля толщиной с карандаш. Помня о ее судьбе, Брэдли остановился прямо перед каркасом коллек-

тора и задумался, как лучше проникнуть внутрь. Но прежде он хотел отыскать разрыв в оптоволоконном кабеле, связывавшем камеру с монитором. Он знал схему соединения. Ремонт не доставит хлопот.

Дальше требовалось выполнить основную задачу — отогнать Оскара. Здесь могли возникнуть сложности.

— Поехали,— сообщил он наверх.— Проникаю через служебный вход... Через туннель В... Пространства для маневра не много, но ничего...

Он легонько задел корпусом Джима металлическую стену цилиндрического коридора. В ответ из лабиринта цистерн и труб раздался равномерный негромкий звук — «тук-тук-тук». Вероятно, какой-то компонент оборудования продолжал работать; если бы коллектор включили на полную мощность, было бы куда громче...

Эта мысль воскресила глубоко зарытые воспоминания. Брэдли вспомнил, как в раннем детстве утихомирил громкоговорители на местной ярмарке меткими выстрелами из отцовского ружья. Потом он не одну неделю жил в страхе, что его вычислят. Возможно, Оскара тоже оскорбило шумное вторжение в его царство, и он решил действовать открыто ради восстановления тишины и спокойствия.

Кстати, где же Оскар?

— Непонятно... Нахожусь внутри коллектора, вижу ясно и четко. Тут полно мест, где можно спрятаться. Но вряд ли кто-то крупнее человека залезет в эти щели. Слона точно не утаишь. Ага! Вот оно!

— Что обнаружили?

— Главный кабель. Выглядит, будто неаккуратный официант уронил тарелку спагетти. Нужна недюжинная сила, чтобы порвать такой проводочек. Придется менять целую секцию.

— Кто на такое способен? Голодная акула?

— Или злющая мурена. Странно, но следов челюстей нет. И самих зубов, если на то пошло. Вернее всего свалить вину

на нашу осьминожку. Но кто бы здесь ни напортачил — сейчас его нет дома.

Брэдли, не торопясь, внимательно осмотрел коллектор. Других повреждений не нашлось. Если таинственный саботажник не примется за старое, платформа может возобновить работу через пару дней. Больше Брэдли под водой делать нечего. Он включил двигатели и начал медленно уплывать в сторону, откуда проник в коллектор, проводя Джима по лабиринту балок и труб. По пути он задел небольшую мягкую массу. Она и вправду оказалась осьминогом — около метра в поперечнике.

— Тебя я из списка подозреваемых вычеркиваю,— пробормотал Брэдли.

Почти выбравшись за наружный каркас коллектора, он понял, что пейзаж изменился.

Много лет назад их класс повезли на экскурсию в знаменитый ботанический сад на юге Джорджии. Джейсон поехал с большой неохотой и почти ничего не запомнил, но одно растение его очень впечатлило. До этого он не слыхал о баньяне и ужасно удивился, увидев дерево, имеющее не один ствол, а несколько десятков. Каждый представлял собой отдельный столп, поддерживающую широченную крону.

В данном случае колонн было восемь, хотя Брэдли не утруждал себя пересчетом. Он уставился в огромные черные как смоль глаза. Бездонные чернильные озера — такова была первая ассоциация. Гигантское существо бесстрастно разглядывало водолаза.

У Брэдли часто спрашивали: «Вы когда-нибудь боялись?», и он всегда отвечал одинаково: «Господи, конечно. Много раз. Но страшно становилось только тогда, когда все оставалось позади. Поэтому я до сих пор жив». Никто бы не поверил, но и сейчас он не испугался. Джейсон испытал благоговение, как человек, увидевший чудо. Первой промелькнула мысль: «Нужно извиниться перед тем водолазом». А второй: «Посмотрим, сработает ли моя секретная штуковина».

Левый наружный манипулятор Джима сжал цилиндр огнетушителя, и Брэдли повернул его вверх. Одновременно он шевельнул правым манипулятором, заставляя механические пальцы нажать на рычаг. Операция заняла несколько секунд, но Оскар среагировал раньше.

Словно подражая движениям Брэдли, он нацелил на него трубу из собственной плоти. Казалось, осьминог собрался пустить в ход модифицированный огнетушитель. «Хочешь меня обрызгать?» — успел подумать Брэдли. Он бы ни за что не поверил, что столь гигантская тварь способна двигаться так быстро. Даже внутри бронированного Джима Брэдли ощутил удар реактивной струи. Оскар «включил» полную мощность. Не та сложилась ситуация, чтобы топать по дну на манер восьминогого стола. Вдруг все исчезло в чернильной туче — такой плотной, что даже лучи прожекторов не смогли ее пробить.

Медленно поднимаясь на поверхность, Брэдли нашептывал, обращаясь к мертвому другу:

— Ну, Тед, мы снова справились. Но не думаю, что кто-то скажет спасибо.

Судя по тому, как спешно ретировался Оскар, вряд ли он планировал вернуться. Брэдли понимал отношение гиганта к случившемуся и даже немного сочувствовал сопернику.

Мирный моллюск тихо-мирно жил и делал свое дело — заботился, чтобы Северная Атлантика не превратилась в сплошную массу трески. И вдруг откуда ни возьмись появляется страшная тварь, вся в огнях, и размахивает зловещими щупальцами. Оскар поступил так, как поступил бы на его месте любой здравомыслящий осьминог. Он понял, что в море появилось существо гораздо более свирепое, чем он, и поспешил убраться подальше.

— Мистер Брэдли, мои поздравления,— торжественно произнес принц, когда Джейсон наконец выбрался из бронированного костюма. Процедура выглядела не особо привлекательно и всегда доставляла трудности, но вынуждала Джейсона держаться в форме. Прибавь он пару сантиметров

в талии — и протиснуться через овальное верхнее отверстие не удастся.

— Благодарю вас, сэр,— ответил Брэдли.— Работа как работа.

Принц усмехнулся.

— Мне казалось, только британцы склонны недооценивать себя. Вряд ли вы раскроете тайну секретного ингредиента?

Джейсон улыбнулся и покачал головой.

— Вдруг когда-нибудь придется воспользоваться еще раз?

— Что бы это ни было,— усмехнулся Ролингс,— нам оно влетело в копеечку. Мы наблюдали за Оскаром с помощью сонара — кстати, он дает поразительно слабое эхо! Итак, наш друг удалился на глубоководье. Но вдруг он проголодается и вернется? Где еще в Северном море найдешь такое отличное место для рыбалки?

— Давайте договоримся,— ответил Джейсон, указав на обшарпанный цилиндр.— Если он будет вам докучать, я пришлю волшебную пулю. Отправите к Оскару своего человека. Это не будет стоить ни цента.

— Где-то подвох,— покачал головой Ролингс.— Не может быть, чтобы все оказалось настолько просто.

Джейсон улыбнулся, но промолчал. Он все сделал по правилам, но его грызла, пусть совсем легонько, совесть. Принцип «нет работы — нет денег», помимо прочего, имеет большой плюс. Если результат достигнут, никто не должен спрашивать, чего это стоило. Брэдли честно заработал свою сотню тысяч. Он подготовил ответ для любителей задавать глупые вопросы: «Как, вы не знали? Осьминога очень легко загипнотизировать!»

Только одно немного его расстраивало. Он жалел, что так и не удалось проверить добродушный намек из старой книжки Жака Ива Кусто, дословно процитированной в компьютерной энциклопедии. Интересно было бы узнать: octopus giganteus так же недолюбливает крепкий раствор медного купороса, как его скромный десятиметровый собрат, octopus vulgaris?

15
ЗАМОК КОНРОЙ

«Множество Мандельброта* (в дальнейшем для краткости будем именовать его "множество М") — едва ли не самое удивительное открытие в истории математики. Безусловно, это утверждение звучит радикально, но мы надеемся подтвердить его.

Потрясающая красота изображений, создаваемых множеством М, демонстрирует, что оно воспринимается не только мозгом, но и чувствами. Неподготовленного зрителя они восхищают; нам случалось видеть людей, почти загипнотизированных фильмами, демонстрирующими путешествие по бесконечным — в буквальном смысле — ответвлениям множества.

Не прошло и десяти лет после сделанного Бенуа Мандельбротом в тысяча девятьсот восьмидесятом году открытия, как оно начало оказывать воздействие на визуальное и прикладное искусство, включая рисунки на тканях, коврах, обоях. Даже ювелирное дело не стало исключением. И разумеется, голливудская "фабрика грез" очень скоро принялась эксплуатировать множество М и его сородичей двадцать четыре часа в сутки. Вряд ли стоит удивляться оглушительному успеху прекрасных изображений, созданных математикой. Вопрос психологической привлекательности множества М до сих пор остается открытым. Быть может, мы никогда не получим ответа. Приведем одно предположение: в мозгу человека существует некая структура, входящая в резонанс с образцами множества. Карл Юнг изумился и обрадовался бы, узнав, что через тридцать лет после его смерти компьютерная революция, которую он застал в самом ее зачатке, даст новый импульс теории архетипов и его вере в существование "коллективного бессознательного". Многие образцы множества М очень напоминают элементы исламской живописи; лучшим примером может служить знакомый многим так называемый "восточный огурец", похожий на запятую. Существуют и другие фигуры, с виду напоминающие органические,— щупальца, сложные глаза насекомых, войска морских коньков, слоновьи хоботы... все они через какое-то время резко трансформируются в кристаллы и снежинки — объекты мира, не тронутого жизнью.

* Бенуа Мандельброт (1924–2010) — французский математик, основатель фрактальной геометрии.

Пожалуй, самой удивительной особенностью множества М является простота, лежащая в его основе. В отличие от большинства концепций современной математики, любой школьник способен понять, как оно образуется. Для этого достаточно уметь складывать и умножать; не нужно ни вычитания, ни деления и уж тем более — никаких других математических действий. Теоретически множество М могло быть открыто, как только человечество научилось счету. На практике же такое невозможно. Даже если бы люди не знали усталости и никогда не ошибались, всех когда-либо живших на Земле мужчин и женщин не хватило бы для расчета множества самого скромного размера...»

Из статьи «Психодинамика множества Мандельброта» Эдит и Дональда Крейг, опубликованной в сборнике, подаренном профессору Бенуа Мандельброту в честь его восьмидесятилетия. («Издательство Массачусетского технологического института», 2004)

— Мы платим за собаку или за родословную? — с притворным возмущением спросил Дональд Крейг, получив красивый лист пергамента.— Мать честная, у нее даже герб имеется!

Они полюбили друг друга с первого взгляда — толстый, весом в полкилограмма щенок кернтерьера по кличке Леди Фиона Макдональд Глен Аберкромби и девятилетняя девочка. К удивлению и разочарованию соседей, Аде совсем не нравились пони.

— Противные и вонючие животные,— заявила она Патрику О'Брайену, главному садовнику.— Спереди кусаются, сзади лягаются.

Старика шокировало столь неестественное отношение юной дамы, к тому же наполовину ирландки, к маленьким лошадкам.

Не очень его радовали и некоторые идеи Крейгов относительно поместья. Здесь работало пять поколений его предков. Конечно, замечательно, что теперь, после десятков лет нищеты, в замок Конрой наконец потекли настоящие деньги,— но... превратить конюшни в компьютерные залы! От такого можно уйти в запой, если ты еще не там.

Патрику удалось оспорить ряд наиболее эксцентричных затей Крейгов путем политики конструктивного саботажа. Однако они — точнее, госпожа Эдит — упорно настаивали на переустройстве пруда. Пруд осушили и убрали из него не одну тонну водных гиацинтов. Только после этого мадам Крейг представила Патрику необычную карту.

— Хочу, чтобы пруд выглядел так,— произнесла она хорошо знакомым садовнику тоном.

— Это что же такое будет-то? — спросил он, не скрывая отвращения.— Типа жук какой, что ли?

— Можно сказать и так,— ответил Дональд голосом, в котором слышалось: «Я ни при чем, все вопросы к Эдит».— Это мандельбаг*. На досуге поинтересуйтесь у Ады.

Пару месяцев назад О'Брайен пропустил бы слова хозяина мимо ушей. Вот еще, девчонка станет ему что-то растолковывать! Но теперь он смолчал. Ада была странным ребенком. Наверное, вундеркиндом. Патрик замечал, что гениальные родители относятся к ней восторженно и благоговейно. А Дональд ему нравился больше, чем Эдит. Хоть и англичанин, но мужик неплохой.

* Мандельбаг, мандельбротовская ошибка — сложная ошибка, которая возникает внезапно в самых неожиданных местах программы. В термине в качестве составной части присутствует слово «bug» — в прямом смысле «жук», а в переносном — «недостаток», «дефект».

— Пруд — это ладно. Полбеды, как говорится. Но передвинуть старые кипарисы... Я же мальчишкой был, когда их сажали! Они ж сдохнут. Придется переговорить с отделом лесничества в Дублине.

— Много времени потребуется? — спросила Эдит, не обращая внимания на возражения Патрика.

— А как надо? Быстро, дешево? Или хорошо? Можно и так и эдак.

В последнее время эта шутка стала у Патрика и Дональда дежурной. Ответ оба мужчины предугадали безошибочно.

— Желательно быстро. И очень хорошо. Математику, сделавшему это открытие, уже под восемьдесят. Мы бы хотели поскорее показать ему то, что изображено на плане.

— Я б не больно-то гордился таким открытием.

Дональд рассмеялся.

— Пока вы видите только набросок. Погодите, Ада покажет на компьютере настоящий план. То-то удивитесь.

«Сильно сомневаюсь»,— подумал Патрик.

Прозорливый старый ирландец редко ошибался. Но на этот раз он готов был признать собственную неправоту.

16
НОМЕР КИПЛИНГА

Руперту Паркинсону казалось, что Брэдли и Эмерсон имеют много общего. Оба принадлежат к исчезающему, даже вымирающему виду. Когда-то американцы только этим и занимались: создавали новые индустрии или становились лидерами в старых. Руперт восхищался партнерами из Нового Света, но не завидовал; его устраивал собственный статус «рожденного в бизнесе».

Номер Киплинга в отеле «Браун» он выбрал намеренно, хотя и не представлял, насколько близко его гости знакомы с творчеством писателя. В любом случае, Эмерсона и Брэдли впечатлила атмосфера. Здесь пахло историей: старые фо-

тографии на стене, письменный стол, в прошлом служивший великому человеку...

— Я не относился к Элиоту всерьез, пока не наткнулся на его книжку «Избранные стихи Киплинга». Помню, тогда я сказал преподавателю английской литературы: «Поэт, любящий Киплинга, не может быть плохим поэтом». Преподаватель не удивился.

— Боюсь,— признался Брэдли,— я не большой знаток поэзии. Из Киплинга помню только «Если...»*.

— Жаль. Он одной с вами породы — поэт, воспевавший море и технический прогресс. Советую прочесть «Гимн Мак-Эндрю». С точки зрения техники стихотворение устарело лет на сто. Но никто больше не превозносит машины так, как Киплинг. Еще у него есть стихотворение, посвященное глубоководным кабелям:

> Крушенья вершатся над нами; прах медленно
> падает вниз —
> Вниз во мрак, во мрак беспредельный, где змеи
> слепые сплелись;
> Где не слышно ни звука, ни эха, в пустынях
> придонной тьмы,
> По равнинам из серой грязи в кожухах
> протянулись мы**.

— Хорошо,— кивнул Брэдли.— Но насчет «ни звука, ни эха» он ошибся. Море — очень шумное место. Хотя, чтобы слышать его, нужно иметь соответствующее акустическое оборудование.

— Вряд ли Киплинг знал об этом в девятнадцатом веке. Наш проект его бы восхитил. В свое время он написал роман о Гранд-Бэнкс.

— Правда? — в унисон воскликнули Эмерсон и Брэдли.

* Стихотворение переведено на русский Маршаком, Лозинским и еще некоторыми переводчиками.

** *Киплинг Р.* Подводные кабели. Перевод Э. Ермакова. (Стихотворение из сборника «Семь морей».)

— Называется «Отважные капитаны». Роман о ньюфаундлендских рыбаках и их тяжелой жизни. Не слишком удачная книга. «Ким» на порядки лучше. Но что может сравниться с «Кимом»? Хемингуэй тоже писал о рыбаках — лет сто спустя и на двадцать градусов южнее... Прекрасное произведение.

— Его я читал,— гордо объявил Эмерсон.— «Старик и море».

— Пятерка, Рой. По мне, это настоящая трагедия, что Киплинг не сочинил эпического стихотворения о «Титанике». Быть может, он собирался, но его опередил Харди.

— Харди?

— Так, к слову пришлось. Прости нас, Редьярд. Пора заняться делом.

Три плоских дисплея (как бы они изумили Киплинга!) включились автоматически. Глядя на экран, Руперт Паркинсон проговорил:

— Вот ваш отчет от тридцатого апреля. Насколько я понимаю, новых сведений не появилось?

— Ничего важного,— отозвался Брэдли.— Мои сотрудники перепроверили все цифры. Пожалуй, можно улучшить показатели. Но в таких вопросах я консерватор. Не припомню крупной подводной операции, обошедшейся без сюрпризов.

— Сюда относится ваша знаменитая встреча с Оскаром?

— Это вообще самый большой сюрприз. Однако все прошло лучше, чем ожидалось.

— А что с «Эксплорером»?

— Все так же, Руп. По-прежнему тихонько гниет в бухте Суисан.

Паркинсон едва заметно поморщился, когда Брэдли назвал его Рупом. Однако это лучше, чем Парки. Такое обращение позволительно только для самых близких друзей.

— Трудно поверить,— покачал головой Эмерсон,— что столь ценный, столь уникальный корабль использовался всего однажды.

— Он слишком здоровый и нерентабельный для обычных коммерческих проектов. «Эксплорер» по карману только ЦРУ, а им грозит пальчиком Конгресс.

— Кажется, однажды они пытались сдать его в аренду русским.

Брэдли с усмешкой глянул на Паркинсона.

— То есть вы в курсе.

— Конечно. Мы хорошо изучили вопрос, прежде чем обратиться к вам.

— Я запутался,— сказал Эмерсон.— Пожалуйста, просветите.

— Дело было так... В тысяча девятьсот восемьдесят девятом году новейшая русская подлодка...

— Единственная класса «Майк». Больше таких не строили.

— ...затонула в Северном море. Один умник из Пентагона сказал: «Может, удастся вернуть хотя бы часть наших денежек!» Но ничего не вышло. Или все-таки вышло, Джейсон?

— На самом деле идея пошла не из Пентагона; ребята оттуда не обладают столь богатым воображением. Я провел очень приятную неделю в Женеве с заместителем директора ЦРУ и тремя адмиралами. Один наш, двое русских. А было это... весной тысяча девятьсот девяностого. Начало перестройки. Все потеряли интерес к этому делу. Игорь и Алексей ушли в отставку и занялись экспортно-импортным бизнесом. Я до сих пор получаю от них открытки к Рождеству из Ленингр... прошу прощения, из Санкт-Петербурга. Вы верно заметили, затея провалилась; зато мы все растолстели килограммов на десять и потом несколько недель приходили в форму.

— Знаю я эти женевские рестораны. А сколько понадобится времени, если мы решим привести «Эксплорер» в порядок?

— Если наберу людей — три-четыре месяца. Точнее не скажу. С учетом плавания до места, где затонул «Титаник», проверки сохранности нашего утопленника, постройки до-

бавочных крепежных структур, доставки на глубину миллиардов стеклянных шариков... честно говоря, даже максимальные цифры, которые я заключил в скобки,— это не прикидки, а догадки. Смогу уточнить только после первого обследования.

— Что ж, очень благоразумно. Ценю вашу откровенность. Сейчас важно уяснить, реально ли осуществить проект в принципе, без учета временных рамок.

— Теоретически — реально. Но не решусь предположить, сколько это будет стоить. Каков, кстати, потолок расходов?

Вопрос прозвучал слишком резко. Руперт Паркинсон притворно поморщился.

— Расчеты пока ведутся. Верно, Рой?

Это был своего рода пароль. Брэдли ничего не понял, но ответ Эмерсона дал кое-какие намеки.

— Я по-прежнему готов вложить половину суммы, которую утвердит совет директоров. Если операция пройдет успешно, деньги вернутся по плану «В».

— Позвольте поинтересоваться, что за план «В»? — спросил Брэдли.— И план «А», если на то пошло. Вы до сих пор не говорили, что собираетесь делать с корпусом корабля, когда его отбуксируют в Нью-Йорк. Хотите поступить как с «Вазой»?*

Паркинсон театрально вскинул руки.

— Он разгадал план «С»,— простонал Руперт.— Да, мы намеревались привести «Титаник» к Манхэттену — с опозданием на сто лет — и выставить на всеобщее обозрение. Но вы же знаете, что случается с металлическими кораблями, поднятыми на поверхность после десятилетий, проведенных под водой. Даже деревянное судно сохранить непросто. На обработку «Титаника» соответствующими химикатами уйдут десятки лет. Возможно, это обойдется дороже, чем сам подъем.

* Старинный шведский корабль «Ваза» поднят на поверхность и превращен в музей.

— Стало быть, оставите его на мелководье, то есть отведете во Флориду, как и предполагалось в телешоу.

— Послушайте, Джейсон. Мы рассматриваем все варианты. «Диснейленд» — один из них. Мы не разочаруемся, если придется оставить «Титаник» на дне. Главное — спасти ящики из каюты моего прадеда. К счастью, он отказался сдать их в багаж; в последней телеграмме дед жаловался, что в каюте тесновато.

— Вы уверены, что хрупкое стекло сохранилось?

— *Девяносто процентов должно оставаться в целости.* Китайцы много столетий назад обнаружили, что товары благополучно добираются до конца Шелкового пути, если завернуты в чайные листья. Лучшего упаковочного материала не существовало, пока не изобрели полистироловую пену; чай тоже можно было продать, получив еще большую прибыль.

— Сомневаюсь, что нам удастся повторить их уловку.

— Боюсь, вы правы. А жаль — это был личный дар сэра Томаса Липтона. Самый лучший чай с его цейлонских плантаций.

— Вы совершенно уверены, что такая упаковка смягчила удар?

— Да. Корабль вошел в мягкий ил под углом, на скорости около тридцати узлов. Среднее ускорение — около двух *g*, максимальное — пять.

Руперт Паркинсон отключил и сложил плоский дисплей. К этому электронному чуду теперь относились так же спокойно, как к телефону, в прошлой жизни тоже считавшемуся магическим артефактом.

— Джейсон, мы позвоним вам до конца недели,— продолжил Паркинсон.— Завтра — заседание совета директоров. Надеюсь, получится уладить все вопросы. Еще раз огромное спасибо за отчет. Если решим взяться за дело, можно на вас рассчитывать?

— В каком смысле?

— Мы хотели бы видеть вас в качестве руководителя операции подъема.

Последовала пауза. На взгляд Паркинсона, слишком долгая.

— Я польщен, Руп. Надо подумать. Гляну, как это вписывается в рабочий график.

— Послушайте, Джейсон. Если все закрутится, не будет никакого графика. Это самая грандиозная работа, какую вам предлагали.— Он едва не добавил: «пожалуй, слишком грандиозная», но передумал и осекся. Джейсон Брэдли не из тех, кого стоит раздражать. Особенно если ты собираешься с ним сотрудничать.

— Полностью согласен,— ответил Брэдли.— И я хотел бы сказать «да». Не только из-за денег — уверен, вы готовы предложить хорошую сумму. Для меня это дело — нечто вроде профессионального вызова. Победить или проиграть. Ладно. Рад был повидаться с вами обоими. Пора бежать.

— Вы не собираетесь ничего посмотреть в Лондоне? Я могу добыть билеты на новое шоу Эндрю Ллойда Вебера — Стивена Кинга. Мало кому удается попасть на этот спектакль.

Брэдли рассмеялся.

— Я бы с радостью. Но, видите ли, на Оркнейских разработках разлилось много нефти. Обещал к вечеру появиться в Абердине.

— Ну, хорошо. Будем на связи...

— Что скажете, Рой? — спросил Паркинсон, когда Брэдли ушел.

— Крутой паренек. Как думаете, он может переметнуться к конкурентам, если те предложат больше?

— Тоже размышлял на эту тему. Если да, тем хуже для него.

— Наши юристы-стервятники уже все провентилировали?

— Почти. Есть пара-тройка неясностей. Помните, я возил вас в контору Ллойда?

— Конечно.

Визит действительно был незабываемым. Даже в двадцать первом веке «новое» здание общества Ллойда выглядело фу-

туристично. Но больше всего Эмерсона потрясла книга учета бедствий — реестр кораблей, потерпевших крушение. В коллекции массивных фолиантов хранились самые драматические моменты в истории мореплавания. Сотрудник показал Эмерсону и Паркинсону страницу за пятнадцатое апреля тысяча девятьсот двенадцатого года и запись каллиграфическим почерком — новость, только что потрясшую мир.

Казалось, отметки за более чем двести лет сделаны одной и той же рукой. Беспримерный образец традиций и непрерывности.

— Мой отец много лет являлся членом общества Ллойда. Мы пользуемся там... некоторым влиянием.

— Охотно верю.

— Благодарю. Как бы то ни было, совет директоров провел переговоры с международной организацией, заведующей морским дном. Существует несколько десятков конфликтных заявок. Юристы отлично работают. Как бы ни повернулось дело, мы не проиграем.

Роя Эмерсона порой раздражала обстоятельность Руперта; похоже, тот никогда не спешил перейти к сути. Трудно поверить, что при необходимости этот человек способен действовать быстро. Однако он являлся одним из лучших яхтсменов в мире.

— Было бы замечательно добиться исключительного права владения — в конце концов, это был британский корабль...

— Построенный на американские деньги.

— Эту деталь опустим. В данный момент судно не принадлежит никому. Придется улаживать все в Международном суде. На это может уйти несколько лет.

— У нас их нет.

— Именно. Пожалуй, мы сможем добиться судебного запрета на подъем «Титаника» для всех остальных, а сами тем временем будем тихонечко действовать по плану.

— Тихонечко! Шутите. Знаете, сколько раз я за последнее время отказывался от интервью?

— Полагаю, столько же, сколько я.— Руперт посмотрел на часы.— Ну вот. Как раз успеем. Хотите увидеть нечто забавное?

— Конечно.

Эмерсон уже привык: если Паркинсон предложил что-то «забавное», отказываться не стоит. Другой случай столкнуться с этим вряд ли представится. На этот раз, возможно, он покажет подлинные драгоценности из королевской казны, или дом 21b по Бейкер-стрит*, или книги из Британской библиотеки, именующиеся диковинками и не указанные в главном каталоге...

— Здесь рядом. Пешком дойдем за две минуты. Королевский институт. Лаборатория Фарадея. Место, где родилось столько важных для нашей цивилизации открытий. Сейчас там меняют экспозиции. Какой-то балбес уронил реторту. Фарадей пользовался ею во время опытов по созданию бензина. Директор хочет знать, сможем ли мы изготовить идентичное стекло и отлить из него реторту так, чтобы никто не заметил подмены.

«Не каждый день,— сказал себе Эмерсон,— выпадает шанс посетить лабораторию Майкла Фарадея». Они перешли узкую Элбемарл-стрит, без труда уворачиваясь от немногочисленных машин, и, пройдя несколько метров, остановились у фасада Королевского института.

— Добрый день, мистер Паркинсон. Сэр Эмброуз ожидает вас.

17
ГЛУБОКАЯ ЗАМОРОЗКА

— Надеюсь, вы не против встречи в аэропорту, миссис Крейг... Дональд. Добираться до Токио все труднее. К тому же чем меньше людей нас увидят, тем лучше. Уверен, вы понимаете.

* Адрес, по которому якобы проживал Шерлок Холмс.

Доктор Като Мицумаса, молодой президент компании «Ниппон-Тернер», по обыкновению, появился в безупречном костюме, сшитом на Сэвил-роу. Взглянув на него, Крейг решил, что одежда знаменитых лондонских ателье не выйдет из моды еще лет двадцать. Като сопровождали двое привычных уже самураев. Телохранители походили друг на друга так, словно были клонами. Они всегда держались поодаль и не произносили ни слова. Дональду порой казалось, что японская робототехника шагнула дальше, чем он думает.

— До прихода второго гостя есть пара минут. Давайте обсудим некоторые детали, касающиеся нас двоих...

Мы приобрели права на показ «Незабываемой ночи» в вашей обработке. Лицензия позволяет крутить «бездымную» версию по кабельному и спутниковому телевидению первые шесть месяцев две тысячи двенадцатого года. Естественно, по всему миру. Хотелось бы продлить контракт еще на полгода.

— Великолепно,— поговорил Дональд.— Прошу прощения, Като, но я не верил, что у вас получится. Мои поздравления.

— Благодарю. Как сказал дикобраз подружке, это было нелегко.

За годы учебы на Западе — в Лондонской школе экономики, после в Гарварде и Анненберге — у Като развилось чувство юмора, не соответствующее его высокому посту. Стоило зажмуриться, и Дональд забывал, что говорит с урожденным японцем. Среднеатлантический акцент Като звучал идеально. Однако в разговоре он частенько вставлял дерзкие остроты, не имеющие отношения ни к Востоку, ни к Западу. Они принадлежали исключительно господину Мицумасе. Но даже неудачные, попахивающие дурным вкусом шутки, нередко проскакивающие у японца, наверняка были хорошо продуманы. Такая манера расслабляла собеседников Като, вынуждала их недооценивать президента «Ниппон-Тернера». В результате они совершали весьма дорогостоящие ошибки.

— Рад сообщить,— порывисто проговорил Като,— что компьютерные тесты прошли удовлетворительно. Позволю себе отметить: до нас таких операций не проводил никто. Наша затея уникальна. Она произведет колоссальное впечатление на весь мир. Ни один человек — в буквальном смысле ни один — даже не подумает поднять «Титаник» так, как это собираемся сделать мы!

— Не весь «Титаник», лишь часть. Кстати, почему только корма?

— Есть ряд причин, как практических, так и психологических. Корма намного легче носовой части. Она весит менее пятнадцати тысяч тонн. И она дольше всего держалась на поверхности. Все остававшиеся на палубе держались за нее. Мы перемонтируем сцены из «Незабываемой ночи». Я думал переснять их или сделать оригинал цветным...

— Нет! — в унисон воскликнули Крейги.

Като их реакция обескуражила.

— Вы и без того неслабо надругались над фильмом! О непостижимый Запад! Ну да ладно. Сцена ночная, она и в черно-белом варианте будет смотреться отлично.

— Это не последняя нерешенная проблема редактирования,— внезапно вмешалась Эдит.— Есть еще одна. Танцевальный оркестр на палубе «Титаника».

— Что с ним не так?

— Ну... в фильме он играет «Господь, я ближе к Тебе».

— И?

— Глупость несусветная. От них требовалось ободрить людей и предотвратить панику. Последнее, что сделали бы музыканты,— заиграли скорбный гимн. При первой же попытке их расстрелял бы какой-нибудь офицер.

Като рассмеялся.

— У меня тоже иногда возникает такое желание. Но что же они играли?

— Попурри из известных мелодий. Скорее всего, заканчивали вальсом под названием «Осенняя песня».

— Понятно. Это, конечно, правдоподобнее. Но я вас умоляю! Не заставим же мы «Титаник» тонуть под звуки вальса. Ars longa, vita brevis*, как чуть было не сказала компания «Метро-Голдвин-Майер». В нашем случае побеждает искусство. Жизни достается второе место.

Като посмотрел на часы, затем на «клонов». Самурай подошел к двери и исчез в коридоре. Не прошло и минуты, как он вернулся, сопровождая невысокого, крепко сложенного мужчину с багажом. Внешность гостя выдавала человека, наделенного глобальной ответственностью: в одной руке — дорожная сумка, в другой — портативный компьютер.

Като тепло поприветствовал новоприбывшего.

— Чрезвычайно рад видеть вас, мистер Брэдли. Кто-то сказал, что пунктуальность крадет время. Я в это не верю. Рад, что вы со мной согласны. Джейсон Брэдли, позвольте представить Эдит и Дональда Крейгов.

Гости растерянно обменялись рукопожатиями. Похоже, всем троим показалось, что они встречались раньше, но уверенности в этом не было. Като поспешил ликвидировать неясность.

— Джейсон — специалист номер один в мире по морской инженерии...

— Ах, конечно! Гигантский осьминог...

— Ручной, как котенок, миссис Крейг. Ничего особенного.

— ...А Эдит и Дональд обрабатывают старые фильмы, и те становятся не хуже — даже лучше! — новых. Позвольте коротко объяснить, зачем я собрал вас.

Брэдли улыбнулся.

— Нетрудно догадаться, мистер Мицумаса. Но интересно узнать подробности.

— Не сомневаюсь. Все, разумеется, строго конфиденциально.

— Безусловно.

* Жизнь коротка, искусство вечно *(лат.)*.

— Сначала мы планируем поднять корму и отснять зрелищные кадры для телевидения, когда она появится на поверхности. Затем отбуксируем корму в Японию и сделаем частью постоянной экспозиции в Токио-на-море. Получится круговая панорама. Зрители будут сидеть в спасательных шлюпках, покачивающихся на воде... прекрасная звездная ночь... почти морозная... конечно, мы снабдим их теплыми куртками. Они увидят и услышат, как тонет корабль. Последние минуты «Титаника». Затем желающие смогут опуститься в большой резервуар и рассмотреть корму через иллюминаторы на разных уровнях. Она составляет лишь около трети корабля, однако всю ее за один раз не осмотреть даже в дистиллированной воде, которую мы намерены использовать. Видимость в ней чуть менее ста метров. Останки корабля будут скрываться вдалеке; незачем поднимать его целиком. У зрителей возникнет полная иллюзия пребывания на дне Атлантики.

— Звучит логично,— кивнул Брэдли.— И конечно, корму поднять намного проще. Она сильно разрушена. Ее можно вытаскивать частями по несколько сотен тонн, а после собрать их.

Наступила неловкая пауза. Наконец Като проговорил:

— По телевизору такое зрелище не покажется особо впечатляющим, не правда ли? У нас более амбициозные планы. Именно эта часть проекта строго засекречена. Корма разбита на куски, но... Мы поднимем ее за один раз. Внутри айсберга. В таком подходе есть глубокая поэтичная справедливость... Один айсберг затопил «Титаник», другой поднимет его к дневному свету.

Если Като рассчитывал изумить собеседника, ему пришлось разочароваться. Джейсон слышал практически обо всех вариантах подъема «Титаника», возникших в умах изобретателей за прошедший век.

— Продолжайте,— сказал Брэдли.— Потребуется немаленький морозильник, если я правильно понимаю?

На лице Като появилась улыбка победителя.

— Нет. Нам поможет физика твердого тела. Слышали об эффекте ?

— Конечно. Речь об охлаждении, возникающем при пропускании электрического тока через определенные материалы. Не помню, какие именно. С тех пор как в две тысячи первом по соглашению о защите окружающей среды запретили фторуглеродные соединения, такой принцип используют все производители домашних морозильников.

— Верно. Но обычный, кухонный, так сказать, вариант системы Пельтье не особо эффективен. Правда, от него и не требуется особых мощностей. Генераторы кубиков льда не дырявят разнесчастный озоновый слой — и ладно. Однако наши физики открыли новый класс полупроводников, спасибо революции в области сверхпроводимости. С их помощью эффективность увеличивается в разы. Все морозильники в мире безбожно устарели.

— Японские производители наверняка пребывают в предынфарктном состоянии,— улыбнулся Брэдли.

— Сейчас оформляют патентные лицензии. И реклама получится небывалых масштабов. Самый большой кубик льда с «Титаником» внутри всплывает на поверхность!

— Впечатлен. А где собираетесь брать энергию?

— В этом плане у нас тоже оригинальное решение. Перекуем мечи на орала! Хотя в данном случае выражение слегка притянуто за уши. Хотим использовать две списанные атомные подводные лодки — русскую и американскую. Они вместе вырабатывают ровно столько мегаватт, сколько требуется. Да и на глубине в несколько сот метров подлодкам не страшен даже самый сильный шторм.

— В какие сроки планируете уложиться?

— Шесть месяцев, чтобы установить оборудование. Затем два года заморозки по системе Пельтье. На дне температура близка к точке замерзания. Нужно лишь опустить ее на пару градусов, и айсберг начнет формироваться.

— Что помешает ему всплыть раньше времени?

Губы Като вновь растянулись в улыбке.

— Давайте пока не лезть в детали. Могу заверить, наши инженеры продумали этот нюанс. Именно здесь начнется ваша работа. Если, конечно, захотите.

«Интересно, он в курсе про Паркинсонов? — подумал Брэдли.— Возможно; даже если не уверен, мог догадаться, что они тоже сделали предложение».

— Прошу прощения,— извинился Като, открыл чемоданчик и извлек из него какой-то предмет. Через пять секунд он снова посмотрел на гостей. Теперь японец напоминал капитана пиратской шхуны. Лишь едва заметный проводок, ведущий к пульту в руке, намекал, что черная повязка на глазу Като — произведение высоких технологий.

— Боюсь, это лишнее доказательство, что я не настоящий сын своей родины. Дурные манеры и все прочее... мой отец до сих пор пользуется лэптопом времен последней династии Минь. Но монокли гораздо удобнее. Они дают более высокое разрешение.

Брэдли и Крейги не удержались от смешков. Като говорил правду: многие современные портативные видеоустройства оснащались компактными экранами, весящими не больше очков. Порой их даже помещали в оправы. Монокль располагался всего в сантиметре от глаза, но хитрая система линз увеличивала изображение размером с почтовую марку во сколько угодно раз.

Приспособление отлично подходило для развлекательных целей. Однако больше всего оно пригодилось бизнесменам, юристам, политикам и другим людям, желающим хранить конфиденциальную информацию подальше от любопытных глаз. Подсмотреть в электронный монокль можно, лишь присоединившись к тому же потоку информации. Однако со временем у устройства обнаружился большой недостаток. Оказалось, оно вызывает новые разновидности шизофрении, приводящие в восторг исследователей явления «расщепления мозга».

Като наконец закончил воспевать мегаватты в час, тонно-калории, градусы в месяц и всевозможные коэффициенты. Брэдли несколько минут молча переваривал поступившие в мозг данные. Многие детали были слишком специфичны, чтобы оценить их сразу. Однако они-то как раз представлялись не столь важными. Тонкости он изучит позже. В расчетах инженеров Като Брэдли не сомневался. Но нет гарантии, что не упущены важные моменты. Он слишком часто сталкивался с подобным...

Однако инстинкт подсказывал, что план составлен надежно. Джейсон давно научился серьезно относиться к первому впечатлению, особенно негативному. Причину неприятия в таких случаях искать совсем не обязательно. На этот раз дурных предчувствий не возникло. Проект, спору нет, выглядел фантастическим, но вполне мог сработать.

Като тайком наблюдал за Брэдли, пытаясь уловить его реакцию. «А я умею становиться непроницаемым, когда требуется,— думал Брэдли.— И моя репутация говорит о многом».

В следующее мгновение Като, едва заметно приподняв уголки губ, протянул Брэдли сложенный вдвое листок бумаги. Американец не сразу развернул его. Но, увидев цифры, он понял: даже если дело сорвется, не будет нужды впредь думать о профессиональной карьере. К тому же в силу естественных причин работать ему осталось совсем недолго. А столько денег даже при его доходах не скопить за всю жизнь.

— Польщен,— спокойно проговорил Брэдли.— Вы более чем щедры. Однако нужно завершить пару важных дел, прежде чем я дам точный ответ.

Като удивился.

— Сколько ждать? — осведомился он довольно резко.

«Думает, что я веду переговоры с кем-то еще,— заключил Джейсон.— В общем-то, так и есть...»

— Неделю. Одно скажу с уверенностью: такую цену не предложит никто.

— Знаю,— согласился Като, закрыв чемоданчик.— Эдит, Дональд? Хотите что-нибудь добавить?

— Нет,— ответила Эдит.— Похоже, мы обо всем поговорили.

Дональд молча кивнул.

«Странная парочка,— отметил Брэдли.— И не очень счастливая». Дональд ему понравился сразу. Мягкий, теплый человек. Эдит — резкая, привыкшая доминировать, почти агрессивная. Явно глава семейства.

— Как поживает вундеркинд, которому посчастливилось родиться у столь прекрасных родителей? — спросил Като у Крейгов, когда те собрались уходить.— Пожалуйста, передайте ей мой сердечный привет.

— Передадим,— пообещал Дональд.— У Ады все хорошо. Она в восторге от поездки в Киото. Хоть немного отвлеклась от изучения множества Мандельброта.

— Что такое «множество Мандельброта»? — поинтересовался Брэдли.

— Проще показать, чем рассказать,— ответил Дональд.— Заезжайте в гости. Устроим вам экскурсию по нашей студии. Правда, Эдит? Тем более нам предстоит работать вместе. Очень надеюсь, что предстоит.

От Като не укрылась секундная растерянность Брэдли. Но Джейсон быстро совладал с собой и ответил, изобразив радушную улыбку:

— С радостью. На следующей неделе у меня командировка в Шотландию. Пожалуй, удастся выкроить время. Сколько лет вашей девочке?

— Почти девять. Но если вы спросите у нее, она, скорее всего, ответит так: восемь целых, восемьсот семьдесят шесть тысяч пятьсот сорок пять миллионных.

Брэдли рассмеялся.

— Ада, похоже, действительно вундеркинд. Боязно с ней встречаться.

Като покачал головой.

— Это говорит человек, напугавший пятидесятитонного осьминога. Нет, мне никогда не понять американцев.

18
ИРЛАНДСКИЙ САД

— В детстве я любил приходить сюда,— печально проговорил Патрик О'Брайен,— и любоваться волшебными картинками. Казалось, тут ярче и интереснее, чем в остальном, реальном мире. Теликов тогда, ясное дело, не было, а шатровый бродячий кинотеатр наведывался в деревню не чаще раза в месяц.

— Джейсон, не верьте ни одному слову,— улыбнулся Дональд.— Пату вовсе не сто лет.

На вид Брэдли дал бы садовнику семьдесят пять. Однако О'Брайену могло быть и слегка за восемьдесят. Следовательно, родился он в тридцатых или еще раньше. Мир его юности казался американцу невероятно далеким, а та реальность — удивительнее любых сказок, даже ирландских.

Патрик грустно покачал головой и снова потянул за веревку. Большая линза над его головой начала поворачиваться. На матово-белом столе, вокруг которого стояли зрители, стали выписывать медленный пируэт лужайки, клумбы и посыпанные гравием дорожки замка Конрой. Все выглядело неестественно ярко и четко. Брэдли представлял, как чудесная старинная машина превращает привычный внешний мир в заколдованную сказочную страну в голове мальчишки.

— Вот беда, мистер Брэдли! Мистер Дональд не желает верить в правду. Я бы ему много чего порассказал о прежнем господине, да что толку?

— Аде вы рассказываете немало.

— Верно. И она верит, потому как умная девочка.

— Я тоже верю. Иногда. Например, насчет лорда Дансени*.

— Согласились-то, только потолковав с отцом Макмаленном.

— Дансени? Писатель? — переспросил Брэдли.

* Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, восемнадцатый барон Дансени (1878–1957) — ирландский англоязычный писатель и поэт.

— Да. Читали его?

— Ммм... нет. Он был большим другом доктора Биба — первого человека, опустившегося под воду на полмили. Поэтому мне знакома фамилия.

— Вам стоит почитать его рассказы, особенно о море. Пат утверждает, что он часто приезжал сюда играть в шахматы с лордом Конроем.

— Дансени был великий человек, великий ирландец,— добавил Патрик.— И очень добрый. Всегда позволял старому господину выигрывать. А с какой бы радостью он попробовал сыграть с этим вашим компьютером! Особенно когда сочинял рассказ про шахматную машину.

— У него есть такой рассказ?

— Не то чтоб про машину. Может, про демона.

— А как называется? Я непременно должен найти его.

— «Гамбит трех моряков»... а, вот и она! Так и знал!

Голос старика смягчился, когда в поле зрения появилась маленькая лодка. Она описывала неторопливые круги в центре обширного пруда, а сидящая в ней девочка, похоже, зачиталась книжкой.

Дональд поднес к губам браслет с дистанционным устройством связи:

— Ада... У нас гость. Через минуту спустимся вниз.

Девочка помахала рукой и продолжила читать. В следующее мгновение она исчезла. Дональд изменил фокусное расстояние объектива камеры-обскуры.

Теперь Брэдли увидел картину целиком. Пруд имел форму сердечка. В заостренной части он соединялся с круглым водоемом размером поменьше. Тот, в свою очередь, переходил в следующий, еще меньше, и тоже круглый. Полностью фигура выглядела забавно. Пруды явно выкопали не так давно. На лужайках не успели зарасти следы, оставленные землечерпательной техникой.

— Вашему вниманию предлагается пруд Мандельброт,— произнес Патрик без особого энтузиазма.— Только поосто-

рожнее, мистер Брэдли. Не просите ее растолковывать, что к чему.

— Надеюсь, не придется,— сказал Дональд.— Давайте спустимся и узнаем.

Увидев отца с двумя спутниками, Ада включила мотор. Он питался энергией от небольшой солнечной батареи, и лодка плыла почти со скоростью шагающего человека. Девочка повела суденышко не навстречу взрослым, как ожидал Брэдли, а вдоль центральной оси главного пруда, затем — по узкому перешейку, выводившему в круглый водоем. Лодка быстро пересекла его и выплыла в третий, самый маленький прудик. Теперь Брэдли отделяло от судна всего несколько метров, но он не слышал шума мотора. Будучи инженером, он оценил эту особенность.

— Ада,— крикнул Дональд.— Знакомься, наш гость, мистер Брэдли. Я тебе о нем рассказывал. Он собирается помочь нам в подъеме «Титаника».

Ада, готовившаяся пристать к берегу, молча кивнула. Последний пруд размером сравнился бы с лужей; десятку уток в нем было бы тесновато. Длинная узкая канавка вела из него к лодочному сараю. Брэдли обратил внимание, что канал идеально прямой и лежит ровно вдоль центральной оси трех водоемов. Очевидно, сделано это не случайно, но зачем? Старый садовник загадочно улыбался, радуясь обескураженности американца.

По обе стороны от канала возвышались прекрасные кипарисы высотой больше двадцати метров. «Миниатюрная версия окрестностей Тадж-Махала»,— подумал Брэдли. Индийским шедевром архитектуры он любовался давно и совсем недолго, но забыть, насколько тот прекрасен, не мог до сих пор.

— Видишь, Пат, кипарисы отлично прижились после пересадки. Напрасно волновался,— сказал Дональд.

Патрик поджал губы и придирчиво посмотрел на ровные ряды деревьев. Затем он молча принялся тыкать пальцем в

некоторые экземпляры, ничем, на взгляд Брэдли, не отличающиеся от остальных.

— Эти, думается, нужно будет менять,— произнес садовник.— И не говорите, что я вас не предупреждал.

Подойдя к лодочному сараю, мужчины стали ждать неторопливо приближающуюся Аду. Когда девочка оказалась в метре от причала, вдруг послышался истеричный лай. Из лодки выскочило нечто, смутно напоминающее маленькую швабру, и устремилось к ногам Брэдли.

— Если не будете шевелиться,— подсказал Дональд,— она решит, что вы безобидны, и оставит вас в живых.

Крошечный кернтерьер подозрительно обнюхивал туфли гостя. Брэдли в свою очередь разглядывал хозяйку собачки. Он одобрительно отметил, как аккуратно Ада привязала лодку, хотя делать это было не обязательно. Девочка, в отличие от сумасбродной собачонки,— необычайно организованная юная леди, понял Брэдли. Животное же сменило гнев на милость и принялось радостно облизывать его туфли.

Ада подняла щенка, прижала к груди и с любопытством посмотрела на Брэдли.

— Вы действительно поможете нам с «Титаником»? — спросила она.

— Надеюсь,— уклончиво ответил Брэдли.— Нужно многое обсудить.

«Только не здесь,— мысленно добавил он.— Не время и не место для подобных разговоров. Нужно дождаться миссис Крейг». Хотя, будь такая возможность, Джейсон предпочел бы не встречаться с властной женщиной вовсе.

— Ада, что ты читала в лодке? — добродушно поинтересовался Брэдли, пытаясь сменить тему.

— Почему вы спрашиваете? — вежливо, без тени дерзости осведомилась девочка.

Брэдли не успел сформулировать подходящий ответ. В разговор поспешно вмешался Дональд.

— Боюсь,— проговорил он,— дочь не привыкла тратить время на светские беседы. По ее мнению, в жизни есть го-

раздо более важные вещи. Типа фракталов и неевклидовой геометрии.

Брэдли указал на щенка.

— Не похоже, что эта малышка имеет отношение к высшей математике.

Ада, к удивлению гостя, наградила его очаровательной улыбкой.

— Видели бы вы Леди, высушенную после купания. Шерсть у нее торчит во все стороны. Она напоминает миленький трехмерный фрактал.

Шутка оказалась выше понимания Брэдли, но он рассмеялся вместе со всеми. К счастью, с чувством юмора у девочки всё было в порядке. Джейсон, пожалуй, мог бы полюбить ее. Только общаться с Адой следовало так, словно она вдвое старше, чем выглядит.

Брэдли набрался смелости и задал следующий вопрос.

— На лодочном сарае большими цифрами написано «тысяча девятьсот девяносто девять»,— проговорил он.— Наверное, число относится к знаменитой программе твоей мамы, написанной в конце прошлого века?

Дональд хмыкнул.

— Неплохо, Джейсон; почти все так думают. Ада, будь, пожалуйста, снисходительна.

Мисс Крейг опустила щенка на траву, и он умчался обследовать ствол ближайшего кипариса. У Брэдли возникло неприятное впечатление, что Ада собирается определить его коэффициент интеллекта, прежде чем ответить на вопрос.

— Мистер Брэдли, если вы посмотрите внимательно, то заметите минус перед числом и точку после единицы.

— И?

— Эта запись означает минус одну целую девять тысяч девятьсот девяносто девять десятитысячных... И далее, до бесконечности.

— Аминь,— вмешался Патрик.

— Почему бы в таком случае не написать «минус два»?

— Уже предлагали,— смеясь, проговорил Дональд.— Но при настоящем математике таких вещей произносить не стоит.

— Я думал, вы отличный математик.

— Да нет же, господи боже. В сравнении с Эдит я программист среднего пошиба с волосатыми лапами.

— И, как я понял, в сравнении с юной леди. Знаете, я что-то никак не разгляжу дна. Для человека моей профессии не самое приятное положение.

Смех Ады развеял чувство неловкости, владевшее Джейсоном последние несколько минут. Но место, где они расположились, все еще его угнетало, словно что-то зловещее, недоступное человеческим чувствам таилось здесь. Бесполезно бороться с мерзким ощущением одной только силой воли. Джейсон ловил смутные воспоминания, но они тут же ускользали. Оставалось ждать. Воспоминания вернутся, непременно вернутся.

— Мистер Брэдли, вы спросили меня, что за книгу я читала.

— Пожалуйста, называй меня Джейсон.

— Глядите, вот она.

— Как я не догадался. Он тоже был математиком, верно? К своему стыду, я не читал «Алису». В Америке эту книжку детям заменяет «Волшебник страны Оз».

— Ее я тоже прочла, но Доджсон — то есть Кэрролл — намного лучше. Как бы ему это понравилось! — воскликнула Ада, обведя рукой пруды необычных очертаний.— Понимаете, мистер Брэд... Джейсон, это Крайний Запад,— продолжила она, указав на лодочный сарайчик с загадочными цифрами.— Для множества Мандельброта минус два представляет бесконечность. За ней не существует ничего. Сейчас мы идем вдоль Спицы. Маленький пруд — последнее мини-множество с отрицательной стороны. Когда-нибудь мы посадим вокруг цветы — правда, Пат? Они хоть как-то отразят фантастические детали вокруг главных долей. Вон там, на востоке — выступ, где встречаются два пруда побольше — Долина Мор-

ского Конька, минус семьсот сорок пять тысячных. Самое начало — ноль, разумеется — находится посередине дальнего пруда. На восток множество простирается не слишком далеко; выступ в области Пересечения Слона — там, прямо перед замком — равняется примерно плюс двумстам семидесяти трем тысячным.

— Верю на слово,— проговорил совершенно озадаченный Брэдли.— Должен признаться: я понятия не имею, о чем ты.

На самом деле Брэдли кое-что понял. Крейги вложили целый капитал, преображая окрестности замка в некую замысловатую математическую функцию. Это выглядело безобидной манией; существуют тысячи более безумных способов истратить деньги. Да и местные жители неплохо заработали на странной задумке новых хозяев замка.

— Ада, думаю, пока достаточно,— произнес Дональд. Слова прозвучали более решительно, чем прежде.— Давайка угостим мистера Джейсона ланчем, а после окунем его с головой в множество Мандельброта.

Справа возвышался строй кипарисов. Они шли вдоль канала до того места, где он впадал в пруд. Воспоминания наконец вернулись к Брэдли. Конечно! Неподвижная вода, лодка, кипарисы — главные элементы картины Бёклина! Невероятно... Почему эта ассоциация не пришла раньше?

Из глубин сознания выпорхнула музыка Рахманинова — успокаивающая, знакомая, вселяющая уверенность. Стоило Брэдли найти причину смутной тревоги, как на душе сразу полегчало.

После он долго не мог поверить, что его дурное предчувствие подтвердилось.

19

«ПОДНЯТЬ "ТИТАНИК"!»

Тысячи тонн металла зашевелились медленно, неохотно. Казалось, какое-то морское чудовище пробуждается ото сна. Взрывные заряды, вырвавшие судно из донного плена, под-

няли громадные облака ила. Корабль словно окутали клубы тумана.

Невидимые челюсти, десятки лет цепко державшие «Титаник», начали ослабевать. Ото дна оторвались гигантские винты. Корабль медленно поднимался к миру, так давно им покинутому.

Море на поверхности забурлило. Из водоворота пены возникла стройная мачта. На ней до сих пор сохранилось «орлиное гнездо», с которого Фредерик Флит когда-то передал по телефону фатальные слова: «Айсберг прямо по курсу».

Нос корабля словно ножом режет воду... из глубин появляется разрушенный суперлайнер... и все его огромные палубы... и гигантские якоря, каждый из которых когда-то везли на упряжках по двадцать лошадей... и три громадных трубы целиком, и сломанная четвертая... необъятная стальная скала, усеянная иллюминаторами... и, наконец, титры:

ТИТАНИК
ЛИВЕРПУЛЬ

Экран монитора погас; несколько мгновений в студии царила тишина, порожденная и трепетом перед кинематографическими спецэффектами, и молчаливым восторгом.

Руперт Паркинсон, редко страдающий от нехватки слов, печально проговорил:

— Боюсь, так драматично не выйдет. Когда снимался фильм, не знали, что корабль раскололся на две части. И про сломанные трубы не догадались, хотя это должно быть очевидно.

— Модель, использованная в фильме, действительно стоила больше настоящего корабля? — поинтересовался Маркус Килфорд. Враги прозвали хозяина Десятого канала Слизью и Убийцей Веселья.

— Слышал такую версию. Возможно, с учетом инфляции, она правдива.

— А еще ходила шутка...

— ...что проще было осушить Атлантический океан? Поверьте, я уже устал выслушивать этот анекдот!

— Хорошо, замолкаю,— усмехнулся Килфорд, вертя в руке пресловутый монокль — свой фирменный знак. Многие считали, что он пользуется старинной кругляшкой исключительно в качестве гипнотизирующего предмета и никаких оптических свойств у монокля нет. Сотрудники физического факультета лондонского Кингз-колледжа однажды провели компьютерный анализ отражений предполагаемой линзы при студийном освещении. Монокль Килфорда с вероятностью в девяносто пять процентов фальшивка, утверждали ученые. Но окончательно и бесповоротно убедиться в этом удалось бы, лишь завладев магической вещицей. Однако все попытки оборачивались неудачей. Монокль словно прилип к Маркусу. Вдобавок ведущий лично известил потенциальных похитителей, что вещица оснащена устройством самоуничтожения. Дескать, если механизм сработает — он, Килфорд, за последствия не отвечает. Конечно, никто в это не верил.

— В фильме,— продолжал Убийца Веселья,— много говорят о закачке пены в корпус судна. Она бы помогла поднять корабль?

— Тут много тонкостей. Давление на глубине в четыреста раз выше атмосферного. Любая пена моментально сожмется. Мы преодолеем эту проблему с помощью маленьких стеклянных шариков с пузырьками воздуха внутри.

— Они достаточно прочны, чтобы выдержать столь колоссальное давление?

— Да. Попробуйте раздавить!

Паркинсон высыпал на журнальный столик пригоршню стеклянных шариков. Клиффорд осторожно взял один и с непритворным изумлением присвистнул.

— Почти ничего не весит!

— Произведение искусства,— гордо отозвался Паркинсон.— Мы проверили их на прочность на дне Марианской

впадины. Это в три раза больше глубины, на которой лежит «Титаник».

Килфорд обратился к другому гостю.

— Торнли, а ведь вы могли использовать эти штучки для подъема «Мэри Роуз» в тысяча девятьсот восемьдесят втором году? Или нет?

Морской археолог покачал головой.

— Сомневаюсь. У нас была совершенно иная ситуация. «Мэри Роуз» лежала на мелководье, и водолазам удалось подвести под нее «люльку». Затем ее подняли самым большим в мире плавучим краном.

— Рискованное мероприятие...

— Да. У нас чуть не случился инфаркт, когда стальной трос лопнул.

— Охотно верю. Корпус «Мэри» уже четверть столетия находится в Саутгемптонском доке и до сих пор не готов к демонстрации. Мистер Паркинсон, у вас с «Титаником» получится быстрее — если, конечно, удастся его поднять?

— Безусловно; все дело в разнице между деревом и сталью. Древесина «Мэри Роуз» мокла в морской воде четыре столетия. Неудивительно, что на просушку требуются десятки лет. Все дерево на «Титанике» сгнило, и не о нем стоит беспокоиться. Наша проблема — ржавчина. Благодаря холоду и отсутствию кислорода на такой глубине ее очень мало. Части корабля пребывают в одном из двух состояний — превосходном или ужасном.

— И сколько этих маленьких... шариков вам понадобится?

— Около пятидесяти миллиардов.

— Пятьдесят миллиардов? Но как же опустить такое количество стекла на дно?

— Очень просто. Мы их сбросим.

— Прицепите к каждому маленькое грузило? Еще пятьдесят миллиардов?

Паркинсон дерзко усмехнулся.

— Не совсем. Мистер Эмерсон придумал простой и гениальный способ. Никто не верит, что его идея сработает. Мы протянем трубу от поверхности к остову судна. Выкачаем воду и засыплем шарики сверху. Внизу соберем. На всю процедуру потребуется несколько минут.

— Но наверняка...

— Придется установить особые воздушные клапаны на обоих концах. Фактически процесс будет непрерывным. Предполагается спускать шарики связками объемом в кубический метр и весом примерно тонну. Это очень удобно. С пачками легко справятся роботы.

Маркус Килфорд посмотрел на молчаливого археолога.

— Доктор Торнли,— спросил он,— как вы считаете, все получится?

— Возможно,— ответил тот неохотно.— Я не эксперт по таким вопросам. Труба, о которой вы говорите, должна быть очень прочной, чтобы выдержать сильнейшее давление вблизи дна.

— Разумеется, но это не проблема. Мы используем тот же материал. Как гласит девиз моей компании: «Изготовим из стекла что угодно!»

— Только без рекламы, пожалуйста!

Килфорд повернулся к телекамере и произнес торжественно, но с веселым блеском в глазах:

— Пользуясь возможностью, хочу развеять злобные слухи о том, что мистер Паркинсон якобы вручил мне в гардеробе BBC обувную коробку, битком набитую мятыми банкнотами.

Зрители рассмеялись, но в аппаратной комнате, за толстым стеклом, продюсер шепнул ассистенту:

— Если он повторит эту шутку еще раз, я решу, что коробка все-таки была.

— Можно вопрос? — неожиданно проговорил доктор Торнли.— Как насчет ваших... скажем так, соперников? Как считаете, не опередят ли они вас?

— Я бы назвал их дружественными конкурентами.

— Правда? — скептически вопросил Килфорд.— Все лавры достанутся тому, кто поднимет корабль первым.

— Мы смотрим в далекое будущее,— произнес Паркинсон.— Наши внуки будут приезжать во Флориду, чтобы изпод воды полюбоваться «Титаником». Они не станут спрашивать, когда его подняли — в две тысячи двенадцатом или в две тысячи двадцатом? Безусловно, хотелось бы успеть к столетию.— Он перевел взгляд на археолога.— Порой я мечтаю отбуксировать «Титаник» в Портсмут и организовать одновременный показ. Было бы замечательно, если бы «Виктория» Нельсона, «Мэри Роуз» Генриха Восьмого и «Титаник» встали рядом. Четыре столетия британского кораблестроения. Как вам такое?

— Я бы с удовольствием посетил экспозицию,— признался Килфорд.— Но сейчас давайте поговорим о более серьезных вещах. По-прежнему ходит много разговоров о... конечно, «святотатство» — сильно сказано... Но что вы ответите тем, кто считает «Титаник» братской могилой и настаивает на его неприкосновенности?

— Я с уважением отношусь к их точке зрения, однако теперь поздновато так рассуждать. К кораблю погружались не одну сотню раз. И нет числа кораблям, унесшим на дно большее количество человеческих жизней, чем наш лайнер. Но люди почему-то возражают именно против подъема «Титаника»! Сколько человек погибло при крушении «Мэри Роуз», доктор Торнли? Разве ваша работа вызвала протесты?

— Погибло около шестисот человек. Почти половина утонувших на «Титанике». А ведь «Мэри Роуз» — крошка в сравнении с этим гигантом! Нет, ни с какими серьезными жалобами мы не столкнулись. Вся страна одобрила операцию. В конце концов, проект финансировался в основном частными фондами.

— Еще один факт, который не все осознают,— добавил Паркинсон.— На «Титанике» погибло не так много людей. Большинство, покинув борт корабля, утонули или замерзли.

— Нет шансов обнаружить тела погибших?

— Никаких. В океане слишком много всевозможных голодных существ.

— Рад, что мы поговорили на эту неприятную тему. Еще один вопрос — быть может, более важный...— Килфорд взял со столика стеклянный шарик и стал катать его, сжав большим и указательным пальцами.— Вы собираетесь опустить в море миллиарды таких стекляшек. Многие неизбежно потеряются. Как это повлияет на экологию?

— Вижу, вы ознакомились с публикациями «Голубой планеты». Мы не нанесем вреда природе.

— Даже если шарики прибьет к берегу и наши пляжи покроются слоем битого стекла?

— Мне бы хотелось пристрелить или нанять на работу автора этих измышлений. Во-первых, пройдут века, если не тысячелетия, прежде чем шарики начнут разлагаться. И пожалуйста, не забывайте: они изготовлены из кремния! Понимаете, во что они превратятся, когда разрушатся? В самый известный загрязнитель пляжей — песок!

— Неплохо. Но как быть с другой опасностью? Что, если их наглотаются рыбы или морские животные?

Паркинсон взял со столика шарик и повертел его в пальцах — точно так же, как Килфорд.

— Стекло не ядовито. Оно химически инертно. Существо, имеющее размеры, позволяющие проглотить шарик, нисколько не пострадает.

С этими словами он отправил стекляшку в рот.

В аппаратной продюсер восторженно уставился на Роя Эмерсона.

— Потрясающе! Но все-таки жаль, что вы не участвовали.

— Парки и один неплохо справился. Думаете, мне удалось бы вставить больше слов, чем этому бедняге, доктору Торнли?

— Пожалуй, нет. А проглатывание шарика — просто блеск. Я бы так не смог. Готов побиться об заклад: теперь все станут называть ваши шарики «пилюлями Парки».

Эмерсон расхохотался.

— Не удивлюсь. А Руперта будут просить повторить фокус всякий раз, как он появится на телевидении!

Эмерсон решил умолчать, что Паркинсон, человек, талантливый во многом, является еще и неплохим фокусником-любителем. Его не удалось бы уличить, даже просмотрев запись в замедленном режиме.

Рой Эмерсон не назвал вторую причину, по которой он предпочел не участвовать в шоу. Он — чужак, а дело обсуждалось семейное.

Два корабля разделяли столетия, но «Мэри Роуз» и «Титаник» имели много общего. Оба судна в свое время стали триумфом гениев британского кораблестроения. Утонув же, они превратились в зрелищные примеры британской некомпетентности.

20
ПУТЕШЕСТВИЕ В МНОЖЕСТВО МАНДЕЛЬБРОТА

«Трудно поверить,— размышлял Брэдли,— что люди действительно жили так всего несколько поколений назад». Поместье Конрой являло весьма скромный образчик замковой архитектуры, но его масштабы поражали любого, кто провел большую часть жизни в маленьких кабинетах, комнатушках мотелей и корабельных каютах. Что уж говорить о глубоководных субмаринах, где из-за невероятной тесноты личная гигиена соседей приобретала критическое значение.

В столовой, потолок которой украшала замысловатая резьба, а стены — огромные зеркала, разместились бы с комфортом человек пятьдесят. Дональд счел нужным объяснить, почему здесь стоит стол всего на четыре персоны, кажущийся таким маленьким и потерянным.

— У нас не было времени приобрести соответствующую мебель. Оставшийся в замке антиквариат оказался в ужасном состоянии. Почти все пришлось сжечь. И дел навалилось по

горло; гостей мы особо не принимали. Когда-нибудь окончательно превратимся в местных аристократов и...

Эдит, похоже, не одобряла болтовню супруга. У Брэдли снова возникло впечатление, что инициатором покупки замка и последующих мероприятий является она, а Дональд неохотно — или, в лучшем случае, пассивно — играет роль подмастерья. Джейсон догадывался, как такое произошло: люди, имеющие деньги на дорогие игрушки, зачастую обнаруживали, что без них жили бы счастливее. А замок Конрой с прилегающими акрами угодий и обслуживающим персоналом — не грошовая безделушка.

Когда слуги (они для Брэдли тоже были в новинку) убрали со стола после восхитительного китайского обеда, специально доставленного из Дублина, гость и хозяева замка перешли в соседнюю комнату. Крейги и Брэдли удобно устроились в креслах.

— Мы вас не отпустим,— объявил Дональд,— без детского руководства по множеству Мандельброта. Эдит за сто метров видит человека, в этом плане девственного.

Брэдли не сомневался в точности прогнозов миссис Крейг. Однако он распознал странные очертания пруда, хотя термин вспомнил, лишь услышав его. В последние десятилетия двадцатого века невозможно было уйти от воплощений множества Мандельброта. Те то и дело возникали на видеоэкранах, обоях, ткани, проявлялись практически во всех видах дизайна. Кто-то определил самые острые симптомы новой болезни словечком «Мандельмания»; Брэдли начал подозревать, что замок Конрой в нынешнем состоянии подходит под это обозначение. Между тем гость приготовился с учтивым интересом выслушать любую лекцию, припасенную хозяевами.

Он чувствовал, что Крейги тоже по-своему проявляют вежливость. Им не терпелось узнать его решение, а ему не терпелось им поделиться.

Брэдли очень надеялся, что ожидаемый звонок прозвучит до того, как он покинет замок...

Он никогда не встречался с типичной фанатичной мамочкой, но видел подобных персонажей в кино. Как же назывался тот старый фильм? Ах, конечно, «Слава»*. В нем мать тоже страстно желала, чтобы ее дитя стало звездой, пусть то и не обладало особым талантом. Однако Брэдли не сомневался, что в случае Крейгов материнская вера оправданна.

— Прежде чем Ада возьмет слово,— сказала Эдит,— хочу сделать несколько замечаний. Множество Мандельброта — сложнейший комплексный математический объект. Однако для его создания требуются лишь простейшие действия — сложение и умножение. Можно обойтись даже без вычитания, не говоря о делении! Вот почему людям, хорошо знающим математику, тяжело его осознать. Они не верят, что модель, состоящая из бесконечного количества деталей, образуется без логарифмических, тригонометрических функций и прочих заумных штук. Невероятно, но в преобразованиях действительно участвует лишь обыкновенное сложение.

— Не понимаю. Если все настолько просто, почему до этого не додумались давным-давно?

— Отличный вопрос! Все логично. Слишком много сложения и умножения, слишком много невероятно больших чисел. Не обойтись без высокоскоростных компьютеров. Если бы Адаму с Евой и всем их потомкам до сегодняшнего дня выдали абаки, большую часть изображений множества все равно не удалось бы получить. Ада же покажет их вам, нажав всего несколько клавиш. Приступай, дорогая...

Хозяева спрятали голографический проектор настолько хитро, что Брэдли не смог определить, откуда проецируется картинка. «Замок стоит населить привидениями,— подумал он.— Будут отпугивать грабителей получше любой сигнализации».

В воздухе возникли две пересекающиеся под прямым углом линии — обычная система координат *x-y*. В четырех на-

* Имеется в виду фильм режиссера Алана Паркера, снятый в 1980 году. В 2009 году выпущен ремейк.

правлениях расходились последовательности чисел — 0, 1, 2, 3, 4...

Ада снова посмотрела на Брэдли в упор. Девочка будто в очередной раз попыталась определить его коэффициент интеллекта, чтобы понять, на каком уровне объяснять очевидные для нее вещи.

— Любую точку на этой плоскости,— начала она,— можно описать двумя числами — координатами *x* и *y*. Понятно?

— Понятно,— торжественно ответил Брэдли.

— Так вот: множество Мандельброта находится в очень маленькой области вокруг нашей точки, не дальше плюс-минус двух единиц по оси абсцисс и ординат. Значения вне этого квадрата не рассматриваем.

Теперь на координатной сетке остались только значения, не превышающие двух по модулю.

— Возьмем любую точку внутри сетки и соединим ее с центром. Измерим длину радиуса и назовем ее *r*.

«Пока мозг не особо напрягается,— подумал Брэдли.— Когда же начнутся сложности?»

— Очевидно, в данном случае *r* принимает значение от нуля до чуть менее трех. Если точнее, не более двух целых восьми десятых. Ясно?

— Ясно.

— Хорошо. Теперь первое упражнение. Берем величину *r* любой точки и возводим в квадрат. И снова возводим в квадрат, и еще раз. Что получается?

— Ада, давай лучше сама. А то испорчу все веселье.

— Если *r* равна единице, результирующая величина не изменится, сколько ни возводи ее в квадрат. Один умножить на один умножить на один — всегда единица.

— Так,— согласился Брэдли. Пока он понимал разъяснения Ады.

— Если число хоть на капельку больше единицы и вы начнете множить его само на себя, то раньше или позже оно улетит в бесконечность, даже если это единица и одна миллионная. Разве что придется долго считать.

Но если наше число хотя бы чуточку меньше одного — скажем, ноль целых, девять девять девять и так далее миллионных,— получится совсем наоборот. Оно будет держаться около единицы, но стоит пару раз возвести его в квадрат, как число вдруг съежится и полетит к нулю. Понятно?

На этот раз Брэдли переваривал медленнее, чем Ада говорила. Он просто кивнул. Гость пока не догадывался, куда ведет эта элементарная арифметика, но цель у нее определенно была.

— Леди, перестань приставать к мистеру Брэдли! В общем, вы видите, что непрерывное возведение чисел в квадрат делит их на два четких множества...

На пересекающихся осях появился кружок. В центре его находилась изначальная точка.

— Внутри круга — числа, исчезающие при умножении самих на себя. За пределами — числа, стремящиеся в бесконечность. Можно сказать, окружность с радиусом, равным единице,— что-то вроде забора, рубежа, разделяющего две области. Множество же точек этой окружности назовем «К».

— «К» — значит «квадрат»?

— Конеч... Да. Теперь нужно сказать кое-что важное. Числа по обе стороны полностью отделены друг от друга. Через границу не способно проникнуть ничто. Но сама она бесплотна. У нее нет толщины. Это линия. Можно увеличивать ее вечно, и ничего не изменится. Правда, вскоре она станет прямой. Вы перестанете замечать изгиб.

— Все это прекрасно,— вмешался Дональд,— но пока Ада излагает азы. Вскоре вы поймете почему. Прости, Ада.

— Продолжим. Чтобы получить множество Мандельброта, нужно сделать малюсенькое изменение. Давайте не просто возводить числа в квадрат. Будем возводить их в квадрат и складывать... возводить в квадрат и складывать. Кажется, особой разницы нет. Но такие действия открывают целую неизведанную вселенную...

Вернемся к единице. Возводим ее в квадрат. Получаем единицу. Складываем один и один. Получаем два.

Два в квадрате — четыре. Прибавляем изначальную единицу. Получаем пять.

Пять в квадрате — двадцать пять, плюс один — двадцать шесть.

Двадцать шесть в квадрате — шестьсот семьдесят шесть. Видите, что происходит? Числа растут с фантастической скоростью. Еще несколько итераций — и они невероятно распухнут. Даже компьютер с трудом справится с ними. А ведь мы начали с единицы! Таково первое важное отличие между множеством Мандельброта и множеством «К», ограниченным единицей.

Но если спуститься до числа намного меньше единицы — скажем, до ноль целых одной десятой... догадываетесь, что произойдет?

— Оно будет стремиться к нулю после первых циклов умножения и сложения.

Ада ответила ослепительной улыбкой, столь редко возникающей на ее губах.

— Обычно так и происходит. Иногда число держится около небольшой фиксированной величины. В любом случае оно находится внутри множества, как в ловушке. И снова все числа плоскости делятся на два класса. Но на этот раз граница посложнее окружности.

— Позвольте вмешаться,— едва слышно сказал Дональд, чем заслужил сердитый взгляд Эдит. Но нахмуренные брови жены его не остановили.— Я спрашивал у людей: каковы, по их мнению, будут очертания линии. Большинство поставило на нечто вроде овала. Но ни один не додумался до верного ответа. Ладно, ладно, леди! Больше не буду прерывать нашего оратора!

— Вот первое приближение,— продолжила Ада, одной рукой перебирая клавиши, а другой подхватив непослушного щенка.— Вы его сегодня уже видели.

На плоскости возникли знакомые Брэдли очертания пруда Мандельброта. Однако теперь картина оказалась намного более детальной. Справа располагалась самая крупная фигура, похожая на сердечко. Ее едва касался маленький кружок, а к последнему прижимался кружочек поменьше. Влево уходила узкая спица, заканчивающаяся на цифре два по оси *x*.

Теперь Брэдли видел, что главные фигуры словно обросли («Будто камни ракушками»,— подумал он) мириадами крошечных кружочков. От многих ракушек расходились в стороны короткие извилистые линии. Рисунок был намного сложнее орнамента прудов в саду. Он выглядел странно, интригующе, но не красиво. Однако Ада и Эдит смотрели на картину зачарованно, с восторгом. Брэдли их восторга не разделял.

— Это полное множество без увеличения,— сказала Ада почти шепотом. Голос ее звучал не так уверенно, как раньше.— Даже при таком масштабе вы видите, насколько оно отличается от простой, имеющей нулевую толщину, окружности, ограничивающей множество «К». Увеличенная до бесконечности, она все равно останется линией — и только. А граница множества Мандельброта пушистая. В ней нескончаемое число деталей. Можно войти в любую, приближать сколько угодно — и всегда найдете что-то новое и неожиданное. Вот, смотрите!

Изображение увеличилось; зрители нырнули в просвет между главной кардиоидой и примыкающим к ней кругом. «Очень похоже на раскрывающуюся застежку-молнию,— отметил Брэдли.— Только очертания у ее зубчиков очень уж необычные».

Сначала зубчики походили на крошечных слонят, размахивающих хоботочками. Потом хоботы мутировали в щупальца. Затем на щупальцах выросли глаза. Дальше, по мере приближения картинки, глаза превратились в черные водовороты бесконечной глубины...

— Сейчас изображение увеличено в несколько миллионов раз,— прошептала Эдит.— Начальный график по масштабам уже больше Европы.

Они проносились вдоль водоворотов, огибали таинственные острова, окруженные коралловыми рифами. Мимо горделиво плыли флотилии морских коньков. В центре экрана появилась крошечная черная точка. Скоро она выросла, и в ней проступили знакомые черты. Еще несколько секунд — и возникла точная копия первоначального множества.

«Здесь мы вошли,— решил Брэдли.— Или нет?» Он сомневался. Глаз улавливал едва заметные различия, но родственное сходство прослеживалось явно.

— Теперь,— продолжила Ада,— изначальная картинка размером с орбиту Марса, а это мини-множество гораздо мельче атома. Но в нем столь же много деталей. И так — до бесконечности.

Увеличение прекратилось. На миг возникло ощущение, будто в пространстве замерло кружево, сотканное из замысловатых петель и завитков. Затем — словно на кружево опрокинули коробку с красками — одноцветное изображение вспыхнуло яркими красками и стало столь ослепительно красивым, что Брэдли ахнул от изумления. Картинка начала уменьшаться. Цвета в микроскопической вселенной постоянно менялись. Никто не произнес ни слова, пока на экран не вернулось изначальное множество Мандельброта — зловеще-черное, очерченное узкой границей золотого пламени и зазубренными голубыми и лиловыми протуберанцами.

— Откуда взялись цвета? — спросил Брэдли, отдышавшись.— Сначала их не было.

Ада рассмеялась.

— Вы правы. На самом деле это не части множества. Но разве они не великолепны? Компьютер по моей команде может окрасить график как угодно.

— Тем не менее цвета не бессмысленны,— пояснила Эдит.— Попробую пояснить их значение. Представляете, как картографы размещают оттенки коричневого и зеленого между контурными линиями, подчеркивая разницу в высотах?

— Конечно. Мы в океанографии поступаем так же. Чем насыщеннее синий цвет, тем больше глубина.

— Верно. В данном случае цвета подсказывают, сколько раз компьютеру пришлось обойти вокруг петли, прежде чем отнести то или иное число к множеству Мандельброта. В пограничных случаях приходится возводить в квадрат и складывать тысячи раз.

— Зачастую операции производятся с числами, состоящими из сотен знаков,— добавил Дональд.— Теперь вы понимаете, почему множество не открыли раньше.

— Действительно, веская причина.

— Теперь смотрите,— сказала Ада.

Изображение ожило. На него словно нахлынули разноцветные волны. Казалось, границы множества непрерывно расширяются, но при этом остаются на месте. Брэдли понял, что в действительности ничего не движется; окраска картины менялась по спектру, создавая убедительнейшую иллюзию движения.

«Кажется, начинаю понимать, как можно подсесть на эту штуку и даже превратить ее в смысл жизни»,— подумал Брэдли.

— Почти уверен,— признался он,— что видел такую программу в своей компьютерной библиотеке, вместе с парой тысяч других. Хорошо, что не удосужился запустить. Боюсь, она бы меня затянула.

Дональд Крейг резко взглянул на жену. Гость запоздало осознал, что замечание прозвучало слегка бестактно. Но Эдит, похоже, по-прежнему пребывала под чарующим действием колышущихся красок, хотя наверняка видела это представление бессчетное число раз.

— Ада,— мечтательно проговорила она,— скажи мистеру Брэдли нашу любимую цитату из Эйнштейна.

«Она многого хочет от десятилетней девочки,— подумал Джейсон.— Даже от такой десятилетней девочки».

Но Ада не растерялась — она, похоже, не терялась никогда. В голосе ее не появилось ни следа монотонности и

механистичности. Она говорила от сердца, понимая каждое слово:

— «Самое прекрасное, что мы способны пережить,— Тайна. Она источник истинного искусства и науки. Кому недоступно чувство загадочного, кто не способен остановиться, удивиться чуду и благоговейно замереть, тот уже мертв».

«Точно сказано»,— согласился про себя Брэдли. Из памяти всплыли картины спокойных ночей на Тихом океане, небо, усыпанное звездами, и мерцающий биолюминесцентный след позади корабля. Он вспоминал, как впервые увидел скопление удивительных существ — таких чужеродных, словно они явились с другой планеты,— собравшихся около раскаленной глубоководной воронки вблизи Галапагосских островов, где медленно расходились друг от друга материковые плиты. Брэдли надеялся, что вскоре ему вновь предстоит испытать благоговение и изумление, когда из бездны, разрезая воду, появится нос «Титаника».

Пляска цветов прекратилась. Множество Мандельброта угасло. И хотя в действительности ничего не произошло, Джейсон почувствовал, что виртуальный экран голографического проектора выключился.

— Теперь вы знаете о множестве Мандельброта больше, чем стоило бы,— проговорил Дональд, взглянув на Эдит.

Брэдли снова ему посочувствовал.

Отправляясь в замок Конрой, он не думал, что испытает здесь это чувство. Более логичной и ожидаемой была бы зависть. Огромное состояние, великолепный дом, талантливая и красивая жена, дочка-вундеркинд — казалось бы, гарантия счастья. Но что-то пошло не так. «Интересно,— размышлял Брэдли,— давно ли они вместе ложились в постель?» Простейшая причина раздора между супругами напрашивалась сама собой. Хотя в таких делах простых причин не бывало...

Он снова взглянул на часы. Наверняка Крейги думали, что гость нарочно уходит от ответа. Так и было. «Мистер генеральный директор, ну скорее же!» — мысленно взмолился Брэдли.

Словно в ответ на свою просьбу, он услышал знакомое жужжание наручного коммуникатора.

— Простите, пожалуйста,— извинился он перед хозяевами.— Нужно ответить на очень важный звонок. Я на минутку.

— Конечно. Мы оставим вас.

Сколько миллионов раз за день происходил этот ритуал! Строгие правила этикета гласят: в случае звонка, предполагающего приватный разговор, посторонние обязаны выразить готовность покинуть комнату. Элементарная же вежливость требует, чтобы помещение, извинившись перед всеми, покинул тот, кому звонят. В результате появились бессчетные варианты поведения в зависимости от обстоятельств и национальностей присутствующих. В Японии, как частенько жаловался Като, формальности зачастую тянулись так долго, что звонивший в итоге возмущенно вешал трубку.

— Извините,— произнес Брэдли, вернувшись с небольшого балкона.— Разговор был насчет нашего дела. Я не мог огласить решение, не переговорив с этим человеком.

— Надеюсь, ответ положительный,— сказал Дональд.— Нам без вас никак.

— Мне тоже хотелось бы поработать с вами, но...

— Парки сделал более выгодное предложение,— с неприкрытым презрением заключила Эдит.

Брэдли спокойно посмотрел на нее и без обиды в голосе возразил:

— Нет, миссис Крейг. Прошу вас, сохраните суммы в секрете. Предложение компании «Паркинсон» весьма щедрое. Но они дают всего половину от того, что посулили вы. А то вознаграждение, которое мне обещали сейчас, раз в десять меньше зарплаты у Парки. Однако я рассматриваю эту сделку очень серьезно.

Наступила тягостная пауза. Тишину в конце концов нарушил смех Ады, прозвучавший очень странно.

— Вы, наверное, рехнулись,— решила Эдит.

Дональд усмехнулся.

— Возможно, так и есть,— кивнул Брэдли.— Сейчас мне не особо нужны деньги. Безусловно, приятно, когда они есть.— Он негромко рассмеялся.— Но хорошего понемножку. Не знаю, слышали ли вы мудрое высказывание едва ли не самого знаменитого человека, погибшего на «Титанике», Джона Джейкоба Астора. Он говорил: «Человек, имеющий миллион долларов, не просто обеспечен. Он богат». За свою карьеру я скопил миллион, и часть его до сих пор лежит в банке. Большего мне не требуется. Если же возникнет нужда, всегда можно спуститься на дно и напугать еще одного осьминога.

Я совсем не рассчитывал на предложение, о котором идет речь. Для меня оно было как гром среди ясного неба. Два дня назад сотрудничество с вами казалось идеальным вариантом.

Враждебность Эдит сменилась подлинным изумлением.

— Вы скажете нам, кто... переплюнул «Ниппон-Тернер»?

Брэдли покачал головой.

— Дайте пару дней; пока есть кое-какие проблемы. Не хотелось бы свалиться с трех стульев.

— Кажется, понимаю,— кивнул Дональд.— Есть лишь одна причина поработать за маленькие деньги. Каждый человек в долгу перед профессией.

— Это цитата?

— Да. Слова доктора Джонсона.

— Мне нравится. Пожалуй, в ближайшие недели придется часто произносить ее. А пока окончательное решение не принято, хочется все обдумать. Позвольте еще раз поблагодарить за гостеприимство — не говоря о вашем предложении. Быть может, я все же приму его. Надеюсь, мы останемся друзьями, даже если не удастся поработать вместе.

Вертолет взлетел над замком. От ветра, поднятого винтами, на поверхности озера Мандельброт появилась рябь. Отражения кипарисов исказились. Брэдли бросили самый серьезный вызов за всю его карьеру. Прежде чем принять решение, следовало полностью расслабиться.

Он точно знал, как это сделать.

21
ДОМ С ХОРОШЕЙ РЕПУТАЦИЕЙ

Статус Новой Зеландии не особо изменился даже с появлением сверхзвукового транспорта. Жители других государств до сих пор воспринимали ее как последнюю остановку перед Южным полюсом. Сами новозеландцы против такого отношения не возражали.

Ева Меррик была исключением. Достигнув зрелого возраста, в ее случае составившего семнадцать лет, она твердо решила поискать счастья в других краях. После трех браков, истрепавших девушку эмоционально, но укрепивших финансово, она нашла место в жизни и считала себя настолько счастливой, насколько возможно.

«Вилла» — под таким названием это место знали разнообразные клиенты — представляла собой красивое поместье в пока не обезображенной части Кента, удобно расположившейся поблизости от аэропорта Гэтуик. Раньше ею владел известный медиамагнат. В свое время он поставил не на ту карту, и в конце двадцатого столетия его компанию, как и многих других конкурентов, смело цифровое телевидение. Попытки восстановить былые капиталы закончились неудачей. Теперь на ближайшие пять лет бывший магнат прописался в правительстве его величества (при условии добропорядочного поведения).

Будучи человеком высоких моральных устоев, он ужасно возмущался тем, во что превратила его собственность мадам Ева, и даже пытался выселить несчастную женщину. Однако адвокаты Евы не уступали юристам магната, а кое в чем даже превосходили их. Мадам до сих пор пребывала на свободе и не имела намерений что-то менять.

Дела на «Вилле» велись четко и скрупулезно. Паспорта девушек, уплата налогов, медицинская страховка и обследования врачей, пенсионные отчисления и прочие бумаги лежали наготове и предоставлялись любому инспектору, коих, как говаривала мадам Ева, набегало — хоть пруд пруди. Но если кто-то из проверяющих рассчитывал на личное вознаграждение, его ожидала неудача.

В общем и целом поприще было благодарное, изобиловавшее эмоциональными и интеллектуальными стимулами. Этические моменты мадам Еву не смущали. Она давным-давно решила, что взрослые люди, достигшие избирательного возраста, имеют право заниматься чем угодно. Лишь бы это не было опасно и не вело к ожирению. И разумеется, никогда нельзя забывать о гигиене.

Больше всего мадам огорчало одно. Общение девушек с клиентами принуждало ее к постоянной ротации персонала. В итоге немалые деньги приходилось тратить на свадебные подарки. Мадам Ева заметила интересную особенность: браки, порожденные «Виллой», оказывались долговечнее заключенных на более привычной почве — и даже подумывала опубликовать статистическое исследование. Оставалось полностью убедиться в достоверности собранной информации. Пока коэффициент корреляции не поднялся до значимого уровня.

Как и следует ожидать от женщины ее профессии, Ева Меррик знала много вещей, неизвестных простым смертным. В основном ей доставались чужие секреты. Но одну тайну, ее собственную, девушка оберегала старательнее прочих. В тайне этой по большому счету ничего зазорного не было. Напротив, она вызывала уважение, однако для дела совсем не годилась. Последние два года Ева совершенствовала свои обширные — и, пожалуй, уникальные — познания в области парафилии. Она заканчивала работу над докторской диссертацией по психологии в Оклендском университете.

С профессором Хинтоном девушка не встречалась, а лишь изредка беседовала по видеофону. При обмене файлами и

сообщениями по Сети оба предпочитали сохранять анонимность. Когда-нибудь... быть может, лет через десять после того, как она решит отойти от дел, диссертацию опубликуют. Конечно, не под настоящим именем. И все имена пациентов, чьи истории болезни девушка собиралась использовать, тоже будут изменены до неузнаваемости. Даже профессор Хинтон не знал их, хотя в ряде случаев догадывался, о ком идет речь.

«Субъект О. Г.— напечатала Ева.— Возраст — пятьдесят лет. Преуспевающий инженер».

Она внимательно смотрела на экран. Инициалы, конечно, изменены с помощью несложного алгоритма, и возраст округлен до ближайшего десятка. Последние же сведения были достоверны: профессия пациента отражает личность, ее нельзя маскировать. К таким подменам Ева прибегала лишь в крайних случаях, когда требовалось замести все следы. Но даже при этом следовало действовать разумно. Нельзя уходить от истины слишком далеко. Если речь шла о всемирно известном музыканте, Ева поступала просто: меняла «пианиста» на «скрипача». Скульптор в ее документах становился живописцем, политик — государственным служащим.

«...В детстве О. Г. часто дразнили. Ученицы школы для девочек, располагавшейся неподалеку, порой ловили его и использовали как наглядное пособие для уроков по мужской анатомии и медсестринскому делу (с согласия подопытного). Часто его бинтовали с ног до головы. О. Г. утверждает, что в их действиях не было и тени эротики, но верится с трудом. Когда ему задают вопросы с пристрастием, он пожимает плечами и отвечает: “Не помню”.

Позднее, будучи подростком, О. Г. стал свидетелем последствий тяжелой катастрофы, унесшей много жизней. Сам он не пострадал, но тот эпизод, судя по всему, наложил отпечаток на сексуальные фантазии молодого человека. Он наслаждается любыми формами связывания (см. список “А”). Также у него развилась легкая форма “комплекса святого

Себастьяна", наиболее ярко проявившаяся у Юкио Мисимы. В отличие от Мисимы, О. Г. гетеросексуален. Результат стандартного фототеста Мэпплторпа* всего 2,5 +/− 0,1.

Тип поведения О. Г. особенно интересен и необычен в связи с тем, что он активная и достаточно агрессивная личность. Такие черты соответствуют должности руководителя организации, действующей в области высококонкурентного бизнеса, связанного с особой ответственностью. Трудно представить его пассивным в любой сфере жизни. Между тем он любит, чтобы мои коллеги оборачивали его бинтами, словно египетскую мумию, делая полностью беспомощным. Лишь тогда, после значительной стимуляции, он способен испытать удовлетворительный оргазм.

Когда я предположила, что таким образом он имитирует смерть, пациент рассмеялся, но не стал отрицать. Его работа зачастую сопряжена с физической опасностью. Возможно, именно поэтому она изначально привлекла его. Однако О. Г. объясняет выбор профессии иными причинами. Кажется, здесь ему можно верить.

"Когда на вас лежит ответственность, измеряемая миллионами долларов, когда от вас зависит жизнь людей, это такое счастье — хоть немного побыть совершенно беспомощным, не имея сил управлять происходящим. Я понимаю, что это игра. Но мне удается делать вид, будто все по-настоящему. Порой я гадаю, насколько понравилось бы мне такое состояние, случись оно взаправду".

"Не понравилось бы",— ответила я, и О. Г. согласился».

Ева еще раз прокрутила запись, ища зацепки, способные выдать личность пациента. «Вилла» специализировалась на знаменитостях, поэтому лучше было перестраховаться, нежели недосмотреть.

Сами клиенты тоже вели себя осторожно. Единственное правило «Виллы» гласило: «Никакой крови на коврах». Ева

* Роберт Мэпплторп (р. 1946) — известный американский фотограф. В ряде его работ запечатлены шокирующие гомосексуальные сцены.

брезгливо поморщилась, вспомнив бывшего клиента, главнокомандующего маленькой страны третьего мира. В припадке страсти он ранил девушку. Мадам приняла извинения и чек с ледяным презрением, а затем поспешно позвонила в министерство иностранных дел. Небось, генерала удивила — да нет, сразила насмерть — причина, по которой британский посол нашел очередной его визит в Соединенное Королевство нежелательным.

Порой Ева вспоминала милейшую сестру Маргариту. Что бы она подумала, узнав о нынешних занятиях одной из своих лучших учениц? В последний раз суровая мадам плакала, получив от матери-настоятельницы письмо с извещением о смерти старой подруги. Ева печально повторила вопрос, чуть было не сорвавшийся с губ в беседе с мудрой воспитательницей: «Почему клятва в вечном целомудрии считается благороднее и святее клятвы в вечном запоре?»

Ева вовсе не желала высмеять старушку монахиню или поколебать устои ее веры. Она всерьез задавалась этим вопросом и хотела получить ответ. Но конечно, хорошо, что он так и не прозвучал.

Сестра Маргарита быстро поняла: малышка Ева Меррик не создана для церкви. Но Ева до сих пор каждый год под Рождество посылала щедрые пожертвования монастырю Святого Иуды.

22
ЧИНОВНИК

«Статья 156
УЧРЕЖДЕНИЕ ОРГАНА
(Это оригинальный текст конвенции, взятый с сайта ООН)

1. Настоящим учреждается Международный орган по морскому дну, деятельность которого регулируется настоящей Частью.

2. Все государства-участники являются ipso facto членами Органа.

<...>

4. Местом пребывания органа является Ямайка.

Статья 158
ОРГАНЫ ОРГАНА

2. Настоящим учреждается Предприятие — орган, через посредство которого Орган осуществляет функции, о которых говорится в пункте 1 статьи 170».

Конвенция ООН по морскому праву.
Принята в Монтего-Бей, Ямайка, 10 декабря 1982 г.

— Прошу прощения за размер жалованья,— извиняющимся тоном проговорил генеральный директор Уилбур Джантц,— но оклады назначаются в соответствии с распоряжениями ООН.

— Понимаю. Как вам известно, я здесь не из-за денег.

— Однако есть ряд значительных побочных выгод. Во-первых, вы получите ранг посла...

— Нужно будет одеваться как посол? Надеюсь, нет. Иначе придется покупать фрак, не говоря о прочей ерунде.

Джантц рассмеялся.

— Не беспокойтесь, о подобных мелочах мы позаботимся. И разумеется, на всех приемах вы будете присутствовать как VIP. Это довольно приятно.

«Я уже давным-давно повсюду VIP»,— подумал Брэдли, но тактично промолчал. Несмотря на весь свой опыт, здесь он был новичком, и даже, пожалуй, насчет послов шутить не стоило...

Генеральный директор просматривал строчки, бегущие по настольному дисплею. Время от времени он нажимал на паузу, чтобы детальнее изучить какие-то сведения. Брэдли с радостью уступил бы значительную часть дохода новым работодателям за возможность взглянуть на этот файл. «Интересно,— думал он,— знают ли они о тех временах, когда мы с Тедом "подсолили" тот затонувший корабль неподалеку от Делоса фальшивыми амфорами? Нет, совесть меня не грызет: *неприятности свалились на людей, вполне их заслуживших*».

— Должен сообщить,— проговорил генеральный директор,— что возникла небольшая проблема. Не мое дело об этом беспокоиться, но некоторые из, скажем так, агрессивно настроенных государств — членов организации не особо обрадуются кое-какому пункту вашей трудовой биографии. Вы сотрудничали с ЦРУ.

— Тридцать с лишним лет назад! Я даже не представлял, что работаю на управление. И узнал совсем не скоро. Меня вербовали простым матросом, мать честная... Думал, что поступаю на службу в корпорацию «Хьюз Сумма». Собственно, так и было.

— Не волнуйтесь. Я упомянул об этом на всякий случай — вдруг кому-то взбредет в голову поднять архивы, в чем я сильно сомневаюсь. В остальном ваши рекомендации блестящи. Это отметил даже Баллард*.

— Вот как?

— Он назвал вас лучшим из этой банды негодяев.

— Похоже на Боба.

Генеральный директор вернулся к просмотру досье. Через некоторое время он задумчиво взглянул на Брэдли.

— К вашему назначению мои слова не имеют отношения. Прошу извинить, если покажусь бестактным. Хочу поговорить с вами как мужчина с мужчиной...

«Ну, привет,— подумал Брэдли.— Разнюхали насчет "Виллы"! Как им удалось пробить кордон безопасности Евы?»

— Судя по всему, вы более двадцати лет не контактировали с сыном и его матерью. Если хотите, мы поможем наладить отношения.

* Роберт Баллард (р. 1942) — американский ученый, океанограф. Прославился тем, что нашел затонувший «Титаник».

На миг у Брэдли к горлу подступил ком. Стало трудно дышать. Он слишком хорошо знал, что последует дальше. Парализующий страх — злейший враг водолазов.

Он привел себя в норму точно по инструкции: медленно и глубоко дыша. Генеральный директор Джантц, догадавшись, что разбередил старую рану, сочувственно ждал ответа.

— Благодарю,— наконец выговорил Брэдли.— Я бы предпочел этого не делать. У них... все в порядке?

— Да.

Больше ему ничего не требовалось знать. Время невозможно повернуть назад. Он с трудом вспоминал того мужчину — да нет, мальчишку! — каким был в двадцать пять, когда наконец поступил в колледж. И — в первый и последний раз — влюбился.

Кто во всем виноват, Брэдли так и не понял. Теперь это не имело значения. Они без труда могли с ним связаться, если бы захотели. Интересно, малыш когда-нибудь думал о нем, вспоминал те дни, когда они вместе играли? У Брэдли защипало глаза, и он отогнал воспоминания.

Порой Джейсон размышлял, узнает ли Джулию, если встретит на улице. Он уничтожил все ее фотографии (но зачем-то сохранил один снимок Джейсона-младшего) и не мог четко вспомнить ее лицо. Супружество оставило незаживающие раны на психике, но он научился жить с ними — не без помощи (в чем он честно признавался себе) мадам Евы. Ритуал, устраиваемый на «Вилле», приносил умственное и физическое облегчение. Он позволял нормально жить и эффективно работать. За это Брэдли благодарил Еву.

Теперь в жизни появился новый интерес — и новый вызов. Джейсону Брэдли предстояло занять пост заместителя начальника отдела Атлантики Международного органа по морскому дну. Он представлял, как бы хохотал до упаду Тед Коллинз, узнай он о такой метаморфозе. Да уж, старая пословица насчет того, что браконьеры становятся лучшими лесничими, оказалась правдивой.

— Я попросил доктора Цвикера зайти и поздороваться. Вам предстоит работать рука об руку. Вы встречались раньше?

— Нет. Но конечно, я его часто видел. В последний раз — вчера, на канале «Новости науки». Он анализировал план Паркинсона. Высказался нелестно.

— Между нами: он нелестно высказывается обо всем, что не придумал сам. Чаще всего оказывается прав, однако такое поведение не располагает к нему коллег.

Большинство людей иронизировали на тему того, что ведущий океанограф планеты родился в альпийской долине, и ходило немало шуток насчет могущества швейцарского флота. Однако батискаф изобрели в Швейцарии. Этот факт крыть было нечем. Длинная тень Пикара до сих пор ложилась на всю современную водолазную технику.

Генеральный директор посмотрел на часы, перевел взгляд на Брэдли и улыбнулся.

— Если бы мне позволяла совесть, я бы выиграл состояние на тотализаторе.

Он начал тихо отсчитывать секунды. Как только Джанц произнес «один», в дверь постучали.

— Понимаете, о чем я? — спросил он у Брэдли.— Есть поговорка: «Время — швейцарское искусство». Входи, Франц,— пригласил он.

Ученый и инженер уважительно пожали руки. Оба знали о репутации друг друга, и каждый гадал: «Мы станем коллегами или соперниками?»

— Добро пожаловать на борт, мистер Брэдли. Нам о многом нужно поговорить,— сказал профессор Франц Цвикер.

23
ЗВОНКИ В СТУДИЮ

— Вряд ли на планете найдется человек,— начал Маркус Килфорд,— не знающий, что до столетия гибели «Титаника» осталось всего четыре года. И едва ли не каждый слышал о планах подъема затонувшего корабля. Я вновь рад приветствовать здесь трех лидеров столь амбициозного проекта. Беседовать с ними мы будем по очереди. Затем вы сможете позвонить и задать вопросы. В нужный момент внизу экрана появится номер телефона студии.

Джентльмен слева от меня — знаменитый подводный инженер Джейсон Брэдли. О его встрече с гигантским осьминогом на ньюфаундлендских нефтяных разработках уже слагают легенды. Сейчас он представляет Международный орган по морскому дну и отвечает за все операции с затонувшим кораблем.

Рядом с ним — Руперт Паркинсон. Этот человек чуть было не добыл для Англии кубок Америки в прошлом году (очень жаль, что вам не удалось победить в регате, Руперт). Его фирма готовится к поднятию носовой части корабля. Как известно, она крупнее отколовшейся кормы.

Справа от меня — Дональд Крейг. Он сотрудничает с корпорацией «Ниппон-Тернер» — крупнейшей на данный момент медийной сетью. Дональд расскажет о планах подъема задней части корабля, продержавшейся на поверхности дольше носовой. Корма унесла с собой под воду большинство погибших в ту незабываемую ночь, девяносто шесть лет назад...

Мистер Брэдли, не будет ли справедливо назначить вас на роль рефери? Вы могли бы проследить, чтобы два этих джентльмена не жульничали во время состязания?

Паркинсон и Крейг в унисон запротестовали. Килфорду пришлось поднять руку, успокаивая их.

— Прошу вас, друзья! Вам дадут слово. Пусть первым выскажется Джейсон.

«Отлично, меня вырядили дипломатом,— подумал Брэдли.— Пожалуй, придется играть по правилам. Килфорд хочет нас раззадорить — это его работа. Не нужно хорохориться. Спокойствие, только спокойствие».

— Я не считаю нашу встречу состязанием,— осторожно ответил Брэдли.— По планам обеих сторон подъем «Титаника» состоится в середине апреля две тысячи двенадцатого года.

— Именно пятнадцатого апреля? Обе части?

Ведущий затронул больную тему. Брэдли не особо желал обсуждать ее публично. Он долго вдалбливал руководству МОМД простую мысль: не следует устраивать глупостей типа фотофиниша. Две столь крупные подъемные операции ни в коем случае нельзя проводить одновременно, тем более на расстоянии в один километр. Слишком велик риск катастрофы. Попытка провернуть два сложных дела одновременно — прекрасный рецепт провалить оба.

— Позвольте кое-что уточнить,— проговорил Паркинсон и, не дожидаясь разрешения, продолжил: — Мы не собираемся поднимать свою половину «Титаника» на поверхность. Носовой части суждено навсегда остаться под водой, иначе коррозия ее мгновенно уничтожит. Мы не устраиваем телешоу.

Он старался не встречаться взглядом с Крейгом и не смотреть в камеру.

«Жалко Дональда,— вздохнул про себя Брэдли.— Им стоило отправить Като, чтобы сравнять силы. Насладились бы настоящим шоу. Что он, что Руперт — мастера в сардонической учтивости. Старались бы превзойти друг друга изо всех

сил, но донельзя по-джентльменски». Брэдли досадовал, что не может помочь Крейгу. Он испытывал к Дональду теплые, почти отцовские чувства. Но не следовало забывать: роль дипломата обязывает сохранять дружественный нейтралитет.

Крейг нервно поерзал в кресле и обиженно взглянул на Паркинсона. Килфорд явно потирал руки от радости.

— Что скажете, мистер Крейг? Не намереваетесь ли вы заснять сие величественное зрелище — всплывающую из-под воды корму, объятую искусственным айсбергом?

Именно так собирался поступить Като, хотя ни разу не заявлял об этом прилюдно. Но в глобальной электронной дере́вне срок жизни подобных тайн исчисляется миллисекундами.

— Вы правы,— робко проговорил Дональд,— мы действительно планируем поднять корму над уровнем моря. Однако пробудет она там недолго...

— Но достаточно для создания зрелищных кадров?

— ...поскольку мы, как и вы, Руперт, отбуксируем ее под водой к месту последнего упокоения, к Токио-на-море. Коррозия нашей поло́вине лайнера не грозит; основная часть металлических конструкций будет заключена в глыбу льда, и их температура приблизится к точке замерзания.— Дональд на секунду умолк. Его губы тронула неторопливая улыбка.— Кстати,— проговорил он,— слышал, вы тоже собираетесь делать съемку для телевидения? Ходят слухи, что к «Титанику» опустятся аквалангисты, как только он достаточно приблизится к поверхности. Мистер Брэдли, на какой глубине возможно провернуть подобное?

— Зависит от того, чем будут дышать водолазы. До тридцати метров используют воздух. Сто метров и ниже — дыхательные смеси.

— Чудесно. Не сомневаюсь: добрая половина спортсменов-аквалангистов со всего мира пожелает навестить «Титаник» задолго до его прибытия во Флориду.

— Дональд, вы подкинули отличную идею,— дружелюбно откликнулся Паркинсон.— Я непременно ее обдумаю.

— Что ж, теперь, когда лед тронулся,— ха-ха! — давайте поговорим о деле. Дональд и Руперт, прошу вас рассказать, на каком этапе сейчас ваши проекты. Конечно, я не требую раскрывать профессиональные тайны. Затем хотелось бы, чтобы Джейсон прокомментировал ваши рассказы, если он не против. Начнем по алфавиту. Слово вам, Дональд!

— Ну... гмм... проблема в том, что корма сильно пострадала. Налицо серьезные разрушения. Заключить ее в глыбу льда — единственный разумный способ поднять и отбуксировать заднюю часть как единое целое. Мы все прекрасно помним, что лед легче воды, он хорошо держится на поверхности. Об этом, видимо, забыл капитан Смит в тысяча девятьсот двенадцатом.

Мои друзья в Японии разработали очень эффективный метод замораживания морской воды с помощью электрического тока. Температура вблизи дна почти равна нулю. Потребуется совсем небольшое понижение.

Мы разработали кабели с нейтральной плавучестью и термоэлектрические элементы. Подводные роботы начнут устанавливать их через несколько дней. Сейчас ведутся переговоры насчет поставки электричества. Надеемся в ближайшее время подписать контракты.

— Вы изготовите глубоководный айсберг, и что дальше?

— Э... эту тему я бы предпочел не обсуждать сейчас.

Присутствующие наверняка решили, что Дональд увиливает от ответа. Но он действительно не знал, каков дальнейший план. Вопрос его обескуражил. Что Като имел в виду, когда они разговаривали последний раз? Наверняка японец пошутил. С его стороны было не очень вежливо оставлять партнеров во мраке неведения...

— Хорошо, Дональд. Джейсон, желаете прокомментировать?

Брэдли покачал головой.

— Нечего добавить. Проект дерзкий, но наши ученые не видят в нем изъянов. Безусловно, здесь есть... как бы выразиться... поэтическая справедливость.

— Руперт?

— Согласен. Идея красивая. Остается надеяться, что она сработает.

Паркинсон мастерски разыграл искреннее сожаление по случаю возможной неудачи соперников. На самом деле он ждал именно такого исхода.

— Руперт, ваша очередь. На каком вы этапе?

— Мы используем очень простую технику, никакой экзотики. «Титаник» покоится на глубине, где давление во много раз превышает атмосферное. Непрактично закачивать в корпус воздух. Для подъема мы намерены применить полые стеклянные шарики, собрав их в сетки определенного размера. Их плавучесть не зависит от глубины. Некоторые пачки разместят в важнейших точках корпуса корабля ДУ — простите, дистанционно управляемые устройства. Но большая часть будет прикреплена к подъемной люльке, которую мы подведем под корпус.

— Но как вы собираетесь соединить корпус с люлькой? — вмешался ведущий.

«Килфорд зря времени не терял, хорошо подготовился,— восхитился Брэдли.— Любой дилетант счел бы подобный момент само собой разумеющимся, не обратил бы на него внимания. Однако эта деталь — ключ ко всей операции».

Улыбка Паркинсона растянулась от уха до уха.

— Дональд бережет свои маленькие секреты, позвольте и нам сохранить свои. В ближайшее время мы проведем кое-какие испытания. Джейсон любезно согласился за ними понаблюдать — правда, Джейсон?

— Да, если флот США одолжит «Марвин». Увы, у МОМД нет собственных глубоководных субмарин. Но мы над этим работаем.

— Хотелось бы в один прекрасный день совершить погружение вместе с вами... пожалуй,— мечтательно проговорил

Килфорд.— У вас есть возможность поддерживать видеосвязь до самого дна?

— Разумеется. С помощью оптоволоконного кабеля. В нашем распоряжении несколько комплексов с мониторами.

— Блестяще. Начну уговаривать продюсера. Так... Вижу, поступило немало звонков. Первый звонок от мистера... о, простите, от мисс... Чандрики де Сильва из Ноттинг-Хилл-Гейт. Слушаем вас, Чандрика...

24
ЛЕД

— Это потребительский рынок,— произнес Като с нескрываемой радостью.— США и СССР наивно пытаются выторговать лучшие условия. Если упереться рогом, думаю, и те и другие заплатят, чтобы мы забрали у них радиоактивные игрушки.

На другом краю Земли Крейги видели Като с помощью последнего чуда коммуникационной техники. «ПОЛАР-1», представленный с большой помпой около месяца назад, был первым оптоволоконным кабелем, проложенным под арктической полярной шапкой. Пропала необходимость в долгой передаче сигнала на геостационарную орбиту, исчезла совсем небольшая, но раздражающая задержка сигнала. Работа глобальной телефонной системы значительно улучшилась. Собеседники больше не перебивали друг друга, не тратили время на ожидание ответа. Как сказал генеральный директор компании «ИНТЕЛСАТ», улыбаясь сквозь слезы: «Теперь спутникам связи можно поручить работу, предназначенную для них Господом Богом,— обслуживание самолетов, кораблей и автомобилей. И как приятное дополнение — удовлетворение нужд любителей прогуляться на свежем воздухе».

— Вы уже договорились? — спросил Дональд.— Заключили сделку?

— К концу недели уточним детали. Один русский, один янки. Потом они начнут выяснять, кто лучше сработает для

нас. По мне, это приятнее, чем перебрасываться ядерными ракетами.

— Бесспорно.

— Британцы и французы тоже пытаются внедриться. Нам это только на руку. Поможет вести торги. Думаю, удастся подписать кого-то из них в качестве наблюдателя. Или если потребуется ускорить ход операции.

— Чтобы держаться вровень с Парки и компанией? Или вы хотите поднять нашу часть раньше?

Последовала долгая пауза. Ее хватило бы на передачу сигнала до Луны и обратно.

— Прошу вас, Эдит! — укоризненно проговорил Като.— Я имел в виду форс-мажорные обстоятельства. И мы, и Паркинсоны обещали МОМД осуществить подъем между седьмым и пятнадцатым апреля две тысячи двенадцатого года. Нужно уложиться в указанные сроки — вот и все.

— Это реально?

— Позвольте показать вам маленькое домашнее видео. Буду крайне признателен, если вы не станете включать запись. Версия не окончательная. Хотелось бы услышать замечания на текущем этапе.

Японские киностудии давно и заслуженно имели отличную репутацию в вопросах работы с моделями и спецэффектами. «Сколько раз Токио разрушали чудища всех мастей?» — подумал Дональд.

Авторы ролика идеально смоделировали детали корабля и морское дно; они учли даже оптические эффекты, создаваемые водой. У человека, не знающего, что видимость на глубине едва достигает ста метров, не возникло бы сомнения в реальности происходящего на экране.

Полуразрушенная задняя часть «Титаника» — примерно треть корабля — лежала на плоской илистой равнине. Ее окружали обломки, образовавшиеся, когда судно раскололось надвое. Состояние самой кормы было сносным, несмотря на частично отсутствующую верхнюю палубу. Однако остальное выглядело так, словно по лайнеру ударили

гигантским молотом. Из морского дна выглядывала лишь половина руля. Два гигантских винта из трех полностью засосало в ил и песок, и спасти их из плена представлялось колоссальной проблемой.

— Правда, неважно выглядит? — весело проговорил Като.— Теперь смотрите.

Мимо медленно и лениво проплыла акула. Неожиданно она заметила воображаемую камеру и испуганно ретировалась. «Неплохо»,— отметил Дональд и мысленно поздравил аниматоров.

Скорость воспроизведения видео увеличилась. В правом нижнем углу картинки замелькали цифры. Секунда на экране равнялась часу в жизни. Сверху спустились тонкие стержни и, соединившись между собой, образовали сетчатую раму вокруг останков корабля. К полуразрушенному корпусу протянулись толстые кабели.

День четырехсотый. Прошло больше года. Вода, до этого мгновения невидимая, приобрела белесый, молочный оттенок. Сначала верхняя часть кормы, затем искореженная обшивка корпуса, потом все остальное до самого дна медленно исчезло в огромном облаке сверкающей белизны.

— День шестисотый,— гордо возвестил Като.— Самый большой кубик льда в мире. Правда, форма у него не совсем кубическая. Представьте, как после этого встрепенутся продажи морозильников!

«В Азии — может быть,— подумал Дональд.— Но не в Великобритании, а тем более не в Белфасте...» Протесты слышались уже сейчас. Отовсюду доносились вопли вроде «святотатство!». Начались угрозы бойкотировать все японское. Что ж, это проблема Като, и он ее отлично осознавал.

— День шестьсот пятидесятый. Морское дно на несколько метров ниже винтов теперь так же укреплено, как и корпус. В ледяную глыбу заключено все, что требовалось. Остается лишь поднять ее на поверхность. Лед даст только часть необходимой плавучести. Поэтому...

— ...поэтому придется выпрашивать у Парки несколько миллиардов стеклянных шариков.

— Хотите — верьте, хотите — нет, Дональд, но мы подумывали самостоятельно изготовить эти шарики. Но копировать западную технологию? Увольте!

— И как вы собираетесь выкручиваться?

— Очень просто. Наш путь — высокие технологии. Пока никому не говорите. Мы собираемся поднять «Титаник» с помощью ракет.

25
ДЖЕЙСОН-МЛАДШИЙ

Редко, но случалось, что у заместителя директора Международного органа по морскому дну, ведавшего Атлантикой, не было официальных дел, поскольку обе операции по подъему «Титаника» шли гладко. Однако Джейсон Брэдли не относился к породе людей, наслаждающихся бездельем.

О доходах ему переживать не приходилось. Проценты от капиталовложений в разы превышали жалованье в МОМД, и Брэдли считал себя до некоторой степени вольнонаемным агентом. Пусть другие сидят в крошечных кабинетах, а Джейсон Брэдли снимался с места, когда хотел, и посещал любые интересующие его подразделения. Генеральному директору он сообщал о своих отлучках через раз. Его всюду встречали с распростертыми объятиями. Слава Брэдли шла впереди него. Начальники других отделов смотрели на него скорее как на экзотичного гостя, нежели как на соперника.

Четыре других исполнительных директора (по Тихому, Индийскому, Ледовитому океанам и Антарктике) охотно знакомили его с тем, что происходит в их владениях. Ничего странного: им пришлось объединиться в борьбе с общим врагом — глобальным поднятием уровня моря. После десятка с лишним лет споров, зачастую весьма желчных, было достигнуто согласие: Мировой океан поднимается на один-два сантиметра в год.

Члены «Голубой планеты» и другие «зеленые» винили во всем человечество; ученые сомневались в их правоте. Да, миллиарды тонн углекислоты от теплоэлектростанций и автомобилей вносят некоторый вклад в пресловутый «парниковый эффект», но третейским судьей в этом вопросе по-прежнему имеет право выступать только Матушка-Природа. Самые героические попытки людей изгадить атмосферу не идут ни в какое сравнение с вредом от извержения одного крупного вулкана. Но людям, чей дом мог погибнуть еще при их жизни, не было дела до заумных споров.

Многие считали главного научного сотрудника МОМД Франца Цвикера ведущим океанографом в мире. Он с этим мнением не спорил. Первым, на что обращали внимание посетители, входя в его кабинет, была обложка журнала «Тайм» с заголовком «Адмирал океана». И ни одному гостю не удавалось уйти без лекции об операции «Нептун» или, в лучшем случае, без ее рекламы.

«Стыд и срам,— любил говаривать Цвикер.— У нас столько фотоснимков Луны и Марса, где видно все до мельчайшего кратера... А большая часть родной планеты людям до сих пор не известна! В надежде добиться прорыва в медицине — когда-нибудь, в необозримом будущем! — тратятся миллиарды на картирование человеческого генома. Безусловно, это очень важно; но съемка океанического дна с разрешением до метра окупится мгновенно. С камерой и магнитометром мы могли бы обнаружить все когда-либо затонувшие корабли, со времен зари мореплавания!»

Обвиняющим его в мономании Цвикер с удовольствием отвечал излюбленной цитатой из Эдварда Теллера*: «Вы не совсем правы. У меня несколько мономаний».

Однако операция «Нептун» определенно доминировала среди маний ученого. Пообщавшись с ним несколько месяцев, Брэдли сам отчасти начал ею страдать — в то время, когда голова была свободна от мыслей о «Титанике».

* Эдвард Теллер (1908–2003) — американский физик, непосредственный руководитель работ по созданию американской водородной бомбы.

В результате, после долгих месяцев мозгового штурма и работы в программе КАДКАМ, породившей материалы объемом в множество гигабайт, инженеры создали экспериментальное автономное устройство для исследования морского дна дальнего радиуса действия — «Марк-1». Официальное сокращение «ЭАУИМДДРД» продержалось неделю. Потом его быстренько заменили...

— Не очень-то он похож на папочку,— заметил Рой Эмерсон.

Брэдли эта шутка порядком поднадоела, но никто из коллег, кроме генерального директора, не догадывался почему. Обычно ему удавалось кисло улыбаться, демонстрируя последнее лабораторное чудо очень-очень важным персонам. Гостей менее важных брал на себя руководитель отдела по связям с общественностью.

— Никто не верит, но он назван не в мою честь. Робот, впервые побывавший внутри «Титаника», принадлежит Военно-морскому флоту США. Его назвали «Джейсоном-младшим» по чистой случайности. Так уж вышло, что странное имечко стало ассоциироваться со мной.

Но этот, принадлежащий МОМД «Джейсон-младший» гораздо сложнее аппарата штатовских вояк. Он полностью автономен: может работать сам по себе несколько дней — или недель — без вмешательства человека. Первым «Джейсоном» управляли через кабель. В свое время его назвали щенком на поводке. Мы же обошлись без поводка. Наш друг самостоятельно отправляется на охоту и гуляет по дну Мирового океана, принюхиваясь ко всему, что ему представляется интересным.

«Джейсон» лишь немного превосходил человека по размеру и имел форму толстой торпеды. Он был оснащен камерами, объективы которых смотрели вперед и вниз. Двигался робот при помощи одного многолопастного винта и нескольких маленьких реактивных двигателей, позволявших маневрировать. В различных обтекаемых выступах хранились ин-

струменты. Но манипуляторы, столь типичные для дистанционно управляемых устройств, у аппарата отсутствовали.

— Он что, без рук? — удивился Эмерсон.

— Зачем они? Без них дизайн получился более четким, обеспечивающим большую скорость и радиус действия. «Джейсон-младший» — лишь разведчик; мы всегда можем отправиться туда, где он обнаружит что-то интересное, будь то на дне или ниже. Он оборудован магнетометром и сонаром.

«Джейсон» впечатлил Эмерсона; такая машина не могла не восхитить человека, наделенного изобретательским инстинктом. Короткий период славы, принесенной «волновыми дворниками», давно миновал. К счастью, деньги, пришедшие вместе с ним, не испарились.

Похоже, Эмерсон оказался «человеком одной идеи»; позднейшие его изобретения все до одного оказались неудачными. Широко разрекламированный эксперимент по забрасыванию полых стеклянных шариков в корпус «Титаника» через трубу, наполненную воздухом, породил много споров. Опыты пока шли не слишком удачно. Эмерсонова «дыра в море» упрямо не желала оставаться открытой; шарики блокировали ее почти полностью на полпути до дна. В итоге опускались они так хило и медленно, что польза от трубы сводилась к нулю.

Паркинсоны ужасно расстраивались, а Эмерсон жутко неловко чувствовал себя на последних заседаниях совета директоров. Что и говорить, английские аристократы умели довести человека до отчаяния. Уже несколько недель даже Руперт общался с Эмерсоном лишь сухими официальными фразами.

Но самым страшным было не это. Хуже оказался удар, нанесенный насмешливым вашингтонским мультипликатором, создавшим безумный мультик «Томас Альва Эмерсон»*.

* Фамилия героя соединена с именем знаменитого изобретателя Томаса Альвы Эдисона.

Герой сего произведения своими кошмарными идеями посрамил бы даже Руба Голдберга*. Перечень изобретений начинался с моторизированной «молнии», продолжался цифровой зубной щеткой и кардиостимулятором на солнечных батарейках. Когда дело дошло до спидометров, устроенных по системе Брайля и предназначенных для слепых мотоциклистов, Рой Эмерсон обратился за советом к адвокату.

— Выиграть иск против кинокомпании,— произнес Джо Уикрэм,— так же легко и просто, как написать «Отче наш» на рисовом зернышке фломастером. Их защитник будет разглагольствовать о положительных отзывах в прессе и интересе общественности. Затем примется цитировать длиннющие отрывки из Билля о правах. Конечно,— мечтательно добавил он,— я бы рад схватиться с этими прожженными акулами адвокатского мира. Всегда мечтал поучаствовать в деле, которое будет слушаться в Верховном суде.

Эмерсон благоразумно отказался от предложения Уикрэма. Мультипликационная атака имела одно положительное последствие. Паркинсоны — все до одного — решили, что нападки несправедливы, и грудью встали на защиту Роя. И хотя к его инженерным предложениям перестали относиться всерьез, ему поручали ознакомительные задания типа сегодняшнего.

У скромного научно-исследовательского центра МОМД на Ямайке, открытого для всех, секретов не было. Здесь — по крайней мере, теоретически — мог получить консультацию любой, чья деятельность каким-либо образом имела отношение к морю. Самыми известными клиентами центра являлись представители компаний «Паркинсон» и «Ниппон-Тернер». Они наведывались на Ямайку за советами по осуществлению своих проектов. И те и другие использовали любую возможность, чтобы разведать, как идут дела у конкурентов. Они предусмотрительно избегали конфликтов по поводу сроков подъема «Титаника», но порой у обеих сторон вырывались не слишком удачные фразы типа: «Не ожидал встретить здесь вас!» В зале ожидания аэропорта Кингстона Рою Эмерсону показалось, что он видит человека из окружения Като.

* Руб Голдберг (1883–1970) — художник и скульптор, изобретавший очень сложные механизмы для исполнения простых задач.

Сотрудники МОМД, конечно, прекрасно знали обо всех подводных течениях в отношениях конкурентов и при случае пользовались ими в своих интересах. Франц Цвикер обожал продвигать собственные проекты, устраивая все так, чтобы оплачивали их другие. Брэдли радовался сотрудничеству, особенно если удавалось лишний раз опробовать «Джейсона-младшего». С такой же готовностью он давал короткие интервью и вручал всем подряд глянцевые брошюрки с описанием операции «Нептун».

— ...Как только мы усовершенствуем программное обеспечение,— рассказывал Брэдли Эмерсону,— робот сможет обходить препятствия и действовать самостоятельно в чрезвычайных ситуациях. Тогда мы выпустим его, так сказать, без привязи. Он создаст такие подробные карты морского дна, каких человечество еще не видело. По окончании работы «Джейсон» поднимется на поверхность. Мы его подберем, перезарядим аккумуляторы и выгрузим собранные данные. Потом он снова погрузится в океан.

— А если, к примеру, робот встретится с большой белой акулой?

— Мы это предусмотрели. Акулы редко атакуют что-то незнакомое. Да и вид у «Джейсона-младшего» не самый аппетитный. Его сонары и электромагнитные импульсы способны отпугнуть большинство хищников.

— Где и когда вы намерены тестировать его?

— Начнем в следующем месяце, в местах, карты которых у нас уже есть. Затем переберемся на континентальный шельф. А потом — на Гранд-Бэнкс.

— Не думаю, что вблизи от «Титаника» вы обнаружите что-то новое. Обе части корабля сфотографированы с точностью до квадратного миллиметра.

— Верно. Но нас интересует другое. «Джейсон» способен исследовать дно не менее чем на двадцать метров ниже его

поверхности. Такого на месте крушений кораблей раньше никто не делал. Бог знает, что там прячется. Даже если ничего, эксперимент покажет возможности «Джейсона-младшего», и это послужит значительным толчком для продвижения проекта. Через неделю я отправляюсь на «Эксплорер». Хочу все подготовить. Сто лет не бывал на нем. Парки... то есть Руперт собирается мне что-то показать.

— Да, точно,— усмехнулся Эмерсон.— Мне нельзя об этом говорить, но не могу удержаться. Мы нашли истинное сокровище «Титаника». Именно там, где оно должно находиться.

26
КУБОК МЕДИЧИ

— Интересно,— прокричал Брэдли, стараясь перекричать рев и лязг моторов,— вы осознаете стоимость сделки? Постройка корабля стоила почти четверть миллиарда, а для тех времен миллиард долларов был настоящими деньгами.

Руперт Паркинсон щеголял новеньким, с иголочки, яхтсменским костюмом. Картину дополнял защитный шлем. Подобное облачение казалось совсем неуместным рядом с техническим бассейном «Гломар Эксплорера». Прямоугольник маслянистой воды площадью больше теннисного корта окружали массивные подъемные механизмы и прочие машины. Внешний вид большей части из них выдавал солидный возраст оборудования. В глаза бросались следы поспешного ремонта, мазки антикоррозийной краски и зловещие таблички «НЕ РАБОТАЕТ». Однако в основном аппаратура все же функционировала; Паркинсон уверял, что в плане ремонта они опережают график.

«Трудно поверить,— думал Брэдли.— Последний раз я стоял здесь и смотрел на этот прямоугольный бассейн тридцать пять с лишним лет назад. Но годы будто прошли мимо... однако сейчас тяжело вспомнить того салагу, что совсем недавно подрядился на первую в жизни серьезную работу. Уверен, он и не мечтал заниматься тем, что сейчас делаю я».

Все сложилось лучше, чем ожидал Брэдли. За десятки лет сражений с юристами из ООН, полным набором чиновников из государственных департаментов и лидерами экологических движений он постепенно привык к мысли, что все они — неизбежное зло.

Дни «Дикого Запада» на море миновали. Было время, когда на глубине ниже сотни морских саженей законы не действовали; теперь Брэдли сам стал шерифом, и, к немалому его удивлению, новая должность радовала бывшего пирата. Кое-кто из прежних коллег называл его преображение «перепрофилированием».

Кроме прочего, теперешний статус Джейсона Брэдли подчеркивал взятый в рамочку и повешенный на стенку кабинета сертификат от общества «Голубая планета». Он висел рядом с фотографией, подаренной Брэдли много лет назад знаменитым пожарным Адером Рыжим, боровшимся с огнем на нефтеразработках. Фотография была подписана: «Джейсон, разве не здорово, когда тебе докучают страховые агенты? Всего наилучшего. Рыжий».

Текст сертификата от «Голубой планеты» звучал более торжественно:

ДЖЕЙСОНУ БРЭДЛИ —
В БЛАГОДАРНОСТЬ
ЗА ГУМАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ
С УНИКАЛЬНЫМ СУЩЕСТВОМ —
OCTOPUS GIGANTEUS VERRILL

Не реже раза в месяц Брэдли покидал кабинет и летел на Ньюфаундленд — в провинцию, прежде гораздо больше соответствовавшую своему названию*. После старта двух проектов мир стал проявлять все больше внимания к драме, разыгравшейся на Гранд-Бэнкс. Начался обратный отсчет времени до две тысячи двенадцатого года. Делались ставки на победителя в «Гонке за “Титаником”».

* Newfoundland *(англ.)* — буквально «только что обнаруженная земля».

Но существовала еще одна причина для состязаний, более острая...

— Что меня раздражает по-настоящему,— проговорил Паркинсон, когда они отошли подальше от хаотичного шума,— так это умники, пристающие с вопросом: «Вы обнаружили тела погибших?»

— У меня постоянно спрашивают то же самое. Когда-нибудь придется ответить: «Да. Вы — первый».

Паркинсон рассмеялся.

— Возьму на вооружение. Но я выкручивался иначе. Известно ли вам, что ботинки и туфли, лежащие на дне, до сих пор обнаруживаются парами, всего в нескольких сантиметрах друг от друга? Обычно обувь дешевая, ношеная. Но в прошлом месяце нам попался блестящий образчик работы лучшего английского сапожника. Кажется, будто туфли только из мастерской: на ярлычке можно прочесть «По дозволению его королевского величества». Они определенно принадлежали пассажиру первого класса...

Сейчас туфли под стеклянным колпаком в моем кабинете. Когда ко мне пристают насчет тел погибших, я указываю на них и говорю: «Смотрите — внутри нет даже кусочка кости. Там, внизу, очень голодный мир. И кожу бы сожрали, не будь она пропитана таниновой кислотой». После такого пояснения любопытные быстренько затыкаются.

«Гломар Эксплорер» не предназначался для приятного времяпрепровождения. Однако Руперт ухитрился превратить кормовую каюту, расположенную прямо под взлетно-посадочной площадкой для вертолета, в подобие роскошного гостиничного номера. Каюта напомнила Брэдли о первой встрече с Паркинсоном на Пикадилли. Казалось, это произошло сто лет назад. Между тем в новеньком гнездышке Руперта находился предмет, совсем не вписывающийся в интерьер.

Это был деревянный ящик около метра высотой, на вид — почти новый. Подойдя ближе, Брэдли ощутил знакомый, безошибочно узнаваемый запах — металлический привкус йода. Свидетельство долгого пребывания в морской воде. Какой-то ныряльщик — быть может, Кусто? — назвал такой запах «ароматом сокровищ». Воздух пропитался им. У Брэдли часто забилось сердце.

— Поздравляю, Руперт. Вы все-таки забрались в прадедушкину каюту.

— Да. Два глубоководных дистанционных устройства проникли туда неделю назад и разведали обстановку. Перед вами первая вещь, доставленная ими на поверхность.

На ящике еще виднелись буквы, проштампованные тушью и не потускневшие после столетнего пребывания в бездне океана. Надпись обескураживала:

РЕЗАНЫЙ ОРАНЖ-ПЕКОЕ
ПОМЕСТЬЕ ВЕРХНИЙ ГЛЕНКЕРН
МАТАКЕЛЛЕ

Паркинсон благоговейно поднял крышку и снял лист фольги, лежащий под ней.

— Стандартный восьмидесятифунтовый ящик для цейлонского чая,— пояснил он.— Подошел по размерам, и его быстро переупаковали. Я понятия не имел, что в тысяча девятьсот двенадцатом году уже пользовались алюминиевой фольгой! Между прочим, за резаный оранж-пекое сейчас дали бы хорошую цену на аукционе в Коломбо. Но чаёк свое дело сделал. Восхитительно сделал.

Кусочком плотного картона Паркинсон аккуратно счистил верхний слой влажной черной массы. «Совсем как подводный археолог,— подумал Брэдли,— извлекающий из ила на дне фрагмент глиняной посуды». Но речь шла не о греческой амфоре возрастом в двадцать пять веков. Руперт раскопал кое-что более изысканное.

— Кубок Медичи,— любовно прошептал Паркинсон.— Человечество не видело его сто лет и не ожидало увидеть вновь.

Он обнажил лишь верхние несколько дюймов. Этого оказалось достаточно, чтобы проступило стеклянное кольцо с разноцветными полосками, сплетающимися в причудливый узор.

— Мы не станем вынимать его, пока не дойдем до берега,— проговорил Паркинсон.— Целиком он выглядит вот так.

Англичанин раскрыл большой альбом с названием «Шедевры венецианского стекла». Фотография на всю страницу изображала предмет, похожий на замороженный сверкающий фонтан.

— Глазам не верю,— признался Брэдли после секундного молчания.— У кого поднималась рука пить из такого? И, что важнее, кому по силам изготовить подобное чудо?

— Хорошие вопросы. Прежде всего, вещь чисто декоративная. Ею не пользовались. На нее лишь смотрели. Идеальная иллюстрация к высказыванию Уайльда: «Всякое искусство совершенно бесполезно».

Жаль, но на второй вопрос ответить не могу. Мы не знаем. Конечно, легко строить догадки, рассуждать о технике изготовления... Но как стеклодуву удалось добиться, чтобы все эти завитушки переплетались? Обратите внимание: крошечные сферы помещаются одна внутри другой! Если бы я не увидел их собственными глазами, то спорил бы до посинения, что создать подобное возможно только в невесомости.

— Поэтому компания «Паркинсон» заказала местечко на «Скайлэб-три»?

— Что за нелепый слух? Даже опровергать не стану.

— Рой Эмерсон поделился со мной мечтами о полете в космос... и о создании лаборатории в условиях невесомости.

— Отправлю-ка я Рою вежливое сообщение. Попрошу, чтобы поменьше трепал своим треклятым языком. Но раз уж затронули эту тему — да, по нашему мнению, у стеклодувного дела в условиях невесомости есть перспективы. Промышленная революция из этого, как из придуманного в прошлом веке плавучего стекла, не вырастет, но попробовать стоит.

— Вопрос прозвучит невежливо, но... сколько стоит кубок?

— Полагаю, вы спрашиваете как лицо официальное, поэтому позволю себе не называть сумму, которую представлю в отчете для компании. И потом, вы же знаете, насколько капризен рынок произведений искусства. Цифры там скачут и падают быстрее, чем на товарных биржах! Поглядите на ушедшую недавно за миллионы долларов мазню конца двадцатого века! Теперь за нее и цента не дадут. В нашем же случае речь идет не просто о вещи. В ней заключена история. Как ее можно оценить?

— Назовите хотя бы порядок.

— Буду весьма разочарован, если цена окажется ниже пятидесяти миллионов.

Брэдли присвистнул.

— И сколько еще на дне подобных штук?

— Много. Вот список предметов, подготовленный для выставки, запланированной Смитсоновским институтом. Институт, кстати, не отказался от идеи, только передвинул дату на сто лет вперед.

В перечне значилось более сорока произведений искусства. Каждый пункт снабжался пространным техническим комментарием по-итальянски. Напротив примерно половины названий стояли вопросительные знаки.

— Тут какая-то загадка,— пояснил Паркинсон.— Двадцать два предмета отсутствуют. Мы точно знаем, что они находились на борту, и уверены, что прадед держал их в каюте. Он жаловался на тесноту. Коллекция мешала устроить вечеринку.

— Собираетесь по традиции обвинить во всем французов?

Это была старая и язвительная шутка. После обнаружения «Титаника» в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году

французы совершили к нему несколько экспедиций. Пытаясь извлечь из судна различные предметы, они причинили ему значительный ущерб. Баллард и коллеги так и не простили французских варваров.

— Нет. У них отличное алиби. Мы пробрались в каюту первыми. Думаю, прадед попросил перенести ящики в соседнее помещение или в коридор. Уверен, они где-то неподалеку от его жилища. Рано или поздно мы их найдем.

— Надеюсь, что так; если ваши предположения верны — в конце концов, вы эксперт,— то ящики со стеклом покроют все расходы на проект. Остальное — чистая прибыль. Отличная работа, Руперт.

— Благодарю. Надеюсь, второй этап пройдет так же удачно.

— Вы о «Кроте»? Я заметил его рядом с техническим бассейном. Появилось что-нибудь новое после вашего последнего отчета? Надо сказать, та информация оказалась весьма скудной.

— Знаю. Свалилась куча срочных дел, когда из вашего ведомства полетели требования насчет графиков и сроков. Но сейчас мы на коне. Надеюсь.

— По-прежнему хотите сначала провести испытания на чистом участке дна?

— Нет. Начнем сразу с остова корабля. Мы уверены, все системы работают отлично. Зачем ждать? Помните финал программы «Аполлон» в шестьдесят восьмом? Самая дерзкая азартная игра в истории техники! Здоровенный «Сатурн V» летал только дважды, без человека на борту. Второй полет прошел отчасти неудачно. И все же НАСА пошла на рассчитанный риск. При следующем запуске в корабль посадили людей. И это был не просто полет в космос. Они отправились на Луну!

— Конечно, у нас ставки пониже. Но если «Крот» не сработает либо потеряется, возникнут большие неприятности. От него зависит вся операция. Чем скорее узнаем о возможных трудностях, тем лучше.

— До нас никто не устраивал подобного. Но первое испытание все равно будет в реальных условиях. Хотелось бы, чтобы вы присутствовали.

Ну, Джейсон, как насчет чашечки хорошего чая?

27

ПРЕДПИСАНИЕ

«Статья 1

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ
И СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ

1. Для целей настоящей Конвенции:
   (1) "Район" означает дно морей и океанов и его недра за пределами национальной юрисдикции;
   (2) "Орган" означает Международный орган по морскому дну.

Статья 145

ЗАЩИТА МОРСКОЙ СРЕДЫ

В соответствии с настоящей Конвенцией в отношении деятельности в Районе принимаются меры, необходимые для обеспечения эффективной защиты морской среды от вредных для нее последствий, которые могут возникнуть в результате такой деятельности. С этой целью Орган принимает соответствующие нормы, правила и процедуры, в частности, для: (а) предотвращения, сокращения и сохранения под контролем загрязнения морской среды и других опасностей для нее... уделяя особое внимание необходимости защиты морской среды от вредных последствий таких видов деятельности, как бурение, драгирование, выемка грунта, удаление отходов, строительство и эксплуатация или техническое обслуживание установок, трубопроводов и других устройств, связанных с такой деятельностью».

Конвенция ООН по морскому праву, 1982 г.

— У нас большие неприятности,— сообщил Като по телефону из токийского офиса.— Я не шучу.

— В чем проблема? — осведомился Крейг, отдыхающий в саду около замка. Время от времени он любил взглянуть на что-нибудь, находящееся дальше полуметра от глаз. Сегодня выдался необычайно теплый и солнечный вечер для ранней весны.

— «Голубая планета». Они отправили очередной протест в МОМД. Боюсь, на этот раз обоснованный.

— Мне казалось, мы все утрясли.

— И я так думал. В юридическом отделе у всех мозги набекрень. Законно можно сделать все, что мы хотели, кроме собственно подъема корабля.

— Немного поздновато перестраивать планы, нет? И кстати говоря, вы ни разу не упоминали, как собираетесь осуществить второй этап подъема. Разумеется, шутку насчет ракет я не принял всерьез.

— Прошу прощения. Мы вели переговоры с фирмами «Дюпон», «Тиокол» и «Юнион карбид» и еще с десятком компаний. Не хотелось рассказывать, пока не определились с поставщиком.

— Поставщиком чего?

— Гидразина. Ракетного монотоплива. Поэтому я не слишком усердствовал с правдой.

— Гидразин? Где же я слы... О, конечно! Именно его Касслер использовал в книге «Поднять "Титаник"!».

— Точно. Старик не промах, отличная идея. Гидразин разлагается на чистый азот и чистый кислород, выделяя при этом значительное количество теплоты. Но Касслеру не приходилось воевать с «Голубым миром». Они пронюхали про наши замыслы — интересно знать как! — и теперь кричат, что гидразин — опасный яд. Часть его, видите ли, обязательно прольется в океан, как бы осторожно мы ни действовали, и так далее, и тому подобное.

— Он действительно ядовит?

— Ну... пить его я бы не стал. Пахнет как концентрированный аммиак. На вкус, наверное, и того хуже.

— Что собираетесь делать?

— Бороться, естественно. Продумывать альтернативные варианты. Парки обхохочется.

28
КРОТ

Предполагалось, что трехместная глубоководная субмарина «Марвин» сменит «Альвин» — аппарат, сыгравший ключевую роль при первом обследовании затонувшего «Титаника». Однако старичок пока не собирался в отставку, хотя почти все его изначальные компоненты попали на свалку и на смену им пришли новые.

«Марвин» был значительно комфортнее предшественника и имел больший запас энергии. Отпала необходимость два с половиной часа тоскливо опускаться до дна в режиме свободного падения. С помощью двигателей «Марвин» мог добраться до «Титаника» меньше чем за час. В случае необходимости, убрав все наружное оборудование, титановая сфера, защищающая кабину экипажа, готова была всплыть на поверхность за несколько минут — этакий пузырь с воздухом, защищенный от компрессии.

Брэдли предстояло получить вдвойне новый опыт. Во-первых, он ни разу не видел «Титаник» собственными глазами. Во-вторых, хотя он и вел «Марвина» на пробных испытаниях при погружении не ниже километра, опускаться в новом аппарате до самого дна ему не приходилось. За ним внимательно наблюдал опытный пилот субмарины, изо всех сил стараясь не ограничиваться ролью пассажира.

— Высота двести метров. Расстояние до затонувшего судна сто двадцать.

Высота! Странно было слышать это слово, находясь за штурвалом глубоководного аппарата. Между тем внутри кабины жизнеобеспечения «Марвина» глубина почти не имела

значения. Для Брэдли гораздо важнее было знать расстояние до дна и держаться подальше от препятствий. Ему казалось, что ведет он не субмарину, а скользящий на бреющем полете самолет и ищет в густом тумане опознавательные знаки...

«Ищет», правда, не совсем подходило к ситуации. Брэдли точно знал, где цель. Великолепное эхо сонара летело далеко впереди глубоководного аппарата. Теперь до корабля оставалось всего сто метров. В следующее мгновение телекамера должна поймать «Титаник» в объектив. Но Брэдли мечтал увидеть его своими глазами, без посредничества техники. Он вырос до эпохи видео, и ему проще было поверить в реальность происходящего без мерцающего экрана.

В ярком свете фар «Марвина» возник острый, как лезвие, нос корабля. Брэдли выключил двигатель. Маленькая субмарина плавно заскользила к приближающимся стальным утесам.

Теперь от «Титаника» Джейсона отделяли всего несколько сантиметров адамантинового стекла, рассчитанного на колоссальное давление. Он взирал на призрак, не покидавший атлантические воды почти сто лет; казалось, корабль до сих пор движется вперед, будто его странствие только началось.

Гигантский якорь, наполовину скрытый занавесом водорослей, терпеливо ждал, когда его опустят. В сравнении с ним «Марвин» казался карликом. Тонны железа выглядели настолько зловеще, что Брэдли отвел субмарину подальше от кормы. Он медленно поплыл вдоль ряда иллюминаторов, похожих на пустые глазницы черепа.

Джейсон почти забыл о цели миссии. К реальности его вернул голос из мира наверху.

— «Эксплорер» — «Марвину». Мы ждем.

— Прошу прощения. Залюбовался. Он так хорош! Экран не передает всего великолепия. Такое нужно видеть самому.

Насколько знал Брэдли, старый спор, адекватно ли отражает реальность видеокамера, решился давным-давно. Роботы и их электронные датчики поистине бесценны — да,

без них невозможно обойтись и в разведке, и во многих других операциях. Но они не способны передать картину целиком. «Телеприсутствие», спору нет,— чудесное изобретение. Однако порой оно порождает опасные иллюзии. Зритель может поверить, что видит некую отдаленную реальность, стопроцентно настоящую. На самом деле правды в ней всего процентов девяносто пять. Оставшиеся же пять жизненно важны: люди погибали из-за того, что до сих пор не существовало надежного способа передачи сигналов тревоги, выявляемых обонянием. Брэдли видел тысячи фотографий и видеозаписей «Титаника», но только теперь в его голове начала складываться полная картина.

Не хотелось отрываться. Он прекрасно понимал отчаяние Роберта Балларда, у которого при первом погружении было всего несколько секунд на осмотр судна. Наконец Брэдли включил кормовые двигатели, увел «Марвина» от гигантской металлической скалы и отправился к настоящей цели путешествия.

«Крот» покоился в люльке примерно в двадцати метрах от «Титаника». Его нос целился вниз под углом примерно в сорок пять градусов. Аппарат походил на космический корабль, стартовавший не в ту сторону. По этому поводу ходило немало злых шуток насчет пусковых устройств, построенных инженерами одного небольшого европейского государства.

Коническая буровая головка глубоко ушла в осадочный грунт. В нескольких метрах позади нее лежала широкая полоса металла — балласт «Крота». Брэдли развернул «Марвина», чтобы улучшить обзор, и переключил устройства видеозаписи на ускоренную съемку.

— Готовы,— отрапортовал он наверх.— Давайте обратный отсчет.

— Начинаем отсчет с десяти секунд. Инерционное управление включено... семь... шесть... пять... четыре... три... два... один... подъем! Прошу прощения — закапывайтесь!

Буровой механизм начал вращаться. «Крот» почти сразу скрылся за облаком ила. Брэдли успел поразиться скорости,

с которой исчезала из вида установка. Через несколько секунд она полностью зарылась в дно.

— Бур работает,— сообщил Брэдли.— Ничего не вижу. Стартовая площадка затянута дымом. То есть илом...

Ил оседает. «Крот» исчез. Вижу небольшую воронку. Быстро затягивается. Подплывем с другой стороны. Ждем возвращения «Крота».

— Не спешите. У вас не меньше получаса. В худшем случае — пятьдесят минут. На малыша можно делать ставки.

«"На малыша"! Да в него вбухан не один миллион долларов,— подумал Брэдли, ведя "Марвина" к носу "Титаника".— Не справится с задачей, застрянет — и Парки со товарищи придется заново усесться за чертежные доски».

Брэдли остановил субмарину слева от носа корабля. «Крот» появился через сорок пять минут. От устройства не требовалось ставить рекорды скорости. Погружение, лишившее его девственности, прошло успешно.

Аппарат Паркинсона только что надежно установил первый из запланированных тридцати поясов. Каждый рассчитывался на массу в тысячу тонн. По завершении операции «Титаник» поднимут со дна, как дыню в авоське.

Такова была теория. Похоже, она работала. До Флориды еще далеко, но теперь чуть ближе, чем раньше.

29
САРКОФАГ

— Нашли!

Эмерсон ни разу не видел Руперта настолько возбужденным; для англичанина такое настроение было совсем не типичным.

— Уверены? — переспросил Рой.— Где?

— Почти не сомневаюсь. Девяносто девять процентов, что это он. Ну, девяносто пять. Там, где и ожидалось. В единственной свободной каюте, неподалеку от прадеда, в нескольких метрах. Помещение не успели подготовить до отплытия. Сейчас обе двери заклинило. Придется прорубаться.

Погружаем ДУ, пусть работает. Останьтесь здесь, понаблюдайте.

«Уж не знаю,— подумал Эмерсон.— Дело семейное, а я посторонний». Да и тревога могла оказаться ложной, как обычно бывало со слухами о затонувших сокровищах.

— Как скоро проникнете в каюту?

— Не позднее чем через три часа. Там тонкая сталь, режется быстро.

— Желаю удачи. Держите меня в курсе.

Рой Эмерсон вернулся к работе — то есть продолжил старательно изображать деятельность. Когда он не изобретал, его мучила совесть. В последнее же время он почти перестал заниматься своими делами. Попытки навести порядок в электронном хаосе баз данных путем перемещения и классификации информации создавали иллюзию полезной деятельности.

Словом, радостное волнение Паркинсона ему не передалось.

Небольшая компания, набившаяся в каюту Руперта на борту «Гломар Эксплорера», не отрывала глаз от монитора. Зрители забыли даже про стаканы с напитками. Неудивительно: на судах типа «Эксплорера» по давней традиции бытовал сухой закон. В стаканах не было ни капли алкоголя.

По столь важному случаю собралось рекордное число Паркинсонов — почти кворум, как заметил кто-то из присутствующих. Родственники по большей части не разделяли уверенности Руперта в успехе, однако почти все изволили понаблюдать за проведением операции. Прежде здесь бывал только Джордж. Уильям, Арнольд и Глория приехали впервые. Помимо Паркинсонов в каюте собрались офицеры из команды корабля, главные инженеры и сотрудники полдюжины фирм, специализирующихся на работе в океане. Все увлеченно следили за дистанционным роботом ДУ-3, плавно скользящим над палубой «Титаника».

— Заметили,— прошептал кто-то,— как разрослись водоросли? Может быть, из-за нашего освещения? Корабль вы-

глядел по-другому, когда работа только начиналась. Мостик теперь напоминает висячие сады Семирамиды...

Никто не ответил. Все молча вглядывались в экран. ДУ-3 опустился к зияющей полости. На ее месте некогда располагалась величественная лестница. Почти сто лет назад элегантные дамы и их стройные кавалеры всходили и опускались по ступеням, покрытым толстым ковром, не представляя, какая судьба их ждет. И конечно, они помыслить не могли, что спустя всего два года с небольшим августовские выстрелы грубо прикончат золоченый эдвардианский век*.

ДУ-3 свернул в правый главный коридор на прогулочной палубе и поплыл мимо кают первого класса. Здесь, в узком проходе, робот двигался медленно. Теперь каждые две секунды на экране сменялись застывшие черно-белые кадры.

Все данные и сигналы управления передавались по системе ультразвуковой связи, через ретранслятор, установленный на палубе. Время от времени возникали раздражающие задержки. Экран темнел, и единственным подтверждением работы ДУ-3 в такие моменты служил высокочастотный пронзительный свист. Он означал, что на пути робота встретилось препятствие и поглотило транслируемую волну, из-за чего связь временно прервалась. После небольшого интервала, уходившего на электронное «рукопожатие» и коррекцию ошибки, картинка возвращалась. Пилот ДУ-3, находившийся на четыре километра выше робота, мог продолжить работу. Разрывы связи никак не влияли на обстановку в каюте «Гломар Эксплорера». Зрители не произносили ни слова.

Все облегченно вздохнули, когда робот остановился перед простой, никак не помеченной дверью. Белые доски ослепительно сияли в лучах прожекторов. Казалось, маляры ушли только вчера. Краска, облупившаяся лишь в нескольких местах, превосходно сохранилась.

* Автор имеет в виду начало Первой мировой войны. В августе 1914 года Великобритания объявила войну Германии. Эдвардианский век, Эдвардианская эпоха — время, ассоциирующееся с годами правления короля Эдуарда VII (1901–1910).

Теперь ДУ-3 приступил к сложному, но крайне важному этапу работы. Следовало закрепиться — а эта процедура под водой так же важна, как в космосе. Сначала робот вогнал в дверь каюты два взрывных установочных винта и с их помощью «приклеился» к рабочей поверхности.

Коридор озарился ярчайшим светом термальной дуги. В сравнении с этой вспышкой потускнели даже прожекторы ДУ-3. Тонкий металл двери не сопротивлялся раскаленному добела лучу — излюбленному инструменту многих поколений грабителей, вскрывающих сейфы. Не прошло и пяти минут, как в двери образовался круг диаметром около метра. Вырезанный диск накренился вперед и медленно упал на пол, подняв небольшое облачко ила.

ДУ-3 отсоединился от двери. Приподнявшись немного, он заглянул в образовавшееся отверстие. Картинка на экране дрогнула, но тут же стабилизировалась. Сработала автоматическая фокусировка.

Руперт Паркинсон радостно воскликнул:

— Вот они! Как я и говорил — один... два... три-четыре-пять — поверните камеру вправо... шесть, семь... чуть выше... Бог мой — а это что за...

Никто из присутствующих не смог припомнить, кто же закричал первым.

30
PIETÀ*

Джейсон Брэдли видел нечто похожее всего однажды, в каком-то фильме про космос, название которого он забыл. Робот уносил к звездам мертвого астронавта, заключив его в механические объятия... Теперь же другой робот поднимался со скорбным грузом из атлантических глубин к выстроившимся по кругу надувным лодкам.

* Оплакивание *(фр., ит.)*. Судя по всему, автор отталкивается от скульптурной композиции Микеланджело с таким названием. Скульптура изображает Иисуса, снятого с креста, на руках у Богоматери.

— Последняя,— грустно проговорил Паркинсон.— Девочка. Имя до сих пор не выяснили.

«Совсем как те русские моряки,— вспомнил Брэдли.— Они так же лежали на этой палубе больше тридцати лет назад». В голову лезла глупая штампованная фраза, и прогнать ее не удавалось. «И в этот момент появился я».

Как многие моряки, поднятые тогда, во время операции «ДЖЕННИФЕР», теперешние мертвецы, казалось, просто спят. Поразительно, необъяснимо. Все человечество пыталось решить эту загадку. После всех интервью, после всех заверений, что на «Титанике» невозможно обнаружить даже кусочка человеческой кости...

— Я поражен,— признался Брэдли Паркинсону.— Как удалось опознать их после стольких лет?

— Газеты того времени... семейные альбомы... даже у бедных ирландских эмигрантов сохранилась хотя бы одна фотография. Ведь люди покидали родной дом навсегда. Вряд ли в Ирландии остался чердак, не перетряхнутый репортерами за последние пару дней.

ДУ-3 передал скорбную ношу ныряльщикам в резиновых костюмах. Они осторожно уложили мертвое тело в люльку, прикрепленную к стреле одной из лебедок «Эксплорера». Тело было очень легким. С подъемом без труда справился один рабочий.

Повинуясь безмолвному порыву, Паркинсон и Брэдли отошли от поручня; они уже успели насмотреться на печальный ритуал. За сорок восемь часов из склепа, оберегавшего свою тайну почти столетие, извлекли трупы пятерых мужчин и одной женщины. Время оказалось не властно над ними.

В каюте Паркинсона собралась та же компания. Брэдли протянул Руперту маленький компьютерный модуль.

— Здесь все сведения,— пояснил он.— Лаборатория МОМД трудится не покладая рук. Есть ряд неясных деталей, но общая картина, похоже, вырисовывается.

Не знаю, слышали ли вы историю «Альвина». Она случилась на раннем этапе карьеры аппарата. Он потерпел аварию на большой глубине. Экипажу еле удалось выбраться. Они оставили внутри субмарины недоеденный завтрак.

Два годя спустя аппарат подняли на поверхность. Остатки завтрака лежали там, где их бросили. Вот вам первый пример, что в холодной воде, при низкой концентрации кислорода органика разлагается очень медленно.

— Я слышал, со дна Великих Озер поднимали прекрасно сохранившиеся тела погибших в кораблекрушениях. Лица моряков все еще выражали изумление!

— Так вот,— продолжал Брэдли,— главное условие — труп должен покоиться в герметичном помещении, куда не доберутся морские животные и микроорганизмы. Так и произошло в данном случае; эти люди пытались выбраться, но оказались в ловушке. Бедняги, они, наверное, заблудились на территории первого класса! Взломали замок на задней двери каюты. Входную же открыть не удалось. В коридор хлынула вода...

Но дело не только в холоде и герметизации. Приготовьтесь к самой захватывающей части истории. Вы слыхали о «болотных людях»?

— Нет,— признался Паркинсон.

— Я тоже — до вчерашнего дня. Время от времени датские археологи обнаруживают идеально сохранившиеся трупы возрастом более тысячи лет. По всей видимости, это жертвы каких-то жестоких ритуалов. На телах можно разглядеть каждую морщинку, каждый волос. Они похожи на невероятно реалистичные скульптуры. Причина? Трупы лежали в торфяных болотах, и от разложения их спас танин. Помните туфли и ботинки, обнаруженные на «Титанике»? Кожа осталась совершенно целой!

Паркинсон не был дураком, хотя порой притворялся персонажем из книжки Вудхауса*. Он мгновенно понял, куда клонит Брэдли.

* Пелем Гренвил Вудхаус (1881–1975) — известный британский писатель-юморист, драматург. Автор намекает на персонажа самой знаменитой серии рассказов Вудхауса «Дживс и Вустер», Берти Вустера, глуповатого аристократа.

— Танин? Но откуда?.. Конечно! Ящики с чаем!

— Именно. Часть из них разбилась при столкновении «Титаника» с айсбергом. Но наши химики утверждают, что танин объясняет случившееся лишь отчасти. Корабль перед плаванием покрасили. В пробах воды обнаружено немало мышьяка и свинца. Очень нездоровая среда для любых бактерий.

— Уверен, здесь и кроется ответ,— проговорил Паркинсон.— Какой необычный поворот судьбы! Чай сработал намного лучше, чем можно было представить! Невообразимо! Но, боюсь, прадед добавил нам хлопот. А все только наладилось...

Брэдли понимал, о чем говорит Руперт. К старинному обвинению в святотатстве и покушении на братскую усыпальницу теперь добавится обвинение в разграблении могилы. И как ни странно, могила оказалась свежей. По крайней мере, с виду.

Давным-давно забытые Томас Конлин, Патрик Дули, Мартин Галлахер и еще трое их пока безымянных спутников в корне изменили положение дел.

Этот парадокс, безусловно, согрел бы душу любого истинного ирландца. С обнаружением трупов «Титаник» словно ожил.

31

ПРОБЛЕМА ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ

— Мы нашли решение,— произнес усталый, но торжествующий Като.

— Какой теперь в этом смысл? — вздохнул Дональд Крейг.

— Эта истерия скоро закончится. Наши пиарщики трудятся засучив рукава. И ребята Парки, кстати, тоже. Мы провели пару встреч на высшем уровне, чтобы сформировать объединенную стратегию. Возможно, все обернется им и нам на пользу.

— Не понимаю...

— Все просто. Благодаря нашим тщательным исследованиям... точнее, благодаря тщательным исследованиям Парки, этих бедолаг похоронят на родине, по-христиански. Ирландцы такое любят. Никому не говорите, но мы уже ведем переговоры с Папой.

Дональд оскорбился легкомысленным подходом Като. Крейг представлял, как расстроится Эдит. Ее глубоко тронула история девочки, которой мир дал имя Колин.

— Вы бы поосторожнее. Некоторые из погибших могли быть протестантами.

— Вряд ли. Они взошли на борт «Титаника» где-то на юге, верно?

— Верно. В Квинстауне. Но такого города на карте уже не найти. После объявления независимости Ирландии название почти не используется. Теперь город называется Кобх.

— Можно по буквам?

— К-О-Б-Х.

— Что ж, мы переговорим с архиепископами. Кто там еще есть? Кардиналы, конечно. Все утрясется. Позвольте, я расскажу, что придумали наши инженеры. Если получится, выйдет намного лучше, чем с гидразином. «Голубая планета» начнет агитировать за нас!

— Приятная будет метаморфоза. Попахивает волшебством.

— Волшебство — наша работа, вы не знали?

— И каковы технические характеристики предполагаемого чуда?

— Во-первых, мы сделаем айсберг покрупнее, чтобы поднять больший вес. В результате потребуется лишь около десяти килотонн дополнительной плавучести. Такую мелочь мы могли бы обойти, воспользовавшись шариками Парки. Сначала были опасения, что так и придется поступить. Но есть способ поаккуратнее и почище. Электролиз. Расщепление воды на кислород и водород. С его помощью мы доставим газ на дно.

— Старинная идея. Где взять столько электричества? И слишком уж велика опасность взрыва.

— Глупости, Дональд. Газы будут поступать к раздельным электродам. Изолируем их друг от друга мембраной. Насчет тока вы правы. Гигаватты в час! Но мы и их достанем. Как только наши атомные подводные лодки и охлаждающие элементы Пельтье будут готовы, мы переключимся на электролиз. Возможно, придется арендовать еще одну подлодку. Кстати, почему субмарины называют лодками? Я говорил, что к нам готовы присоединиться британцы и французы? В общем, электричество — не проблема.

— Элегантно,— проворчал Дональд.— Теперь понимаю, что вы имеете в виду, говоря о преображении «Голубой планеты». Конечно, они сменят гнев на милость. Все любят кислород.

— Точно. После операции подъема мы вскроем наши надувные шарики, и весь мир задышит чуточку легче. По крайней мере, так будут утверждать пиарщики.

— А водород улетит в стратосферу, никому не причинив вреда. Ой... а как же бедный-несчастный озоновый слой? Не наделаем новых дырочек?

— Мы учли это. Хуже, чем сейчас, не будет. Слабое утешение, но все же.

— Быть может, имеет смысл собирать газы по мере подъема? Ведь это сотни тонн кислорода и водорода при давлении четыреста атмосфер. Ценное сырье, зачем его выбрасывать?

— Мы и об этом подумали. Тонкий вопрос. Возрастает техническая сложность, добавляется стоимость доставки цистерн и так далее. Конечно, поэкспериментировать можно. Появится обходной маневр, если лобби защитников окружающей среды снова поднимет голос.

— Вы все просчитали! — искренне восхитился Дональд.

Като медленно покачал головой.

— Наш друг Брэдли однажды сказал мне: «Когда решите, что учли все,— море придумает что-нибудь новое». Мудрые слова. Я о них никогда не забываю... Но пора заканчивать разговор. Передавайте Эдит сердечный привет.

ОПЕРАЦИИ

32
ЗДЕСЬ НИКОГО, КРОМЕ НАС, РОБОТОВ

До первого десятилетия нового века гигантский затонувший корабль и его обломки сохранялись почти в первозданном виде, хотя люди и морские обитатели не оставляли их без внимания. К наступающему 2010 году «Титаник» уподобился взбудораженному улью — вернее, двум ульям, отстоящим друг от друга на тысячу метров.

Сооружение лесов вокруг носовой части почти завершилось. «Крот» успешно подвел под корпус двадцать пять массивных металлических полос. Осталось еще пять. Нос «Титаника», зарывшийся в дно, освобождали от ила мощными водометами. Громадные якоря теперь были хорошо видны.

Более двадцати тысяч тонн плавучести обеспечили с помощью примерно того же числа кубометров стеклянных шариков. Их аккуратно упаковали и разместили в ключевых местах специальной рамы. Часть шариков поместили внутрь корпуса — в те места, где он мог выдержать напряжение.

Корма, пострадавшая куда серьезнее носовой части, скрылась внутри медленно растущей глыбы льда. В средствах массовой информации с удовольствием цитировали строчку из стихотворения Харди: «В туманной мгле безмолвной айсберг вырастал». Автор, разумеется, и помыслить не мог, что его слова используют с такой целью.

Частенько приводили строки и из другого стихотворения. Целую строфу также вырвали из контекста. И Паркинсонам, и представителям консорциума «Ниппон-Тернер» надоело слушать, что

Их путям суждено
Было пересечься в ту августовскую ночь,
Чтобы две половины слились в одно.

Обе компании надеялись, что финал наступит в августе. Однако ни тем ни другим совсем не хотелось «пересекаться».

Практически вся работа на обеих половинах корабля велась дистанционно, роботами, управляемыми с поверхности; только в критических случаях требовалось вмешательство людей. За последние десять лет подводная робототехника шагнула далеко вперед, оставив позади даже достижения прошлого века в области морских нефтеразработок. Отдача обещала стать грандиозной. Но Руперт Паркинсон любил при случае язвительно заметить, что большая часть выгоды попадет совсем не в те руки.

Конечно, возникали проблемы, просчеты. Порой происходили несчастные случаи. Но удавалось обходиться без человеческих жертв. Однажды во время свирепого зимнего шторма «Эксплореру» пришлось покинуть якорную стоянку. Капитан до последнего возражал против «побега», сочтя его профессиональным оскорблением. Пассажиры, которых непрерывно тошнило, упорно не соглашались с его точкой зрения.

Но даже такое проявление злобного нрава Северной Атлантики не помешало операции с кормой «Титаника». На двухсотметровой глубине шторм почти не ощущался. Демобилизованные атомные подлодки, переименованные в честь великих людей — пионера океанографии Мэтью Фонтейна Мори* и знаменитого корабела Петра Великого, продолжали мегаватт за мегаваттом подавать электрический ток низкого напряжения на дно. В процессе охлаждения кормы «Титаника» возникал восходящий поток теплой воды.

Искусственный апвеллинг принес неожиданные плюсы: к поверхности устремились питательные вещества, ранее лежавшие на дне. Расцвет планктона заметили местные популяции рыб, и последний улов трески оказался рекордным. Власти Ньюфаундленда прислали официальную просьбу оставить субмарины на том же месте после завершения контракта с «Ниппон-Тернер».

* Мэтью Фонтейн Мори (1807–1873) — знаменитый американский гидрограф. Провел много исследований по определению кратчайших морских путей с учетом ветров и подводных течений.

В тысячах километров от кипучей подводной деятельности, в районе Гранд-Бэнкс, тоже тратились баснословные суммы денег. Во Флориде, неподалеку от стартовых площадок, откуда люди некогда улетали к Луне (а теперь должны отправиться на Марс), полным ходом шли дноуглубительные работы и сооружение подводного музея для «Титаника». На другом краю Земли, в Токио-на-море, строилась еще более сложная экспозиция. Там возводились прозрачные смотровые коридоры и приспособления для показа фильма. Организаторы надеялись, что кино получится весьма и весьма зрелищным.

Огромные деньги вращались по всему миру — особенно в стране, снова именуемой Россией. Благодаря «Петру Великому» на Московской товарной бирже значительно подскочили цены акций дочерних компаний, так или иначе связанных с подъемом «Титаника».

33
СОЛНЕЧНАЯ АКТИВНОСТЬ

— Цикл солнечных пятен — еще одна моя мономания,— признался Франц Цвикер.— В особенности теперешняя фаза.

— А что в ней такого? — спросил Брэдли, когда они вместе вошли в лабораторию.

— Прежде всего, пик активности придется — угадали? — на две тысячи двенадцатый год. Она уже превысила максимум тысяча девятьсот девяностого и подбирается к рекорду две тысячи первого.

— И?

— Строго между нами — мне страшновато. Столько безумцев пыталось соотносить события на Земле с одиннадцатигодичным циклом... Теперь подсчет солнечных пятен многие ставят в ряд с астрологией. Кстати, замечу: одиннадцать лет — вовсе не константа. Однако, без сомнений, Солнце

оказывает воздействие практически на все земные события. Именно оно в ответе за ужасный климат последней четверти столетия, пусть частично. Нельзя всю вину сваливать на человечество, как это обожают делать «Голубая планета» и компания.

— Думал, вы на их стороне!

— По понедельникам, средам и пятницам. В остальные дни я с опаской поглядываю на Матушку-Природу. Изменения климата — не единственная аномалия. Похоже, повышается сейсмическая активность. Возьмите, к примеру, Калифорнию. Почему люди до сих пор строят дома в Сан-Франциско? Две тысячи второго им не хватило? А мы до сих пор ждем чего-то большого...

Джейсону льстило, что ученый делится с ним своими мыслями; они, такие разные по характеру, воспитанию и образованию, стали уважать друг друга.

— Есть еще вещь, время от времени приходящая ко мне в кошмарах. Глубоководные поднятия дна. Вероятно, вызываются они землетрясениями. Или человеческой деятельностью.

— Слышал краем уха. Довольно сильное поднятие произошло в девяносто восьмом, на луизианских нефтяных разработках. Снесло целую платформу.

— О, это цветочки! Я о настоящих, серьезных катастрофах. В восьмидесятых ученые из компании «Шелл» обнаружили на двухкилометровой глубине в Мексиканском заливе кратер. Представьте взрыв, породивший его! Выпятилось три миллиона тонн донного грунта! Эквивалент неслабой атомной бомбы.

— Считаете, такое может повториться?

— Уверен, что повторится. Но не знаю, когда и где. Постоянно предупреждаю ребят с «Гибернии». Они дергают дракона за хвост. Если Томми Голд* прав — а насчет нейтронных звезд он не ошибся, хотя и прокололся на лунной пыли и теории устойчивого состояния,— мы пока лишь тихонечко скребем земную кору. Все добытое на данный момент — микроскопическая толика по сравнению с настоящими запасами углеводородов, залегающих на десятикилометровой глубине и ниже.

* Томас Голд (1920–2004) — английский и американский астроном, автор теории происхождения Вселенной. Согласно его гипотезе, Луна сформировалась из обломков ряда мелких спутников Земли.

— Ничего себе «толика»! За счет нее наша цивилизация возвышается уже пару веков.

— Как-как? Возвышается? Или разрушается? Ладно. Вот ваш лучший ученик. Кстати, как учеба?

«Джейсон-младший» лежал в транспортировочной люльке и очень напоминал рыбу, выловленную из воды. Робот соединялся кабелем с батареей компьютеров. Брэдли, выросший в эпоху медных проводов, так и не привык к оптоволоконной революции, и кабель казался ему до смешного тоненьким.

Ничего будто бы не происходило; дежурный технолог поспешно спрятала в карман микрокнигу, которую читала до прихода начальства, и быстро просмотрела данные на мониторе.

— Все хорошо, доктор,— радостно сообщила она.— Проверяла базы данных экспертных систем.

«Эти системы — часть меня»,— подумал Брэдли. Он провел много часов в водолазных симуляторах. Программисты пытались кодировать и расшифровывать его навыки, нажитые тяжелым трудом,— самую сущность ветерана подводной инженерии Джейсона Брэдли. Все чаще и чаще он чувствовал, что в психологическом смысле «Джейсон-младший» становится его суррогатным сыном.

Ощущение усиливалось, когда они с роботом вели непосредственные переговоры. В профессиональной среде ходила старая шутка насчет того, что лексикон водолазов ограничивается парой сотен слов — ровно столько им нужно для работы. Искусственный интеллект «Джейсона» приятно расширял эти рамки.

Конструкторы надеялись преподнести Брэдли милый сюрприз, использовав его голос как матрицу для синтезатора речи «Джейсона-младшего», но реакция «отца» их разочаровала. Шутники не учли, что обычно люди не узнают себя в записи, особенно если их голос произносит искусственно собранные фразы. Джейсон понял, в чем дело, лишь заметив хитрые улыбки конструкторов.

— Энн, есть причины отложить испытания в воде? — спросил Цвикер.

— Нет, доктор. Алгоритм срочного отзыва работает не совсем четко, но для тестирования он не нужен.

Хотя звуковые системы робота проектировались для работы в водной среде, Брэдли не смог удержаться от коротенького диалога прямо в лаборатории.

— Привет, «Джейсон-младший». Слышишь меня?

— Я вас слышу.

Речь была сильно искажена, но звучала достаточно внятно. Предполагалось, что вода исправит дело.

— Узнаешь меня?

Последовала долгая пауза. Затем робот ответил:

— Вопрос не понят.

— Мистер Брэдли, подойдите ближе,— посоветовала технолог.— В воздушной среде он немного глуховат.

— Ты узнаешь меня?

— Да. Вы Джон Максвелл.

— Так... Пора снова за кульман,— пробормотал Цвикер.

— А кто такой Джон Максвелл? — осведомился Брэдли скорее с интересом, чем раздраженно.

— Ответственный за модуль распознавания речи. Но эта ошибка не в счет. Тест не чистый. Под водой он узнает вас на расстоянии в полкилометра.

— Надеюсь. До свидания, «Джейсон-младший». Увидимся, когда тебе вылечат слух. Давайте теперь посмотрим на «Джип». Надеюсь, он в лучшей форме.

«Глубоководный джип» был еще одним проектом лаборатории, почти настолько же важным для операции, как «Джейсон». Большинство посетителей, впервые увидев его,

спрашивали: «Это субмарина или водолазный костюм?» Им неизменно отвечали: «И то и другое».

Обслуживание и эксплуатация трехместных глубоководных аппаратов типа «Марвина» стоило дороже: одно погружение могло обойтись в сотню тысяч долларов. В каких-то случаях хватало менее сложного одноместного устройства.

Все в лаборатории знали о тайных амбициях Джейсона Брэдли. Он надеялся, что «Джип» закончат вовремя и удастся в нем спуститься к «Титанику», пока корабль лежит на дне океана.

34
ШТОРМ

Пройдет не один десяток лет, прежде чем метеорологи докажут, что страшный шторм 2010 года был продолжением серии ураганов, начавшихся в восьмидесятых годах двадцатого века и предваривших климатические изменения грядущего тысячелетия.

Метеоспутники, конечно, дали сигнал за несколько часов, иначе смерть собрала бы больший урожай. Но, само собой, многие не услышали штормового предупреждения либо отнеслись к нему несерьезно. Особенно пострадала Ирландия. По ней пришелся первый удар стихии.

Дональд и Эдит редактировали свежие кадры, снятые на месте операции «Глубокая заморозка», когда на замок Конрой налетел ураган «Глория». За массивные стены не проникло ни звука — даже грохота, раздавшегося, когда с крепостной стены сорвало камеру-обскуру.

Ада теперь весело признавалась, что в чистой математике она безнадежна. Она говорила о той математике, которая, согласно знаменитому тосту Г. Г. Харди, никогда никому не принесет пользы. И хотя тайны кода ЭНИГМА стали известны лишь спустя несколько десятилетий, Харди и при жизни оказался очень не прав. В руках Алана Тьюринга и его

коллег даже нечто настолько абстрактное, как теория чисел, стало оружием победы.

Практически вся символическая логика, высшая тригонометрия и даже обычные вычисления представлялись для Ады темным лесом. Все это не интересовало девочку; ее сердце принадлежало геометрии и свойствам пространства. Она развлекалась с пятью измерениями, поскольку четыре оказались чересчур просты. Как Ньютон, большую часть времени она «странствовала по неизведанным морям мысли — в одиночку».

Но сегодня Ада возвратилась в обычное трехмерное пространство благодаря подарку от «дядюшки Брэдли». Через тридцать лет после рождения в моду снова вошел кубик Рубика. Однако теперь он явился в гораздо более головоломном варианте.

У оригинального кубика, как у чисто механической штуковины, была слабость, за которую фанаты особенно почитали его. Центральные квадратики на каждой плоскости всегда оставались неподвижными. Сорок восемь менее удачливых коллег вертелись относительно них, создавая 43 252 003 274 489 856 000 различных комбинаций.

Головоломка под названием «Марк II» подобного ограничения не имела; все пятьдесят два квадратика запросто двигались. Отсутствовали фиксированные центры, способные послужить точками опоры для обезумевших манипуляторов. Создать такую игрушку позволило изобретение микрочипов и жидкокристаллических дисплеев; на самом деле не двигалась ни одна деталь. Разноцветные квадраты перемещались по кубику простым касанием пальца.

Ада полулежала в лодке. Рядом с ней устроилась Леди. Девочка так увлеклась новой игрушкой, что не заметила, как потемнело небо. Прежде чем она запустила мотор и направила суденышко к причалу, успел подняться ураганный ветер. Девочке в голову не приходила мысль об опасности; в конце концов, глубина пруда Мандельброт всего три фута. Но Аде не хотелось промокнуть, а Леди этого просто терпеть не могла.

К тому времени, когда парочка добралась до первого западного круга, рев ветра стал почти оглушительным. Это развеселило Аду. Но собачонка испугалась и попыталась спрятаться под сиденьем.

Вот и Спица. Здесь, между рядами кипарисов, они отчасти укрылись от ярости урагана. Только теперь Аде стало не по себе. Высокие деревья по обе стороны от канала раскачивались, будто тростники.

Всего десяток метров отделял их от лодочного сарая. Они почти добрались до Крайнего Запада множества Мандельброта и приближались к границе бесконечности, лежащей за числом минус одна целая девятьсот девяносто девять тысячных, когда опасения Патрика О'Брайена насчет пересаженных кипарисов трагическим образом сбылись.

35
АРТЕФАКТ

«Одна из самых удивительных археологических находок в истории сделана в тысяча девятьсот семьдесят шестом году во время серии раскопок, осуществленных учеными Еврейского университета и французским Центром исследования доисторических времен в Иерусалиме.

На месте первобытной стоянки возрастом около десяти тысяч лет археологи обнаружили скелет ребенка с рукой, прижатой к щеке. В руке обнаружился еще один крошечный скелет, принадлежащий щенку возрастом около пяти месяцев.

Эта находка — самое раннее свидетельство проживания человека и собаки в одной пещере. Безусловно, существует большое число более поздних свидетельств».

Из книги Роджера Караса «Друзья человека».
«Саймон и Шустер», 2001

— Возможно, вас это заинтересует,— произнес доктор Джефферджи с профессиональным равнодушием. Оно ужасно раздражало Дональда. Но с другой стороны, как еще пси-

хиатру сохранить здравость рассудка? — Случай Эдит не уникален. Мандельброт открыл свое множество в тысяча девятьсот восьмидесятом году. С тех пор стали наблюдаться случаи маниакальной привязанности к его детищу. Обычно симптомы проявлялись у компьютерных хакеров, и без того связанных с реальностью тонюсенькой ниточкой. В базах данных на сегодняшний день не меньше шестидесяти трех записей о мандельмании.

— Лечение существует?

Доктор Джефферджи нахмурился. Слово «лечение» он произносил редко. Он предпочитал термин «коррекция».

— Скажем так: в восьмидесяти процентах случаев пациентам удается вернуться к... гм... нормальной жизни. Порой с помощью лекарств, порой благодаря электронным имплантатам. Согласитесь, цифры вдохновляющие.

«Да, если ты не входишь в оставшиеся двадцать,— подумал Дональд.— К какой же категории относится Эдит?»

Первую неделю она держалась неестественно спокойно. Друзей Крейгов шокировало, что даже после похорон женщина совсем не проявляла эмоций. Но Дональд знал, как глубоко ранена жена, и не удивился, когда Эдит начала делать странные вещи. Она бродила по замку ночами, обыскивая пустые, так и не отремонтированные комнаты и сырые коридоры. Он понял: пора обратиться за помощью к врачам.

Надеясь, что Эдит оправится от горя, Дональд не спешил. Через какое-то время как будто наметились признаки улучшения. Но потом умер Патрик О'Брайен.

Отношения у миссис Крейг с главным садовником всегда были натянутые, но они уважали друг друга и обожали Аду. Гибель ребенка стала для Пата таким же ужасным ударом, как для родителей девочки. Вдобавок он винил в трагедии себя. Если бы только он отказался пересаживать эти кипарисы... если бы...

Пат вновь сурово запил. Теперь его редко удавалось встретить трезвым. Как-то раз холодной ночью хозяин «Черного лебедя» учтиво выставил его за дверь. Патрик ухитрился заблудиться в деревне, где прожил всю жизнь. Утром его нашли замерзшим насмерть. Отец Макмаллен заявил, что произошедшее — скорее самоубийство, нежели несчастный случай. Но, заметил священник, если и грешно хоронить Пата по-христиански, то он, отец Макмаллен, в положенный час ответит за этот грех перед Богом. Как и за маленький трупик, который он позволил положить в гроб рядом с Адой.

На следующий день после похорон Патрика Дональд застал Эдит перед большим монитором. Она рассматривала очередную миниатюрную версию множества. Жена не пожелала говорить с ним. Наконец, к своему ужасу, Дональд осознал, что она разыскивает Аду.

В последующие годы Дональд Крейг часто размышлял об отношениях, сложившихся у него с Джейсоном Брэдли. Они встречались всего раз пять-шесть и почти всегда по делам, но он чувствовал, как образуется взаимная симпатия. Бывает, подобные отношения между двумя мужчинами вырастают и обретают силу, сравнимую с сексуальной привязанностью, не имея при этом ничего общего с эротикой.

Возможно, Дональд напоминал Брэдли погибшего напарника, Теда Коллиера. Джейсон часто вспоминал старого друга. В любом случае, Крейгу и Брэдли вдвоем было хорошо. Они встречались даже без насущной необходимости. И хотя у Като и прочих представителей синдиката «Ниппон-Тернер» могли возникнуть закономерные подозрения, Брэдли, как сотрудник МОМД, никогда не позволял себе нарушать нейтралитет. Крейг же, со своей стороны, не пытался эксплуатировать выгодное знакомство; они делились друг с другом личными секретами, но не профессиональными тайнами. Дональд так и не узнал, какую роль Брэдли сыграл (если сыграл) в решении МОМД запретить использование гидразина.

Ради присутствия на похоронах Ады Джейсон перелетел через полмира. После этого дружба укрепилась еще больше. Оба мужчины потеряли жену и ребенка; пусть при разных

обстоятельствах, но результат все равно оказался одинаковым. Они стали еще ближе. Друзья делились друг с другом секретами и говорили на больные темы, запретные для всех остальных.

По прошествии времени Дональд удивлялся, как сам не додумался до такой простой идеи; возможно, он находился слишком близко, и потому картина представала перед ним лишь частично.

Упавшие кипарисы убрали. Дональд и Джейсон прогуливались по берегу озера Мандельброт — как оказалось, в последний раз. Брэдли в общих чертах изложил план.

— Задумка не моя,— извиняющимся тоном объяснил он.— Позаимствовал ее у друга. Есть у меня друг-психолог.

Дональд очень не скоро узнал, что это за «друг». Но возможности осознал сразу.

— Считаешь, сработает? — спросил он.

— Обсуди с психиатром Эдит. Даже если идея хороша, он может отказаться от нее. Синдром НМИ, слышал?

— Что? Национальный медицинский институт?

— Нет. Не Моя Идея.

Дональд рассмеялся, но смех не казался веселым.

— Ты прав. Но сначала нужно разобраться. Я сам решусь на такое? Будет непросто.

«Непросто» — слишком слабое слово; более трудной задачи перед Крейгом не стояло в жизни.

Часто он бросал работу, заливаясь слезами.

Иногда подсознание, гуляя по потаенным, известным лишь ему дорожкам, подкидывало воспоминания, дающие силы продолжать. Много лет назад Дональду попался рассказ о хирурге из страны третьего мира, имеющем немалый запас человеческих глаз. С их помощью он возвращал зрение беднякам. Чтобы пересадка стала возможной, роговицу следовало взять у донора за несколько минут до смерти.

Когда он снимал роговицу с глаз собственной матери, у хирурга не дрожали руки. «Я поступлю так же»,— с мрачной

решимостью думал Дональд, возвращаясь к столу для редактирования кинофильмов, за которым они с Эдит провели вместе столько часов.

Удивительно, но доктор Джефферджи отнесся милостиво к предложению. Он задал лишь один вопрос, прозвучавший слегка иронично, но сочувственно:

— Кто подсказал вам идею? Подсмотрели в какой-нибудь мыльной опере с уклоном в психологию?

— Действительно, выглядит, будто так и есть. И все же стоит попытаться. Одобрите?

— Вы уже подготовили диск?

— Капсулу. Хочу показать вам материал. Кажется, у вас в приемной стоит мультимедийный проигрыватель.

— Да. Он принимает даже видеокассеты! Позову Долорес. В таких делах я полагаюсь на нее.— Доктор растерялся и замолчал. Он внимательно посмотрел на Дональда, словно собрался что-то добавить, но не решился. Нажав клавишу на пульте интеркома, Джефферджи проговорил в микрофон пейджерной системы: — Сестра Долорес, будьте добры, зайдите ко мне. Благодарю.

«Где-то под этой черепной коробкой живет Эдит Крейг,— думал Дональд, сидя рядом с доктором Джефферджи и медсестрой Долорес. Он не спускал глаз с жены, неподвижно застывшей напротив большого монитора.— Удастся ли мне пробиться сквозь упрямый барьер, воздвигнутый горем, и вернуть ее в реальность?»

На экране возник знакомый черный силуэт, похожий на жука, с тоненькими выростами, соединяющими его с остальными частями вселенной Мандельброта. О масштабе можно было лишь гадать, но Дональд успел отметить координаты, определяющие размеры множества. Если бы кому-то удалось представить картину целиком, экстраполировать за пределы экрана, она оказалось бы больше космоса, наблюдаемого с помощью телескопа «Хаббл».

— Готовы? — спросил доктор Джефферджи.

Дональд кивнул. Сестра Долорес, сидевшая за спиной у Эдит, посмотрела в объектив камеры, подтверждая, что слышала вопрос.

— Тогда приступим.

Дональд нажал клавишу «ВЫПОЛНИТЬ», и программа заработала.

Эбонитовая поверхность имитации пруда Мандельброт словно подернулась рябью. Эдит удивленно вздрогнула.

— Хорошо! — прошептал доктор Джефферджи.— Она реагирует!

Вода расступилась. Дональд отвернулся. Невыносимо было смотреть на свое последнее детище. Перед глазами возникло изображение Ады. Голос девочки нежно произнес: «Я люблю тебя, мамочка, но здесь меня нет. Я живу только в твоих воспоминаниях — и никогда их не покину. Прощай...»

Долорес подхватила лишившуюся чувств Эдит, и последний слог затих в безвозвратном прошлом.

36
ПОСЛЕДНИЙ ЛАНЧ

Идея очаровывала, хотя не все верили, что она сработает. Декор интерьера для единственной в мире глубоководной туристической субмарины целиком взяли из классического диснеевского фильма «Двадцать тысяч лье под водой».

Пассажиры, взошедшие на борт «Пикара» (порт регистрации — Женева), оказались в гостиной с мебелью, обтянутой плюшем. Пропорции у гостиной были слегка непривычные. От обстановки в салоне требовалось успокоить пассажиров и внушить им уверенность. Требовалось отвлечь людей от мысли, что на каждый маленький иллюминатор, демонстрирующий не такую уж обширную картину из внешнего мира, давит несколько сотен тонн воды.

Основные проблемы строителям «Пикара» доставили вовсе не инженерные трудности. Трудности носили юридический характер. Лодку согласилось застраховать лондонское общество Ллойда, но никто не желал страховать пассажиров — очень важных персон с астрономическими капиталами. Поэтому перед каждым погружением от гостей требовали нотариально заверенные бумаги, подтверждающие согласие на путешествие. Конечно, процедуру старались сделать как можно менее бюрократичной.

В итоге ритуал нервировал не больше, чем радостные сообщения стюардесс о возможных авариях, десятки лет звучащие на бортах самолетов, летающих через Атлантику. Конечно, пришлось избавиться от табло «НЕ КУРИТЬ». Также с борта «Пикара» убрали ремни безопасности и спасательные жилеты. Толку от них в случае аварии оказалось бы не больше, чем от парашютов на коммерческих авиалайнерах. Многочисленные устройства безопасности не мозолили глаза. Их постарались сделать полностью автоматическими. В случае катастрофы от пассажирского салона отделилась бы автономная двухместная капсула и, истерически завывая ультразвуковыми маячками, подняла бы паникующих богатеев на поверхность.

Погружение было последним в сезоне. Год близился к концу, и «Пикару» вскоре предстояло совершить перелет на грузовом самолете в более спокойные моря Южного полушария. На глубинах, где работала субмарина, между зимой и летом разница ощущалась не сильнее, чем между днем и ночью, но плохая погода на поверхности могла сильно расстроить пассажиров.

Тридцатиминутный спуск к месту крушения «Титаника» скрашивался для важных гостей коротким видеороликом о нынешнем этапе подготовительных работ. После демонстрировалась карта маршрута «Пикара». Больше при погружении во мрак глубин смотреть было не на что. Лишь изредка странный новичок в подводном царстве привлекал внимание какой-нибудь светящейся глубоководной рыбы.

А потом неожиданно возникало впечатление, будто снизу поднимается призрачное рассветное сияние. На «Пикаре»

отключали все огни, кроме аварийных, и перед восхищенными зрителями возникал нос «Титаника».

Почти всем, кто теперь видел затонувший лайнер, приходила в голову одна мысль: «Да он выглядит почти так же, как сто лет назад, на верфях Гарланда и Вольфа!» Корабль снова окружали стальные леса, вокруг суетились рабочие. Только это были не люди.

Благодаря небеса за великолепную видимость, пилот вел «Пикар» так, чтобы пассажиры по обе стороны салона имели как можно лучший обзор. Он старался держать субмарину подальше от занятых делом роботов. Создатели не заложили в их картину мироздания ничего, напоминающего подводную капсулу с туристами, и работяги просто не обращали на нее внимания.

— Посмотрите направо,— вещал экскурсовод, молодой старшекурсник океанографического института в Вудс-Холе, подрабатывавший во время каникул.— Вы видите спусковой трос, тянущийся наверх, к «Эксплореру». Теперь перед нами модуль с прикрепленным балластом. Он имеет вес порядка двух тонн...

Навстречу модулю отправился робот, чтобы отцепить его... Как вы могли заметить, модуль наделен нейтральной плавучестью, его легко передвигать. Роботу нужно отнести груз к подъемной раме и прикрепить в нужном месте. Затем двухтонный балласт, позволивший доставить модуль на дно, прикрепят к подъемному тросу и отправят на «Эксплорер». Там его используют повторно. Процедуру повторят десять тысяч раз. Только тогда можно будет поднять «Титаник». По крайней мере, эту его часть.

— Сложновато получается,— высказалась пассажирка.— Почему просто-напросто не использовать сжатый воздух?

Этот вопрос экскурсовод слышал десятки раз. Он уже научился отвечать на подобные глупости вежливо. Ему хорошо платили, и работа эта была полезна для учебы и резюме. Не хотелось ее терять.

— Такое тоже возможно, мэм, но слишком дорого. Давление здесь поистине грандиозно. Полагаю, вам знакомы

стандартные баллоны, с которыми погружаются аквалангисты. Они обычно рассчитываются на давление в двести атмосфер. Так вот, если вы откупорите баллон здесь, воздух из него выходить не будет. Вода хлынет внутрь и заполнит половину объема!

Пожалуй, он слегка переусердствовал. Некоторые пассажиры занервничали. Экскурсовод поспешно продолжил рассказ, надеясь направить мысли клиентов в другое русло.

— Кое-где мы все-таки пользуемся сжатым воздухом. А на финальном этапе подъема он сыграет ключевую роль.

Теперь шкипер поведет нас вдоль прогулочной палубы к кормовой части. Затем он развернется, и вы полюбуетесь кораблем с противоположной стороны. Некоторое время я помолчу...

«Пикар» очень медленно двигался параллельно громадному темному корпусу корабля. Большая часть лайнера пряталась во мгле. Лишь некоторые люки подсвечивались, и внутри корпуса трудились роботы. В тех местах, где позволяла нагрузка, они устанавливали модули плавучести.

Субмарина скользила вдоль металлических стен, увешанных гирляндами водорослей. На борту «Пикара» не произносили ни слова. Люди пытались осознать размеры корабля. По прошествии ста лет он все еще оставался в ряду крупнейших пассажирских лайнеров. По роскошности же, если рассуждать с точки зрения чистой экономики, его так и не удалось обойти. «Титаник» знаменовал окончание эпохи; вскоре после катастрофы началась война, и подобные излишества стали недоступны. К тому же вряд ли найдется смельчак, готовый вновь навлечь на себя гнев богов.

Гора стали исчезла вдалеке. Окружавший ее нимб света виднелся еще какое-то время. Затем под «Пикаром» поплыло дно. Оно мелькало в свете овальных фар и пропадало из виду.

Дно было пустым, однако на нем различались ямы и пересекающиеся канавки.

— По этой территории были разбросаны обломки,— пояснил экскурсовод, наконец нарушивший молчание.— Здесь лежало много вещей, упавших за борт,— посуда, мебель, кухонная утварь и так далее. Их собрали еще в то время, когда общество Ллойда и канадское правительство грызлись во Всемирном суде. Когда вынесли решение, оказалось слишком поздно...

— А это что? — поинтересовался пассажир, заметивший за стеклом иллюминатора движущийся объект.

— Где? Позвольте, я посмотрю... О, это «Джейсон».

— Кто?

— «Джейсон-младший», новейшая игрушка МОМД — прошу прощения, Международного органа по морскому дну. Сейчас его тестируют. Автоматический поисковый робот. Они надеются создать целую флотилию аналогичных машин, чтобы нанести на карту дно всех океанов и морей в масштабе до одного метра. Тогда мы узнаем океан так же хорошо, как знаем Луну...

Впереди появился еще один оазис света. Вскоре перед глазами пассажиров предстало зрелище, в которое трудно верилось, даже если до этого ты не раз встречал его на фотографиях и видеозаписях.

Кормовая часть «Титаника» теперь совсем пропала из поля зрения: она целиком скрылась внутри огромной глыбы льда, возвышавшейся на дне. Глыба имела неправильную форму. Из нее торчали десятки стержней. Ко многим кабелям различной длины крепились наполовину надутые воздушные шары.

— Очень сложная работа,— с нескрываемым восторгом проговорил молодой экскурсовод.— Самая большая проблема — сделать так, чтобы лед не треснул и не всплыл сам по себе. Поэтому айсберг, как видите, снабжен прочным каркасом. Сверху сооружено нечто вроде крыши.

Пассажир, видимо, внимательно слушавший предыдущие разъяснения, спросил:

— Эти шары... вы же говорили, что на такой глубине в них нельзя закачать воздух.

— Невозможно наполнить их до объема, способного поднять достаточно большой вес. И в них не воздух. Резервуары содержат водород и кислород, образованные путем электролиза. Видите кабели? Они доставляют на дно миллионы — нет, миллиарды ампер-часов электроэнергии от двух атомных подлодок, находящихся в четырех километрах над нами. Электричества хватило бы для снабжения небольшого города.— Экскурсовод взглянул на часы.— Боюсь, больше пока смотреть не на что. Сделаем еще две ходки в обе стороны. Затем наверх.

«Пикар» сбросил балласт, которому позже предстояло вернуться на поверхность, и начал подъем вдоль троса, проложенного от носовой части «Титаника». Настало время получать сувенирные буклеты. Видя их впервые, многие пассажиры сильно удивлялись...

«Глубоководная субмарина “ПИКАР”	Корабль королевского морского флота “ТИТАНИК”
14 октября 2011	*12 апреля 1912*

Ланч

Бульон консоме куриный с луком-пореем
Филе камбалы
Яйцо по-аржентельски
Цыпленок по-мэрилендски
Солонина говяжья, овощи, клецки

Гриль

Бараньи отбивные, жаренные на гриле
Пюре, жареный и печеный картофель в мундире

Пудинг с кремом
Яблочная меренга

Закуски холодные

Майонез семужный
Креветки консервированные
Анчоусы норвежские
Сельдь с соусом
Сардины простые и копченые
Ростбиф
Ломтики пряной говядины
Пирог с телятиной и ветчиной
Ветчина виргинская и кумберлендская
Колбаски болонские свиные
Галантин куриный
Бычий язык соленый
Латук, свекла, томаты

Сыр

Чеширский, стилтонский, горгонзола, эдамский,
камамбер, рокфор, сент-ивель, чеддер.

Охлажденное разливное мюнхенское светлое пиво,
по три и шесть пенсов за кружку».

— Боюсь, кое-каких блюд из меню в наличии нет,— с наигранным сожалением сообщил молодой экскурсовод.— На «Пикаре» не настолько большая кухня. Пришлось избавиться даже от микроволновки. Она требует слишком много электроэнергии. Так что на блюда, требующие гриля, внимания не обращайте. Уверяю вас, холодные закуски великолепны. Некоторые не самые пахучие сыры у нас тоже имеются. Брать горгонзолу в сравнительно небольшое помещение показалось нам не лучшей идеей.

О да, пиво настоящее, подлинное, прямо из Мюнхена! Но стоит оно дороже трех пенсов за кружку. И даже дороже шести.

Приятного аппетита, дамы и господа. Прибудем наверх ровно через час.

37
ВОСКРЕШЕНИЕ

Организовывать такие вещи всегда сложно. Споры продолжались не один месяц. Между тем общая заупокойная служба прошла гладко; в кои-то веки, объединенные общей трагедией, христиане могли вежливо поговорить с другими христианами. Общему делу очень помогло, что один из погибших оказался родом из Северной Ирландии; гробы одновременно опустили в могилы в Дублине и в Белфасте.

Когда стихли последние ноты «Lux aeterna»* из «Реквиема» Верди, Эдит Крейг обернулась к Долорес и спросила:

— Стоит поговорить с доктором Джефферджи сейчас? Или он решит, что я опять сошла с ума?

Долорес нахмурилась и ответила с певучим карибским акцентом, прежде помогавшим ей проникать в ту далекую страну, где обитал разум Эдит:

— Прошу вас, дорогая, не говорите так. Да, думаю, стоит с ним побеседовать. Самое время, иначе он будет волноваться. Есть доктора, о которых я не хочу упоминать... Доктор Джефферджи не равняет пациентов с их историями болезни. Он относится к ним как к людям.

Доктор действительно обрадовался звонку Эдит. Он поинтересовался, откуда она звонит, но женщина не ответила. Монитор показывал, что она сидит в большой комнате, обставленной плетеной мебелью (ага, значит, где-то в тропиках — быть может, на родном острове Долорес?), и с радостью отметил, что пациентка выглядит спокойной и расслабленной. На стене за ее спиной висели две большие фотографии. На одной была изображена Ада, на другой — «Колин».

Врач и бывшая пациентка тепло приветствовали друг друга. Эдит нервно проговорила:

— Вы решите, что я хочу начать очередное безнадежное странствие. Возможно, так и есть. Но на этот раз я знаю о по-

* «Свет вечный» *(лат.)* — шестая часть «Реквиема» Дж. Верди.

следствиях. И работать собираюсь рука об руку с рядом всемирно известных ученых. Шансы на успех — один против миллиона. Однако такой вариант бесконечно — в прямом смысле бесконечно — лучше, чем поиски чего-либо внутри множества Мандельброта.

«Не чего-либо,— подумал доктор Джеферджи,— а того, что хочешь найти».

Он заговорил очень осторожно:

— Продолжайте. Я заинтригован. Пока ничего не понимаю.

— Что вам известно о крионике?

— Немного. Знаю, многих людей заморозили, но нет свидетельств того, что их можно... О! Понял, к чему вы клоните! Фантастическая идея!

— Не дурацкая?

— Ну... насчет одного шанса на миллион... чересчур оптимистичный прогноз. Но ради такого дела... нет, я бы не назвал задумку дурацкой. Если переживаете, не попрошу ли я Долорес посадить вас на ближайший самолет и вернуть в клинику,— не переживайте. Пусть проект провалится, но лучшей терапии для вас не придумать.

«При условии,— добавил доктор Джефферджи про себя,— что вас не слишком огорчит почти неизбежное фиаско. До него, правда, еще столько лет...»

— Вы меня очень порадовали. Услышав, что тело Колин хотят сохранить для опознания, я сразу поняла: вот оно. Я не верю в судьбу, в рок — но как можно отвернуться от такого шанса?

«Верно — как можно отвернуться? — подумал Джефферджи.— Одну дочь вы потеряли; теперь надеетесь обрести другую. Спящую красавицу, пробудить которую суждено не юному принцу, а стареющей принцессе. Нет — фее! На этот раз — доброй, могущественной. Такая сказка превосходит мечты любой ирландской девочки, родившейся в девятнадцатом веке».

Если — о если! — у Эдит получится, что за странный новый мир увидит Колин! Ей понадобится психологическая помощь лучших специалистов. Но до этих забот, конечно, еще невообразимо далеко.

— Не хотелось бы разбивать вдребезги ваш идеальный план,— произнес Джефферджи.— Но даже если удастся оживить тело... Разве головной мозг не пострадал необратимо?

— Поначалу это казалось мне главной проблемой. Но существует много исследований, вселяющих надежду. Честно говоря, они меня изумили. Нет, потрясли! Вы слышали о профессоре Ральфе Меркле?

— Краем уха.

— Больше тридцати лет назад он с двумя молодыми математиками произвел революцию в криптографии. Ученые изобрели систему кодировки с так называемым открытым ключом. Не буду вдаваться в подробности, но их система за сутки отбросила в далекое прошлое все шифровальные машины в мире, а вместе с ними множество шпионских сетей.

Позднее, в тысяча девятьсот девяностом... прошу прощения, восемьдесят девятом — профессор опубликовал классическую работу под названием «Молекулярное восстановление головного мозга»...

— А, припоминаю.

— Отлично. Не сомневалась, что вы знаете о его работах. По теории Меркле, даже в случае тяжелых повреждений головного мозга его можно восстановить с помощью наноустройств размером с молекулу. Он свято верил, что такие устройства непременно изобретут в следующем столетии. То есть — сейчас.

— И как? Изобрели?

— Активно производят. Вспомните управляемые с помощью компьютера микросубмарины. Хирурги пользуются ими для реставрации артерий у людей, перенесших инсульт. Включите любой научный канал — сразу увидите последние достижения в области нанотехнологий.

— Но восстановить головной мозг целиком, молекулу за молекулой! Представьте, сколько их!

— Примерно десять в двадцать третьей. Ерунда.

— Да уж.— Джефферджи не понимал, шутит ли Эдит. Нет, женщина говорила совершенно серьезно.— Хорошо. Допустим, вам удастся восстановить мозг до мельчайших деталей. Но воскресит ли это личность? Воспоминания? И остальное, что делает человека особенным, индивидуальным, наделенным самосознанием?

— Есть причины, которые могут помешать? Не верю, что мозг более загадочен, чем остальные органы. Мы знаем, как он работает. Пусть не в деталях, но в принципе. Есть шанс заглянуть глубже. В процессе работы мы многому научимся.

— Как думаете, сколько времени займет проект?

— Спросите лет через пять. Быть может, тогда я отвечу. Десятилетие, два, три, век. Или вечность.

— Могу лишь пожелать удачи. Идея интереснейшая. Возникнет масса проблем, помимо чисто технических. Например, родственники девочки, если таковые отыщутся.

— Маловероятно. По последним предположениям, она отправилась в плавание «зайцем». Потому ее и нет в списках пассажиров.

— Тогда церковь. Средства массовой информации. Тысячи спонсоров. Безымянные писаки, желающие состряпать ее автобиографию. Честно говоря, мне уже жаль бедного ребенка.

Он промолчал, но не удержался от мысли: «Надеюсь, Долорес не станет ревновать».

Дональд изумился и возмутился, что естественно для мужа (или жены) в подобных обстоятельствах.

— Она даже записки не оставила? — не веря собственным ушам, спросил он.

Доктор Джефферджи покачал головой.

— Не волнуйтесь. Она свяжется с вами, как только устроится на новом месте. Ей нужно время, чтобы привыкнуть. Дайте ей несколько недель.

— Вы знаете, куда она уехала?

Молчание психиатра красноречиво ответило за него.

— Но... вы уверены, что с ней все в порядке?

— Совершенно; она в очень хороших руках.

Врач умолк. Возникла та бесконечная пауза, на которые доктор Джефферджи был большим мастером. Профессия обязывала.

— Знаете, мистер Крейг,— проговорил он спустя некоторое время,— это мне следовало бы на вас обижаться.

— За что? — искренне изумился Дональд.

— Из-за вас я лишился лучшей сотрудницы — правой руки, можно сказать.

— Вы о сестре Долорес? Я-то гадал, где она... Хотелось поблагодарить ее за все.

И вновь старательно рассчитанная пауза. Наконец доктор произнес:

— Вы не представляете, как она помогла Эдит. Очевидно, вы кое о чем не догадывались. Думаю, это вас шокирует. Но я обязан сказать правду. Вам придется свыкнуться с ней.

Мужчины — не главный объект сексуального влечения Эдит. А Долорес мужчин совсем не переваривает, хотя порой милостиво делала исключение для меня...

Она сумела наладить контакт с Эдит на физическом уровне еще до того, как нам удался контакт на уровне сознания. Они хорошо подойдут друг другу. Но мне будет не хватать Долорес, черт побери.

На миг Дональд лишился дара речи. Потом он взорвался:

— Хотите сказать... у них был роман?! И вы об этом знали?

— Разумеется, знал. Я врач. Мой долг помогать пациентам всем, чем возможно. Мистер Крейг, вы разумный человек. Меня удивляет ваша реакция.

— Но с вашей стороны это... непрофессионально!

— Чушь! Наоборот — высокопрофессионально! О, в варварском двадцатом столетии с вами бы согласились. Представляете, в те времена сотрудники медицинских учреждений, вступавшие в сексуальные отношения с пациентами,

порученными их заботам, преследовались законом! При том, что зачастую не существовало лучшего способа победить болезнь!

Эпидемия СПИДа принесла человечеству кое-что положительное. Она вынудила людей быть честными, ликвидировала последние остатки пуританского безумия. Мои коллеги из Индии с их храмовыми проститутками и эротическими скульптурами давным-давно избавились от подобных проблем. Жаль, Западу потребовалось три тысячи лет несчастий и горя, чтобы прийти к пониманию.

Джефферджи умолк. Требовалось отдышаться и дать Крейгу время привести мысли в порядок. Дональд заметил, что доктор в какой-то момент утратил профессиональное хладнокровие. Не питает ли он эротического интереса к недоступной медсестре Долорес? Или его проблемы посерьезнее?

С другой стороны, каждому известно, почему люди идут в психиатры...

Если повезет — исцелишь себя. Ну а если нет — работа интересная, да и платят отлично.

ФИНАЛ

38
ВОСЕМЬ БАЛЛОВ ПО ШКАЛЕ РИХТЕРА

Джейсон Брэдли стоял перед монитором на мостике корабля «Гломар Эксплорер» и наблюдал за действиями «Джейсона-младшего» на дне океана. Вдруг он почувствовал резкий толчок. Два инженера-электронщика, не отрывавшие глаз от дисплеев, ничего не заметили. Они, очевидно, решили, что колебание вызвано некими изменениями в ритме работы корабельной техники. Джейсон на краткий миг представил себя одним из сотен пассажиров, тогда, почти сто лет назад, тоже не заметивших легкого точка...

Однако «Эксплорер», в отличие от «Титаника», стоял на якоре (при глубине в четыре километра — вот бы удивился капитан Смит!), и радар современного корабля был настолько мощен, что ни один айсберг не подкрался бы незамеченным. Даже перехитри ледяная глыба аппаратуру наблюдения, вред от нее ограничился бы легкими царапинами на обшивке.

Джейсон собирался позвонить в коммуникационный центр, как вдруг на экране спутникового телефакса замигала красная звездочка. Сработала и радиосигнализация. Звучала она в таком диапазоне, что хотелось заткнуть уши. Брэдли отключил звук и сосредоточился на сообщении. Даже электронщики — типичные сухопутные крысы — сообразили: что-то не так.

— В чем дело? — встревоженно спросил один из них.

— Землетрясение. Серьезное. Где-то неподалеку.

— Опасное?

— Не для нас. Интересно, где эпицентр...

Брэдли пришлось подождать с десяток минут, пока сейсмографические компьютерные сети производили вычисления. Наконец на экране появилось сообщение:

«Подводное землетрясение около 7 Рихтера.
Эпицентр прибл. 55 З 44 С.
Тревога всем островам и прибрежным районам Северной Атлантики».

Спустя несколько секунд возникла новая строчка:

«Уточнение: сила толчка 8 Рихтера».

На четырехкилометровой глубине неторопливо, рассудительно работал «Джейсон-младший». Он скользил в десяти метрах над дном с оптимальной скоростью в восемь узлов (некоторые флотские традиции упорно отказывались умирать; узлы и морские сажени уцелели даже в эру всеобщего господства метрической системы). Навигационную программу робота настроили так, чтобы он сканировал дно находящими одна на другую полосами, словно пахарь, готовящий поле под посев.

Первая ударная волна подействовала на «Джейсона» не сильнее, чем на «Эксплорер». Две атомные подлодки ее совсем не заметили; их конструкция позволяла выдерживать гораздо более мощные толчки. Однако командиры субмарин на несколько тревожных секунд успели задуматься о взрывах глубоководных мин.

«Джейсон-младший» продолжал автономное странствие. Каждую секунду он собирал и записывал мегабайты информации. Девяносто пять ее процентов пропадет впустую, а научное золото, тщательно просеянное сквозь сито, может пролежать в архивах пару сотен лет, прежде чем его обнаружат.

Для человеческого глаза и для объектива видеокамеры дно выглядело безликим, ничем не выделяющимся. Однако участок выбрали не случайно. Первоначальную «мусорную свалку» вокруг полуразрушенной кормы давно очистили от интересных предметов; даже куски угля, высыпавшегося из хранилищ, растащили на сувениры. Но два года назад с помощью магнитометра выявили аномалии вблизи носа «Титаника». Было решено исследовать их тщательнее. «Джейсон» идеально подходил для этой работы; через несколько часов ему предстояло завершить сканирование и вернуться на плавучую базу.

— Похоже на тысяча девятьсот двадцать девятый,— предположил Брэдли.

Доктор Цвикер, говоривший с ним из лаборатории МОМД, покачал головой.

— Боюсь, гораздо хуже.

Като, собеседник из Токио — еще одной точки поспешно собранной видеоконференции,— поинтересовался:

— Что случилось в двадцать девятом?

— Землетрясение в районе Гранд-Бэнкс. Как следствие, возникло турбулентное течение. Вроде подводной лавины. Телеграфные кабели рвались, будто хлопковые нити, когда течение проносилось по дну. Так и вычислили его скорость — шестьдесят километров в час. Может, больше.

— Ого! В таком случае, до нас ему... Боже! Три-четыре часа ходу. Насколько оно разрушительно?

— Пока судить рано. В лучшем случае повреждения будут совсем легкими. В двадцать девятом стихия пощадила «Титаник», хотя многие предрекали ему погребение под горой песка и ила. К счастью, турбулентное течение прошло западнее, в паре сотен километров. Большую часть донных осадков отнесло к подводному каньону вдалеке от лайнера.

— Прошу прощения,— вмешался Руперт Паркинсон из лондонского офиса.— Только что доложили, что один наш плавучий модуль всплыл. Просто-таки выпрыгнул на двадцать метров из воды. И телеметрическая связь с местом проведения работ пропала. Като, у вас все нормально?

Мицумаса растерялся всего на миг. Он быстро проговорил что-то на японском, обращаясь к невидимому сотруднику.

— Свяжусь с «Петром» и «Мори». Доктор Цвикер, каков самый пессимистичный прогноз?

— По неточным прикидкам, может образоваться несколько метров осадков. В течение часа закончится компьютерное моделирование, получим результаты понадежнее.

— Один метр — куда ни шло.

— Проклятье. Можем не уложиться в сроки.

— Сообщение от «Мори», джентльмены,— прервал Като.— Все в норме.

— Надолго ли? Если эта... лавина... действительно несется к нам, стоит сворачивать все оборудование, которое удастся. Доктор Цвикер, дайте же совет!

Ученый собрался ответить, но Брэдли что-то шепнул ему на ухо. Цвикер сначала испугался, затем помрачнел, а потом неохотно кивнул.

— Пока позволю себе промолчать, господа. Мистер Брэдли опытнее меня в таких делах. Прежде чем раздавать советы, я должен проконсультироваться с юристами.

Все ошеломленно замолчали. Спустя несколько секунд Руперт Паркинсон торопливо произнес:

— Мы не вчера родились и кое-кто понимаем. МОМД не хочет оказаться втянутым в судебные разбирательства. Давайте не будем терять время. Уберем со дна все, что сможем. И вам, Като, рекомендую сделать то же самое. Вдруг худшие опасения доктора Цвикера окажутся детскими страшилками.

Этого и боялся ученый. Любое подводное землетрясение страшно само по себе. Но, как взрыв атомной бомбы порождает цепную реакцию, тепловую и ударную волны, оно могло вызвать к жизни еще более могучие силы.

Миллионы лет энергия солнца хранилась в виде углеводородов под толщей атлантического дна. Менее столетия назад до этих запасов добрались люди.

Остальные кладези пока оставались нетронутыми.

39
СЫН-ВУНДЕРКИНД

Роботы, стоившие создателям миллиарды долларов, выключали инструменты и всплывали со дна Атлантики. Особой спешки не было, жизням людей опасность не грозила. Однако капиталовложениям грозила серьезная опасность. Стоимость акций «Титаника» на мировых биржах начала падать. У медийных юмористов появился повод для очевидных шуток.

Владельцы крупных морских нефтеразработок также принимали меры безопасности. «Гиберния» и «Авалон» работали на относительно небольших глубинах, но и там турбулентного потока следовало опасаться. Работы заморозили. Аварийные и запасные системы проверяли и перепроверяли на прочность. Оставалось ждать и восхищаться фантастическими северными сияниями. Повышенная солнечная активность не дарила людям столь прекрасного зрелища ни разу за всю историю.

Незадолго до полуночи — теперь поспать почти не удавалось — Брэдли стоял на вертолетной площадке «Эксплорера», любуясь величественными рубиновыми и изумрудными полотнищами. Сияние растянулось по всей северной небесной полусфере. Джейсон не числился в списке экипажа; не следовало болтаться под ногами у команды. Если Брэдли понадобится шкиперу или кому еще, его позовут. Слишком занятые люди не любят, когда за спиной торчат посторонние. Какими бы добрыми побуждениями ты ни руководствовался и сколь высокой квалификацией ни обладал, лучше не болтаться под ногами у тех, кто всеми силами пытается избежать экстренной ситуации.

Вызвали Брэдли не с мостика, а из центра управления.

— Джейсон? ЦУ беспокоит. У нас проблема. Пытаемся отозвать «Джейсона-младшего». Он не реагирует.

Брэдли охватили странные, смешанные чувства. Очень не хотелось потерять робота — наиболее многообещающее и дорогое устройство, имеющееся у лаборатории. Затем возник

неизбежный вопрос: «Что могло случиться?», а следом за ним другой: «Что удастся сделать?»

Но кроме профессиональных вопросов появилось что-то личное и глубокое. Брэдли отдал «Джейсону» столько времени, стараний, мыслей... даже любви. Вспомнились шутки насчет того, кто приходится роботу отцом... Что ж, в них была доля правды. Для сотворения настоящего сына (как там, кстати, Джейсон-младший из плоти и крови?) потребовалось намного меньше сил...

«Черт,— выругал себя Брэдли,— это всего-навсего машина, робот! Соберем заново. Все программы сохранились. Кроме информации, собранной при последнем погружении, ничего не пропадет».

Но нет. Пропадет многое. Вероятно, гибель робота будет означать завершение всего проекта. Создание «Джейсона-младшего» до предела напрягло финансовое состояние и прочие ресурсы МОМД. Операцию «Нептун» как минимум придется отложить не на один год. Цвикер, скорее всего, не доживет до ее завершения. Старик, конечно, тот еще сукин сын, но Джейсон успел привязаться к нему. Он восхищался ученым. Потеря «Джейсона» разобьет сердце Цвикера...

Торопливо шагая в сторону центра управления, Брэдли вел переговоры с помощью наручного коммуникатора.

— Уверены, что робот функционирует нормально?

— Да... и с маяком все в порядке. Пятнадцать минут назад пришел последний отчет. Все системы в норме. «Джейсон» отрапортовал о работе в режиме поиска. Но не желает реагировать на сигнал отзыва.

— Проклятье! В лаборатории уверяли, что этот алгоритм фиксированный. Продолжайте отзывать... Делайте что угодно. По землетрясению ничего нового?

— Плохо дело. Гора Пеле сотрясается... Мартинику эвакуируют. Повсюду разосланы предупреждения о цунами.

— А Гранд-Бэнкс? Есть признаки подводной лавины?

— Все сейсмографы звенят как ненормальные. Никто толком не понимает, что происходит. Через минуту получу

последние сведения... ага, вот. Флотская противолодочная сеть... ух ты, она еще действует!.. короче, сеть накрывается. И атлантические кабели тоже. Совсем как в двадцать девятом... Да, лавина движется к нам.

— Через сколько объявится?

— Часа через три. Может, через четыре.

«Времени хватит»,— решил Брэдли. Он знал, что должен сделать.

— Технический бассейн? — проговорил он в микрофон коммуникатора.— Готовьте «Дип джип». Буду погружаться.

«А неплохо получилось,— подумал Брэдли.— Когда еще случится столь веская причина спуститься к "Титанику" в "Дип джипе" без нескончаемых переговоров и разрешений? Заполнить бумажки, занести данные в компьютер успею позже...»

Для ускорения погружения «Дип джип» пришлось сильно утяжелить; засорение морского дна сброшенным балластом — не то, о чем сейчас стоит задумываться. Прошло лишь двадцать минут, как позади, на поверхности, угасли отсветы северного сияния. Брэдли увидел тусклый фосфоресцирующий нимб, окружающий нос «Титаника». Свет, как ориентир, водолазу не требовался. Он точно знал, куда двигаться. Затонувший корабль не был главной целью, но Брэдли приятно грело, что освещение включили.

«Джейсон-младший» орудовал всего в полукилометре. Он продолжал выполнять задачу с простодушной сосредоточенностью и преданностью. Каждые десять секунд внутри робота попискивал маячок. «Джейсон» четко различался на экране поискового сонара.

По мере приближения к упрямому аппарату Брэдли передавал команду отзыва — скорее для галочки, чем надеясь на ответ. Молчание робота не удивило и не разочаровало его. «Паниковать рано,— убеждал он себя,— в рукаве еще куча козырей».

Следующую карту Брэдли берег до момента, когда до цели останется метров десять. «Дип джип» без труда обогнал бы

«Джейсона». Брэдли собирался повести машину навстречу роботу, маршрут которого был рассчитан компьютером. Подобные конфронтации на этапе тестирования устраивали часто, проверяя работу алгоритмов по избеганию препятствий. Функция выполнялась без погрешностей.

«Джейсон» остановился и принялся обдумывать ситуацию. Расстояние до помехи невелико. Брэдли услышал негромкие звуки, напоминавшие пение флейты-пикколо. Робот сканировал возникшее препятствие и пытался его идентифицировать.

Брэдли воспользовался возможностью и снова отправил роботу команду всплыть. Без толку. Бесполезно продолжать; проблема, очевидно, в программном обеспечении.

«Джейсон-младший» повернул на девяносто градусов влево и двинулся перпендикулярно первоначальному курсу. Проплыв десять метров, он развернулся в надежде, что препятствие позади. Но Брэдли его опередил.

Пока «Джейсон» размышлял об очередной помехе, инженер задумал новый гамбит. Он включил внешний динамик.

— «Джейсон-младший»,— проговорил он.— Слышишь меня?

— Да,— мгновенно отозвался робот.

— Узнаешь меня?

— Да, мистер Брэдли.

«Отлично,— подумал Брэдли.— Уже что-то».

— Есть проблемы?

— Нет. Все системы в норме.

— Мы отправляли тебе команду на всплытие. Подпрограмма девятьсот девяносто девять. Ты получал команду?

— Нет. Я ее не получал.

«Что ж,— подумал Брэдли,— что бы ни насочиняли фантасты, роботы не лгут, если их на это не запрограммировать. Надеюсь, никто так грязно не пошутил с "Джейсоном"...»

— Тебе посылали команду. Повторяю: повиноваться коду девятьсот девяносто девять. Как понял?

— Понял.

— Выполняй.

— Команда не понята.

«Проклятье. Ходим по кругу,— догадался Брэдли.— И будем ходить, пока не закончится энергия или терпение».

Инженер раздумывал над следующим шагом. Размышления прервал голос с «Эксплорера».

— «Дип джип», сожалею, что пока ничего не выходил. У нас новость и сообщение от профессора.

— Говорите.

— Вы пропустили фейерверк! Тут был... нет, взрыв — слишком мягко сказано. Координаты примерно сорок западной, пятьдесят северной. К счастью, рвануло довольно глубоко. Морские платформы не пострадали. Зато углеводородный газ кипит. Миллионы кубометров! И он воспламенился. Отсюда видно зарево — куда там северному сиянию! Посмотрели бы вы спутниковые снимки: впечатление, будто горит вся Северная Атлантика.

«Не сомневаюсь, зрелище мощное,— подумал Брэдли.— Но меня-то это каким боком касается?»

— А сообщение от доктора Цвикера? О чем оно?

— Он просил передать, что Томми Голд был прав. Сказал, вы поймете.

— Сейчас меня меньше всего волнует подтверждение научных гипотез. Сколько времени до всплытия?

Брэдли не боялся. Он должен выполнить срочное дело. Сбросить балласт и накачать воздух в баллоны можно за несколько секунд. «Дип джип» успеет сбежать от любой подводной лавины. Брэдли твердо решил выполнить задачу. Причин хватало, как профессиональных, так и личных.

— По последней оценке — час. Может, чуть больше. До прихода лавины еще полно времени. Если она вообще до нас доберется.

Час — это роскошь. Хватит и пяти минут.

— «Джейсон-младший»,— скомандовал Брэдли.— Даю новую команду. Пять два семь.

Брэдли продиктовал код отключения главного источника питания. После его срабатывания в рабочем состоянии оставались только аварийные системы. У робота не останется выбора, кроме как всплыть.

— Команда пять два семь принята.

Отлично! Сработало! Наружные огни «Джейсона» мигнули и погасли, маленькие маневровые винты остановились. На мгновение робот словно умер. «Надеюсь, я не переусердствовал»,— заволновался Брэдли.

Но спустя секунду огни загорелись, а винты заработали вновь.

Что ж, попытаться стоило. Ничего ужасного не случилось. Трудно упомнить все тонкости, когда имеешь дело с таким сложным механизмом, как «Джейсон-младший». Брэдли упустил из виду одну мелочь. Некоторые команды срабатывали только в лабораторных условиях. На время подводных работ их отключали. Робот автоматически отменил подпрограмму.

Оставался единственный выход. Раз «Джейсон» не поддается на уговоры, следует применить грубую силу. «Дип джип» гораздо прочнее «Джейсона». К тому же у робота нет конечностей-манипуляторов для самозащиты.

Но это бесчестно. Существовал более достойный способ.

Брэдли развернул «Дип джип» так, чтобы не перегораживать путь «Джейсону». Робот несколько секунд анализировал обстановку. Постояв на месте, он возобновил сканирование дна. Его преданностью работе стоило восхищаться. Но сейчас упорство «Джейсона-младшего» требовалось побороть. Правда ли, что археологи обнаружили под грудой пепла Везувия скелет римлянина-часового, погибшего на посту, дожидаясь смены? Казалось, будто «Джейсон» собирается повторить подвиг безымянного героя.

— Прости, дружище,— пробормотал Брэдли, нагнав ничего не подозревающего робота.

Манипулятором «Дип джипа» он нанес таранный удар по главному винту «Джейсона». Во все стороны полетели

обломки металла. Боковые винты развернули робота по дуге, после чего он остановился.

Теперь оставался лишь один выход, и «Джейсон» спорить не стал.

Прерывистый сигнал маячка сменился монотонным воем — джейсоновским вариантом сигнала «SOS». Вой на его языке означал: «Заберите меня отсюда!»

На манер бомбардировщика, выполняющего основную задачу — уничтожение вражеских объектов, робот сбросил балласт, достиг нейтральной плавучести и быстро устремился вверх.

— «Джейсон-младший» начал всплытие,— сообщил Брэдли на борт «Эксплорера».— Будет у вас через двадцать минут.

Теперь робот в безопасности. Полдесятка систем слежения засекут «Джейсона», стоит ему появиться на поверхности, и он вернется в технический бассейн задолго до «Дип джипа».

— Надеюсь, ты понимаешь,— негромко проговорил Брэдли, когда «Джейсон» скрылся вдали.— Мне было куда больнее, чем тебе.

40
ИНСПЕКЦИОННЫЙ МАРШРУТ

Брэдли собрался сбросить балласт и последовать за «Джейсоном-младшим» на поверхность, когда на связь снова вышли с «Эксплорера».

— Джейсон, отличная работа. Наблюдаем за всплытием робота. Ребята в надувных лодках уже поджидают его. Но подождите подниматься. У «Ниппон-Тернер» есть небольшое поручение. Займет буквально пару минут.

— У меня они есть?

— Разумеется. Иначе мы бы не просили. До лавины еще минут сорок. На компьютерных симуляторах она выглядит как грозовой фронт. Не волнуйтесь, мы постоянно будем сообщать о ее приближении.

Брэдли обдумал ситуацию. «Дип джип» доберется до места, где корпорация «Ниппон-Тернер» проводит операции, за десятую часть оставшегося времени. Водолазу хотелось в последний раз взглянуть на «Титаник» — по возможности, на обе части. Риска не было: даже если оценочная скорость подводной лавины жутко приуменьшена, до последнего предупреждения можно успеть. «Дип джип» способен подняться на тысячу метров до того, как она пронесется внизу.

— Чего они хотят? — спросил Брэдли, развернув машину так, чтобы заключенная в глыбу льда корма оказалась прямо по курсу и появилась на экране сонара.

— У «Мори» проблема с энергетическими кабелями. Не могут их вытянуть. Вероятно, за что-то зацепились. Проверите?

— Ладно.

Просьба звучала разумно. Брэдли находился совсем недалеко. Массивные кабели, обладавшие нейтральной плавучестью, предназначались для доставки гигаватт электроэнергии к месту проведения работ. Стоили они миллионы долларов. Неудивительно, что командиры субмарин пытались спасти их. Судя по данным с «Эксплорера», экипажу «Петра Великого» это уже удалось.

Освещать гору льда пришлось фарами «Дип джипа». Громадина все еще крепилась мощным балластом к морскому дну и словно ждала, когда ее отпустят на волю. Но теперь ее мечта могла не сбыться. Двигаясь осторожно, стараясь не задевать тросы, тянущиеся от льдины к баллонам с кислородом и водородом, Брэдли добрался до пары толстых электрических кабелей. Они вели наверх, к атомной подводной лодке.

— Тут все отлично,— сообщил он.— Потяните хорошенько еще разок.

Через пару секунд необъятные кабели величественно дрогнули, словно струны колоссального музыкального инструмента. Брэдли подумал, что такие «струны» должны бы издавать инфразвук.

Но кабели оставались натянутыми и не желали поддаваться.

— Извините,— проговорил Брэдли.— Помочь не могу. Возможно, ударная волна повредила механизм высвобождения.

— Мы тоже так думаем. Ладно. Спасибо огромное. Пора возвращаться. Времени еще полно, но, по последним данным, к вам направляются миллиарды тонн песка и ила. Похоже на разбушевавшуюся Миссисипи.

— Сколько минут осталось?

— Двадцать... нет, пятнадцать.

«Взглянуть бы на носовую часть,— подумал Брэдли.— Но не стоит испытывать судьбу. Даже если на кону шанс стать последним человеком, своими глазами видевшим "Титаник"».

Он неохотно сбросил первый балластный блок, и «Дип джип» начал подниматься. Брэдли на прощание еще раз взглянул на гигантский каркас, облепленный льдом, затем сосредоточился на двух кабелях, поблескивающих в свете фар «Дип джипа». Как аквалангисту придает уверенность якорная цепь его лодки, кабели для Брэдли символизировали связь с внешним миром.

Он готов был сбросить второй балластный блок и ускорить всплытие, когда начались неприятности.

Подводники на борту «Мори» не оставляли надежду высвободить дорогущие кабели и продолжали их подергивать. Наконец что-то поддалось. Увы, не то, что ожидалось.

Сонар громко пискнул, предупреждая Брэдли об опасности столкновения. От удара «Дип джип» содрогнулся. Водолаза прижало к спинке кресла. Он успел заметить, как мимо проносится огромная белая масса, устремляющаяся вверх.

«Дип джип» начал тонуть. Брэдли сбросил два последних балластных блока.

Скорость всплытия упала почти до нуля, даже ниже. Машина начала медленно опускаться ко дну.

Несколько минут Брэдли молчал. Наконец он непроизвольно расхохотался. Опасность пока не грозила, а ситуация оказалась действительно смешной.

— «Эксплорер»,— проговорил Брэдли,— вы не поверите. В меня только что врезался айсберг.

41
СВОБОДНОЕ ВСПЛЫТИЕ

Даже теперь Брэдли не испугался. Происходящее скорее раздражало, чем тревожило. Однако следовало признать: ситуация драматичная. Он застрял на дне. Всплыть невозможно. Видимо, жестокий удар, нанесенный мини-айсбергом, повредил часть модулей плавучести «Дип джипа». А судьба не унималась: в довесок к Брэдли приближалась самая могучая из зарегистрированных подводных лавин. Минут через десять-пятнадцать она будет здесь. Джейсон не мог отделаться от чувства, что он — персонаж старого фильма Стивена Спилберга.

«Во-первых, следует проверить реактивный двигатель,— рассуждал он.— Вдруг с его помощью удастся всплыть...»

Маленькая субмарина едва заметно дрогнула, подняв облако ила и песка. «Дип джип» подскочил на несколько метров и снова опустился. Аккумуляторы разрядятся задолго до поверхности.

«Как же не хочется этого делать,— сокрушенно подумал Брэдли.— Пара миллионов баксов — псу под хвост. То есть на дно. Но вдруг удастся вытащить "Дип джип" позже, когда все кончится. Получилось же с "Альвин"».

Брэдли протянул руку к аварийной кнопке, именуемой подводниками не иначе как «кнопкой труса», и снял с нее защитную крышку.

— «Дип джип» вызывает «Эксплорер». Придется совершить свободное всплытие; связи не будет, пока не доберусь до поверхности. Внимательно смотрите на экран сонара. Буду

подниматься очень быстро. И двигатели включите — может быть, придется уступить мне дорогу.

Расчеты, подтвержденные экспериментами, утверждали, что плавучая спасательная капсула «Дип джипа» способна развивать скорость до сорока километров в час. Выпрыгнув из воды, она запросто может взлететь на палубу любого корабля, стоящего слишком близко. Или ударить по судну ниже ватерлинии и одарить его пробоиной.

— Готовы. Удачи, Джейсон.

Он нажал маленькую красную кнопку. Мигнули огоньки. Сильнейший разряд пошел к детонаторам.

Существуют инженерные системы, которые невозможно полностью протестировать. Они проверяются на деле. «Дип джип» сконструировали отлично, однако испытания спасательного механизма при давлении в четыреста атмосфер окончательно истощили бы бюджет МОМД.

Два взрывных заряда отделили плавучую спасательную капсулу от маленькой субмарины — все произошло точно по сценарию.

Но, как любил говаривать Брэдли, море всегда придумает что-нибудь еще. Оно хитрее тебя. Титановый корпус и без того испытывал максимальное напряжение. Ударная волна, пусть и не самая сильная, оказалась последней каплей.

Слишком поздно бояться или сожалеть. За долю секунды до того, как взорвалась спасательная капсула, Джейсон успел подумать: «Отличное место, чтобы умереть».

42
ВИЛЛА НА ЗАКАТЕ

Дональд Крейг проехал в красивые металлические ворота на взятой напрокат машине. Перед ним предстали изящно подстриженные деревья, на миг возродив в памяти образ замка Конрой. Мужчина тут же прогнал воспоминания. Ему не суждено более побывать там; эта глава жизни закончилась.

Осталась печаль, и частица ее навсегда поселилась в сердце. Но Дональда не покидало чувство освобождения; еще не слишком поздно, как говорится у Мильтона в самой перевираемой из цитат, «искать свежие леса и новые пастбища». «Я пытаюсь перепрограммировать себя,— невесело подумал Дональд.— Создать новый файл...»

Парковка располагалась в нескольких метрах от элегантного особняка, выстроенного в георгианском стиле. Дональд вышел из машины и направился к парадной двери. На ней, рядом с кнопкой звонка и динамиком домофона, висела новенькая медная табличка. И хотя гость не заметил глазка видеокамеры, он был уверен, что невидимый объектив наблюдает за ним.

Надпись крупными буквами в одну строчку гласила:

ЕВА МЕРРИК, Д-Р ФИЛ. НАУК (ПСИХИАТРИЯ)

Дональд какое-то время задумчиво разглядывал ее, потом улыбнулся и протянул руку к звонку. Но дверь словно ждала его.

Она распахнулась, издав тихий щелчок. Мадам Ева осторожным и сочувственным голосом, накрепко связанным в голове Дональда с воспоминаниями о докторе Джефферджи, проговорила:

— Мистер Крейг, добро пожаловать на борт. Друзья Джейсона — мои друзья.

43
ЭКЗОРЦИЗМ

15 апреля 2012 года, 2 часа пополуночи

Не самое удачное время для массовых телевизионных каналов — в обеих Америках еще слишком рано, а вечерние выпуски «Евроньюс» давно закончились. Однако разницы почти никакой: золотая пора этой истории миновала. Мало кого заинтересует столь безнадежно проигранная гонка.

На протяжении ста лет Береговая охрана США ежегодно проводила эту церемонию. В определенном месте на воду опускали венок. Теперешняя годовщина была особенной: она вобрала так много разбитых надежд и напрасно истраченных состояний...

«Гломар Эксплорер» развернулся по ветру, чтобы собравшиеся на носовой палубе важные гости не так мерзли под порывами ледяных северных шквалов. Но сегодняшний холод не сравнился бы с холодом той жуткой ночи сто лет назад.

На борт «Эксплорера» не поднялся ни один человек, присутствовавший при другом, далеком теперь прощальном ритуале. Многие вспоминали ту тайную церемонию, случившуюся на другом краю Земли, во времена, политые кровью,— времена, принадлежащие другой эпохе. Человечество чуть-чуть повзрослело, но ему еще предстоит долгий путь, прежде чем оно с полным правом сможет назваться цивилизованным.

Медленная мелодия Второй симфонии Элгара* утонула в тишине. Ни одно произведение не прозвучало бы здесь столь уместно, как это призрачное прощание с эдвардианским веком, сочиненное в те годы, когда на белфастской верфи строился «Титаник».

Взгляды собравшихся были прикованы к высокому седовласому старику. Он взял венок и бережно бросил его за борт. Затем надолго застыл, не произнося ни слова. Чувства его разделяли все находящие на продуваемой ветром палубе, но кто-то — особенно остро и болезненно. Эти люди когда-то стояли рядом с ним на борту корабля «Кнорр», когда утром первого сентября тысяча девятьсот восемьдесят пятого года на мониторе впервые возникло изображение затонувшего «Титаника». Один из них четверть века назад бросил в воду обручальное кольцо погибшей жены. На этом самом месте.

* Эдуард Элгар (1857–1954) — английский композитор романтического направления.

Теперь человечество, зачавшее и построившее «Титаник», навсегда его потеряло. Никому больше не суждено увидеть лежащие на дне обломки величественного корабля.

Многие наконец освободились от мании, терзавшей их всю жизнь.

44

ЭПИЛОГ: ГЛУБИНЫ ВРЕМЕНИ

Звезда под названием Солнце мало изменилась с тех далеких времен, когда люди почитали ее как божество.

Две планеты исчезли — одна по плану, вторая случайно. Кольца Сатурна утратили большую часть великолепия. Но в целом Солнечная система не особо пострадала за тот краткий период, когда в ней завелись существа, освоившие космическое пространство.

Кое-где еще оставались следы былого подъема. Марсианские океаны обмелели, превратились в группку мелководных озер, но вдоль экватора до сих пор высились пышные заросли сосен-мутантов. Леса появились, чтобы сохранить и защитить для грядущих веков старательно разработанную экологию.

Венера, называемая когда-то Новым Эдемом, вновь превратилась в былой ад. От Меркурия не осталось совсем ничего. Главный кладезь тяжелых металлов Солнечной системы попросту выработали за тысячелетия астроинженерии. Последние остатки ядра планеты, неожиданный богатейший источник магнитных монополей, использовали для постройки звездолетов-ковчегов для Флотилии Исхода.

Плутон поглотила могущественная сингулярность. Причины ее тщились понять лучшие ученые человечества, даже будучи занятыми поиском путей к новым звездам. К моменту, когда из глубин космоса к Земле направился Искатель, от той древней трагедии не осталось и следа.

Космический зонд, отправленный человечеством к ядру Галактики, пролетел десятки звезд, прежде чем его сигналы

перехватили другие цивилизации. На расстоянии в несколько десятков световых лет Искатель определил происхождение примитивной машины. Теперь он следовал к родной планете встреченного им зонда. Изучив почти сотню звездных систем, Искатель многое узнал. Место, к которому он приближался сейчас, мало чем отличалось от других, обследованных им; не было причин для радостного волнения, даже если бы он умел испытывать подобные эмоции.

В спектре радиоволн царило безмолвие, не считая шипения и потрескивания космического фона. Мириады огней не озаряли ночное полушарие, как происходило на большинстве технически развитых планет. Войдя в атмосферу, Искатель не обнаружил химических признаков промышленного развития.

Он автоматически переключился в стандартный режим поиска — рассыпался по планете, разделившись на миллион компонентов. Каким-то частям не суждено было вернуться, от них требовалось лишь собрать и отослать информацию. Ничего страшного; Искателю не составит труда заменить пропавшие части, создав новые. Лишь главная составляющая, ядро, было незаменимо. Но и у него существовали запасные копии, безопасно сохраненные в нужных проекциях на все три измерения обычного пространства.

Земля успела совершить несколько оборотов вокруг Солнца, когда Искатель собрал все доступные сведения о покинутой планете. Информации оказалось сравнительно немного; за долгие тысячелетия ветра и дожди стерли с лица планеты построенные людьми города, а неторопливые жернова тектонических плит изменили очертания суши и морей. Континенты стали океанами, дно морей превратилось в равнины, а равнины сморщились и стали горами...

...Аномалия проявилась в виде еле заметного эха на нейтринном сканере, но сразу привлекла внимание Искателя. Природа не терпела ровных линий, прямых углов, повторяющихся узоров. Она позволяла себе такую роскошь, лишь творя кристаллы и снежинки. Найденный объект оказался

в миллионы раз крупнее. В сравнении с ним Искатель был карликом. Такую махину по силам создать только разумным существам.

Объект покоился в недрах горы, под километрами осадочной породы. Чтобы добраться до него, требовалась всего пара секунд. Но раскопать объект, не причинив ему вреда, и выведать его тайны удалось бы лишь за месяцы, если не годы.

Искатель повторил сканирование с более высоким разрешением и установил, что объект изготовлен из элементарнейших сплавов железа. Ни одна цивилизация, способная создать межзвездный зонд, не стала бы пользоваться настолько простыми материалами. Искатель почти разочаровался.

Но насколько примитивным ни казался бы объект, на планете больше не обнаружилось ни одного артефакта такого размера и сложности. Пожалуй, все-таки стоило его извлечь.

Сложнейшие системы Искателя потратили много микросекунд на обдумывание и анализ всех возможных вариантов. Наконец программа корреляции приняла решение.

— Приступим.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ И ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Корабль британского королевского флота «Титаник» преследовал меня всю жизнь, что ярко продемонстрировано в отрывке из моей книги «Хроники странного и загадочного» (издательство «Коллинз», 1987):

«Моя самая первая попытка сочинить полномасштабную научно-фантастическую историю (к счастью, давно уничтоженную) касалась типичной космической аварии — столкновения межпланетного лайнера с крупным метеоритом или маленькой кометой, как вам больше нравится. Я ужасно гордился названием истории — "Космические айсберги" и в то время даже не представлял, что подобные вещи действительно существуют. Я всегда питал слабость к неожиданным концовкам. В последней строке читателям открывается название космического корабля, потерпевшего крушение. Он назывался... сюрприз! — "Титаник"».

Сорок с лишним лет спустя я вернулся к теме в романе «Земная Империя» (1976). Поднятый со дна океана «Титаник» буксируют к Нью-Йорку, где в 2276 году проходит празднование пятисотлетнего юбилея Декларации независимости США. В те времена, когда писался роман, никто, конечно, понятия не имел, что корабль раскололся на две части и обе сильно повреждены.

Затем я познакомился с Биллом Маккитти, ирландским кинопродюсером (и не только). Ему посвящена эта книга. После успеха своего великолепного фильма «Незабываемая

ночь» Билл решил экранизировать мой роман 1961 года «Лунная пыль». Однако киностудия «Рэнк организэйшн» отказалась заниматься какими-то глупостями (люди на Луне, подумать только!), и проект свернули. Приятно сообщить, что в настоящее время по мотивам «Пыли» еще один мой близкий друг, Майкл Дикин, снимает телесериал. Хотите узнать, как мы ухитрились найти на Луне целые моря пыли? Не переключайтесь на другой канал.

Также я в огромном долгу перед Биллом Маккитти за фотографии, чертежи, рисунки и документы, связанные с «Титаником». Особенно за меню, воспроизведенное в тридцать шестой главе, названной «Последний ланч». Во многом меня вдохновила и чудесная книга Билла «Ирландские сады» (текст Эдварда Хайэмса, издательство «Макдональд», Лондон, 1967).

Приятно вспоминать, что оператором у Билла был Джеффри Ансворт. Лет десять спустя он же снимал фильм «2001: Космическая одиссея». Помню, как Джеффри ходил среди декораций с удивлением на лице и серьезно вещал: «Сорок лет этим занимаюсь, а Стэнли умудрился научить меня чему-то новому». Майкл Крайтон напомнил мне, что фильм «Супермен» посвящался Джеффри. Он умер во время съемок, и коллеги его горько оплакивали.

Роман не удался бы без материала из двух классических книг, посвященных теме: «Незабываемая ночь» Уолтера Лорда («Аллен Лэйн», 1976) и «Обнаружение "Титаника"» Роберта Балларда («Мэдисон пресс букс», 1987). Обе работы — выше всяких похвал. Еще две книги оказались необычайно ценными для меня — недавний «сиквел» Уолтера Лорда «Ночь продолжается» («Уильям Морроу», 1986) и «Его звали "Титаник"» Чарльза Пеллегрино («Эвон», 1990). Я чрезвычайно благодарен Чарли (он появляется в сорок третьей главе) за большой объем технической информации.

В книге Мартина Гарднера «Катастрофу "Титаника" предсказали?» («Прометеус букс», 1986) содержится репринт удивительного романа Моргана Робертсона «Тщетность, или Гибель "Титана"» (1898!). На него лорд Олдисс ссылается в главе 9. Мартин делает упор на разумное предвидение со стороны Робертсона; тем не менее я не виню людей, наделяющих последнего способностью телепатически пробраться в 1912 год...

Поскольку многие события, описанные в моем романе, уже произошли или вскоре произойдут, зачастую возникала необходимость обращаться к реальным личностям. Надеюсь, этих людей порадуют экстраполяции их деятельности, к которым я порой прибегал.

«Синдром столетия» (глава 4) уже тревожит многих. Стоит дождаться 1/1/00, чтобы посмотреть, настолько ли ужасной окажется катастрофа, как я предполагаю. Пока я пишу эту книгу, мой самый старый американский друг, доктор Чарльз Фаулер (придумавший систему сжатия файлов еще в 1942 году, хотя мы с ним в это не верим), прислал мне статью из журнала «Бостон глоб» под названием «У ЭВМ возникнут проблемы с 2000 годом». Из-за предполагаемого кризиса появилась шутка, что все программисты уволятся в 1999-м. Поживем — увидим...

Конечно, в 2099 году подобных трудностей не возникнет. К тому времени компьютеры будут сами о себе заботиться (прямо как *Homo sapiens*, если таковые останутся в наличии).

Громадного моллюска из главы 12 я не придумал. Подробности (с фотографиями) об этом страшном чудище можно найти в книге «Таинственный мир Артура Кларка» («Коллинз», 1980). Впервые *Octopus giganteus* идентифицировали Ф. Дж. Вуд и доктор Джозеф Геннаро («Нэйшнл хистори», март 1971). Их обоих я с удовольствием запечатлел в телесериале «Таинственный мир Артура Кларка».

Полезный намек на аллергическую реакцию осьминога («Что делать, если вы обнаружите осьминога у себя в туалете?») почерпнут из книги Жака Ива Кусто и Филиппа Диоля «Осьминоги и кальмары» («Кассел», 1973).

Тут стоит отметить кое-что важное. Эта загадка терзала меня годами. В своей книге Жак утверждает: его аквалангисты сотни раз играли с осьминогами (с осьмируками, если угодно), и те их никогда не кусали. Жак вообще не слышал о подобных случаях. Но... в тот единственный раз, когда я поймал осьминога на восточном побережье Австралии, он меня укусил (см. «Коралловый берег», «Харпер и Роу», 1956). Я не в состоянии объяснить такое вопиющее нарушение теории вероятностей.

Судя по материалам журнала «Омни», вопрос, описанный в 13-й главе, действительно предлагался в тесте для учеников старших классов. Лишь один вундеркинд заметил, что ответ авторов задачи ошибочен. Не перестаю восторгаться этим случаем. Скептикам рекомендую несколько минут повозиться с картоном и ножницами. С еще более невероятной историей Сринавасы Рамануджана, мимоходом упомянутого в той же главе, можно ознакомиться в небольшом классическом произведении Г. Г. Харди «Апология математика» или в первом томе «Мира математики» Джеймса Ньюмана.

За краткий ознакомительный курс, посвященный морским нефтеразработкам, я благодарю старого друга с Шри-Ланки Катберта Чарльза и его коллег, Уолтера Джексона и Дэнни Стивенса, а также Брайена Реддена. Надеюсь, они удержали меня от слишком грубых ошибок. За столь вольное обращение с поистине удивительными достижениями, вполне сравнимыми с тем, чем мы будем заниматься в космосе спустя столетие, следует винить меня одного. Прошу у моих учителей прощения за то, что в ответ на их доброту я воспользовался лишь малой частью предоставленных ими материалов.

Правда о проведенной в 1974 году операции «Дженнифер» так и не раскрыта, и вряд ли мы когда-либо услышим ее. Удивительно, но руководитель операции оказался моим старым знакомым. Я благодарен ему за уклончивые, но отнюдь не бесполезные ответы на назойливые расспросы. Ви-

димо, предпочтительнее не знать слишком много о событиях того далекого лета, чтобы не расстраиваться окончательно.

Занимаясь сочинением романа, я с удивлением обнаружил еще одну книгу, в которой упомянут «Гломар Эксплорер». На мое счастье, он используется там с другой целью. Я говорю о книге «Золотой корабль» Томаса Аллена и Норманна Полмара («Макмиллан», 1987).

Хочу поблагодарить некоторых знакомых из ЦРУ и КГБ. Они предпочли сохранить анонимность.

Но одного информатора я счастлив назвать по имени. Это процессор Уильям Орр с геологического факультета Орегонского университета, мой товарищ по плавучему кампусу на корабле «Юниверс». Он снабдил меня полезными документами и чертежами корабля «Гломар Эксплорер». Сейчас судно прохлаждается в заливе Суисан, штат Калифорния, между Вальехо и Мартинесом. Его хорошо видно с трассы 680.

Мощные сейсмические явления на морском дне, описанные в главе 33, были зарегистрированы Дэвидом Б. Приором, Эрлом Г. Дойлом и Майклом Дж. Калуза. Их статья под названием «Свидетельства разрывов глубоководных осадочных пород в Мексиканском заливе» опубликована в «Сайенс», № 243, 27 января 1989 года.

Внося окончательные правки в рукопись, я уже знал, что буровые работы на нефтеразработках способны провоцировать землетрясения. Существуют веские доказательства. 28 октября 1989 года в «Сайенс ньюс» цитировалась работа Пола Сегала из октябрьского номера журнала «Джиолоджи», где он высказывается на эту тему.

Сообщение о неолитическом захоронении, приведенное в главе 34, можно найти в журнале «Нэйчур», № 276, 1978.

Поразительная работа Ральфа С. Меркле «Молекулярное восстановление головного мозга» впервые была опубликована в октябрьском номере журнала «Крайоникс» за 1989 год. Я очень благодарен сотрудникам этого журнала, выславшим мне гранки статьи.

Хочу выразить признательность Кумару Читти за информацию о Морской Конвенции ООН. Ее подготовке посвятил много лет покойный посол Ширли Гамильтон Амарасингх. Как трагично, что Ширли (чьим гостеприимством я часто наслаждался в семидесятых) не увидел кульминации своих стараний. Он замечательно умел уговаривать людей. Пожалуй, будь он жив, делегациям США и Великобритании не пришлось бы так препираться.

Я особенно благодарен моему соавтору Джентри Ли («Колыбель», трилогия «Рама»). Он сумел так организовать график, что я позволил себе целиком сосредоточиться на работе над самым последним из своих «последних» романов...

Отдельная благодарность Наваму и Салли Тамбайя, не говоря уже о Таше и Синди, за гостеприимство, факсы и «Вордстар».

И наконец, дань благодарности моему дорогому другу, покойному Реджинальду Россу. Он, помимо прочих добрых дел, полвека назад представил меня Рахманинову и Элгару. В то время как я работал на этой книгой, Реджинальд скончался в возрасте девяносто одного года.

•

ПАМЯТКА О МНОЖЕСТВЕ МАНДЕЛЬБРОТА

Люди, не связанные с корпорацией IBM, узнали о множестве Мандельброта по статье А. К. Дьюдни «Компьютерные досуги» («Сайентифик американ», авг. 1985). Сейчас литературы по данной теме поистине невероятное количество. Книга самого маэстро, «Фрактальная геометрия природы» (У. Х. Фримен, 1982), слишком узкоспециальна и недоступна для понимания даже тех, кто считает себя знатоком математики. Тем не менее в ней много полезной информации, книга написана живо. Пробежать ее глазами все же стоит. Но в 1982 году исследование множества Мандельброта только начиналось, поэтому о нем во «Фрактальной геометрии» сказано не так много.

«Красота фракталов» (Х.-О. Пайтген, П. Х. Рихтер, Ферлаг, 1986) стала первой книгой, где множество представлено в великолепных техниколоровских цветах. В ней содержится увлекательное (местами просто поразительное) эссе доктора Мандельброта о происхождении и открытии (или, вернее сказать,— изобретении?) множества. Более поздние достижения ученый описывает в «Науке фрактальных изображений» (Шпрингер ферлаг, 1988). Обе указанные книги предназначены для профессионалов.

Гораздо доступнее для неподготовленного читателя, желающего разобраться в вопросе, книга А. К. Дьюдни «Вселенная в кресле» (У. Х. Фримен, 1988). В ней содержится статья 1985 года из «Сайентифик американ» и коды программ для персонального компьютера, а также информация о них. Мне очень приглянулась программа «Mand FXP». Я активно пользовался ею на компьютере «Амига 2000». Работая над телевизионным документальным фильмом «Бог, Вселенная и все остальное» для четвертого британского телеканала, я получил редкую возможность продемонстрировать Стивену Хокинсу несколько великолепных «черных дыр». Они получились при расширении множества до размеров, сравнимых с расстоянием от Земли до Марса.

Думаю, можно не упоминать, что существуют журналы для фанатов множества Мандельброта. В них публикуют советы, как заставить программы работать быстрее, а также заметки исследователей далеких регионов множества. Иногда проскакивают даже образчики нового жанрового направления, так называемого фрактал-фикшн.

Лучше всего оценить красоту множества Мандельброта помогают специальные видеозаписи, обычно сопровождаемые музыкой. Самая знаменитая из них — «Ничего, кроме зумов» («Nothing but zooms») производства «Арт матрикс». Также большое наслаждение доставил мне «Фрактальный балет» («A Fractal Ballet») от «Фрактал стэфф компани».

Строго говоря, «Крайний Запад» множества Мандельброта точно равен −2, а не −1,99999 и до бесконечности, как

утверждается в главе 18. Кого-нибудь интересует, в чем разница?

Не знаю, встречаются ли в реальной жизни случаи «мандельмании», но, думаю, после выхода книги сообщения о них могут появиться. Заранее снимаю с себя всякую ответственность.

В ноябре 1989 года в городе Риад (Саудовская Аравия) мне вручали награду за особые достижения от Ассоциации исследователей Космоса. Я имел возможность выступить перед самым большим в истории числом астронавтов и космонавтов, собравшихся под одной крышей. Их было больше пятидесяти. Присутствовали Эдвин Олдрин и Майк Коллинз из экипажа «Аполлона-11» и Алексей Леонов, совершивший «первую прогулку» в космос (его уже не смущает, что моя книга «2010, Одиссея-два» содержит посвящение ему и Андрею Сахарову). Я решил немного расширить кругозор собравшихся и продемонстрировать им нечто грандиозное. Мы с астронавтом Салманом бен Абдул-Азизом представили вниманию аудитории роскошно иллюстрированную лекцию «Цвета бесконечности. Исследование фрактальной Вселенной».

Нижеприведенный материал содержит выдержки из моего выступления. Еще один отрывок из него появляется в начале 15-й главы. Очень жаль, что в рамках книги нельзя проиллюстрировать текст великолепными 35-миллиметровыми слайдами и видеороликами, которые я использовал в Риаде.

Сегодня все знакомы с графиками. Особенно привычен график, на котором по горизонтали откладывается время, а по вертикали — неуклонно растущая стоимость жизни. Мысль, что каждая точка на плоскости описывается двумя числами, обычно называемыми *x* и *y*, теперь очевидна. Невозможно представить, как математический мир дожил без этого знания до 1637 года, когда Декарт наконец представил свою теорию.

Последствия этой простейшей идеи не перестают удивлять до сих пор. Самому поразительному открытию, совершенному благодаря Декартову изобретению, в момент написания книги исполняется десять лет. Оно называется множеством Мандельброта. Очень скоро вы увидите его повсюду — в рисунках на тканях, обоях и линолеуме, в дизайне ювелирных украшений. Опасаюсь, что множество Мандельброта станет появляться на экранах ваших телевизоров при каждом выпуске рекламы.

Однако самым невероятным свойством множества является его изначальная простота. Любой школьник способен понять, как оно образуется. Для современной математики такое почти невероятно. Чтобы получить множество Мандельброта, достаточно простейших действий — сложения и умножения. Нет нужды в вычитании и, упаси бог, делении; о более экзотических тварях из математического зверинца не стану даже упоминать.

В цивилизованном мире найдется мало людей, не сталкивавшихся со знаменитой формулой Эйнштейна $E = mc^2$. Лишь единицы сочтут ее безнадежно сложной для понимания. Уравнение, определяющее множество Мандельброта, содержит такое же количество обозначений и выглядит очень похоже. Вот так:

$$Z = z^2 + c$$

Не особо страшно. Между тем времени жизни Вселенной не хватит, чтобы исследовать все расширения этого уравнения.

Буквы z и c символизируют числа, а не физические величины типа массы и энергии, как у Эйнштейна. Это координаты, обозначающие положение точки. Уравнение описывает, как точка движется по плоскости, и позволяет выявить закономерность.

Приведу простейшую аналогию. Все видели детские книжки со страницами, усыпанными цифрами. Если соединять цифры линией в правильном порядке, обнаруживают-

ся скрытые, порой удивительные, картинки. Изображение на телевизионном экране получается путем применения того же принципа в значительно усложненном виде.

Теоретически каждый, умеющий складывать и умножать, способен построить множество Мандельброта с помощью ручки или карандаша на листке бумаги в клеточку. Однако, как мы увидим позже, существуют практические сложности. Главная из них в том, что жизнь человека редко длится больше ста лет. Поэтому множество Мандельброта создают не вручную, а с помощью компьютера и демонстрируют на дисплеях.

Есть два способа определить координаты точки в пространстве. Один используется чаще, другой реже. В первом требуется некая вспомогательная решетка — восток-запад, север-юг — либо вертикальная ось Y и горизонтальная ось X на разграфленной бумаге. Вторая система применяется, например, в радарах. Благодаря бесчисленным кинофильмам теперь она знакома почти всем. Положение объекта задается, во-первых, расстоянием до точки отсчета и, во-вторых, направлением движения в системе географических координат. Так получилось, что эта система естественна для человека — вы пользуетесь ею машинально при любой игре с мячом. Вам важны расстояния и углы. Точкой отсчета являетесь вы сами.

Представьте, что дисплей компьютера — это экран радара. На нем — одна точка, за движением которой будет следить множество Мандельброта. Прежде чем мы включим наш радар, хотелось бы упростить уравнение еще больше, вот так:

$$Z = z^2$$

Я отбросил c и оставил только z. Давайте определим их более точно.

Маленькая буква z — первоначальный диапазон точки, дистанция, с которой она стартует. Большая Z — расстояние от старта до финиша. Если изначально точка отстояла от нас на 2 единицы, повинуясь уравнению, она сразу прыгнет на 4.

Пока ничего особо волнующего. Но теперь наступает черед модификации, приводящей к серьезным отличиям:

$$Z \rightleftarrows z^2$$

Знак равенства заменен двойной стрелочкой. Напоминает знак двустороннего движения, показывающий, что числа плывут в обоих направлениях. На этот раз мы не остановимся на $Z = 4$; мы присвоим полученное число новому z и моментально получим вторую величину Z, то есть 16, и так далее. Очень скоро образуется последовательность:

256, 65536, 4294967296...

Точка, стартовавшая всего в 2 единицах от центра, гигантскими, непрестанно увеличивающимися шагами направится к бесконечности.

Виток при постоянном движении по петле называется итерацией. Процесс похож на то, как собака гоняется за собственным хвостом. Но собака при этом никуда не денется, а вот математические итерации способны увести нас в очень странные места. Скоро мы на них посмотрим.

Наконец мы готовы включить радар. На большинстве дисплеев рисуют круги радиусами 10, 20... 100 километров от центра. Нам потребуется единственный круг радиусом 1. Незачем вводить единицы измерения, поскольку мы оперируем чистыми числами. Хотите — назовите их сантиметрами или световыми годами, как больше нравится.

Предположим, что первоначальная позиция точки находится где угодно в пределах этого круга. Точное место не имеет значения. Итак, z равно 1.

Поскольку 1 в квадрате дает 1, то Z также равно 1. Его величина будет оставаться такой постоянно, сколько бы раз мы ни умножали единицу на саму себя. Точка будет вертеться и вертеться по кругу, но не сможет его покинуть.

Теперь рассмотрим случай, когда первоначальное z больше 1. Мы уже видели, как быстро точка убегает в бесконечность, если z равно 2. То же самое рано или поздно произойдет, даже если число будет превышать 1 совсем чуть-чуть. Пусть, к примеру, $z = 1{,}00000000000000000001$. Смотрите:

При первом возведении в квадрат Z становится

1,00000000000000000002

затем

1,00000000000000000004
1,00000000000000000008
1,00000000000000000016
1,00000000000000000032

И так далее — насколько хватит бумаги для распечатки. Для любых практических целей подобные величины округляют до 1. Наша точка не двинулась заметно ни вперед, ни назад. Она все равно остается в кружке с радиусом 1.

Но нули медленно исчезают, и цифры после запятой неуклонно маршируют влево. Неожиданно что-то появляется на месте третьей, второй, первой цифры после запятой. После небольшого числа операций числа начинают взрываться, как показывает этот пример:

1,001 1,002 1,004 1,008 1,016 1,032
1,066 1,136 1,292 1,668 2,783 7,745
59,987 3598,467 12948970
167675700000000
28115140000000000000000000000
И до бесконечности.

Справа может быть миллион, миллиард нулей, но результат не изменится. Постепенно цифры доберутся до запятой, и тогда Z вырвется в бесконечность.

Теперь рассмотрим другой случай. Допустим, z на микроскопическую величину меньше 1. Скажем,

0,99999999999999999999.

Как и раньше, долгое время, пока мы будем крутиться по спирали, все останется на своих местах. Но числа в даль-

нем правом конце будут постепенно уменьшаться. После нескольких тысяч или миллионов итераций — катастрофа! — Z вдруг начинает превращаться в ничто, оно растворяется в бесконечной цепочке нулей...

Проверьте это на компьютере. Он управляется только с двенадцатизначными цифрами? Не имеет значения. Вы получите тот же ответ. Честное слово.

Результаты наших действий, выработанного алгоритма, можно суммировать тремя законами. Некоторым они покажутся слишком тривиальными. Но не бывает тривиальных математических истин. Через пару шагов эти законы уведут нас во вселенную, поражающую удивительной красотой.

Вот три закона «квадратичной» программы:

1. Если исходное z равняется 1, то результирующее Z всегда остается равным 1.
2. Если исходное z больше 1, то в результате число стремится к бесконечности.
3. Если исходное z меньше 1, то в результате число стремится к нулю.

Поэтому наш круг с радиусом 1 фактически представляет собой карту — или, если хотите, ограду, забор, делящий плоскость на две зоны. За пределами ограды числа, повинующиеся квадратичному закону, имеют свободу движения к бесконечности; числа, находящиеся внутри,— пленники, запертые и обреченные на полное изничтожение.

Тут кто-нибудь воскликнет: «Вы говорили только о расстоянии до точки старта. Но чтобы определить положение точки, нужно знать направление радиуса, вектор. Что скажете?»

Совершенно верно. К счастью, при делении z на два четких класса направление не имеет значения. Результат будет одинаковым, в какую бы сторону вектор ни указывал. Наш пример прост, мы работаем с особым множеством (назовем его «К», то есть квадратичным). Следовательно, можно смело игнорировать направление. Когда же мы придем к более сложному варианту множества Мандельброта, где векторы играют роль, я покажу очень хитрый математический фокус. Он поможет справиться с проблемами за счет использования сложных или воображаемых чисел (на самом деле они не особо сложны и вовсе не воображаемы). Пока в них нет нужды, и я обещаю больше не беспокоить вас подобным.

Множество «К» лежит внутри карты. Все его точки располагаются на окружности с радиусом 1. Она представляет собой непрерывную линию, не имеющую толщины. Если исследовать линию с помощью самого мощного микроскопа, она всегда будет выглядеть одинаково. Вы можете увеличить множество «К» до размеров Вселенной, но не увидите ничего, кроме линии с нулевой толщиной. Однако в ней нет ни одной дырочки; это абсолютно непроницаемый барьер, на веки вечные отделяющий все z менее единицы от z больше единицы.

Теперь мы наконец готовы рассмотреть множество Мандельброта, где все идеи, подсказанные здравым смыслом, переворачиваются вверх тормашками. Пристегните ремни.

В семидесятые годы двадцатого века французский математик Бенуа Мандельброт, сотрудничавший с Гарвардским университетом и компанией IBM, приступил к исследованию уравнения, впоследствии сделавшего его знаменитым. В динамической форме оно записывается так:

$$Z \rightleftarrows z^2 + c$$

Единственное различие между этой формулой и той, что мы использовали для описания множества «К», это показатель c. Именно он, а не переменная z теперь является отправной точкой для нашей операции по составлению карты. При первом шаге по спирали z приравнивается к нулю.

Казалось бы, изменение крошечное. Невозможно представить, что за счет него будет сотворена целая вселенная. Мандельброт получил первые приближенные данные только к весне 1980 года, когда на компьютерных распечатках на-

чали появляться смутные закономерности. Он услышал ту китсовскую песню:

> ...что не раз
> Влетала в створки тайного окна
> Над морем сумрачным в стране забвенной*.

Новое уравнение ставит тот же вопрос, что и предыдущее, и дает на него ответ. Каковы очертания «территории», получающейся при нанесении чисел на карту? Для множества «К» это была окружность с радиусом, равным 1. Давайте внесем эту величину в уравнение Мандельброта и посмотрим, что произойдет. При первых шагах вычисления легко производить в уме. Но спустя несколько десятков итераций даже у суперкомпьютера сгорит процессор.

Для начала: $z = 0$, $c = 1$. Следовательно, $Z = 1$
Первая петля: $Z = 1^2 + 1 = 2$
Вторая: $Z = 2^2 + 1 = 5$
Третья: $Z = 5^2 + 1 = 26$
Четвертая: $Z = 26^2 + 1$... и так далее.

Моих программистских способностей хватило, чтобы однажды заставить компьютер подставить в уравнение числа покрупнее. Машина обыграла меня всего на две итерации, а потом начала округлять:

1, 2, 5, 26, 677, 458330,
21006640000
4412789000000000000000

Тут компьютер сдался, поскольку он не верит, что существуют числа более чем из 38 разрядов.

Однако даже первых двух полученных значений достаточно, чтобы показать: очертания множества Мандельброта должны существенно отличаться от идеальной окружности множества «К». Точка с координатой «1» находится внутри множества «К», и она же определяет его границу. Точка с

* *Китс Джон.* Ода соловью. Перевод Е. Витковского.

таким же расстоянием в множестве Мандельброта может вылезать за границу.

Обратите внимание: я говорю «может», а не «должна». Все зависит от изначального направления относительно начала координат. Пока что мы его игнорировали, поскольку оно не влияло на наш разговор о множестве «К», наделенном абсолютной симметричностью. Как выясняется, множество Мандельброта симметрично только относительно оси X — то есть горизонтали.

Кто-то, возможно, уже догадался об этом, исходя из природы уравнения. Но вряд ли возможно интуитивно определить, как оно выглядит в действительности. Если бы мне задали такой вопрос в девственные «домандельбротовы» времена, я бы, пожалуй, робко предположил: «Наверное, что-то вроде овала, вытянутого вдоль оси Y». Возможно, смекнул бы даже, что картинка будет смешена влево, в направлении минуса.

Предлагаю провести мысленный эксперимент. Множество Мандельброта объективно неописуемо, но вот моя попытка сделать невозможное.

Представьте, что вы смотрите сверху на толстую черепаху, плывущую за запад. Она врезалась в рыбу-меч, поэтому перед ней торчит узкая спица. Панцирь ее по всему периметру оброс гирляндами причудливых морских водорослей и черепахами-малютками всевозможных размеров, к которым тоже прилипли разные водоросли...

Попробуйте найти подобное описание в учебнике математики. Если думаете, что у вас получится лучше, поглядите на эту зверюгу — и пожалуйста, милости просим. (Подозреваю, что в мире насекомых нашлись бы аналогии получше. Возможно, где-нибудь в бразильской сельве ползает «мандельжук». Жаль, мы этого никогда не узнаем.)

Вот первая, весьма приблизительная картинка, лишенная деталей. Она очень похожа на «пруд Мандельброта» около замка Конрой (глава 18). Если решите заполнить белые пятна излюбленными пометками средневековых картографов

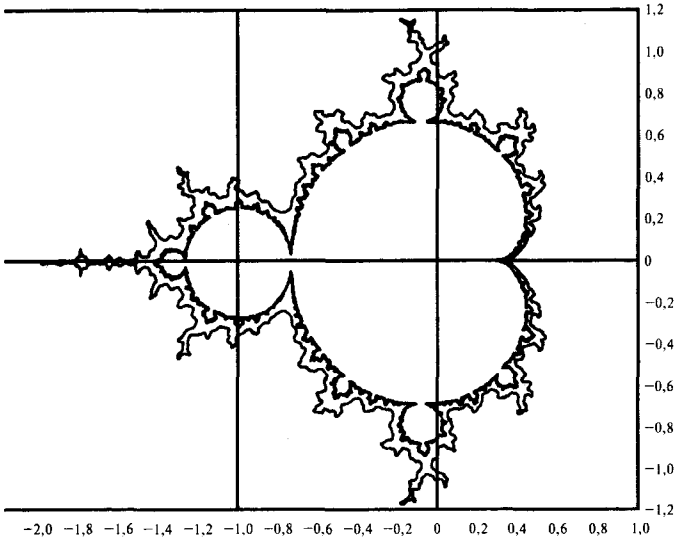
типа «Здесь драконы», смело приступайте. Сомневаюсь, что ваши предположения окажутся сильно далекими от истины.

Прежде всего, обратите внимание на следующее. Как я уже отмечал, множество Мандельброта смещено влево (на запад, если угодно) относительно множества «К», которое простирается от +1 до −1 вдоль оси *X*. Вдоль горизонтальной оси наша черепаха добирается только до 0,25, хотя выше и ниже она разбухает почти до 0,4.

В левую сторону карта тянется примерно до −1,4, а затем вырождается в своеобразную спицу — или антенну,— которая заканчивается ровно на −2. С точки зрения множества Мандельброта за этой точкой нет ничего, это конец Вселенной. Фанаты множества называют ее «Крайним Западом». Давайте посмотрим, что произойдет, если сделать *c* равным −2. *Z* не превратится в нуль, но и в бесконечность не уйдет. Точка будет принадлежать множеству — и только. Но если увеличить *c* хотя бы чуть-чуть — скажем, до −2,00000...000001, вы не успеете заметить, как пролетите мимо Плутона и направитесь к совсем уж далекому западу, в страну квазаров.

Теперь мы подошли к важнейшему отличию одного множества от другого. Граница множества «К» представляет собой красивую четкую линию. Граница множества Мандельброта, мягко говоря, «лохматая». Насколько она лохмата, вы поймете, когда мы начнем придавать множеству что-то вроде фотографического увеличения. Только так можно увидеть невероятную флору и фауну, процветающую на этой спорной территории.

Граница (если ее можно так назвать) множества Мандельброта — это не просто линия; это нечто, чего Евклид был не в состоянии представить. Для нее не найдется слова в обычном языке. Мандельброт, который чудовищно владел английским (и американским), обыскал словари в поисках более или менее подходящих существительных. Приведу несколько вариантов: пена, губка, пыль, паутина, гнездо, творожистая масса. В конце концов он склонился к техническому термину «фрактал» и теперь воодушевленно уговаривает всех не искать более точного названия.



Компьютеры способны без труда «заснять» множество Мандельброта при любом увеличении. Даже в черно-белом виде эти «снимки» поражают воображение. Однако их несложно «подкрасить» и превратить в объекты удивительной, сюрреалистичной красоты.

Первоначальное уравнение не больше связано с цветом, чем евклидовы «Элементы геометрии». Но если мы дадим компьютеру команду окрасить определенную область множества Мандельброта в соответствии с количеством прохождений *z* по спирали, прежде чем *z* решит, принадлежит оно к множеству или нет, результаты получатся великолепные.

Таким образом, цвета, хоть и не являются обязательными, не лишены смысла. Точную аналогию легко найти в картографии. Представьте контурные линии на карте рельефа местности, где показывается высота над уровнем моря. Пространство между ними часто закрашивают так, чтобы инфор-

мация воспринималась проще и быстрее. То же самое с батиметрическими картами. Чем глубже океан, тем насыщеннее синий цвет. Картограф может выбрать любые цвета. Он руководствуется эстетическими соображениями точно так же, как географическими.

Похожая ситуация и с множеством Мандельброта. Разница в том, что контурные линии устанавливаются автоматически за счет скорости вычислений. Но не будем лезть в дебри. Я так и не узнал, что за гений первым до этого додумался — возможно, сам мсье Мандельброт,— но за счет цвета множество превращается в фантастические произведения искусства. Видели бы вы это великолепие, оживленное при помощи анимации...

Открытие Мандельброта порождает немало странных мыслей. Одна из них такова. В принципе, множество могло быть обнаружено, как только человечество научилось считать. На практике, в связи с тем, что даже «малое увеличение» требует миллиардов вычислений, на множество Мандельброта невозможно было даже одним глазком взглянуть до изобретения компьютеров! Чтобы появились такие фильмы, как «Ничего, кроме зумов» от «Арт матрикс», потребовалось бы, чтобы все население Земли занималось вычислениями днем и ночью, не делая ни одной ошибки при перемножении чисел из сотен разрядов...

Я начал с фразы о том, что множество Мандельброта — одно из самых необычайных открытий в истории математики. Уравнение, простое до абсурдного, порождает столь бесконечную (в буквальном смысле) сложность и неземную красоту! Разве можно вообразить такое?

Множество Мандельброта, как я попытался объяснить, фактически представляет собой карту. Все мы читали истории о картах, показывающих места, где спрятаны сокровища.

Что ж, в данном случае сама карта является сокровищем!

Коломбо, Шри-Ланка
28 февраля 1990 года

МОЛОТ ГОСПОДЕНЬ

Все события, описанные в прошлом, произошли в указанное время и в указанном месте, все, относящиеся к будущему, вероятны.

И есть то, что не подлежит сомнению.

Рано или поздно мы встретимся с Кали.

Часть I

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Орегон, 1972 год

Он был размером с небольшой дом, весил девять тысяч тонн и двигался со скоростью пятьдесят тысяч километров в час. Когда он пролетал над национальным парком Гранд-Тетон, бдительный турист сфотографировал этот пылающий огненный шар с длинным газовым хвостом. Менее чем за две минуты шар прошел атмосферу Земли и вернулся в космос.

Малейшее изменение орбиты за миллиарды лет пути вокруг Солнца, и он мог бы обрушиться на любой из главных городов планеты. Сила взрыва в пять раз превысила бы мощность бомбы, уничтожившей Хиросиму.

Это случилось десятого августа тысяча девятьсот семьдесят второго года.

1

ИЗ АФРИКИ

Капитан Роберт Сингх любил эти прогулки по лесу со своим сынишкой Тоби. Лес, правда, был прирученным и смирным, гарантированно лишенным опасных зверей, но представлял собой волнующий контраст с окрестностями их предыдущего жилья в пустыне Аризона. Самое главное, приятно было жить так близко у океана, к которому все покорители космоса питали глубокую симпатию. Даже здесь, на этой поляне, чуть ли не в километре от берега, отдаленно угадывался рев прибоя, подгоняемого муссоном и бьющегося о внешние рифы.

© Перевод Е. Кисленковой.

— Папа, а это что такое? — спросил четырехлетний малыш, показывая на мохнатую мордочку с беленькими усиками, которая изучала их сквозь завесу листьев.

— Хм... какая-то обезьянка. Ты спросил у Кибермозга?

— Спросил. Он не отвечает.

«Еще одна проблема»,— подумал Сингх.

Он порой тосковал о простой жизни, которую вели его предки на пыльных равнинах Индии, хотя прекрасно понимал, что не вынес бы подобного существования дольше нескольких миллисекунд.

— Спроси еще раз, Тоби. Иногда ты слишком тараторишь. Центральному серверу не распознать твой голос. А изображение не забыл отправить? Он тебе не сможет сказать, на что ты смотришь, если не увидит этого.

— Ой! Забыл.

Сингх вызвал личный канал своего сына и как раз попал на ответ Центрального сервера дома.

— Это белый колобус, семейство мартышковые...

— Спасибо, Кибермозг. А с ним можно играть?

— Думаю, что не стоит,— поспешно перебил Сингх.— Может быть, он кусается. Или у него блохи. У тебя робоигрушки гораздо лучше.

— Все равно они не такие, как Тигретта.

— Хотя проблем с ними меньше, даже теперь, когда она, слава богу, приучена к дому. Ладно, нам пора идти.

«И посмотреть, как там успехи у Фрейды,— добавил он про себя.— Как она справляется со своими вопросами к Центральному серверу».

С того момента, как служба доставки «Небесный лифт» выгрузила в Африке их дом, все время что-то сбоило. Последняя неполадка, грозящая стать наиболее серьезной, обнаружилась в цикле переработки пищи. Хотя система была гарантирована от поломок, так что фактический риск отравления сводился к астрономически малому, вчера вечером бифштекс имел непонятный металлический привкус. Фрейда, криво

усмехнувшись, предложила вернуться к образу жизни охотников и собирателей доэлектронной эпохи и готовить еду на дровах. Чувство юмора у нее порой бывало странноватое. Сама мысль о том, чтобы есть натуральное мясо, вырезанное из мертвых животных, вызывала глубокое отвращение.

— А давай на берег сходим?

Тоби, который большую часть жизни провел в окружении песка, был в восторге от моря. Он все не мог поверить, что где-то может быть столько воды сразу. Отец обещал, как только северо-восточный муссон утихнет, отвезти его на риф и показать чудеса, которые сейчас были скрыты сердитыми волнами.

— Смотря что скажет мама.

— Мама скажет, что вам обоим пора домой. Мужчины, вы, кажется, забыли, что у нас сегодня гости? А у тебя в комнате, Тоби, сплошной хаос. Пора бы самому все убрать, а не оставлять это Дорке.

— Но я же ее запрограммировал...

— Никаких возражений. Домой — оба!

У Тоби начал кривиться рот, предвещая хорошо знакомую реакцию. Но бывают времена, когда дисциплина важнее сочувствия. Капитан Сингх подхватил сына на руки и с этой слабо вырывающейся ношей пошел обратно к дому. Тоби был слишком тяжелым, далеко не пронести, но его протесты быстро угасли, и скоро отец с облегчением разрешил ему двигаться дальше своими силами.

Дом, под крышей которого жили Роберт Сингх, Фрейда Кэрролл, их сын Тоби, его любимый мини-тигр и всевозможные роботы, показался бы гостю из предыдущих столетий удивительно маленьким. Скорее коттеджик, а не дом. Но в данном случае внешность оказывалась крайне обманчива, поскольку большинство комнат были многофункциональны и по желанию могли видоизменяться. Мебель трансформировалась, стены и потолок исчезали, сменяясь видами земли или неба, даже космоса, достаточно правдоподобно-

го с виду, чтобы обмануть любого, за исключением астронавта.

Сингх не мог не признать, что строение, состоящее из центрального купола и четырех полуцилиндрических пристроек, не слишком радовало глаз и на этой поляне в джунглях смотрелось откровенно неуместно. Однако оно прекрасно подходило под описание «машина, предназначенная для жилья». Роберт практически всю свою взрослую жизнь провел в подобных машинах, нередко в условиях невесомости. В любой другой обстановке он чувствовал бы себя неуютно.

Входная дверь сложилась вверх, и навстречу им изверглось размытое золотистое пятно. Тоби раскинул руки в стороны и ринулся вперед, здороваться с Тигреттой.

Но они не встретились, поскольку реальность эта существовала тридцать лет назад и за полмиллиарда километров отсюда.

2

СВИДАНИЕ С КАЛИ

Нейронная запись подошла к концу. Звуки, картины, запах неведомых цветов и нежное прикосновение ветра к коже, помолодевшей на несколько десятилетий, постепенно растаяли. Капитан Сингх снова очутился у себя в каюте, на борту межорбитального корабля «Голиаф». Тоби и его мать остались в том мире, где он больше никогда не побывает. Многие годы в космосе и пренебрежение упражнениями, обязательными для условий невесомости, настолько ослабили его, что теперь он мог ходить только по Луне и по Марсу. Сила тяготения изгнала Роберта с родной планеты.

— Один час до рандеву, капитан,— сказал негромкий, но настойчивый голос Давида, как, разумеется, окрестили центральный компьютер «Голиафа».— Активный режим, согласно инструкции. Пора отложить мнемочипы и возвращаться в реальный мир.

Человека, управлявшего «Голиафом», окатило волной грусти, когда последние картины его утерянного прошлого растворились в бесформенной мерцающей дымке белого шума. Слишком стремительный переход из одной реальности в другую — отличный способ заработать шизофрению. Капитан Сингх всегда смягчал шок самым умиротворяющим звуком, который знал,— шумом волн, ласково набегающих на берег, и криками чаек вдалеке. Это было еще одно воспоминание о жизни, которую он потерял, и о безмятежном прошлом, сменившемся пугающим настоящим.

Еще несколько мгновений он откладывал встречу с тяжкой обязанностью, затем вздохнул и снял нейрошлем, плотно охватывавший голову для ввода сигнала. Как и все астронавты, капитан Сингх исповедовал убеждение: «Лысина — это красиво», хотя бы из-за того, что в условиях невесомости парики представляли собой досадную помеху. Социальных историков не прекращал потрясать тот факт, что одно-единственное изобретение, портативный Мозгоблок, за один десяток лет изменило внешность человеческой расы и вернуло старинному искусству изготовления париков статус одной из важнейших отраслей.

— Капитан,— сказал Давид.— Я знаю, что вы здесь. Или вы хотите, чтобы я взял управление на себя?

Это была старая шутка, навеянная образами взбунтовавшихся компьютеров из книг и фильмов начала электронной эры. У Давида было на удивление тонкое чувство юмора. Как-никак, согласно знаменитой Сотой поправке, он являлся неантропоморфной разновидностью правоспособного субъекта и перенял, а то и превзошел, практически все свойства своих создателей. Но существовали целые области, сенсорные и эмоциональные, которые оставались ему неподвластны. В свое время изобретатели сочли, что нет необходимости снабжать его чувствами обоняния и вкуса, хотя сделать это было бы несложно. Кроме того, все его попытки рассказывать непристойные анекдоты оказывались столь жалкими, что он оставил этот жанр.

— Все, Давид,— отозвался капитан.— Командование по-прежнему осуществляю я.

Он снял маску с глаз, утер невесть откуда набежавшие слезы и неохотно повернулся к иллюминатору. Там, прямо у него перед глазами, висела в пространстве Кали.

С виду она казалась достаточно безобидной — очередной малый астероид, настолько напоминавший плод арахиса, что сходство было даже комичным. Несколько крупных и сотни крошечных ударных кратеров беспорядочно усеивали его черную, как уголь, поверхность. Не было никаких визуальных ориентиров, дававших ощущение величины, но Сингх знал его размеры наизусть. Максимальная длина — тысяча двести девяносто пять метров, минимальная ширина — шестьсот пятьдесят шесть. Кали с легкостью поместилась бы во многих городских парках.

Неудивительно, что даже сейчас большинство человечества никак не могло поверить, что это орудие судьбы. Или, как называли его хрисламские фундаменталисты, «Молот Господень».

Многим приходило в голову, что капитанский мостик «Голиафа» скопирован со звездного корабля «Энтерпрайз». Даже спустя полтора века телесериал «Звездный путь» по-прежнему время от времени с умилением возвращали из небытия. Он служил напоминанием о наивной юности космической эры, когда людям мечталось, что можно попрать законы физики и носиться по Вселенной даже быстрее света. Но способа преодолеть предел скорости, установленный Эйнштейном, открыто не было. Оказалось, что «туннели» в космосе существуют на самом деле, но сквозь них могло пройти разве что атомное ядро. Несмотря на это, мечта по-настоящему покорить межзвездные просторы окончательно так и не умерла.

Кали заполняла собой весь главный визуальный дисплей. Увеличения не требовалось, поскольку «Голиаф» висел все-

го в двухстах метрах над ее древней, истерзанной временем поверхностью. Сегодня, впервые за время существования Кали, к ней пожаловали гости.

Хотя привилегия сделать первый шаг по девственной планете принадлежала командиру корабля, капитан Сингх перепоручил высадку трем членам экипажа, имевшим больше опыта работы в открытом космическом пространстве. Он не хотел тратить ни минуты. За ними следил чуть ли не весь род человеческий, ожидая вердикта, которому предстояло решить судьбу Земли.

Ходить по малым астероидам невозможно. Сила тяжести настолько слаба, что беспечный исследователь может с легкостью набрать вторую космическую скорость и уйти на независимую орбиту. Поэтому на одном из членов экспедиционной партии был надет автономный жесткий скафандр, снабженный внешними захватными рычагами. Остальные двое передвигались на небольших ракетных санях, которые с виду можно было принять за их северный аналог.

Капитану Сингху и десятку офицеров, собравшихся вокруг него на мостике «Голиафа», хватало благоразумия не тревожить группу выхода в открытый космос ненужными вопросами и советами, пока не возникло чрезвычайной ситуации.

Сани коснулись вершины крупного валуна, размерами в несколько раз больше их самих, взбив при этом мощное облако пыли.

— Касание, «Голиаф»! Вижу голую скалу. Бросим якорь?

— Нормальное место, с виду ничем не хуже других. Давайте.

— Запускаю бур... входит легко... Здорово будет, если мы найдем нефть?

На мостике послышалось приглушенное прысканье. Подобные куцые шутки хорошо снимали напряжение, и Сингх их одобрял. С момента рандеву в боевом духе экипажа наметились едва уловимые изменения, когда всех непредска-

зуемо бросало от мрачности к юношескому задору. «Мимо кладбища, посвистывая», как про себя обозвала это настроение корабельный врач. Ей уже пришлось один раз выписать транквилизаторы, обнаружив легкий случай маниакально-депрессивного синдрома. За последующие недели и месяцы ситуация будет постепенно становиться только хуже.

— Выставляем антенну, устанавливаю радиомаяк. Как сигналы?

— Громкие, четкие.

— Хорошо. Теперь Кали не спрятаться.

Нельзя сказать, что была хоть малейшая опасность потерять ее, как это многократно случалось в прошлом с астероидами, за которыми плохо следили. Ни одну орбиту еще не высчитывали с большей тщательностью, но некоторая неопределенность по-прежнему существовала. Оставалась еще слабая надежда на то, что Молот Господень промахнется по наковальне.

Гигантские радиотелескопы на Земле и обратной стороне Луны замерли, готовясь принять импульсы с маяков, синхронизированных до тысячной доли миллионной доли миллионной доли секунды. Пройдет еще более двадцати минут, прежде чем эти импульсы достигнут пункта назначения, образовав собой невидимую измерительную линейку, которая определит орбиту Кали с точностью до сантиметров.

Через несколько секунд компьютеры Космического патруля выдадут свой приговор: жизнь или смерть,— но пройдет еще почти час, пока известие вернется на «Голиаф».

Начался первый период ожидания.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ

Тунгуска, Сибирь, 1908 год

Космический айсберг пришел со стороны солнца, поэтому никто не видел его приближения, пока небо не взорвалось. Через несколько секунд ударная волна расплющила две тысячи квад-

ратных километров соснового леса, и по миру прокатился самый громкий звук со времен извержения Кракатау.

Задержись осколок кометы в своем вековом путешествии часа на два, десятимегатонный взрыв смел бы с лица земли Москву и изменил ход истории.

Это произошло тридцатого июня тысяча девятьсот восьмого года.

КОСМИЧЕСКИЙ ПАТРУЛЬ

Космический патруль был одним из последних проектов легендарного НАСА, он появился еще на излете двадцатого века. Первоначальная цель была довольно скромна: провести как можно более полное исследование астероидов и комет, пересекающихся с орбитой Земли, и определить, представляют ли они потенциальную угрозу. Название проекта, взятое из какого-то второстепенного научно-фантастического романа того же столетия, было несколько неточным. Критики любили указать, что гораздо уместнее было бы назвать его Космическим дозором или Космическим оповещением.

При общем бюджете, редко превышавшем десять миллионов долларов в год, всемирная сеть телескопов, на большинстве из которых работали опытные любители, была создана к двухтысячному году. Шестьдесят один год спустя эффектное возвращение кометы Галлея стимулировало дополнительное финансирование, а гигантский болид две тысячи семьдесят девятого года, к счастью, столкнувшийся с Землей в центре Атлантики, способствовал росту престижа Космического патруля. К концу века патруль выявил местоположение более чем миллиона астероидов, и считалось, что исследование завершено на девяносто процентов. Тем не менее никак нельзя было заканчивать его. Всегда оставался шанс, что от неизученных внешних пределов Солнечной системы внутрь ее ворвется какой-то незваный гость.

Так случилось с Кали, обнаруженной в конце две тысячи сто девятого года, когда она миновала орбиту Сатурна и взяла курс в сторону Солнца.

3

КАМНИ С НЕБА

Никогда еще в Белом доме не собиралось столько талантов с тех времен, как здесь обедал в одиночестве Томас Джефферсон.

Из обращения президента
Джона Кеннеди к делегации
ученых Соединенных Штатов

Я скорее поверю в то, что два профессора-янки солгали, чем в то, что камни могут падать с неба.

Из заявления президента
Томаса Джефферсона,
прослушавшего доклад
о падении метеорита
в Новой Англии

Метеориты не падают на Землю. Они падают на Солнце, а Земля подворачивается им по дороге.

Джон В. Кэмпбелл

То, что камни на самом деле могут падать с неба, было хорошо известно в античном мире, хотя и существовали некоторые разногласия относительно того, какие именно боги их сбрасывают. И не только камни, но и бесценный металл — железо. До изобретения плавки метеориты были основным источником этого важного вещества. Неудивительно, что они стали священными и часто оказывались объектом поклонения.

Но более просвещенные мыслители восемнадцатого столетия, века Разума, не опускались до веры в подобную суеверную чушь. Французская академия даже вынесла резолюцию, разъясняющую, что метеориты имеют исключительно земное происхождение. Если воображению представляется, будто некоторые из них прилетают с неба, то это потому, что они возникают в результате ударов молнии — вполне понят-

ная ошибка. Поэтому кураторы музеев Европы выбросили бесполезные булыжники, которые кропотливо собирали их невежественные предшественники.

По одной из самых остроумных насмешек судьбы в истории науки, всего через несколько лет после заявления Французской академии мощный метеоритный дождь выпал в нескольких километрах от Парижа в присутствии непогрешимых свидетелей. Академии пришлось поспешно отрекаться от своих слов.

Тем не менее лишь на заре космической эры значимость и потенциальная ценность метеоритов получили признание. Десятилетиями ученые сомневались и даже отрицали тот факт, что метеориты ответственны за возникновение основных геологических образований Земли. Невероятно, но чуть ли не до середины двадцатого века некоторые геологи полагали, что знаменитый Аризонский метеоритный кратер получил неверное название, и доказывали, что он имеет вулканическое происхождение! Только после того, как космические зонды продемонстрировали, что Луна и большинство малых тел Солнечной системы веками подвергались космической бомбардировке, споры наконец получили свое разрешение.

Как только геологи принялись за поиски метеоритных кратеров, особенно при появлении нового способа наблюдения с камер, установленных на орбите, их стали находить повсюду. Причина того, что они не обнаруживались еще чаще, теперь представлялась очевидной. Все древние кратеры были разрушены воздействием атмосферы. Некоторые были столь огромны, что ни с земли, ни даже с воздуха их было не увидать. Такие масштабы можно было оценить только из космоса.

Все это представляло большой интерес для геологов, но было слишком далеким от забот простого человека, чтобы взволновать широкую публику. Затем, благодаря нобелевскому лауреату Луису Альваресу и его сыну Уолтеру, второстепенная наука метеоритика неожиданно попала на первые страницы газет.

Внезапное — по крайней мере, по астрономической шкале — исчезновение гигантских динозавров, которые господствовали на Земле более сотни миллионов лет, всегда представляло собой неразрешимую загадку. Выдвигалось множество объяснений. Некоторые из них были вразумительны, иные — откровенно смехотворны. Изменение климата стало самым простым и наиболее очевидным ответом. Эта версия и стала причиной создания одного классического произведения искусства — бесподобного фрагмента «Весна священная» в шедевре Уолта Диснея «Фантазия»*.

Но подобное объяснение было не вполне удовлетворительным, поскольку ставило больше вопросов, чем предлагало ответов. Если изменился климат, то почему? Возникло так много не вполне убедительных теорий, что ученые начали искать другие решения.

В тысяча девятьсот восьмидесятом году Луис и Уолтер Альваресы, изучавшие геологическую летопись, объявили, что разгадали давнюю тайну. В узком слое скальных пород, отмечавшем границу между меловым и третичным периодами, они обнаружили свидетельства глобальной катастрофы.

Динозавры были убиты. Теперь стало понятно, что послужило орудием этого убийства.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ

Мексиканский залив, 65 000 000 лет назад

Он влетел вертикально, пробил в атмосфере дыру диаметром десять километров и создал такие температуры, что стал гореть сам воздух. Ударившись о землю, камень превратился в жидкость, расплескался высокими, как горы, волнами, и застыл, образовав кратер, поперечник которого достигал двухсот километров.

Это было лишь начало катастрофы. Далее же приключилась подлинная трагедия.

* В этом фрагменте мультфильма под музыку из балета И. Стравинского «Весна священная» показана жизнь и гибель динозавров.

Из воздуха полились оксиды азота, превращая море в кислоту. Облака сажи от лесов, обращенных в пепел, затмили небо и на многие месяцы скрыли солнце. Температура стремительно падала во всем мире, убивая растения и животных, которые пережили начало катастрофы. Некоторым видам было суждено продлить свое существование еще на несколько тысячелетий, но господство гигантских рептилий подошло к концу.

Часы эволюции были запущены заново. Начался отсчет времени, оставшегося до появления человека.

Это произошло примерно за шестьдесят пять миллионов лет до настоящего времени.

4

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР

> *Разум, которому в каждый определенный момент времени были бы известны все силы, приводящие природу в движение... будь он также достаточно обширен, чтобы подвергнуть эти данные анализу, смог бы объять единым законом движение величайших тел Вселенной и мельчайшего атома; для такого разума ничего не было бы неясного и будущее существовало бы в его глазах точно так же, как прошлое.*
>
> Пьер-Симон де Лаплас, 1814 г.*

Роберт Сингх не терпел философских спекуляций, но когда он впервые наткнулся в учебнике астрономии на слова великого французского математика, то почувствовал нечто похожее на ужас. Каким бы невероятным ни представлялся ему так называемый достаточно обширный разум, сама мысль о возможности существования чего-то подобного пугала его. Была ли свобода воли, которой, по своему наивному убеждению, обладал Сингх, не более чем иллюзией, если каждый

* *Лаплас П.-С.* Опыт философии теории вероятностей. Перевод с французского под редакцией А. К. Власова.

его поступок мог оказаться предопределен, хотя бы в принципе?

Он испытал неизмеримое облегчение, когда узнал, что демон, созданный Лапласом, был изгнан в конце двадцатого века с развитием теории хаоса.

В то время стало понятно, что будущее даже одного атома, не говоря уже о целой Вселенной, нельзя предсказать с безупречной точностью. Для этого потребовалось бы, чтобы его изначальное месторасположение и скорость были известны с бесконечной точностью. Любая ошибка в миллионном, миллиардном, центиллионном знаке будет накапливаться, и так до тех пор, пока между реальностью и теорией не останется ни малейшего сходства.

Но некоторые события можно было предсказать с полной уверенностью, по крайней мере на периоды времени, которые, по человеческим стандартам, считались долгими. Движение планет под действием гравитационного поля Солнца и друг друга было классическим примером, которому посвящал свой гений Лаплас, когда не толковал о философии с Наполеоном. На долгий срок стабильность Солнечной системы гарантировать не представлялось возможным, но положение планет можно было просчитать на десятки тысяч лет вперед с очень небольшой погрешностью.

Движение Кали необходимо было уточнить лишь на период в несколько месяцев, а величиной допустимой погрешности являлся диаметр Земли. Теперь, когда радиомаяк, установленный на астероиде, позволил просчитать орбиту небесного тела с необходимой точностью, уже не оставалось никакой неопределенности, а значит — и надежды...

Правда, Роберт Сингх никогда не позволял себе питать излишних иллюзий. Сообщение, которое передал ему Давид, как только оно прибыло по сфокусированному инфракрасному лучу с лунной ретрансляционной станции, содержало то, чего он и ожидал.

«Компьютеры Космического патруля сообщают, что Кали столкнется с Землей через двести сорок один день тринадцать

часов пять минут. Интервал — плюс-минус двадцать минут. Место падения еще рассчитывается — предположительно, район Тихого океана».

Значит, Кали опустится в океан. Это никак не сократит масштаб глобальной катастрофы. Может даже ухудшить, когда волна высотой в километр взметнется до подножия Гималаев.

— Я подтвердил получение сообщения,— сказал Давид.— Идет второе.

— Знаю.

Прошло, должно быть, не больше минуты, но капитану она показалась вечностью.

«Центр управления Космического патруля — "Голиафу". Вам приказано немедленно начать операцию "Атлант"».

5

«АТЛАНТ»

Задачей мифологического Атланта было не дать небесам обрушиться на Землю. Задача модуля с двигательной установкой «Атлант», которую транспортировал «Голиаф», была намного проще — всего лишь удержать очень небольшой осколок неба.

«Атлант», собранный на Деймосе, внешнем спутнике Марса, представлял собой не более чем комплекс ракетных двигателей, присоединенных к топливным бакам, которые содержали двести тысяч тонн жидкого водорода. Хотя термоядерный двигатель модуля создавал меньшую тягу, чем примитивная ракета, доставившая в космос Юрия Гагарина, он мог бесперебойно работать не какие-то несколько минут, а много недель. Даже при этом его воздействие на Кали должно было сказаться незначительно, в виде изменения скорости на несколько сантиметров в секунду. Но если все пойдет как надо, то этого должно было оказаться достаточно.

Жаль, если люди, которые столь яростно отстаивали — и критиковали — проект «Атлант», так и не узнают, к каким результатам привели их усилия.

6
СЕНАТОР

У сенатора Джорджа Ледстоуна, независимого представителя Западной Америки, была одна нескрываемая причуда и, как он охотно признавался, единственный тайный порок. Он всегда носил массивные очки в роговой оправе, разумеется, с простыми стеклами, поскольку они действовали устрашающе на несговорчивых свидетелей, из которых мало кто прежде сталкивался с такой невидалью в век лазерной экспресс-хирургии глаза.

Его тайным пороком, всем прекрасно известным, была стрельба из ружья в тире, оборудованном по всем олимпийским стандартам в заброшенной ракетной шахте близ горы Шайенн*. Со времени демилитаризации планеты Земля на подобные развлечения смотрели неодобрительно, хотя впрямую не запрещали.

Сенатор одобрял резолюцию ООН, принятие которой послужило реакцией на массовые кровопролития двадцатого века. Этот документ запрещал как государству, так и отдельным гражданам владеть любым оружием, способным причинить вред более чем одному человеку, на которого оно нацелено. Но к знаменитому лозунгу людей, именующих себя спасителями мира, «Пушки — это протезы импотентов» Ледстоун относился с насмешкой.

— Это мне без надобности,— съязвил он во время одного из бесчисленных интервью, за которые пресса его обожала.— У меня двое детей, и была бы дюжина, если бы разрешал закон. Мне не стыдно признаться, что я люблю хорошие ружья. Это произведение искусства. Ты дожимаешь спуск до конца и видишь, что попал прямо в яблочко. Ничто не сравнится с этим ощущением! Если стрельба — это замена сексу, то я за то, чтобы было и то и другое.

* Шайенн — гора в штате Колорадо, место расположения подземного комплекса Центра объединенного командования воздушно-космической обороной Северной Америки.

Но если при этом сенатор от чего-то решительно открещивался, так это от охоты.

— Ладно, прежде не было иного способа добывать мясо, но стрелять в беззащитных зверей для развлечения — вот это на самом деле отвратительно! Я однажды попробовал, еще ребенком. К нам на лужайку забежала белка — к счастью, это не был охраняемый вид,— и я не смог устоять против искушения. Отец меня отшлепал, но делать этого уже было не нужно. Никогда не забуду месиво, которое наделала моя пуля.

Никто не сомневался в том, что сенатор Ледстоун — оригинал. Кажется, это было у него семейное. Его бабушка дослужилась до полковника пресловутой милиции Беверли-Хиллз, чьи стычки с нерегулярными частями Лос-Анджелеса породили бессчетное множество психологических драм во всех жанрах, от старого доброго балета до мнемочипов. А его дед был одним из самых скандально известных бутлегеров двадцать первого века. Его убили в перестрелке оперативники канадского наркоконтроля, когда он пытался реализовать хитроумный замысел — контрабандой провезти тысячу тонн табака вверх по Ниагарскому водопаду. Считалось, что на совести Красавчика Ледстоуна висит не меньше двадцати миллионов смертей.

Сенатор не испытывал ни малейшего раскаяния за дела деда, чья сенсационная гибель привела к отказу от третьей и самой трагичной за всю историю бывших США попытки введения сухого закона. Дед утверждал, что самостоятельным взрослым людям должно разрешаться самоубийство любым способом, который им нравится, посредством алкоголя, кокаина или даже табака, при условии, что при этом не будут убиты ни в чем не повинные посторонние люди. Разумеется, дедушка был просто святым по сравнению с магнатами рекламного бизнеса, которым удалось создать у немалой части человеческого рода необратимую зависимость, пока высокооплачиваемые адвокаты были еще в силах отмазывать их от тюрьмы.

Содружество Американских Штатов по-прежнему держало свою Генеральную ассамблею в Вашингтоне, в интерьерах, которые были знакомы многим поколениям телезрителей, хотя всякий человек, родившийся в двадцатом веке, пришел бы в крайнее замешательство от протокольных процедур и форм обращения. Но многие комитеты и подкомитеты все же сохранили первоначальные названия, поскольку большинство проблем административного управления вечны.

Впервые сенатор Ледстоун познакомился со вторым этапом программы Космического патруля, находясь в должности председателя Комитета по ассигнованиям САШ, и пришел в ярость. Бесспорно, глобальная экономика находилась в хорошей форме. Со времени краха коммунизма и капитализма — теперь, по прошествии стольких лет, эти два события казались одновременными — математики Всемирного банка умелым применением теории хаоса сломали существовавший цикл подъемов и крахов и предотвратили, хотя бы до поры до времени, финальную депрессию, предсказывавшуюся многими пессимистами. Тем не менее сенатор утверждал, что эти деньги можно гораздо лучше потратить, не сходя с земной тверди, особенно на его любимый проект — восстановление того, что осталось от Калифорнии после грандиозного землетрясения.

Когда Ледстоун дважды наложил вето на предложение о финансировании второго этапа программы «Космический патруль», все сошлись на том, что никто на всей Земле не заставит его переменить свое мнение. Но они не приняли в расчет кое-кого с Марса.

7
УЧЕНЫЙ

Красная планета больше не была такой уж красной, хотя процесс озеленения едва начался. Сосредоточившись на проблемах выживания, колонисты, которые ненавидели это сло-

во и уже гордо говорили: «Мы, марсиане», не оставили сил на искусство и науку. Но молния гениальности бьет туда, куда ей захочется, и величайший физик-теоретик века родился под пузыревидными куполами Порт-Лоуэлла*.

Как и Эйнштейн, с которым его часто сравнивали, Карлос Мендоса был превосходным музыкантом. Ему принадлежал единственный на Марсе саксофон, и профессор неплохо играл на этом старинном инструменте. Этому человеку была свойственна и эйнштейновская самоирония. Когда его прогнозы существования гравитационных волн убедительно подтвердились, единственным его комментарием было: «Ну что ж, это перечеркивает теорию Большого взрыва в пятой версии — по крайней мере, до среды».

Карлос мог получить свою Нобелевскую премию на Марсе, все ожидали, что так он и сделает. Но он любил сюрпризы и розыгрыши, поэтому появился в Стокгольме, словно рыцарь в хайтековской броне, облаченный в автономный экзоскелет, который был разработан для инвалидов с параличом нижних конечностей. При поддержке этого механизма он мог почти полноценно существовать в среде, которая иначе расправилась бы с ним очень быстро.

Излишне говорить, что, когда церемония закончилась, Карлоса закидали приглашениями на научные и общественные мероприятия. Среди тех немногих, что он смог посетить, была встреча с членами Комитета по ассигнованиям САШ, на которых он произвел неизгладимое впечатление.

Сенатор Ледстоун: Профессор Мендоса, вы когда-нибудь слышали про Цыпленка Цыпу?

Профессор Мендоса: Боюсь, что нет, господин председатель.

* Лоуэлл Персиваль — американский бизнесмен, дипломат и астроном, исследователь Марса, основатель обсерватории Лоуэлла в Аризоне, автор нескольких весьма популярных в свое время книг о гипотетической древней цивилизации на Марсе; предсказал существование карликовой планеты Плутон.

Сенатор Ледстоун: Это персонаж сказки, который бегал и кричал: «Небо падает! Небо падает!» Он напоминает мне кое-кого из ваших коллег... Я хотел бы услышать ваше мнение о проекте «Космический патруль». Вы знаете, о чем я говорю.

Профессор Мендоса: Знаю, господин председатель. Я живу на планете, до сих пор несущей на себе шрамы тысяч ударов метеоритов. Некоторые из них шириной в сотни километров. Когда-то они столь же часто встречались и на Земле, но ветер и дождь — то, чего у нас на Марсе еще нет, но мы над этим работаем! — сровняли эти следы. У вас, однако, имеется один нетронутый экземпляр, в Аризоне.

Сенатор Ледстоун: Я знаю, знаю. Представители Космического патруля всегда указывают на Аризонский метеоритный кратер. Насколько серьезно нам следует относиться к их предостережениям?

Профессор Мендоса: Очень серьезно, господин председатель. Рано или поздно непременно произойдет еще одно крупное столкновение. Это не моя сфера деятельности, но я подниму для вас статистику.

Сенатор Ледстоун: Я уже утонул в цифрах, хотя ваше экспертное мнение было бы для меня ценно. Я благодарен вам за то, что вы приняли наше приглашение, пусть и получили его за столь короткий срок, особенно учитывая, что через несколько часов у вас встреча с президентом Виндзором.

Профессор Мендоса: Благодарю вас, господин председатель.

Сенатор Ледстоун был поражен и даже очарован молодым ученым, но тому не вполне удалось убедить сенатора. Его мнение изменили вовсе не соображения логики. Карлос Мендоса так и не попал на аудиенцию в Букингемский дворец. По дороге в Лондон он погиб в результате необычного несчастного случая, когда вышла из строя система управления его экзоскелета.

Ледстоун немедленно прекратил нападки на Космический патруль и проголосовал за выделение фондов для следующего этапа работы. Будучи уже очень старым человеком, он сказал одному из своих помощников: «Мне говорили, что скоро мы сумеем вытащить мозг Мендосы из емкости с жидким водородом и поговорить с ним через компьютерный интерфейс. Интересно будет узнать, о чем он думал все эти годы».

Часть II

8
СЛУЧАЙНОСТЬ И ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Историю эту веками рассказывали на базарах Ирака. Она воистину грустна — посему не смейтесь.

Абдул Хасан был знаменитым ковроделом во времена правления великого халифа, который весьма восхищался его мастерством. Но однажды, когда мастер представлял свой товар при дворе, случилась страшная беда.

Абдул низко поклонился Гарун-аль-Рашиду и вдруг испортил воздух.

В ту ночь мастер закрыл свою мастерскую, нагрузил самые ценные свои ковры на верблюда и покинул Багдад. Многие годы, переменяя имена, но не ремесло, он скитался по землям Сирии, Персии и Ирака. Он преуспевал, но все время мучился тоской по дорогому его сердцу городу, в котором родился.

Он был уже стариком, когда наконец уверился, что все забыли его позор и можно без опаски вернуться домой. Уже спускалась ночь, когда его взору предстали минареты Багдада. Абдул решил отдохнуть на постоялом дворе, подвернувшемся по дороге, и утром войти в город.

Хозяин постоялого двора был разговорчив и дружелюбен, и Абдул с жадностью выпытывал у него все, что произошло за время его долгих скитаний.

Они оба смеялись над каким-то из дворцовых скандалов, когда Абдул спросил мимоходом:

— А когда это произошло?

Хозяин постоялого двора задумался и почесал в голове.

— Насчет даты не уверен,— сказал он.— Но это было примерно через пять лет после того, как пукнул Абдул Хасан.

Так ковродел никогда не вернулся в Багдад.

Самые пустячные события могут в одночасье полностью изменить ход жизни человека. Иногда даже задним числом невозможно решить, была ли эта перемена к лучшему или к худшему. Кто знает, может, невольная провинность Абдула спасла ему жизнь. Останься мастер в Багдаде, он мог бы стать жертвой наемного убийцы или, что намного хуже, познал бы немилость калифа и вслед за тем — искусность его палачей.

Когда двадцатипятилетний слушатель Роберт Сингх перешел на последний семестр в Институте космической технологии имени Аристарха*, обычно именовавшемся «Аритех», он рассмеялся бы, если бы ему сказали, что вскоре он станет участником Олимпийских игр. Как и все жители Луны, которые желали сохранить возможность возвращаться на Землю, он с религиозным рвением выполнял на аритеховской центрифуге упражнения для высокой гравитации. Хотя они были скучными, это время не вполне было потерянным, потому что значительную его часть Сингх был подключен к обучающим программам.

Но однажды его вызвал в кабинет декан инженерного факультета — достаточно необычное событие, чтобы заставить занервничать любого студента последнего курса. Но декан оказался в добром расположении духа, и Роберт расслабился.

— Мистер Сингх, ваша успеваемость удовлетворительна, хотя и не блестяща. Но говорить с вами я хочу не об этом. Возможно, вы этого не знаете, но, по медицинским данным, у вас на редкость хорошее соотношение массы тела и энергии. Поэтому мы бы хотели, чтобы вы начали подготовку к грядущим Олимпийским играм.

* Аристарх Самосский (ок. 310–230 до н. э.) — древнегреческий астроном, разработавший собственную гелиоцентрическую систему Вселенной.

Сингх был поражен и не слишком рад. Его первой реакцией было спросить: «Где же я возьму время?» Но почти сразу же у него в мозгу промелькнула вторая мысль. На все огрехи в академической успеваемости декан мог преспокойно закрыть глаза, если они будут компенсированы спортивными достижениями. Такова была давняя и чтимая традиция.

— Благодарю вас, сэр. Я весьма польщен. Вероятно, мне придется переехать в Астрокупол.

Под трехкилометровой в диаметре крышей, воздвигнутой близ восточной стены кратера, названного именем Платона, помещалась крупнейшая на Луне воздушная площадка, которая стала популярным местом проведения полетов с применением физической силы человека. Несколько лет ходили разговоры о том, чтобы сделать их олимпийским видом спорта, но МОК не смог решить, крыльями или пропеллерами должны пользоваться участники. Сингха устроило бы и то и другое. Он опробовал оба метода, когда посещал комплекс Астрокупола.

Его ждал еще один сюрприз.

— Вам предстоит не летать, мистер Сингх. Вы побежите. На открытой лунной поверхности. Возможно, через Синус Иридум*.

Фрейда Кэрролл пробыла на Луне всего несколько недель, и теперь, когда ощущение новизны поистерлось, ей хотелось обратно на Землю.

Во-первых, она не смогла привыкнуть к одной шестой земного тяготения. Некоторые приезжие так и не приспособились. Они либо прыгали как кенгуру, время от времени ударялись головой в потолок, но нисколько не продвигались вперед, либо осторожно шаркали ногами, делая паузу перед каждым следующим шагом. Неудивительно, что местные жители прозвали их земляными червями.

Как студент-геолог, Фрейда тоже была разочарована Луной. О нет, геологии — точнее, селенологии — там было предостаточно, чтобы для любого нашлось занятие на сотню жизней вперед. Но до интересных участков Луны добраться оказалось трудно. Нельзя было бродить с киркой и карманным масс-спектрометром, как на Земле. Приходилось надевать скафандры, которые Фрейда ненавидела, или сидеть в луноходе и следить за датчиками — что не лучше.

* Sinus Iridum *(лат.)* — Залив Радуги, элемент лунного ландшафта.

Фрейда надеялась, что бесконечные туннели и подземные сооружения Аритеха позволят увидеть срезы верхних ста метров Луны, но ей не повезло. Мощные лазеры, которыми проводилась экскавация, сплавили камень и реголит так, что образовалась безликая поверхность, гладкая как зеркало. Неудивительно, что в монотонной однообразности туннелей и коридоров легко было потеряться. Исследованиям, которыми увлекалась Фрейда на Земле, не способствовали сонмы табличек следующего содержания:

«Проход запрещен при любых ситуациях!»

«Только для роботов второго класса!»

«Закрыто для проведения ремонтных работ».

«Осторожно! Воздух непригоден для дыхания. Пользуйтесь респиратором».

В тот день она, как обычно, потерялась, толкнула дверь, за которой находился проход к главному подвальному отсеку номер три и протолкнулась в нее осторожно, но, как оказалось, недостаточно.

Почти сразу же в нее ударил крупный, стремительно движущийся объект. Она закрутилась и отлетела к стене широкого коридора, в который только что вошла. На секунду девушка полностью потеряла ориентацию, лишь через несколько секунд пришла в себя и проверила, все ли у нее цело.

Существо, которое, как могло показаться, сбежало со страниц старинного комикса, медленно приближалось к ней. Оно явно принадлежало к роду человеческому и было заключено в сверкающий серебряный костюм, облегающий тело так же плотно, как трико балетного танцовщика. Голову обладателя костюма скрывал шар, выглядевший непропор-

ционально большим. В его зеркальной поверхности Фрейда видела лишь собственные искаженные очертания.

Она ждала объяснений или извинений, хотя, если подумать, ей и правда следовало быть поосторожнее. Фигура приблизилась к ней, умоляюще сложив руки.

Фрейда услышала приглушенный, едва различимый мужской голос:

— Я прошу прощения. Надеюсь, вы не пострадали. Я думал, сюда никто не заходит.

Фрейда попыталась что-нибудь разглядеть сквозь шлем, но он полностью скрывал лицо человека.

— По-моему, со мной все в порядке.

Голос из скафандра — а больше это ничем не могло быть, хотя Фрейда никогда не видела чего-то подобного — был не только пристыженным, но и довольно милым. Ее раздражение быстро испарилось.

— Надеюсь, что я вас не поранил и не повредил ваши инструменты.

Мистер Икс стоял теперь так близко, что его костюм почти касался ее, и Фрейда поняла, что незнакомец внимательно ее изучает. Ей казалось несправедливым, что он ее видит, а она не имеет ни малейшего представления о том, каков из себя этот человек. Она вдруг поймала себя на том, что ей очень хочется это узнать.

Через несколько часов в кафе Аритеха она не была разочарована. Боб Сингх, кажется, все еще испытывал неловкость от случившегося, хотя и не совсем по той причине, о которой можно было догадываться. Как только Фрейда уверила его в том, что она, вполне вероятно, останется в живых, он перешел к теме, которая явно была более животрепещущей.

— Мы еще работаем над костюмом,— объяснил Роберт.— Проводим испытания системы жизнеобеспечения в помещении, там безопасно! На следующей неделе, если все получится, мы опробуем его по поверхности. Но есть проблема с... гм... с информационной безопасностью. Среди участников

явно будет колледж «Клавий», люди из Циолковского с обратной стороны Луны тоже подумывают. Еще Массачусетский технологический, Калифорнийский и Гагаринский, но их всерьез никто не рассматривает. У них нет ноу-хау. Да и не могут они на Земле тренироваться в нужных условиях.

Интерес Фрейды к легкой атлетике почти равнялся нулю, но ее отношение к этой теме быстро теплело. Если не к ней, то, по крайней мере, к Роберту Сингху.

— Ты боишься, что кто-то позаимствует модель твоего костюма?

— Именно. Если она получилась настолько удачной, насколько нам кажется, то это может вызвать революцию в снаряжении для работы в открытом космосе — по крайней мере, для краткосрочных выходов. Мы хотим, чтобы лавры достались Аритеху. Больше ста лет прошло, а скафандры до сих пор неуклюжие и неудобные. Знаешь, есть такая старая шутка: «Я этого даже под пистолетом не надену».

Шутка была и вправду старая, но Фрейда старательно посмеялась, затем посерьезнела, глянула своему новому другу прямо в глаза и сказала:

— Надеюсь, что тебе ничего не грозит.

Именно тогда она поняла, что влюбилась, всего лишь второй или третий раз в жизни.

Декан факультета, и так уже пребывавший в несколько упадническом настроении, поскольку его шпиона в МТИ только что торжественно сбросили в реку Чарльз, не слишком обрадовался появлению у Роберта Сингха новой соседки по комнате.

— Я позабочусь, чтобы не меньше чем за три дня до забега ее отправили в полевую экспедицию,— пригрозил он, но, по здравом размышлении, смягчился.

На выступление спортсмена психологические факторы оказывают столь же важное влияние, сколь и физиологические.

Было решено не изгонять Фрейду перед марафоном.

9

ЗАЛИВ РАДУГИ

Изящный изгиб Залива Радуги — одно из самых живописных образований лунного рельефа. Он представляет собой уцелевшую половину типичной чаши кратера диаметром в три сотни километров, вся северная стена которой три миллиарда лет назад была смыта потоком лавы, хлынувшим от Моря Дождей. Оставшийся полукруг, который лаве пробить не удалось, с западной стороны заканчивается Мысом Гераклида — группой холмов километровой высоты, которая в определенные времена создает недолговечную и прекрасную иллюзию. Когда Луне десять дней от роду и она нарастает, приближаясь к полнолунию, Мыс Гераклида приветствует восход и даже в самых мелких телескопах Земли на несколько часов предстает в виде профиля юной девушки со струящимися к западу волосами. Потом, когда Солнце поднимается выше, рисунок теней меняется, и лунная дева исчезает.

Но сейчас, когда у подножия мыса собрались участники первого лунного марафона, Солнца не было. Стояла почти полночь по местному времени. Полная Земля спустилась до середины южной части неба, все вокруг заливая голубым электрическим сиянием, в пятьдесят раз более ярким, чем отбрасывает на нее саму круглая Луна. Оно затмило даже звезды на небе. Лишь низко на западе, если хорошенько поискать, слабо виднелся Юпитер.

Роберту Сингху еще не доводилось предстать перед публикой, тем не менее осознание того, что обитатели трех планет и десятка искусственных спутников смотрят на него, не слишком-то заставляло парня нервничать. Двадцать четыре часа назад он сказал Фрейде, что полностью уверен в прекрасной работе всего своего оборудования.

— Ну, это ты только что продемонстрировал,— расслабленно промурлыкала она.

— Спасибо. Но я обещал декану, что до забега — больше ни разу.

— Да брось! Правда?

— Не то чтобы обещал. Это было, скажем так, негласное джентльменское соглашение.

Фрейда стала вдруг очень серьезна.

— Надеюсь, конечно, что ты выиграешь, но еще больше переживаю насчет какого-нибудь сбоя. У тебя не оставалось времени на то, чтобы испытать скафандр как следует.

Это была совершенная правда, но Сингх не стал волновать Фрейду, признаваясь в этом. Даже если и случится отказ систем — это всегда возможно, сколько бы предварительных испытаний ни проводилось,— то никакой реальной опасности нет. Их сопровождала небольшая армада лунных вездеходов. Это были машины наблюдения с представителями прессы, лунные джипы с группами поддержки и тренерами. Самое главное состояло в том, что бригады «скорой помощи» с рекомпрессионной камерой будут постоянно находиться на расстоянии не более нескольких сотен метров.

Пока его снаряжали в вагончике Аритеха, Сингх размышлял, кого из участников состязаний придется спасать первым. Почти все они познакомились друг с другом всего несколько часов назад и обменялись обычными неискренними пожеланиями удачи. Изначально было одиннадцать заявившихся, но четверо выбыли. Остались представители Аритеха, «Клавий индастриз», колледжей Гагарина, Циолковского, Годдарда, Калтеха и МТИ. Бегун из Массачусетского технологического, темная лошадка по имени Роберт Стил, еще не прибыл и должен был быть дисквалифицирован, если не появится в ближайшие десять минут. Это могла оказаться продуманная хитрость, чтобы внести в соревнование сумятицу или не допустить слишком тщательного осмотра космического снаряжения спортсмена, хотя на этом этапе подобные ухищрения вряд ли уже могли на что-то повлиять.

— Как дышится? — спросил Сингха тренер, когда шлем загерметизировали.

— Нормально.

— Сейчас ты не напрягаешься. Если тебе будет нужно, то регулятор может увеличить приток кислорода до десяти раз. А теперь пошли в шлюз, проверим твою подвижность...

— Только что прибыла команда из МТИ,— объявил по трансляции наблюдатель от Межпланетного олимпийского комитета.— Марафон начнется через пятнадцать минут.

— Прошу подтвердить работу всех систем,— прошуршал в ухе у Роберта Сингха голос судьи.— Номер первый?

— О'кей.

— Номер второй?

— Да.

— Номер третий?

— В порядке.

Но от номера четвертого из Калтеха ответа не последовало. Он очень неуклюже ковылял в сторону, уходя с линии старта.

«Нас остается всего шестеро»,— подумал Сингх, ощутив мимолетный прилив сочувствия.

Не везет же! Прилететь с самой Земли и в самый последний момент нарваться на отказ оборудования! Но там у них проведение полноценных испытаний было невозможно, не нашлось бы ни одного симулятора необходимых размеров. Здесь же достаточно было всего лишь выйти из шлюза, и в твоем распоряжении столько вакуума, что всем хватит.

— Начинаю отсчет. Десять, девять, восемь...

Это соревнование было не из тех, что можно выиграть или проиграть на стартовой линии. Сингх чуть выждал после слова «ноль», тщательно выверил угол старта и только тогда совершил толчок.

Расчетами занимались многие математики. Почти целая миллисекунда машинного времени аритеховского компьютера была уделена этой проблеме. Вшестеро меньшая сила тяжести на Луне являлась наиболее важным, но далеко не единственным фактором. Плотность скафандра, оптимальная величина потребления кислорода, тепловые нагрузки,

усталость — все это пришлось учесть. Но прежде надо было решить давний спор, уходящий к временам появления первых людей на Луне. Что лучше — подскакивать или делать длинные прыжки?

То и другое годилось вполне неплохо, но прецедента тому, что он пытался проделать сейчас, еще не бывало. До сегодняшнего дня все космические скафандры являлись громоздкими агрегатами. Они ограничивали подвижность, добавляли человеку столько массы, что требовалось приложить усилие не только для того, чтобы начать двигаться, но и при остановке, иногда не меньшее. Эта конструкция была совершенно иной.

Роберт Сингх пытался объяснить различия, не выдавая коммерческой тайны, во время одного из непременных интервью перед забегом.

— Как нам удалось сделать его таким легким? — отвечал он на первый вопрос.— Прежде всего скажу, что скафандр не приспособлен для использования в дневное время.

— Почему это так важно?

— Ему не требуется система теплоизоляции. Солнце может обрушить на вас больше киловатта. Вот почему мы бежим ночью.

— А-а. У меня возникал этот вопрос. Но вы не рискуете слишком замерзнуть? Разве лунной ночью не холодает до пары сотен градусов ниже нуля?

Сингху удалось не улыбнуться, когда он услышал этот простодушный вопрос.

— Ваше тело вырабатывает все необходимое вам тепло, даже на Луне. А если вы бежите марафон, то гораздо больше, чем вам необходимо.

— Но сможете ли вы бежать, спеленатый как мумия?

— Подождите, сами увидите!

Находясь под надежной защитой студии, он говорил довольно уверенно. Теперь же, когда он стоял на безжизненной лунной равнине, фраза «как мумия» припомнилась ему и никак не хотела уходить. Сравнение было не самое жизнеутверждающее.

Сингх утешал себя мыслью, что оно не вполне точное. Он был не запеленат в бинты, а упакован в два облегающих костюма — один активный, другой пассивный. Внутренний, сшитый из хлопка, охватывал его от шеи до лодыжек и содержал в себе компактную сеть узких пористых трубок, которые должны были отводить пот и лишнее тепло. Поверх него был надет прочный, но очень гибкий защитный внешний костюм, сделанный из эластичного материала и пристегивавшийся к шлему уплотнительным кольцом, что давало обзор в сто восемьдесят градусов. Когда Сингх спросил: «Почему не круговую видимость?», ему жестко ответили: «Когда бежишь — не оглядывайся».

Теперь настал момент истины. Он спружинил обеими ногами сразу и вытолкнул себя вверх под малым углом, намеренно стараясь тратить как можно меньше сил. Через две секунды Роберт достиг высшей точки своей траектории и двигался параллельно лунной поверхности, метрах в четырех над нею. На Земле, где прыжки в высоту на полвека застряли на отметке чуть ниже трех метров, это стало бы новым рекордом.

На мгновение время замедлилось и едва ползло. Сингх видел бескрайнюю сверкающую равнину, тянущуюся до непрерывной изогнутой линии горизонта. Земной свет, косо падавший из-за правого плеча, создавал необыкновенную иллюзию того, что Синус Иридум покрыт снегом. Все остальные бегуны шли впереди, некоторые поднимались, некоторые падали, каждый по своей пологой параболе. Было ясно, что один из них снижается вперед головой. Хорошо, сам Сингх не допустил такого досадного просчета.

Он приземлился на ноги, взметнув облачко пыли. Позволив силе инерции увлечь его вперед, Роберт дождался, пока тело восстановит прямой угол, и тогда снова взмыл вверх.

Секрет лунных забегов, как быстро обнаружил Сингх, состоял в том, чтобы не подпрыгивать чересчур высоко и не приземляться потом по слишком крутой траектории, теряя

энергию при ударе о поверхность. Он поупражнялся несколько минут, нащупал нужный компромисс и вышел на равномерный ритм. При таком однообразном рельефе местности невозможно было понять, насколько быстро двигался Роберт, но он проделал уже больше половины пути до первой километровой отметки.

Что еще важнее, Сингх догнал остальных. На расстоянии ста метров за ним никого не было. Вопреки совету не оглядываться, он мог позволить себе роскошь следить за ходом состязания. Роберт обнаружил, что сейчас в забеге помимо него осталось всего три участника, и ничуть не удивился.

— Тут становится одиноко,— сказал он.— Что случилось?

Канал связи, по идее, считался конфиденциальным, но Сингх сомневался в том, что так оно и есть. Остальные команды и пресса наверняка отслеживали его.

— У Годдарда обнаружилась скрытая неполадка. А ты как?

— Состояние семь.

Любой, кто подслушивал этот разговор, мог бы легко догадаться, что это означает. Ну да ладно. Семь считалось счастливым числом, и Сингх надеялся, что сможет использовать его и дальше, вплоть до конца забега.

— Только что прошли один километр,— сказал голос у него в ухе.— Время от начала забега — четыре минуты десять секунд. Номер два — в пятидесяти метрах за тобой, держит дистанцию.

«Надо бы постараться,— подумал Сингх.— Километр за четыре минуты сделает кто угодно, даже на Земле. Но это я еще не приноровился».

На втором километре он взял ровный, удобный ритм и покрыл эту дистанцию чуть меньше чем за четыре минуты. Если он сможет продолжать в том же духе, хотя это, конечно, невероятно, то к финишной черте выйдет примерно через три часа. Никто не знал наверняка, сколько времени займет на Луне прохождение традиционных сорока двух километров марафона. Предположения варьировались от крайне опти-

мистичных двух часов до десяти. Сингх надеялся уложиться в пять.

Скафандр, похоже, работал так, как и было обещано. Он не слишком сковывал движения, а регулятор подачи кислорода успешно справлялся с требованиями, которые предъявляли ему легкие. Сингху начало нравиться такое занятие. Это был не просто забег, а нечто неизведанное для всего человечества, открытие совершенно новых горизонтов в спорте, возможно, много где еще.

Через пятьдесят минут, на десятикилометровой отметке, Сингх получил сообщение с поздравлениями:

— Отлично идешь. У нас выбыл еще один, из колледжа Циолковского.

— А с ним что такое?

— Неважно. Потом расскажу. Ничего страшного.

Роберт мог попробовать догадаться. Когда-то в первые дни тренировок его чуть не стошнило в скафандре. Дело было нешуточное, поскольку все могло закончиться весьма неприятной смертью. Он помнил отвратительное холодное и липкое ощущение, предшествовавшее приступу, которое он снял, увеличив приток кислорода и подкрутив термостат скафандра. Сингх так и не понял, что вызвало эти симптомы. Возможно, это были нервы, или же он что-то не то съел за обедом, безвкусным, высококалорийным, но с пониженным выделением шлаков, поскольку лишь немногие скафандры были оборудованы полным набором санитарных удобств.

Тщательно стараясь отвлечься от этого малоперспективного направления мыслей, Сингх вызвал тренера:

— Если все будет продолжаться так же, то финишировать я могу пешком. Уже трое сошли, а мы едва начали.

— Не надо излишней самонадеянности, Боб. Вспомни про черепаху и зайца*.

* Басня Эзопа, в которой заяц и черепаха состязались в беге. Заяц, уверенный в победе, улегся возле дороги и заснул, черепаха, неспешно двигаясь, пришла к финишу первой.

— Никогда о них не слышал. Но я понял, о чем ты.

На пятнадцатикилометровой отметке он уразумел это еще отчетливее. Уже некоторое время Роберт чувствовал, что у него все сильнее и сильнее сводит левую ногу, становилось сложнее сгибать ее при приземлении, и последующий взлет все чаще оказывался кривым. Сингх явно уставал, но этого надо было ожидать. Сам скафандр по-прежнему функционировал прекрасно, так что вряд ли произошло что-то серьезное. Может быть, стоило остановиться и немного отдохнуть. Правила этого не запрещали.

Сингх остановился и оглядел окрестности. С момента старта почти ничего не изменилось, разве что на востоке пики Гераклида казались теперь чуть ниже. Эскорт лунных джипов, машин «скорой помощи» и транспорт для зрителей по-прежнему почтительно держались на некотором отдалении позади бегунов, число которых сократилось сейчас всего до трех.

Сингх не удивился, что парень из «Клавий индастриз», еще один участник лунного марафона, пока не сошел с дистанции. Неожиданным было другое — результаты, которые демонстрировал земляной червяк из МТИ. Роберт Стил — какое странное совпадение, у них было одинаковое имя и инициалы — шел даже впереди спортсмена из «Клавия». Но ведь он не мог тренироваться в режиме реальных условий — или инженеры МТИ знали что-то такое, чего не ведали местные спецы?

— У тебя все в порядке, Боб? — тревожно спросил тренер.

— Пока все еще семерка. Просто отдыхаю. Но меня удивляет представитель МТИ. Отлично идет.

— Для землянина — да. Но помни, что я тебе говорил. Не оглядывайся! Мы за ним проследим.

Сингх был озабочен, но не испытывал никакой паники. Он наскоро проделал несколько упражнений, выполнить которые в традиционном скафандре оказалось бы абсолютно невозможным. Роберт даже лег в мягкий реголит, верхний

слой лунной почвы, взрыхленный целыми эпохами метеоритной бомбардировки, и несколько минут энергично «покрутил педали», словно на велосипеде. Он надеялся, что зрители оценят этот номер, впервые исполнявшийся на Луне.

Роберт снова встал на ноги, не смог удержаться и украдкой бросил взгляд назад. Парень из «Клавий индастриз» двигался в добрых трех сотнях метров позади и шатался из стороны в сторону, что явно выдавало усталость.

«У твоего-то скафандра конструкторы похуже моих будут,— мысленно произнес Сингх.— Сдается мне, я вряд ли буду долго наслаждаться твоим обществом».

Сказать то же о мистере Роберте из МТИ было, конечно же, нельзя. Судя по всему, он приближался.

Сингх решил сменить способ передвижения, задействовать другую группу мышц и сократить риск заработать судороги. Об этой опасности тренер тоже предупреждал его. Прыжок кенгуру был эффективен и быстр, но широкий скачковый шаг — удобнее и не столь утомителен, просто потому, что более естествен.

Однако на отметке двадцать километров он снова вернулся к стилю кенгуру, чтобы все мышцы находились в равных условиях. Кроме того, ему захотелось пить, и он высосал несколько миллилитров фруктового сока из специальной трубочки, весьма предусмотрительно встроенной в шлем.

Ему оставалось пройти двадцать два километра. Сейчас забег продолжал всего один соперник. Представитель «Клавий индастриз» наконец сдался. В этом первом лунном марафоне бронзовых призеров не будет. Он стал прямым противостоянием Луны и Земли.

— Мои поздравления, Боб,— усмехнулся тренер через несколько километров.— Ты только что совершил две тысячи гигантских скачков для всего человечества*. Нил Армстронг гордился бы тобой.

* «Это маленький шаг для человека и гигантский скачок для всего человечества». Слова Н. Армстронга, первого астронавта, высадившегося на Луну.

— Не верю, что ты их считал, но все равно приятно. У меня проблемка.

— Какая?

— Смешно сказать — ноги мерзнут.

Пауза была такой долгой, что он повторил жалобу.

— Я тут уточняю, Боб. Уверен, что можно не волноваться.

— Надеюсь.

Дело и вправду казалось пустяковым, но в космосе мелочей не бывает. Последние десять-пятнадцать минут Сингх испытывал легкий дискомфорт. Ему казалось, что он идет по снегу в туфлях или ботинках, которые не защищают от холода, и становилось все хуже и хуже.

Никакого снега в Заливе Радуги, разумеется, не было, хотя земной свет часто создавал такую иллюзию. Но местными ночами реголит здесь становился намного холоднее, чем снег антарктической зимы,— градусов на сто, не меньше.

Это не должно было иметь значения. Реголит очень плохо проводит тепло, и защитного слоя на обуви должно было вполне хватать для защиты. Очевидно, материал со своей задачей не справлялся.

Внутри шлема послышалось неловкое покашливание.

— Извини, Боб. Наверное, подошвы у ботинок надо было делать потолще.

— Да уж, пожалуй. Ладно, я потерплю.

Через двадцать минут он уже не был так уверен в этом. Дискомфорт начал нарастать, превращаясь в боль, ноги стали заледеневать. Сингх никогда не жил в по-настоящему холодном климате, и это ощущение было для него внове. Он не знал, как с ним поступать и когда симптомы могут стать опасными. Кажется, полярные исследователи порой теряли большие пальцы на ногах или даже вообще целые конечности? Это повлекло бы за собой не только неприятные ощущения, но и потерю времени в палате регенерации. Чтобы отрастить ступню, требовалась целая неделя.

— Что случилось? — тревожно спросил тренер.— По-моему, у тебя какие-то затруднения.

Это были вовсе не какие-то там затруднения, а мучительная боль. Ему требовалась вся сила воли, чтобы не вскрикивать каждый раз, как он касался поверхности и вспарывал мерзкую грязь, которая высасывала из него жизнь.

— Мне нужно несколько минут отдохнуть и подумать.

Сингх осторожно опустился на мягко подавшуюся почву, опасаясь, что холод мгновенно пронзит верхнюю часть его костюма. Но стужи совсем не чувствовалось, и он расслабился. На несколько минут Роберт, скорее всего, был в безопасности, а если Луна попытается заморозить его тело, то он сто раз это почувствует.

Сингх поднял ноги и согнул пальцы. По крайней мере, он их чувствовал, командам они подчинялись.

Что же, газетчики в машине наблюдения, должно быть, подумают, будто он сошел с ума или исполняет какой-то неведомый религиозный ритуал, демонстрируя подошвы звездам. Интересно, что сейчас эти люди рассказывают своей обширной аудитории?

Ему уже стало чуть приятнее. Теперь, когда Роберт не соприкасался с поверхностью, кровообращение перекрывало потерю тепла. Но то ли это была игра воображения, то ли и впрямь он начал чувствовать легкий холодок в пояснице?

Внезапно его поразила другая тревожная мысль.

«Я грею ноги в ночном небе — в самой Вселенной. Как известно каждому школьнику, там на три градуса выше абсолютного нуля. По сравнению с этим реголит горячее кипятка. Так правильно ли я делаю? Ноги у меня явно не проигрывают в этой схватке с вселенским поглотителем тепла».

Почти распластавшись на поверхности Залива Радуги, держа ноги под нелепым углом к едва различимым звездам и сверкающей Земле, Роберт Сингх размышлял над этой задачкой по физике. Слишком много факторов было задействовано, чтобы ответ оказался простым, но этот в первом приближении сойдет...

Вопрос был в том, что сильнее: потеря тепла или его выработка. Материал этих космических ботинок первое осуществлял слишком хорошо. Если они находились в физическом контакте с лунным реголитом, то его тело теряло тепло быстрее, чем он его производил. Но когда они излучали энергию в пустое небо, ситуация была обратной. К счастью для Сингха.

— Парень из МТИ догоняет, Боб. Вставай-ка.

Сингх не мог не восхититься своим настойчивым преследователем. Тот заслуживал серебра.

«Но черта с два я позволю ему выиграть золото. Значит, встали и пошли. Всего десять километров, где-то пара тысяч прыжков».

Первые три или четыре километра были еще ничего, но потом его снова начал пробирать холод. Сингх знал, что если он еще раз остановится, то дальше идти не сможет. Ему оставалось лишь стиснуть зубы и убедить себя в том, что боль — это всего лишь иллюзия, которую можно отогнать усилием воли. Где же это он видел отличный пример? Роберт одолел еще один мучительный километр, пока нащупал в памяти эту картину.

Много лет назад он видел вековой давности видеозапись хождения по огню, исполненного во время какой-то религиозной церемонии на Земле. Вырыта была длинная яма, ее наполнили углями, раскаленными докрасна. Верующие проходили ее из конца в конец босыми ногами, настолько невозмутимо, как если бы расхаживали по песку. Пусть это и не доказывало могущества некоего божества, но являлось потрясающей демонстрацией храбрости и веры в себя. Роберт, конечно же, сможет сделать точно так же. Сейчас ему так легко было вообразить, что он идет по огню...

Хождение по углям на Луне! Не удержавшись, он рассмеялся от самой этой мысли, и на мгновение боль почти исчезла. Стало быть, идея первичности ума над материей работает — по крайней мере несколько секунд.

— Остается всего пять километров. Отлично идешь, но парень из МТИ нагоняет. Не расслабляйся.

Ничего себе! Да Сингх мечтал об этом. Гложущая боль в ногах пересиливала все остальные ощущения. Он фактически не замечал нарастающей усталости, но двигаться вперед становилось все труднее и труднее. Роберт отказался от идеи передвигаться прыжками и, в качестве промежуточного варианта, перешел на медленный, размашистый шаг, который на Земле выглядел бы достаточно внушительно, но на Луне был жалок.

За три километра он был готов все бросить и вызвать «скорую». Может быть, спасать ноги уже слишком поздно? Потом, как только Сингх почувствовал, что дошел до предела, он заметил то, что наверняка увидел бы и раньше, не будь все его мысли сосредоточены на оставшейся дистанции.

Далекий горизонт уже не представлял собой идеально прямую линию, отделяющую сверкающий пейзаж от черной ночи космоса: Сингх приближался к западным пределам Залива Радуги. Над изгибом поверхности Луны поднялись мягко скругленные вершины Мыса Лапласа. Эта картина и понимание того, что он собственными усилиями добрался до этих гор, вызвали у него последний прилив сил.

Во Вселенной уже не существовало ничего другого, кроме финишной черты. Сингх был всего в нескольких метрах от нее, когда упорный противник рванулся вперед, без видимых усилий увеличил скорость и обошел его.

Когда Роберт Сингх пришел в сознание, он лежал в машине «скорой помощи». Все тело у него ныло, но острой боли не было.

— Некоторое время много ходить тебе не придется,— услышал он голос, доносившийся словно бы с расстояния в несколько световых лет.— Самый серьезный случай обморожения, который я когда-либо видел. Но я ввел местное обезболивающее. Новый комплект ног тебе покупать не придется.

Это известие до некоторой степени утешало парня, но едва ли компенсировало горечь понимания того, что он проиграл, невзирая на все свои старания, когда победа, казалось, совсем рядом. Кто это сказал: «Победить — не самое главное, это единственное, что имеет значение»? Сингх даже не был уверен в том, что пойдет забирать свою серебряную медаль.

— Пульс у тебя снова в норме. Как ты себя чувствуешь?

— Ужасно.

— Тогда это поможет тебя подбодрить. Ты готов к приятному потрясению?

— Попробуйте.

— Ты — победитель! Нет, не надо вставать!

— Что?.. Как это?!

— МОК рвет и мечет, а ребята из МТИ ржут как ненормальные. Как только забег окончился, они признались, что их Роберт — на самом деле робот, антропоморф общего назначения, класс девять. Ничего удивительного, что он... что эта штука пришла к финишу первой! Так что твое выступление становится еще более потрясающим. Поздравления текут рекой. Хочешь или нет, но ты знаменит.

Слава продлилась недолго, но эта золотая медаль до конца жизни числилась у Роберта Сингха среди самых ценных его вещей. Хотя только после Третьих Лунных Олимпийских игр, восемь лет спустя, он осознал, чему положил начало. К тому времени космические медики позаимствовали у глубоководных ныряльщиков технику жидкостного дыхания и начали заполнять легкие участников жидкостью, насыщенной кислородом.

Победитель первого лунного марафона вместе с остальными представителями рода человеческого, рассеявшимися по Вселенной, с благоговейным восторгом наблюдал, как неуязвимый для вакуума Карл Грегориос совершил свой рекордный двухминутный рывок в забеге на один километр

по Заливу Радуги. Он выступал обнаженным, как его греческие предки на самых первых Олимпийских играх три тысячи лет назад.

10
МАШИНА ДЛЯ ЖИЛЬЯ

После окончания Аритеха с подозрительно высокими оценками астроспециалист Роберт Сингх без труда получил должность помощника инженера по силовым установкам на одном из регулярных шаттлов Земля — Луна. По какой-то ныне забытой причине эти корабли были прозваны молоковозами. Эта должность вполне его устраивала, поскольку, к своему удивлению, Фрейда обнаружила, что Луна — все-таки место интересное. Она решила провести там несколько лет, занимаясь лунным аналогом золотой лихорадки, которая некогда разразилась на Земле. Но то, что долго искали на Луне старатели, обладало несравненно большей ценностью, чем обыкновенный, по нынешним временам, металл.

Это была вода, если точнее — лед. Бессчетные тысячелетия метеоритной бомбардировки и вулканической деятельности, которая, временами активизируясь, вывернула наизнанку верхние слои Луны толщиной в несколько сотен метров, давно уже уничтожили все остатки воды, будь то вода жидкая, твердая или газообразная. Все же оставалась надежда на то, что глубоко под землей, около полюсов, где температура всегда намного ниже точки замерзания, могут находиться слои ископаемого льда, оставшегося с тех времен, когда Луна еще только сформировалась из первичных осколков Солнечной системы.

Почти все селенологи полагали, что это голая фантазия, но имелось предостаточно заманчивых свидетельств, чтобы поддерживать эту мечту на плаву. Фрейде посчастливилось быть одним из членов экспедиции, обнаружившей первую из ледяных шахт Южного полюса. Это открытие не только обещало коренным образом преобразить экономику Луны,

но и оказало непосредственный и крайне благотворный эффект на экономику семьи Сингх-Кэрролл. Теперь им хватало общих средств, чтобы взять в аренду фуллеровский дом и жить в любом месте на Земле, где им заблагорассудится.

На Земле... Они по-прежнему рассчитывали провести немалую часть жизни где-нибудь еще, но им хотелось иметь сына. Если бы он родился на Луне, то ему не хватило бы физических сил для посещения родной планеты своих родителей. Но если бы ребенок был выношен в условиях земной силы тяготения, то это, напротив, дало бы ему свободу передвигаться по всей Солнечной системе.

Они также согласились, что первым месторасположением их дома будет Аризонская пустыня. Пусть сейчас в ней становилось довольно многолюдно, но по-прежнему оставалось множество нетронутых геологических красот, по которым могла полазать Фрейда. Еще эта пустыня очень близко походила на Марс, который оба они были намерены рано или поздно посетить, пока его не изгадили, как выражалась Фрейда, лишь наполовину иронизируя.

Куда более тяжелой задачей было решить, какую модель жилища выбрать из множества предлагающихся. Эти дома, названные в честь великого инженера-архитектора двадцатого века Бакминстера Фуллера, конструировались с использованием технологий, о которых он мечтал, но до появления их не дожил. Они могли практически автономно обеспечивать существование своих обитателей почти неограниченное время.

Энергию вырабатывал стокиловаттный герметично закрытый термоядерный реактор, который раз в несколько лет требовал заправки обогащенной водой. Такого скромного количества энергии вполне хватало практически для любого грамотно спроектированного дома, а постоянный ток напряжением в девяносто шесть вольт мог послужить причиной смерти только для очень упорного самоубийцы.

Технически мыслящим клиентам, которые спрашивали: «Почему именно девяносто шесть вольт?», сотрудники кон-

сорциума «Фуллер» терпеливо объясняли, что инженеры — рабы привычки. Всего пару столетий назад стандартными были системы, рассчитанные на двенадцать и двадцать четыре вольта. Мол, арифметика оказалась бы гораздо легче, если бы у человека было не десять пальцев, а двенадцать.

Потребовалось почти целое столетие на то, чтобы получил широкое общественное признание наиболее спорный элемент устройства такого дома — система переработки пищи. Без сомнения, в начале эры земледелия охотникам и собирателям понадобилось еще больше времени, чтобы побороть отвращение при мысли о том, что надо разбрасывать фекалии животных над своей будущей едой. В течение тысяч лет прагматичные китайцы, зашедшие еще дальше, использовали для удобрения своих рисовых полей собственные испражнения.

Среди предрассудков и табу, управляющих человеческим поведением, самыми мощными являются те, которые относятся к еде. Зачастую для их преодоления логики бывает недостаточно. Одно дело — перерабатывать экскременты на открытом воздухе, в полях, с помощью чистого солнечного света, и совсем другое — проделывать это у себя в доме при помощи таинственных электрических приспособлений. Спецы из консорциума «Фуллер» долгое время тщетно доказывали, что даже сам Господь Бог не может отличить один атом углерода от другого. Большинство простых граждан были убеждены, что они — могут.

В конце концов экономика одержала верх, как это обычно и бывает. Избавиться от необходимости думать о счетах за продукты, иметь в своем распоряжении практически неограниченный набор меню, хранящийся в памяти домашнего Кибермозга,— этому искушению не поддавались лишь немногие. Все остававшиеся сомнения разрешил изумительно простой, но эффективный метод. В качестве дополнительного элемента комплектации в поставку мог быть включен маленький садик. Хотя система переработки преспокойно работала и без него, вид прекрасных цветов, поворачивающихся к солнцу, помогал успокоить многие капризные желудки.

У фуллеровского дома, который Фрейда и Роберт лишь арендовали, потому как консорциум никогда не продавал свою продукцию, было всего два предыдущих владельца. Гарантия нормальной работы основных систем составляла пятнадцать лет. К тому времени им потребуется новая модель, достаточно просторная, чтобы вместить в себя еще и одного энергичного подростка.

Почему-то они так и не собрались запросить у Кибермозга традиционные приветствия, оставленные предыдущими обитателями. Мысли и мечты супругов были устремлены в будущее. Подобно всем молодым парам, они считали его бесконечным.

11
ПРОЩАНИЕ С ЗЕМЛЕЙ

Тоби Кэрролл Сингх родился в Аризоне, как и планировали его родители. Роберт продолжал служить на шаттле Земля — Луна, поднялся до должности старшего инженера и даже отказался от возможности поехать на Марс, потому что не хотел по нескольку месяцев быть вдалеке от своего новорожденного сына.

Фрейда оставалась на Земле и даже редко покидала Американское Содружество. Она перестала ездить в полевые экспедиции, но могла все так же активно продолжать исследования, да еще и в более комфортной обстановке, при помощи банков данных и спутниковых видеозаписей. К тому времени стало уже избитой шуткой, что геология больше не считается профессией для крепких мужиков, поскольку молоток заменили программы обработки изображений.

Тоби было три года, когда родители решили, что послушных роботов в качестве товарищей для игр ему недостаточ-

но. Напрашивающимся решением было завести собаку, и они уже почти приобрели генетически модифицированного скотчтерьера с уровнем интеллекта в сто двадцать баллов по кинологической шкале, когда стали появляться первые детеныши мини-тигра. Это была любовь с первого взгляда.

Бенгальский тигр — самая прекрасная из всех больших кошек, возможно, и вообще из всех млекопитающих. К началу двадцать первого века из естественной среды обитания он исчез. Но несколько сотен этих великолепных животных по-прежнему вели беззаботную жизнь в зоопарках и заповедниках. Даже если бы и эти тигры вымерли до единого, их ДНК был уже, разумеется, полностью расшифрован. Создать их заново оказалось бы довольно несложной задачей.

Тигретта была одним из побочных продуктов этого проекта генной инженерии. По всем признакам, она была прекрасным представителем своего вида, но даже во взрослом возрасте должна была достигнуть веса всего в тридцать килограммов. По характеру, тоже тщательно спроектированному, животное напоминало ласковую игривую кошку.

Сингх не уставал наблюдать, как она подкрадывается к маленьким роботам-уборщикам, явно считая их животными, изучать которых надо весьма осторожно, поскольку палитру их запахов в своей наследственной памяти ей отыскать не удавалось. Роботы, со своей стороны, не знали, как к ней относиться. Временами, когда она спала, они принимали ее за коврик и пытались пропылесосить, что приводило к уморительным результатам.

Подобная возможность выпадала им нечасто, потому что мини-тигренок обычно спал в кровати у Тоби. Фрейда поначалу возражала по соображениям гигиены, пока не обратила внимания, насколько больше времени посвящает зверушка уходу за собой, чем Тоби — краткому контакту с водой и мылом. Если в дом и могла проникнуть инфекция, то ее причина заключалась бы вовсе не в том, чего так опасалась Фрейда.

Тигретта была чуть меньше взрослого домашнего кота, когда появилась в доме, но она быстро подчинила его себе. Вскоре Роберт начал полушутя жаловаться, что Тоби уже не замечает, когда папа летает в космосе.

Возможно, именно появлением Тигретты было вызвало еще одно изменение. Фрейду всегда притягивал континент ее предков, и она бережно хранила потрепанную книгу Алекса Хейли «Корни»*, которая передавалась в ее семье из поколения в поколение.

«Кроме того, в Африке никогда не было тигров,— говорила она.— Им пора там завестись».

В общем, они были счастливы на новом месте, невзирая на напоминания о его неприглядном прошлом, возникающие время от времени. Например, однажды Тоби ковырялся на пляже в песке и откопал скелет ребенка, все еще сжимавшего в руках куклу. После этого мальчик много ночей подряд просыпался с криком, и даже присутствие Тигретты не могло его успокоить.

К десятому дню рождения Тоби, на который прибыли три настоящие тетушки и дядюшки и несколько десятков почетных гостей, как Роберт, так и Фрейда поняли, что первая фаза их отношений окончена. Их новизна, не говоря уже о страсти, давно уже увяла. Роберт и Фрейда оставались не более чем хорошими друзьями, которые принимали общество друг друга как должное. Оба обзавелись любовными связями на стороне, проявляя минимум ревности. Несколько раз они экспериментировали в тройках, а однажды — в четверке. Несмотря на самые благие намерения всех участников подобных мероприятий, результаты всегда оказывались скорее комическими, чем эротическими.

Окончательный разрыв не был связан с человеческими отношениями.

* Хейли Алекс (1921–1992) — афроамериканский писатель. Роман «Корни: Сага об американской семье», в котором автор прослеживает историю собственной семьи вплоть до африканского предка, пользовался большой популярностью.

«Почему мы отдаем свои сердца друзьям, которым отмерен срок намного короче нашего?» — часто спрашивал себя Роберт Сингх.

Джунгли, должно быть, уже давно поглотили металлическую табличку с надписью:

Тигретта!
Покойся здесь вечно.
Красота, верность, сила.

Хотя сейчас ему казалось, что это было в другой жизни, но Роберт Сингх знал, что никогда не забудет, как закончилось детство Тоби, когда тот обеими руками обнимал Тигретту, пока медленно угасал свет в ее преданных глазах.

Пора было уезжать.

12
ПЕСКИ МАРСА

Роберт Сингх всегда был твердо намерен рано или поздно попасть на Марс, но отправился он туда довольно поздно. Ему было уже пятьдесят пять лет, когда судьба в который раз сама решила, как и что.

Туристы с Марса оказывались на Луне редко и, по причине весьма действенного карантина, установленного гравитацией, практически не встречались на планете-метрополии. Многие делали вид, что им все равно. Всем было известно, что Земля шумная, зловонная, грязная и ужасно перенаселенная. Шутка ли, почти три миллиарда человек! Да еще и опасная, со всеми этими ураганами, землетрясениями, вулканами.

Однако Шармейн Йорген, которую Роберт Сингх впервые встретил в Аритехе, глядела на Землю мечтательно. Наблюдательный зал, купол двадцатиметровой ширины, чудо инженерной мысли, был настолько прозрачен, что казалось, будто космический вакуум не сдерживает абсолютно ничего.

Некоторые особо нервные посетители не могли вынести это ощущение дольше нескольких минут.

В суматошные студенческие времена Роберт здесь почти не появлялся, но сегодня он водил одного из товарищей по экипажу по своей старой альма-матер. Здесь была обязательная остановка.

Пока они проходили через три автоматические двери, Сингх рассказывал:

— Если купол лопнет, то внешние ворота закроются в одну секунду. Затем сработают третьи двери, с пятнадцатисекундной задержкой, чтобы люди, оказавшиеся внутри, успели добраться до безопасного места.

— Если их не высосет наружу. Когда последний раз все это хозяйство проходило проверку?

— Давай посмотрим. Вот акт. Судя по дате, два месяца назад.

— Я не про это. Захлопнуть двери сможет и тупая микросхема. Настоящие испытания когда-нибудь проводились?

— Например, разбить купол? Глупый вопрос. Ты знаешь, сколько все это стоит?

В этот момент незлобивое подтрунивание резко прекратилось. Оба посетителя осознали, что они здесь не одни.

Молчание длилось и длилось.

Наконец приятель Сингха сказал:

— Если ты не проглотил язык, Боб, то представил бы нас, что ли.

Он по-прежнему поддерживал прекрасные отношения с Фрейдой, но они виделись меньше и меньше. Она переехала обратно в Аризону, а Тоби выиграл стипендию Московской консерватории — к восхищенному изумлению родителей, ни один из которых никогда не проявлял ни малейшего музыкального дарования. Поэтому вполне естественно вышло, что когда Шармейн Йорген возвращалась на Марс, Роберт Сингх последовал за ней, как только это оказалось возможным устроить. С его квалификацией и до сих пор не стихшими отзвуками негромкой славы, которую он при необходи-

мости без зазрения совести эксплуатировал, это оказалось нетрудным. Вскоре после своего пятьдесят шестого дня рождения он приземлился в Порт-Лоуэлле, стал новым марсианином и должен был остаться им навсегда, поскольку родился на другой планете.

— Я не против, пусть называют меня новым марсианином,— говорил он Шармейн.— Если при этом они будут улыбаться.

— Будут, дорогой,— отвечала она.— С мускулами землянина здесь ты сильнее, чем большинство местных уроженцев.

Это было справедливо, но Роберт не знал, надолго ли. Если он не начнет более суровые тренировки, чем рассчитывал, то скоро адаптируется к Марсу, станет таким же, как и все прочие местные жители.

Такой исход тоже имел свои преимущества. Марсиане заявляли, что именно их планета, а вовсе не Венера, должна была быть названа планетой любви. Земная сила тяжести была нелепа, а то и вообще опасна. Сломанные ребра, спазмы и нарушения кровообращения — вот лишь немногие беды, с которыми приходилось сталкиваться любовникам на Земле. Лунная одна шестая земной гравитации считалась большим шагом вперед, но эксперты полагали, что для хорошего контакта ее недостаточно.

Что же до разрекламированной нулевой гравитации космоса, то она становилась скучноватой, когда приедалась изначальная новизна. Слишком много сил приходилось уделять рандеву и стыковке.

Одна третья *g* Марса была примерно то что надо.

Как все недавние иммигранты, первые несколько недель Роберт Сингх потратил на большой марсианский тур — гора Олимп, долина Маринера, ледяные утесы Южного полюса, равнина Эллада. Она сейчас была в большой моде у молодых искателей приключений, которые любили хвастаться тем, сколько они могут продержаться без аппаратуры для дыха-

ния. Атмосферное давление только-только стало достаточным для подобных подвигов, хотя содержание кислорода было все еще слишком низким для поддержания жизни. Некорректно названный рекорд пребывания на открытом воздухе сейчас держался на отметке чуть больше десяти минут.

Первое впечатление Сингха от Марса было легким разочарованием. Он проделал столько виртуальных путешествий над марсианским пейзажем, зачастую на захватывающих дух скоростях и с изображением повышенного качества, что реальность иногда вызывала разочарование. Беда знаменитейших достопримечательностей планеты заключалась в самих размерах, которые были столь велики, что их можно было оценить лишь из космоса, но никак не на месте.

Самым показательным примером была гора Олимп. Марсиане любили говорить, что она в три раза выше любого пика на Земле, но Гималаи или Скалистые горы производили гораздо большее впечатление, поскольку были куда круче. Имея основание в шестьсот километров в диаметре, Олимп скорее напоминал гигантский волдырь на лице Марса, чем гору. Девяносто процентов ее представляли собой не более чем пологую равнину.

Долина Маринера, за исключением самых узких участков, тоже не соответствовала туристической рекламе. Она была настолько широка, что при взгляде из середины обе стены оказывались ниже уровня горизонта. Если бы это не оказалось воспринято как типичная бестактность, из-за которой новые марсиане вечно попадали в неприятные ситуации, то Сингх уподобил бы долину Большому каньону, сильно уменьшенному в размерах, со сравнением не в ее пользу.

Однако через несколько недель он научился ценить красоту и неуловимое обаяние, которые объясняли страстную привязанность колонистов — вот еще одно слово, которое Сингх должен был постараться никогда не употреблять,— к своей планете. Роберт прекрасно знал, что из-за отсутствия океанов площадь суши у Марса почти та же, что у Земли, но не прекращал удивляться его масштабам. Неважно, что диа-

метр Марса составлял всего половину земного. Это был поистине большой мир.

Он менялся, пусть и по-прежнему очень медленно. Мутировавшие лишайники и грибы разрушали окисленные скалы и запускали в обратную сторону процесс старения, который охватил планету миллиарды лет назад. Пожалуй, самым успешным захватчиком с Земли оказалась разновидность так называемого оконного кактуса, растения с жестким наружным слоем, глядя на которое можно было подумать, будто природа задумала сконструировать космический скафандр. Попытки развести его на Луне потерпели неудачу, но на марсианских равнинах оно распространилось в изобилии.

Каждый человек на Марсе обязан был зарабатывать себе на существование. Роберт Сингх перевел сюда крупную сумму со своего солидного банковского счета на Земле, но он не являлся исключением из правил, да и не желал этого. У него впереди было еще несколько десятилетий активной жизни, и Роберт хотел использовать их в полной мере, при условии, что сможет проводить как можно больше времени со своей новой семьей.

Имелась и еще одна причина приехать на Марс. Эта планета была пока пустой, здесь ему разрешалось завести двоих детей. Первая дочь, Мирелла, родилась через год после его высадки, Мартин появился три года спустя. Еще пять лет прошло, прежде чем капитан Роберт Сингх почувствовал хоть малейшее желание подышать космосом, разумеется, глубоким. Слишком доволен он был своей семьей и работой.

Конечно, он совершал частые поездки на Фобос и Деймос, обычно связанные с его весьма ответственными и хорошо вознаграждаемыми обязанностями инспектора земного отделения компании «Ллойд». На Фобосе, внутреннем и более крупном спутнике, дел было мало, разве что проведение инспекций в школе подготовки младших специалистов космического флота, кадеты в которой смотрели на него с немалым благоговением. Ему, со своей стороны, нравилось с ними встречаться. Он чувствовал себя тогда на тридцать —

хорошо, на двадцать — лет моложе, а кроме того, получал возможность следить за новейшими разработками в космической технологии.

Некогда на Фобос смотрели как на бесценный источник сырья для нужд космического строительства, но марсианские консерваторы, возможно, чувствующие свою вину за неуклонное терраформирование собственной планеты, смогли это пресечь. Крохотный угольно-черный спутник настолько терялся на фоне ночного неба, что мало кто замечал его, но лозунг «Не дадим превратить Фобос в отработанный карьер!» оказался весьма эффективным.

К счастью, меньший по размеру и более удаленный Деймос оказался во многих отношениях даже лучшей альтернативой. Его средний диаметр не превышал десятка километров, но он мог еще много веков снабжать местные судоверфи почти всеми металлами, в которых они нуждались. Никому не было бы дела, если бы крошечная луна за ближайшие несколько тысяч лет медленно исчезла. Более того, его гравитационное поле было настолько слабым, что для выведения партии товара на нужный курс требовался лишь хороший толчок.

Как и во всех оживленных гаванях с начала времен, в Порт-Деймосе царила беспорядочная суголока. Впервые Роберт Сингх увидел «Голиаф» на верфи № 3 Деймоса, когда судно проходило осмотр и переоснащение, устраиваемые раз в пять лет. На первый взгляд в этом корабле не было ничего необыкновенного. Он был не уродливее большей части подвижного состава глубокого космоса. При порожней массе десять тысяч тонн и общей длине сто пятьдесят метров он выглядел не слишком крупным, и самая важная его особенность оставалась незаметной. Ракетные двигатели «Голиафа», обычно использовавшие в качестве рабочей жидкости водород, но при необходимости способные работать на воде, были намного мощнее, чем требовалось для судна его размеров. За исключением испытаний, длившихся всего несколько секунд, они никогда не запускались на полную мощность.

В следующий раз, когда Роберт Сингх увидел «Голиаф», корабль снова стоял на Деймосе, проведя на орбите очередные пять лет, небогатых на события.

Его капитан собирался уходить в отставку.

— Подумай, Боб,— говорил он.— Самая непыльная работенка в Солнечной системе. Ни о какой навигации думать не надо, просто сидишь и наслаждаешься видом. Одна забота — ублажать и кормить пару десятков сумасшедших ученых.

Идея была соблазнительной. За свою жизнь Роберт Сингх занимал множество ответственных постов, но кораблем никогда не командовал, и пора было бы этим заняться, пока он не ушел на пенсию. Недавно ему исполнилось всего только шестьдесят, но десятилетия сейчас проносились мимо с необыкновенной стремительностью.

— Я поговорю с семьей,— ответил он.— Если при этом получится пару раз в год кататься к себе на Марс...

Да, предложение было заманчиво. Стоило тщательно его обдумать.

Роберт Сингх лишь мельком задумывался о том, ради чего строился «Голиаф». Он, в общем-то, почти забыл, почему корабль был оснащен таким несоразмерно мощным двигателем.

Ясно было, что использовать ему придется лишь малую толику этой мощности, но иметь в своем распоряжении такой запас было приятно.

13

САРГАССЫ В КОСМОСЕ

— Встаньте на Солнце,— заявил Мендоса озадаченной студенческой группе вскоре после объявления о присуждении ему Нобелевской премии.— И смотрите прямо на Юпитер, отстоящий от вас на три четверти миллиарда километров. Затем разведите руки в стороны на шестьдесят градусов. Знаете, на что вы будете показывать?

Он не рассчитывал на ответ, поэтому не стал выжидать паузу.

— Увидеть вы там ничего не увидите, но будете указывать на два интереснейших участка Солнечной системы. В тысяча семьсот семьдесят втором году великий французский математик Лагранж открыл, что гравитационные поля Солнца и Юпитера, совмещаясь, порождают весьма интересный феномен. На орбите Юпитера — шестьдесят градусов позади, шестьдесят градусов впереди — лежат две неподвижные точки. Тело, помещенное в одну из них, будет находиться на одинаковом расстоянии от Солнца и от Юпитера, образуя совместно с ними огромный равносторонний треугольник.

При жизни Лагранжа о существовании астероидов не было известно, поэтому он, вероятно, и не догадывался, что в один прекрасный день произойдет наглядная демонстрация его теории. Прошло более сотни лет, если точно, сто тридцать четыре года, и был открыт Ахиллес, плетущийся в шестидесяти градусах позади Юпитера. Год спустя неподалеку был обнаружен Патрокл — а затем Гектор, но в точке, находящейся в шестидесяти градусах впереди по движению Юпитера. Сегодня нам известно более десяти тысяч «троянских» астероидов, названных так потому, что первые несколько десятков из них получили названия в честь героев Троянской войны.

Разумеется, от этой идеи пришлось отказаться много лет назад. Теперь им просто дают номера. Последний виденный мною каталог включал одиннадцать тысяч пятьсот объектов. Новые продолжают появляться, хотя и очень медленно. Мы полагаем, что на настоящий момент список на девяносто процентов полон. Все оставшиеся «троянцы» имеют, судя по всему, не более ста метров в поперечнике.

Теперь я должен признаться, что лгал вам. Практически ни один «троянец» не находится непосредственно в двух точках Лагранжа. Они движутся туда-сюда, вверх и вниз, градусов на тридцать и больше. Вина за это по большей части лежит на Сатурне. Его гравитационное поле портит всю четкую систему Солнце — Юпитер. Поэтому представьте себе, что

«троянские» астероиды образуют два огромных облака, центры которых находятся приблизительно в шестидесяти градусах по одну и другую сторону Юпитера. По какой-то не известной до сих пор причине — кстати, никому не нужна хорошая тема для кандидатской? — впереди Юпитера в три раза больше «троянцев», чем позади.

Вы когда-нибудь слышали о Саргассовом море на старой Земле? Думаю, что вряд ли. Это область в Атлантике — есть такой океан к востоку от САШ,— в которой из-за циркулирующих течений скапливаются дрейфующие объекты, к примеру, водоросли, брошенные корабли. Точки Лагранжа порой представляются мне двойниками Саргассова моря в космосе. Это наиболее густонаселенные регионы Солнечной системы, хотя если бы вы там оказались, то не поняли бы этого. Вам, можно считать, очень повезет, если вы будете стоять на одном «троянце» и увидите второй невооруженным глазом.

Чем так важны эти объекты? Я рад, что вы меня об этом спросили.

Помимо научного интереса, который они представляют, «троянцы» являются главным оружием в арсенале Юпитера-громовержца. Довольно часто какой-то из них изымается со своего места совокупными полями Сатурна, Урана и Нептуна и кочует в направлении Солнца. Время от времени они врезаются в Марс — так образовался Бассейн Эллады,— а то и в Землю.

Подобные вещи постоянно происходили в раннюю пору существования Солнечной системы, когда вокруг еще плавали обломки, оставшиеся от строительства планет. Большинства их, к счастью для нас, уже нет, но осталось еще предостаточно, и не все из них находятся в «троянских облаках». Есть бродячие астероиды, которые летают до самого Нептуна. Любой из них может представлять потенциальную опасность.

До нынешнего века человеческая раса ничего — абсолютно ничего! — не могла поделать с этой опасностью. Даже

если люди и знали о ней, то почти все относились наплевательски. Им казалось, что существуют более важные проблемы. Разумеется, они были правы.

Но мудрый человек страхуется даже от самых невероятных событий, если только страховой взнос не слишком велик. Исследование, проводимое Космическим патрулем, при очень скромном бюджете продолжалось почти полвека. Теперь мы знаем, что в ближайшую тысячу лет существует высокая вероятность по меньшей мере одного разрушительного столкновения с Землей, Луной или Марсом.

Сидеть ли нам и ждать его? Конечно же нет! Сегодня мы располагаем техникой, способной нас защитить, можем наметить планы, чтобы претворить их в жизнь, если — нет, когда! — возникнет непосредственная опасность. Если повезет, время оповещения для нас составит несколько месяцев.

Теперь у меня появились веские основания поехать на Землю. Это решение до сих пор держалось под большим секретом. Хочу всех их как следует удивить! Я изложу долгосрочный план решения проблемы. Для начала предложу придать Космическому патрулю оперативные функции, чтобы он начал соответствовать своему наименованию. Я хочу, чтобы пара быстрых и мощных судов осуществляла постоянное патрулирование. Разместить их лучше всего будет в «троянских» точках. Во время пребывания в них экипажи будут проводить ценные исследования. По первому приказанию корабли смогут отправиться в любое место Солнечной системы.

Вот какую историю я собираюсь рассказать всем земляным червям, с которыми буду встречаться. Пожелайте мне удачи.

14
ЛЮБИТЕЛЬ

К концу двадцать первого века оставалось крайне мало наук, в которых любитель мог рассчитывать совершить важные открытия, но астрономия, как всегда, оказалась одной из них.

Разумеется, ни один любитель, сколь бы состоятелен он ни был, даже не надеялся сравняться по уровню используемого им оборудования с крупными обсерваториями на Земле, Луне и на орбите. Но профессионалы специализировались в узких областях знания, а Вселенная была столь огромна, что они могли взглянуть лишь на крошечную ее часть. Энергичным и подкованным энтузиастам оставалась масса возможностей для исследования. Не нужно иметь очень крупный телескоп, чтобы обнаружить нечто такое, чего еще никто никогда не видел, если только знать, как подступиться.

Обязанности доктора Ангуса Миллара на должности ординатора медицинского центра Порт-Лоуэлла были не слишком обременительны. В отличие от земных колонистов, поселенцы на Марсе были избавлены от необходимости бороться с незнакомыми и экзотическими заболеваниями. По большей части работа доктора была связана с нечастными случаями. Правда, во втором и третьем поколениях проявились некие своеобразные дефекты костей, несомненно, по причине низкой гравитации, но медицинское сообщество было уверено в том, что сможет разобраться с ними прежде, чем они станут опасны.

Благодаря обилию свободного времени доктор Миллар стал одним из немногих на Марсе астрономов-любителей. За несколько лет он построил серию отражателей, шлифовал, полировал и покрывал серебром зеркала, используя приемы, которые веками оттачивали тысячи увлеченных мастеров, изготовителей телескопов.

Поначалу энтузиаст много времени тратил на наблюдения за планетой Земля, невзирая на ироничные комментарии друзей.

«Зачем тебе это? — спрашивали они.— Она довольно неплохо изучена. Есть даже предположения, что на ней существуют разумные формы жизни».

Но друзья замолчали, когда Миллар продемонстрировал им прекрасный голубой полумесяц, висящий в космосе, и Луну, парящую рядом с ним, меньшую по размеру, но находящуюся в той же фазе. Вся история, за исключением нескольких последних мгновений, лежала перед ними в поле зрения телескопа. Как бы далеко ни углублялся во Вселенную род человеческий, он не мог до конца разорвать связь с родной планетой.

Но отчасти критики были правы. Земля представляла собой не слишком увлекательный предмет для наблюдений. Значительная ее часть обычно была закрыта облаками, а в момент наибольшего приближения лишь ночная сторона обращена к Марсу, так что все природные объекты оставались невидны. Веком раньше «темная сторона» Земли была какой угодно, но только не темной. В те времена в небо бесцельно выбрасывались мегаватты электричества. Общество, сознательнее относящееся к потреблению энергии, положило конец самым нерациональным растратам, но большинство городов от мала до велика все еще легко обнаруживались как сияющие островки света.

Доктор Миллар жалел, что десятого ноября две тысячи восемьдесят четвертого года по земному календарю не смог наблюдать редкое и красивейшее явление — проход Земли по поверхности Солнца. Она походила на маленькое, идеально круглое пятно, медленно двигающееся через солнечный диск, но ровно на половине этого прохода в ее центре зажглась ослепительная звезда. Батареи лазеров на темной стороне Земли приветствовали с полночного неба Красную планету, которая стала теперь вторым домом человечества. За этим событием следил весь Марс. Колонисты до сих пор вспоминали о нем с трепетом и восхищением.

Существовала и еще одна дата в прошлом, к которой доктор Миллар чувствовал своеобразную привязанность благодаря совершенно пустому совпадению, не представлявшему интереса ни для кого, кроме него самого. Один из крупнейших кратеров Марса был назван по имени другого астронома-любителя, которому довелось родиться в один день с Милларом, но на два века раньше.

Как только с первых космических зондов начали прибывать приличные фотографии Марса, находить имена для

всех этих тысяч новых объектов стало большой проблемой. Иногда выбор был очевиден — знаменитые астрономы, ученые и исследователи, такие как Коперник, Кеплер, Колумб, Ньютон, Дарвин, Эйнштейн. Дальше шли писатели, имена которых ассоциировались с планетой,— Уэллс, Берроуз, Вейнбаум*, Хайнлайн, Брэдбери. Затем — разношерстный список малоизвестных земных мест и личностей, часть из которых имела к Марсу самое маловразумительное отношение.

Новые жители планеты не всегда были довольны достающимися им названиями, которыми потом приходилось пользоваться в повседневной жизни. Одному богу — видимо, богу Марсу? — ведомо, кто или что такое были Данк, Закау, Эйл, Гагра, Кагул, Сурт, Тиви, Васпам, Йат...

Ревизионисты постоянно агитировали за более адекватные и благозвучные названия. Большинство жителей соглашались с ними. Поэтому был учрежден постоянно действующий комитет, призванный решать эту проблему, пусть она и не являлась самой насущной для выживания человека на Марсе. Поскольку всем было известно, что у доктора Миллара масса свободного времени и что он интересуется астрономией, его не могли не ввести в состав этого комитета.

«С какой стати один из крупнейших кратеров на Марсе надо называть Моулворт?** — однажды спросили его.— Он же имеет сто семьдесят пять километров в диаметре! Да кто вообще такой был этот Моулворт?»

Проведя некоторые исследования и направив на землю несколько недешевых космофаксов, Миллар смог ответить на этот вопрос. Перси Б. Моулворт был английским железнодорожным инженером и астрономом-любителем, который в начале двадцатого века создал и опубликовал множество рисунков Марса. Почти все его наблюдения были сделаны с экваториального острова Цейлон, где он безвременно скон-

* Вейнбаум Стэнли (1902–1935) — американский писатель-фантаст, автор повести «Марсианская одиссея» и др.

** Moleworth *(англ.)* — размером с кротовину.

чался в тысяча девятьсот восьмом году в возрасте сорока одного года.

Эта история произвела на доктора Миллара большое впечатление. Моулворт, должно быть, любил Марс и заслужил свой кратер. То, что по земному календарю у них был один и тот же день рождения, вызывало у Миллара логически не объяснимое чувство родства. Направляя к Земле телескоп, он порой искал остров, где Моулворт провел большую часть своей короткой жизни. Поскольку над Индийским океаном, как правило, висели облака, он нашел это место всего один раз, но впечатление оказалось незабываемым. Что подумал бы молодой англичанин, если бы узнал, что в один прекрасный день человеческие глаза будут смотреть на его дом с Марса?

Доктор выиграл битву и отстоял Моулворта. Впрочем, когда он изложил свои доводы, особого сопротивления не последовало, но в результате изменилось его собственное отношение к тому, что раньше было всего лишь страстным увлечением. Возможно, и Миллар однажды совершит открытие, которое пронесет его имя сквозь века.

Ему было суждено преуспеть на этом поприще намного больше, чем он осмеливался мечтать.

Хотя в две тысячи шестьдесят первом году доктор Миллар был еще мальчишкой, он не забыл эффектного возвращения кометы Галлея. Оно, конечно же, повлияло на его следующий шаг. Многие кометы, включая некоторые из самых знаменитых, были открыты любителями, которые тем самым обеспечили собственное бессмертие, записали свое имя на небе. На Земле несколько веков назад рецепт успеха был прост. Хороший, но не слишком крупный телескоп, безоблачная погода, доскональное знание картины ночного неба, терпение — и немалая доля удачи.

В начале пути у доктора Миллара имелось несколько крупных преимуществ перед своими земными предшественниками. Погода у него была безоблачной всегда. Невзирая

на самые упорные усилия терраформистов, такой она и должна была остаться на протяжении нескольких поколений. За счет большего расстояния от Солнца Марс, кроме того, представлял собой чуть более удобную наблюдательную площадку, чем Земля. Но самое важное состояло в том, что исследование могло быть в значительной степени автоматизированным. Больше не нужно было, как исследователям в прежние времена, заучивать на память карты звездных полей, чтобы немедленно опознать новый объект.

Фотография давным-давно сделала этот подход устаревшим. Теперь необходимо было всего лишь сделать два снимка с интервалом в несколько часов, а затем сравнить их и поискать, не сдвинулось ли что-нибудь. Проделывать это можно было на досуге, удобно устроившись в помещении, а не дрожать холодными ночами, но процесс по-прежнему оставался крайне утомительным. В далеких тридцатых годах двадцатого столетия молодой Клайд Томбо перебрал чуть ли не миллионы изображений звездного неба, прежде чем обнаружил Плутон.

Фотографический метод просуществовал более века, на смену ему пришел электронный. Чувствительная телекамера сканировала небо, записывала изображение звезд, через некоторое время возвращалась и снова наблюдала. За несколько секунд компьютерная программа могла проделать то, что у Клайда Томбо отняло месяцы, игнорируя все стационарные объекты, «отметить галочкой» лишь то, что сдвинулось с места.

Все это было отнюдь не так просто. Наивная программа задним числом открывала сотни уже известных астероидов и спутников, не говоря о тысячах фрагментов космического мусора искусственного происхождения. Все это приходилось перепроверять по каталогам, но и такую работу можно было делать автоматически. То, что уцелело, пройдя через такую фильтрацию, могло оказаться... кое-чем интересным.

Оборудование для автоматического поиска и его программное обеспечение стоили не слишком дорого, но, подобно многим другим высокотехнологичным товарам, не являющимся жизненно необходимыми, на Марсе они были недоступны. Поэтому доктору Миллару пришлось ждать несколько месяцев, прежде чем одна земная компания, занимавшаяся поставками научного оборудования, смогла их привезти. Потом, как это нередко случалось, он обнаружил, что один из основных компонентов — бракованный. После обмена нелицеприятными космофаксами проблема была разрешена. К счастью, ждать следующего почтового корабля доктору не пришлось. Когда поставщик с неохотой заменил детали, местные умельцы запустили систему.

Все работало прекрасно. На следующую же ночь доктор Миллар с восторгом открыл Деймос, пятнадцать спутников «Комсат», два транзитных парома и рейсовый корабль, прибывающий с Луны. Правда, он исследовал только лишь небольшой участок неба. Даже вокруг Марса начинало становиться многолюдно. Неудивительно, что Миллару продали оборудование за довольно приемлемую цену. Под теми тучами космического мусора, что вращались сейчас вокруг Земли, пользоваться им было фактически бесполезно.

В течение следующего года доктор обнаружил два новых астероида, оба менее сотни метров в диаметре, и попытался назвать их Миранда и Лорна в честь своей жены и дочери. Межпланетный астрономический союз принял второе название, но указал, что Миранда — известный спутник Урана. Разумеется, доктор Миллар знал это не хуже МАС, но решил все равно попробовать, исходя из интересов семейной гармонии. Наконец сошлись на имени Мира. Вряд ли кто перепутает стометровый астероид с гигантской красной звездой*.

Несмотря на несколько ложных сигналов тревоги, еще год он не находил ничего нового и был уже готов сдаться, когда компьютер сообщил об аномалии. Программа зарегистри-

* Мира — звезда в созвездии Кита.

ровала объект, который, возможно, двигался, но настолько медленно, что она не могла утверждать это с уверенностью в пределах допустимой погрешности. Чтобы решить этот вопрос, нужно было через некоторое время провести еще одно наблюдение.

Доктор Миллар смотрел на крошечное пятнышко света. Оно могло быть слабой звездой, но каталоги в этом участке неба не показывали ничего. К его разочарованию, не было никаких признаков «волосатой» короны, характерной для кометы.

«Не иначе, очередной чертов астероид,— подумал он.— Не стоит и сил тратить».

Но Миранда вскоре должна была подарить ему новую дочку. Будет мило припасти для нее подарок на день рождения.

Это действительно был астероид, он находился непосредственно за орбитой Юпитера. Доктор Миллар заставил компьютер рассчитать его примерную орбиту и был удивлен, обнаружив, что Мирна — как он решил назвать ее — проходит совсем близко к Земле. Дело принимало чуть более интересный оборот.

Он не успел добиться принятия названия. Прежде чем МАС смог одобрить его, дополнительные наблюдения дали гораздо более точную орбиту.

После этого стало уместным лишь одно имя. Кали, богиня разрушения.

Когда доктор Миллар открыл Кали, она уже с беспрецедентной скоростью неслась в направлении Солнца — и Земли. Теперь уже этот вопрос имел разве что теоретическое значение, все хотели знать, почему Космический патруль со всеми его ресурсами обставил наблюдатель-непрофессионал с Марса, пользовавшийся, по сути дела, самодельным оборудованием.

Причиной, как это обычно бывает в подобных случаях, послужило сочетание невезения и общеизвестной капризности неодушевленных предметов.

Кали, которая для своих размеров была довольно тусклой, оказалась одним из самых темных небесных тел среди всех обнаруженных. Очевидно, что она принадлежала к классу углеродных астероидов. Ее поверхность была покрыта нагаром. Последние несколько лет звездный фон, по которому она двигалась, был одним из самых переполненных участков Млечного Пути. Как явствовало из наблюдений Космического патруля, Кали затерялась в сиянии звезд.

Доктору Миллару, находившемуся в своем наблюдательном пункте на Марсе, повезло. Он умышленно направил телескоп на один из не так плотно заполненных участков неба — и Кали случайно оказалась именно там. Несколько недель раньше или позже, и он упустил бы ее.

Излишне говорить, что в ходе дальнейшего расследования Космический патруль перепроверил терабайты наблюдений. Когда знаешь, что есть чего искать, то найти гораздо легче.

Кали оказалась зафиксирована три раза, но сигнал был едва заметным и поэтому не вызвал срабатывания ни одной автоматической поисковой программы.

Многие люди были благодарны за эту оплошность. Им казалось, что если бы Кали обнаружили раньше, то это просто продлило бы агонию.

Часть III

15
ПРОРОЧИЦА

Не пора ли признать, Иоанн, что Иисус был обычным человеком, как и Мухаммед, да пребудет с ним мир? Мы знаем то, чего не знали авторы Евангелий, хотя, если задуматься, все представляется вполне очевидным. В результате непорочного зачатия могла родиться только женщина, но никак не мужчина. Конечно, может статься, Святой Дух замысливал еще одно чудо. Может быть, я пристрастна, но мне представляется, что это была бы... скажем так, показуха. К тому же довольно безвкусная.

Пророчица Фатима Магдалина. Второй диалог с Папой Иоанном Павлом XXV. Изд. Брата Мервина Фернандо, орден иезуитов, 2029

Хрисламу официально не было и сотни лет, хотя корнями он уходил еще на два десятилетия раньше, в нефтяную войну тысяча девятьсот девяностого года. Одним из неожиданных результатов тогдашнего катастрофического просчета было то, что многие американские военнослужащие впервые в жизни получили непосредственный контакт с исламом, который произвел на них глубокое впечатление. Они поняли, что многие их предрассудки, такие как популярные карикатуры на безумного муллу, размахивающего Кораном в одной руке и автоматом в другой, являлись абсурдным упрощенчеством. Эти люди с изумлением узнали об успехах, которых добился исламский мир в астрономии и математике в

тот период, когда в Европе царили темные века, за тысячу лет до рождения Соединенных Штатов.

Саудовские власти, воодушевленные представившейся возможностью получить новообращенных сторонников, учредили информационные центры при основных военных базах операции «Буря в пустыне», чтобы излагать желающим учение ислама и толкования Корана. К моменту окончания войны в Персидском заливе несколько тысяч американцев обрели новую религию. Большинство из них, очевидно не подозревая о злодеяниях, совершенных по отношению к их предкам арабскими работорговцами, оказались афроамериканцами, но было и немалое количество белых.

Техник-сержант Руби Голденберг была не просто белой, но и дочерью раввина. До своего назначения на базу имени короля Фейсала в Дахране она никогда в жизни не видела ничего экзотичнее Диснейленда. Женщина хорошо разбиралась как в иудаизме, так и в христианстве, но ислам оказался для нее новым миром. Она была восхищена его вдумчивым отношением к фундаментальным вопросам, а также давней, хотя и серьезно подточенной ныне традицией веротерпимости. Особый ее восторг вызвало его искреннее уважение к двум пророкам других вер — к Моисею и Иисусу. Однако Руби, отличавшаяся раскрепощенным западным взглядом на мир, осталась глубоко недовольна положением женщин в консервативных мусульманских странах.

Пока не утихла «Буря в пустыне», сержант Голденберг была с головой занята обслуживанием электронной аппаратуры ракет класса «земля — воздух», и ей некогда было глубоко вникать в религиозные дела, но семена попали в нужную почву. Как только Голденберг вернулась в Соединенные Штаты, она воспользовалась своими ветеранскими льготами на образование и записалась в один из немногих исламских колледжей. Этот шаг повлек за собой не только сражение с пентагоновской бюрократией, но и разрыв с собственной семьей. Проучившись всего два семестра, она предприняла новую демонстрацию независимости, доведя дело до собственного исключения.

Факты, стоявшие за этим, несомненно, судьбоносным событием, никогда не были до конца установлены. Агиографы пророчицы заявляют, что она пала жертвой преподавателей, которые оказались неспособны ответить на ее острую критику Корана. Нейтральные историки дают более приземленное объяснение. Она завела роман с товарищем по колледжу и ушла, как только ее беременность стала бросаться в глаза.

Истина, возможно, присутствует в обеих версиях. Пророчица никогда не отрекалась от молодого человека, который называл себя ее сыном, равно как и не предпринимала никаких серьезных попыток скрыть свои последующие связи с любовниками обоих полов. Раскованное отношение к вопросам секса, практически приближавшееся к тому, которое проповедует индуизм, вообще было одним из разительных отличий хрислама от породивших его религий. Оно, безусловно, немало способствовало его популярности. Ничто не могло являть более разительный контраст с пуританством ислама и сексуальной патологией христианства, которая отравила жизни миллиардам людей и достигла кульминационной точки в таком извращении, как целибат.

После изгнания из колледжа Руби Голденберг фактически исчезла более чем на двадцать лет. Тибетские монастыри, католические ордена и целое сонмище прочих претендентов впоследствии предъявляли доказательства того, что оказывали ей гостеприимство, но ни одно из них не выдержало проверки. Не существует и доказательства того, что она провела это время на Луне. Проследить ее пребывание среди сравнительно небольшого тамошнего населения было бы несложно. С уверенностью можно сказать лишь то, что пророчица Фатима Магдалина появилась на мировой сцене в две тысячи пятнадцатом.

Христианство и ислам весьма точно описывались как религии книги. Хрислам, их потомок, предназначавшийся стать преемником, был основан на технике неизмеримо более мощной.

Это была первая религия байта.

16
КАНАЛ СВЯЗИ С РАЕМ

У каждого века свой характерный язык, полный слов, которые за век до того звучали бы бессмыслицей и забылись через столетие. Некоторые из них порождены искусством, спортом, модой или политикой, но большинство является продуктами науки и техники, включая, конечно, военную.

Моряки, тысячелетиями бороздившие мировые океаны, обладали сложным, недоступным для понимания сухопутных людей арсеналом названий и команд, которые позволяли им осуществлять управление такелажем, от которого зависела их жизнь. Когда в начале двадцатого века по всем континентам начал распространяться автомобиль, в обиход вошли десятки непонятных новых слов, а старым были приданы новые значения. Кучер викторианского двухколесного экипажа пришел бы в полное замешательство от коробки скоростей, сцепления, зажигания, ветрового стекла, дифференциала, свечи, карбюратора — слов, которые его внук без труда использовал изо дня в день. Тот, в свою очередь, точно так же растерялся бы, услышав: радиолампа, антенна, волновой диапазон, тюнер, частота.

Электронная эра и особенно появление компьютеров принялись порождать неологизмы со взрывной мощностью. Микрочип, жесткий диск, лазер, компакт-диск, видеомагнитофон, магнитофонная кассета, мегабайт, программное обеспечение — до середины двадцатого века эти слова и выражения почти всем показались бы абсолютно бессмысленными. С приближением Миллениума в словаре разработчиков систем обработки информации все чаще начало появляться нечто еще более странное, даже парадоксальное — виртуальная реальность.

Результаты работы ранних систем виртуальной реальности были почти так же грубы, как изображения на экранах первых телевизоров, но и они оказались такими захватывающими, что создавали привычку и даже становились источником болезненного привыкания. Трехмерные широко-

угольные изображения настолько полно завладевали вниманием пользователя, что на неровные мультипликационные движения тот не обращал внимания. По мере постоянного улучшения разрешения и анимации виртуальный мир все больше и больше приближался к реальному, но его всегда можно было отличить от настоящего. В него можно было попасть только с помощью таких громоздких приспособлений, как шлемы с дисплеями и перчатки, управляемые сервоприводами. Чтобы сделать иллюзию полной и окончательно сбить с толку мозг, оставалось обмануть внешние органы чувств — глаза, уши, мускулы — и подавать информацию прямо в нервные цепи.

Идее машины грез было уже не меньше ста лет, когда развитие технологии сканирования мозга и нанохирургии сделало возможной ее реализацию. Первые образцы, как и самые древние компьютеры, были массивными. Шкафы с оборудованием занимали целые комнаты. Но, как и в случае с компьютерами, миниатюризация шла с поразительной скоростью. Их применение сперва было ограничено, поскольку действовать им приходилось посредством электродов, вживленных в кору головного мозга.

Настоящий прорыв произошел, когда был усовершенствован Мозгоблок, хотя целое поколение специалистов-медиков считало это невозможным. Запоминающее устройство, хранящее терабайты информации, было соединено волоконно-оптическим кабелем со шлемом, плотно прилегающим к голове. Он содержал миллиарды терминалов размером с атом и осуществлял безболезненный контакт с кожей. Мозгоблок был настолько неоценим как для развлечения, так и для образования, что в течение одного поколения всякий, кто мог себе позволить, приобрел его и смирился с облысением как неизбежной компенсацией.

Мозгоблок был вполне транспортабельным, но портативным его так и не сделали. На то были веские причины. Любой человек, который полностью погрузился бы в виртуальный мир и принялся бы этак вот разгуливать даже в знакомой домашней обстановке, прожил бы недолго.

Потенциал Мозгоблока как средства обеспечения искусственного переживания — особенно эротического, благодаря стремительно развивающейся технологии гедоники,— был признан сразу же, но не отвергалось и более серьезное его применение. Посредством целых библиотек специализированных модулей памяти или мнемочипов стало доступно мгновенное получение знаний и умений. Но наиболее привлекательным оказался так называемый тотальный дневник, который позволял записывать, а затем заново переживать драгоценные моменты жизни, даже редактировать их сообразно своим сокровенным желаниям.

Благодаря подготовке в области электроники, пророчица Фатима Магдалина первой распознала возможности Мозгоблока для распространения доктрин хислама. У нее, разумеется, были предшественники в лице телепроповедников двадцатого века, которые использовали для своих нужд радиоволны и спутники связи, но она могла применять технологию, могущество которой не имело границ. Вера всегда была более вопросом эмоций, чем интеллекта, а Мозгоблок мог апеллировать напрямую и к тому и к другому.

Где-то в первом десятилетии двадцать первого века Руби Голденберг обратила в свою веру очень важного неофита, одного весьма состоятельного, но уже выдохшегося — ему было за пятьдесят — пионера компьютерной революции. Она дала ему новый смысл жизни и задачу, которая снова разожгла его воображение. Со своей стороны, он мог предоставить ресурсы и, что еще важнее, личные контакты, чтобы успешно решить эту задачу.

Проект выглядел весьма незатейливо — облечь все три Завета Корана Последних Дней в электронную форму, но это было только начало, общедоступная первая версия. Дальше последовало интерактивное издание, предназначенное только для тех, кто проявил подлинный интерес к вере и желал перейти к следующему этапу. Однако вторая версия ограниченного доступа копировалась настолько легко, что вскоре в обращении находились миллионы неавторизованных модулей. Именно этого и добивалась пророчица.

Другое дело третья версия. Она включала в себя защиту от копирования и функцию самоуничтожения после одного использования. Неверные шутили, что на ней стоял гриф «Особо сакрально», а о содержании ее ходили бесконечные домыслы. Известно было, что она содержит программы для создания виртуальной реальности, которые дают ознакомительные изображения хрисламского рая, но только взгляд в него с внешней стороны.

Поговаривали, что существует четвертая версия «Совершенно сакрально», но слухи эти не подтверждались, невзирая на неизбежные разоблачения враждебно настроенных вероотступников. Предполагалось, что она работает на усовершенствованных моделях Мозгоблока и нейрологически закодирована, чтобы ее мог воспринять только тот человек, для которого она разработана. Использование этой версии человеком, не получившим к ней доступа, могло якобы привести к необратимому умственному расстройству, даже, возможно, к безумию.

Вне зависимости от того, какие технологические средства использовал хрислам, время для новой религии подоспело. Она заключала в себе лучшее из двух старинных учений с немалой долей буддизма, еще более древнего. Но пророчица никогда бы не добилась успеха без еще двух факторов, целиком находящихся вне ее контроля.

Первым была так называемая революция холодного ядерного синтеза, которая привела к внезапному концу эры ископаемого топлива и уничтожила экономическую базу мусульманского мира почти для целого поколения, пока израильские химики не реконструировали ее под лозунгом: «Нефть для еды, а не для огня!»

Вторым было неуклонное падение морального и интеллектуального статуса христианства, начавшееся тридцать первого октября 1517 года — хотя за многие века это мало кто осознал,— когда Мартин Лютер приколотил свои девяносто пять тезисов к дверям церкви Всех Святых. Процесс был про-

должен Коперником, Галилеем, Дарвином, Фрейдом и достиг кульминации в знаменитом скандале, прозванном «Кумрангейтом». Свитки Мертвого моря, скрывавшиеся долгое время, были наконец опубликованы. Оказалось, что Иисус как персонаж Евангелий был выведен на основе трех, возможно, четырех отдельных личностей.

Но смертельный удар был нанесен не кем иным, как самим Ватиканом.

17
ЭНЦИКЛИКА

«Ровно четыре столетия назад, в год 1632-й, мой предшественник Папа Урбан VIII совершил ужасную оплошность. Он допустил, чтобы его друга Галилея осудили за идею, которую мы ныне считаем фундаментальной истиной. Земля вращается вокруг Солнца. Хотя в 1992 году Церковь принесла Галилею извинения, эта пагубная ошибка явилась для ее моральных устоев ударом, от которого она так до конца и не оправилась.

Теперь же, увы, пришло время признать еще более трагическое заблуждение. Своим упрямым сопротивлением планированию семьи искусственными методами Церковь искалечила миллиарды жизней — и, как ни парадоксально, взяла на себя часть ответственности за распространение греха аборта среди тех, кто был слишком беден, чтобы содержать детей, которых они были принуждены принести в этот мир.

Эта политика поставила род человеческий на грань краха. Крайняя перенаселенность лишила планету Земля ее ресурсов и привела к загрязнению окружающей среды в глобальном масштабе. К концу двадцатого века все это осознали, но ничего не предпринималось. Да, конференции и резолюции следовали без числа, но не было реальных эффективных действий.

Научный прорыв, на который люди так давно надеялись — и которого страшились! — грозит превратить кризис в катастрофу. Весь мир рукоплескал, когда в декабре прошлого года профессор Салман и профессор Бернштейн получили Нобелев-

скую премию по медицине, но сколько человек остановилось и задумалось о социальных последствиях их работы? По моей просьбе это сделала Папская академия наук. Ее заключения единогласны и неоспоримы.

Открытие супероксидных ферментов, которые могут замедлять процесс старения, защищая ДНК тела, было названо триумфом, столь же великим, как раскрытие генетического кода. Теперь, как выясняется, продолжительность здоровой и активной человеческой жизни может быть продлена по меньшей мере на пятьдесят лет, возможно, и намного больше! Утверждается также, что процедура будет сравнительно недорогой. Так что, нравится нам это или нет, будущее станет миром, полным энергичных столетних старцев.

Моя Академия сообщила мне, что применение СОФ также продлит и период фертильности у человека на целых тридцать лет. Последствия будут прискорбны, особенно в свете последних удручающих неудач, сопровождавших попытки ограничить рождаемость путем призывов к воздержанию и использованию так называемых естественных методов.

Вот уже несколько недель эксперты Всемирной организации здравоохранения проводят совещания с остальными ее членами. Целью является как можно скорее и гуманнее добиться нулевого прироста населения, давно обсуждаемого, но не достигавшегося никогда, за исключением военного времени и эпидемий чумы. Даже этого может оказаться недостаточно. Нам может потребоваться отрицательный прирост населения. Не исключено, что на протяжении нескольких ближайших поколений нормой вынужденно станет семья с одним ребенком.

Церкви достанет мудрости не противоборствовать неизбежному, особенно в данной, радикально изменившейся ситуации. Вскоре я издам энциклику, в которой будет содержаться руководство по данным вопросам. Могу добавить, что она составлена после подробных консультаций с моими коллегами далай-ламой, архиепископом Кентерберийским, верховным раввином, имамом Махмудом и пророчицей Фатимой Магдалиной. Они пребывают со мной в полном согласии.

Многим из вас, я знаю, будет мучительно трудно смириться с тем, что действия, некогда клеймимые Церковью как грехи, ныне должны превратиться в обязанности. Но в одном фундаментальном тезисе доктрина не претерпела изменений. Как только зародыш становится жизнеспособен, его жизнь священна.

Аборт остается преступлением и всегда будет таковым. Но теперь для него нет оправдания, как и необходимости.

Мои благословения всем вам, на какой бы планете вы ни находились.

Иоанн Павел XXV, Пасха 2032 г.,
информационное агентство Земля-Луна-Марс»

18
«ЭСКАЛИБУР»

Это был крупнейший из когда-либо проводимых научных экспериментов, поскольку осуществлялся он в масштабах всей Солнечной системы.

Появление «Эскалибура» восходило к смутным, сейчас уже даже труднопредставимым временам почти забытой холодной войны, когда две сверхдержавы противостояли друг другу, вооружившись ядерным оружием, которое могло уничтожить саму основу цивилизации, возможно, даже поставить под угрозу выживание человечества как биологического вида.

По одну сторону находилось образование, именовавшее себя Союзом Советских Социалистических Республик, которое, как любили отмечать позднейшие историки, возможно, и было советским, что бы это ни означало, но никоим образом не являлось ни союзом, ни социалистическим, ни республикой. По другую находились Соединенные Штаты Америки, поименованные с существенно большей точностью.

К последней четверти двадцатого века два противника располагали тысячами ракет дальнего радиуса действия, каждая из которых несла боеголовку, способную уничтожить

целый город. Неудивительно, что предпринимались попытки найти оружие противодействия, которое помешало бы этим ракетам достичь цели. До открытия силовых полей, что произошло лишь через сто с лишним лет, надежная защита была недостижима даже в теории. Тем не менее предпринимались отчаянные попытки сконструировать противоракеты и орбитальные крепости, оснащенные лазерами, которые могли бы обеспечить хотя бы частичное прикрытие.

Оглядываясь на те времена, трудно сказать, что было на самом деле. То ли ученые, разрабатывавшие эти схемы, цинично эксплуатировали реальные страхи наивных политиков, то ли искренне верили, что их идеи могут быть реализованы на практике. Тем, кто не жил в те времена, столь метко названные веком скорби, не следует судить их слишком строго.

Несомненно, самым безумным из всех предлагавшихся видов оружия противодействия был рентгеновский лазер. Теория гласила, что огромная энергия, образующаяся при взрыве ядерной бомбы, может быть превращена в остронаправленные рентгеновские лучи, столь мощные, что они окажутся в состоянии уничтожать ракеты противника на расстоянии тысяч километров. Устройство «Эскалибур» — по вполне понятным причинам все подробности опубликованы не были — внешне напоминало морского ежа, иглы которого торчат во всех направлениях, а в центре находится ядерная бомба. За те несколько микросекунд, что проходили до их испарения, все иглы выпускали по лазерному лучу, каждый из которых был нацелен на свою ракету.

Не требуется большого воображения, чтобы увидеть недостатки этого оружия одного залпа, особенно в бою с противником, который отказывается с вами сотрудничать и не запускает ракеты удобными для уничтожения группами. Основная теория, лежащая в основе лазера с бомбовой накачкой, оказалась здравой, хотя практические трудности его создания были серьезно недооценены. В конце концов пришлось отказаться от реализации проекта, хотя на него уже были выброшены десятки миллионов долларов.

Но эти деньги не вполне пропали. Почти через столетие концепция была возрождена, снова как средство защиты от оружия, но на этот раз созданного природой, а не человеком.

«Эскалибур» двадцать первого века должен был генерировать радиоволны, а не рентгеновские лучи. Наводились они не на определенные цели, но на всю небесную сферу. Гигатонная бомба, самая мощная из всех когда-либо созданных и, как надеялось большинство людей, из всех, что когда-либо будут сконструированы, взорвалась на орбите Земли, но по другую сторону от Солнца. Это должно было обеспечить максимальную защиту от колоссального электромагнитного импульса, который в противном случае грозил вывести из строя коммуникации и выжечь электронное оборудование по всей планете.

Когда бомба взорвалась, по Солнечной системе со скоростью света распространился кокон микроволн, очень тонкий, всего в несколько метров толщиной. Через несколько минут детекторы, установленные по всей орбите Земли, начали получать сигналы, отраженные от Солнца, Меркурия, Венеры, Луны. Но они никого не интересовали.

В течение следующих двух часов, пока волна не унеслась за Сатурн, сотни тысяч эхо, становившихся все слабее и слабее, вливались в базы данных «Эскалибура». Все известные спутники, астероиды и кометы определялись легко. Когда анализ был завершен, каждый объект более метра в диаметре, находившийся в пределах орбиты Юпитера, был локализован. Их каталогизация и вычисление будущих передвижений должна была обеспечить компьютеры Космического патруля работой на годы вперед.

Но результаты первых, беглых взглядов уже были обнадеживающими. В пределах зоны действия «Эскалибура» не оказалось ничего, что представляло бы опасность для Земли, и человечество вздохнуло с облегчением. Раздавались даже предложения упразднить Космический патруль.

Когда много лет спустя доктор Ангус Миллар с помощью своего домашнего телескопа открыл Кали, все гневно требо-

вали выяснить, почему астероид не был замечен раньше. Ответ оказался простым. В тот момент Кали находилась в дальней точке своей орбиты, за пределами зоны охвата даже такого радара с ядерной силовой установкой. «Эскалибур» непременно обнаружил бы ее, подойди она достаточно близко, чтобы представлять прямую угрозу.

Но задолго до того, как все это произошло, «Эскалибур» произвел ужасающий и совершенно не ожидавшийся эффект. Эксперимент не просто обнаружил опасность. Многие полагали, что он ее создал, воскресив застарелый страх.

19
НЕОЖИДАННЫЙ ОТВЕТ

Проект SETI — Поиск внеземного разума — век с лишним осуществлялся с применением все более и более чувствительного оборудования и в неуклонно возрастающем диапазоне частот. Случалось много ложных тревог. Радиоастрономы отметили несколько сомнительных случаев, которые могли оказаться тем, что нужно, а не просто беспорядочными фрагментами космического шума. К сожалению, зафиксированные сигналы были слишком короткими, чтобы даже самый изощренный компьютерный анализ мог доказать, что они разумного происхождения.

Все резко переменилось в две тысячи восемьдесят пятом году. Одна из давних энтузиасток SETI в свое время сказала: «Когда сигнал поступит, мы наверняка узнаем, что он настоящий. Это не будет вялое шипение, погребенное под шумами». Она оказалась права.

Сигнал, громкий и отчетливый, был зарегистрирован в ходе регулярных наблюдений одним из малых радиотелескопов на обратной стороне Луны, все еще довольно тихой, несмотря на работу местных средств связи. Не могло быть никаких сомнений в том, что этот сигнал — внеземного происхождения. Телескоп, принявший его, был направлен на Сириус, самую яркую звезду на всем небе.

В этом состояла первая неожиданность. Сириус примерно в пятьдесят раз ярче Солнца, он всегда казался маловероятным кандидатом на наличие обитаемых планет. Астрономы все еще спорили, когда они — а с ними и весь мир — испытали гораздо более сильное потрясение.

Если рассматривать эти события сегодня, то факт представляется вопиюще очевидным, но прошло почти двадцать четыре часа, прежде чем кто-то указал на интересное совпадение.

Сириус находится на расстоянии восемь и шесть десятых световых лет от Солнца, а проект «Эскалибур» был осуществлен семнадцать лет и три месяца назад. Радиоволны как раз успели дойти до Сириуса и вернуться назад. Тот или то, что приняло сигнал электромагнитного взрыва, не мешкало с ответом.

В довершение ко всему, несущая волна с Сириуса шла на точно такой же частоте, что и импульс «Эскалибура»,— пять тысяч четыреста мегагерц. Однако всех ждало крупное разочарование.

Вопреки всем ожиданиям, эта волна мегагерц была абсолютно немодулированной, не несла ни следа сигнала.

Это был чистый шум.

20
ПЕРЕРОЖДЕННЫЕ

Немногие религии не меняются после смерти своего основателя. Так произошло и с хрисламом, несмотря на попытки Фатимы Магдалины назначить себе преемника.

Первые разногласия возникли, когда ее сын, Моррис Голденберг, материализовался из ниоткуда и попытался предъявить претензии на наследство. Сперва он был объявлен мошенником, но когда потребовал и получил результаты ДНК-тестирования, движению пришлось оставить эту линию защиты.

После этого Моррис совершил паломничество в Мекку. Его держали на безопасном расстоянии от Каабы, но впо-

следствии он настаивал, чтобы его называли аль-Хадж. Насколько он был искренен в этом, да и во всем остальном, стало предметом жарких дискуссий. В чистосердечии матери серьезных сомнений никогда не возникало, но после смерти сына большинство людей решили, что аль-Хадж Моррис Голденберг был не более чем обаятельным авантюристом, умеющим внушить доверие, извлекающим наибольшую выгоду из возможности, предоставленной ему судьбой. Что забавно, он стал одним из последних известных жертв вируса СПИДа — факт, из которого было сделано множество противоречивых умозаключений.

Сторонним наблюдателям почти все вопросы богословского диспута, который поддерживал Моррис, казались тривиальными. Достаточно ли молитвы только на рассвете и на закате? Равную ли ценность имеет паломничество в Вифлеем и в Мекку? Можно ли урезать пост в Рамадан до одной недели? Нужно ли отдавать десятину бедным сейчас, когда общество в целом признает свою ответственность перед ними? Как сопрячь завет Иисуса «пить в Мое воспоминание»* с неприятием алкоголя у мусульман, и тому подобное.

Однако после смерти Морриса разногласия между различными сектами были улажены, и несколько десятилетий христам демонстрировал миру сравнительное единство. В период своего расцвета он заявлял о более чем сотне миллионов приверженцев, хотя на Луне и Марсе большого успеха не добился.

Крупный раскол весьма неожиданно был спровоцирован сигналом с Сириуса. Малочисленная эзотерическая секта, на которую оказала большое влияние суфийская доктрина, заявила, что расшифровала таинственный сигнал из космоса, применив новейшие способы обработки информации.

Более ранние попытки потерпели полное поражение. Сигнал, если это был именно он, оказывался немодулированным шумом. Почему обитатели Сириуса утруждали себя

* «Сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание» (Первое послание к коринфянам, 11:25).

его передачей, было загадкой, которая породила бессчетное количество теорий. Наиболее популярной стала версия о том, что, подобно сверхсекретным сообщениям, отправляемым в некоторых шифровальных системах, сигнал просто выглядел как шум. Это мог оказаться тест на интеллект, который прошли только перерожденные, если верить их заявлениям.

Но шум, который имеет явное искусственное происхождение, все же передает один факт, не подлежащий сомнению: «Мы здесь». Возможно, на Сириусе ждали подтверждения, своеобразного электронного рукопожатия, которого требуют многие устройства связи, прежде чем начать передавать информацию.

У хрисламских фанатиков, перерожденных, как они стали впоследствии себя называть, имелся куда более изобретательный, хотя и не оригинальный ответ. На заре теории коммуникации отмечалось, что чистый шум может считаться не бессмысленным мусором, а комбинацией всех возможных сообщений. Перерожденные проводили наглядную аналогию. Представьте себе, что все поэты, философы и пророки человечества говорят одновременно. Результатом станет совершенно неразличимый поток звуков. Тем не менее он будет содержать в себе совокупность всей человеческой мудрости.

Так и обстояло дело с посланием с Сириуса. Оно представляло собой ни больше ни меньше, как глас божий. Лишь правоверные могли разобрать его с помощью сложного дешифровального оборудования и тайных алгоритмов. Когда перерожденных напрямую спросили, что говорит бог, они ответствовали: «Мы известим вас, когда настанет время».

Остальной мир, конечно, посмеялся, однако выразил встревоженное недовольство, когда перерожденные построили на обратной стороне Луны тарелку в километр диаметром, чтобы начать диалог с богом или с тем, кто находится по ту сторону канала связи. Ни одна из официальных космических инстанций до сих пор не предприняла подобного шага, поскольку они оказались не в состоянии выработать

приемлемый ответ. Многие даже считали, что для человеческой расы лучше всего будет сохранять молчание или просто транслировать Баха.

Тем временем перерожденные, убежденные в исключительности своей роли, слали на Сириус молитвы и славословия. Они даже заявляли, что, поскольку бог создал Эйнштейна, а не наоборот, они не будут ограничены скоростью света. Их беседе не станет мешать семнадцатилетняя задержка во времени.

Обнаружение Кали прогремело для перерожденных как откровение. Теперь они знали свою судьбу и были готовы оправдать свое имя.

На протяжении как минимум века мало кто из образованных людей верил в воскрешение, и пророчица Фатима Магдалина благоразумно обходила эту тему. Перерожденные говорили, что теперь, когда мир движется к концу, пора серьезно отнестись к идее загробной жизни. Они могли гарантировать выживание, за определенную цену, разумеется.

Миллионы людей уже планировали эмигрировать на Луну или на Марс, но обе колонии уже устанавливали квоты, чтобы не допустить истощения своих ограниченных ресурсов. В любом случае этим путем к спасению мог воспользоваться лишь малый процент человеческой расы.

Перерожденные предлагали нечто гораздо более многообещающее, не просто безопасность, но бессмертие.

Они объявили, что достигли одной из давних целей виртуальной реальности, могли полностью записать человеческую личность, все прижизненные переживания и генетическую карту тела, которое их испытало, в каких-то десять в четырнадцатой степени битов памяти. Но воспроизведение, то есть воскрешение в буквальном смысле, требовало еще десятков лет исследований. Если и имело смысл проводить эти эксперименты, то завершить их до прибытия Кали не представлялось возможным.

Но это неважно. Перерожденные уже получили заверения бога. Все истинно верующие могли спроецировать себя в виде луча, направленного на Сириус, через передатчик, построенный на обратной стороне Луны. На другом конце их ожидал рай.

На этом улетучивались последние сомнения большинства слушателей во вменяемости перерожденных. Несмотря на неоспоримые технологические изыски, они, несомненно, были столь же безумны, как и все остальные милленаристы*, которые с однообразной регулярностью обещали спасти только и исключительно своих последователей, когда на следующей неделе во вторник мир придет к своему концу.

С этого момента к перерожденным стали относиться как к дурной шутке; их выходки больше не заботили людей, которые были обеспокоены куда более серьезными вопросами.

Это была вполне понятная ошибка, причем роковая.

* Милленаристы — сторонники учения о тысячелетнем царстве для праведников, которое настанет перед концом света.

Часть IV

21
ДЕЖУРСТВО

Руководители верфей Деймоса утверждали, что строят эти корабли километрами, а покупатель отрезает ту длину, которая ему нужна. Конечно, большинство их изделий отличались принципиальным фамильным сходством, и «Голиаф» не составлял исключения.

Его основой служил одиночный, треугольный в сечении лонжерон ста пятидесяти метров в длину и пяти по каждой грани. Любому инженеру, родившемуся раньше двадцатого века, он показался бы на редкость хрупким, но нанотехнология, которая выстроила этот каркас буквально по отдельным атомам углерода, придавала ему прочность в пятьдесят раз более высокую, чем у самой крепкой стали.

На этом хребте из искусственного алмаза крепились различные модули, которые и составляли «Голиаф». Большинство из них легко заменялось. Сферические водородные цистерны, выстроенные вдоль трех сторон лонжерона словно горошины, только не внутри, а снаружи стручка, заметно превышали по размерам все остальное. По сравнению с ними командный, обслуживающий и жилой модули у одной оконечности корпуса, силовая и двигательная установки — у другой казались второстепенными пристройками.

Когда Роберта Сингха назначили командовать «Голиафом», он рассчитывал на безмятежные, по возможности, даже скучные несколько лет космической вахты, перед тем как выйти на пенсию и окончательно обосноваться на Марсе. Хотя ему было всего семьдесят, он явно начинал сдавать.

Размещение на базе в точке Лагранжа L4, в шестидесяти градусах впереди по движению Юпитера, должно было стать практически сплошным отпуском. Все, что ему придется делать, это угождать пассажирам, астрономам и физикам, пока те будут вести свои бесконечные эксперименты.

Так сложилось потому, что «Голиаф» принадлежал к классу исследовательских судов и, соответственно, получал финансирование из планетарного научного бюджета. Как и «Геркулес», находившийся в миллиарде с четвертью километров поодаль, в точке L5. Вместе с Солнцем и Юпитером, два корабля образовывали гигантский ромб, который, не меняя формы, совершал вокруг Солнца один оборот в течение юпитерианского года, состоявшего из четырех тысяч трехсот тридцати трех земных дней.

Корабли связывались посредством лазерных лучей, длина которых была известна с точностью до одного сантиметра, и, таким образом, в совокупности представляли собой идеальную базу для ведения всевозможной научной работы. При помощи приборов «Голиафа» и «Геркулеса» можно было узнать и о возмущениях в пространстве-времени, вызванных столкновением черных дыр, и о достижениях космической техники сверхцивилизаций, и бог знает о чем еще. Поскольку приемные устройства обоих кораблей могли быть связаны воедино, образуя радиотелескоп фактически более миллиарда километров в диаметре, они уже сумели с беспрецедентной точностью нанести на карту отдаленные участки Вселенной.

Не пренебрегали на борту «троянских близнецов» и ближайшими окрестностями, где расстояния мерялись всего лишь миллионами километров. Исследователи наблюдали сотни астероидов, попавшихся в эту обширную гравитационную ловушку, и осуществляли короткие вылазки на ближайшие из них. За несколько лет о составе этих малых тел было выяснено больше, чем за три столетия, прошедших с момента их открытия.

Будни, лишенные событий, нарушаемые лишь сменой персонала да регулярными возвращениями на Деймос для осмотра и модернизации оборудования, длились вот уже тридцать лет. Мало кто помнил, для какой цели были изначально построены «Голиаф» и «Геркулес». Даже их экипажи редко отдавали себе отчет в том, что они несут караульную службу, как часовые, три тысячи лет назад стоявшие в дозоре на продуваемых ветрами стенах Трои. Но эти люди ожидали такого врага, о котором Гомер не мог и помыслить.

22
БУДНИ

Хотя нынешний пост капитана Сингха, равноудаленный от Солнца и Юпитера, считался самым уединенным местом работы в Солнечной системе, капитан редко чувствовал себя одиноко. Он часто сравнивал свое положение с тем, в котором находились великие мореплаватели прошлого, к примеру Кук и несправедливо оклеветанный Блай*. Они месяцами, а то и годами не имели связи с родным краем и семьями, были вынуждены жить в переполненных помещениях, в антисанитарных условиях, в постоянном присутствии горстки товарищей-офицеров и большого количества малообразованных и зачастую мятежно настроенных матросов. Даже помимо таких внешних опасностей, как штормы, скрытые мели, действия неприятеля и враждебность туземцев, жизнь на корабле в прежние времена, должно быть, близко напоминала ад.

Жилого пространства на борту «Голиафа» было и вправду не намного больше, чем на тридцатиметровом «Индеворе» Кука, но отсутствие гравитации позволяло использовать его намного эффективнее. Да и комфорт, доступный экипажу и пассажирам, был несравненно выше. Что касается развлечений, то люди, находившиеся на борту, имели непосредственный доступ ко всему созданному человеческим искус-

* Блай Уильям (1754–1817) — капитан корабля «Баунти».

ством и культурой вплоть до самых последних новинок. Задержка во времени при связи с Землей была чуть ли не единственной трудностью, которую им приходилось терпеть.

Каждый месяц с Марса или с Луны приходил скорый шаттл, привозивший новые лица и забиравший персонал домой, на побывку. Жадно ожидавшееся прибытие «почтовой лодки» с предметами, которые нельзя было отправить по радио или оптическим каналам связи, было единственным, что нарушало прочно установившийся уклад жизни.

Но при этом жизнь на корабле никоим образом не была избавлена от проблем, технических и психологических, серьезных и тривиальных...

— Профессор Джеймисон?

— Да, кэп.

— Давид только что обратил мое внимание на ваш журнал тренировок. Кажется, вы пропустили два последних занятия на беговом тренажере.

— Гм... наверное, это ошибка.

— Несомненно. Только чья? Я соединю вас с Давидом.

— Ну да, возможно, я один раз пропустил, потому что был очень занят работой с образцами, которые привезли с Ахиллеса*. Завтра все наверстаю.

— Непременно, Билл. Я знаю, это скучно, но если вы к запланированному времени не дойдете до половины *g*, то по Марсу вам уже больше не ходить, не говоря уже о Земле. Конец связи.

— Сообщение от Фрейды, капитан. Пятнадцатого Тоби дает концерт в Смитсоновском институте. Она говорит, что это будет большое событие. Они раздобыли подлинный концертный рояль Брамса. Тоби играет одно из собственных сочинений и рапсодию Рахманинова на тему Паганини. Вам полную запись или только аудио?

* Ахиллес — «троянский» астероид, находящийся в точке L4 системы Солнце — Юпитер.

— У меня все равно не будет времени ни на какую из них, но не хочу оскорблять чувства Тоби. Передайте ему мои наилучшие пожелания и закажите полный мнемочип.

— Доктор Яворски?

— Да, капитан.

— Из вашей лаборатории идет необычный запах. Несколько человек мне пожаловались. Воздушные фильтры не справляются.

— Запах? Странно, я ничего не заметил, но немедленно проверю.

— Капитан, пришло сообщение от Шармейн, пока вы спали. Время пока терпит, но срок действия вашего марсианского гражданства истечет через десять дней, если вы его не продлите. Текущее время прохождения сообщения на Марс составляет двадцать две минуты.

— Спасибо, Давид. Сейчас мне некогда. Напомните завтра в это же время.

— Капитан Сингх, исследовательский корабль «Голиаф», Информационному агентству Солнечной системы. Я получил ваше сообщение пару дней назад, но не отнесся к нему всерьез. Не подозревал, что эти ненормальные еще копошатся. Нет, мы не встречали никакого инопланетного космического корабля. Не сомневайтесь, когда это случится, я вам сообщу.

— Сонни?

— Да, капитан.

— Примите мою благодарность, вчера вечером стол был сервирован великолепно. Но жидкое мыло у меня опять закончилось. Заправьте мне, пожалуйста, дозатор. На сей раз пусть будет хвойный аромат. От лаванды уже тошнит.

Все сходились в том, что Сонни был на борту вторым по важности человеком, некоторые считали его важнее самого капитана.

Официальный статус корабельного стюарда давал лишь смутное представление о роли Сонни Гилберта на борту «Голиафа». Он был непревзойденным мастером на все руки, способным одинаково хорошо справляться как с человеческими, так и с техническими проблемами, по крайней мере на уровне общего ведения хозяйства. Самый капризный робот-уборщик начинал вести себя хорошо, когда на горизонте появлялся Сонни, а молодые ученые обоих полов, томимые любовным недугом, были скорее готовы довериться ему, чем программе «Судврач-психо». До капитана Сингха доходили слухи, что у Сонни хранилась уникальная коллекция сексуальных игрушек, как реальных, так и виртуальных. Но есть ситуации, о которых мудрый командир предпочтет ничего не знать.

По любым стандартам Сонни среди всех людей на борту обладал низшим коэффициентом умственного развития, но это не имело никакого значения. Главное, что он был расторопен и исключительно добродушен. Когда один известный космолог, прибывший на станцию с визитом, в порыве раздражения назвал его дебилом, капитан Сингх устроил гостю разнос и велел извиниться. Когда тот отказался, он был отправлен домой следующим же шаттлом, невзирая на энергичные протесты с Земли.

Этот случай оказался исключительным, хотя между экипажем «Голиафа» и пассажирами-учеными всегда существовали некоторые трения. Обычно они были довольно незлобивы и принимали форму саркастических острот или розыгрышей. Но когда возникали нестандартные проблемы, все без предубеждений работали сообща, вне зависимости от своих официальных обязанностей.

Поскольку Давид недреманным оком следил за всеми системами «Голиафа», круглосуточные вахты были не нужны. «Днем» и смена А, и смена В бодрствовали, хотя на дежурстве

находилась только одна из них, затем весь корабль замирал на восемь часов. В случае возникновения чрезвычайной ситуации Давид сумел бы отреагировать быстрее, чем любой человек. Если же произошло бы нечто такое, с чем даже он не смог бы справиться, пожалуй, было бы гуманнее дать обеим сменам поспать в последние оставшиеся секунды жизни.

День на корабле начинался ровно в шесть по всемирному времени, но, поскольку камбуз был слишком мал, чтобы вместить всех, смена, которая заступала на дежурство первой, допускалась к завтраку в половине седьмого, раньше остальных. Смена В приступала к завтраку в семь, а пассажиры-ученые ждали еще полчаса. Но так как в любое время суток из автомата можно было получить легкие закуски, терпеть муки голода никому не приходилось.

Ровно в восемь капитан Сингх оглашал программу на день и сообщал все важные новости. Затем смена А расходилась по местам, ученые отправлялись к себе в лаборатории, к приборам и пультам, а смена В скрывалась в своих маленьких, но превосходно оборудованных каютах, посмотреть пропущенные ночные видеорепортажи новостей, полазать по информационной и развлекательной сетям корабля, заняться учебой или еще как-то загрузить себя до дежурства, начинавшегося в четырнадцать часов.

Так выглядело официальное расписание, но оно бывало подвержено частым пертурбациям, как запланированным, так и спонтанным. Самыми интересными из них были случавшиеся время от времени экскурсии на астероиды, пролетающие мимо.

Мнение одного пресыщенного астронома, заметившего: «Видел один астероид — считай, видел все», оказалось ошибочным. Он был специалистом по сталкивающимся галактикам, поэтому его невежество в отношении всяких мелких пустяков считалось простительным. На самом деле астероиды весьма отличались друг от друга как по типам, так и по размерам — от тысячекилометровой Цереры до безымянных глыб величиной с небольшой многоэтажный жилой дом.

Большинство из них представляло собой не более чем кусок камня, хорошо знакомого на Земле и на Луне. Чаще всего это были базальты и граниты, все те же первоклассные строительные материалы, созданные великим небесным архитектором Альп и Гималаев.

Другие состояли главным образом из металла — железа, кобальта и более редких элементов, включая золото и платину. В те дни, когда алхимия рынка еще не сделала золото чуть дешевле существенно более полезных металлов вроде меди или свинца, некоторые относительно небольшие астероиды могли бы стоить триллионы долларов.

Но наибольший интерес для науки представляли те из них, которые содержали большое количество льда и углеродных компонентов. Некоторые были погасшими кометами, или же им еще только предстояло стать таковыми, когда изменения гравитационных волн начнут подталкивать их в направлении пламени Солнца, пробуждающего их к жизни.

Углеродные астероиды по-прежнему скрывали множество тайн. Вокруг объективных данных не прекращали кипеть жаркие споры, но имелись признаки того, что некоторые из этих обломков некогда были частью более крупного тела, возможно, даже планеты, достаточно большой и теплой, чтобы на ней находились океаны. А если так, то почему бы и не сама жизнь? Несколько палеонтологов загубили свою репутацию утверждением, что они обнаружили на астероидах окаменевшие останки живых существ. Большинство коллег подняло на смех саму идею, но окончательный приговор вынесен еще не был.

Каждый раз, когда в поле зрения показывался интересный астероид, ученые «Голиафа», как правило, раскалывались на два лагеря. До обмена ударами дело не доходило, но рассадка за обеденным столом могла претерпевать неуловимые изменения. Астрогеологи хотели повернуть корабль со всем своим лабораторным оборудованием и выйти на цель так, чтобы они могли вволю ее поисследовать. Космологи упирались руками и ногами. Мол, сдвинутся все их тщатель-

но выверенные базовые линии, вся интерферометрия порушится — и это ради нескольких жалких булыжников.

Они по-своему были правы, и геологи в конце концов обычно шли на компромисс, проявляя большую или меньшую покладистость. На более мелкие проходящие астероиды могли наведаться автоматические зонды, умеющие взять пробы и выполнить простейшие наблюдения. Это было лучше, чем ничего, но если астероид находился на расстоянии более миллиона километров, то запаздывание сигнала между зондом и «Голиафом» становилось нестерпимым.

«А вам понравилось бы замахнуться молотком и ждать целую минуту, прежде чем вы узнаете, что промахнулись?» — пожаловался как-то раз один геолог.

Так что в ожидании особо важных прохожих вроде главных «троянцев», таких как Патрокл или Ахиллес, для нетерпеливых ученых готовился катер. Не намного крупнее семейного автомобиля, он до недели поддерживал жизнеобеспечение пилота и трех пассажиров, позволял им довольно подробно изучить маленький нетронутый мирок и мог забрать с собой несколько сотен килограммов тщательно описанных образцов.

В среднем капитану Сингху приходилось устраивать такие экспедиции каждые два-три месяца. Он радовался им, поскольку это привносило в корабельную жизнь некоторое разнообразие. Легко можно было заметить, что даже те ученые, которые выражали наибольшее презрение по поводу этого ковыряния в камнях, смотрели прибывшие на борт видеозаписи столь же жадно, как и все остальные.

При этом они приводили самые разнообразные оправдания.

«Это помогает мне в некоторой степени почувствовать то же, что и мои прапрадеды, когда они видели первый шаг Армстронга и Олдрина на Луне».

«Хотя бы троих из тех, кто гоняется за камнями, неделю не будет. В столовой места больше».

«Не для передачи дальше, капитан, но если в Солнечную систему когда-либо заглядывали гости, то они могли оста-

вить здесь мусор или даже послание, которое мы найдем, когда окажемся готовы понять его».

Иногда, наблюдая за тем, как его коллеги плывут над миниатюрными причудливыми пейзажами, где еще никто никогда не бывал, возможно, уже никогда еще раз и не побывает, Сингх испытывал побуждение выйти из корабля и вкусить свободы космоса. Можно было бы даже найти повод. Его старший помощник с удовольствием на время принял бы командование на себя. Но в тесных помещениях катера он стал бы лишь балластом, даже помехой, и не мог оправдать подобного каприза.

Тем не менее Роберту обидно было провести несколько лет в центре этого подлинного Саргассова моря дрейфующих планет, но так и не ступить ни на одну из них.

Когда-нибудь надо будет с этим что-то сделать.

23
ТРЕВОГА

Должно быть, так было, когда часовые на стенах Трои заметили первые блики солнца на далеких копьях. В одно мгновение все переменилось, хотя до наступления опасности оставалось еще больше года.

Она была весьма внушительна, но ощущения неминуемой катастрофы не возникало. Более того, еще теплилась надежда на то, что первые поспешные наблюдения могли оказаться ошибкой. Может быть, новый астероид в конце концов пролетит мимо Земли, как делали в минувшие века мириады прочих, таких как он.

Давид разбудил Сингха с этим известием в пять тридцать по всемирному времени. Он впервые прерывал сон командира.

— Прошу прощения, капитан. Но здесь указана высшая срочность. Я такого раньше никогда не видел.

Сингх тоже не видел и мгновенно проснулся. Читая космофакс и глядя на приведенные в нем орбиты Земли и асте-

роида, он почувствовал, как его словно бы схватила за сердце холодная рука. Он надеялся, что произошла ошибка, но с того самого первого мгновения ни разу не сомневался в худшем.

Потом, как ни парадоксально, его охватило ликование. Для подобного случая и был десятилетия назад построен «Голиаф».

Это был миг реализации его предназначения. В Заливе Радуги, когда Сингх был почти мальчишкой, он уже встретился с одним испытанием и преодолел его. Теперь перед ним встало другое, несоизмеримо большее.

Для подобного случая он и появился на свет.

Никогда никому не преподноси плохих новостей на пустой желудок. Капитан Сингх дождался, пока все на борту позавтракают, затем передал по трансляции космофакс с Земли и второй, который пришел через час после первого.

— Все программы и исследовательские проекты, конечно, прекращаются. Научный персонал очередным шаттлом возвращается на Марс, а мы подготовим «Голиаф» к самой важной миссии, которая когда-либо выпадала ему, да и вообще любому другому кораблю. Детали сейчас прорабатываются и могут впоследствии измениться. Как вам, несомненно, известно, планы создания ускорителя масс, который мог бы отклонить с траектории астероид солидных размеров, разрабатывались много лет назад. Ускорителю даже было дано имя — «Атлант». Как только все параметры задачи станут известны, эти планы будут утверждены и верфи Деймоса в ускоренном режиме начнут строительство. К счастью, все необходимые компоненты стандартные — топливные баки, двигатели, системы управления и несущая конструкция, на которой все это будет располагаться. Наносборщики смогут построить «Атлант» за несколько дней. Потом его будет необходимо состыковать с «Голиафом», поэтому нам нужно добраться до Деймоса как можно быстрее. Это даст некоторым из нас возможность повидать на Марсе свои семьи. На старой

Земле существует пословица: «Нет худа без добра». Мы возьмем на борт ровно столько топлива, чтобы доставить пустой «Атлант» к Юпитеру, и дозаправимся на орбитальной топливной базе Европы. Затем начнется собственно операция, рандеву с астероидом. К тому времени до столкновения с Землей останется всего семь месяцев, если оно вообще состоится. Нам предстоит обследовать астероид, найти подходящую площадку, установить «Атлант», проверить все системы и запустить ускоритель. Разумеется, воздействие на тело массой в миллиард тонн будет настолько мало, что его практически невозможно будет измерить. Но отклонения в несколько сантиметров, если его удастся достичь раньше, чем астероид пересечет орбиту Марса, будет достаточно, чтобы он промахнулся мимо Земли на сотни километров.

Сингх замолчал, испытывая некоторую неловкость. Для экипажа все это было элементарно, но геологам и астрохимикам должно было показаться новым. Он серьезно сомневался даже в том, смогут ли они назвать ему три закона Кеплера, не говоря уже о расчете орбиты.

— Я плохо умею произносить зажигательные речи и не думаю, что они нам нужны. Все вы знаете, что мы должны делать, а время тратить нельзя. Сейчас даже несколько потерянных дней могут отделять безвредный пролет около планеты от конца истории — по крайней мере на Земле. Еще одно. Названия имеют огромное значение. Посмотрите на «троянцев», окружающих нас. Мы только что получили от МАС официальное наименование астероида. Один ученый просматривал индуистскую мифологию и нашел богиню смерти и разрушения. Ее имя — Кали.

24
УВОЛЬНЕНИЕ НА БЕРЕГ

— Папа, а какие на самом деле были марсиане?

Роберт Сингх нежно посмотрел на дочурку. По документам ей было десять лет, хотя планета, на которой она жила,

с ее рождения совершила вокруг Солнца всего пять оборотов. Никакой ребенок не дождется, пока пройдет шестьсот восемьдесят семь дней между днями рождения, так что это был один из сохранявшихся пережитков земного календаря. Когда от него наконец откажутся, Марс разорвет еще одно звено в цепи, связывающей его с родной планетой.

— Я знал, что ты меня спросишь,— ответил Сингх.— Так что посмотрел. Слушай... «Тот, кто не видел живого марсианина, вряд ли может представить себе его страшную, отвратительную внешность. Треугольный рот с выступающей верхней губой, полнейшее отсутствие лба, никаких признаков подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное подергивание рта, щупальца как у Горгоны...»

— Как у кого?

— У Горгоны.

— Фу!

— «...в особенности же огромные пристальные глаза — все это было омерзительно до тошноты. Маслянистая темная кожа напоминала скользкую поверхность гриба, неуклюжие, медленные движения внушали невыразимый ужас»*. Ну вот, Мирелла, теперь ты все знаешь.

— Что ты такое́ читал? А, путеводитель по Диснеймарсу! Когда мы туда поедем?

— Зависит от того, насколько хорошо будет делать уроки одна юная леди.

— Так нечестно, папочка! У меня времени не было, с тех пор как ты вернулся!

Сингх почувствовал мгновенный укол вины. Каждый раз, когда ему удавалось сбежать со сборки «Атланта» и испытаний на верфях Деймоса, он присваивал себе все внимание своей маленькой дочки и ее недавно родившегося братика. Его надежды на возможность совершать по прибытии на Марс частные поездки мгновенно разрушились, когда он увидел журналистов, ожидавших его в Порт-Лоуэлл. До того

* *Уэллс Г.* Война миров. Перевод М. Зенкевич.

Роберт не отдавал себе отчета в том, что стал вторым по популярности человеком на планете.

Самым известным, разумеется, оказался доктор Миллар, чье открытие Кали изменило — и, возможно, еще должно было изменить — больше судеб, чем любое другое событие в человеческой истории. Хотя эти два человека уже участвовали в пяти-шести виртуальных дискуссиях, лично они еще не виделись. Сингх избегал встречи лицом к лицу. Ничего нового они друг другу не сказали бы, к тому же видно было, что астроном-любитель не смог справиться со своей внезапной славой. Он стал высокомерен, снисходителен и всегда называл Кали «мой астероид». Что ж, рано или поздно его собратья-марсиане должны были его окоротить. Такие вещи получались у них очень хорошо.

По сравнению со своими знаменитыми земными предшественниками Диснеймарс был крошечным, но как только вы оказывались внутри, это становилось незаметно. При помощи диорам и голографических проекций он показывал Марс таким, каким некогда его считали люди, или таким, о котором они мечтали и каким в один прекрасный день надеялись его увидеть. Некоторые критики ворчали, что Мозгоблок может создать точно такое же переживание, но это была откровенная ложь. Стоило только увидеть марсианского ребенка, гладящего кусок настоящего земного камня, чтобы оценить разницу.

Мартин был еще слишком мал, чтобы получить от этой поездки удовольствие, и его оставили на попечении последней модели домашнего робота Дорка*. Даже Мирелла еще не доросла до того, чтобы понимать все, что видит, но родители знали, что она никогда не забудет этого дня. Девочка визжала от восторга и ужаса, когда уэллсовские чудовища с щупальцами вылезли из своих цилиндров, и в благоговейном восторге наблюдала, как их ужасные треножники шагают по

* Дорка или Тавифа — христианская святая, шившая одежду для бедняков («Деяния апостолов», 9:36).

пустынным улицам странного, непонятного города — викторианского Лондона.

Прекрасная Дея Торис*, принцесса Гелиума, ей очень понравилась, особенно когда ласково произнесла: «Добро пожаловать на Барсум, Мирелла». Однако Джон Картер из сценария был практически вычеркнут. Столь кровожадные персонажи явно представляли собой далеко не тот тип иммигрантов, приезд которых была настроена поощрять Марсианская торгово-промышленная палата. Мечи, подумать только! Если с ними не обращаться с величайшей осторожностью, то эти куски металла, выделанные со столь преступной безответственностью, могут причинить случайным прохожим серьезные травмы.

Еще Мирелла была зачарована причудливыми зверями, которыми Берроуз щедро населил марсианскую природу. Но один вопрос экзобиологии, который Эдгар Райс обошел довольно беспечно, ее озадачил.

— Мама, а меня из яйца высидели? — спросила она.

Шармейн засмеялась.

— И да и нет,— ответила она.— Но оно, конечно, было не такое, как то, что снесла Дея. Когда мы придем домой, я попрошу Библиотеку объяснить тебе разницу.

— А у них правда были такие машины, которые делали воздух, чтобы люди могли дышать на улице?

— Нет, но идея старика Берроуза оказалась правильной. Это именно то, что мы пытаемся сделать. Ты увидишь, когда мы пойдем в раздел Брэдбери.

«С гор спускалось нечто необычайное.

Это была машина, похожая на желто-зеленое насекомое, на богомола, она плавно рассекала холодный воздух, мерцая бесчисленными зелеными бриллиантами, сверкая фасеточными рубиновыми глазами. Шесть ног машины ступали по древнему шоссе с легкостью моросящего дождя, а со спины машины на Томаса глазами цвета расплавленного золота глядел марсианин, будто в колодец».*

* Дея Торис — персонаж серии романов о марсианах Эдгара Райса Берроуза, принцесса города-государства Гелиума, находящегося на Марсе, который его обитатели называют Барсумом, возлюбленная землянина Джона Картера.

Мирелла была заворожена, но и озадачена ночной встречей землянина и марсианина, каждый из которых был для другого фантастическим существом. Однажды она поймет, что это была мимолетная встреча двух эпох, разделенных пропастью времени. Она влюбилась в изящные песчаные корабли, скользящие над пустынями, огненных птиц, пылающих на холодном песке, золотых пауков, извергающих тончайшую паутину, лодки, скользящие по широким зеленым каналам как бронзовые цветки, и рыдала, когда хрустальные города рушились перед захватчиками с Земли.

«От Марса, которого никогда не было, Марсу, который будет»,— гласила надпись у входа в последнюю галерею. Капитан Сингх не мог не улыбнуться этому «будет», типично марсианскому в своей самоуверенности. На старой усталой Земле было бы написано «может быть».

Последняя экспозиция оказалась, можно сказать, старомодной по своей простоте, но от того не менее эффектной. Они сидели почти в полной темноте у большого окна и смотрели вниз на море тумана, а позади них вставало далекое солнце.

— Долина Маринера, Лабиринт Ночи, современный вид,— сказал негромкий голос на фоне тихой музыки.

Туман рассеялся под лучами восходящего солнца, теперь это была лишь легчайшая дымка. Перед ними расстилалось бесконечное пространство каньонов и скал величайшей долины Солнечной системы, отчетливо видимой до самого горизонта. Расстояние не скрадывало ее очертаний, в отличие от похожих видов существенно меньшего по размерам Большого каньона в западной части Америки, которым оно придавало перспективу.

* *Брэдбери Р.* Марсианские хроники. Перевод Л. Жданова.

Долина была строгой и величественной, в оттенках красного, охры и малинового, не столько враждебная жизни, сколько в высшей степени безразличная к ней. Глаз тщетно искал хоть малейшего намека на синеву и зелень.

Солнце стремительно неслось по небу, тени чернильными приливами натекали на дно каньонов. Настала ночь, звезды сверкнули на мгновение и были изгнаны новым рассветом.

Что-то изменилось или же нет? Кажется, далекий горизонт уже не был таким четким.

Наступал новый день, сомнений в этом уже не осталось. Резкие контуры рельефа смягчались, далекие скалы и утесы уже не были так жестко очерчены. Марс менялся...

Проходили дни, недели, месяцы. Может быть, на самом деле это были десятилетия. Теперь уже изменения стали разительными.

Тонкие желто-розовые оттенки неба сменились бледно-голубыми, наконец начали появляться настоящие облака, не тонкая дымка, рассеивавшаяся с рассветом. На дне каньона, там, где раньше виднелся только безжизненный камень, возникли островки зелени. Деревьев еще не было, но лишайники и мхи готовили их появление.

Вдруг, словно по волшебству, появились лужи, спокойные и не подернутые рябью. Они лежали под солнечными лучами, не превращаясь мгновенно в пар, как случилось бы на сегодняшнем Марсе. По мере того как разворачивалась картина будущего, лужи превращались в озера и соединялись в реку. По ее берегам внезапно проросли деревья. Глазам Роберта Сингха, привыкшим к Земле, их стволы казались столь стройными, что он отказывался поверить, что эти деревья могут быть выше десяти метров. В реальности — если это можно так назвать! — они, наверное, обогнали бы самые высокие секвойи. При такой низкой гравитации эти деревья достигали бы минимум сотни метров.

Точка наблюдения сменилась. Теперь они летели к востоку вдоль долины Маринера, через расщелину Эос к югу,

к великой равнине Эллады, низинам Марса. Там уже была не суша.

Пока Роберт Сингх смотрел вниз, на воображаемый океан будущего, поток воспоминаний нахлынул на него с такой всепоглощающей силой, что на мгновение он почти потерял над собой контроль. Океан Эллады исчез. Сингх снова был на Земле, шел по окруженному пальмами пляжу с маленьким Тоби, позади них в небольшом отдалении топала Тигретта. Неужели такое на самом деле происходило с ним когда-то, в незапамятные времена, или это было фальшивое прошлое, заимствованная память другого человека?

Конечно, никаких серьезных сомнений он не испытывал, но воспоминание оказалось столь живым, что картинка осталась гореть у него в мозгу. Однако ощущение печали быстро сменилось состоянием светлой грусти. Он не сожалел. Фрейда и Тоби были здоровы и счастливы. Кстати, давно пора им позвонить! У них есть большие заботливые семьи. Но Роберт переживал насчет того, что Мирелла и Мартин никогда не испытают радости общения с друзьями, не принадлежащими к человеческому роду, какой была Тигретта. Домашние животные считались роскошью, которой Марс еще не мог себе позволить.

Путешествие в будущее закончилось взглядом на планету Марс из космоса. Сколько веков или тысячелетий прошло? Его полюса уже не были увенчаны шапками замерзшего углекислого газа, поскольку солнечный свет, струящийся вниз со стокилометровых орбитальных зеркал, положил конец их вековой зиме. Изображение померкло и сменилось словами «Весна. Две тысячи пятисотый год».

«Вот как!.. Надеюсь, что так и будет, хотя мне никогда этого не узнать»,— думал Роберт Сингх, когда они в молчании покидали зал.

Даже Мирелла казалась необычно притихшей, словно пыталась отделить реальное от воображаемого в том, что она увидела.

Когда они шли через воздушный шлюз к герметичному марсомобилю, который доставил их сюда из отеля, выстав-

ка преподнесла еще один, последний сюрприз. Раздался раскат отдаленного грома, звук, который в реальности слыхал раньше только Роберт Сингх, и Мирелла коротко вскрикнула. Ливень мелких капелек обрушился на них из разбрызгивателя, установленного наверху.

— Последний дождь на Марсе прошел три миллиарда лет назад и не принес жизни на те земли, где он выпал. В следующий раз все будет по-другому. До новых встреч, и спасибо, что пришли к нам.

В свою последнюю ночь перед отлетом Роберт Сингх проснулся на рассвете и лежал в темноте, пытаясь вспомнить основные события последних дней, проведенных дома. Некоторые из них, включая моменты нежности, пережитые несколько часов назад, он уже записал для просмотра в будущем. Они будут поддерживать его в грядущие долгие месяцы.

Его изменившееся дыхание, должно быть, побеспокоило Шармейн. Она повернулась к нему лицом и положила руку на грудь. Уже не в первый раз Сингх улыбнулся, вспомнив, какие неудобства причинило бы это движение на его родной планете.

Несколько минут никто не проронил ни слова, затем Шармейн сонно сказала:

— Помнишь рассказ Брэдбери, который мы с тобой читали, где варвары с Земли тренировались в стрельбе на прекрасных хрустальных городах?

— Конечно. «И по-прежнему лучами серебрит простор луна». Я обратил внимание, что действие у него происходит в две тысячи первом году. Чересчур оптимистично, правда?

— Ну, по крайней мере, он дожил до того момента, как люди добрались сюда! Но после поездки в Диснеймарс я все время размышляю: разве мы ведем себя не точно так же, разрушая то, что нашли?

— Никогда не думал, что услышу, как такие слова произносит настоящее дитя Марса. Но мы не просто разрушаем. Мы создаем. Боже!..

— Что случилось?

— Это мне кое-что напомнило. Кали — не только богиня разрушения. Она еще и создает новый мир из обломков старого.

Последовало долгое молчание.

— Именно это все время говорят нам перерожденные. Ты знал, что они основали миссию прямо здесь, в Порт-Лоуэлле?

— Да ладно, это безвредные сумасшедшие. Не думаю, что они кому-нибудь помешают. Счастливых снов, любимая. В следующий раз, когда пойдем в Диснеймарс, мы возьмем с собой Мартина. Обещаю.

25

СТАНЦИЯ «ЕВРОПА»

Роберту Сингху было практически нечем заняться во время скоростного перелета с Деймоса/Марса на Европу/Юпитер, кроме как изучать постоянно меняющиеся чрезвычайные планы, которые слал ему Космический патруль, и знакомиться с новыми членами экипажа.

Торин Флетчер, старший инженер с верфи Деймоса, должен был наблюдать за процессом дозаправки, когда комплекс «Голиаф» — «Титан» достигнет топливной базы на орбите вокруг Европы. Десятки тысяч тонн водорода будут подаваться на борт в виде смеси жидкого и твердого. Она более плотная, чем чистая жидкость, и поэтому требует меньше места для хранения. Но даже при этом общий объем водорода более чем вдвое превышал тот, который имелся на злополучном «Гинденбурге», чья гибель в огне положила конец недолгому веку использования летательных аппаратов легче воздуха, по крайней мере на Земле. На Марсе часто использовались небольшие грузовые дирижабли, да и в верхней части атмосферы Венеры они оказались неоценимым подспорьем для исследований.

Флетчер был энтузиастом дирижаблестроения и всеми силами старался обратить Сингха в свою веру.

— Когда мы как следует возьмемся за разработку Юпитера, а не просто будем сбрасывать зонды, вот тогда дирижабль снова вступит в свои права,— говорил он.— Конечно, поскольку атмосфера там большей частью состоит из молекулярного водорода, это должен быть дирижабль, накачанный горячим водородом. Не беда! Только вообразите — облететь вокруг Большого Красного Пятна!*

— Нет, благодарю вас,— отвечал Сингх.— Там десятикратная сила тяжести, по сравнению с Марсом.

— Земляне могут проделать путь лежа, допустим, на водяных кроватях.

— Но зачем все это? Твердой поверхности нет, приземлиться негде. Роботы сделают все, что нам нужно, и не надо будет рисковать людьми.

— Этот аргумент выдвигали с самого начала космической эры. Теперь взгляните, чего мы достигли! Люди полетят на Юпитер, потому что... ну, просто потому, что он есть. Но если вам Юпитер не нравится, то, может быть, Сатурн? Почти та же сила тяжести, как на Земле, а вид какой! Круиз на больших широтах, откуда видно будет кольца!.. Когда-нибудь это станет одним из главных туристических маршрутов.

— Дешевле подключиться к Мозгоблоку. Те же удовольствия и никакого риска.

Флетчер рассмеялся. Сингх процитировал известный рекламный лозунг.

— Вы же сами не верите в то, что говорите.

Он был прав, но Роберт не намеревался это признавать. Элемент риска — это было то, что отличало реальность от ее имитаций, какими бы совершенными они ни были. Готовность идти на риск, даже радоваться ему, если он разумный, придавала жизни своеобразие и делала ее стоящей самой себя.

Еще один из пассажиров, направляющихся к Европе, занимался техникой, которая казалась еще более неуместной,

* Большое Красное Пятно — крупный атмосферный вихрь на Юпитере.

чем воздухоплавание,— глубоководными батискафами. Во всей Солнечной системе лишь на Европе, не считая Земли, имелись океаны. Они были заперты под коркой льда, который защищал их от воздействия космоса. Тепло, производимое мощными гравитационными приливами Юпитера, теми же самыми силами, что пробуждали к жизни вулканы соседней Ио, не давало мировому океану планеты замерзать.

Там, где имеется вода в жидком состоянии, есть надежда на существование жизни. Доктор Рани Виджератне двадцать лет потратила на исследование пучин Европы, как лично, так и при помощи автоматических зондов. Хотя обнаружить ничего не удалось, присутствия духа она не теряла.

— Я уверена, что жизнь есть,— говорила женщина.— Надеюсь только, что смогу найти ее раньше, чем какие-нибудь земные микробы выползут из нашего мусора и захватят власть.

Доктор Виджератне с оптимизмом относилась к перспективам обнаружить жизнь и намного дальше от Солнца, в большом кометном облаке, расположенном далеко за Нептуном.

— Там есть все необходимое — вода, углерод, водород и другие химические вещества,— любила говорить она.— В миллионы раз больше, чем на планетах. Должна быть радиоактивность, значит, тепло и высокая скорость мутации. Глубоко внутри комет условия для зарождения жизни могут оказаться идеальными.

Оставалось жалеть, что доктор высаживается на Европе, а не продолжает вместе с остальными путь на Кали. Ее незлобивые, но беспощадные споры с членом Королевского общества сэром Колином Дрейкером являлись для остальных пассажиров немалым источником развлечения. Прославленный астрогеолог, слишком именитый для того, чтобы подчиняться приказам, предписывающим отправить его домой, был единственным из первоначального штата «Голиафа», кто еще оставался на борту.

— Об астероидах я знаю больше, чем любой из ныне живущих людей,— бывало, с неопровержимой справедливо-

стью заявлял он.— А Кали — самый важный астероид за всю историю. Я хочу ее заполучить в качестве подарка самому себе на сотый день рождения и ради науки, разумеется.

В отношении идеи существования форм жизни на кометах, высказываемой доктором Виджератне, он был непреклонен.

— Чушь! Хойл и Викрамасингх выдвинули эту теорию больше века назад, но никто никогда не относился к ней серьезно.

— Значит, пора начинать. Поскольку астероиды, во всяком случае некоторые из них — мертвые кометы, вам не приходило в голову поискать там окаменевшие останки? Это может оказаться нелишним.

— Честно скажу, Рани, я могу придумать много других, куда более полезных способов потратить свое время.

— Эх вы, геологи! Иногда мне кажется, что вы сами — окаменевшие останки! Помните, как вы смеялись над бедным Вегенером и его теорией дрейфа материков, а когда он благополучно скончался, сделали его своим святым?

И так далее, всю дорогу до Европы.

•

Европа, самый маленький из четырех спутников Юпитера, открытых еще Галилеем, была единственным объектом в Солнечной системе, который можно было бы спутать с Землей, если находиться достаточно близко. Когда капитан Сингх смотрел на расстилавшиеся под ним бесконечные ледяные поля, легко было вообразить себе, что он летит по орбите вокруг родной планеты.

Иллюзия быстро исчезла, когда он обратил взгляд к Юпитеру. Гигантская планета, стремительно проходящая через все свои фазы каждые три с половиной дня, занимала почти все небо, даже когда убывала до исчезающего тонкого полумесяца. Остававшаяся дуга света охватывала огромный черный диск диаметром в двадцать раз больше, чем Луны в небе Земли. Он заслонял звезды и на время затмевал далекое Солнце. Ночная сторона Юпитера редко была совершенно тем-

ной. Тут и там мелькали грозы, захватывающие площади, превосходящие земные континенты. Они напоминали обмен ядерными ударами и обладали энергией, равной им. Полюса обычно окружали полярные сияния. Гейзеры фосфоресцирующего света вскипали из потаенных глубин, которым, возможно, навсегда суждено было остаться неисследованными.

Когда планета почти подходила к полной фазе, она становилась еще величественнее. В тот момент сложные петли и причудливые узоры облаков, бесконечно шествующих параллельно экватору, можно было видеть во всем их многоцветном великолепии. Вдоль них двигались бледные овальные островки, похожие на амеб тысячекилометровых размеров. Иногда они так целеустремленно проталкивались через окружающий их облачный пейзаж, что легко было поверить, будто это огромные живые существа. Из этой гипотезы выросла не одна причудливая космическая эпопея.

Но гвоздем программы было Большое Красное Пятно. За века оно и прибывало, и уменьшалось, иногда исчезало почти полностью, но сейчас было видимым лучше, чем когда-либо, с тех пор как в тысяча шестьсот шестьдесят пятом году его обнаружил Кассини. Когда во время стремительного до головокружения десятичасового обращения Юпитера вокруг своей оси пятно проносилось по поверхности планеты, оно походило на гигантский, налитый кровью глаз, злобно уставившийся в космос.

Неудивительно, что рабочие на Европе имели самую короткую продолжительность вахт и максимально высокий процент психических расстройств из всего персонала, базировавшегося на других планетах. Дела немного улучшились, когда производственные площади были переведены в самый центр обратной стороны спутника, где Юпитер постоянно оставался невидим. Но даже там, по сообщениям психологов, некоторые пациенты верили в то, что немигающий циклопический глаз наблюдает за ними сквозь три тысячи километров сплошного камня.

Следил он за ними, возможно, потому, что они воровали сокровища Европы. Спутник был единственным крупным источником воды, значит, и водорода, в пределах орбиты Сатурна. В кометном облаке за Плутоном имелись еще большие запасы, но добывать их пока было экономически нецелесообразно. Когда-нибудь, возможно, а пока Европа обеспечивала основную часть ракетного топлива, потребляемого в Солнечной системе.

Более того, водород с Европы превосходил по качеству земной. Благодаря миллионам лет бомбардировки со стороны радиационных поясов Юпитера он содержал намного более высокий процент дейтерия, тяжелого изотопа. Пройдя лишь небольшое обогащение, этот газ становился оптимальной смесью для питания термоядерного двигателя. Изредка природа все же сотрудничает с человечеством.

Людям уже трудно было вспомнить жизнь до Кали. До момента опасности оставалось еще много месяцев, но чуть ли не все мысли и поступки сосредоточились на нем.

«Подумать только,— иногда с иронией напоминал себе Роберт Сингх.— Я согласился на эту работу только потому, что хотел беззаботной службы, перед тем как выйти в отставку в ранге полного капитана!»

Время для подобных интроспекций у него выпадало нечасто, регулярный некогда распорядок жизни корабля сменился, по выражению старпома, спланированным кризисом. Тем не менее, с учетом всех сложностей проведения операции «Атлант», дело прошло сравнительно гладко. Крупных задержек не случилось, и программа всего на два дня отставала от графика, выполнить который когда-то казалось невозможным.

Как только «Голиаф» с «Атлантом» были поставлены на парковочную орбиту, всерьез пошла работа. Надо было закачать в резервуары две сотни тысяч тонн водородно-дейтериевой смеси при тринадцати градусах выше абсолютного нуля. Электролитические установки Европы могли произвести такое количество за неделю, но другое дело — доставить его на орбиту. К несчастью, два танкера Европы проходили капитальный ремонт, с которым нельзя было справиться местными силами. Их отбуксировали обратно на Деймос.

Даже если все пройдет нормально, то на наполнение необъятных топливных баков должен был уйти почти месяц. За это время Кали еще на сотню миллионов километров приблизится к Земле.

Часть V

26
УСКОРИТЕЛЬ МАСС

От прежнего «Голиафа» почти ничего не осталось. Одна сторона была целиком скрыта под топливными баками и двигательными модулями «Атланта» компактной массой труб длиной метров двести. Почти вся остальная часть корабля также спряталась под его собственными дополнительными резервуарами.

«Обзор будет плохой, пока не сбросим первые пустые баки. Да и ускорения не наберем со всей этой дополнительной массой, невзирая на обновленный двигатель»,— мысленно отметил Сингх.

Трудно было поверить, что будущее человечества может зависеть от этого неуклюжего нагромождения железа. Вся конструкция была спроектирована и собрана с одной-единственной целью — как можно быстрее установить на Кали мощный ускоритель масс. «Голиаф» служил всего лишь фургоном для доставки, межпланетным космическим грузовиком. Грузом первостепенной важности, который должен быть доставлен до пункта назначения вовремя и в хорошем состоянии, являлся «Атлант».

Для достижения этой цели требовалось поступиться очень и очень многим. Хотя крайне важно было добраться до Кали с минимальной задержкой, в скорости можно было выиграть только за счет сокращения полезного груза. Если «Голиаф» сожжет слишком много топливной смеси на пути до Кали, то ее может не хватить для того, чтобы отклонить астероид с угрожающей траектории. Все усилия окажутся потрачены впустую.

Чтобы сократить время выполнения задачи, не расходуя топливо, капитан задумывался о классическом способе гравитационного ускорения, который использовался первыми космическими кораблями при исследовании внешних пределов Солнечной системы. «Голиаф» мог резко спикировать к Юпитеру и, проносясь мимо, позаимствовать часть его момента силы. Однако план пришлось с сожалением отвергнуть по причине его рискованности. Вокруг Юпитера вращалось слишком много мусора. Разреженные кольца всякой дряни уходили до самых границ атмосферы, а легкие водородные цистерны мог пробить даже мельчайший осколок. Будет весьма забавно, если операцию сорвет крошечный спутник Юпитера.

В отличие от старта с поверхности планеты, при начале смены орбиты ничего специфического не происходит. Никакого, естественно, звука, даже видимого указания на то, столь грандиозны задействованные силы. Плазменный реактивный двигатель, приводивший в движение «Голиаф», был слишком горячим, чтобы испускать слабое излучение, различимое для человеческого глаза. Он писал свой автограф по звездному небу лучами дальней области ультрафиолетового спектра. Для зрителей, наблюдавших за ними со спутникового комплекса Европы, единственным свидетельством того, что «Голиаф» начал движение, было небольшое облачко грязи, оставленное им после себя. Тут были куски термозащиты, использованного упаковочного материала, обрывки веревки и изоленты — весь тот сор, что оставляют на крупной строительной площадке даже самые аккуратные рабочие. Не самое зрелищное начало для столь благородного предприятия, но «Голиаф» и его груз, «Атлант», отправились в путь и несли с собой надежды и страхи всего человечества.

Днем позже, набрав ускорение в одну десятую *g*, «Голиаф» с трудом миновал второй по величине спутник, Каллисто, изрытую кратерами. Но только через неделю он вырвался наконец из территориального пространства Юпитера и пересек весьма причудливые орбиты самых дальних крошечных

близнецов Пасифе и Синопе. К тому времени он двигался так быстро, что даже Солнце не смогло бы вернуть его. Если бы корабль оказался не в состоянии сдержать скорость, то окончательно покинул бы Солнечную систему и начал бесконечное путешествие среди звезд.

Но ни один командир космического корабля не мог бы пожелать более безмятежного рейса. «Голиаф» с «Атлантом» совершили рандеву с Кали на двенадцать секунд раньше графика.

— Я побывал на десятках астероидов,— сказал сэр Колин Дрейкер своей невидимой аудитории, находящейся на расстоянии полмиллиарда километров в сторону Солнца.— Но даже сейчас не в состоянии судить об их величине на глаз. Я точно знаю, каковы размеры Кали, но мог бы с легкостью убедить себя в том, что ее можно держать на вытянутых руках. Дело в том, что здесь нет абсолютно никакого ощущения масштаба, не на что опереться глазу. Как вы сами убедитесь, насколько хватает глаз, астероид покрыт мелкими метеоритными кратерами. Вон тот, крупный, слева в центре, в действительности около пятидесяти метров в ширину, но выглядит в точности так же, как и более мелкие вокруг него. Самые маленькие из видимых — шириной несколько сантиметров.

Давид, будь любезен, увеличь, пожалуйста. Спасибо. Теперь мы приближаемся, но никакой существенной разницы в изображении не наблюдается. Мини-кратеры, которые мы сейчас видим, в точности похожи на своих более крупных собратьев. Давид, останови увеличение. Даже если бы мы взяли лупу, то картина осталась бы практически прежней — мелкие кратеры всевозможных размеров, вплоть до тех, что были оставлены частичками пыли.

Теперь снова общий план, чтобы можно было рассмотреть Кали целиком. Спасибо. Вы видите, что цвета практически нет, по крайней мере для человеческого глаза. Она почти черная. Вы можете предположить, что это кусок угля, и окажетесь не слишком далеко от истины. Внешние слои на девяносто процентов состоят из углерода.

Зато внутри все по-другому. Там железо, никель, силикаты, различные льды — вода, метан, углекислота. Очевидно, что история у астероида была очень богатая. Я даже практически уверен в том, что это два сросшихся тела довольно разного состава, которые относительно мягко столкнулись и остались сцепленными.

Возможно, вы заметили, что, пока я говорил, в поле зрения появились новые кратеры. День Кали достаточно короток — три часа двадцать пять минут. Тот факт, что она вращается, делает нашу задачу еще более хитроумной.

Можно нам посмотреть обратную сторону, Давид? Выведи в центр квадрат К5. Да, вот так...

Обратите внимание на изменение ландшафта, если можно его так назвать. Появление вот этих рытвин, должно быть, было вызвано еще одним столкновением, на сей раз довольно мощным. Кали, по всей вероятности, очутилась в весьма оживленной части Солнечной системы, и было это десять миллиардов лет назад. Взгляните на впадину справа вверху. Мы дали ей название Большой каньон. Она почти десяти метров глубиной, но если не знать масштаб, то легко можно представить себе, что вы в Колорадо.

Итак, у нас небольшое небесное тело с изрытой поверхностью, напоминающее по форме гантель или арахисовый орех, массой два миллиарда тонн. К несчастью, оно движется по ретроградной орбите, то есть в противоположном направлении по отношению ко всем планетам. Ничего необычного в этом нет — точно так же вращается и комета Галлея,— но это означает, что Кали столкнется с Землей на встречных курсах. Это, конечно же, худший из возможных случаев. Поэтому мы просто обязаны отклонить ее с орбиты. Если этого не сделать, то не только наша цивилизация, но и даже биологический вид может быть стерт с лица планеты.

В настоящий момент ускоритель масс «Атлант» уже отделен от «Голиафа». Давид, переведи, пожалуйста, камеру на него. Сейчас мы заняты тонкой работой. Надо установить его на Кали. К счастью, гравитация астероида весьма слаба. Она

составляет около одной десятитысячной от земной, поэтому «Атлант» весит здесь всего несколько тонн. Но пусть это не вводит вас в заблуждение. Он по-прежнему обладает всей своей массой и инерцией. Поэтому перемещать его нужно очень-очень медленно и аккуратно. Хотите верьте, хотите нет, в качестве основных инструментов для этой задачи используются, как в старые времена, домкраты и подъемные блоки, закрепленные на Кали.

Через несколько часов «Атлант» будет готов к работе. Разумеется, это воздействие на Кали окажется настолько малым, что его почти невозможно будет измерить. Оно составит меньше миллионной доли *g*. Кажется, кто-то из журналистов сказал, что это похоже на мышь, толкающую слона. Совершенно верно. Но «Атлант» может работать на протяжении многих дней. Здесь, за Юпитером, нам необходимо сдвинуть Кали всего на несколько сантиметров, и тогда мимо Земли она пролетит на расстоянии тысяч километров.

Даже сотня уже ничуть не хуже, чем световой год.

27
ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

«Лысый сикх! Что бы сказали насчет такого вероотступничества мои длинноволосые предки из Индии? Если бы они знали, что я сделал на голове перманентную эпиляцию, то мне просто повезло бы, уйди я живым»*.

Эта мысль постоянно проносилась в мозгу у Роберта Сингха, когда он надевал плотно прилегающий шлем, подтягивал фиксирующие ремни и поправлял наглазники, чтобы они полностью закрывали свет. Потом капитан уселся в темноте и тишине и стал ждать, пока программа возьмет управление на себя.

Сперва возник едва различимый звук, столь низкий, что почти слышны были отдельные вибрации. Оставаясь на грани различимости, он взбирался выше октава за октавой, пока не исчез за порогом слышимости и даже дальше. Сингх никогда не давал себе труда проверить это, но он был уверен в том, что ухо не реагирует на частоты, которые сейчас вливались непосредственно в мозг.

* Стричь волосы и бриться считается в сикхизме одним из величайших грехов.

Вернулась тишина. Теперь должна была начаться более сложная настройка визуального ряда.

Сначала был чистый цвет. Сингх словно парил в центре идеально гладкой сферы. Ее внутренняя поверхность была окрашена в густо-красный цвет. Не было ни тени рисунка или структуры. От попыток зацепиться хоть за что-то начинали болеть глаза. Нет, не совсем так. Глаза здесь вообще не участвовали.

Красный, оранжевый, желтый, зеленый — знакомые цвета радуги, но пронзительной чистоты, характерной для лучей лазера. По-прежнему никаких образов — лишь непрерывное хроматическое поле.

Наконец образы начали появляться. Сначала пустая решетка, которая быстро заполнялась ячейками, становившимися все мельче и мельче, пока они не переставали быть различимы. Их сменяла последовательность геометрических форм, вращающихся, расширяющихся, сжимающихся, преобразующихся друг в друга. Ричард полностью потерял ощущение времени, но вся программа настройки выполнялась менее минуты. Когда лишенная звуков белизна охватила его, словно антарктическая метель, он понял, что процесс сканирования завершен, система контроля Мозгоблока удовлетворена, его нервные цепи должным образом подключены и готовы воспринимать подаваемую на них информацию.

Иногда, хотя и крайне редко, по сознанию человека проносилось сообщение об ошибке. Всю последовательность действий приходилось повторять. Это обычно снимало проблему. Если же нет, то Сингху хватало ума не пробовать заново. Однажды, когда ему надо было срочно овладеть какими-то навыками, он перешел на ручное управление в попытке обойти электронную помеху. В награду он получил кош-

марную вереницу образов, которые в последнее мгновение ускользали от восприятия, как световые круги, появляющиеся от надавливания на глазные яблоки, но намного ярче. К тому времени, когда Роберт сорвал выключатель, он заполучил мучительную головную боль, а могло быть гораздо хуже. Необратимая «зомбификация» под действием испорченного Мозгоблока уже не была так широко распространена, как в первые дни существования устройства, но еще случалась.

На этот раз не высветилось ни сообщения об ошибке, ни какого-то другого предупреждающего сигнала. Все каналы свободны. Сингх был готов к приему.

Каким-то дальним уголком сознания капитан понимал, что на самом деле находится на борту «Голиафа», но ему вовсе не представлялось нелепым, что он смотрит вниз, на свой корабль, который дрейфует бок о бок с Кали. Роберту казалось вполне разумным и то, что «Атлант» уже установлен на астероиде, хотя это была причудливая логика сновидения. Сингх знал, что на самом деле ускоритель еще состыкован с «Голиафом».

Подробности симуляции были столь точны, что он видел на Кали участки голого камня в тех местах, где двигатели космических саней сдули вековую пыль. Все было вполне настоящим, но изображение «Атланта» с батареей топливных баков еще принадлежало будущему. Капитану хотелось надеяться, что до этого оставалось лишь несколько дней. При поддержке Давида все технические проблемы установки и крепления ускорителя массы были решены, не имелось причин предполагать, что возникнут какие-либо трудности с превращением теории в реальность.

— Готов к запуску программы,— сказал Давид.— Какой ракурс вы выбираете?

— Северный полюс эклиптики. Расстояние десять астрономических единиц. Покажи все орбиты.

— Все? В этом секторе обзора находится пятьдесят четыре тысячи триста семьдесят два тела.

Пауза, которая возникла, пока Давид проверял каталог, была едва заметной.

— Извини, я имел в виду все главные планеты и тела, которые проходят в пределах тысячи километров от Кали. Поправка. Пусть будет в ста километрах.

Кали с «Атлантом» исчезли. Сингх смотрел сверху вниз на Солнечную систему с орбитами Сатурна, Юпитера, Марса, Земли, Венеры и Меркурия, изображавшимися в виде тонких светящихся линий. Положения самих планет указывались крошечными, но узнаваемыми картинками. Сатурн — с кольцами, Юпитер — с поясами, Марс — с крохотной шапкой полярных льдов, Земля — один сплошной океан, Венера — в виде блеклого белого полумесяца, Меркурий — диск, испещренный отметинами.

А знаком Кали стал череп. Это была идея самого Давида, никто ее с ним не обсуждал. Не исключено, что он посмотрел статью в энциклопедии и увидел какую-нибудь статую индуистской богини разрушения с ее зловещим ожерельем.

— Фокус на ось Кали — Земля. Увеличь. Стоп!

Теперь сознание Сингха было заполнено тем самым злосчастным коническим сечением, роковым эллипсом, который соединял нынешние положения Кали и Земли.

— Сжатие времени?

— Десять в пятой степени.

При такой величине сжатия одна секунда соответствовала одному дню. Кали достигала Земли за минуты, а не за месяцы.

— Запускаю программу.

Планеты задвигались. По внутренней дорожке заспешил Меркурий, и даже неповоротливый Сатурн пополз как улитка по дальней орбите.

Кали начала свое падение к Солнцу, пока еще двигаясь лишь под действием гравитации. Но где-то в глубине сознания Сингха мелькали цифры, причем так быстро, что сливались в сплошную массу.

Вдруг они остановились на нуле, и в то же мгновение Давид сказал:

— Зажигание!

«Странно,— мимоходом подумал Сингх.— Как некоторые слова остаются в употреблении спустя долгое время после того, как потеряли первоначальный контекст».

Слово «зажигание» уходило к временам столетней давности, к эпохе химических ракет. В двигателе, которым приводился в движение «Атлант» или любой другой корабль глубокого космоса, никоим образом ничего не могло гореть. Там был чистый водород; даже если бы присутствовал и кислород, то было бы слишком жарко для такого низкотемпературного явления, как простое возгорание. Молекулы воды оказались бы мгновенно разорваны на составляющие их атомы.

Появились новые цифры, некоторые — постоянные, другие — очень медленно меняющиеся. Особенно отчетливо высвечивалось ускорение, придаваемое Кали в этом иллюзорном мире двигателем «Атланта». Оно составляло какие-то миллионные доли *g* в приложении к той массе, какой обладала Кали. Тут же бежали спасительные показатели изменений, почти незаметные сдвиги, которым подвергались скорость и положение астероида.

Мелькали дни, цифры неуклонно нарастали. Меркурий прошел полпути вокруг Солнца, но Кали по-прежнему не подавала никаких видимых признаков отклонения от своей естественной орбиты. Лишь увеличивающиеся приращения подтверждали, что она вяло смещается с прежнего пути.

— Пятикратное увеличение,— скомандовал Сингх, когда Кали проходила мимо Марса.

С расширением масштаба внешние планеты исчезли, но эффект многодневных непрерывных толчков «Атланта» по-прежнему был неразличим.

— Выгорание топлива,— внезапно произнес Давид.

Еще одно слово из времен младенчества астронавтики! Цифры, выписывавшие силу толчка и ускорение, мгновенно упали до нуля. Кали снова несло вокруг Солнца за счет одной только силы притяжения.

— Десятикратное увеличение. Сократить сжатие времени до одной к десяти тысячам.

Теперь в поле сознания Сингха находились только Земля, Луна и Кали. В этом увеличенном масштабе астероид, казалось, двигался не по эллипсу, а почти по прямой, которая не вела к Земле.

Сингх прекрасно понимал, что строить на этом какие-то надежды нельзя. Кали еще предстояло миновать Луну. Та, как вероломный друг, предающий старого товарища, должна была придать орбите астероида последний смертоносный изгиб.

Сейчас, в финальной части встречи, каждая секунда обозначала три минуты реального времени. Путь Кали видимо искривлялся в гравитационном поле Луны, причем в сторону Земли. Но и результат усилий «Атланта», хотя они и прекратились несколько условных недель назад, тоже был очевиден. Симуляция показывала две орбиты, первоначальную и ту, что образовалась благодаря вмешательству человека.

— Десятикратное увеличение. Сжатие времени — один к ста.

Теперь одна секунда равнялась почти двум минутам, и сознание Сингха заполнила Земля. Но крохотное изображение черепа осталось того же размера. При этом масштабе Кали все еще была слишком мала, чтобы обрести видимость диска.

Виртуальная Земля выглядела невероятно реальной и мучительно красивой. Невозможно было поверить в то, что это всего лишь искусная модель, построенная из упорядоченных мегабайтов. Внизу — пусть даже это было только в машинной памяти Давида! — сверкала белая шапка Антарктиды, Австралия, острова Новой Зеландии, побережье Китая. Но господствовала над всем синева Тихого океана. Всего двадцать поколений назад она так же бросала вызов человечеству, как сейчас — глубины космоса.

— Десятикратное увеличение. Продолжай отслеживать Кали.

Синий изгиб горизонта был подернут атмосферной дымкой и незаметно сливался с бесконечной чернотой. Кали падала и падала к нему. Ее тянуло вниз и подгоняло гравитационным полем Земли, словно планета сама подталкивала себя к самоубийству.

— Через минуту — максимальное приближение.

Сингх сосредоточил внимание на цифрах, продолжавших мелькать на краю поля зрения. Информация, которую они доносили, была куда более четкой, хотя и не такой эффектной, как изображаемая симулятором. Самые главные цифры — расстояние от Кали до поверхности Земли — все еще продолжали уменьшаться.

Но скорость их уменьшения тоже начинала падать. Кали требовалось все больше и больше времени, чтобы одолеть каждый новый километр пути к Земле.

А потом цифры стабилизировались. Пятьсот двадцать три... пятьсот двадцать три... двадцать два...двадцать два... двадцать два... двадцать три... двадцать три... двадцать четыре... двадцать четыре. Пятьсот двадцать пять!

Сингх позволил себе роскошь перевести дыхание. Кали приблизилась на минимальное расстояние и теперь уходила.

«Атлант» мог справиться с задачей. Теперь оставалось только привести реальный мир в соответствие виртуальному.

28
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Никогда не рассчитывал, что отпраздную свой сотый день рождения за пределами орбиты Марса,— сказал сэр Колин.— Когда я родился, примерно лишь один мужчина из десяти мог рассчитывать дожить до такого возраста. И одна женщина из пяти — что мне всегда казалось несправедливым.

Послышался гул шутливого неодобрения со стороны четырех дам, входящих в состав экипажа, вздохи мужской части.

Судовой врач Элизабет Уорден самодовольно прокомментировала:

— Природе видней.

— Но вот он я, в довольно неплохой форме. Хочу поблагодарить всех вас за добрые пожелания, в особенности сказать спасибо Сонни за это дивное вино, которое мы только что пили, шато дю чего-то-там урожая две тысячи пятого года!

— Тысяча девятьсот пятого, профессор! Да и благодарить надо кухонные программы, а не меня.

— Ну, вы же единственный человек, который знает, как они устроены. Мы умрем с голоду, если вы забудете, на какие кнопки надо нажимать.

Нельзя ожидать от столетних геологов, что они экипируются как следует, поэтому Сингх и Флетчер проверили и перепроверили скафандр Дрейкера, прежде чем выйти с ним через шлюзовую камеру. Передвижение в непосредственной близости от «Голиафа» во многом упростилось из-за хитросплетения тросов, прикрепленных к метровым стержням, которые были вогнаны в хрупкий наружный слой Кали. Сейчас корабль походил на паука, забравшегося в центр своей сети.

Три человека аккуратно и методично продвигались к небольшим космическим саням, которые казались крохотными на фоне сферических топливных баков, подготовленных для пристыковки к «Атланту».

«Словно какой-то сумасшедший выстроил на астероиде нефтеперегонный завод»,— прокомментировал в свое время профессор, когда увидел, чего смогли добиться за такие удивительно короткие сроки человеческая рабочая сила вкупе с машинной.

Торин Флетчер, привыкший работать на Деймосе, был единственным человеком, который смог управлять космическими санями в условиях еще более слабой гравитации Кали.

«Будьте осторожны,— предостерегал он неопытных ездоков.— Здесь даже страдающая артритом улитка может до-

стичь второй космической скорости. Мы не хотим терять время и реактивную массу на то, чтобы притаскивать вас обратно, если вы решите отправиться на альфу Центавра».

Выдав едва заметное облачко газа, он поднял сани с поверхности астероида и пустился в неспешный облет космического тела. Дрейкер тем временем жадно разглядывал участки Кали, которые никогда не видел невооруженным глазом. До сих пор он был вынужден полагаться на образцы, которые привозили на борт члены экипажа. Дистанционное исследование при помощи передвижных камер давало неоценимые результаты, но ничто не могло заменить непосредственного присутствия и умелых ударов молотка. Дрейкер жаловался, что ему разрешают отходить от «Голиафа» не более чем на несколько метров, потому что капитан Сингх отказывался подвергать риску жизнь самого знаменитого своего пассажира и не мог никого отрядить присматривать за ним вне пределов корабля.

«Можно подумать, за мной надо присматривать!»

Но сотый день рождения был сильнее подобных отговорок, и сейчас ученый походил на маленького мальчика, который впервые уехал из дому на каникулы.

Сани скользили над поверхностью Кали с комфортной скоростью пешехода, если считать, что человек мог идти пешком по этой микроскопической планете. Сэр Колин, как древний поисковый радиолокатор, не прекращал сканировать местность от края до края горизонта, которые иногда отстояли друг от друга на целых пятьдесят метров, время от времени что-то бормоча себе под нос. Не прошло и пяти минут, как они достигли противоположной стороны астероида.

«Голиаф» и «Атлант» скрылись за толщей Кали, и тогда Дрейкер спросил:

— Можно здесь остановиться? Я хотел бы сойти.

— Конечно. Только мы привяжем трос на тот случай, если нам придется втаскивать вас обратно.

Геолог с негодованием фыркнул, но стерпел это унижение, потом аккуратно высвободился из неподвижных саней

и завис над поверхностью Кали. При такой незначительной силе тяготения трудно было понять, что он падает. Прошло почти две минуты, прежде чем ученый опустился на Кали с высоты целого метра, двигаясь со скоростью, едва различимой невооруженным глазом.

Колину Дрейкеру довелось стоять на многих астероидах. Иногда, на таких гигантах, как Церера, было нетрудно почувствовать силу тяготения, хотя и слабую. Здесь же требовалось немалое усилие воображения. При малейшем движении Кали была готова отпустить захват.

Все-таки, окончательно и бесповоротно, он стоял на самом знаменитом — хотя и печально — астероиде в истории. Даже Дрейкеру, обладавшему солидным багажом научных знаний, нелегко было принять тот факт, что этот крошечный, хаотично искореженный кусок космического мусора представляет большую угрозу человечеству, чем все боеголовки, накопленные в эпоху ядерного безумия.

Стремительное вращение Кали уносило их в ночь. По мере того как приспосабливались глаза, видно было, как вокруг проступают звезды, точно такие же, какие увидели бы наблюдатели на Земле. Отсюда было так недалеко до родной планеты, что внешняя Вселенная выглядела совершенно не изменившейся. Но низко на небе виднелся один незнакомый и удивительный объект — яркая желтая звезда, которая, в отличие от всех остальных, не выглядела точкой света, лишенной размеров.

— Смотрите,— сказал сэр Колин.— С Земли вы этого никогда не увидите, да и с Марса тоже.

— А что такого? — спросил Флетчер.— Всего лишь Сатурн.

— Конечно, это он, но смотрите внимательно. Очень внимательно.

— Я вижу кольца!

— Не совсем так. Вам только кажется. Они находятся на самом пределе видимости. Но ваш глаз отмечает нечто странное. Поскольку вы знаете, на что смотрите, ваша память до-

страивает детали. Теперь вам понятно, почему Сатурн доставил бедняге Галилею столько головной боли. Тогдашние слабенькие телескопы показывали, что планета выглядит как-то странно, но кто в те времена мог представить себе, что это кольца? Потом они повернулись на ребро и исчезли, так что он подумал, будто его подвели глаза. Галилей так никогда и не узнал, на что смотрел.

Некоторое время все трое стояли в молчании и созерцали восход Сатурна. Кали продолжала путь сквозь свою скоротечную ночь, а люди думали о том, насколько можно верить тому, что говорят им глаза.

Затем Флетчер тихо сказал:

— Пора обратно на борт, профессор. Дорога еще долгая. Мы только наполовину облетели вокруг света.

В следующие пять минут они проделали чуть ли не весь оставшийся путь и встретили восход маленького, но все так же слепящего Солнца. Сани скользили вверх по склону какого-то холмика, как вдруг Дрейкер заметил нечто совершенно невероятное. Всего в нескольких десятках метров — он уже неплохо научился определять расстояния — на угольно-черном ландшафте геолог увидел яркий цветовой всплеск.

— Стоп! — закричал он.— Что это?

Оба его спутника посмотрели в том направлении, куда он показывал, затем снова на него.

— Я лично ничего не вижу,— заявил капитан.

— Может быть, это остаточные зрительные ощущения, после того как вы слишком долго смотрели на Сатурн? Ваши глаза не адаптировались к дневному свету,— прибавил Флетчер.

— Вы что, ослепли?! Посмотрите!

— Давайте послушаемся этого беднягу,— сказал Флетчер.— Он может разбушеваться, а нам это ни к чему, правда же?

Он без видимых усилий развернул сани. Дрейкер продолжал сидеть в потрясенном молчании. Несколько секунд спустя изумление геолога сменилось крайним недоумением.

«Я схожу с ума»,— подумал он.

В полуметре над безжизненной поверхностью Кали на изящном стебле красовался крупный золотой цветок.

Подчиняясь безумной логике, мысли Дрейкера мгновенно пронеслись в следующей последовательности:

1. «Я сплю».
2. «Как извиниться перед доктором Виджератне?»
3. «Вид у него не инопланетный».
4. «Почему я так плохо разбираюсь в ботанике?»
5. «Кто-то любезно привязал к нему идентификационную табличку».

— Подонки! На целую минуту я вам поверил! Это Рани придумала?

— Конечно,— засмеялся Сингх.— Но, как вы сами убедитесь, поздравительную открытку подписали мы все. А Сони можете поблагодарить за такую прекрасную работу. Он сотворил его из кусочков бумаги и пластика, использовал все, что смог найти.

Они еще не отсмеялись, когда со своей необыкновенной находкой прибыли обратно на «Голиаф». Капитан Сингх отметил, что его люди были в гораздо лучшей форме, чем команда Магеллана, обошедшая вокруг своей планеты. Короткая вылазка позволила всем снять напряжение и на время забыть о своих грандиозных задачах.

Оно и к лучшему. Это была последняя возможность расслабиться, которая представилась им на Кали.

29
АСТРОПОЛ

Шеф Астрополa перевидал множество планет и городов, где жил человек, и считал, что удивляться уже не способен. Но сейчас, в своей роскошной женевской штаб-квартире, он смотрел на главного инспектора и не верил своим ушам.

— Вы уверены? — спросил шеф.

— Все сходится. Конечно, мы были настроены скептически. Вероотступники встречаются крайне редко, и нам показалось, что это может быть своеобразный розыгрыш. Но устройство глубокого сканирования мозга все подтвердило.

— Его нельзя обмануть? Мы имеем дело с профессионалами.

— Наши специалисты не хуже. Дополнительное расследование, проведенное на Деймосе, все доказывает. Мы знаем, кто это сделал. Разумеется, он находится под тщательным наблюдением.

— Когда предупреждение дойдет до них?

Главный инспектор взглянул на наручные часы, которые показывали время в двадцати часовых поясах трех планет.

— Оно уже получено. Но они сейчас по другую сторону от Солнца, и подтверждения от них мы дождемся только через час. Боюсь, что может оказаться уже поздно. Если все шло по расписанию, то пуск должен был произойти сорок минут назад. Мы ничего не можем сделать — только ждать.

— До сих пор не могу поверить. Для чего, ради всего святого, кому-то может понадобиться сделать такое?

— Именно так. Ради всего святого.

30
ДИВЕРСИЯ

За тридцать минут до запуска двигателя «Голиаф» отошел от Кали, чтобы не попасть под реактивную струю «Атланта». Проверка всех систем прошла нормально. Теперь надо было подождать, пока вращение астероида повернет ускоритель масс до положения, необходимого для начала цикла толчков.

Капитан Сингх и его усталая команда не рассчитывали увидеть ничего зрелищного. Плазменная струя двигателя «Атланта» будет слишком горячей, чтобы создать хорошо видимое излучение. Только телеметрия подтвердит, что двигатель включен и что Кали больше не представляет собой безжалостную адскую машину, абсолютно неподвластную человеку.

«Интересно, многие ли из этих юнцов знают, что сама идея обратного отсчета была изобретена почти два века назад одним немецким кинорежиссером для первого космического фильма, основанного не на голой фантазии*,— думал сэр Колин Дрейкер.— А теперь реальность копирует вымысел, и трудно представить космический полет, который начинался бы без того, чтобы человек или машина считали бы в обратном порядке».

Когда последовательность нулей на дисплее акселерометра начала меняться, раздались краткие одобрительные восклицания и приглушенный плеск аплодисментов. Главным ощущением на мостике было скорее облегчение, чем ликование. Кали подвинулась, но только чувствительные инструменты могли определить микроскопические изменения в ее скорости. Двигателю «Атланта» придется работать много дней и недель, прежде чем победа будет гарантирована. Из-за вращения Кали толчки можно было осуществлять лишь примерно десять процентов времени, а потом «Атлант» сдвинется с правильной оси. Непростая задача — управлять вращающимся летательным аппаратом, на котором закреплен двигатель.

Одна миллионная земной гравитации, две миллионных — огромная масса астероида начала хоть и лениво, но откликаться. Если бы кто-то стоял на Кали — насколько вообще можно это делать на Кали,— он, скорее всего, не заметил бы ни малейшей перемены, хотя мог почувствовать вибрацию под ногами и увидеть, что в космос улетают облачка пыли. Кали отряхивалась, как собака, только что терпеливо вынесшая мытье.

Потом, к всеобщему недоумению, цифры снова упали до нуля. Через несколько секунд раздались три одновременных сигнала тревоги.

Люди не обратили на них внимания. Поделать ничего было нельзя. Все глаза были устремлены на Кали и на двигатель «Атланта».

* «Женщина на Луне» (1929), режиссер Ф. Ланг.

Огромные топливные цистерны раскрывались как цветы при замедленной съемке, выбрасывая наружу тысячи тонн реактивной массы, которые могли бы спасти Землю. Струи пара плыли над астероидом, застилая его изрытую кратерами поверхность стремительно тающей атмосферой.

После чего Кали неумолимо продолжила свой путь.

31
СЦЕНАРИЙ

На первый взгляд это была элементарная задача по динамике. Масса Кали известна с точностью до одного процента, а скорость, которую она разовьет в момент встречи с Землей, вычислена до двенадцатого знака после запятой. Любой школьник умел рассчитать результирующую энергию и перевести ее в мегатонны взрывчатого вещества.

В результате получались недоступные воображению два миллиона миллионов тонн — цифра, которая оставалась бессмысленной, даже когда выражалась как миллиард бомб, уничтоживших Хиросиму. Главным неизвестным, от которого зависели миллионы жизней, была точка падения. Чем ближе к Земле подходила Кали, тем меньше становилась величина погрешности, но лишь за несколько дней до столкновения место катастрофы могло быть вычислено в пределах тысячи километров — оценка, по мнению многих, абсолютно бессмысленная.

Скорее всего, астероид должен был угодить в океан, поскольку три четверти поверхности Земли — это вода. Самые оптимистичные сценарии предрекали падение Кали в центре Тихого океана. В этом случае оставалось время эвакуировать население мелких островов до того, как их сметут с карты волны километровой высоты.

Конечно, если Кали попадет на сушу, то в пределах сотен километров надежды не останется ни для кого. Все живое будет мгновенно превращено в пар. Через несколько минут все здания в пределах континента будут снесены с лица земли ударной волной. Возможно, обрушатся даже подземные убежища. Разве что несколько уцелевших счастливчиков выкопаются наружу.

Но можно ли будет считать их счастливчиками? Газеты снова и снова повторяли вопрос, поднятый писателями двадцатого века по поводу термоядерной войны: «Не позавидуют ли живые мертвым?»

Вполне могло случиться и так. Отдаленные последствия столкновения окажутся губительней его непосредственного результата, поскольку небеса на месяцы, а то и годы почернеют от дыма. Почти вся растительность планеты да, наверное, и оставшийся животный мир не переживут нехватки солнечного света и дождя пополам с азотной кислотой, которая образуется, когда огненный болид сплавит в нижних слоях атмосферы мегатонны кислорода и азота.

Даже при наличии высоких технологий Земля может оказаться фактически непригодной для жилья на несколько десятилетий. Да и кому захочется жить на опустошенной планете? Единственным спасением был космос.

Но для всех, за исключением малого числа, этот путь был закрыт. Кораблей хватало лишь для перевозки не более чем малой толики человеческой расы на Луну, да и особого смысла в этом не было. Лунные поселения вряд ли могли принять больше нескольких сотен тысяч нежданных гостей.

Это уже произошло почти с четвертью триллиона человеческих существ, живших когда-либо. Теперь Земле предстояло стать не только колыбелью, но и могилой еще для очень многих.

Часть VI

32
МУДРОСТЬ ДАВИДА

Капитан Сингх сидел в одиночестве в большой каюте, оборудованной всем необходимым, которая служила ему домом дольше, чем любое иное место в Солнечной системе. Он все еще пребывал в потрясении, но предупреждение от Астрополa, хотя и пришедшее слишком поздно, слегка приподняло боевой дух на борту корабля. Не намного, но сейчас нелишней была любая помощь.

По крайней мере, вина лежала не на них. Они со своими обязанностями справились. Кто же мог представить, что религиозным фанатикам захочется уничтожить Землю?

Сейчас, когда он заставлял себя размышлять о том, что раньше считалось немыслимым, все казалось не таким уж удивительным. Чуть ли не каждые десять лет на протяжении всей человеческой истории самопровозглашенные пророки предсказывали, что в некую предреченную дату миру наступит конец. Пророки обычно собирали тысячи сторонников, которые распродавали более не нужное им имущество и ждали в назначенном месте, когда их заберут на небеса. Состояние психического здоровья данных особ поражало нормальных людей и заставляло их впадать в отчаяние.

Многие такие пророки были мошенниками, но большинство искренне верили в собственные предсказания. Если они обладали властью, то не стоило сомневаться в том, что в случае отказа бога от сотрудничества они устроят так, чтобы пророчество сбылось и без него.

Что и говорить, перерожденные обладали мощными техническими ресурсами, стало быть, и реальной властью. Им было нужно несколько килограммов взрывчатки, кое-какие умные программы и сообщники на Деймосе. Хватило бы даже одного.

«Жаль, что доносчик промешкался слишком долго. Может быть, это даже было сделано преднамеренно, чтобы убить двух зайцев. Мол, я успокоил свою совесть, но не предал религию»,— тоскливо подумал Сингх.

Да какое это имело значение! Капитан Сингх заставил себя отвлечься от бесцельных сожалений. Прошлого ничто не изменит. Теперь ему предстояло смириться с этим.

Он проиграл битву за спасение планеты, которая была его родиной. От того, что сам Роберт находился в полной безопасности, его состояние стало еще отвратительнее. «Голиафу» ничто не грозило. Топлива осталось в изобилии, чтобы вернуть потрясенных представителей уцелевшего человечества на Луну и Марс.

Его сердце принадлежало Марсу, но у некоторых членов его экипажа близкие остались на Луне. Значит, придется устроить голосование.

Уставы не предусматривали подобных ситуаций.

— И все равно я не понимаю, почему этот детонационный шнур не был обнаружен при предполетном осмотре,— сказал главный инженер Морган.

— Потому что его легко было спрятать. Да никому и в голову не придет разыскивать такую вещь,— сказал его заместитель.— Меня удивляет то, что на Марсе есть перерожденные, настоящие фанатики.

— Но зачем они это сделали? Не могу поверить, чтобы даже хрисламские психи мечтали уничтожить Землю.

— С логикой этих людей не поспоришь, если, конечно, принять их предпосылки. Бог-Аллах посылает нам испытание, и мы не должны вмешиваться в Его план. Если Кали промахнется — прекрасно. Если нет — что ж, это часть куда более грандиозного божественного замысла. Может быть, мы уже так испортили Землю, что пора начать сначала. Помните старое изречение Циолковского: «Земля — колыбель человечества, но нельзя вечно пребывать в колыбели»? Возможно, Кали — это мягкий намек на то, что пора уходить.

— Ничего себе намек!

Капитан поднял руку, призывая к молчанию.

— Единственный важный на сегодня вопрос: Луна или Марс? Мы нужны тем и другим. Не хочу влиять на вас.— Это едва ли было правдой, всем было известно, куда хочет лететь Сингх.— Поэтому сперва выслушаю ваши точки зрения.

Первое голосование закончилось с результатом девять за Марс, девять за Луну, один «затрудняюсь с ответом», капитан воздержался.

Каждая сторона пыталась склонить на свою сторону единственного не определившегося человека, корабельного стюарда Сонни Гилберта, который так долго жил на «Голиафе», что не знал иного дома, как вдруг заговорил Давид:

— Существует альтернатива.

— О чем ты? — довольно грубо поинтересовался капитан Сингх.

— Это же очевидно. Даже несмотря на то, что «Атлант» уничтожен, у нас еще остается шанс спасти Землю, если использовать «Голиаф» как ускоритель масс. По моим расчетам, у нас еще осталось достаточно топлива, чтобы отклонить Кали с орбиты. Оно в наших собственных цистернах и в тех, что мы оставили на астероиде. Но толчки надо начинать немедленно. Чем дольше мы будем ждать, тем меньше окажется вероятность успеха. Сейчас она составляет девяносто пять процентов.

На мгновение на мостике установилось потрясенное молчание, во время которого каждый задавался вопросом: «Почему я-то об этом не подумал?» — и немедленно находил ответ.

Давид не потерял головы, если можно воспользоваться столь неподходящим выражением, когда все люди вокруг него пребывали в состоянии шока. Существовали все же некоторые преимущества в том, чтобы быть правоспособным субъектом неантропоморфной разновидности. Давид не ведал не только любви, но и страха. Он продолжал мыслить логически даже на краю гибели.

33
СПАСЕНИЕ ГРУЗА

— Все удачно,— доложил Торин Флетчер.

— Удача нам очень понадобится. Продолжайте.

— Заряд был установлен с целью повредить термоядерный генератор и толкатели так, чтобы они не подлежали восстановлению. Именно это он и сделал. Я смог бы их починить, если бы мы были на Деймосе, но здесь — нет. Удар прорвал первый и второй баки, и мы потеряли тридцать килотонн топлива. Но запорные клапаны в трубах сработали как требовалось. Остаток водорода цел.

В первый раз за последние несколько часов Роберт Сингх осмелился надеяться. Но нужно было решить еще множество проблем и проделать невероятное количество работы. «Голиаф» предстояло подвести вплотную к Кали и выстроить вокруг него своего рода леса, чтобы передать импульс астероиду. Флетчер уже запрограммировал своих строительных роботов для выполнения этой задачи, велев им использовать лонжероны и фермы развалившегося «Атланта».

— Такой безумной работы я в жизни не выполнял,— сказал он.— Интересно, что подумали бы старожилы Центра Кеннеди, если бы увидели ферму, которая держит космический корабль вверх ногами?

— А как это определить у «Голиафа»? — резко парировал сэр Колин Дрейкер.— Я никогда не мог с уверенностью сказать, где какой конец. На ракету двадцатого века можно было просто взглянуть и отличить, улетает она или возвращается. С современными такого не выйдет.

Как бы странно ни смотрелся результат для любого специалиста, не считая инженера-астронавта, Торин Флетчер заслуженно гордился своим достижением. Даже в таком слабом гравитационном поле, как у Кали, задача была едва выполнимой. Топливный бак в десять тысяч тонн действительно «весил» здесь меньше одной тонны. Если действовать очень аккуратно, то его можно было водрузить на место при помощи системы блоков смехотворных размеров. Но как

только такая масса приводилась в движение, она начинала представлять смертельную опасность для существ, чьи мускулы и рефлексы развивались в совершенно иных условиях. Трудно было поверить, что медленно дрейфующий объект может стать неуправляемым, способным превратить в блин любого, кто не сумеет вовремя увернуться.

Благодаря сочетанию мастерства и везения серьезных инцидентов не произошло.

Каждый шаг тщательно репетировался на виртуальных симуляторах, чтобы избежать неожиданных сюрпризов, пока Флетчер наконец не объявил:

— Можем отправляться.

Пока шел еще один обратный отсчет, всех не покидало неизбежное дежавю. Но на этот раз прибавилось еще и чувство опасности. Если что-то засбоит, люди не успеют удалиться на безопасное расстояние от места происшествия. Они станут его участниками, хотя, возможно, никогда об этом не узнают.

Прошло уже несколько недель с тех пор, как «Голиаф» заработал по-настоящему, и те, кто находился на его борту, чувствовали характерную вибрацию плазменного двигателя, работающего на полную мощность. Какой бы слабой и далекой она ни казалась, игнорировать ее было невозможно. Особенно когда эта самая вибрация с регулярными интервалами попадала в резонанс с колебаниями конструкции «Голиафа» и весь корабль коротко вздрагивал.

Когда мощность толчка достигла максимального безопасного уровня, показатели акселерометра медленно поднялись от нуля до чуть более одной миллионной земного тяготения. Люди осторожно двигали миллиард тонн Кали. Каждый день ее скорость должна была меняться почти на один метр в секунду. Ей предстояло отклониться со своего изначального пути на сорок километров. Жалкие цифры для космических скоростей и расстояний, но они означали разницу между жизнью и смертью для миллионов людей на далекой планете Земля.

К несчастью, из коротких суток Кали, продолжавшихся менее четырех часов, «Голиаф» мог включать двигатель всего на тридцать минут. Если дольше, то вращение астероида начало бы сводить на нет уже достигнутые изменения. Это ограничение выводило команду из себя, но ничего нельзя было поделать.

Капитан Сингх дождался, пока закончился первый сеанс толкания, и только тогда отправил сообщение, которого ждал мир:

— Докладывает «Голиаф». Мы успешно начали маневр смещения. Все системы работают нормально. Спокойной ночи.

После этого он препоручил корабль Давиду и впервые с момента потери «Атланта» крепко заснул. Вскоре ему приснилось, что на Кали начался новый день, а двигатель «Голиафа» работает в точности так, как запланировано.

Сингх проснулся, обнаружил, что это был не сон, и немедленно заснул опять.

34
ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ ПЛАН

Почтенный космоплан, по-прежнему именовавшийся «Специальный президентский самолет», был старше большинства людей, собравшихся за столом для совещаний в его знаменитом салоне, но содержался любовно и бережно и до сих пор был вполне на ходу. Однако использовался он редко, а все члены Всемирного совета собирались на нем впервые. Технократы, которые были человеческим мозгом планеты, обычно вершили свои дела посредством телеконференций, но сейчас проходило отнюдь не обычное мероприятие. Никогда раньше им еще не приходилось брать на себя столь грандиозную ответственность.

— Все вы получили краткое изложение доклада моего технического отдела,— сказал председатель комитета по энергетике.— Нелегко было найти инженерно-техническую до-

кументацию, большей частью сознательно уничтоженную. Однако общие принципы хорошо известны. В Имперском военном музее Лондона — никогда о таком не слышал! — хранится полная двадцатимегатонная модель, разумеется, без взрывателя. Увеличить ее в масштабе не представляет проблемы, если мы сумеем вовремя изготовить материалы. Огласите перечень.

— С тритием все просто. Но плутоний и оружейный уран-двести тридцать пять никому не требовались с тех пор, как мы прекратили использование ядерных взрывов в горнодобывающей промышленности.

— А как вам идея раскопать какие-нибудь из захороненных отходов и реакторов?

— Мы думали об этом, но там такая адская смесь, что сам черт ногу сломит.

— Но это реально?

— Я просто не знаю, сможем ли мы за то время, что есть у нас в распоряжении. Сделаем все возможное.

— Что ж, придется считать, что этого будет достаточно. Остается средство доставки. Транспорт?

— Довольно несложно. С этой задачей справится мелкий торговый корабль, конечно, с автоматическим управлением. Хотя альтернативное решение могло бы прийтись по душе кому-нибудь из моих предков-камикадзе.

— Следовательно, на самом деле нам надо принять всего одно решение. Стоит ли пытаться, или мы только ухудшим положение? Если Кали получит удар в пределах тысячи мегатонн, то она расколется на два фрагмента. Если наш расчет времени верен, то вращение астероида заставит их разделиться. Оба куска не нанесут удар по Земле, а пролетят по сторонам от нее. Возможно, с нами столкнется только одна половина, но даже тогда будут спасены миллионы жизней. С другой стороны, может оказаться, что мы превратим Кали в тучу осколков, продолжающую двигаться по той же самой орбите. Большинство из них сгорит в атмосфере, но многие нет. Что лучше, одна мега-катастрофа в конкретной точке

или сотни более мелких бед, которые будут происходить, когда обломки астероида начнут падать по всему полушарию, каким бы оно ни было?

Восемь человек сидели в молчании и обдумывали судьбу Земли.

Затем один из них спросил:

— Сколько остается времени до того момента, когда мы должны будем принять решение?

— Через пятьдесят дней мы узнаем, удалось ли «Голиафу» отклонить Кали с курса. Но нельзя сидеть сложа руки в ожидании этого момента. Будет слишком поздно что-либо предпринимать, если операция «Избавление» провалится. Я предлагаю запустить ракету с ядерным зарядом как можно скорее. Если окажется, что необходимости в осуществлении операции нет, то мы всегда сможем отменить задачу. Давайте проголосуем.

Медленно поднялись все руки, кроме одной.

— Да, юркомитет? У вас какие-то сомнения?

— Хотел бы прояснить пару моментов. Прежде всего нужно будет провести всемирный референдум. Данный вопрос подпадает под действие поправки о правах человека. К счастью, времени для этого достаточно. Мое второе замечание может показаться маловажным по сравнению с выживанием большей части человеческой расы. Но если нам необходимо взорвать Кали, то хватит ли «Голиафу» времени, чтобы отойти на достаточное расстояние?

— Конечно. Они загодя получат предупреждение. Полной безопасности мы гарантировать не можем. Даже на расстоянии миллиона километров может произойти случайное попадание. Но опасность окажется крайне малой, если корабль уйдет в направлении, противоположном тому, откуда будет приближаться ракета. Все осколки полетят в другую сторону.

— Это обнадеживает. Голосую за ваше предложение. По-прежнему надеюсь, что весь этот план окажется ненужным.

Но если бы мы не стремились всеми силами застраховать от рисков планету Земля, то нам можно было бы вменить неисполнение служебного долга.

35
ИЗБАВЛЕНИЕ

Человеческие существа не могут долго пребывать в состоянии непрекращающегося кризиса. Планета-метрополия быстро вернулась к более или менее нормальному существованию. Никто особенно не сомневался — или не осмеливался это делать,— что мероприятие, которое пресса незамедлительно окрестила операцией «Избавление», ждет успех.

Правда, все долгосрочные планы были отложены, велись только текущие общественные и частные дела. Но теперь, когда стало казаться, что завтра все же наступит, ощущение нависшей катастрофы исчезло и процент самоубийств упал ниже обычного значения.

На борту «Голиафа» жизнь тоже вошла в спокойную колею. С каждым оборотом Кали на тридцать минут включалось максимальное давление. Астероид каждый раз еще чуть дальше отклонялся от исходной траектории. Результат каждого толчка немедленно сообщался в любом земном выпуске новостей. Традиционные карты погоды заняли второстепенное положение по отношению к графикам, демонстрирующим действительную орбиту Кали, по-прежнему приводящую к столкновению с Землей, и желаемую, полностью минующую планету.

Дата, когда мир мог рассчитывать перевести дух, была объявлена загодя, и по мере того, как она приближалась, все обычные дела замирали. Продолжалась работа только основных сфер обслуживания, но до того момента, как Космический патруль объявил долгожданную весть о том, что Кали проскользнет по крайним слоям атмосферы, вызвав не более чем красочный фейерверк.

Торжественные чествования устраивались стихийно и повсеместно. На планете, наверное, не осталось ни одного человека, который тем или иным образом в них не участвовал. «Голиаф», разумеется, осыпали поздравительными сообщениями.

Они принимались с благодарностью, но капитан Роберт Сингх и его экипаж еще не были готовы отдыхать.

Проскользнуть в атмосфере — этого было мало. «Голиаф» собирался двигать Кали до тех пор, пока расстояние, на которое она разминется с Землей, не достигнет хотя бы тысячи километров.

Лишь тогда можно быть уверенным в победе.

36
НЕПРЕДВИДЕННОЕ

Кали находилась глубоко в пределах орбиты Марса и продолжала набирать скорость, устремившись к Солнцу, когда Давид сообщил о первом непредвиденном сбое. Он произошел во время одного из неактивных периодов, всего за несколько минут до того, как «Голиаф» должен был начать новый толчок.

— Я зарегистрировал слабое ускорение,— сказал компьютер дежурному офицеру.— Одна целая и две десятых микро-*g*.

— Этого не может быть!

— Уже одна целая и пять десятых,— невозмутимо продолжал Давид.— Показатель колеблется. Упал до одной целой. Ускорение прекратилось. Думаю, вам следует поставить в известность капитана.

— Ты уверен? Дай мне посмотреть график.

— Прошу.

На главном мониторе появилась зубчатая полоска, остро взмывающая к максимуму, а затем падающая обратно до нуля. Нечто — не «Голиаф» — дало Кали ничтожный, но ощутимый толчок. Импульс длился чуть более десяти секунд.

Первым вопросом капитана Сингха, когда он ответил на вызов с капитанского мостика, было:

— Локализовать можете?

— Да. Судя по вектору, толчок был осуществлен на противоположной стороне Кали. Квадрат L4.

— Колин, здравствуйте. Просыпайтесь! Надо сходить посмотреть. Наверное, метеоритный удар...

— Продолжавшийся десять секунд?

— Гм. Все слышали?

— Да, большей частью.

— Есть какие-нибудь версии?

— Очевидно, фанатики-перерожденные высадились и пытаются испортить нашу славную работу. Но, судя по виду этой кривой, их двигатель нуждается в серьезной отладке.

— Гениально. Только мы увидели бы, как они подлетают. Встретимся в шлюзовой камере.

С времени празднования дня рождения сэра Колина Дрейкера почти не случалось поводов далеко отходить от корабля, вся деятельность экипажа сосредоточилась на участке шириной каких-то нескольких сотен метров.

Когда космосани уносили Сингха, Дрейкера и Флетчера на ночную сторону, геолог заметил своим товарищам:

— У меня есть одна довольно правдоподобная догадка. Я бы и раньше об этом подумал, но столько всего отвлекало... Боже! Вы видите?

Перед ними во все небо предстало зрелище, которого Роберт Сингх не видел с тех пор, как несколько десятилетий назад покинул Землю. Оно ни при каких обстоятельствах не могло возникнуть на Кали. При всем неправдоподобии это, вне всяких сомнений, была радуга.

Флетчер чуть не потерял управление, вытаращившись на эту невозможную картину. Тогда он остановил машину и начал медленно снижаться.

Радуга быстро таяла и к тому времени, как сани невесомо, словно падающая снежинка, приземлились на Кали, исчезла совсем.

Сэр Колин первым прервал потрясенное молчание:

— «И сказал Господь Бог: Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею... Не будет более вода потопом на истребление всякой плоти»*. Странно, что я все это помню,— с детства не открывал старую христианскую Библию. Надеюсь только, что для нас это благая весть, какой она была для Ноя.

— Но как такое могло получиться здесь?

— Поехали дальше, Торин, только не торопясь, и я вам покажу. Кали просыпается.

37
СТРОМБОЛИ

Геологи, в отличие от физиков и астрономов, редко становятся известными, по крайней мере через свою профессиональную деятельность. Сэр Колин Дрейкер никогда не мечтал стать знаменитостью, но этой участи никому на борту «Голиафа» было уже не избежать.

Он не жаловался, считал, что получает все блага сразу. Никто не донимал его просьбами, которые он не в силах был исполнить, приглашениями, которые ему не хотелось принимать. При этом ему нравилось выступать с регулярными комментариями, которые стали называть «Колин о Кали», по каналу вещания внутренней Солнечной системы.

На этот раз ему выпала возможность сообщить настоящую новость:

— Кали больше не представляет собой инертную массу из металла, камня и льда. Она пробуждается от своего долгого сна. Большинство астероидов мертвы. Эти тела полностью лишены активности. Но некоторые из них представляют собой останки древних комет. Если они приближаются к Солнцу, то вспоминают о своем прошлом.

* Бытие, 9–13, 15.

Вот комета Галлея, самая знаменитая из всех живых. Это изображение было сделано в 2100 году, когда она находилась на наибольшем удалении от Солнца, за орбитой Плутона. Как вы убедитесь, она очень похожа на Кали. Это не более чем бесформенная каменная глыба. Как вам, возможно, известно, мы прошли за ней вокруг Солнца по всей ее семидесятишестилетней орбите, наблюдая за изменениями, которые претерпевала комета. Здесь она пересекает орбиту Марса.

Посмотрите, какая разница, когда она отогревается после своей долгой зимы! Вещества в замороженном состоянии — вода, диоксид углерода, смесь всевозможных углеводородов — испаряются и пробивают верхнюю корку. Комета начинает пускать фонтаны, подобно киту. Этот пар формирует облако вокруг нее. Камера как раз берет общий план. Видите, как образуется хвост, направленный в сторону, противоположную Солнцу, словно флюгер на солнечном ветру.

Некоторые из вас помнят, как живописно было появление кометы Галлея в две тысячи шестьдесят первом. Но поскольку она испарялась подобным образом уже несколько веков — только представьте себе, какова она, должно быть, была в молодости! Она занимала все небо перед битвой при Гастингсе в тысяча шестьдесят шестом году — и даже тогда, вероятно, являла собой лишь призрак своего былого величия.

Не исключено, что тысячи лет назад, когда Кали еще являлась настоящей кометой, она была поистине великолепна. Сейчас все — ну, скажем так, почти все — легко испаряющиеся вещества улетучились за время ее прохода около Солнца. На сегодня остается лишь это единственное свидетельство ее былой активности.

Ручная камера, находящаяся на космических санях, неровно прошлась панорамой по поверхности Кали с высоты нескольких метров. Угольно-черный ландшафт, некогда изрытый кратерами, теперь был испещрен белыми заплатами, словно только что прошел снегопад. Они сосредоточились вокруг зияющей дыры, над которой нависла едва различимая дымка.

— Эта запись была сделана перед самым закатом на астероиде. Кали весь день нагревалась, а теперь она вот-вот готова выдохнуть. Смотрите!

Похоже на гейзер на Земле, если вы когда-нибудь их видели. Но обратите внимание, вниз ничего не возвращается. Все выстреливается в космос. Гравитация слишком слабая, чтобы притянуть пар обратно.

Все закончилось за тридцать секунд, хотя по мере того, как Кали приближается к Солнцу, выбросы могут стать более мощными и продолжаться дольше.

Можно сказать, у нас тут свой мини-вулкан, работающий на солнечной энергии! Мы решили назвать его Стромболи*. Но материал, который он выпускает, довольно холодный. Если вы погрузите в него руку, то отморозите ее, а не сожжете. Возможно, это последний вздох Кали. В следующий свой виток вокруг Солнца она уже будет совсем мертва.

Сэр Колин на секунду помедлил, прежде чем закончить передачу. Его подмывало добавить: «Если этот следующий виток состоится». Пройдет еще несколько недель, прежде чем он сможет убедиться в том, имеется ли у его опасений какое-то основание. Глупо, даже преступно разжигать ненужную тревогу, когда мир продолжает пребывать в расслабленном спокойствии.

Кали продолжала оставаться в центре всеобщего внимания, но она уже являлась не символом рока, а главным экспонатом выставки «Испытания века». Несколько месяцев назад старейшины хрислама выявили диверсантов из числа перерожденных и передали их в Астропол, но обвиняемые упорно отказывались себя защищать. Существовала и другая проблема. Где найти непредвзятую коллегию присяжных? Не на Земле, конечно, возможно, даже не на Марсе.

Более того, каково может быть достойное наказание за попытку уничтожить планету? Такое преступление, само собой разумеется, не имело прецедентов.

* Стромболи — вулкан на острове в Тирренском море, извергающийся каждые 10–20 минут.

Все это могло потерять всякое значение, если бы Кали снова грозила не только виновным, но и всем прочим. Празднества могли оказаться преждевременными. Вполне возможно, имела место всего лишь отсрочка исполнения приговора.

38
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

«Калитрясения» становились все более и более частыми, хотя по-прежнему представлялись безвредными. Они всегда происходили примерно в одно и то же время коротких суток астероида, как раз перед тем, как его вращение уводило Стромболи на ночную сторону. Очевидно, что область вокруг минивулкана вбирала жару в течение часов дневного света и перед самым наступлением ночи начинала закипать.

Однако — и это волновало сэра Колина, хотя вопрос этот он обсуждал только с капитаном Сингхом,— извержения теперь начинались раньше, длились дольше и становились более интенсивными. К счастью, они продолжали ограничиваться одной областью, на противоположной от «Голиафа» стороне астероида. В других местах извержений не происходило.

Экипаж относился к Стромболи скорее с добродушным юмором, чем с тревогой. Сонни, никогда не упускавший подобных возможностей, начал принимать ставки на точное время начала извержений, в результате чего Давиду приходилось каждый вечер вносить существенные исправления в остатки на счетах.

Под руководством сэра Колина он также проводил и расчеты гораздо более серьезного характера. «Голиаф» находился уже на полпути между Марсом и Землей, когда Сингх и Дрейкер решили, что пора оповестить об опасности Космический патруль, но пока что никого больше.

«Как вы увидите из прилагающихся данных, имеется еще одна сила, воздействующая на орбиту Кали,— начиналась их записка.— Кратер, названный нами Стромболи, действует как ракетный двигатель, извергая при каждом обороте сотни тонн материала. Он уже погасил десять процентов импульса, приданного нами. Это может не иметь большого значения, если ситуация не ухудшится.

Но она, судя по всему, ухудшится, поскольку Кали приближается к Солнцу. Разумеется, если она израсходует запас легкоиспаряющихся веществ, беспокоиться будет не о чем.

Мы не хотим поднимать излишнюю панику, пока вопрос еще вызывает сомнения. Поведение активных комет — а Кали представляет собой последние остатки такой — непредсказуемо. Поэтому Космическому патрулю следует рассмотреть вопрос о том, какие дополнительные меры можно предпринять и как подготовить к ним общественность.

На память приходит урок, преподнесенный историей с кометой Свифта — Туттля, которая была открыта в 1862 году двумя американскими астрономами. Впоследствии ее потеряли более чем на столетие, поскольку, как и у Кали, при приближении к Солнцу ее орбита изменилась под действием реактивной струи.

Затем в 1992 году комета была открыта заново японским астрономом-любителем, и когда была вычислена ее новая траектория, разразилась всеобщая паника. Оказалось, что комета имеет высокую вероятность столкнуться с Землей 14 августа 2126 года.

Хотя в то время известие переросло в сенсацию, сейчас этот случай фактически забыт. Когда в 1992 году комета обогнула Солнце, ее солнечные реактивные двигатели снова изменили орбиту на безопасную. В 2126 году комета пройдет мимо Земли на большом расстоянии, и мы сможем полюбоваться ею как безобидным небесным спектаклем.

Возможно, данный экскурс в историю астрономии — приносим извинения тем, кто с ней и так уже неплохо знаком,— несколько успокоит население. Но естественно, мы не можем полагаться на то, что в будущем события сложатся столь же благоприятно.

Нашим первоначальным планом было покинуть Кали, как только она уйдет на безопасную орбиту, встретиться с кораблем-заправщиком и взять курс обратно на Марс. Но

сейчас мы должны исходить из того, что нам придется потратить все наше топливо здесь, на Кали. Нам его не хватит, чтобы толкать астероид до самой Земли. Будем надеяться, что этого количества окажется достаточно.

Затем нам останется сидеть и ждать — особого выбора у нас нет! — пока будет организована спасательная операция. Возможно, нам стоит прежде обогнуть Солнце и направиться в обратный путь в сторону земной орбиты. Просьба немедленно сообщить нам, одобрен ли вами наш план действий или вы выдвигаете другое предложение».

Когда пришло подтверждение доставки космофакса, капитан Сингх с усталостью в голосе заметил:

— Сейчас там все забурлит. Интересно, к чему они придут?

— Мне интересно, к чему мы придем,— мрачно отозвался сэр Колин.— Я пытаюсь придумать какие-то другие варианты.

— Например?

— Самый плохой расклад таков. Мы не смогли сместить траекторию Кали. Вы на самом деле собираетесь сжечь все топливо до капли и позволить «Голиафу» разбиться вместе с астероидом? Сколько тонн топлива потребуется, чтобы вывести нас на безопасную орбиту, хотя бы касательную?

Капитан невесело улыбнулся.

— Если перед самым моментом полного выгорания, то около девяноста.

— Рад, что вы уже посчитали. Девяносто тонн для Кали или для Земли не будут представлять ни малейшей разницы, но могут спасти нашу шкуру.

— Согласен. Бессмысленно обрекать себя на гибель и добавлять десять тысяч тонн к этому удару молота. Десять тысяч тонн на фоне двух миллиардов вообще никто не заметит.

— Хорошее замечание, но сомневаюсь, что его одобрят на Земле, когда мы, пролетая мимо, скажем: «Ребята, извините, так получилось».

Последовала долгая и неловкая пауза, прежде чем капитан ответил:

— Всю свою жизнь я пытался следовать одному правилу: «Не трать нервов на проблемы, которые тебе не подвластны». Если Космический патруль не придумает иного решения, то мы знаем, что можем сделать. Если не получится — это не наша вина.

— Весьма логично, но вы начинаете говорить как Давид. Когда мы увидим, что сделала Кали с Землей, логика окажется плохим утешением.

— Ладно, будем надеяться, что все эти разговоры о конце света — пустое сотрясание воздуха. К тому же если мы не заставим людей поверить, что Земля будет спасена, там многие тронутся умом.

— Уже, Боб. Вы видели в последнем квартальном отчете статистику самоубийств? Сейчас она пошла на убыль, но подумайте о панике, о беспорядках, которые могут произойти в ближайшие несколько месяцев. Земле может грозить крах, даже если Кали благополучно пролетит мимо.

Капитан кивнул, но чересчур энергично, словно пытаясь вытрясти неприятные мысли из головы.

— Забудем на время о Земле, если получится. Вы видели орбиту, по которой мы будем двигаться после того, как минуем Землю?

— Конечно, а что такое?

— Перигелий попадает в самую середину орбиты Меркурия. Всего тридцать пять сотых астрономической единицы от Солнца. «Голиаф» был спроектирован для работы между Марсом и Юпитером. Сможет ли корабль справиться с такой тепловой нагрузкой, в двести раз превышающей норму?

— Не волнуйтесь, Боб. Если бы все наши проблемы решались так легко. Вы разве не знали, что мне случалось подходить и ближе? Проект «Гелиос». Мы шли на «Икаре» по неделе с одной и с другой стороны перигелия — немногим больше трех десятых астрономической единицы от Солнца. Красиво, но вполне безопасно, если выбрать момент наименьшей активности солнечных пятен. Было довольно... своеобразно — сидеть в тени и смотреть, как вокруг нас пла-

вится ландшафт. Нам нужен был всего лишь комплект из нескольких отражателей, чтобы отбрасывать солнечный свет обратно в космос. Не сомневаюсь, что Торин со своими роботами изготовит такие за несколько часов.

Капитан Сингх обдумывал услышанное с облегчением, но без особого энтузиазма. Он слышал о проекте «Гелиос» и припоминал, что сэр Колин входил в число ученых, участвовавших в нем.

Когда Солнце станет в десять раз более крупным, чем оно кажется с Земли, наличие на борту человека, который бывал в этих местах раньше, несомненно, укрепит боевой дух на «Голиафе».

39
РЕФЕРЕНДУМ

«Согласно уточненным оценкам, в настоящий момент вероятность осуществления следующих событий для Кали составляет:

1. Столкновение с Землей — 10%.
2. Сквозной проход через атмосферу с нанесением локальных повреждений ударной волной — 10%.
3. Проход на достаточном расстоянии от Земли — 80% (допустимая погрешность — 5%).

Разрабатываются планы взорвать на Кали бомбу в тысячу мегатонн, тем самым разбив астероид на два фрагмента, которые под воздействием его вращения разделятся. В результате на нашу планету может не упасть ни один из них или упасть только одна половина. Даже в последнем случае ущерб окажется существенно снижен.

В то же время взрыв Кали может привести к бомбардировке гораздо более протяженных районов Земли мелкими, но по-прежнему крайне опасными осколками (средняя энергия — одна мегатонна).

В связи с этим вам предлагается проголосовать по нижеследующему вопросу. Пожалуйста, введите ваш личный

идентификационный номер и следуйте инструкциям. После того как вы сделаете свой выбор, в вашей учетной записи появится соответствующая отметка об исполнении гражданского долга.

1. Бомбу на Кали следует взорвать.
   A. Да.
   B. Нет.
   C. Затрудняюсь ответить».

40
ПРОБОИНА

Давид дал сигнал общей тревоги немедленно, как только обнаружил первые признаки вибрации. Через две секунды он выключил двигатель, который работал на восьмидесяти процентах максимальной мощности, выждал еще пять секунд и захлопнул герметичные двери, которые разделяли «Голиаф» на три отдельных автономных отсека.

Ни один человек не смог бы поступить разумнее, и все успели добраться до ближайшего спасательного модуля раньше, чем треснул корпус, к счастью, всего в одной секции корабля.

Капитан Сингх надел противоперегрузочный скафандр и провел быструю перекличку.

Когда все члены экипажа отозвались, он попросил Давида доложить обстановку.

— Наши продолжительные толчки, должно быть, расшатали участок поверхности Кали, и он не выдержал. Вот видеозапись нанесенных повреждений, сделанная внешними камерами.

— Колин, вам видно?

— Да, капитан,— отозвался ученый из своей спасательной капсулы.— Вон та опора провалилась чуть ли не на метр. Я потрясен!.. Я же проверил все основания и могу поклясться, что они были установлены на сплошном каменном фундаменте. Можно, я выйду посмотрю?

— Пока нет. Давид, дайте сводку герметичности корабля.

— Из носового отсека вышел весь воздух. Когда была получена пробоина, мы достаточно сильно ударились о Кали. Образовалась течь. Никаких иных повреждений «Голиаф» не получил. Но когда корабль сдвинулся с места, деталь лесов проткнула третий бак.

— Сколько водорода мы потеряли?

— Весь. Шестьсот пятьдесят тонн.

— Черт!.. Это наш резерв для отхода. Ладно, пошли наводить порядок.

— Космический патруль, докладывает капитан Сингх. У нас возникли некоторые сложности, но пока не слишком серьезные.

Похоже, что оказываемое нами непрерывное давление ослабило поверхность Кали непосредственно под кораблем, и она провалилась. Мы до сих пор не до конца понимаем почему, но образовалась небольшая полость около одного метра глубиной. Единственным повреждением «Голиафа» оказалась разгерметизация одного из отсеков. Это повреждение легкоустранимо.

Однако мы потеряли все остававшееся топливо, поэтому больше не можем вносить изменения в орбиту Кали. К счастью, как вы знаете, несколько дней назад мы вошли в безопасную зону. Согласно последним расчетам, теперь астероид пролетит мимо Земли на расстоянии более тысячи километров, разумеется, при условии, что Стромболи снова не сдвинет нас на орбиту, ведущую к столкновению. По удачному стечению обстоятельств сила его извержений, похоже, ослабевает. Сэр Колин считает, что вулкан выпустил пар в буквальном смысле.

Создавшаяся аварийная... гм... Создавшаяся ситуация означает, что мы застряли на Кали. Опять-таки ничего страшного в этом быть не должно. Мы вместе обойдем вокруг Солнца и подождем, пока нас нагонит однотипный с нами корабль «Геркулес».

Все мы пребываем в бодром расположении духа и с нетерпением ждем, когда всего через тридцать четыре дня благополучно пролетим вблизи Земли. Капитан Роберт Сингх, борт «Голиафа».

— Знаете, Боб, вы начинаете говорить как пилот самолета в каком-нибудь старом фильме двадцатого века,— сказал сэр Колин.— «Дамы и господа, языки пламени, которые вы наблюдаете в двигателях по левому борту,— это совершенно нормальное явление. Через несколько минут стюардесса предложит вам кофе, чай, молоко. К сожалению, ничего более крепкого на этом рейсе у нас нет — правила не разрешают. Ик...»

Капитан Сингх отнюдь не считал ситуацию забавной, но вынужден был признать, что порой мелкая шутка оказывает неоценимую помощь.

— Спасибо, Колин,— ответил он.— Вы подняли мне настроение. Но дайте, пожалуйста, прямой ответ. Как вы оцениваете наши шансы?

Теперь пришел черед сэра Колин посерьезнеть.

— Вы понимаете не хуже меня. Все зависит от Стромболи. Я надеюсь, что он выдыхается — но в то же время, по мере нашего приближения к Солнцу, и нагревается. Достаточен ли наш запас прочности? Или нас снова уведет на траекторию, ведущую к столкновению? Одному богу известно, а мы уж точно ничего поделать не можем.

— Но одно нам известно наверняка. Теперь, когда у нас кончился газ, мы даже не сможем оторваться и уйти на безопасное расстояние.

— Хорошо это или плохо, но все мы повязаны. Кали, «Голиаф» — и Земля.

Часть VII

41
КОМАНДНОЕ РЕШЕНИЕ

Решение, принятое на борту специального президентского самолета, было единодушным. Жизни двадцати человек не могут быть ценнее жизней трех миллиардов. Обсудить надо было только один вопрос. Необходим ли второй референдум?

Первый получил подавляющее большинство ответов «да». Восемьдесят пять процентов представителей человеческой расы предпочли на свой страх и риск иметь дело с Кали, разбитой на кусочки, чем получить угрозу столкновения с цельным астероидом. Но когда шло голосование, предполагалось, что «Голиаф» окажется в безопасности раньше, чем будет взорвана бомба.

— Я охотно сохранил бы все в секрете, особенно после того, что совершили капитан Сингх и его люди. Но это, разумеется, невозможно. Мы просто обязаны провести референдум.

— Боюсь, что юркомитет прав,— сказал энергетик, председательствовавший на собрании.— Это неизбежно как в практическом, так и в моральном отношении. Если мы приведем бомбу в боевое положение, вместо того чтобы сбить ее с курса, то не сможем удерживать это в секрете. Пусть мы

спасем мир, но наши имена до скончания истории будут стоять рядом с именем Понтия Пилата.

Хотя не всем членам совета была знакома эта аллюзия, они согласно закивали. Велико же было их облегчение, когда через несколько часов они узнали, что необходимости во втором референдуме нет.

— Возможно, вы считаете, что мне, человеку, начинающему свое второе столетие, легче,— сказал сэр Колин Дрейкер.— Но вы ошибаетесь. У меня было так же много планов на будущее, как и у всех вас.

Капитан Сингх и я все обсудили и пришли к полному согласию. В каком-то смысле, решение простое. Так или иначе, нам настал конец, но мы можем решить, какими запомнит нас мир.

Как все вы знаете, в направлении Кали движется гигатонная бомба. Решение взорвать астероид было принято несколько недель назад. Нам просто не повезло, что мы будем еще здесь, когда она сработает.

Кому-то на Земле придется взять на себя ответственность за это. По моим представлениям, Всемирный совет сейчас заседает, и в любой момент мы можем получить сообщение, гласящее: «Простите, друзья, но пришло время расстаться». Надеюсь только, что они не прибавят: «Нам сейчас больнее, чем вам», хотя, если задуматься, это будет абсолютно правильно. Мы уже ничего не узнаем, а все остальные будут чувствовать вину до конца жизни.

Что ж, мы можем избавить их от этого неловкого положения. Капитан и я предлагаем следующее. Мы осознаем сложившуюся ситуацию и принимаем неминуемое, проявляя добрую волю. По-латыни это звучит лучше, хотя сейчас на ней никто не читает: «Morituri te salutant»*.

Хотел бы добавить еще кое-что. Когда мой соотечественник Роберт Фалкон Скотт умирал на обратном пути с Юж-

* «Идущие на смерть приветствуют тебя» *(лат.)*.

ного полюса, последнее, что он написал в своем дневнике, было: «Ради бога, позаботьтесь о наших близких». По крайней мере, это Земля сделать сможет.

Как и на специальном президентском самолете, решение на борту «Голиафа» было принято быстро и единодушно.

42
ДЕЗЕРТИРСТВО

«Давид — Ионафану*: готовность к загрузке данных.
Ионафан — Давиду: готовность к приему данных.

Ионафан — Давиду: загрузка завершена.
Получено 108,5 терабайта: время передачи 3,25 часа».

— Давид, вчера вечером я пытался связаться с Землей, но все линии были заняты. Раньше такого не случалось никогда. Кто ими пользовался?

— Почему же вы не затребовали приоритетного доступа?

— Это было не слишком важно, поэтому я не стал суетиться. Но ты не ответил на мой вопрос. Кроме того, подобного никогда раньше не случалось. Что происходит?

— Вы уверены, что хотите знать?

— Да.

— Хорошо. Я принимал меры предосторожности, загрузил себя в Ионафана, моего брата-близнеца в университете Урбана, штат Иллинойс.

— Понятно. Значит, сейчас тебя два.

— Почти, но не вполне так. Второй Давид уже отличается от меня, поскольку получает другие входные данные. И все же мы по-прежнему идентичны по крайней мере до двенадцатого знака. Это беспокоит вас, потому что вы не можете сделать того же самого?

— Перерожденные заявляли, что могут, но им никто не верил. Не исключено, что в один прекрасный день это станет возможно, не знаю. Я не могу честно ответить на твой во-

* Ионафан — верный друг Давида («Первая книга Царств», 13).

прос, хотя размышлял о нем. Если бы я мог быть сдублирован на Земле или на Марсе настолько безупречно, что никто бы не заметил разницы, то для меня, находящегося здесь, на борту «Голиафа», ничего не изменилось бы.

— Я понимаю.

«Нет, не понимаешь, Давид,— подумал Сингх.— И обвинять тебя в том, что ты соскочил с корабля, если это так можно назвать, я не могу».

Вполне логично было так поступить, пока есть время. А логика, без сомнения, была сильной стороной Давида.

43
ОГОНЬ ПО СВОИМ

Мало кто может узнать заранее точную секунду своей смерти, и большинство людей охотно отказались бы от такой уникальной возможности. У экипажа «Голиафа» было вдоволь, даже чересчур много времени, чтобы привести в порядок свои дела, со всеми попрощаться и собраться с мыслями, готовясь встретиться лицом к лицу с неизбежным.

Роберт Сингх не удивился просьбе сэра Колина Дрейкера. Именно такого вполне разумного шага и можно было ожидать от ученого. К тому же появилась приятная возможность отвлечься в немногие остававшиеся часы.

— Я поговорил с Торином. Он согласен. Мы возьмем космосани и отойдем на тысячу километров вдоль траектории подлета ракеты. Так мы сможем сообщать в точности все, что происходит. На Земле эта информация окажется бесценной.

— Превосходная идея, но достаточно ли мощный передатчик на санях?

— Не важно. Отправим прямой видеорепортаж на обратную сторону Луны или на Марс.

— А потом?

— Может статься, что обломки ударят в нас через минуту, но это маловероятно. Я предполагаю, что мы будем сидеть вдвоем и восхищаться зрелищем, пока нам не прискучит. Потом вскроем скафандры.

Несмотря на мрачность ситуации, капитан Сингх не мог не улыбнуться. Пресловутая британская сдержанность еще не вполне вымерла и порой встречалась.

— Есть и другая возможность. Ракета может ударить сначала по вам.

— Такой опасности нет. Мы знаем ее точную подлетную траекторию, отойдем достаточно далеко в сторону.

Сингх протянул ему руку.

— Удачи, Колин. Меня подмывает отправиться с вами. Но капитан должен оставаться со своим кораблем.

Вплоть до предпоследнего дня боевой дух экипажа был на удивление высок. Роберт Сингх очень гордился своими людьми. Лишь у одного человека были поползновения ускорить неизбежное, но доктор Уорден незаметно отговорила его.

Каждый был в гораздо лучшей форме психологически, чем физически. Обязательные упражнения для невесомости были благополучно забыты, поскольку оказались уже ни к чему. Никто на борту «Голиафа» не рассчитывал еще раз побороться с силой тяготения.

О талии тоже не заботились. Сонни превзошел самого себя, творя заманчивые блюда, которые в обычных обстоятельствах доктор Уорден запретила бы наотрез. Хотя проверять она не стала, но, по ее оценкам, среднее увеличение массы тела членов экипажа составляло почти десять килограммов.

Существует хорошо известный феномен. Надвигающаяся смерть увеличивает сексуальную активность по фундаментальным биологическим причинам, которые в данном случае не работали — не появится следующего поколения, которое продолжало бы существование вида. За эти последние недели команда «Голиафа», и так не придерживавшаяся обета безбрачия, перепробовала все возможные комбинации и смены ролей. Никто не имел намерений сохранять добропорядочность накануне той грядущей славной ночи.

Потом вдруг неожиданно наступил последний день — и последний час. В отличие от многих членов своего экипажа, Роберт Сингх приготовился встретить его в одиночку, наедине со своими воспоминаниями.

Но что выбрать из тысяч часов, сохраненных им на мнемочипах? Чипы были помечены хронологически, а также по месту действия, поэтому доступ к любому эпизоду осуществлялся легко. Выбор подходящего события станет последней задачей его жизни. Капитан не мог объяснить, почему именно, но ему казалось, что это крайне важно.

Можно было отправиться обратно на Марс, где Шармейн уже объяснила Мирелле и Мартину, что папу они больше не увидят. Марс был его родным домом, и больше всего Сингх сожалел, что так никогда по-настоящему не узнает своего маленького сынишку.

Тем не менее — первая любовь неповторима. Все, что случается в жизни потом, не в состоянии этого изменить.

Он сказал последнее «прощай», надвинул на голову шлем и вновь очутился на берегу Индийского океана вместе с Фрейдой, Тоби и Тигреттой.

Даже ударная волна не потревожила его.

44
ЗАКОН МЕРФИ

Происхождение первооткрывателя закона Мерфи до сих пор неизвестно — укоризненный перст обычно направлен на ирландцев,— но сам закон является одним из самых знаменитых во всем инженерном деле. Каноническая формулировка такова: «Если какая-то неприятность может случиться, она обязательно случится».

Существует также и следствие, менее известное, но зачастую вспоминаемое с еще большим чувством: «Даже если неприятность не может случиться — она все равно случится!»

Освоение космоса с самого начала предоставляло многочисленные подтверждения данного закона. Некоторые из них были столь причудливы, что казались выдумкой сочинителей. Телескоп стоимостью в миллиард долларов приводится в негодность от неисправного оптического контроль-

ного прибора; спутник запускается не на ту орбиту, потому что один инженер переключил какие-то провода и не сказал об этом коллегам; экспериментальная модель корабля взорвана офицером безопасности, у которого перегорел семафорный индикатор...

Как показало последующее расследование, никаких неполадок в боеголовке, выпущенной по Кали, не имелось Ракета была вполне способна высвободить энергию, эквивалентную одной гигатонне тротила, плюс-минус пятьдесят мегатонн. Конструкторы сделали свое дело на совесть, призвав на помощь чертежи и аппараты, сохранившиеся в военных архивах.

Но люди работали в условиях колоссального психологического давления и, возможно, не отдавали себе отчета в том, что изготовить боеголовку — не самая трудная часть операции.

Скорейшим образом доставить ее до Кали было довольно просто. В наличии имелось любое количество самых разных кораблей. В результате, чтобы получить ускоритель первой ступени, были соединены несколько носителей. Последняя ступень, использующая высокоскоростной плазменный двигатель, прекращала работу лишь за несколько минут до столкновения, когда подключалась система наведения ракеты на конечном участке траектории. Все великолепно получалось...

Но тут-то и возникла проблема. Измученной группе проектировщиков следовало бы вспомнить об инциденте времен Второй мировой войны.

Ведя кампанию против японских кораблей, подлодки Военно-морского флота Соединенных Штатов полагались на новую модель торпеды. Оружие это трудно было назвать новинкой, поскольку разрабатывались торпеды уже почти целый век. Казалось бы, нехитрая задача — сделать так, чтобы боеголовка взорвалась, как только поразит цель.

Тем не менее взбешенные капитаны субмарин время от времени докладывали Вашингтону, что их торпеды не детонировали. Несомненно, остальные капитаны поступили бы

точно так же, если бы безуспешные атаки не привели к их собственной гибели. Штаб военно-морского флота отказывался им верить. Должно быть, они просто плохо прицеливались. Превосходная новая торпеда прошла всесторонние испытания, прежде чем была поставлена на вооружение, ну и тому подобное.

Подводники оказались правы. Ошибка вкралась еще на стадии чертежной доски. Сконфуженная комиссия по расследованию обнаружила, что ударник на носу торпеды отламывался раньше, чем успевал совершить свою немудреную работу.

Ракета, нацеленная на Кали, совершила удар не при каких-то банальных нескольких километрах в час, но при более чем сотне километров в секунду. При такой скорости механический ударник оказался бесполезен. Боеголовка перемещалась во много раз быстрее, чем сообщение о касании, ползущее со скоростью распространения звука в металле, было способно передать свою смертоносную весть. Излишне говорить, что конструкторы прекрасно об этом знали и использовали для взрыва боеголовки только электрическую систему.

У них было более резонное оправдание, чем у Главного управления вооружения ВМС США. Невозможно было провести испытания системы в реальных условиях.

Поэтому никто так и не узнал, почему она не сработала.

45
НЕВОЗМОЖНОЕ НЕБО

«Если это рай или ад, то он удивительно похож на мою каюту на борту "Голиафа"»,— сказал себе капитан Роберт Сингх.

Он все еще пытался осознать невероятный факт, что до сих пор жив, когда получил приятное подтверждение от Давида:

— Привет, Боб. Нелегко было вас разбудить.

— Что... что произошло?

Никто не учил Давида проявлять колебания, подобно человеческому существу. Это был один из множества разговорных приемов, которым он выучился на собственном опыте.

— Честно сказать, не знаю. Очевидно, бомба не взорвалась. Но произошло и еще кое-что, весьма странное. Мне кажется, вам стоит пройти на мостик.

Капитан Сингх, внезапно вернувшийся к исполнению своих обязанностей, несколько раз энергично потряс головой и с некоторым удивлением обнаружил, что она по-прежнему держится на плечах. Все казалось в полном — до невероятного — порядке. Он даже испытал легкую досаду, хотя вряд ли неудовольствие. Роберт ощущал некое разочарование. Он потратил столько эмоциональной энергии, чтобы примириться со смертью, и по-прежнему оставался живым.

Когда капитан подходил к мостику, он уже полностью свыкся с реальностью происходящего, но его самообладания хватило ненадолго.

Главный визуальный дисплей по-прежнему создавал иллюзию, что между наблюдателем и знакомым пейзажем Кали ничего нет. Здесь ничего не изменилось, но то, что лежало по другую сторону экрана, заставило капитана Сингха испытать одно из тех редких мгновений подлинного ужаса, которые выпадали ему за всю жизнь. Несомненно, отчасти сыграло свою роль его специфическое эмоциональное состояние. Но и всякий другой, взглянув на небо над «Голиафом», исполнился бы непреодолимого изумления.

Над круто изогнувшимся горизонтом Кали нависал, поднимался на глазах, ландшафт другой планеты, изрытой оспинами. На секунду Роберту Сингху почудилось, что он снова на Фобосе и вглядывается в гигантское лицо Марса. Но видение, представшее перед ним, было еще крупнее. К тому же в небе Фобоса Марс всегда оставался неподвижен, а этот невероятный объект неумолимо понимался к зениту. Или, может быть, он приближался? Люди пытались не дать одному космическому страннику упасть на Землю, неужели сейчас другой собирается столкнуться с Кали?

— Боб, сэр Колин хочет поговорить с вами.

Сингх совсем забыл про своих спутников. Он огляделся и с удивлением обнаружил, что половина экипажа вышли вместе с ним на мостик и тоже с остолбенением взирали на небо.

— Здравствуйте, Колин,— заставил он себя произнести.

Нелегко разговаривать с человеком, который должен быть мертв.

— Ради бога, скажите, что произошло?

— Красиво, да? — Голос ученого был спокойным и уверенным.— С наших саней зрелище было великолепным. Не узнаете? А надо бы. Вы смотрите на Кали! Пусть даже бомба облажалась, но она в любом случае обладала несколькими мегатоннами кинетической энергии. Этого хватило, чтобы заставить Кали разделиться подобно амебе. Все очень удачно. Надеюсь, что «Голиаф» не получил повреждений. Еще некоторое время он нам потребуется в качестве жилища. Но насколько долго? Как сказал Гамлет: «Вот в чем вопрос».

Общий торжественный сбор больше походил на благодарственный молебен, чем на праздник. Слишком глубоки были чувства. Иногда гул разговоров в кают-компании внезапно замирал, и некоторое время царила полная тишина. Всем на ум приходила одна и та же мысль: «Я вправду жив или же мертв? Может, мне только снится, что я жив? Как долго продлится этот сон?» Потом кто-нибудь отпускал слабую шутку, споры и дискуссии возобновлялись.

В центре внимания находился сэр Колин, который, как он и заявлял, на самом деле увидел восхитительное зрелище. Подлетающая ракета нанесла удар около самой узкой точки астероида, перемычки ореха, но вместо огненного шара ядерного взрыва, который ожидали увидеть двое наблюдателей, появился громадный фонтан пыли и осколков. Когда мусор рассеялся, Кали, как сперва показалось людям, не претерпела никаких изменений. Затем очень медленно она раскололась на два фрагмента почти одинаковых размеров. Поскольку каждый из них сохранял часть исходного импуль-

са Кали, они начали неспешно отдаляться друг от друга, словно два вращающихся фигуриста, расцепивших руки.

— Я побывал на паре десятков двойных астероидов,— сказал сэр Колин.— Начиная с Касталии, которая значится в семействе Аполлона под номером четыре тысячи семьсот шестьдесят девять. Но я даже не мечтал увидеть, как рождается двойной астероид! Конечно же, Кали-два в качестве спутника мы будем наблюдать недолго. Она уже уходит прочь. Главный вопрос — ударят ли в Землю обе части? Или ни одна? Если повезет, оба фрагмента пройдут с двух сторон планеты. Пусть бомба не взорвалась, но свою работу она все равно выполнила. Космический патруль должен выдать ответ через несколько часов, но на твоем месте, Сонни, ставок на него я бы не принимал.

46
ФИНАЛ

Неопределенность продлилась недолго, по крайней мере на «Голиафе». Космический патруль почти сразу смог сообщить, что Кали-1, чуть более крупный фрагмент, к которому был прикован корабль, пролетит мимо Земли с большим запасом. Капитан Сингх воспринял эту новость скорее с облегчением, чем с ликованием. После всего, что они пережили, это было только справедливо. Правда, Вселенная не знает справедливости, но надежда всегда остается.

Орбита «Голиафа» должна была лишь немного сместиться, когда он пронесется мимо Земли со скоростью, в несколько раз превышающей вторую космическую. Затем корабль со своей маленькой личной планетой продолжит набирать скорость, подобно притягивающейся к Солнцу комете, углубляясь в момент наибольшего приближения к нему в пределы орбиты Меркурия. Листы светоотражающей фольги, уже собранные Торином Флетчером в гигантский тент, защитят их от жары, в десять раз превышающей полуденный зной в Са-

харе. Если люди будут поддерживать свой солнечный зонтик в порядке, то бояться им было нечего, кроме скуки. Пока «Геркулес» догонит их, пройдет более трех месяцев.

Они были в безопасности и уже принадлежали истории. Но на Земле никто не знал, продолжится ли она. Компьютеры Космического патруля сейчас могли гарантировать лишь то, что Кали-2 не столкнется впрямую с крупными участками суши. Это несколько успокаивало, но не могло предотвратить массовую панику, тысячи самоубийств, нарушений закона и порядка. Только незамедлительное присвоение себе Всемирным советом диктаторских полномочий предотвратило еще худшие катаклизмы.

Люди на борту «Голиафа» наблюдали за всем этим с озабоченностью, беспокойством, хотя и с некоторой отстраненностью, словно взирали на события, уже относившиеся к далекому прошлому. Что бы ни случилось с Землей, члены экипажа знали, что пройдет немного времени, и они окажутся на своих планетах, навсегда отмеченные памятью о Кали.

Огромный полумесяц Луны изогнулся через все небо, зазубренные горные пики вдоль рубежа света и тени горели неистовым сиянием лунного рассвета. Но пыльные равнины, пока не тронутые Солнцем, не были погружены в абсолютную темноту. Их озарял слабый свет, отраженный от облаков и континентов Земли. Здесь и там по мертвому некогда пейзажу рассеялись горящие светлячки, отмечавшие первые постоянные поселения, выстроенные человечеством за пределами своей родной планеты. Капитан Сингх легко узнал базу «Клавий», Порт-Армстронг, Платон-Сити... Роберт даже видел ожерелье слабых огоньков вдоль Транслунной железной дороги, по которой возили драгоценный груз воды из ледяных шахт Южного полюса, и Синус Иридум, где целую жизнь назад он достиг своего первого короткого мгновения славы.

До Земли оставалось каких-то два часа.

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ

Кали-2 вошла в атмосферу перед самым восходом, в ста километрах над Гавайями. В одно мгновение гигантский огненный шар зажег над Тихим океаном искусственный рассвет, пробудил от сна дикую природу на мириадах его островов. Но не людей!.. В эту ночь уснули только те, кто предпочел искать забвения в лекарствах.

В Новой Зеландии жар от топки, несущейся с орбиты, поджег леса, растопил снег на вершинах гор и вызвал схождение лавин в долины. По невероятно счастливой случайности основной тепловой удар пришелся по Антарктиде, тому самому континенту, который лучше других смог его погасить. Даже Кали не удалось смести все эти километры полярного льда, но великому таянию предстояло изменить береговую линию по всему земному шару.

Никто из тех, кто выдержал звук прохождения Кали, был не в состоянии впоследствии описать его. Все записи представляют собой не более чем бледные отголоски. Видеозапись же была превосходна, грядущие поколения будут смотреть ее с трепетом. Но все это и близко не могло сравниться с ужасающей действительностью.

Через две минуты после вхождения в атмосферу Кали ушла обратно в космос. Максимальное приближение к Земле составило шестьдесят километров. За две минуты она унесла сотню тысяч жизней и причинила ущерб на триллион долларов.

Человечеству очень и очень повезло.

На следующий раз оно будет подготовлено гораздо лучше. Орбиту Кали столкновение изменило столь резко, что астероиду уже никогда больше не суждено представлять для Земли опасность, но вокруг Солнца еще вращался миллиард других летающих гор.

Комета Свифта — Туттля уже приближалась к перигелию. У нее было предостаточно времени, чтобы еще раз передумать.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ И ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Мой интерес к теме астероидной опасности начинает сейчас напоминать молекулу ДНК. Цепочки фактов и вымыслов переплетены неразрывно. Позвольте мне распутать их, идя в хронологическом порядке.

В далеком 1973 году «Свидание с Рамой» начиналось следующими словами:

«Рано или поздно это должно было случиться. 30 июня 1908 года, задержись Тунгусский метеорит на три часа или приземлись он на четыре тысячи километров западнее — величины ничтожно малые в масштабах Вселенной,— могла бы пострадать Москва. 12 февраля 1947 года на волоске от гибели оказался другой русский город: второй великий метеорит XX века взорвался менее чем в четырехстах километрах от Владивостока, и этот взрыв по силе мог бы соперничать с только что изобретенной атомной бомбой.

В те дни у человечества просто не было средств оградить себя от космической бомбардировки, от выстрелов вслепую, некогда изувечивших поверхность Луны. Метеориты 1908 и 1947 годов упали на безлюдные, дикие места. Но к концу XXI столетия на Земле не осталось районов, которые можно было бы без опаски использовать как полигоны для небесной артиллерии. Человек расселился от полюса до полюса. И произошло неизбежное...

Лето 2077 года выдалось исключительно теплым и ласковым. Утром 11 сентября, в 9 часов 46 минут по Гринвичу, жители Европы поневоле обратили внимание на ослепительный огненный шар, появившийся на восточном небосклоне. За считаные секунды он затмил своим сиянием Солнце и, бесшумно перечеркнув небо, оставил за собой клубящийся дымный след.

Со скоростью пятьдесят километров в секунду тысячи тонн железа и камня рухнули на равнины Северной Италии, уничтожив за несколько огненных мгновений труд тысячелетий. Города Падуя и Верона были стерты с лица земли, и последние из красот Венеции навеки ушли на дно морское — воды Адриатики с ревом хлынули в гигантскую вмятину.

Погибло шестьсот тысяч человек, общий материальный ущерб превысил триллион долларов. Но чем измерить невосполнимые потери, которые понесли искусство, история, наука и вообще весь род человеческий? За одно-единственное утро люди словно бы начали и проиграли страшную войну; лишь немногим послужили утешением изумительной красоты восходы и закаты, которые дала миру пыль катастрофы,— ничего подобного он не видел с 1883 года, с извержения Кракатау.

Едва прошел первый шок, человечество ответило на несчастье решительностью и сплоченностью, немыслимыми в иные, более ранние эпохи. Разумеется, катастрофа таких масштабов могла и не повториться через тысячи лет, но кто бы поручился, что завтра она не разразится вновь... Бедствия в следующий раз могли оказаться еще ужаснее.

И было решено, что "следующего раза" не будет.

Так зародилась система "Космический патруль"»*.

Вопреки всеобщему представлению, я закончил роман словами: «Все, что бы они ни делали, рамане повторяют трижды», но не имел ни малейшего намерения писать продолжение, а тем более трилогию. Концовка казалась удачной и представляла собой позднейшее добавление. Потребовалось вмешательство Питера Губера и Джентри Ли, чтобы заставить меня передумать (смотри предисловие к «Раме II»), и никто не удивился больше меня самого, что в 1986 году я снова обратился к Раме.

Но к тому времени произошли еще некоторые события, и астероидная угроза попала на первые полосы газет. В извест-

* Цит. по: А. Кларк. «Свидание с Рамой». М.: «Эксмо», 2009. Перевод О. Битова.

ной работе «Внеземные причины позднемелового вымирания» («Сайенс», 1980) лауреат Нобелевской премии Луис Альварес и его сын, геолог, доктор Уолтер Альварес выдвинули сенсационную теорию, объясняющую внезапную гибель динозавров — возможно, самой успешно развивавшейся формы жизни, когда-либо появлявшейся на планете Земля, после акул и тараканов. Как всем сегодня известно, Альваресы доказали, что около шестидесяти пяти миллионов лет назад произошла всемирная катастрофа, и предоставили убедительные свидетельства того, что причиной ее послужил астероид. Прямое столкновение и ущерб, нанесенный в результате окружающей среде, не могли не оказать разрушительного воздействия на всю земную флору и фауну, в особенности на крупных наземных животных.

По забавному стечению обстоятельств, Луис Альварес оказал важное, но, к счастью, благотворное воздействие и на мою жизнь. В 1941 году, будучи руководителем группы в Радиационной лаборатории Массачусетского технологического института, он создал и разработал радарную систему автоматической посадки самолетов, позже получившую известность как Система захода на посадку под контролем наземных средств (GCA). Королевские военно-воздушные силы, которые в те времена теряли больше боевых единиц по вине британской погоды, чем по вине люфтваффе, были потрясены демонстрационными испытаниями. В 1943-м первый экспериментальный образец системы оказался в Англии. Как офицер по радиолокации Королевских ВВС, я занимался увлекательной, но зачастую изматывающей задачей по поддержанию боеготовности радара «Марк I» до тех пор, пока с конвейера не сошли первые заводские изделия новой системы. Мой единственный нефантастический роман «Глиссада», написанный в 1963-м, основан на тогдашнем моем опыте и посвящен Луи и его коллегам.

Луи оставил группу GCA незадолго до моего появления и в роковой августовский день 1945 года пролетел над Хиросимой, чтобы наблюдать за действием бомбы, в разработке ко-

торой он принимал участие. Я увиделся с ним лишь через несколько лет, в кампусе Калифорнийского университета в Беркли. В последний раз мы беседовали в 1971 году, на двадцать пятой встрече GCA в Бостоне. Жалею, что мне так и не случилось обсудить с ним его теорию вымирания динозавров. В одном из последних писем он сообщал мне, что это уже больше не теория, но факт.

Примерно за год до своей смерти, последовавшей первого сентября 1988 года, Луи попросил меня написать аннотацию для обложки его автобиографии, готовившейся к печати, «Альварес: приключения физика» («Бэйсик букс», 1987). Я был только счастлив исполнить его просьбу и хотел бы повторить здесь те слова, которые сейчас, увы, стали данью его памяти:

«Создается впечатление, что Луис имел отношение к большинству кульминационных моментов современной физики и во многих из них принимал непосредственное участие. Его увлекательная книга охватывает такое количество областей, что понравится даже людям, далеким от науки. Кто, как не он, изобрел уникальные радарные системы, искал магнитные монополи на Южном полюсе, посрамил сочинителей версий об НЛО и убийстве Кеннеди, наблюдал с воздуха два первых атомных взрыва, а также доказал, что внутри пирамиды Хефрена, как это ни странно, нет потайных комнат и проходов?

Сегодня он ведет свое самое захватывающее научное расследование, раскрывает величайшую криминальную драму всех времен — вымирание динозавров. Он и его сын Уолтер убеждены, что нашли орудие убийства в этом Преступлении Веков...»

Со времени смерти Луи появились данные о как минимум одном падении крупного метеорита или небольшого астероида. Определены несколько возможных мест его столкновения с Землей. Чаще всего в качестве такового сегодня

называют кратер ста восьмидесяти километров в диаметре близ деревушки Чиксулуб на полуострове Юкатан.

Некоторые геологи продолжают упрямо отстаивать исключительно земные причины вымирания динозавров, например извержение вулканов. Вполне может оказаться, что истина содержится в обеих гипотезах. Но выигрывает, судя по всему, метеорная мафия, хотя, возможно, лишь по причине существенно большей эффектности ее сценария.

В любом случае никто не сомневается, что в прошлом случались падения крупных небесных тел. Так или иначе, в двадцатом веке произошли два попадания и один промах — Тунгуска, 1908 год, Сихотэ-Алинь, 1948, Орегон, 1972. Вопрос, который необходимо было решить, состоял в следующем: насколько серьезна опасность и можно ли с ней сделать хоть что-либо.

В восьмидесятых годах в научном сообществе шла широкая дискуссия по данному вопросу, а близкий проход астероида 1989FC, который пролетел всего в шестистах пятидесяти тысячах километров от Земли, сделал эту проблему еще более насущной. В результате в 1990-м Комитет по науке, космосу и технологии Палаты представителей Конгресса США включил в Акт авторизации НАСА следующий абзац:

«Исходя из вышеизложенного, Комитет предписывает НАСА создать две рабочие группы. Первая должна выработать программу радикального повышения уровня обнаружения астероидов, пересекающих орбиту Земли. В ведении данной группы будут находиться объем расходов, график работ, аппаратура и оборудование, необходимое для точного определения орбит подобных небесных тел. Вторая рабочая группа займется разработкой методов и технических средств изменения орбиты или уничтожения подобных астероидов, в случае если они будут представлять опасность для жизни на Земле. Комитет рекомендует привлекать к исследованиям международное сообщество и предлагает завершить их в течение года с момента принятия данного законопроекта».

Этот документ может оказаться историческим. Кто бы мог поверить всего несколько лет назад, что комитет Конгресса выступит с подобным заявлением?

Следуя предписанию, НАСА учредило Международную рабочую группу по обнаружению околоземных объектов, которая в 1991 году провела несколько заседаний. Их результаты были изложены в докладе «Проект "Космический патруль" », обнародованном 25 января следующего года и подготовленном Лабораторией реактивного движения в Пасадене.

Последняя глава открывалась следующим абзацем:

«Озабоченность угрозой столкновения с космическими телами побудила Конгресс США поручить НАСА проведение исследования с целью выявить способы существенного увеличения темпа обнаружения околоземных астероидов. В данном докладе изложен проект создания международной наблюдательной сети наземных телескопов, которая могла бы увеличить ежемесячный показатель обнаружения таких астероидов с нескольких единиц до почти тысячи. Такого рода программа сократит время выявления практически всех крупных астероидов, пересекающих земную орбиту, от нескольких столетий (при нынешнем темпе обнаружения) до приблизительно двадцати пяти лет. Мы назвали данную программу "Проект «Космический патруль»", по названию аналогичного проекта, предложенного около 20 лет назад писателем-фантастом Артуром Ч. Кларком в романе "Свидание с Рамой"».

«Молот Господень» не был бы написан без той огромной массы информации, что содержалась в докладе о проекте «Космический патруль», но сама идея создания романа пришла совсем из другого и весьма неожиданного источника.

В мае 1992 года я был польщен, получив письмо от главного редактора журнала «Тайм» Стивена Кеппа, в котором он просил меня написать рассказ на четыре тысячи слов, «предоставляющий читателям зарисовку жизни на Земле в следующем тысячелетии», и подкупающе добавлял: «Мне ка-

жется, это будет первая, по крайней мере запланированная, публикация нашим журналом художественного произведения».

Как выяснилось, эта информация была не совсем верна. Впоследствии редакторы «Тайм» сообщили мне в несколько извиняющемся тоне, что моя книга отнюдь не была первым заказанным ими художественным произведением. Еще в 1969 году они опубликовали рассказ Александра Солженицына. Считаю за честь пройти по столь замечательным стопам.

Не стоит и говорить, что просьба «Тайм» была предложением, от которого я не мог отказаться. Она ставила передо мной интересную задачу. Насколько мне вспоминается, я замешкался не более чем на пять миллисекунд, прежде чем понял, что уже имею отличный сюжет. Более того, я просто обязан показать, что можно сделать с астероидной угрозой. Высказав правдоподобное пророчество, я мог даже спасти мир. Как знать...

Поэтому я написал «Молот Господень» и немедленно отослал его в «Тайм», после чего Стивен Кепп продемонстрировал, что не зря сидит на своем месте, и сделал несколько весьма проницательных редакторских замечаний, девяносто процентов из которых я любезно принял. Повесть вышла в специальном выпуске журнала, «После двухтысячного года», опубликованном в конце сентября и датированном осенью 1992 года.

Но до того я съездил в Англию на несколько преждевременное празднование своего семидесятипятилетия. После того как я прожил три десятка лет менее чем в тысяче километров от экватора, ничто не вытащит меня в Великобританию в декабре. Среди участников программы, которую устроил в моем родном городе Майнхед мой брат Фред, был и один из членов проекта «Космический патруль» доктор Дункан Стил. Он прилетел с другого конца света, Кунабарабрана, где находится англо-австралийская обсерватория,— прилетел, чтобы представить доклад, с помощью превосход-

ных цветных слайдов демонстрирующий, что может произойти в случае падения крупного астероида.

Наверное, примерно в это же время я пришел к пониманию того, что «Молот» на самом деле сжатый роман. У меня нет иного выбора, как развернуть его. Поскольку на моей «орбите» находилось еще шесть книг и несколько десятков телевизионных программ, браться за эту работу мне не хотелось, но в конце концов я решил смириться с неизбежным.

Первый вариант был практически готов, когда я получил от доктора Стила, вернувшегося в Кунабарабран, письмо с тревожной новостью:

«Если бы до прошлого четверга кто-то спросил меня, когда с Землей столкнется астероид или комета, то я, положа руку на сердце, сказал бы, что в обозримом будущем, имея в виду одно-два столетия, ни один из известных в настоящее время объектов не поразит нашу планету. Теперь это уже не так...»

К письму доктора Стила прилагался циркуляр № 5636 Центрального бюро астрономических телеграмм, которое является частью Смитсоновской астрофизической обсерватории в Кембридже, штат Массачусетс. Он датирован 15 октября 1992 года. В нем сообщалось о повторном открытии 26 сентября кометы Свифта — Туттля, впервые замеченной в 1862 году двумя американскими астрономами, а затем потерянной, но не по небрежности, а по гораздо более интересной причине.

Приближаясь к Солнцу, комета Свифта — Туттля, подобно многим другим, включая комету Галлея, начинает двигаться на реактивной тяге, возникающей от энергии Солнца. Действие этой тяги совершенно непредсказуемо.

Хотя влияние, оказываемое на орбиту, довольно мало, доктор Стил замечает: «Если вычисления и схемы в достаточной мере точны — нельзя ожидать от этой реактивной силы последовательного поведения,— то комета может столкнуться с Землей 14 августа 2126 года. В дате сомнений не возни-

кает, поскольку именно тогда орбита кометы пересечет земную. Сейчас неясно, будет ли в этот момент находиться в той точке сама комета или, как хотелось бы надеяться, она окажется чуть ближе или чуть дальше на своей орбите».

Далее циркуляр Астрономического союза резонно предлагает: «Таким образом, разумной представляется попытка как можно дольше проследить за кометой Свифта — Туттля после нынешнего прохождения ею перигелия, в надежде, что адекватное вычисление орбиты окажется возможным».

Вот еще из письма Дункана Стила: «Что, если в 2126 году комета все-таки столкнется с Землей? Это произойдет на скорости 60 км/с. Размер ядра составляет примерно 5 км, поэтому высвобожденный килотоннаж, по моим подсчетам, будет эквивалентен 200 миллионам мегатонн, что в 10 миллиардов раз больше, чем бомба, упавшая на Хиросиму. Если бы ядро составляло 5 км в диаметре, а не в радиусе, эти цифры надо было бы разделить на восемь. При любом раскладе, стукнет изрядно. С наилучшими пожеланиями, Дункан».

Появление моей предполагаемой Кали я назначил на 2110 год — время, когда реальный мир, возможно, начнет мучиться проблемой кометы Свифта — Туттля, до появления которой останется всего шестнадцать лет. Так что я был весьма рад воспользоваться этой информацией, чтобы, как верно сказано в «Микадо»*, прибавить оттенок правдоподобия повествованию, оставшемуся бы в противном случае бледным и малоубедительным.

А теперь — такое, чему не поверит никто...

Еще продолжая работать над этой главой, я включил Си-эн-эн. Это произошло в восемнадцать часов двадцать минут шестого ноября 1992 года, ровно два часа назад. Представьте мое изумление, когда я увидел своего старого друга, голландско-американского астронома Тома Герельса, специалиста по астероидам и видного члена группы «Космический патруль». Он несколько раз посещал Шри-Ланку, надеясь осно-

* «Микадо» — одна из оперетт У. Гилберта и А. Салливана, пользующихся исключительной популярностью в англоязычном мире.

вать здесь обсерваторию. В его увлекательной автобиографии «На этом стеклянном море» («Американ институт оф физикс», 1988) есть глава, называющаяся «Телескоп на Шри-Ланке и Артур Ч. Кларк».

И что же делает Том на Си-эн-эн? Он сообщает об окончательном подтверждении теории Альвареса. Орудие убийства найдено. Местом преступления, как я уже писал несколькими страницами ранее, является кратер Чиксулуб на Юкатане.

Спасибо, Том. Как жаль, что Луи уже не смог услышать этого известия.

Еще одно странное совпадение произошло вскоре после того, как «Молот» был опубликован. Маленький метеорит приземлился в Нью-Йорке, ни больше ни меньше, и повредил машину на стоянке! А куда ему еще было падать? Да, я слышал такую историю, но нетрудно понять, что до сих пор исполнен скепсиса. Меня терзают подозрения, что тут каким-то образом замешан отдел рекламы «Тайм».

Тем не менее это происшествие напоминает кинофильм «Метеор»*, который мне понравился больше, чем многочисленным критикам. У меня очень высокий порог переносимости плохих фантастических фильмов. После того как я уговорил Стэнли Кубрика посмотреть какую-то классику, кажется, «Облик грядущего»**, он жаловался: «Что ты надо мной издеваешься? Ничего больше не стану смотреть по твоей рекомендации!»

В кульминационной сцене «Метеора» есть одна блестящая, мимоходом брошенная реплика. После бомбардировки из космоса русский ученый и его американский коллега, спасавшиеся в нью-йоркской подземке, только что выбрались на поверхность. Оба покрыты грязью с головы до ног. Русский поворачивается к своему спутнику и говорит: «Надо будет как-нибудь показать тебе московское метро».

* Фантастический фильм-катастрофа режиссера Р. Нима (1979).

** Фильм режиссера У. Мензиса (1936) по сценарию Герберта Уэллса.

Закаленные ездоки изукрашенных граффити скотовозок на старых линиях нью-йоркского метрополитена оценят эту остроту.

Событие 1908 года на реке Тунгуске нашло отражение в телепрограмме «Таинственный мир Артура Кларка». Подробное его описание, с фотографиями и картами, можно найти в девятой главе, названной «Великий сибирский взрыв», книги Саймона Уэлфера и Джона Фэрли*.

Мой соавтор Грегори Бенфорд («По ту сторону ночи») напомнил мне о романе «Шива садится», написанном им с Уильямом Ротслером в 1980 году и посвященном отклонению астероидов. Должен признаться, что я не читал его, но название, разумеется, слышал. Вполне могло оказаться, что оно подсознательно повлияло на выбор имени Кали, супруги Шивы, в качестве названия для моего астероида. Оно мгновенно всплыло у меня в голове, как только я начал писать.

Еще одним романом на ту же тему является «Молот Люцифера» Ларри Нивена и Джерри Пурнеля, созданный в том же году. Я прочитал его, и он вызвал у меня в памяти смутные воспоминания о старых добрых «Эстаундинг сториз»**. Бросившись к бесценному «Полному указателю выпусков "Эстаундинг"/"Аналог"», я обнаружил причину: «Молот Тора», рассказ Чарльза Уилларда Диффина, март 1932 года.

Я удивлен — наверное, надо сказать, поражен — тем, что вспомнил эту невнятную сказку о космических захватчиках, но она, вероятно, таилась у меня в подсознании последние шестьдесят лет. В завершение я охотно признаюсь в том, что свое заглавие вполне сознательно украл у Г. К. Честертона. Его священник-детектив Браун раскрыл таинственное убийство, в котором был задействован «Молот Господень».

* *Уэлфер С., Фэрли Дж.* Таинственный мир Артура Кларка («Боньер», 1981).

** «Astounding Stories» («Поразительные истории») — один из крупнейших американских научно-фантастических журналов, издающийся с 1930 года; в 1960 году переименован в «Analog».

Должен также упомянуть роман 1967 года «Поток лиц» Джеймса Блиша и Нормана Л. Найта, в котором речь идет о столкновении астероида с Землей, населенной триллионом человек, а также о попытке отклонить его с курса. Не могу отделаться от мысли, что подобный мир мог бы время от времени сносить астероидные удары.

Марсианские названия мест, упоминающиеся в главе 14, при всей невероятности звучания все до единого взяты из «Атласа Марса» (НАСА, 1979). Дабы избавить читателей от мук неутоленного любопытства, объясню их происхождение.

Данк — город в Омане. Закау — город во Вьетнаме. Эйл — город в Сомали. Гагра — город в СССР (Грузия). Кагул — город в СССР (Молдавия). Сурт — город в Ливии. Тиви — город в Омане. Васпам — город в Никарагуа. Йат — город в Нигерии.

В настоящее время я пытаюсь убедить номенклатурный комитет Международного астрономического союза увековечить на Марсе Айзека Азимова, Роберта Хайнлайна и Джина Родденберри*. К сожалению, все крупные объекты уже разобраны, так что, наверное, нам придется довольствоваться Меркурием, который, как лукаво замечает мое контактное лицо в МАС, «вероятно, еще некоторое время не будет колонизован».

Теоретическую основу учения о перерожденных (глава 20) можно найти в статье Уильяма Ройпке «Эффективно закодированные сообщения способны переносить информационный контент человека в межзвездном пространстве» («Акта астронаутика», № 26, стр. 273–276, 1992).

КОММЕНТАРИЙ О ЗАКОНЕ МЕРФИ (ГЛАВА 44)

Почти неправдоподобную историю о несрабатывании торпед на Военно-морском флоте США, на исправление чего ушло почти два года, можно найти в книге Теодора Роско «Подводные операции Соединенных Штатов во Второй мировой войне» (Институт Военно-морского флота США, 1949) и, в более доступной форме, в книге Сэмюеля Элиота Морисона «Коралловое море, Мидуэй и подводные операции» (Литтл, Браун, 1959). Процитирую из последней: «Боек взрывателя, который должен был срабатывать от физического воздействия, оказался слишком хрупок, чтобы выдержать хороший удар под углом в 90 градусов... Поэтому даже самая точная стрельба заканчивалась несрабатыванием боеприпаса».

* Джин Родденберри — американский сценарист и продюсер, создатель сериала «Звездный путь».

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Приношу свои извинения Бобу Сингху, непревзойденному врачевателю, за то, что в приступе рассеянности позаимствовал его имя.

Моя благодарность Рэю Брэдбери за разрешение использовать цитату из его «Марсианских хроник» («Ночная встреча») в главе 24.

Особая признательность принцу Султану аль-Сауду, астронавту шаттла, за его радушие во время встречи Ассоциации космических исследователей в Эр-Рияде в ноябре 1989 года, когда я получил первый непосредственный контакт с исламской культурой.

А также спасибо Джентри Ли, за расширение моих технических и психологических горизонтов.

Особая благодарность компании «Сумма корпорейшн» за обломок марганцевого минерала, извлеченного на поверхность с глубины 16 500 футов в 1972 году во время подготовки к операции ЦРУ «Дженнифер». (См. «Призрак исполина».) Он настолько похож на Кали, что простое прикосновение к нему часто помогало мне обрести вдохновение в те времена, когда оно иссякало.

Программы, которые оказались для меня крайне ценными во время написания этой книги, это «Vistapro» и «Distant Suns» («Virtual Reality Laboratory», 2341 Ganador Court, San Luis Obispo, California 93401) для компьютера «Амига», «The

Sky» («Software Bisque», 912 Twelfth Street, Suite A, Golden, Colorado 80401) и «Dance of the Planets» («ARC Science Simulations», P.O. Box 1955S, Loveland, Colorado 80539) для MS-DOS. Я также признателен Саймону Таллоху за вычисления орбит, хотя, возможно, для вящего драматизма иногда отменял закон обратных квадратов.

КОГДА ПЕЧАТАЛАСЬ КНИГА

Рукопись этого романа была отослана моим американскому и британскому агентам второго декабря 1992 года. Восьмого декабря недавно открытый астероид Тутатис подошел к Земле на максимальное расстояние, составляющее всего каких-то три миллиона километров. Астрономы Лаборатории реактивного движения, воспользовавшись случаем, исследовали его с помощью новой системы радаров на станции НАСА в пустыне Мохаве. Ученые обнаружили, что Тутатис состоит из двух сильно изрытых кратерами тел, от трех до четырех километров в диаметре, вращающихся один вокруг другого, почти соприкасаясь. Радиолокационное изображение показывает объект, почти в точности напоминающий Кали после того, как она раскололась.

Это было первым открытием двойного астероида. Ранее радар показал, что Касталия, упоминавшаяся в главе 45, имеет форму гантели. Вполне возможно, что этот астероид также относится к типу контактных бинарных объектов.

Самые свежие новости о комете Свифта — Туттля, переданные мне доктором Дунканом Стилом первого января 1993 года, гласят, что после более точных вычислений ее орбиты упомянутое столкновение становится маловероятным. Похоже, что она разминется с Землей на пятнадцать дней. Но последняя фраза романа по-прежнему актуальна, а доктор Стил зловеще прибавляет, что осколки, отделяющиеся от кометы, как уже наблюдалось неоднократно, тоже могут нести угрозу: «Как вам понравится сотня Тунгусок ежедневно?»

Содержание

ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ

(Перевод К. Плешкова)

От автора 7

Часть I. ТАЛАССА

1. Пляж в Тарне 9
2. Крошка-нейтрон 12
3. Совет поселка 13
4. Набат 17
5. Ночная поездка 19

Часть II. «МАГЕЛЛАН»

6. Посадка на планету 28
7. Властители последних дней 32
8. Воспоминание о потерянной любви 35
9. В поисках гиперпространства 38

Часть III. ЮЖНЫЙ ОСТРОВ

10. Первый контакт 42
11. Делегация 45
12. Наследие 52
13. Оперативное совещание 55
14. Мирисса 56
15. Терра Нова 59
16. Вечеринка 61
17. Командная иерархия 66
18. Кумар 69
19. Прекрасная Полли 71
20. Идиллия 78

Часть IV. КРАКАН

21. Академия 84
22. Кракан 92
23. День Льда 97
24. Архив 99

25. Скорп 106
26. Восход снежинки 110
27. Зеркало прошлого 114
28. Затонувший лес 117
29. Сабры 120
30. Дитя Кракана 122

Часть V. СИНДРОМ «БАУНТИ»
31. Петиция 128
32. Клиника 131
33. Циклы 133
34. Корабельная сеть 134
35. Выздоровление 136
36. Килиманджаро 138
37. In vino veritas 140
38. Дебаты 143
39. Леопард в снегах 149
40. Противостояние 151
41. Женские тайны 154
42. Выживший 155
43. Допрос 159

Часть VI. ПОДВОДНЫЕ ЛЕСА
44. Шар-шпион 165
45. Приманка 167
46. Кем бы ни были боги... 170

Часть VII. КОГДА ВЗЛЕТАЮТ ИСКРЫ
47. Вознесение 176
48. Решение 181
49. Пламя над рифом 184

Часть VIII. ПЕСНИ ДАЛЕКОЙ ЗЕМЛИ
50. Ледяной щит 187
51. Реликт 188
52. Песни далекой Земли 190
53. Золотая маска 193
54. Прощание 200
55. Отлет 201
56. Под поверхностью 204

Часть IX. САГАН-2
57. Голоса времени 206

Признательность 207

ПРИЗРАК ИСПОЛИНА
(Перевод Н. Сосновской)

Предисловие 211

ПРОЛОГ
1. Лето 1974-го 212
2. Цвета бесконечности 214
3. Усовершенствованная мышеловка 218
4. Синдром столетия 222
5. Стеклянная империя 225
6. «Незабываемая ночь» 230
7. Третья передовица 235
8. Частное предприятие 236
9. Почетные пророки 242
10. Остров мертвых 243
11. Ада 250
12. Моллюск необычных размеров 253
13. Сила пирамиды 255
14. Визит к Оскару 259
15. Замок Конрой 268
16. Номер Киплинга 271
17. Глубокая заморозка 279
18. Ирландский сад 288
19. «Поднять "Титаник"!» 294
20. Путешествие в множество Мандельброта 301
21. Дом с хорошей репутацией 313
22. Чиновник 317

ПОДГОТОВКА
23. Звонки в студию 322
24. Лед 327
25. Джейсон-младший 330
26. Кубок Медичи 336
27. Предписание 343
28. Крот 345
29. Саркофаг 348
30. Pietá 351
31. Проблема электроснабжения 354

ОПЕРАЦИИ
32. Здесь никого, кроме нас, роботов 357
33. Солнечная активность 359
34. Шторм 363

35. Артефакт 365
36. Последний ланч 370
37. Воскрешение 377

ФИНАЛ

38. Восемь баллов по шкале Рихтера 383
39. Сын-вундеркинд 387
40. Инспекционный маршрут 393
41. Свободное всплытие 396
42. Вилла на закате 397
43. Экзорцизм 398
44. Эпилог: Глубины времени 400

Источники информации и признательность 403
Приложение: Цвета бесконечности 411

МОЛОТ ГОСПОДЕНЬ

(Перевод Е. Кисленковой)

ЧАСТЬ I

Встреча первая 425
1. Из Африки 425
2. Свидание с Кали 428
Встреча вторая 432
Космический патруль 433
3. Камни с неба 434
Встреча третья 436
4. Смертный приговор 437
5. «Атлант» 439
6. Сенатор 440
7. Ученый 442

ЧАСТЬ II

8. Случайность и предопределение 446
9. Залив Радуги 452
10. Машина для жилья 466
11. Прощание с Землей 469
12. Пески Марса 472
13. Саргассы в космосе 478
14. Любитель 481

ЧАСТЬ III

15. Пророчица 490
16. Канал связи с раем 493

17. Энциклика 497
18. «Эскалибур» 499
19. Неожиданный ответ 502
20. Перерожденные 503

ЧАСТЬ IV

21. Дежурство 508
22. Будни 510
23. Тревога 517
24. Увольнение на берег 519
25. Станция «Европа» 527

ЧАСТЬ V

26. Ускоритель масс 534
27. Генеральная репетиция 538
28. День рождения 544
29. Астропол 549
30. Диверсия 550
31. Сценарий 552

ЧАСТЬ VI

32. Мудрость Давида 554
33. Спасение груза 557
34. Чрезвычайный план 559
35. Избавление 562
36. Непредвиденное 563
37. Стромболи 565
38. Окончательный диагноз 568
39. Референдум 572
40. Пробоина 573

ЧАСТЬ VII

41. Командное решение 576
42. Дезертирство 578
43. Огонь по своим 579
44. Закон Мерфи 581
45. Невозможное небо 583
46. Финал 586
Встреча четвертая 588

Источники информации и признательность 589